This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

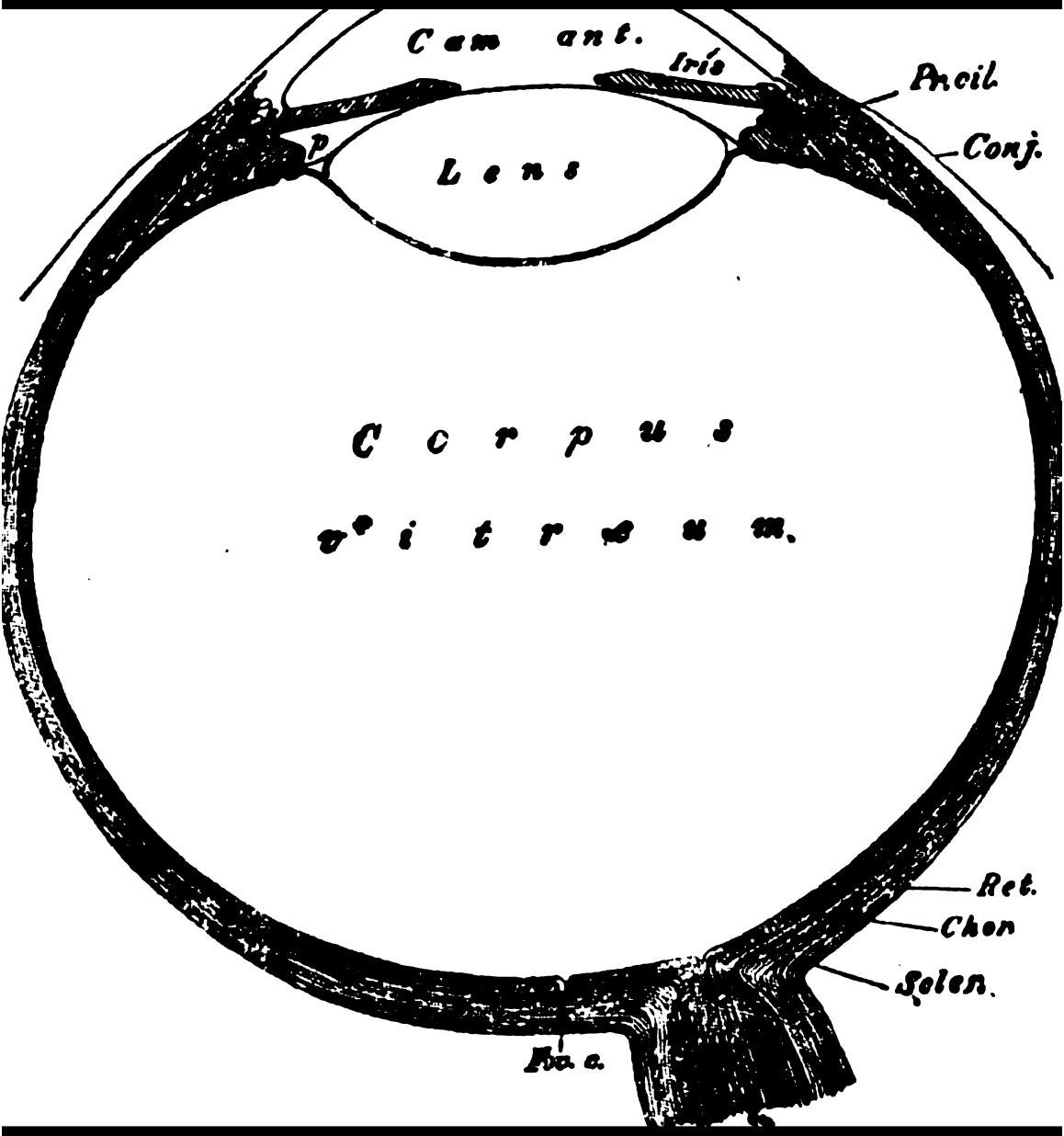
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Zapiski Istoriko-filologicheskago ...

Imperatorskīĭ sanktpeterburgskīĭ universitet. Istoriko-filologicheskīĭ fakul'tet

Digitized by Google

P Slav 424.50 (39)

~~THE SLAVIC COLLECTION~~

Harvard College Library

~~GIFT OF~~

By Exchange

16 Apr 1897

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

HARVARD COLLEGE

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ XXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

Digitized by Google

Digitized by Google

+ 1 +

Zapiski Istoriko-Filologičeskago Fakul'teta Imperatorskago S. Peterburgskago Universiteta

Č. LXXXIX.

Prof. James Textbook of Psychology, translated into Russian by

I. Lapšin.

St. Petersburg 1896

Digitized by Google

Digitized by Google

St. Petersburg - Univ. - Ist.-filol. fakultet

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ XXXIX.

William James.
Психологія. Translated by I. I. Лапшинъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

Digitized by Google

Slav 20.4.39
Phil 5249.2.13
Slav 20.4.39
PSlav 424.50 (39)
Harvard College Library
By Exchange,
Apr. 16, 1897.

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать дозволяется. 19 іюня 1896 г.

Деканъ И. Помяловскій.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Приготовляя къ печати настоящее сокращеніе моего большого труда: «Основанія Психологіи», я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дать учебникъ психологіи, годный для класснаго употребленія. Для этой цѣли я выпустилъ изъ большого моего труда цѣлыя главы, другія же переработалъ совершенно заново. Я выпустилъ всю историческую и полемическую часть труда, всѣ метафизическія разсужденія, всѣ мѣста чисто философскаго характера, большую часть цитатъ и ссылокъ на другія книги и всѣ не относящіяся прямо къ дѣлу подробности моего болѣе обширнаго труда, предоставляя преподавателю психологіи самому пользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ по мѣрѣ надобности при чтеніи лекцій. Зная, какъ плохо знакома съ физіологіей большая часть учащейся молодежи, я счелъ нужнымъ посвятить нѣсколько главъ описанію органовъ чувствъ и мозга. Я полагаю, что сдѣланныя мною сокращенія въ критической части труда и болѣе упрощенный и догматическій способъ изложенія способствовали большей ясности въ развитіи моей общей точки зрѣнія на психологію, какъ на «естественную науку». Около двухъ пятыхъ книги или написаны вновь, или заново переработаны, остальное скомпилировано изъ моего большого труда. Я жалѣю, что мнѣ не удалось добавить главъ: «*Объ удовольствіи и боли*», «*Объ эстетическомъ чувствѣ*» и «*О нравственномъ чувствѣ*». Можетъ быть, мнѣ удастся заполнить этотъ пробѣлъ въ слѣдующемъ изданіи, если только въ немъ когда-нибудь представится надобность.

Digitized by Google

Не могу не воспользоваться этимъ предисловіемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу способа сочиненія: «Основаній Психологіи». Огромное большинство моихъ критиковъ отнеслись ко мнѣ такъ снисходительно, что мнѣ остается только сердечно благодарить ихъ, но всѣ они сходились въ одномъ общемъ упрекѣ, именно, по ихъ мнѣнію, изложеніе мое безпорядочно и расположеніе главъ слишкомъ искусственно. «Этотъ недостатокъ извинителенъ, прибавляли они, такъ какъ данное сочиненіе состоитъ, по большей части, изъ собранія журнальныхъ статей и потому не можетъ отличаться такою систематичностью, какой можно требовать отъ цѣльнаго, заразъ написаннаго труда». По моему, и упрекъ, дѣлаемый мнѣ, несправедливъ, и оправданіе его неосновательно. Порядокъ изложенія, безъ сомнѣнія, нѣсколько нестроенъ: вѣдь, не даромъ большинству критиковъ этотъ недостатокъ книги бросился въ глаза. Но сказать, что въ книгѣ нѣтъ общаго плана, мнѣ кажется, нельзя, такъ какъ я преднамѣренно держался при изложеніи порядка, наиболѣе удобнаго въ педагогическомъ отношеніи, переходя постепенно отъ наиболѣе конкретныхъ, непосредственно извѣстныхъ всякому человѣку душевныхъ состояній къ такъ называемымъ элементамъ, съ которыми мы знакомимся позднѣе путемъ абстракціи. Обратный порядокъ изложенія, при которомъ постепенно «конструируютъ» сложныя состоянія сознанія изъ «элементарныхъ психическихъ единицъ», даетъ возможность сообщить изложенію болѣе изящную форму и раздѣлить всю книгу на ясно разграниченные другъ отъ друга отдѣлы; но эти преимущества изложенія нерѣдко пріобрѣтаются путемъ искаженія дѣйствительныхъ фактовъ. Я готовъ допустить, что мой «синтетическій» порядокъ изложенія устанавливался мною, такъ сказать, на ощупь. Но я поступалъ такъ въ силу соображеній, которыя вынуждали меня признавать подобный образъ дѣйствія педагогически необходимымъ. Вообще, наперекоръ моимъ критикамъ, я склоненъ думать, что упрекъ въ «несистематичности» изложенія въ данномъ случаѣ не есть упрекъ по существу дѣла, такъ какъ мы получаемъ живое пониманіе душевныхъ явленій, удерживая наше вниманіе какъ можно дольше на конкретныхъ состояніяхъ нашего сознанія во всей ихъ цѣльности, между тѣмъ какъ анализъ психическихъ «элементовъ» есть, такъ сказать, анализъ *post mor-*

Digitized by Google

tem. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ жизненными явленіями, а съ искусственными абстракціями *).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, правы ли критики мои въ первомъ упрекѣ, сдѣланномъ ими, или нѣтъ, я долженъ сказать, что они неправы во взглядѣ на отношеніе моихъ журнальныхъ статей къ моей книгѣ. За единственнымъ исключеніемъ, всѣ главы моихъ «Основаній Психологіи» были написаны первоначально прямо для книги, и только впослѣдствіи, не предвидя окончанія работы, я напечаталъ нѣкоторыя изъ этихъ главъ въ журналахъ. Безъ сомнѣнія, я не съумѣлъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, моимъ матеріаломъ, но было бы несправедливо упрекать меня въ томъ, что при составленіи моихъ «Основаній Психологіи» я не приложилъ всѣхъ возможныхъ усилій для наиболѣе добросовѣстнаго выполненія моего труда.

---

*) Въ настоящей книгѣ я удѣлилъ такъ много мѣста подробному описанію «ощущеній», что, слѣдуя установившемуся обычаю, помѣщаю эти главы въ началѣ, хотя я вовсе не убѣжденъ, что такой порядокъ изложенія по существу самый лучшій. Теперь (когда уже поздно измѣнять порядокъ главъ) я чувствую, что главы: «*Объ ощущеніяхъ движенія*», «*Объ инстинктѣ*» и: «*Объ эмоціяхъ*» должны ради цѣлей преподаванія немедленно слѣдовать за главой: «*О привычкѣ*», и что глава: «*О мышленіи*» должна быть помѣщена гораздо раньше, пожалуй тотчасъ же вслѣдъ за главою: «*О личности*». Я совѣтую преподавателямъ психологіи придерживаться именно такого порядка, не взирая на то обстоятельство, что глава: «*О мышленіи*» будучи переставлена на новое мѣсто, потребуетъ легкой переработки.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая русскимъ читателямъ переводъ «Text-book of Psychology» Джэмса, считаю долгомъ выразить мою глубокую благодарность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, оказавшему мнѣ матеріальную помощь при изданіи настоящей книги, профессору Александру Ивановичу Введенскому, давшему мнѣ множество цѣнныхъ указаній при переводѣ Джэмса, и Михаилу Николаевичу Римскому-Корсакову, взявшему на себя редактированіе физіологическаго отдѣла (главы III, IV, V, VI, VII и VIII) книги.

«Психологія» Джэмса, не смотря на небольшой размѣръ, представляетъ довольно полный курсъ опытной психологіи, но, давая *сводъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ привели психологическія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ*, она не даетъ почти никакой характеристики тѣхъ *методовъ психологическаго экспериментированья*, при помощи которыхъ добывались и добываются многіе изъ этихъ результатовъ. Этотъ пробѣлъ въ «Психологіи Джэмса» можетъ быть восполненъ книгою Бинэ: «Введеніе въ экспериментальную психологію», только-что переведенною на русскій языкъ Е. И. Максимовой.

Digitized by Google

Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джэмса.

I. Отношеніе философскихъ критиковъ къ Джэмсу.—II. Господствующія идеи въ психологическихъ трудахъ нынѣшняго столѣтія.—III—VI. Отношеніе къ нимъ Джэмса.—Теорія знанія Джэмса.—VII. Отношеніе Джэмса къ психофизикѣ.—VIII—IX. Ученіе Джэмса о личности.—X. Теорія вниманія Джэмса.—XI. Ученіе Джэмса о различеніи.—XII. Ученіе Джэмса о воспріятіи пространства.—XIII. Взглядъ Джэмса на природу эмоціи.—XIV. Ученіе Джэмса о волѣ.—XV. Общіе результаты, къ которымъ приводитъ въ психологіи примѣненіе естественно-историческаго метода Джэмса.—Джэмсъ и Сталло, какъ представители научно-философскаго критицизма.

I.

Главный трудъ американскаго ученаго Джэмса подъ заглавіемъ: «Основанія психологіи» появился въ 1890-мъ году. Два года спустя вышла въ свѣтъ его «Психологія» («Text Book of Psychology» или «Psychology»), представляющая въ нѣкоторой переработкѣ сокращеніе «Основаній психологіи». Оба сочиненія были привѣтствованы философскими критиками, какъ крупный вкладъ въ современную психологическую литературу. Селли въ журналѣ: «Mind» говоритъ, что Джэмсъ, написавъ «Principles of Psychology», «совершилъ дѣло великой важности» (has done «the big thing»), и характеризуетъ автора этой книги, какъ глубокаго и оригинальнаго мыслителя [1]). По словамъ Мариллье, въ «Revue philosophique» [2]), главномъ органѣ французскаго позитивизма,

---

[1]) «Mind», v. XVI, 1891. Въ журналѣ: «Mind» Джэмсомъ были помѣщены слѣдующія статьи, часть которыхъ вошла въ его «Основанія психологіи»:

Автоматы ли мы? IV (1879).
Чувство раціональности. V.
О нѣкоторыхъ гегелизмахъ. VII.
О нѣкоторыхъ пробѣлахъ въ психологіи самонаблюденія. IX.
Что такое эмоція? X.
О функціи познаванія. X.
Воспріятіе пространства. XII.
Психологія вѣры (belief). XIV.
Чувство усилія. V.
Абсолютизмъ и эмпиризмъ. IX.
Замѣтка о проф. Штумпфѣ. XII.
«Психологическая теорія протяженія». XIV.
Конгрессъ физіологической психологіи въ Парижѣ. XIV. (1889).

Нѣкоторыя части «Основаній психологіи» въ непереработанномъ видѣ печатались въ американскомъ «Journal of Speculative Philosophy», въ «Popular Science Monthly» и въ «Scribner's Magazine».

[2]) Revue philosophique, 1892. Мариллье сообщаетъ, что «Text Book» Джэмса переводится на французскій языкъ.

Digitized by Google

оба труда Джэмса взятые вмѣстѣ представляютъ «самое выдающееся произведеніе психологической литературы за послѣдніе двадцать лѣтъ; это—одновременно наиболѣе полный и точный инвентарь того, что мы *знаемъ* въ области психологіи, и совокупность теорій, которыя слѣдуетъ признать одними изъ наиболѣе новыхъ и оригинальныхъ за послѣдніе полвѣка». Дориакъ въ «Année philosophique» [1]) (органѣ французскаго критицизма) говоритъ, что «Principles of Psychology» «обезпечиваютъ ихъ автору одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ не среди представителей (этого мало было бы сказать), но среди просвѣтителей современной мысли». Такое единодушіе въ одобреніи критиковъ, принадлежащихъ различнымъ философскимъ направленіямъ, показываетъ, что психологическія заслуги Джэмса важны сами по себѣ независимо отъ той философской теоріи, съ точки зрѣнія которой мы будемъ оцѣнивать ихъ значеніе. Можно ли, однако, заключить отсюда, что Джэмсъ—эмпирикъ-психологъ par excellence, относящійся совершенно безразлично къ соприкасающимся съ психологіей проблемамъ теоріи знанія и ограничивающійся простымъ конкретнымъ описаніемъ душевныхъ явленій и вскрытіемъ закономѣрной связи между ними? Джэмсъ, повидимому, устанавливаетъ именно такую точку зрѣнія на психологію. Для него психологія—естественная наука; она принимаетъ на вѣру положенія, заимствуемыя изъ другихъ наукъ, (напримѣръ, изъ химіи, изъ біологіи), и сверхъ того принимаетъ, какъ данный, не подлежащій сомнѣнію фактъ, существованіе «состояній сознанія». Задача психолога-натуралиста сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы установить закономѣрность въ области душевныхъ явленій (путемъ непосредственнаго самонаблюденія) и уяснить связь этихъ явленій съ обусловливающими ихъ физіологическими процессами. Такое стремленіе къ чистой эмпиріи замѣчается во всѣхъ сочиненіяхъ Джэмса, и въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что Джэмсъ—психологъ-эмпирикъ, ограничивающійся простымъ констатированіемъ закономѣрности въ душевныхъ явленіяхъ. Но въ то-же время психологическіе труды Джэмса связаны съ извѣстнымъ философскомъ міросозерцаніемъ. Въ виду этого мы должны видѣть во взглядѣ Джэмса на психологію, какъ на чисто естественную науку, относящуюся безразлично къ вопросамъ теоріи знанія, просто стремленіе рѣзко отдѣлять изслѣдуемые факты отъ ихъ философскаго истолкованія. Это стремленіе выгодно отличаетъ Джэмса отъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе крупныхъ психологовъ нашего вѣка, напримѣръ, отъ Спенсера, Вундта, Гербарта, и другихъ [2]). Развивая

---

[1]) Année philosophique, 1891. L. Dauriac: Du positivisme en psychologie à propos des «Principes de psychologie» de M. William James. p. 209.

[2]) Важнѣйшія психологическія сочиненія Спенсера и Вундта давно переведены на русскій языкъ. Только-что вышелъ очень точный переводъ психологическихъ сочиненій Гербарта: «Психологія Гербарта» пер. А. П. Нечаева. 1896 г.

Digitized by Google

свое философское міровоззрѣніе рядомъ съ психологическими изслѣдованіями, Джэмсъ почти никогда не искажаетъ фактовъ во имя своихъ философскихъ взглядовъ. Такое критическое умѣнье отдѣлять метафизическія предпосылки отъ непосредственныхъ данныхъ опыта выработалось въ Джэмсѣ несомнѣнно подъ вліяніемъ изученія критической философіи. Джэмсъ долгое время принималъ участіе во французскомъ органѣ критицизма: «La critique philosophique», издававшемся Ренувье и Пиллономъ, нынѣшнимъ редакторомъ «Année philosophique». Свой большой трудъ («Основанія психологіи») Джэмсъ посвятилъ Пиллону «въ знакъ благодарности за то, чѣмъ онъ обязанъ органу: «Critique philosophique», и Марильле въ своей рецензіи на «Principles of Psychology» замѣчаетъ, что Джэмсъ можетъ быть названъ послѣдователемъ критической философіи, хотя и пользующимся большою независимостью въ своихъ взглядахъ. Посмотримъ же, въ чемъ заключается самобытность психологическихъ воззрѣній Джэмса, и въ какой мѣрѣ эти воззрѣнія связаны съ его философскимъ міросозерцаніемъ.

II.

Если мы постараемся вникнуть въ духъ наиболѣе выдающихся въ нынѣшнемъ столѣтіи *систематическихъ* трудовъ по психологіи, то намъ нетрудно будетъ подмѣтить въ нихъ нѣкоторыя особенности, которыя дадутъ намъ возможность подраздѣлить ихъ на двѣ характерныхъ группы.

Къ одной группѣ относятся системы эволюціонной психологіи, которыя руководствуются слѣдующими предпосылками. *Я* и *Не-Я* суть двѣ стороны одного и того же Непознаваемаго—матеріальнаго міра, изъ котораго они дифференцировались въ силу законовъ эволюціи. Сознаніе есть, по всей вѣроятности, продуктъ матеріальныхъ органическихъ факторовъ. Организмъ отъ абсолютной безсознательности переходитъ постепенно къ опредѣленному раздѣленію на субъектъ и объектъ въ глухомъ ощущеніи сопротивленія, но это простѣйшее ощущеніе не облечено еще ни въ какія опредѣленныя формы интуиціи. Движеніе одушевленнаго (одареннаго способностью къ смутнымъ ощущеніямъ) организма мало-по-малу путемъ развитія порождаетъ интуицію временной смѣны. Позже, при помощи мышечныхъ ощущеній и извѣстной комбинаціи ихъ съ осязательными, изъ идеи смѣны порождается въ животномъ идея сосуществованія и, такимъ образомъ, возникаетъ идея пространства. Такимъ путемъ изъ безразличія субъектъ-объекта образуется постепенно *Я*, сознаніе, противополагающее себѣ *Не-Я*, какъ внѣшнюю причину ощущеній, и познающее внѣшній міръ въ формахъ интуиціи—въ пространствѣ и времени. Слѣдовательно, тѣ

Digitized by Google

всеобщія и необходимыя условія, тѣ *формы*, въ которыхъ мы познаемъ внѣшній міръ, суть продуктъ органическаго развитія, результатъ постепенной дифференціаціи субъектъ-объекта, единаго Непознаваемаго. Онѣ всеобщи и необходимы для насъ, но онѣ не были таковыми для иныхъ живыхъ существъ—нашихъ далекихъ предковъ. Не только формы опыта, но и все чувственное его *содержаніе*, все многообразіе ощущеній, чувствованій и волевыхъ импульсовъ дифференцировалось изъ простѣйшихъ элементарныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ возбужденію элементарной физіологической единицы—нервной клѣтки. Послѣдовательный эволюціонистъ-психологъ въ правѣ сказать: «Дайте мнѣ простѣйшее элементарное ощущеніе—атомъ душевной жизни, и я изъ совокупности подобныхъ однородныхъ психическихъ атомовъ построю передъ вами все безконечное качественное разнообразіе человѣческаго сознанія».

Къ другой группѣ относятся системы, руководствующіяся аналогичными предпосылками, но заключающія въ себѣ болѣе раціоналистическихъ, чѣмъ эмпирическихъ элементовъ. Съ точки зрѣнія представителей этихъ системъ, *Я* и *Не-Я*, духъ и матерія суть двѣ стороны одного и того же субъектъ-объекта. Но сознаніе не есть продуктъ матеріальныхъ факторовъ: наоборотъ, внѣшній міръ есть внѣ-временной продуктъ духовнаго начала. И формы, и содержаніе душевной жизни человѣка могутъ быть послѣдовательно выведены изъ безразличія субъектъ-объекта рядомъ постепенныхъ незамѣтныхъ переходовъ. Пространство, время, категоріи разсудка, душевныя способности—все это продукты (не во временномъ, а въ логическомъ смыслѣ) комбинацій нѣкоторыхъ простѣйшихъ логическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, все многообразіе душевной жизни человѣка можно «конструировать» въ стройную систему, гдѣ каждая низшая ступень логически необходимо обусловливаетъ высшую.

Изъ сказаннаго ясно, что обѣ группы психологическихъ системъ, различаясь во многихъ отношеніяхъ до полной противоположности, сходны: 1-хъ), въ томъ, что выводятъ противоположность духа и матеріи, сознательнаго и безсознательнаго изъ нѣкотораго высшаго начала, понимаемаго одними, какъ нѣчто матеріальное, другими—какъ нѣчто духовное; 2-хъ), въ томъ, что качественно разнообразное *содержаніе* душевной жизни пытаются вывести однѣ—изъ совокупности элементарныхъ однородныхъ психическихъ единицъ—атомовъ душевной жизни, другія — изъ элементарныхъ логическихъ принциповъ; и 3-хъ), въ томъ, что необходимыя и всеобщія формы интуиціи и категоріи разсудка и тѣ, и другія пытаются вывести изъ единаго начала: изъ первоначальнаго безразличія субъектъ-объекта. Джэмсъ предпринимаетъ энергичную борьбу противъ первыхъ двухъ положеній и, принимая третье, придаетъ ему совершенно своеобразное толкованіе причемъ имѣетъ въ

Digitized by Google

виду главнымъ образомъ эволюціонную психологію и въ частности «Principles of Psychology» Спенсера, хотя возраженія его распространяются отчасти и на представителей второй группы психологическихъ системъ, напримѣръ, на Гегеля [1]).

III.

А) Прежде всего Джэмсъ указываетъ на полнѣйшую непонятность мысли о происхожденіи сознанія изъ матеріальныхъ факторовъ, мысли, которая владется эволюціонистами-психологами въ основаніе ихъ ученія. «Если органическая эволюція есть непрерывный процессъ—говоритъ онъ—то сознаніе въ той или въ другой формѣ должно было быть на-лицо съ самаго начала эволюціи» [2]). Мысль о возможности возникновенія сознательнаго изъ безсознательнаго, одушевленнаго изъ неодушевленнаго, по мнѣнію Джэмса, есть результатъ неясной терминологіи тѣхъ мыслителей, которые до нея договариваются. Джэмсъ указываетъ [3]) на то, что Спенсеръ неразъ высказывалъ подобную мысль, пользуясь двусмысленностью термина «нарождающееся сознаніе» («nascent» consciousness), и находитъ, что подобная *скандальная туманность* мысли ничѣмъ не можетъ быть оправдана [4]). «Слово «нарождающееся» значитъ не *вполнѣ* народившееся и какъ-бы образуетъ родъ моста между бытіемъ и небытіемъ. Но это—простая игра словъ... Дѣвушка въ «Midshipman Easy» не могла оправдаться въ томъ, что родила ребенка, говоря: «Онъ былъ такъ малъ!». Также и сознаніе, какъ бы ни была мала его степень, есть незаконное дѣтище во всѣхъ тѣхъ философскихъ системахъ, которыя не принимаютъ его за исходный пунктъ и въ то-же время воображаютъ, будто могутъ объяснить всѣ міровыя явленія путемъ непрерывной эволюціи» [5]).

Не допуская возможности происхожденія сознанія изъ безсознательныхъ факторовъ, Джэмсъ за одно съ Локкомъ и Кантомъ отвергаетъ и существованіе такъ называемыхъ *безсознательныхъ представленій* на-ряду съ сознательными. Мысль Лейбница, что minimum visibile, audabile etc. должно состоять изъ душевныхъ элементовъ, которые, однако, порознь не сознаются нами, Джэмсъ разсматриваетъ, какъ прекрасный образчикъ логической ошибки, извѣстной подъ именемъ «fallacium divisionis»: изъ того, что части минимальнаго раздраженія не сознаются нами, вовсе не слѣдуетъ,

---

[1]) Рѣзкой критикѣ діалектическаго метода Гегеля посвящена статья Джэмса въ «Mind'ѣ», VII: On some hegelisms.
[2]) Pr. of Ps., I, 149.
[3]) Pr. of Ps., I, 149.
[4]) Pr. of Ps., I, 148.
[5]) Pr. of Ps., I, 149.

Digitized by Google

чтобы имъ соотвѣтствовалъ какой-либо безсознательный душевный процессъ. Превращеніе сознательныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій въ автоматическіе акты, дѣйствія, совершаемыя сомнамбулами, загипнотизированными субъектами и т. п., дѣйствія, о которыхъ, по возвращеніи этихъ субъектовъ въ нормальное состояніе, у нихъ не сохраняется никакихъ воспоминаній, наличность у людей и у животныхъ инстинктовъ, назначеніе которыхъ невсегда сознается ими, и многія другія душевныя явленія могутъ быть объяснены безъ помощи гипотезы о безсознательныхъ представленіяхъ, да и самая эта гипотеза непонятна [1]).

IV.

Б) Равнымъ образомъ непонятна и ничего не объясняетъ столь излюбленная современными психологами мысль о томъ, что все качественное разнообразіе нашей душевной жизни сводится къ сочетанію однородныхъ психическихъ элементовъ—атомовъ душевной жизни. Джэмсъ настаиваетъ на томъ, что образованіе сложныхъ ощущеній изъ простѣйшихъ есть невозможный психическій процессъ; что всякое душевное состояніе, взятое какъ конкретное цѣлое, есть нѣчто первично-данное, неразложимое ни на какія элементарныя психическія единицы; что самое понятіе подобной единицы есть фикція, которой психологія не имѣетъ права пользоваться. Мысль о томъ, что наши ощущенія представляютъ нѣчто сложное [2]), по словамъ Джэмса, была впервые высказана въ очень опредѣленной формѣ Адольфомъ Фикомъ въ 1862-мъ г. «Онъ дѣлалъ опыты, пытаясь опредѣлить способность различенія въ термическихъ и осязательныхъ ощущеніяхъ; для этой цѣли онъ раздражалъ весьма незначительную часть кожи черезъ отверстіе, сдѣланное въ кускѣ картона, который защищалъ остальныя части

---

1) Pr. of Ps., I, 162.

2) Взглядъ на ощущеніе, какъ на нѣчто составленное изъ безсознательныхъ простѣйшихъ «элементовъ мысли», Джэмсъ называетъ «*mind-stuff theory*». Трудно переводимый терминъ *mind-stuff*, означающій «матеріалы для сознанія», элементы, не сознаваемые непосредственно, но могущіе стать объектами сознанія, былъ, насколько мнѣ извѣстно, впервые употребленъ В. К. Клиффордомъ. Согласно Клиффорду, кромѣ понятій познающаго субъекта и познаваемаго объекта, въ психологію нужно ввести промежуточное понятіе Ejecta для такихъ душевныхъ состояній, которыхъ мы не сознаемъ непосредственно, но о существованіи которыхъ мы тѣмъ не менѣе дедуктивно заключаемъ—таковы такъ называемыя безсознательныя представленія, таково для каждаго изъ насъ чужое одушевленіе. Простѣйшіе «эйективные» элементы сознанія, изъ совокупности которыхъ слагаются наши ощущенія, Клиффордъ и называетъ *mind-stuff*. См. *W. K. Clifford*: Lectures and Essays, 2 vv, (London. Macmillan, 1879), а также: *R. P. Gruber*: *Le positivisme depuis Comte jusqu'à nos jours*, переводъ съ нѣмецкаго Malcyer, стр. 270 — *д.*

Digitized by Google

руки, и нашелъ, что при такихъ условіяхъ испытуемый субъектъ нерѣдко смѣшиваетъ оба вида ощущеній; отсюда онъ заключилъ, что въ данномъ случаѣ число ощущеній, вызываемыхъ въ элементарныхъ нервныхъ волокнахъ, было слишкомъ мало, чтобы слагаясь породить то или другое опредѣленное ощущеніе». Но на самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ никакой надобности предполагать въ элементарныхъ нервныхъ волокнахъ наличность простѣйшихъ ощущеній, изъ сложенія коихъ получаются сложныя ощущенія термическія и болевыя: достаточно предположить, что качественно различнымъ ощущеніямъ соотвѣтствуютъ различные по интенсивности физіологическіе процессы [1]). Подобнаго рода психическій атомизмъ, *теорія психическихъ пылинокъ*, какъ выражается Джэмсъ, пользуется широкимъ распространеніемъ. Плодотворность атомистической гипотезы въ химіи, гдѣ качественное разнообразіе тѣлъ сводится на количественное различіе атомныхъ вѣсовъ, сдѣлала для многихъ психологовъ соблазнительной мысль разсматривать качественное разнообразіе ощущеній, какъ комплексы простѣйшихъ однородныхъ ощущеній. Такъ дѣлалъ Льюисъ, предполагая, что простѣйшему біологическому элементу *біопласмъ* соотвѣтствуетъ простѣйшій психическій—*психопласма* [2]). Подобныя же мысли высказывали Махъ, Спенсеръ и Тэнъ. По Джэмсу, вмѣсто того, чтобы синтетически построять душевную жизнь изъ воображаемыхъ психическихъ атомовъ, «какъ дома составляютъ изъ склеиванія отдѣльныхъ кирпичей», нужно придерживаться аналитическаго метода непосредственнаго самонаблюденія и изучать душевныя явленія во всей ихъ конкретной цѣльности въ связи съ обусловливающими ихъ физіологическими процессами. Стремленія психологовъ выдумывать мнимыя «простѣйшія» ощущенія для объясненія «сложныхъ» было почти одновременно съ Джэмсомъ прекрасно охарактеризовано Фолькельтомъ (1886. Philosophische Monatshefte). Къ числу подобныхъ: «Erfundene Empfindungen» Фолькельтъ относитъ: *мѣстные знаки* Лотце, *чувство иннерваціи* Гельмгольца, *нервные толчки* Штрикера etc. И Фолькельтъ, и Джэмсъ указываютъ одинаковыя причины для подобныхъ непозволительныхъ психологическихъ фикцій: 1-хъ), смѣшеніе физіологическихъ элементовъ съ психическими, 2-хъ), пренебреженіе методомъ непосреднаго самонаблюденія, который долженъ быть основнымъ въ психологіи.

---

[1]) Pr. of Ps., I, 150.

[2]) Подобныя же идеи положены въ основаніе «клѣточной психологіи» Геккеля. «*Клѣточная душа*» у Геккеля, «*идея-сила*» у Фуйлье—все это разновидности понятія психическаго атома.

Digitized by Google

V.

В) Какъ относится Джэмсъ къ эволюціонной теоріи происхожденія всеобщихъ и необходимыхъ *формъ* человѣческаго познанія? Этотъ вопросъ сводится къ другому: какова теорія знанія у Джэмса? Я уже сказалъ, что Джэмсъ предполагаетъ сознаніе въ той или другой формѣ даннымъ въ самомъ началѣ эволюціи. Но сознаніе предполагаетъ извѣстный объектъ, въ немъ надо различать двѣ стороны: объективную реальность, о которой намъ даютъ знать наши ощущенія, и тотъ субъектъ, который воспринимаетъ совокупность ощущеній. По мнѣнію Джэмса, всю психологію долженъ проникать насквозь *дуалистическій взглядъ* [1]). Но психологическій дуализмъ Джэмса не есть та мысль, которая характеризуетъ критическую точку зрѣнія, мысль, что познающій субъектъ и познаваемый объектъ суть просто неотдѣлимыя другъ отъ друга *формы*, въ которыя облеченъ міръ явленій, формы, не имѣющія никакого значенія внѣ заполняющаго ихъ содержанія. Джэмсъ *гипотетически* принимаетъ на вѣру *существованіе міра матеріи*, независящаго отъ нашего сознанія, и *субстанціальность души*, какъ психическаго начала, независящаго отъ отдѣльныхъ нашихъ душевныхъ состояній, возвышающагося надъ ними. Такимъ образомъ, исходная точка зрѣнія Джэмса въ теоріи знанія есть *гипотетическій дуализмъ*. Этотъ гипотетическій дуализмъ строго выдерживается Джэмсомъ въ его психологіи, за исключеніемъ одного пункта, о которомъ рѣчь будетъ ниже [2]). Принимая познающій субъектъ и познаваемый объектъ за нѣчто первично данное въ началѣ эволюціи, Джэмсъ полагаетъ, что всѣ необходимые формы и законы человѣческаго духа (необходимые и въ логическомъ, и въ психологическомъ, и въ этическомъ смыслѣ) выработались постепенно, развились во времени, и въ этомъ отношеніи Джэмсъ нисколько не отступаетъ отъ Спенсера и другихъ эволюціонистовъ, но его теорія отличается отъ общераспространеннаго эволюціонизма въ трехъ пунктахъ: 1-хъ), въ томъ, что ученіе о происхожденіи формъ нашей психики онъ рѣзко выдѣляетъ изъ области чисто психологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ разсматривается лишь человѣческое сознаніе, какимъ оно является для насъ въ настоящее время: его теорія *психогенезиса* изложена въ заключительной главѣ: «Основаній психологіи» и представляетъ собою гипотезу, истинность или ложность которой не измѣняетъ значенія остальныхъ выводовъ его психологіи; 2-хъ), все-

[1]) Pr. of Ps., I, 219.
[2]) См. стр. 32-ю.

Digitized by Google

общимъ и необходимымъ формамъ мысли Джэмсъ придаетъ абсолютное значеніе: онѣ для него, какъ и для Локка, veritates aeternae, имѣютъ значеніе, даже не будучи нигдѣ осуществлены, онѣ—вѣчныя истины не въ смыслѣ сверхъопытнаго происхожденія, а въ томъ смыслѣ, что, разъ будучи поняты, онѣ необходимо вызываютъ въ насъ согласіе, 3-хъ), всеобщія и необходимыя формы мысли произошли «изъ опыта», но не тѣмъ путемъ, какимъ думаютъ эволюціонисты и въ частности Спенсеръ. Прежде всего постараемся выяснить, что̀ понимаетъ Джэмсъ подъ *апріорными элементами* познанія. Для Канта, утвердившаго въ философіи терминъ «апріорный» въ своеобразномъ значеніи, всеобщія и необходимыя формы познанія не означали нѣкоторыхъ раціональныхъ принциповъ, прирожденныхъ уму. Апріорныя формы для Канта не суть формы только нашего ума: онѣ суть формы всего міра явленій, такъ какъ весь міръ явленій разсматривался Кантомъ, какъ нѣчто всецѣло субъективное, не отдѣлимое отъ нашего ума; вопросомъ же о происхожденіи апріорныхъ формъ Кантъ никогда не задавался и никогда не считалъ ихъ прирожденными, предваряющими внѣшній опытъ идеями. Поэтому для Канта вопросъ о приложимости всеобщихъ и необходимыхъ истинъ ко внѣшнему міру рѣшался очень просто: міръ явленій—міръ насквозь субъективный; слѣдовательно, и всеобщія формы нашего сознанія сохраняютъ все свое значеніе для внѣшняго міра, всецѣло распространяются на него, напримѣръ, математическія истины имѣютъ одинаково абсолютно достовѣрное значеніе, примѣняемъ ли мы ихъ къ міру идеальныхъ построеній, или къ міру реальной дѣйствительности. Для Канта не существуетъ дуализма между внѣшнею природою и необходимыми формами нашего духа: ему нечего заботиться о томъ, чтобы между внѣшнею природою и законами нашего духа существовала предустановленная гармонія, такъ какъ для него природа, какъ нѣчто стоящее внѣ формъ нашего познанія, съ теоретической точки зрѣнія какъ-бы не существуетъ. Для Джэмса терминъ «апріорная форма» имѣетъ совершенно иное значеніе. «Апріорными» истинами Джэмсъ называетъ такія истины, которыя, разъ будучи сознаны нами, необходимо вызываютъ въ насъ согласіе; которыя, возникнувъ въ человѣкѣ опытнымъ путемъ въ теченіе долгой эволюціи человѣческаго существа, въ настоящее время *прирождены* человѣку, составляютъ тѣ логически необходимые законы, при помощи которыхъ человѣкъ мыслитъ и, *какъ таковые, имѣютъ для насъ абсолютное значеніе*, но въ примѣненіи ко внѣшнему міру только болѣе или менѣе вѣроятны. Вѣдь, внѣшній міръ для Джэмса существуетъ независимо отъ нашего сознанія, и тотъ фактъ, что въ силу единообразія законовъ природы логически обязательныя истины находятъ себѣ осуществленіе въ опытѣ, еще не исключаетъ возможности такихъ измѣненій въ ходѣ міровыхъ явленій, которыя сдѣлаютъ для

Digitized by Google

насъ неприложимымъ ко внѣшнему опыту теперешній строй логическихъ и математическихъ истинъ. Отсюда ясно, что Джэмсъ понимаетъ *апріорныя формы и законы*, какъ понималъ Локкъ *вѣчныя истины*, которыя имѣютъ абсолютное значеніе для міра идеальнаго, для сферы мысли, и въ то-же время произошли чисто опытнымъ путемъ и приложимы лишь съ большей или меньшей вѣроятностью къ матеріальному міру. Въ то-же время для Джэмса, какъ и для Спенсера, *апріорное* (прирожденное) для сознанія *индивида* есть *апостеріорное* (происшедшее опытнымъ путемъ) для *вида*. Но, признавая въ высшей степени остроумнымъ и убѣдительнымъ этотъ принципъ эволюціонизма, Джэмсъ придаетъ ему совершенно своеобразное толкованіе: онъ по своему понимаетъ «опытъ». Обыкновенно подъ «опытомъ» разумѣютъ совокупность внѣшнихъ воздѣйствій на нашъ организмъ; согласно терминологіи, установленной Дарвиномъ, эти воздѣйствія совершенствуютъ организмы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи двоякимъ путемъ: 1-хъ), *приспособленіемъ* (adaptation) организма къ окружающимъ условіямъ образованіемъ въ немъ полезныхъ привычекъ, передающихся по наслѣдственности; 2-хъ), *случайнымъ измѣненіемъ* (accidental variation), благодаря которому нѣкоторые индивиды рождаются на свѣтъ со случайными особенностями, сообщающими имъ и ихъ потомству преимущества въ борьбѣ за существованіе [1]). *Первый* видъ воздѣйствія опыта на организмъ—*прямой*: внѣшнія воздѣйствія на нашу психику, проникая *черезъ органы чувствъ*, сознаются и запоминаются нами, какъ таковыя. Второй видъ воздѣйствія—*косвенный*, измѣненія, вызываемыя имъ въ нашей физико-психической организаціи, не сознаются нами, какъ внѣшнія воздѣйствія: эти измѣненія заключаются въ модификаціи молекулярнаго строенія нашего мозга; они не имѣютъ никакой зоологической полезности; имъ не соотвѣтствуетъ никакого объекта въ окружающей насъ обстановкѣ. Такимъ путемъ, по мнѣнію Джэмса, возникли въ насъ, вѣроятно, музыкальность, воспріимчивость къ морской болѣзни и т. п. «Повидимому, высшія (эстетическая, нравственная и умственная) стороны нашей жизни возникли изъ воздѣйствій именно такого побочнаго, случайнаго характера, изъ воздѣйствій, проникшихъ въ наше сознаніе не «по парадной лѣстницѣ» (не черезъ органы чувствъ), а «по черной», или, лучше сказать, не проникавшихъ вовсе извнѣ, а тайно зародившихся «внутри дома». Терминъ «опытъ» Джэмсъ предлагаетъ связывать исключительно съ совокупностью воздѣйствій, проникающихъ въ наше сознаніе «по парадной лѣстницѣ» (черезъ органы чувствъ)—путемъ образованія привычекъ и ассоціацій [2]). Съ точки зрѣнія правовѣрнаго спенсериста, всѣ

[1]) Pr. of Ps., II, 626, 628.
[2]) Pr. of Ps., II, 630, 631.

Digitized by Google

«апріорныя» формы нашего ума возникли изъ «опыта» въ послѣднемъ смыслѣ этого слова. Однообразіе внѣшнихъ воздѣйствій на наше сознаніе въ теченіе безконечно-длиннаго ряда поколѣній установило соотвѣтствующее однообразіе въ формахъ воспринимающаго ума. «Эта мысль, будто внѣшній міръ неизбѣжно строитъ извѣстнаго рода дубликатъ самого себя въ нашемъ сознаніи, лишь бы мы ему дали время, такъ проста и естественна при всей своей туманности, что просто не знаешь, какъ подступить къ ней съ критикой. Одно только во всякомъ случаѣ очевидно, именно: вовсе нѣтъ надобности предполагать, будто тотъ способъ, при помощи котораго мы познаемъ теперь сложные объекты, долженъ хоть сколько-нибудь напоминать тотъ способъ, при помощи котораго въ насъ возникли первичные элементы нашего познанія. Теперь, чтобы въ моемъ умѣ образовалась идея никогда не виданнаго мною животнаго, мнѣ достаточно разъ повидать его, и я при этомъ уже пользуюсь всѣми категоріями ума, при помощи которыхъ я могу познать всѣ отдѣльныя свойства даннаго животнаго (цвѣтъ, форму, размѣры etc.). Я обладаю теперь категоріями для познанія всѣхъ возможныхъ объектовъ. Но тотъ процессъ, при помощи котораго въ моемъ умѣ образовались *самыя категоріи*, могъ быть совершенно инымъ» [1]). Изъ этихъ соображеній Джэмсъ заключаетъ, что опытъ (въ обыденномъ смыслѣ слова) въ смыслѣ внѣшняго воздѣйствія на органы чувствъ ряда поколѣній можетъ такъ же мало объяснить происхожденіе необходимыхъ формъ мысли, какъ и индивидуальный опытъ. Не лучше ли предположить, что необходимыя формы мысли возникли подъ вліяніемъ измѣненій въ молекулярномъ строеніи мозга, измѣненій случайнаго характера и затѣмъ уже *après coup* оказались соотвѣтствующими нѣкоторой реальной дѣйствительности. Почему не могли онѣ быть простыми *идіосинкразіями*, самопроизвольными измѣненіями, оказавшимися по счастливой случайности благопріятными для познанія внѣшнихъ объектовъ, но отнюдь не происходящими какимъ бы то ни было понятнымъ для насъ путемъ отъ непосредственнаго вліянія этихъ внѣшнихъ объектовъ? [2])

VI.

Выяснивъ вкратцѣ отношеніе Джэмса къ наиболѣе распространеннымъ въ сферѣ психологіи метафизическимъ ученіямъ и охарактеризовавъ въ нѣсколькихъ словахъ теорію знанія Джэмса, мы должны задаться вопросомъ: каково значеніе только-что изложен-

[1]) Pr. of Ps., II, 630
[2]) Pr. of Ps., II, 631.

Digitized by Google

ныхъ философскихъ взглядовъ Джэмса для его психологическихъ изслѣдованій? Я уже сказалъ, что Джэмсъ выгодно отличается отъ многихъ другихъ выдающихся психологовъ нашего времени тѣмъ, что рѣзко отдѣляетъ философское истолкованіе душевныхъ явленій отъ ихъ непосредственнаго изученія. Это видно: 1-хъ), изъ его отношенія къ гипотезѣ психологическаго *монизма*: онъ видитъ въ сведеніи душевныхъ и тѣлесныхъ явленій къ общему началу гипотезу (называемую имъ «mind-stuff theory»), не оправдываемую непосредственнымъ внутреннимъ опытомъ, и потому нигдѣ не руководствуется ею при истолкованіи душевныхъ процессовъ (только однажды, какъ мы увидимъ ниже, онъ сбивается на точку зрѣнія матеріалистическаго монизма); 2-хъ), изъ его отрицательнаго отношенія къ ирраціональной *гипотезѣ безсознательныхъ представленій*; 3-хъ), изъ тѣхъ рѣзкихъ нападокъ, которымъ онъ подвергаетъ теорію фиктивныхъ простѣйшихъ ощущеній («Erfundene Empfindungen» Фолькельта), называемую имъ «mind-dust theory», теорію, разсматривающую различные виды ощущеній, какъ сложные комплексы простѣйшихъ психическихъ элементовъ [1]); 4-хъ), изъ того рѣзкаго обособленія, которое дѣлается имъ между областью психологическихъ изслѣдованій развитого ума съ вполнѣ сложившимися, ставшими априорными формами мысли и гипотезой *психогенезиса*, которую онъ выставляетъ, лишь какъ гипотезу, не примѣшивая ее къ истолкованію непосредственно данныхъ состояній человѣческой психики въ ея теперешнемъ видѣ. Такимъ образомъ, основная психологическая заслуга Джэмса заключается въ возстановленіи правъ психолога-натуралиста противъ метафизическихъ претензій различныхъ философскихъ школъ, въ томъ числѣ противъ его собственныхъ метафизическихъ стремленій. Джэмсъ-психологъ и Джэмсъ-философъ представляютъ двѣ почти совершенно самостоятельныхъ личности [2]). Разумѣется, строго выдержать такую обособленность философской точки зрѣнія отъ естественно-исторической крайне трудно, пожалуй, даже совершенно невозможно, и потому насъ не должно удивлять то обстоятельство, что иногда при истолкованіи душевныхъ явленій Джэмсъ-натуралистъ вдругъ превращается въ Джэмса-метафизика; и, если я го-

---

[1]) Превосходный анализъ вопроса о «сложности» ощущеній можно найти у Штумпфа: «Tonpsychologie». Для Штумпфа, какъ и для Джэмса: «Одно ощущеніе не можетъ состоять изъ совокупности другихъ. Еслибы оно могло, то мы непремѣнно могли бы вычесть одно изъ другого и ощущать разность саму по себѣ. Каждое ощущеніе само по себѣ представляетъ недѣлимое цѣлое», стр. 397—399.

[2]) «Подъ большинство психологическихъ гипотезъ Джэмса можно *подсунуть* метафизику, рѣзко отличающуюся отъ его метафизики, не вызвавъ въ нихъ никакой замѣтной перемѣны»... Это обстоятельство, по моему, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ прогрессѣ и указываетъ на то, что психологическія науки вступаютъ въ новый фазисъ развитія».—Marillier. Revue philosophique. 1892.

Digitized by Google

ворю, что метафизическіе взгляды Джэмса рѣзко обособлены отъ чисто психологическихъ, то я хочу этимъ сказать: рѣзко обособлены по сравненіи съ другими выдающимися современными психологами, и въ особенности по сравненіи со Спенсеромъ, главный психологическій трудъ котораго насквозь проникнутъ метафизическими предпосылками его теоріи знанія и натур-философіи [1]).

Посмотримъ теперь, какъ примѣняетъ Джэмсъ свой общій взглядъ на изученіе душевныхъ явленій къ разработкѣ отдѣльныхъ психологическихъ вопросовъ. Я послѣдовательно разсмотрю: отношеніе Джэмса къ вопросу объ измѣреніи ощущеній, его ученіе о личности, его ученіе о различеніи, его отношеніе къ вопросу о происхожденіи идеи пространства, его взглядъ на природу эмоціи и его отношеніе къ вопросу о свободѣ воли.

VII.

Мысль объ измѣреніи ощущеній—мысль не новая. Она, какъ показалъ Ительсонъ въ его интересной статьѣ въ «Archiv für Geschichte der Philosophie» по исторіи психофизики (1893), обсуждалась еще въ XVII-мъ и въ XVIII-мъ вѣкахъ Малебраншемъ (Eclaircissement XI въ: «De la recherche de la vérité»), Плукэ, Галуппи и французскими идеологами и рѣшалась отрицательно. Такое рѣшеніе естественно должно приходить въ голову всякому, разсматривающему ощущенія, какъ непосредственно данный психологическій фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ каждомъ ощущеніи есть количественная сторона (помимо продолжительности)—*интенсивность*, но эта интенсивность не можетъ быть измѣрена непосредственно: 1-хъ), потому что мы не имѣемъ единицы мѣры, при помощи которой мы могли бы измѣрять ее, и 2-хъ), потому что ощущеніе, возрастая въ интенсивности, т. е. *количественно*, въ то-же время отчасти измѣняется и *качественно*. Такимъ образомъ, оставаясь на почвѣ непосредственнаго самонаблюденія, мы навсегда лишены возможности измѣрять наши ощущенія, такъ какъ самая *природа* ощущенія такова, что оно не поддается никакимъ вычисленіямъ. Единственное, что можетъ психологъ сдѣлать,—это опредѣлить, если возможно, тотъ законъ, которому подчинено отношеніе между возрастаніемъ раздраженія (которое можетъ быть точно измѣрено) и возникновеніемъ *едва-замѣтной разницы* въ интенсивности ощущенія. Этотъ законъ, подмѣченный впервые математиками и астрономами (Бернуйлли, Лапласъ, Буге), былъ впервые ясно выраженъ и подтвержденъ экспериментальнымъ путемъ въ области

[1]) Этого не отрицаетъ и Сели, критикъ Джэмса въ «Mind», близкій по воззрѣніямъ къ Спенсеру: «Спенсеръ не всегда такъ остороженъ, какъ могъ бы быть, въ разграниченіи своихъ психологической и философской точекъ зрѣнія».

Digitized by Google

зрительныхъ, осязательныхъ и слуховыхъ ощущеній Э. Вебе ромъ. Согласно закону Вебера, едва-замѣтному приросту въ интенсивности ощущенія соотвѣтствуетъ приростъ въ раздраженіи, находящійся въ постоянномъ отношеніи къ предшествующей величинѣ раздраженія. Легко видѣть, что законъ этотъ, устанавливая косвеннымъ путемъ извѣстную зависимость между возрастаніемъ раздраженія и ощущенія, ровно ничего не говоритъ объ *измѣреніи* ощущенія. Чтобы утверждать, что законъ Вебера даетъ возможность измѣрять ощущенія, нужно предположить (какъ это сдѣлалъ Фехнеръ), что *едва-замѣтные приросты* ощущенія *равны между собой*, а такое предположеніе ровно ни на чемъ не основано.

Усматривая въ законѣ Вебера эмпирическое обобщеніе, важное по своему значенію, Джэмсъ предпринимаетъ энергичную борьбу противъ мысли объ измѣримости ощущеній, а въ частности противъ психофизики Фехнера. Своеобразность того толкованія, которое Фехнеръ даетъ закону Вебера, заключается, по мнѣнію Джэмса, въ слѣдующемъ: 1-хъ), едва-замѣтный приростъ въ ощущеніи есть *единица ощущенія* (sensation unit) и остается таковой во всѣхъ частяхъ скáлы; 2-хъ), всѣ ощущенія представляютъ собою суммы такихъ «единицъ», и, наконецъ, 3-хъ), основаніе, почему едва-замѣтный приростъ ощущенія требуетъ постоянно относительно-равнаго прироста въ раздраженіи, заключается въ верховномъ законѣ, управляющемъ взаимодѣйствіемъ матеріи и духа, въ законѣ, согласно которому величины ощущеній находятся въ логариѳмическомъ отношеніи къ величинамъ внѣшнихъ вызывающихъ ихъ раздраженій: логариѳмъ раздраженія = ощущенію (Psychophysischer Maasformel).

Всѣ эти положенія Фехнера, по мнѣнію Джэмса, крайне неосновательны. При психологическомъ экспериментированіи «психическій фактъ, соотвѣтствующій *увеличенію раздраженія*, не есть *увеличившееся ощущеніе*, но *сужденіе о томъ, что ощущеніе увеличилось*....Фехнеръ тайно, если не явно, предполагаетъ, будто такое *сужденіе о приростѣ ощущенія* заключается въ томъ простомъ фактѣ, что передъ нашимъ сознаніемъ находится *большее число единицъ ощущенія;* и что, такимъ образомъ, самое сужденіе есть количественно большее душевное явленіе, когда оно судитъ о бóльшихъ разностяхъ или о разностяхъ между бóльшими промежутками. Но такія соображенія, въ самомъ дѣлѣ, нелѣпы.... Нѣтъ ровно никакого смысла въ заявленіи, что одно сужденіе больше другого. И даже если мы оставимъ въ сторонѣ сужденія и будемъ толковать объ однихъ только ощущеніяхъ, то, какъ мы уже видѣли, понятіе объ ощущеніяхъ, какъ о совокупностяхъ однородныхъ единицъ, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла... Для самонаблюденія ощущеніе электрическаго свѣта не заключаетъ въ себѣ ощущенія свѣта сальной свѣчи. Мы измѣряемъ

Digitized by Google

отношенія *между ощущеніями*, разстоянія, различія, а не составъ самыхъ качествъ. Но и помимо этихъ общихъ соображеній мысль Фехнера, будто едва-замѣтные приросты въ интенсивности ощущеній равны между собой, ровно ни на чемъ не основана. Почему малый приростъ къ слабому ощущенію не могъ бы быть такъ же едва-замѣтнымъ, какъ значительный приростъ къ очень интенсивному ощущенію? Въ этомъ случаѣ законъ Вебера касался бы не величины самихъ *приростовъ*, но только ихъ замѣтности. «Вся надстройка (superstructure), которую Фехнеръ возводитъ надъ фактами, не только произвольна и субъективна, но и въ высшей степени неправдоподобна». «Конечный результатъ вопроса объ измѣреніи ощущеній, какъ онъ разрѣшается съ точки зрѣнія Фехнеровской теоріи, сводится къ *нулю*». Въ виду этого обстоятельства, мысль Гербарта и Фехнера объ измѣреніи ощущеній и объ ихъ сложности не можетъ быть принята, даже какъ научная фикція, какъ регулятивная гипотеза, въ виду полнѣйшей своей безплодности. «Maasformel Фехнера въ качествѣ конечнаго психофизическаго закона останется наилучшимъ примѣромъ научнаго заблужденія: «idola specus». Самъ Фехнеръ представлялъ идеальный типъ нѣмецкаго Gelehrter'a, простого и въ то-же время проницательнаго ума, скромнаго и въ то-же время смѣлаго человѣка, мистика и экспериментатора, вѣрнаго и фактамъ, и своимъ излюбленнымъ теоріямъ. Но было бы по истинѣ ужасно, еслибы даже такой почтенный старичекъ (dear old-man) вздумалъ осѣдлать науку своими хитрыми выдумками, и если бы будущіе психологи были обречены въ этомъ мірѣ, полномъ предметовъ гораздо болѣе достойныхъ вниманія, ломать голову надъ усвоеніемъ не только его собственныхъ неудобочитаемыхъ произведеній, но и еще болѣе неудобочитаемыхъ произведеній его критиковъ.... Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ забавно только то, что критики Фехнера, разнесши въ пухъ и прахъ его теоріи, не оставивъ въ нихъ камня на камнѣ, всегда считаютъ долгомъ прибавить, что: «тѣмъ не менѣе Фехнеру принадлежитъ безсмертная заслуга въ формулировкѣ его закона, благодаря которой онъ превратилъ психологію въ точную науку» (!) *).

Итакъ, Джэмсъ всецѣло отвергаетъ психофизику Фехнера, какъ гипотезу, не имѣющую никакой опоры въ непосредственномъ самонаблюденіи: вѣдь, «*sensation unit*», «единица ощущенія», есть несомнѣнно одно изъ Erfundene Empfindungen, для котораго не можетъ быть мѣста въ психологіи, какъ естественной наукѣ, да и вся теорія Фехнера представляетъ разновидность психологическаго атомизма, mind-dust theory, игнорирующей непосредственныя данныя внутренняго опыта и замѣняющей ихъ надстройкой воображаемыхъ элементовъ сознанія.

*) Pr. of Ps., I, 533—549.

Digitized by Google

VIII.

Въ ученіи о личности метафизическіе взгляды Джэмса не оказываютъ никакого вліянія на его психологическіе выводы. Эти взгляды заключаются въ слѣдующемъ. Какъ я уже сказалъ, Джэмсъ — *гипотетическій дуалистъ*: онъ принимаетъ на вѣру существованіе независимо отъ сознанія міра матеріи и субстанціальность духа. Подъ субстанціальностью духа Джэмсъ разумѣетъ наличность въ нашемъ сознаніи нематеріальнаго начала, въ силу котораго совокупность ощущеній, порождаемыхъ въ насъ въ данный моментъ совокупностью нервныхъ процессовъ, объединяется, воспринимается, какъ одинъ нераздѣльный психическій актъ. «Сказать, что душевныя явленія принадлежатъ нѣкоторой субстанціи, значитъ въ сущности протестовать противъ того, что душевныя явленія суть только феномены. Я настаиваю на томъ, что феноменъ не существовалъ бы, еслибы не было чего-то *бо́льшаго*, чѣмъ простой феноменъ. Этому *«нѣчто большее, чѣмъ простой феноменъ»*, мы и даемъ названіе субстанціи. Я долженъ сознаться, что, становясь на метафизическую точку зрѣнія и пытаясь далѣе опредѣлить, каково это *нѣчто*, я склоненъ считать представленіе единой *anitmae mundi* (міровой души), мыслящей во всѣхъ насъ, болѣе благопріятной гипотезой (несмотря на связанныя съ нею трудности), чѣмъ представленіе множества совершенно обособленныхъ одна отъ другой душъ». [1]) «Но въ качествѣ *психолога* намъ нѣтъ никакой надобности вдаваться въ метафизику. Психологія имѣетъ дѣло только съ тѣми или другими состояніями сознанія. Доказывать существованіе души—дѣло метафизики или богословія, но для психологіи такая гипотеза субстанціальнаго единства, является излишней» [2]). Послѣ анализа спиритуалистической точки зрѣнія, Джэмсъ, примыкая къ ней, какъ метафизикъ, и отвергая ее, какъ психологъ, переходитъ къ анализу взглядовъ ассоціаціонистовъ на личность и подвергаетъ эти взгляды блестящей критикѣ [3]).

Ассоціаціонная теорія личности была подготовлена Локкомъ. Его мысль о томъ, «что та-же субстанція можетъ быть связана съ двумя послѣдовательными личностями, или что та-же единая личность можетъ быть связана съ нѣсколькими субстанціями» была первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Для Юма начало единства и непрерывности сознанія еще въ большей степени теряетъ

---

[1]) Pr. of Ps., I, 346.
[2]) Text Book, 203.
[3]) Pr. of Ps., I, 350.

Digitized by Google

свое значеніе: для него каждая личность человѣка есть просто «пучекъ или совокупность различныхъ перцепцій». «Какъ спиритуалисты доходятъ до утвержденія, что личность есть лишь отвлеченное и абсолютное единство, такъ Юмъ договаривается до противоположнаго утвержденія, будто она есть лишь отвлеченная и абсолютная множественность. Для него нѣтъ *tertium quid* между чистымъ единствомъ и чистой обособленностью. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду роль *обсуждающей мысли* (judging thought). Онъ отвергаетъ ту нить сходства, тотъ объединяющій принципъ (соге) сходства, которой проникаетъ собою всѣ ингредіенты личности. Юмъ (теорія котораго такъ же метафизична, по словамъ Джэмса, какъ спиритуализмъ Ѳомы Аквината) основалъ ассоціаціонную теорію личности. Послѣдующіе ассоціаціонисты «пытаются кое-какъ изъ «идей», отдѣльныхъ, не знающихъ ничего другъ о дружкѣ, склеенныхъ между собою и вызывающихъ одна другую по опредѣленнымъ законамъ, объяснить всѣ высшія формы сознанія и между ними чувство нашего личнаго тождества. Ассоціаціонисты какъ будто даже плохо сознаютъ существованіе въ насъ личности: они крайне неохотно задаются вопросомъ о томъ, какъ отдѣльный рядъ мыслей или чувствованій можетъ сознавать себя. Ни Бэнъ, ни Спенсеръ не касаются прямо этой проблемы. Обыкновенно психологъ-ассоціаціонистъ толкуетъ о «сознаніи», о томъ, что «мы» дѣлаемъ что-нибудь, и, такимъ образомъ, изъ-подтишка предполагаетъ даннымъ то, что онъ долженъ былъ бы постулировать въ видѣ *обсуждающей мысли*» *).

Джонъ Милль, по словамъ Джэмса, развивая далѣе теорію ассоціаціонизма, дѣлаетъ такія уступки сторонникамъ субстанціальности души, которыя можно считать *полнѣйшимъ банкрутствомъ ассоціаціонизма*. «Обычная манера философствованія Джона Милля заключается въ томъ, что онъ выступаетъ смѣлымъ защитникомъ основныхъ положеній ученія, заимствованнаго имъ у отца, и затѣмъ дѣлаетъ въ частностяхъ такія уступки противникамъ, которыя на практикѣ сводятся къ отрицанію того, что онъ первоначально защищалъ». Борьба Джэмса противъ ассоціаціонистовъ есть результатъ его стремленія выжить изъ психологіи *психическій атомизмъ*, мысль, будто высшія состоянія сознанія суть комплексы простѣйшихъ «идей». «Возьмите сотню ощущеній—смѣшайте, соедините ихъ какъ можно тѣснѣе (если это можетъ что-нибудь значить!)—и все-же каждое ощущеніе останется тѣмъ-же, чѣмъ оно было, замкнутымъ само въ себѣ, слѣпымъ, чуждымъ по отношенію къ другимъ ощущеніямъ и къ ихъ значенію. Скомбинировавъ подобную группу изъ сотни ощущеній, мы получимъ нѣкоторое 101-е ощущеніе, возникнетъ новый актъ *сознанія*, обнимающій

*) Pr. of Ps., I, 354.

Digitized by Google

группу, какъ таковую, и представляющій совершенно новый фактъ»[1]). Каждое состояніе личности есть цѣльный конкретный фактъ: въ простѣйшихъ «идеяхъ» (*simple ideas*) ассоціаціонистовъ нетрудно угадать Erfundene Empfindungen, и вся ассоціаціонная теорія личности сводится въ концѣ-концовъ къ столь ненавистной Джэмсу mind-dust theory.

IX.

Сведя счеты съ ассоціаціонистами, Джэмсъ переходитъ къ критикѣ кантова ученія о личности[2]). По его мнѣнію, въ кантовомъ ученіи о трансцендентальномъ «Я» замѣтна двойственность. Кантъ даетъ поводъ думать: или 1-хъ), что трансцендентальное «Я» есть простая форма нашихъ ощущеній, простое единство чувственнаго многообразія нашей личности, принадлежность нашихъ ощущеній нѣкоторому познающему субъекту, причемъ самое понятіе познающаго субъекта (я, или онъ, или оно, какъ говоритъ Кантъ), будучи отрѣшено отъ заполняющаго его содержанія, пусто, не имѣетъ никакого смысла; или 2-хъ), что трансцендентальное «Я» есть нѣкоторый агентъ, *дѣятель*, который упорядочиваетъ непосредственно данное ему извнѣ хаотическое чувственное многообразіе, подчиняя его *категоріямъ разсудка.* Джэмсъ склоняется въ пользу послѣдняго пониманія Канта (хотя и допускаетъ возможность противнаго толкованія) и подвергаетъ его рѣзкой критикѣ. «Кантъ, какъ и мы, вѣритъ въ существованіе реальности внѣ нашего ума.., хотя эта реальность и не есть нѣчто феноменальное. Она не есть также и «многообразіе». «Многообразіе», комбинируемое интеллектуальными функціями, есть для Канта всецѣло психическое многообразіе, которое *стоитъ*, такимъ образомъ, *между апперципирующимъ «Я» и внѣшней реальностью*, но все-же находится въ нашемъ сознаніи. Функція познаванія заключается въ объединеніе этого многообразія, и Кантъ *вводитъ многообразіе внутрь сознанія.* Реальность превращается въ пустое locus. Непознаваемое, такъ называемый ноуменонъ: все многообразіе феноменальнаго міра принадлежитъ сферѣ сознанія. *Мы*, наоборотъ, *полагаемъ многообразіе съ внѣшнею реальностью во-внѣ* и оставляемъ сознаніе простымъ (ничѣмъ многообразнымъ не заполненнымъ?). И я, и Кантъ имѣемъ дѣло съ тѣми же элементами—мысль и ея объектъ—весь вопросъ заключается въ томъ, куда помѣстить «многообразіе». Понимая такимъ образомъ мысль Канта, Джэмсъ называетъ его точку зрѣнія «миѳологической», а трансценден-

[1]) Text Book.
[2]) Pr. of. Ps., I., 360.

Digitized by Google

тальное «Я»—дешевымъ, скернымъ изданіемъ «души» (cheap and nasty edition of the soul). Не вдаваясь въ подробный анализъ разсужденій Джэмса о трансцендентальномъ «Я» Канта, я однако считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее: I-хъ), говоря: «Кантъ, какъ и мы, вѣритъ въ существованіе реальности внѣ нашего ума... хотя эта реальность и не есть нѣчто феноменальное», Джэмсъ ошибается: его взглядъ на внѣшнюю реальность отнюдь не тожественъ съ кантовскимъ. Кантъ—*трансцендентальный идеалистъ*: его «Критика чистаго разума» имѣетъ дѣло съ феноменальной реальностью, реальностью явленій, существованіе же матеріальной «вещи въ себѣ» въ ней игнорируется. Если Кантъ, считаетъ возможнымъ, не нелѣпымъ допустить существованіе міра ноуменальнаго, то онъ не разсматриваетъ его, какъ *причину* нашихъ ощущеній. Джэмсъ—гипотетическій дуалистъ: онъ принимаетъ на вѣру 1) существованіе *міра матеріи*, какъ *внѣшней причины* многообразія «ощущеній, находящихся передъ» нашимъ духомъ, 2) существованіе *души*, какъ *простой субстанціи*, обособленной отъ матеріальнаго міра съ порождаемымъ имъ многообразіемъ ощущеній и объединяющей это многообразіе въ цѣльный актъ познанія; II-хъ), навязывая Канту мысль, будто трансцендентальное «Я» есть нѣкоторый агентъ, налагающій, такъ сказать, «сѣть» категорій разсудка на «многообразіе» ощущеній и объединяющій ихъ въ трансцендентальномъ синтезѣ апперцепціи, Джэмсъ впадаетъ въ ту-же грубую ошибку, въ которую впадали до сихъ поръ почти всѣ англійскіе философы, критиковавшіе теорію знанія Канта, ошибку, которая была мѣтко охарактеризована американскимъ философомъ Уатсономъ въ его превосходномъ сочиненіи: «Кантъ и его англійскіе критики», и которая заключается въ смѣшеніи *психологическаго генезиса элементовъ познанія во времени съ чисто критическимъ анализомъ этихъ элементовъ*, при которомъ ихъ генезисъ разсматривается не съ *хронологической*, а съ *логической* стороны. Англичане, привыкнувъ анализировать психологическій генезисъ сознанія, принимаютъ методологическіе пріемы Канта за описаніе *реальныхъ психологическихъ процессовъ* [1]). Отсюда понятно, почему Джэмсъ разсматриваетъ трансцендентальное «Я» Канта, какъ психологическій факторъ, который «объединяетъ»

[1]) До какой степени англійскимъ философамъ трудно отрѣшиться отъ ихъ національнаго *психологическаго* способа излагать гносеологическія проблемы, и до какой степени они вслѣдствіе этого нерѣдко бываютъ неспособны стать на чужую точку зрѣнія, можно видѣть изъ откровеннаго заявленія Спенсера о томъ, *какъ онъ изучалъ «Критику чистаго разума» Канта*: «Въ 1844-мъ году мнѣ попалъ въ руки переводъ Критики чистаго разума, и я прочелъ тѣ первыя страницы, на которыхъ излагается теорія пространства и времени, но такъ какъ я рѣшительно отвергаю ее, то я закрылъ книгу. Съ тѣхъ поръ мнѣ еще случилось дѣлать такъ раза два, такъ какъ, будучи мало терпѣливымъ читателемъ, я совершенно неспособенъ продолжать читать сочиненіе, съ основными положеніями коего я не согласенъ». «Problemes de morale et de sociologie» trad. par H. de Varigny p. 34, note.

Digitized by Google

«многообразіе» ощущеній въ трансцендентальномъ синтезѣ апперцепціи, «подводитъ» ихъ подъ категоріи разсудка и т. д.; III-хъ), если мы допустимъ (а это необходимо допустить), что Кантъ говоритъ иногда о *внѣшней реальности* въ томъ догматическомъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это выраженіе Джэмсъ (въ смыслѣ внѣшней причины нашихъ ощущеній); если мы признаемъ вмѣстѣ съ Джэмсомъ, что у Канта, какъ это было давнымъ-давно указано Шопенгауэромъ, между ноуменомъ и нашими представленіями иногда выступаетъ какое-то посредствующее понятіе *объекта представленія*, соотвѣтствующее понятію *многообразія внѣшней реальности* у Джэмса, то и эти отдѣльныя догматическія мысли, попадающіяся въ Критикѣ, нисколько не измѣняютъ сущности кантова ученія о личности и его точки зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, да еще при этомъ остается недоказаннымъ, представляютъ ли эти догматическія мысли промахи Канта и непослѣдовательности въ развитіи его ученія, или Кантъ въ этихъ случаяхъ является жертвой собственной діалектической манеры держаться при изложеніи обыденной точки зрѣнія—точки зрѣнія гипотетическаго дуализма, манеры, которая имѣетъ за себя огромныя педагогическія преимущества; IV-хъ), Джэмсъ не пытается стать на точку зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, предположивъ, что кантово трансцендентальное «Я» есть простая пассивная форма познанія, а не дѣятель, такъ какъ тогда ему пришлось бы отказаться отъ его гипотетическаго дуализма и отвергнуть субстанціальность духа [1]).

Охарактеризовавъ философскую сторону Джэмсова ученія о личности, я не буду пересказывать здѣсь его психологическихъ воззрѣній на личность; прочитавъ соотвѣтствующія главы его психологіи, пусть читатель самъ оцѣнитъ тонкость и глубину психологическаго дарованія Джэмса. Представляя сознаніе въ видѣ единаго непрерывнаго «потока» ощущеній, отмѣчая въ этомъ потокѣ «устойчивыя» и «измѣнчивыя» состоянія, едва уловимые оттѣнки зарождающихся и исчезающихъ состояній сознанія, утверждая, что ни одно состояніе сознанія не можетъ быть абсолютно-тожественнымъ съ другимъ, устанавливая классификаціи различныхъ сторонъ (матеріальной, соціальной и духовной) личности, разсматривая каждую изъ этихъ сторонъ въ отношеніи самооцѣнки и самосохраненія, Джэмсъ вездѣ поражаетъ тонко-развитою способностью къ самонаблюденію. Повсюду изгоняя изъ психологіи «выдуманныя ощущенія», Джэмсъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается подмѣтить

[1]) Въ заключительной главѣ «Text Book» (Text Book» появился двумя годами позже «Principles of Psychology») Джэмсъ, какъ мы увидимъ ниже, приходитъ къ заключенію, что его гипотетическій дуализмъ имѣетъ только временно-условное значеніе, и что основныя проблемы психологіи разрѣшимы лишь на почвѣ трансцендентальнаго идеализма. (См. ниже стр. 34-ю)

Digitized by Google

въ душевной жизни такія стороны, на которыя до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія, и которыя въ то-же время доступны непосредственному самонаблюденію всякаго человѣка. Именно таковы едва уловимые оттѣнки зарождающихся и исчезающихъ состояній сознанія, которыя были такъ мѣтко названы имъ «психическими обертонами».

X.

Въ психологіи вниманія [1]) Джэмсъ пытается объединить и примирить истолкованія этого мало изслѣдованнаго и въ то-же время крайне важнаго душевнаго явленія. Онъ считаетъ несомнѣннымъ существованіе «ограниченности» сознанія—«die Enge des Bewusstseins», но это, по его мнѣнію, не объясненіе, а скорѣе названіе того факта, что область ясно сознаваемаго нами составляетъ лишь часть всего воспринимаемаго нами чрезъ органы чувствъ, и этотъ фактъ считается Джэмсомъ далеко не объясненнымъ; объяснена лишь его физіологическая сторона: «физіологическая ограниченность сознанія зависитъ, повидимому, отъ того, что дѣятельность полушарій стремится быть всегда объединеннымъ и нераздѣльнымъ актомъ, связаннымъ то съ однимъ, то съ другимъ токомъ, но всегда представляющимъ одно цѣлое» [2]). «Психологическое истолкованіе «ограниченности сознанія», предлагавшееся Гербартомъ, который видѣлъ въ ней результатъ подавленія менѣе интенсивныхъ представленій болѣе интенсивными (Zuwachs des Vorstellens), отвергается Джэмсомъ. Равнымъ образомъ, Джэмсъ считаетъ весьма важнымъ физіологическимъ условіемъ вниманія приспособленіе мышечнаго аппарата и связанное съ нимъ приноровленіе органа чувствъ къ наиболѣе отчетливому воспріятію внѣшняго впечатлѣнія, но въ то-же время онъ рѣзко протестуетъ противъ *моторной теоріи* (Рибо) вниманія, которая сводитъ весь процессъ вниманія къ усиленію ощущенія путемъ мышечнаго приспособленія органовъ чувствъ къ наиболѣе отчетливому воспріятію впечатлѣнія; Джэмсъ выдвигаетъ значеніе «идеаціоннаго возбужденія центра» и связаннаго съ нимъ психологическаго процесса *преперцепціи*, который усиливаетъ интенсивность представленія, служащаго предметомъ вниманія. Мало того, онъ указываетъ на одинъ опытъ Гельмгольца со стереоскопомъ, свидѣтельствующій о томъ, что зрительное вниманіе можетъ быть «совершенно независимымъ отъ положенія и аккоммодаціи глазъ или отъ какого-либо извѣстнаго намъ измѣненія въ этомъ органѣ

[1]) Text Book, ch. XIII, Attention,
[2]) Text Book.

Digitized by Google

и можетъ свободно направляться сознательнымъ волевымъ усиліемъ на любую часть темнаго и однороднаго поля зрѣнія». Иначе говоря, возможны акты вниманія, независящіе отъ мышечнаго приспособленія органовъ чувствъ. Протестъ Джэмса противъ *моторной теоріи* вниманія вызвалъ сочувствіе со стороны Марильe («Remarques sur le Mecanisme de l'Attention») [1]) и далъ поводъ къ полемикѣ съ Джэмсомъ нашему проф. Новороссійскаго Университета Н. Ланге, который въ своей монографіи: «О вниманіи» склоненъ придавать большее значеніе моторному элементу въ процессѣ вниманія, чѣмъ Джэмсъ. Не думая утверждать, что представленія проникаютъ въ сознаніе вообще только черезъ мышечныя движенія, проф. Ланге «полагаетъ, что такимъ образомъ происходитъ фиксированіе идей при *процессѣ волевого вниманія*», и что эти мышечныя движенія составляютъ неотдѣлимый элементъ въ процессѣ вниманія [2]). Наконецъ, отдавая должное той роли, которую играетъ въ процессѣ вниманія *эмоціональная интересность* объекта вниманія, Джэмсъ воздерживается отъ односторонникъ выводовъ представителя *эмоціональной теоріи вниманія*—Джэмса Милля, согласно которой имѣть пріятное или тягостное ощущеніе и быть къ нимъ внимательнымъ—это одно и то-же. Давая «превосходный сводъ результатовъ, какія были достигнуты психологами до него» [3]), Джэмсъ усматриваетъ коренную сущность вниманія въ томъ, что оно, хотя и должно разсматриваться въ психологіи, всецѣло какъ *результатъ* физіологическихъ процессовъ, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, есть *душевная сила* «первичная и притомъ неопредѣленная по степени». Такъ какъ «произвольное усиліе вниманія» и сущность воли для Джэмса тожественны, то мы возвратимся къ этому вопросу, когда будемъ излагать ученіе Джэмса о свободѣ воли, а теперь замѣтимъ только, что Джэмсъ, примыкая къ *спиритуалистической* теоріи вниманія, какъ метафизикъ, не пользуется ею при истолкованіи процессовъ вниманія, какъ психологъ. «Я самъ причисляю себя къ сторонникамъ душевной силы, но такъ какъ мои доводы—этическаго свойства, то они едвали пригодны для психологическаго трактата [4]).

---

[1]) Revue philosophique, XXVII.

[2]) Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета: Ланге. Н. И. Психологическія изслѣдованія: 283—592. Здѣсь читатель найдетъ подробный историческій очеркъ теорій вниманія, стр. 366—412.

[3]) Зап. Имп. Нов. Унив. Ланге: О вниманіи, стр. 408. 1894 г.

[4]) Pr. of Ps., I, 454. Изъ новыхъ англійскихъ статей по психологіи вниманія можно упомянуть: статью *Shand'a* въ *Mind'*ѣ (1894), гдѣ вниманіе разсматривается, какъ первичный, неразложимый далѣе психическій факторъ, и статью *Cogsnell'a* въ *Philosophical Review*, гдѣ вниманіе признается производнымъ факторомъ, и анализируются теоріи Рибо, Бэна и Ланге.

Digitized by Google

XI.

Въ ученіи Джэмса о воспріятіи особенно замѣчательно описаніе процесса различенія, описаніе, которое онъ предпосылаетъ въ видѣ отдѣльной главы своей теоріи воспріятія.

Вопросу о психологическомъ генезисѣ различенія посвящена психологическая монографія Н. Ланге: «О перцепціи», гдѣ дана слѣдующая точная характеристика Джэмсовой теоріи различенія: «Джэмсъ далъ наиболѣе полную теорію различенія, чѣмъ кто-нибудь до него. Онъ показываетъ прежде всего, что одновременныя ощущенія, если они прежде не испытывались въ отдѣльности, сливаются для нашего сознаніявъ одно нераздѣльное цѣлое. Таково именно первоначальное сознаніе, и ассоціаціонная психологія особенно погрѣшаетъ здѣсь, принимая за начало развитія множественность раздѣльныхъ идей: психологическое развитіе идетъ въ дѣйствительности отъ слитнаго къ раздѣльному, а не отъ раздѣльнаго—къ соединенному».

«Раздѣленіе или различеніе можетъ касаться или бытія и небытія извѣстной вещи, или ея качествъ (existential and differential discrimination). Одинъ изъ своеобразныхъ фактовъ дифференціальнаго сравненія состоитъ въ томъ: что, если въ извѣстномъ рядѣ *A* больше чѣмъ *B*, и *B* больше чѣмъ *C*, то *A* сознается, какъ большее, чѣмъ *C*. Это посредственное сравненіе обусловлено тѣмъ, что мы, переходя отъ одного члена сравненія къ другому, сознаемъ не только, что каждая ступень различія равна (или больше или меньше) предшествующей ступени, но сознаемъ также и то, что мы подвигаемся въ извѣстномъ одномъ и томъ же направленіи, отличномъ отъ всѣхъ другихъ направленій. — *Различеніе дифференціальное и экзистенціальное составляютъ*, по Джэмсу, *послѣдніе факты сознанія и не могутъ уже быть сведены къ одному*. Свести дифференціальное сравненіе къ экзистенціальному значило бы, по его мнѣнію, свести всѣ качественныя различія къ количественнымъ, показать, что всѣ состоянія сознанія суть *бо́льшія или меньшія суммы того же элемента*, что́ невозможно и противорѣчитъ вышеуказанному факту сознанія *разныхъ направленій* количественныхъ различій» [1]). Итакъ, Джэмсъ принимаетъ *различеніе* за такой же первичный, неразложимый далѣе фактъ сознанія, какъ и *отожествленіе*: «*Пока мы стоимъ на почвѣ психологическихъ данныхъ, поддающихся провѣркѣ* (so long as we stick to verifiable psychology), *мы вынуждены согласиться, что различія простого порядка образуютъ неразложимый видъ отношенія* между нѣкоторыми элементами нашего опыта, и вынуждены отвергнуть мысль, будто дифференціальное различеніе можетъ повсюду быть сведено къ простому констатированію того факта, что элементы,

[1]) Зап. Имп. Нов. Ун. Ланге: О перцепціи, стр. 362.

Digitized by Google

имѣющіеся на-лицо въ одномъ случаѣ, въ другомъ отсутствуютъ». Въ противоположность Джэмсу, проф. Ланге въ своей диссертаціи пытается экспериментальнымъ путемъ показать, что первичнымъ элементомъ сознанія является сходство; что различеніе является позднѣе. Не вдаваясь въ подробный анализъ этого крайне любопытнаго вопроса, я замѣчу только, что даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ позволительными для психологовъ попытки сводить логическія функціи ума (каково, напримѣръ, различеніе) къ еще болѣе простѣйшимъ «первичнымъ» функціямъ, то лишь подъ условіемъ, если такія попытки дѣйствительно покажутъ, что анализируемыя функціи ума, принимаемыя въ формальной логикѣ или въ критической теоріи знанія за всеобщія и необходимыя, т. е. неустранимыя, не «первичны»; что возможны состоянія сознанія, гдѣ *абсолютно* отсутствуетъ, напримѣръ, различеніе. При этомъ крайне важно строго различать *относительное отсутствіе* въ умѣ способности различенія и ея абсолютное отсутствіе. Возможность *абсолютнаго* отсутствія въ сознаніи способности различенія не была никогда доказана ни однимъ психологомъ въ мірѣ, и самое понятіе «сходства» безъ понятія «различія» не имѣетъ никакого смысла. Попытки сводить различіе на неполное тожество Джэмсъ относитъ къ числу проявленій mind-dust theory—психологическаго атомизма, и считаетъ ихъ «трансцендентальными экстравагантностями умозрѣнія», отъ которыхъ благоразумнѣе воздержаться и руководствоваться непосредственнымъ психологическимъ самонаблюденіемъ (natural appearances) [1]). Я не буду пересказывать тонкаго анализа сложныхъ формъ различенія у Джэмса: при всѣхъ своихъ достоинствахъ, этотъ анализъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ланге, не представляетъ чего-либо новаго, являясь развитіемъ мыслей, высказывавшихся ранѣе—въ особенности у гербартіанцевъ.

XII.

Вопросъ о происхожденіи идеи пространства представляетъ, по справедливому замѣчанію г. Челпанова, одну изъ самыхъ главныхъ проблемъ въ современной философіи. Въ своей монографіи: «Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и прирожденности» [2]), г. Челпановъ подраздѣляетъ всѣ попытки объяснить психологическій генезисъ идеи пространства на *теоріи производности*, согласно которымъ идея пространства есть психологическій продуктъ, возникшій изъ непространственныхъ элементовъ ощущенія, и

[1]) Pr. of Ps., I, 493,
[2]) Ч. I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ, 1896.

Digitized by Google

теоріи непроизводности, согласно которымъ протяженность есть первичное, абсолютно-неотдѣлимое отъ ощущеній качество. Хотя въ послѣднее время и пытались отдѣлить психологическое рѣшеніе проблемы происхожденія идеи пространства отъ гносеологической оцѣнки ея значенія, однако, даже самый поверхностный анализъ вопроса обнаруживаетъ неотдѣлимость его гносеологической стороны отъ психологической. Въ самомъ дѣлѣ, если пространство есть первичная, неразложимая далѣе апріорная форма сознанія, то есть всеобщее и необходимое, неотдѣлимое отъ всѣхъ нашихъ ощущеній безъ исключенія свойство, то всѣ теоріи производности, теоріи, построяющія идею пространства изъ непространственныхъ элементовъ ощущенія, теряютъ всякій смыслъ: *психологическая теорія непроизводности и гносеологическій апріоризмъ неотдѣлимы другъ отъ друга.* На это могутъ возразить, что самъ основатель теоріи апріоризма — Кантъ долженъ быть скорѣе отнесенъ къ представителямъ психологической теоріи производности, такъ какъ онъ считалъ мыслимыми пустое неокрашенное пространство, реально отдѣленное отъ ощущеній съ одной стороны, и непротяженное многообразіе ощущеній—съ другой. Такого взгляда на Канта, придерживаются и Штумпфъ, и Джэмсъ [1]), и Челпановъ. Я считаю такой взглядъ на отношеніе Канта къ психологической сторонѣ вопроса о происхожденіи идеи пространства далеко не доказаннымъ [2]). При чтеніи Канта легко обмануться, принявъ его манеру логически расчленять элементы познанія (напримѣръ, ощущенія отъ формъ интуиціи—пространства и времени) за мысль о возможности *реальнаго отдѣленія* формъ познанія отъ заполняющаго ихъ чувственнаго многообразія ощущеній. Во всякомъ случаѣ, мысль объ апріорности пространства и психологическая теорія производности, мнѣ кажется, находятся между собою въ вопіющемъ противорѣчіи, и, какъ-бы Кантъ ни смотрѣлъ на психологическій генезисъ идеи пространства, *для сторонниковъ кантовской апріорности пространства въ теоріи знанія должна быть логически обязательна теорія непроизводности въ психологіи*, и, наоборотъ, *признавая истинной теорію непроизводности въ психологіи, мы подтверждаемъ въ психологическихъ терминахъ гносеологическій*

---

[1]) Джэмсъ воображаетъ, будто ученіе Шопенгауера о происхожденіи идеи пространства тожественно съ кантовымъ, и характеризуетъ послѣднее длинною выпискою изъ: «Vierfache Wurzel des Satzes vom Zureichenden Grunde. pp. 52—7».

[2]) Я полагаю, что на самомъ дѣлѣ для Канта: 1-хъ), пустое пространство, абсолютно отрѣшенное отъ чувственнаго содержанія, представляетъ, какъ и всякая апріорная форма, отдѣленная отъ заполняющихъ ее ощущеній, простую логическую фикцію, «вещь въ себѣ»; и 2-хъ), являясь для насъ непредставимой логической фикціей, вродѣ $\sqrt{-1}$, пустое неокрашенное пространство, какъ объектъ мысли, заключаетъ въ себѣ логическое *противорѣчіе*: «*Der leehre Raum*, говоритъ Кантъ, *ist kein Sinnenobject, kein Ding* (*non est ens*), *auch kein Unding* (*non ens*), *d. h. ist Etwas sich selbst widersprechendes*».

Digitized by Google

апріоризмъ. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на огромное философское значеніе того факта, что продолжительная борьба между теоріями производности и непроизводности въ психологіи въ настоящее время завершилась въ пользу послѣдней теоріи. Теоріи «психическаго возбужденія», пытавшіяся «конструировать» идею пространства изъ непространственныхъ элементовъ путемъ: «психической химіи» (Милль), «психическаго синтеза» (Вундтъ), «мѣстныхъ знаковъ» (Лотце), «мышечнаго чувства» (Бэнъ) и т. п., теоріи, долгое время пользовавшіяся большою популярностью, потерпѣли полнѣйшее крушеніе, послѣ того какъ экспериментальныя изслѣдованія Штумпфа и Джэмса разоблачили всю «миѳологичность» теоріи производности. Ученіе Джэмса о происхожденіи идеи пространства заключается въ слѣдующемъ [1]).

«Протяженіе, различаемое во всякомъ ощущеніи безъ исключенія, хотя въ однихъ болѣе развитое, чѣмъ въ другихъ, есть *первичное ощущеніе протяженности*, изъ котораго все послѣдующее точное познаніе пространственныхъ отношеній слагается при помощи процессовъ ассоціаціи, различенія и выбора». Эти послѣдніе процессы заключаются въ слѣдующемъ: 1) цѣльные объекты зрѣнія и осязанія постепенно расчленяются нами на меньшіе объекты; 2) впечатлѣнія, воспринимаемыя нами отъ внѣшняго предмета при посредствѣ различныхъ органовъ чувствъ, сливаются въ воспріятіе «той-же» вещи, хотя мы и будемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ познавать ее весьма различными путями; 3) каждый непосредственно познаваемый объемъ пространства опредѣленно локализируется нами внутри окружающихъ объемовъ пространства; 4) всѣ объекты располагаются другъ по отношенію ко другу въ извѣстномъ порядкѣ по тремъ измѣреніямъ; 5) мы научаемся различать относительные размѣры предметовъ, т. е. *измѣрять ихъ* [2]). Итакъ, принимая пространство за первично-данное свойство всѣхъ нашихъ ощущеній, Джэмсъ нимало не умаляетъ значенія опыта въ развитіи точныхъ представленій пространственныхъ отношеній. Третье измѣреніе—глубину—Джэмсъ въ противоположность Беркли и Риду принимаетъ за такое-же первичное свойство, какъ и два первыхъ измѣренія. Согласно Беркли (Theory of Vision, 1700 г.), чувство разстоянія не *ретинальное* ощущеніе, а «*осязательное* ощущеніе, съ которымъ у насъ связаны различнаго рода зрительные знаки, напримѣръ, кажущаяся величина образа, его «блѣдность» или «неясность» и степень аккоммодаціи и конвергенціи; иначе говоря, наше понятіе о разстояніи заключается въ представленіи степени мышечнаго напряженія въ рукахъ и ногахъ, необходимаго для того, чтобы мы могли прикоснуться рукою къ данному предмету».

---

[1]) Text Book, Ch. XXI. The perception of space, p. 335.
[2]) Text Book, p. 273.

Digitized by Google

Ридъ въ своемъ: «Inquiry into the Human Mind» (1764 г.), въ главѣ: «Of the Geometry of Visibles», развивая далѣе теорію Беркли, приходитъ къ заключенію, что «существа, неспособныя приводить въ движеніе глаза и конечности, не имѣли бы никакого понятія о разстояніи или третьемъ измѣреніи». Отсюда Ридъ заключаетъ, что для подобныхъ существъ (онъ называетъ ихъ: Idomeniaus) аксіомы геометріи были бы иными, сравнительно съ нашими; еслибы мы стали чертить передъ ними линіи на вогнутой поверхности, то для нихъ двѣ прямыя пересѣкшись должны бы были еще разъ пересѣчься и т.п.[1]). Джэмсъ считаетъ точку зрѣнія Беркли и Рида ничѣмъ не обоснованной: «ей противорѣчитъ тотъ неотразимый фактъ, что всѣ наши ощущенія обладаютъ извѣстной *объемностью*, и что первоначальное поле зрѣнія не можетъ представлять собою нѣчто *плоское*. Мало того: «воспріятіе разстоянія представляетъ собою настоящее *зрительное ощущеніе*, хотя-бы я не былъ въ состояніи указать какой-либо физіологическій процессъ въ органѣ зрѣнія, различныя степени котораго извѣстнымъ закономѣрнымъ путемъ соотвѣтствовали бы измѣненіямъ въ чувствѣ разстоянія». Нетрудно догадаться, что́ привело Джэмса къ мысли о непроизводности идеи пространства. Для этого достаточно обратить вниманіе на его отношеніе къ главнѣйшимъ представителямъ противоположнаго взгляда. Всѣ они—и Гербартъ, и Вундтъ, и Лотце, и Милль, и Спенсеръ допускаютъ существованіе непространственныхъ элементовъ ощущенія. Не находя въ своемъ сознаніи ничего подобнаго этимъ «непространственнымъ элементамъ» и въ то-же время неуклонно слѣдуя своему принципу не допускать въ изученіе душевныхъ явленій никакихъ фикцій, никакихъ Erfundene Empfindungen, Джэмсъ осуждаетъ одну за другою всѣ теоріи «психическаго возбужденія». Такимъ образомъ, Джэмсъ пришелъ къ признанію непроизводности идеи пространства не изъ какихъ-либо гносеологическихъ соображеній: принявъ самонаблюденіе за исходный пунктъ въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ, онъ естественно долженъ былъ придти къ отрицанію всѣхъ «выдуманныхъ ощущеній», въ томъ числѣ и «непротяженныхъ психическихъ элементовъ».

XIII.

Сущность взглядовъ Джэмса на эмоцію [2]) можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ. До сихъ поръ въ большинствѣ

[1]) Разсужденія Рида представляютъ поразительное сходство съ современными намъ психологическими умозрѣніями метагеометровъ.

[2]) Text Book. ch. XXIV, p. 373.

Digitized by Google

сочиненій по психологіи: 1-хъ), каждая эмоція разсматривалась, какъ нѣчто рѣзко обособленное отъ всякой другой эмоціи; 2-хъ), въ эмоціяхъ часто видѣли душевныя явленія, отрѣшенныя отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій, или, по крайней мѣрѣ, въ нихъ видѣли душевныя явленія, не разлагающіяся всецѣло на ощущенія, локализируемыя нами въ нашемъ организмѣ. Видя въ каждой эмоціи нѣкоторый неизмѣнный «типъ» душевныхъ явленій, психологи ограничивались классификаціей этихъ неизмѣнныхъ типовъ, подобно тому какъ въ біологіи до Ламарка и Дарвина натуралисты ограничивались классификаціей «видовъ». По мнѣнію Джэмса, эмоціи не могутъ быть признаны нѣкоторыми обособленными другъ отъ друга «типами» душевныхъ явленій: разнообразіе эмоцій безконечно велико, и между любыми двумя эмоціями можно указать безчисленное множество переходныхъ ступеней. Мало того, эмоція вовсе не есть душевное явленіе, отрѣшенное отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій: «*Если мы представимъ себѣ какую-нибудь сильную эмоцію и попытаемся мысленно вычитать изъ этого состоянія нашего сознанія одно за другимъ всѣ ощущенія связанныхъ съ нимъ тѣлесныхъ симптомовъ, то въ концѣ-концовъ отъ данной эмоціи ничего не останется...* Человѣческая эмоція, лишенная всякой тѣлесной подкладки, есть одинъ пустой звукъ. Я не утверждаю, что такая эмоція есть нѣчто, противорѣчащее природѣ вещей, или, что чистые духи осуждены на безстрастное интеллектуальное бытіе; я хочу только сказать, что *для насъ* эмоція, отрѣшенная отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій, есть нѣчто непредставимое».

Мысль, что эмоція представляетъ собою душевное явленіе, обусловленное физіологическимъ возбужденіемъ организма, далеко не такъ нова, какъ это думаетъ Джэмсъ. Уже Аристотель указывалъ на то, что τὰ πάθη λόγοι ἔνυλοι εἰσιν, и говорилъ, что каждую эмоцію можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ физіологической и съ психологической. Задаваясь вопросомъ: ὀργὴ τί ἐστι; онъ отвѣчаетъ, что съ физіологической точки зрѣнія это— ζέσις τοῦ περὶ καρδίαν αἵματος ἢ θερμοῦ, а съ психологической это— ὄρεξις ἀντιλυπήσεως [1]). Декартъ въ трактатѣ: «De passionibus» и въ особенности Малебраншъ въ пятой книгѣ: «De la Recherche de la Vérité» развиваютъ далѣе тотъ же взглядъ. Вотъ что говоритъ Малебраншъ: «Я называю страстью всѣ эмоціи, которыя душа естественно испытываетъ вслѣдствіе необычайныхъ движеній *жизненныхъ силъ* и *крови*». Съ точки зрѣнія большинства раціоналистовъ XVII-го вѣка, эмоція есть смутное сознаваніе соотвѣтствующаго ей физіологическаго возбужденія. Эта мысль въ настоящее время

---

[1]) Περὶ ψυχῆς. Кн. I-я. Гл. 1 я.

Digitized by Google

возобновлена датскимъ психологомъ Ланге [1]): по его мнѣнію, *эмоція есть только сознаніе нервно-сосудистыхъ измѣненій.* Теорія Ланге, развитая имъ почти одновременно съ Джэмсомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ большую аналогію со взглядами послѣдняго. Оба психолога сходятся во взглядѣ на *природу отношенія, существующаго между эмоціями и сопровождающими ихъ физіологическими явленіями*; оба они, по мѣткому выраженію одного французскаго критика: «mettent la charrue avant les boeufs». Согласно обыденному способу выраженія: «мы потеряли состояніе—огорчены и плачемъ; мы повстрѣчались съ медвѣдемъ—испуганы и обращены въ бѣгство; мы оскорблены врагомъ—приведены въ ярость и наносимъ ему ударъ». По мнѣнію Джэмса и Ланге: *«тѣлесное возбужденіе слѣдуетъ непосредственно за воспріятіемъ вызвавшаго его факта, и сознаваніе нами этого возбужденія въ то время, какъ оно совершается, и есть эмоція.* Поэтому, правильнѣе было бы такъ выражаться: «мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что бьемъ другого, боимся, потому что дрожимъ». Въ воззрѣніяхъ Джэмса и Ланге на эмоцію, мнѣ кажется, имѣетъ важное философское значеніе не этотъ парадоксъ, которому такъ легко придать матеріалистическое толкованіе, а та плодотворная мысль, что всякая эмоція есть комплексъ чувствованій, локализируемыхъ (хотя и смутно) въ нашемъ организмѣ; что эмоція, какъ внѣ-пространственный душевный процессъ, есть фикція. Къ отрицанію этого ложнаго пониманія природы эмоціи, которое упорно продолжаетъ держаться въ психологіи, Джэмсъ и Ланге, мнѣ кажется, пришли совершенно различными путями. Ланге пришелъ къ мысли о локализаціи эмоцій, повидимому, подъ вліяніемъ столь популярнаго въ Даніи и Голландіи спинозизма съ матеріалистической окраской. Для него эмоція и ея физіологическія условія суть: «*una eademque res sed duobus modis expressa*» (Eth. I, prop. II, 7, schol.)[2]). Джэмсъ, хотя и сбивается иногда въ своихъ разсужденіяхъ на матеріалистическій способъ выраженія, но оговаривается, указывая на то, что онъ отнюдь не отожествляетъ физіологическихъ условій эмоцій съ ними самими, а только отмѣчаетъ ихъ параллелизмъ [3]).

---

[1]) *Om Sindsbevägelser*, 1885; нѣмецкій переводъ въ 1888 году: C. Lange: *Ueber Gemüthsbewegungen*; позднѣе Дюма перевелъ эту брошюру на французскій языкъ, а въ нынѣшнемъ году она издана Павленковымъ и въ русскомъ переводѣ (съ французскаго): «Душевныя движенія» д-ра Ланге, 1896 г.

[2]) Смѣшеніе эмоцій, какъ душевныхъ явленій и какъ тѣлесныхъ процессовъ, мы находимъ и въ богатой фактическимъ матеріаломъ книгѣ Фере: *La pathologie des emotions, études physiologiques et cliniques.* 1892.

[3]) Задача современной психофизіологіи эмоцій задолго до Спенсера, Дарвина и Джэмса очень хорошо была выражена *Гегелемъ* въ его: «Философіи духа» § 401:... «Es wurde die interessanteste Seite einer psychischen Physiologie sein, nicht die blosse Sympathie sondern bestimmter die *Verleiblichung* zu betrachten, welche sich geistige Bestimmungen insbesondere als Affecte geben». Кромѣ общей постановки вопроса,

Digitized by Google

Къ мысли же объ эмоціи, какъ комплексѣ локализируемыхъ (хотя и смутно) въ организмѣ ощущеній, онъ пришелъ, исходя не изъ метафизическихъ, а изъ чисто психологическихъ основаній. Къ этой мысли его долженъ былъ привести его общій методъ изученія душевныхъ явленій, согласно которому онъ дѣлаетъ выводы, опираясь исключительно на данныя непосредственнаго самонаблюденія. Онъ отвергаетъ существованіе эмоціи, какъ *не локализируемаго (хотя бы смутно) въ организмѣ душевнаго процесса (disembodied emotion)*, не находя такого процесса въ самомъ себѣ. Такимъ образомъ, для него эмоція въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть одно изъ Erfundene Empfindungen, и, какъ таковое, не можетъ быть допущено при истолкованіи душевныхъ явленій [1]).

XIV.

Въ своемъ ученіи о волѣ [2]) Джэмсъ рѣзко расходится съ огромнымъ большинствомъ современныхъ психологовъ: въ противоположность современному детерминистическому направленію психологіи, Джэмсъ — сторонникъ свободы воли [3]). Современная психологія придерживается намѣченной Лейбницемъ и окончательно установленной Кантомъ «теоріи автоматизма», согласно которой человѣкъ, *какъ явленіе*, есть *automaton spirituale* — одушевленный автоматъ: «Если бы намъ возможно было, говоритъ Кантъ, проникнуть въ способъ мысли человѣка, насколько онъ обнаруживается во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ, такъ глубоко, что они и даже малѣйшее побужденіе къ нимъ были бы извѣстны, то можно было бы предсказать поведеніе человѣка въ будущемъ съ точностью солнечнаго или луннаго затмѣнія». Джэмсъ отвергаетъ теорію автоматизма, исходя изъ слѣдующихъ основаній. «Въ качествѣ общей концепціи при анализѣ самыхъ физіологическихъ

мы находимъ у Гегеля нѣкоторыя цѣнныя частныя замѣчанія, напримѣръ, онъ первый указалъ (раньше Вундта и Пидерита) на то, что Джэмсъ называетъ *принципомъ аналогичнаго реагированія на аналогичные чувственные стимулы*, т. е. на однородную символизацію ощущеній, принадлежащихъ различнымъ органамъ чувствъ (напримѣръ, веселые, солидные, мягкіе, холодные и скорбные цвѣта) и на сходную мимику при реагированіи на моральныя и на вкусовыя и обонятельныя впечатлѣнія (кислая мина, сладкая улыбка, отворачиванье носа въ знакъ презрѣнія и т. п.).

[1]) Л. Доріакъ въ статьѣ: «Nature de l'émotion». (Année philosophique, 1892, p. 63) подвергаетъ критикѣ теорію Джэмса. По его мнѣнію, Джэмсъ смѣшиваетъ физіологическіе отголоски душевнаго явленія (эмоціи) съ внутреннею природою самой эмоціи. Мнѣ кажется, Доріаку не удается доказать возможность эмоціи, какъ чисто психическаго процесса, не разлагающагося безъ остатка на ощущенія, локализируемыя (хотя и смутно) въ организмѣ, а между тѣмъ, чтобы опровергнуть Джэмса, это-то именно и нужно доказать.

[2]) Text Book, ch. XXVI, p. 415.

[3]) Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, Джэмсъ не остался безъ вліянія со стороны французскихъ нео-критицистовъ и въ особенности Ренувье.

Digitized by Google

процессовъ въ нервныхъ центрахъ трудно представить себѣ нѣчто болѣе соблазнительное, чѣмъ эта строго механическая теорія ихъ дѣятельности (т. е. теорія автоматизма). Но, вѣдь, у насъ, кромѣ того, *налицо сознаніе*, которое, по всей вѣроятности, подобно всѣмъ другимъ функціямъ, возникло, какъ нѣкоторый цѣлесообразный продуктъ; поэтому въ высшей степени невѣроятно *a priori*, чтобы оно не играло извѣстной роли въ физіологическихъ процессахъ. *Повидимому*, это—роль избирающаго начала, но, чтобы избирать, оно должно быть активнымъ! Благопріятныя состоянія сознанія должны, такимъ образомъ, задерживаться, неблагопріятныя—устраняться». [1]). Сущность воли, по мнѣнію Джэмса, заключается въ *усиліи вниманія*. Выборъ предметовъ вниманія всегда предопредѣленъ. «Ничто не можетъ привлечь наше вниманіе независимо отъ автоматической дѣятельности нервной системы. Другой вопросъ, насколько зависима отъ послѣдней та *интенсивность* нашего вниманія, съ которой мы воспринимаемъ объектъ, уже попавшій, такъ сказать,. въ поле нашего духовнаго зрѣнія» [1]). *«Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли чрезвычайно простъ. Все дѣло здѣсь сводится къ опредѣленію степени усилія вниманія, которымъ мы можемъ располагать въ данную минуту.* Находится ли продолжительность и интенсивность усилія въ постоянной зависимости отъ окружающихъ условій или нѣтъ?» Джэмсъ склоненъ думать, что продолжительность и интенсивность волевого усилія представляютъ «независимую перемѣнную» по отношенію къ окружающимъ матеріальнымъ условіямъ, а такъ какъ продолжительность и интенсивность усилія вниманія обусловливаютъ собою преобладаніе тѣхъ или другихъ идей въ нашемъ сознаніи, а преобладаніе извѣстныхъ идей въ сознаніи обусловливаетъ въ свою очередь тѣ или другіе поступки, то и произвольные поступки человѣка представляютъ, повидимому, «независимую перемѣнную» по отношенію къ окружающимъ условіямъ. Джэмсъ полагаетъ, что вопросъ о свободѣ воли на почвѣ психологической неразрѣшимъ, такъ какъ для его рѣшенія «мы должны бы были выяснить, какіе мотивы предшествовали волевому рѣшенію, опредѣлить съ математической точностью степень интенсивности каждаго изъ нихъ и показать на основаніи законовъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ въ настоящее время ни малѣйшаго понятія, что степень сдѣланнаго въ данномъ случаѣ усилія воли *не могла быть* ни большей, ни меньшей». Оставляя вопросъ нерѣшеннымъ съ психологической точки зрѣнія, Джэмсъ сильно склоняется въ пользу его положительнаго рѣшенія, частію исходя изъ *метафизическихъ соображеній*, частію ссылаясь на непосредственно сознаваемое нами *чувство свободы*, частію руководствуясь *нравственными соображе-*

[1]) Text Book, p. 237.

Digitized by Google

ніями. Нетрудно выяснить тѣсную связь метафизическихъ воззрѣній Джэмса съ его ученіемъ о свободѣ воли. Я не разъ указывалъ на то, что Джэмсъ стоитъ на точкѣ зрѣнія *гипотетическаго дуализма*, принимая на вѣру реальность независящаго отъ нашего сознанія *матеріальнаго міра* и самостоятельную активность *духовной субстанціи.* При такомъ двоякомъ догматизмѣ легко сбиваться и на чисто матеріалистическую, и на чисто спиритуалистическую точку зрѣнія. Говоря, что сознаніе есть *продуктъ матеріальныхъ факторовъ*, Джэмсъ впадаетъ незамѣтно для себя въ грубый матеріализмъ, въ которомъ онъ же самъ ранѣе упрекалъ Спенсера [1]). Предполагая, что произвольное волевое усиліе есть первичная сила, присущая нашей духовной субстанціи и не обусловленная никакими матеріальными факторами, Джэмсъ высказываетъ утвержденіе, сходное *со спиритуалистическимъ воззрѣніемъ* на свободу воли, высказаннымъ нѣкогда Декартомъ. Только, согласно Декарту, душа можетъ *непосредственно* измѣнять *направленіе* жизненныхъ духовъ (мы бы сказали «нервныхъ токовъ»), а, согласно Джэмсу, она можетъ вносить измѣненіе въ дѣятельность нервныхъ токовъ *косвеннымъ образомъ*, измѣняя интенсивность и продолжительность усилія, и, такимъ образомъ, задерживая въ сознаніи или устраняя изъ него извѣстныя идеи, связанныя съ движеніями. Метафизическія соображенія въ пользу свободы воли Джэмсъ подкрѣпляетъ ссылкою на непосредственное свидѣтельство нашего сознанія, почерпаемое нами изъ самонаблюденія: *мы чувствуемъ себя свободными*, можетъ быть, мы и на самомъ дѣлѣ свободны. Этой ссылкѣ на свидѣтельство сознанія (которую мы также находимъ у Декарта) [2]) Джэмсъ, впрочемъ, не придаетъ рѣшающаго значенія. Увѣренія его, будто вопросъ объ эмпирической свободѣ воли неразрѣшимъ на почвѣ чисто психологической, недостаточно обоснованы. По мнѣнію Джэмса, мы никогда не будемъ въ состояніи рѣшить съ математической строгостью, обусловлены ли интенсивность и продолжительность усилія всецѣло окружающими условіями и физіологической дѣятельностью организма или нѣтъ. Изъ того, что продолжительность и интенсивность волевого усилія всегда останутся для психолога *неопредѣленными по величинѣ*, онъ заключаетъ, что мы не вправѣ рѣшить, обусловлены ли эти душевныя явленія предшествующимъ ходомъ нашей жизни или нѣтъ. Между тѣмъ распространеніе господства закона причинности на всю сферу міровыхъ явленій (и психическихъ, и физическихъ) вовсе не зависитъ отъ того, въ состояніи ли мы или нѣтъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ точности опредѣлить количественное соотношеніе между двумя явленіями. Въ метеорологическихъ явленіяхъ, напримѣръ, до

[1]) См. стр. 5-ю.
[2]) Principia, I. 39.

Digitized by Google

сихъ поръ не удавалось вскрыть закономѣрныхъ и притомъ точно измѣримыхъ соотношеній, и тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ томъ, что эти явленія подчинены закону причинности.

Въ ученіи Джэмса о волѣ слѣдуетъ еще отмѣтить одну частность, которая характерна, какъ выраженіе общаго стремленія Джэмса устранять изъ психологіи Erfundene Empfindungen. Онъ указываетъ на то, что «для возникновенія волевыхъ произвольныхъ движеній является прежде всего необходимымъ предварительное накопленіе идей о различныхъ возможныхъ движеніяхъ, идей, которыя остаются въ нашей памяти, послѣ того какъ мы неоднократно произведемъ соотвѣтствующія имъ движенія непроизвольнымъ образомъ.» Такія *идеи о движеніяхъ*, по мнѣнію Джэмса, могутъ быть только двухъ родовъ: «*непосредственныя* (кинэстетическія), т. е. идеи о движеніи въ самыхъ двигающихся частяхъ нашего тѣла, и *опосредствованныя*, т. е. идеи о движеніи нашего тѣла, поскольку это движеніе видимо, слышимо нами, или поскольку оно оказываетъ извѣстное дѣйствіе (ударъ, давленіе, царапанье) на какую-нибудь другую часть нашего тѣла». Предполагать существованіе какого-либо третьяго рода моторныхъ идей, по мнѣнію Джэмса, нѣтъ никакихъ основаній. «Нѣкоторые психологи, говоритъ онъ, предполагали, что сверхъ того въ данномъ случаѣ необходима *идея о степени иннервації*, необходимой для сокращенія мышцъ. По ихъ мнѣнію, нервный токъ, идущій при разрядѣ изъ двигательнаго центра въ двигательный нервъ, порождаетъ ощущеніе sui generis, отличающееся отъ всѣхъ другихъ ощущеній». Джэмсъ полагаетъ, что «нѣтъ никакой надобности сознавать степень иннервації центробѣжнаго тока». «Различныя степени «усилія», дѣйствительно испытываемыя нами, когда мы производимъ то-же движеніе, но по отношенію къ предметамъ, представляющимъ различную силу сопротивленія, *всѣ обусловлены центростремительными токами*, идущими отъ нашей груди, челюстей, брюшной полости и другихъ частей тѣла, въ которыхъ происходятъ симпатическія сокращенія мышцъ, когда прилагаемое нами усиліе велико». Иннервационное чувство (*idea of the amount of innervation*), связанное съ возбужденіемъ *центробѣжныхъ* нервовъ, есть одно изъ «выдуманныхъ ощущеній», на существованіе которыхъ психологическое самонаблюденіе намъ не даетъ ни малѣйшихъ указаній.

XV.

Въ сдѣланномъ мною бѣгломъ обзорѣ психологическихъ воззрѣній Джэмса я пытался показать, что «естественно-историческій методъ», положенный Джэмсомъ въ основаніе его психологическихъ изслѣдованій, за немногими отступленіями выдерживается имъ съ

Digitized by Google

большою послѣдовательностью. Борьба противъ «психическаго атомизма», противъ «выдуманныхъ ощущеній» и стремленіе повсюду опираться только на данныя непосредственнаго самонаблюденія проникаютъ насквозь оба психологическихъ труда Джэмса. Въ этомъ, мнѣ кажется, можно съ наглядностью убѣдиться изъ слѣдующаго списка гипотетическихъ психическихъ процессовъ и элементовъ душевной жизни (я назвалъ бы ихъ «*метапсихическими*»), которые Джэмсъ пытается устранить изъ области психологіи:

Изъ *ученія о сознаніи:* — *mind-stuff*, *unconscious representations*, *nascent consciousness* (см. стр. 5-ю).

Изъ *психофизики:* — *sensation unit* (см. стр. 15-ю).

Изъ *ученія о личности:* — *simple idea* (см. стр. 18-ю).

Изъ *теоріи различенія:* — *existential discrimination*, какъ единственный видъ различенія, къ которому сводится и *differential discrimination* (см. стр. 23-ю).

Изъ *ученія о пространствѣ:* — *non-spatial sensations*, *Lokalzeichen* (Лотце) и связанные съ ними воображаемые душевные процессы: *mental chemistry* (Миллей—отца и сына), *psychical synthesis* (Вундта) и т. п. (см. стр. 26-ю).

Изъ *ученія объ эмоціи:* — *disembodied emotion* (см. стр. 30-ю).

Изъ *ученія о волѣ:* — *idea of the amount of innervation* (см. стр. 33-ю).

Собственнымъ своимъ метафизическимъ воззрѣніямъ (теоріи психогенезиса, гипотетическому дуализму, спиритуалистическому и телеологическому взгляду на личность и индетерминизму) Джэмсъ отнюдь не придаетъ рѣшающаго значенія, и на непосредственное истолкованіе душевныхъ явленій эти взгляды, какъ мы видѣли, не оказываютъ глубокаго вліянія. Джэмсъ отлично сознаетъ тѣ затрудненія, которыя связаны съ занятымъ имъ въ метафизикѣ положеніемъ, и самъ въ заключительной главѣ своей психологіи съ большимъ діалектическимъ искусствомъ отмѣчаетъ ихъ [1]). Гипотетическій дуализмъ, по его мнѣнію, есть лишь временная условная точка зрѣнія на отношеніе духа къ познаваемому міру. Окончательный отвѣтъ на вопросъ о взаимодѣйствіи души и тѣла можетъ быть найденъ только критической философіей: «Только съ помощью философскихъ умозрѣній идеалистическаго характера и изслѣдованій въ области такъ называемой «тео-

[1]) Text Book., 461.

Digitized by Google

ріи знанія» (*Erkenntnisstheorie*) для насъ станетъ вполнѣ яснымъ принимаемое натуралистами на вѣру утвержденіе, будто наши мысли «познаютъ» внѣшніе объекты» [1]). Возводя въ принципъ строгое отдѣленіе непосредственно-изучаемыхъ данныхъ сознанія отъ метафизическихъ предпосылокъ и видя въ трансцендентальномъ идеализмѣ критической философіи единственный путь къ правильному рѣшенію основныхъ проблемъ психологіи, Джэмсъ является такимъ же (можетъ быть, не вполнѣ сознательнымъ) представителемъ научно-философскаго критицизма въ экспериментальной психологіи, какимъ явился лѣтъ пятнадцать тому назадъ соотечественникъ Джэмса бостонскій философъ Сталло въ области физико-химическихъ наукъ [2]). Отдѣляя гипотетическія, умопостигаемыя фикціи отъ непосредственныхъ данныхъ опыта, борясь, Джэмсъ—противъ психическаго, Сталло—противъ физическаго атомизма, оба американскихъ философа выступаютъ съ энергичнымъ протестомъ противъ догматизма, проникающаго самую постановку основныхъ вопросовъ естествознанія у европейскихъ натуралистовъ.

---

7 Апрѣля 1896 года.

И. Лапшинъ.

---

[1]) Text Book, 466.

[2]) Stallo: La matière et la physique moderne. Сжатую характеристику этого превосходнаго сочиненія читатель найдетъ въ «Principes de la nature» Шарля Ренувье, изд. 2-ое, 1892-ой г., т. I-й, стр. 165-я.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Опредѣлить психологію всего лучше можно словами профессора Ладда, какъ науку, занимающуюся *описаніемъ* и *истолкованіемъ состояній сознанія, какъ таковыхъ.* Подъ состояніями сознанія здѣсь разумѣются такія явленія, какъ ощущенія, желанія, эмоціи, познавательные процессы, сужденія, рѣшенія, хотѣнія и т. п. Въ составъ истолкованія этихъ явленій должно, конечно, входить изученіе какъ тѣхъ причинъ и условій, при которыхъ они возникаютъ, такъ и изученіе дѣйствій, непосредственно ими вызываемыхъ, поскольку тѣ и другія могутъ быть констатированы.

Въ предлагаемомъ сочиненіи психологія должна излагаться, какъ естественная наука. Это замѣчаніе требуетъ поясненія. Большинство мыслителей полагаетъ, что въ существѣ дѣла есть только одна наука о всѣхъ объектахъ познанія, и что, пока не познано все, ничто не можетъ быть познано вполнѣ. Если бы такая наука когда-нибудь осуществилась, то это была бы философія. На самомъ дѣлѣ она осуществится еще очень не скоро; вмѣсто нея мы имѣемъ теперь въ различныхъ областяхъ массу начатковъ знанія, обособленныхъ другъ отъ друга ради практическаго удобства до того времени, пока съ дальнѣйшимъ ростомъ знанія они не сольются въ единый кодексъ истины. Эти временные начатки знанія мы обозначаемъ именемъ «наукъ», во множественномъ числѣ. Ради экономіи времени въ работѣ каждая изъ этихъ наукъ ограничивается произвольно избранными проблемами знанія, игнорируя всѣ остальныя.

Такимъ путемъ каждая наука принимаетъ на вѣру извѣстныя данныя, предоставляя другимъ отдѣламъ философіи подвергать критикѣ ихъ истинность и значеніе. Такъ, напримѣръ, всѣ естественныя науки, вѣрятъ въ абсолютно-независящее отъ познающаго ума существованіе міра матеріи, не взирая на то, что болѣе глубокій философскій анализъ этого вопроса ведетъ къ идеализму. Механика приписываетъ этой матеріи обладаніе *массой*,

Digitized by Google

проявленіе *силы*, опредѣляя эти понятія чисто феноменальнымъ образомъ и не смущаясь тѣми ирраціональностями, которыя можно вскрыть въ этихъ понятіяхъ при дальнѣйшемъ анализѣ. Подобнымъ образомъ, движеніе принимается въ механикѣ за нѣчто абсолютно-независящее отъ познающаго субъекта, не смотря на затрудненія, къ которымъ приводитъ такое утвержденіе. Подобнымъ же некритическимъ путемъ въ физикѣ допускается существованіе атомовъ, дѣйствія на разстояніи etc., химія беретъ на вѣру всѣ данныя физики, а физіологія—всѣ данныя химіи. Психологія, какъ естественная наука, разсматриваетъ явленія съ такой же односторонней и временно-условной точки зрѣнія. Сверхъ реальности «матеріальнаго міра» со всѣми его свойствами, принимаемой на вѣру другими естественными науками, психологія постулируетъ дополнительныя, по преимуществу ей принадлежащія данныя, предоставляя другимъ, болѣе разработаннымъ отдѣламъ философіи констатировать ихъ реальность и оцѣнить ихъ конечное значеніе. Эти данныя суть слѣдующія:

1) *мысли* и *чувства* и рѣшительно все, что можетъ служить названіемъ для *измѣнчивыхъ состояній сознанія*,

2) *познаваніе* другихъ явленій при посредствѣ этихъ состояній сознанія. Къ такимъ явленіямъ относятся матеріальные объекты и событія и другія состоянія познающаго ума. Матеріальные объекты могутъ быть близки или далеки по пространству и по времени, состоянія ума могутъ принадлежать не одному только психологу-изслѣдователю, но и другимъ лицамъ, или самому изслѣдователю, но въ различное время.

Какъ одно *нѣчто* можетъ познавать *другое*—это составляетъ проблему такъ называемой теоріи знанія. Какимъ образомъ такая вещь, какъ «состояніе ума», вообще можетъ существовать—это составляетъ предметъ раціональной (названной такъ въ отличіе отъ эмпирической) психологіи. Полная истина о «состояніяхъ сознанія» станетъ извѣстной только тогда, когда и теорія знанія, и раціональная психологія скажутъ свое послѣднее слово. Тѣмъ временемъ о нихъ можетъ быть собрана масса условныхъ истинъ, которыя неизбѣжно войдутъ въ составъ болѣе широкой истины, когда для этого наступитъ время. Такой временный сводъ положеній о состояніяхъ сознанія и о познаваніи, которымъ эти состоянія сознанія пользуются, и есть то, что я разумѣю подъ психологіей, какъ естественной наукой. Каковы бы ни были конечные выводы теоріи о свойствахъ духа, матеріи и познанія, при моемъ пониманіи психологіи ея факты и законы сохранятъ все свое значеніе. Если критическіе умы найдутъ такую естественно-историческую точку зрѣнія произвольно съуживающей взглядъ на вещи, то они не должны ставить это въ упрекъ книгѣ, разсматривающей явленія именно съ такой точки зрѣнія: скорѣе имъ слѣдуетъ дополнить

Digitized by Google

односторонніе взгляды болѣе глубокимъ анализомъ мысли. Неполные отчеты часто являются практически необходимыми. Для того, чтобы въ данномъ случаѣ подняться надъ уровнемъ обычныхъ «научныхъ» предпосылокъ, нужно было бы дать не одинъ томъ, а цѣлую полку томовъ, что значительно превышаетъ силы автора.

Прибавимъ къ этому, что предметомъ этой книги будетъ только человѣческій интеллектъ. Несмотря на то, что психическая жизнь низшихъ животныхъ не безъ успѣха изслѣдовалась въ послѣднее время, мы, за недостаткомъ мѣста, не будетъ ее здѣсь анализировать и только иногда будемъ ссылаться на ея проявленія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда она будетъ проливать свѣтъ на наше изслѣдованіе.

Психическія явленія не могутъ изучаться надлежащимъ образомъ независимо отъ физическихъ условій познаваемаго міра. Великая ошибка старинной раціональной психологіи заключалась въ томъ, что душа представлялась абсолютно духовнымъ существомъ, одареннымъ нѣкоторыми, исключительно ему принадлежащими духовными способностями, съ помощью которыхъ объяснялись различные процессы припоминанія, сужденія, воображенія, хотѣнія etc., почти безъ всякаго отношенія къ тому міру, въ которомъ эти способности проявляютъ свою дѣятельность. Но болѣе свѣдущая въ этомъ вопросѣ современная наука разсматриваетъ наши внутреннія способности, какъ-бы заранѣе приноровленными къ свойствамъ того міра, среди котораго мы живемъ; я хочу сказать, такъ приноровленными, чтобы обезпечить намъ безопасность и счастіе въ окружающей обстановкѣ. Не только наши способности къ образованію новыхъ привычекъ, къ запоминанію послѣдовательныхъ серій явленій, къ отвлеченію общихъ свойствъ отъ вещей и къ ассоціированью съ каждымъ явленіемъ его обычныхъ слѣдствій представляются для насъ какъ разъ руководящимъ началомъ въ этомъ мірѣ, и постояннымъ, и измѣнчивымъ въ тоже время,—но и наши эмоціи и инстинкты также приспособлены къ свойствамъ именно даннаго міра; по большей части, если извѣстное явленіе важно для нашего благополучія, оно съ перваго же разу возбуждаетъ въ насъ живой интересъ. Опасныя явленія вызываютъ въ насъ инстинктивный страхъ, ядовитыя вещи отвращеніе, а предметы первой потребности привлекаютъ насъ къ себѣ. Короче сказать, міръ и умъ развивались одновременно и, въ силу этого, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы приспособились другъ къ другу. Различные виды взаимодѣйствія между міровымъ порядкомъ и закономѣрностью душевныхъ явленій, въ силу которыхъ могла произойти съ теченіемъ времени эта существующая въ настоящее время гармонія отношеній, служили предметомъ многихъ изслѣдованій съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, которыя, хотя далеко еще не привели къ какимъ-нибудь окончательнымъ результатамъ, однако, во всякомъ случаѣ,

Digitized by Google

обогатили этотъ вопросъ новыми идеями и освѣтили цѣлый рядъ новыхъ проблемъ.

Главнымъ результатомъ этого новаго воззрѣнія было все болѣе и болѣе укрѣпляющееся убѣжденіе, что развитіе душевной жизни есть явленіе по преимуществу телеологическаго характера, то есть, что различные виды нашихъ чувствъ и способы мышленія достигли теперешняго состоянія въ силу своей полезности для регулированія нашихъ воздѣйствій на внѣшній міръ.

Въ концѣ-концовъ, немного формулъ въ новѣйшей психологіи оказало болѣе услугъ, чѣмъ спенсеровское положеніе, что сущность душевной и тѣлесной жизни заключается въ одномъ и томъ же, именно въ «приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Низшія животныя и дѣти приспособляются къ находящимся непосредственно передъ ними объектамъ опыта. При болѣе высокой степени умственнаго развитія приспособленіе распространяется на болѣе отдаленные по пространству и по времени объекты опыта и сопровождается болѣе и болѣе сложными и точными процессами мысли.

Первичныя и основныя проявленія душевной жизни суть дѣйствія, клонящіяся къ самосохраненію. На второмъ планѣ въ душевной жизни играютъ роль многія другія случайныя явленія, которыя при дурномъ приспособленіи, могутъ привести ихъ обладателя къ гибели. Психологія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, должна изучать всѣ проявленія душевной дѣятельности—безполезныя и вредныя, наряду съ благопріятствующими приспособленію. Но изученіе вредоносныхъ явленій душевной жизни, составляющее предметъ психіатріи—науки о душевныхъ болѣзняхъ — и изученіе индифферентныхъ (въ смыслѣ приспособленія) явленій душевной жизни, составляющее содержаніе эстетики, вовсе не войдутъ въ составъ предлагаемой книги.

Всѣ душевныя явленія (независимо отъ ихъ полезности) сопровождаются извѣстнаго рода тѣлесными процессами. Они вызываютъ едва замѣтныя перемѣны въ дыханіи, кровообращеніи, общей сокращаемости мускуловъ, въ дѣятельности железъ и сосудовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не вызываютъ никакихъ замѣтныхъ движеній въ мускулахъ, завѣдующихъ произвольными движеніями. Не только извѣстныя душевныя состоянія, какъ, напримѣръ, волненія, но всѣ вообще психическія явленія, какъ таковыя, даже чисто мыслительные процессы и чувствованія—по вызываемымъ ими результатамъ суть двигатели. При дальнѣйшемъ изложеніи мы выяснимъ это въ подробностяхъ. Пока примемъ это положеніе за одинъ изъ основныхъ фактовъ той науки, въ область которой мы вступаемъ.

Выше мы сказали, что слѣдуетъ изучать «условія», опредѣляющія состоянія сознанія. Непосредственнымъ условіемъ, опредѣляю-

Digitized by Google

щимъ состояніе сознанія, служатъ извѣстные процессы въ мозговыхъ полушаріяхъ. Это положеніе подкрѣпляется такимъ множествомъ патологическихъ фактовъ и до такой степени руководитъ физіологами въ самомъ основаніи огромнаго большинства ихъ сужденій, что для человѣка, знакомаго съ физіологіей, является почти аксіомой. Впрочемъ, дать сжатое и неопровержимое доказательство безусловной зависимости психическихъ процессовъ отъ перемѣнъ, происходящихъ въ нервномъ веществѣ, было бы трудно. Что извѣстная степень постоянной общей зависимости душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ существуетъ—этого нельзя отвергать. Достаточно обратить вниманіе на то, какъ быстро можетъ быть уничтожено (по скольку мы можемъ судить) сознаніе—ударомъ по головѣ, быстрымъ кровотеченіемъ, эпилептическимъ припадкомъ, пріемомъ большой дозы алкоголя, опіума, эѳира или закиси азота (N_2O); или, достаточно указать на то, какъ легко качественно измѣнить состояніе сознанія пріемомъ меньшей дозы одного изъ этихъ веществъ или вызовомъ лихорадки, для того, чтобы видѣть, въ какой степени нашъ духъ находится въ зависимости отъ случайныхъ состояній тѣла. Маленькой задержки въ желчномъ протокѣ, пріема слабительнаго, чашки крѣпкаго кофе въ извѣстную минуту достаточно, чтобы на время совершенно измѣнить взгляды человѣка на жизнь. Состоянія нашего духа и наши рѣшенія болѣе зависятъ отъ нашего кровообращенія, чѣмъ отъ логическихъ основаній. Будетъ-ли человѣкъ въ извѣстномъ случаѣ трусомъ или героемъ—это зависитъ отъ временнаго состоянія его «нервовъ». Во многихъ случаяхъ помѣшательства (хотя отнюдь не во всѣхъ) были найдены замѣтныя измѣненія мозговой ткани. Разрушеніе вполнѣ опредѣленныхъ участковъ мозговыхъ полушарій вызываетъ потери памяти и пріобрѣтенной двигательной способности вполнѣ опредѣленныхъ порядковъ (къ этому мы возвратимся въ отдѣлѣ «афазія»). Если принять въ соображеніе всѣ эти факты въ совокупности, мы невольно готовы допустить представляющееся нашему уму простое и радикальное положеніе: всѣ душевные процессы безразлично являются безусловно функціею мозговой дѣятельности, измѣняясь параллельно послѣдней и относясь къ ней, какъ дѣйствіе къ причинѣ.

Это соображеніе служитъ руководящей (регулятивной) гипотезой всей физіологической психологіи послѣднихъ лѣтъ и будетъ играть роль такой же гипотезы и въ настоящемъ сочиненіи. Взятая въ такой абсолютной формѣ она, быть можетъ, утверждаетъ слишкомъ многое, заключая въ себѣ истину лишь отчасти. Но единственный способъ удостовѣриться въ ея несостоятельности заключается въ ея серьезномъ приложеніи ко всякому случаю, какой только попадется. Разработка гипотезы во всей ея ширинѣ во многихъ случаяхъ является единственнымъ средствомъ доказать ея несостоятельность. Я, впрочемъ, готовъ утверждать безъ малѣйшаго колебанія съ самаго

Digitized by Google

начала, что единообразіе въ соотношеніяхъ психическихъ и мозговыхъ процессовъ составляетъ законъ природы. Детальное истолкованіе этого закона всего лучше покажетъ, гдѣ трудно и гдѣ легко обнаружить его проявленія. Нѣкоторымъ читателямъ предлагаемая гипотеза можетъ показаться самымъ неосновательнымъ предвзятымъ *матеріализмомъ*. Въ извѣстномъ смыслѣ это, конечно, матеріализмъ: гипотеза наша подчиняетъ высшее произволу низшаго. Но, хотя мы и утверждаемъ, что *реализація* мысли есть результатъ механическихъ законовъ (ибо, согласно другой «руководящей гипотезѣ», именно физіологической, законы мозговой дѣятельности въ существѣ дѣла суть механическіе законы), мы ни мало не объясняемъ природы мысли, устанавливая зависимость между физическимъ и психическимъ, и въ послѣднемъ смыслѣ наше предположеніе не есть матеріализмъ. Тѣ авторы, которые безусловно настаиваютъ на зависимости нашихъ мыслей отъ нашего мозга, какъ на неоспоримомъ фактѣ, нерѣдко являются наиболѣе настойчивыми сторонниками того мнѣнія, что этотъ фактъ необъяснимъ, и что коренная сущность сознанія никогда не можетъ быть раціональнымъ образомъ выведена изъ какихъ-либо матеріальныхъ причинъ. Безъ сомнѣнія, нужно проработать нѣсколькимъ поколѣніямъ психологовъ, чтобы установить съ надлежащей точностью гипотезу о зависимости душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ. До того времени книги, постулирующія ее, будутъ опираться до нѣкоторой степени на проблематическій принципъ. Но студентъ, изучающій психологію, долженъ помнить, что въ наукахъ постоянно практикуются подобные рискованные пріемы, и онѣ обыкновенно прогрессируютъ зигзагомъ отъ одной абсолютной формулы къ другой, которая исправляетъ первую чрезмѣрнымъ уклоненіемъ въ противоположную сторону. Въ настоящее время психологія двигается въ матеріалистическомъ направленіи, и, въ интересахъ ея конечныхъ успѣховъ, ей должна быть предоставлена полная свобода двигаться въ этомъ направленіи даже тѣми, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ конечной цѣли, не возвратившись вспять. Въ одномъ только во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, именно въ томъ, что, слившись съ философіей въ ея цѣломъ, психологическія формулы получатъ совершенно иное значеніе сравнительно съ тѣмъ, какое онѣ имѣли такъ долго, изучаясь съ точки зрѣнія обособленной и изувѣченной естественной науки, какъ бы ни являлось необходимымъ и неизбѣжнымъ изученіе психическихъ явленій съ такой временно-условной точки зрѣнія.

Подраздѣленія психологіи. Итакъ, намъ предстоитъ изучать, по мѣрѣ возможности, состоянія сознанія въ ихъ соотношеніи съ вѣроятными нервными условіями. Въ настоящее время окончательно выяснено, что нервная система есть не что иное, какъ машина, воспринимающая внѣшнія воздѣйствія, и цѣлесообразно реагирующая на

Digitized by Google

нихъ, въ видахъ сохраненія индивида и его рода,—это не требуетъ разъясненій для читателя, знакомаго хотя самымъ поверхностнымъ образомъ съ физіологіей.

Итакъ, анатомически нервная система, подраздѣляется на три главныхъ отдѣла:

1) Нервы, приносящіе токи, центростремительные,
2) Органы центральнаго распредѣленія токовъ, и
3) Нервы, относящіе токи, центробѣжные.

Что касается функцій, то мы имѣемъ ощущеніе, центральное дѣйствіе и движеніе. Психологически мы можемъ соотвѣтствующимъ образомъ подраздѣлить сферу нашего анализа, согласно аналогичной схемѣ, и послѣдовательно разсматривать три основныхъ сознательныхъ процесса и ихъ условія. Первый классъ составляютъ ощущенія, второй—церебрація или умственные процессы, третій—стремленія къ дѣйствію. При подобномъ дѣленіи неизбѣжно возникаетъ нѣкоторая неясность, но для такой книги, какъ наша, оно представляетъ практическія удобства, и потому мы будемъ придерживаться этого дѣленія, не взирая на возраженія, которыя можно противъ него сдѣлать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ ощущеніи вообще.

Центростремительные нервные токи суть единственные нормальные агенты, дѣйствующіе на мозгъ. Нервные центры человѣка окружены многими плотными оболочками, которыя предохраняютъ ихъ отъ непосреднаго вліянія силъ внѣшней природы. Волосы, толстая черепная кожа, черепъ и, по крайней мѣрѣ, двѣ мозговыхъ оболочки, изъ которыхъ одна твердая, облекаютъ головной мозгъ; кромѣ того, этотъ органъ, какъ и спинной мозгъ, погруженъ въ серозную жидкость, въ которой онъ какъ бы плаваетъ. При такихъ условіяхъ на мозгъ могутъ вліять только слѣдующіе факторы:

1) Крайне слабые, тупые механическіе толчки.
2) Измѣненіе притока крови, качественное и количественное.
3) Нервные токи, пробѣгающіе по такъ называемымъ приносящимъ или центростремительнымъ путямъ.

Механическіе толчки обыкновенно не производятъ никакого дѣйствія на мозгъ; эффекты, вызываемые перемѣнами въ кровообращеніи, обыкновенно бываютъ преходящи; наоборотъ, нервные токи производятъ результаты органическаго свойства, какъ въ моментъ ихъ прибытія, такъ и позднѣе, оставляя незамѣтные слѣды

Digitized by Google

въ мозговомъ веществѣ, которые, мы полагаемъ, остаются болѣе или менѣе постоянными свойствами его структуры, видоизмѣняя его дѣятельность на все будущее время.

Каждый приносящій нервъ идетъ отъ опредѣленной части периферіи и раздражается и возбуждается къ внутренней дѣятельности особою внѣшнею силою. Обыкновенно нервъ извѣстной природы нечувствителенъ къ воздѣйствіямъ несоотвѣтствующаго порядка. Такъ, напримѣръ, зрительные нервы невоспріимчивы къ колебаніямъ воздушныхъ волнъ, кожные нервы—къ свѣтовымъ волнамъ эѳира. Язычный нервъ не возбуждается ароматическими благовоніями, жаръ не оказываетъ никакого дѣйствія на слуховой нервъ. Каждая категорія нервовъ выбираетъ изъ вибрацій окружающей среды только тѣ, которыя исключительно ей соотвѣтствуютъ. Въ результатѣ наши ощущенія образуютъ рядъ прерывныхъ серій, отдѣленныхъ другъ отъ друга громадными промежутками. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что порядокъ вибрацій во внѣшнемъ мірѣ представляетъ такую же прерывную серію, какъ и порядокъ нашихъ ощущеній. Между самымъ быстрымъ слышимымъ движеніемъ воздушныхъ волнъ (самое большое = 40,000 колебаній въ секунду) и самымъ медленнымъ движеніемъ тепловыхъ волнъ (быть можетъ, нѣсколько билліоновъ колебаній въ секунду) природа должна была гдѣ-нибудь осуществить безчисленное множество посредствующихъ звеньевъ, для воспріятія которыхъ мы не имѣемъ соотвѣтствующихъ нервовъ. Весьма возможно, что процессъ, происходящій въ нервныхъ волокнахъ самыхъ различныхъ нервовъ, тожественъ, или, по крайней мѣрѣ, сходенъ. Это—такъ называемый «токъ», но въ ретинѣ токъ *пускается въ ходъ* однимъ порядкомъ внѣшнихъ вибрацій—а въ ухѣ, напримѣръ, другимъ порядкомъ. Это обусловлено различіемъ *концевыхъ* аппаратовъ, которыми снабжены многіе центростремительные нервы. Совершенно такъ же, какъ мы вооружаемся ложкою, чтобы взять супа, и вилкою, чтобы взять говядины, нервныя волокна вооружаются однимъ концевымъ аппаратомъ для воспріятія воздушныхъ волнъ, другимъ—для воспріятія волнъ эѳира. Концевой аппаратъ всегда состоитъ изъ модифицированныхъ эпителіальныхъ клѣтокъ, представляя съ нервными волокнами одно непрерывное цѣлое. Самое нервное волокно непосредственно возбуждается внѣшнимъ агентомъ, который сначала воздѣйствуетъ на концевой аппаратъ. Волокна зрительнаго нерва не получаютъ впечатлѣнія непосредственно отъ солнечныхъ лучей; можно касаться льдомъ до кожнаго нервнаго ствола, не вызывая ощущенія холода [1]). Нервы — простые проводники; концевые аппараты — многочи-

[1]) Паціентъ, впрочемъ, можетъ при этомъ экспериментѣ испытывать *боль*; необходимо допустить, что всевозможныя нервныя волокна, равно какъ и концевые аппараты, до извѣстной степени способны возбуждаться съ помощью механическаго и электрическаго раздражителя.

Digitized by Google

ленные несовершенные телефоны, въ которые внѣшній міръ говоритъ, и изъ которыхъ каждый воспринимаетъ только часть сказаннаго; мозговыя клѣтки у центральныхъ концовъ нервныхъ волоконъ представляютъ такое же число телефонныхъ станцій:—черезъ нихъ умъ воспринимаетъ издалека обращенныя къ нему рѣчи.

«Специфическія энергіи» различныхъ частей мозга. Анатомы до извѣстной степени точно прослѣдили пути, по которымъ чувствительныя нервныя волокна направляются послѣ входа въ центральныя части вплоть до ихъ окончанія въ сѣромъ веществѣ мозговыхъ извилинъ [1]). Ниже мы увидимъ, что сознательные процессы, сопровождающіе раздраженіе этого сѣраго вещества, измѣняются въ зависимости отъ того, какой участокъ сѣрой массы мы будемъ раздражать. Они являются зрительными воспріятіями при раздраженіи затылочныхъ долей и слуховыми при раздраженіи верхней части височныхъ долей. Каждый участокъ мозговой коры отвѣчаетъ на раздраженіе, приносимое ему его центростремительными нервами такимъ способомъ, съ которымъ, повидимому, постоянно связанъ извѣстный специфическій родъ ощущеній. Это то, что было названо закономъ *специфическихъ энергій* въ нервной системѣ. Разумѣется, мы не можемъ даже гадательнымъ образомъ объяснить основаніе для этого закона. Психологи (Льюисъ, Вундтъ, Розенталь, Гольдшейдеръ и другіе) много спорили о томъ, зависитъ-ли качественное различіе ощущеній только отъ раздражаемаго *мѣста* въ корѣ, или отъ *свойствъ тока*, проводимаго нервомъ. Безъ сомнѣнія, извѣстный видъ внѣшней силы, постоянно воздѣйствующей на концевой аппаратъ, постепенно его модифицируетъ; извѣстный родъ возбужденія, полученный отъ концевого аппарата, модифицируетъ нервное волокно, и извѣстный родъ тока сообщается этимъ модифицированнымъ нервнымъ волокномъ въ кортикальный центръ и модифицируетъ этотъ центръ. Въ свою очередь, модификація центра измѣняетъ получающееся въ результатѣ ощущеніе, хотя никто не опредѣлитъ, какъ это дѣлается и почему. Но эти взаимодѣйствующія модификаціи должны происходить крайне медленно, и, по скольку дѣло идетъ о взросломъ индивидѣ, можно съ увѣренностью сказать, что *мѣсто*, раздражаемое въ корѣ, болѣе чѣмъ что-либо другое опредѣляетъ качества ощущенія, которое онъ будетъ испытывать. Будемъ-ли мы давить на ретину, колоть, рѣзать, щипать или раздражать электричествомъ живой зрительный нервъ, испытуемый субъектъ всегда будетъ ощущать потоки свѣта, такъ какъ конечный результатъ нашихъ экспериментовъ — это раздраженіе заты-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, зрительныя нервныя волокна направляются къ затылочнымъ долямъ, обонятельныя—къ нижней части височныхъ долей, слуховыя прежде всего направляются къ мозжечку, а оттуда, по всей вѣроятности, къ верхней части височной доли. Анатомическіе термины, употребляемые нами въ этой главѣ, будутъ объяснены ниже. Корою называется сѣрая поверхность мозговыхъ извилинъ (cortex).

Digitized by Google

лочной доли коры. Такимъ образомъ, наши обычные способы ощущать внѣшніе объекты зависятъ отъ того, съ какими частями мозга связаны опредѣленные концевые аппараты, на которые упадетъ внѣшнее раздраженіе. Мы *видимъ* солнечное сіяніе и огонь потому только, что единственный концевой аппаратъ, способный воспринимать колебанія эѳирныхъ волнъ, излучаемыхъ этими предметами, возбуждаетъ тѣ именно нервныя волокна, которыя ведутъ къ зрительнымъ центрамъ. Если бы мы могли произвести обмѣнъ во внутреннихъ отношеніяхъ мозговыхъ элементовъ, то внѣшній міръ представалъ бы передъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ. Если бы можно было, напримѣръ, сростить внѣшній конецъ нашего зрительнаго нерва съ ухомъ, а внѣшній конецъ слуховаго нерва съ глазомъ, то мы бы слышали молнію и видѣли громъ, мы бы видѣли симфонію и слышали движенія палочки дирижера. Подобныя гипотезы могутъ служить хорошей школой для непосвященныхъ въ идеалистическую философію.

Отличіе ощущенія отъ воспріятія. Строго говоря, нельзя *опредѣлить*, что такое ощущеніе; въ обыденной жизни сознанія ощущенія, какъ ихъ обыкновенно называютъ, и воспріятія переходятъ одни въ другія незамѣтнымъ образомъ. Мы можемъ только сказать, что подъ ощущеніями мы разумѣемъ *первичные* элементы сознанія, Они суть непосредственные сознательные результаты проникновенія нервныхъ токовъ въ мозгъ, прежде чѣмъ послѣдніе успѣли вызвать ассоціаціи или воспоминанія, почерпнутыя изъ болѣе ранняго опыта. Но, очевидно, такія непосредственныя ощущенія можно испытывать лишь въ самые ранніе дни сознательной жизни. Для взрослыхъ же съ развитою памятью и пріобрѣтеннымъ запасомъ ассоціацій они совершенно невозможны. До полученія впечатлѣнія черезъ органы чувствъ мозгъ погруженъ въ глубокій сонъ, и сознаніе въ сущности отсутствуетъ. Даже первую недѣлю послѣ рожденія дѣти проводятъ почти въ непрерывномъ снѣ. Нуженъ весьма значительный импульсъ со стороны органовъ чувствъ, чтобы прервать эту дремоту. Въ мозгу новорожденнаго этотъ импульсъ вызываетъ абсолютно чистое ощущеніе. Но опытъ оставляетъ «едва замѣтные слѣды» въ мозговомъ веществѣ, и послѣдующія впечатлѣнія, пересылаемыя органами чувствъ, вызываютъ въ мозгу реакцію, въ которой пробужденный слѣдъ предшествующаго впечатлѣнія играетъ свою роль. Въ результатѣ получается новый видъ ощущенія и высшая ступень познаванія. «Идеи» о предметѣ смѣшиваются съ простымъ сознаваніемъ его наличности для ощущеній; мы называемъ его, классифицируемъ, сравниваемъ съ другими, составляемъ о немъ сужденія, и такимъ путемъ осложненіе возможнаго матеріала сознанія, который можетъ быть доставленъ усиливающимся потокомъ внѣшнихъ впечатлѣній, все болѣе и болѣе возрастаетъ до конца жизни. Вообще, это болѣе вы-

Digitized by Google

сокаго порядка сознаваніе объектовъ и называется воспріятіемъ, нерасчлененное же (неясное) сознаваніе ихъ наличности составляетъ ощущеніе, поскольку мы таковое вообще можемъ имѣть. Въ тѣ минуты, когда наше вниманіе совершенно разсѣяно, мы, повидимому, способны до нѣкоторой степени впадать въ потокъ безсвязныхъ ощущеній.

Въ ощущеніяхъ есть способность къ познаванію. Иначе говоря, ощущеніе въ чистомъ видѣ есть абстракція: въ опытѣ само по себѣ оно рѣдко реализуется, и объектъ, воспринимаемый чистымъ ощущеніемъ, есть объектъ абстрактный: онъ не можетъ существовать абсолютно изолированнымъ. «Чувственныя качества» суть объекты ощущенія. Ощущенія глаза сознаютъ *цвѣта* объектовъ, ощущенія уха—*звуки*, ощущенія кожи—*тяжесть*, *остроту*, *тепло* и *холодъ*. Отъ всѣхъ органовъ нашего тѣла могутъ пробѣгать нервные токи, сообщающіе намъ о качествѣ *боли* и до нѣкоторой степени о качествѣ *удовольствія*.

Такія качества, какъ *липкость*, *шероховатость* ect., возникли, какъ полагаютъ, изъ взаимодѣйствія осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній. Съ другой стороны, геометрическія свойства предметовъ—ихъ размѣры, величина, разстояніе между ними etc. (поскольку мы ихъ отожествляемъ и различаемъ) большинствомъ психологовъ признаются невозможными безъ помощи припоминанія прежнихъ опытовъ; познаніе этихъ свойствъ, по ихъ мнѣнію, превышаетъ силы чистаго, непосредственнаго ощущенія.

Познаваніе чего-нибудь и познаніе о чемъ-нибудь. Съ такой точки зрѣнія, ощущеніе отличается отъ воспріятія только крайней простотой своего объекта или содержанія. Его объектъ, будучи простымъ качествомъ, чувственно-однороденъ; его функція, такимъ образомъ, сводится къ простому познаванію факта, кажущагося однороднымъ. Функція же воспріятія есть уже нѣкоторое познаніе о фактѣ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы все время должны знать, *что* за фактъ мы имѣемъ въ виду, и разнообразный матеріалъ этихъ «что» намъ доставляютъ ощущенія. Въ самомъ раннемъ періодѣ жизни наши мысли бываютъ почти исключительно конкретнаго характера. Онѣ сообщаютъ намъ массу «что», «то», «это». По словамъ Кондильяка, видя въ первый разъ свѣтъ, мы *сами составляемъ* этотъ свѣтъ скорѣе, чѣмъ *видимъ* его. Но все наше позднѣйшее зрительное познаніе опирается на этотъ опытъ. Если бы тотчасъ послѣ него мы вдругъ ослѣпли, наши свѣдѣнія объ этомъ не утратили бы существенныхъ чертъ, пока мы сохраняли бы объ этомъ воспоминаніе. Въ школахъ для слѣпыхъ ученикамъ сообщаютъ столько же свѣдѣній о свѣтѣ, какъ и въ другихъ школахъ. Изучаются и отраженіе, и преломленіе, и спектръ, и гипотеза эфира и т. п. Но самый лучшій слѣпорожденный воспитанникъ такого заведенія имѣетъ въ знаніи пробѣлы, которыхъ нѣтъ у самаго невѣжествен-

Digitized by Google

наго зрячаго ребенка. Зрячій никогда не объяснитъ слѣпому, что такое *свѣтъ* вообще, и потеря извѣстной сферы ощущеній не вознаградима никакою школьною выучкой. Все это до того очевидно, что мы видимъ ощущеніе «постулируемымъ» въ качествѣ опытнаго элемента даже тѣми философами, которые всего менѣе склонны придавать ему большое значеніе и цѣнить доставляемое имъ знаніе.

Отличіе ощущеній отъ воспроизведенныхъ представленій. И ощущеніе, и воспріятіе, при всемъ различіи между ними, сходны въ томъ, что ихъ объекты воспринимаются *ярко*, *живо*, *предстоятъ во-очію*. Наоборотъ, *объекты* только *мыслимые*, *припоминаемые* или *воображаемые* относительно блѣдны и лишены той колоритности, того свойства *реальной наличности*, которымъ обладаютъ объекты ощущенія. Процессы въ мозговой корѣ, съ которыми связаны ощущенія, зависятъ отъ центростремительныхъ токовъ, притекающихъ отъ периферіи; чтобы получилось ощущеніе, нужно, чтобы внѣшній объектъ подѣйствовалъ въ качествѣ раздражителя на глазъ, на ухо и т. д. Съ другой стороны, тѣ процессы въ мозговой корѣ, съ которыми связаны простыя воспроизведенныя представленія, по всей вѣроятности, зависятъ отъ нервныхъ токовъ, притекающихъ отъ другихъ мозговыхъ извилинъ. Такимъ образомъ, можно думать, что нервные токи, идущіе отъ периферіи, при нормальныхъ условіяхъ вызываютъ родъ дѣятельности мозга, который не могутъ вызвать токи, идущіе отъ другихъ извилинъ мозга.

Съ этимъ родомъ дѣятельности, представляющимъ болѣе глубокую степень дезинтеграціи, повидимому, связаны качества живости и объективной реальности воспринимаемаго сознаніемъ предмета.

Объективность предметовъ ощущенія. Всякая вещь или качество ощущаются во внѣшнемъ пространствѣ. Невозможно представить блескъ или цвѣтъ иначе, какъ протяженнымъ и находящимся внѣ тѣла. Звуки также слышны въ пространствѣ, прикосновеніе происходитъ на поверхности тѣла, боль чувствуется непремѣнно въ какомъ-нибудь органѣ. Въ психологіи было распространено мнѣніе, будто чувственныя качества воспринимаются первоначально *въ самомъ умѣ*, а затѣмъ уже проектируются изъ него интеллектуальнымъ или сверхчувственнымъ актомъ ума. Въ пользу этого мнѣнія нельзя привести никакихъ основаній. Единственные факты, которые могли бы, повидимому, свидѣтельствовать въ пользу него, объясняются, какъ мы увидимъ ниже, гораздо лучше инымъ путемъ. Первое ощущеніе, получаемое ребенкомъ, уже есть для него внѣшній міръ. Вселенная, которую онъ познаетъ въ позднѣйшіе періоды жизни, есть не что иное, какъ развитіе первоначальнаго, такъ сказать, эмбріональнаго впечатлѣнія, которое путемъ постепеннаго роста и заполненія содержаніемъ, выросло въ нѣчто столь большое, сложное и расчлененное, что его первичное состояніе совершенно утра-

Digitized by Google

тлюсь для памяти. Въ смутномъ пробужденіи къ сознаванію *чего-то такъ*, «вотъ этого» (или чего-нибудь такого, для чего даже терминъ «это» является слишкомъ опредѣленнымъ, и познаваніе чего лучше охарактеризовать простымъ междометіемъ: «во!»), ребенокъ встрѣчаетъ объектъ, въ которомъ (хотя бы это было простое ощущеніе) уже заключаются всѣ «категоріи разсудка». Въ воспринимаемомъ предметѣ есть объективный внѣшній характеръ, единство, субстанціальность, причинность рѣшительно въ томъ же смыслѣ слова, въ какомъ эти категоріи заключены въ любомъ объектѣ, или системѣ объектовъ для болѣе взрослаго человѣка. Юное существо радостно встрѣчаетъ свой міръ, и чудо познанія возникаетъ разомъ, по словамъ Вольтера, и въ низшемъ ощущеніи ребенка, и въ величайшихъ замыслахъ Ньютонова мозга.

Физіологическимъ условіемъ перваго чувственнаго опыта, вѣроятно, служитъ одновременное стеченіе множества нервныхъ токовъ отъ разныхъ периферическихъ органовъ, но множественность этихъ органическихъ условій не мѣшаетъ сознанію быть *единымъ* сознаніемъ. Ниже мы увидимъ, что сознаніе можетъ быть единымъ, несмотря на наличность многихъ объектовъ познанія заразъ и на зависимость отъ одновременной дѣятельности многочисленныхъ органовъ. Объектъ, доставляемый сознанію ребенка многочисленными приносящими токами, сливается въ одну пеструю, шумную хаотическую смѣсь. Эта смѣсь составляетъ міръ ребенка; для большинства изъ насъ міръ является такою же смѣсью, виртуальнымъ образомъ разложимой и подлежащей разложенію на части, но на самомъ дѣлѣ еще не разложенной. Какъ для насъ, такъ и для ребенка, онъ является вещью, занимающей пространство. Поскольку онъ является для насъ не проанализированнымъ и не разложеннымъ на части, можно сказать, что мы познаемъ его чувственнымъ образомъ; но какъ только мы различили въ немъ составные элементы и начинаемъ сознавать отношенія между ними, наше знаніе становится воспріятіемъ и даже отвлеченіемъ и, какъ таковое, не будетъ разсматриваться нами въ настоящей главѣ.

Интенсивность ощущеній. Свѣтъ можетъ быть такъ тусклъ, что не разсѣетъ замѣтнымъ образомъ мрака, звукъ—такъ глухъ, что не слышенъ, прикосновеніе—такъ слабо, что мы не почувствуемъ его. Другими словами, нужно опредѣленной конечной величины раздраженіе, чтобы вызвать сколько-нибудь замѣтное соотвѣтствующее ощущеніе. Это — фехнеровскій законъ *порога*: раздраженіе должно перейти извѣстную конечную границу, прежде чѣмъ объектъ станетъ доступенъ сознанію. Раздраженіе, чуть-чуть превышающее порогъ, называется minimum visibile, audabile etc. Если мы, начиная отъ порога, будемъ постепенно увеличивать раздраженіе, то и ощущеніе будетъ возрастать, хотя и медленнѣе, пока, наконецъ, не дойдетъ до высшей точки, за которой интенсивность

Digitized by Google

ощущенія не возрастаетъ, несмотря ни на какое увеличеніе раздраженія. Обыкновенно до достиженія высшей точки къ специфическому характеру ощущенія начинаетъ примѣшиваться боль. Это можно вполнѣ ясно наблюдать при сильномъ давленіи, большомъ жарѣ или холодѣ, яркомъ свѣтѣ и громкомъ звукѣ; съ меньшей опредѣленностью—при вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеніяхъ только вслѣдствіе того, что здѣсь труднѣе увеличивать раздраженіе. Съ другой стороны, всѣ ощущенія, даже самыя непріятныя при значительной интенсивности, въ самой слабой степени скорѣе пріятны, чѣмъ непріятны. Чуть-чуть горьковатый вкусъ или легкій запахъ гнили могутъ, по крайней мѣрѣ, представлять что-то, привлекающее къ себѣ наше вниманіе.

Законъ Вебера. Я сказалъ, что интенсивность ощущенія возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ вызывающее его раздраженіе. Если бы не было вовсе порога, и если бы каждый равный приростъ раздраженія вызывалъ бы равный приростъ въ интенсивности ощущенія, то простая прямая линія могла бы вмѣсто кривой служить графическимъ изображеніемъ отношеній между этими двумя величинами. Пусть горизонтальная линія (рис. 1-й) служитъ скалою для интенсивности раздраженія, при *О* пусть всякая интенсивность раздраженія отсутствуетъ, при *1* = единицѣ и т. д. Пусть перпендикуляры, возставленные изъ точекъ дѣленія *1*, *2*, *3* на скалѣ до пересѣченія съ наклонной, означаютъ соотвѣтствующія степени ощущенія. При *О* не будетъ никакого ощущенія; при *1* ощущеніе будетъ выражаться линіей S^1—*1*, при *2*—линіей S^2—2_1 и т. д. Линія *S*'овъ будетъ возрастать равномѣрно, ибо, согласно нашей гипотезѣ, вертикальныя линіи (ощущенія) возрастаютъ прямо пропорціонально горизонтальной (раздраженія). Но въ природѣ, какъ мы уже сказали, ощущеніе возрастаетъ медленнѣе раздраженія. Если каждый шагъ впередъ въ горизонтальномъ направленіи равенъ предшествующему, то каждый шагъ по вертикальному направленію вверхъ долженъ быть нѣсколько короче предъидущаго—и линія ощущеній будетъ выгнутой кривой вмѣсто прямой.

Рис. 2-й соотвѣтствуетъ порядку вещей въ природѣ. *О* означаетъ пунктъ, гдѣ раздраженіе отсутствуетъ, и сознательное ощущеніе, означаемое кривой, начинается лишь по достиженіи раздраженіемъ «порога» въ 3-мъ пунктѣ. Съ этого пункта ощущеніе все болѣе и болѣе возрастаетъ, но съ каждымъ шагомъ все медленнѣе и медленнѣе, пока, наконецъ, не достигнута высшая точка,—тогда кривая приближается къ прямой.

Точная формулировка закона отставанія ощущенія отъ раздраженія приписывается Веберу, ибо онъ первый открылъ его при опредѣленіи тяжести. Я приведу здѣсь сдѣланную Вундтомъ характеристику этого закона и фактовъ, на которыя онъ опирается.

«Всякій знаетъ, что въ тихую ночь мы замѣчаемъ вещи, усколь-

Digitized by Google

зающія отъ нашего вниманія при дневномъ шумѣ. Еле слышное тиканье часовъ, шумъ вѣтра въ дымовой трубѣ, легкій скрипъ стульевъ въ комнатѣ и тысячи другихъ едва замѣтныхъ звуковъ достигаютъ въ это время нашего слуха. Всѣмъ также очень хорошо извѣстно, что среди шумной уличной сутолоки или среди желѣзнодорожной суматохи мы не только иногда не слышимъ того, что намъ говоритъ нашъ сосѣдъ, но даже не можемъ различить звуковъ собственнаго голоса. Звѣзды, кажущіяся наиболѣе яркими ночью, днемъ невидимы; и, хотя луна видима въ дневное время, она кажется гораздо болѣе блѣдною, чѣмъ ночью. Всякій, кому случалось таскать тяжести, знаетъ, что, прибавивъ къ фунту тяжести въ рукѣ другой фунтъ, онъ сейчасъ же почувствуетъ разницу, между тѣмъ какъ прибавка одного фунта къ 100 фунтамъ совершенно неощутительна...

Бой часовъ, свѣтъ звѣздъ, давленіе тяжестей служатъ раздраженіями для нашихъ чувствъ, и притомъ раздраженіями, интенсивность которыхъ остается постоянной. Чему же научаютъ насъ приведенные выше опыты? Очевидно, тому, что одинъ и тотъ же стимулъ, смотря по окружающей обстановкѣ, среди которой ему приходится дѣйствовать, то будетъ ощущаться интенсивнѣе, то слабѣе, а то и вовсе не будетъ ощущаться. Какого же рода должно быть измѣненіе въ окружающей обстановкѣ, чтобы отъ него могло зависѣть измѣненіе въ интенсивности ощущенія? При внимательномъ наблюденіи мы замѣчаемъ, что это измѣненіе всегда бываетъ одного и того же характера. Тиканье часовъ представляетъ для нашего уха слабое раздраженіе, которое мы ясно воспринимаемъ взятое въ отдѣльности, и не слышимъ на-ряду съ сильными раздраженіями въ видѣ грохота колесъ и другихъ дневныхъ шумовъ. Блескъ звѣзды служитъ стимуломъ для глаза. Но этотъ стимулъ на-ряду съ сильнымъ стимуломъ дневнаго свѣта становится неощутимымъ, хотя мы ясно различаемъ его на-ряду съ еще болѣе слабымъ свѣтомъ сумерекъ. Тяжесть представляетъ раздраженіе для нашей кожи, которое мы ощущаемъ, когда оно присоединяется къ равному предшествующему раздраженію, но которое становится неощутимымъ на-ряду со стимуломъ въ 1,000 разъ большимъ.

«Поэтому мы можемъ выставить въ видѣ общаго правила слѣдующее положеніе: чтобы раздраженіе было ощутимымъ, оно должно быть тѣмъ меньше, чѣмъ предшествующій стимулъ былъ слабѣе, и тѣмъ больше, чѣмъ предшествующій стимулъ былъ сильнѣе. Простѣйшимъ отношеніемъ была бы, конечно, прямая пропорціональность ощущенія раздраженію. Но въ такомъ случаѣ свѣтъ звѣздъ, напримѣръ, сообщалъ-бы одинаковый придатокъ свѣта и дневному свѣту, и мраку ночного неба, а этого, какъ извѣстно, нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Отсюда ясно, что интенсивность ощущенія возрастаетъ не прямо пропорціонально раздраженію, а гораздо медлен-

Digitized by Google

нѣе. Теперь возникаетъ вопросъ, въ какой пропорціи ощущеніе отстаетъ отъ раздраженія по мѣрѣ возрастанія послѣдняго. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обыденный опытъ недостаточенъ. Намъ нужны для этого точныя мѣрила, какъ для различныхъ степеней раздраженія, такъ и для интенсивности самыхъ ощущеній».

«Впрочемъ, и обыденный опытъ даетъ нѣкоторыя указанія на то, какъ производить такія измѣренія. Мы видѣли, что измѣрить силу ощущенія невозможно: мы можемъ только опредѣлять разницу между ощущеніями. Опытъ показалъ намъ, что одинаковая разница въ раздраженіи можетъ вызывать совершенно неодинаковую разницу въ ощущеніяхъ. Но всѣ эти опыты выражались въ одномъ фактѣ, именно, что таже разница въ раздраженіи въ одномъ случаѣ могла ощущаться, а въ другомъ нѣтъ: прибавка фунта къ фунту ощущалась, а прибавка того же фунта къ ста фунтамъ оставалась незамѣтной. Всего скорѣе мы достигнемъ результата, если возьмемъ произвольной величины раздраженіе, замѣтимъ, какое оно вызываетъ ощущеніе, и посмотримъ, насколько мы можемъ увеличить раздраженіе, не вызывая замѣтной перемѣны въ интенсивности ощущенія. Если мы будемъ производить такія наблюденія съ раздраженіями произвольно взятой величины, мы будемъ вынуждены брать измѣнчивой величины и тотъ придатокъ къ раздраженію, который способенъ вызвать едва замѣтную разницу въ ощущеніи. Свѣтъ не долженъ быть ярокъ, какъ сіяніе звѣздъ, чтобы быть только-только замѣтнымъ въ сумерки; онъ долженъ быть гораздо сильнѣе, чтобы быть едва замѣтнымъ днемъ. Если мы теперь произведемъ наблюденія надъ раздраженіями самой различной величины и отмѣтимъ для каждой степени раздраженія величину прибавки, необходимой для полученія минимальной разницы въ ощущеніи, то мы получимъ рядъ чиселъ, непосредственно выражающихъ законъ, согласно которому ощущеніе измѣняется при возрастаніи раздраженія».

Согласно этому методу особенно легко производить наблюденія въ области ощущеній свѣта, звука и давленія.

Въ послѣднемъ случаѣ: «мы находимъ удивительно простой результатъ; *минимальный приростъ въ раздраженіи къ первоначальной тяжести долженъ находиться постоянно въ томъ же отношеніи къ ней*, быть *тою же дробью ея*, независимо отъ абсолютной величины тяжести, надъ которою производится экспериментъ. Какъ среднее число изъ цѣлаго ряда экспериментовъ эта дробь оказалась=$^1/_3$, т. е. независимо отъ того, какое давленіе уже произведено на кожу, приростъ или уменьшеніе давленія будетъ ощутимо, если придатокъ или вычетъ будетъ равняться примѣрно одной трети первоначальной тяжести».

Далѣе Вундтъ описываетъ, какъ можно наблюдать разницы въ ощущеніяхъ мускульныхъ, тепловыхъ, свѣтовыхъ и звуковыхъ. Эти замѣчанія Вундтъ заключаетъ слѣдующими словами:

Digitized by Google

«Итакъ, мы нашли, что всѣ ощущенія, для которыхъ мы можемъ точно измѣрить соотвѣтствующія раздраженія, подчинены однородному закону. Какъ бы ни были разнообразны многія особенности въ его формулировкѣ, основаніе его остается вѣрнымъ во всѣхъ случаяхъ: приростъ раздраженія, необходимый для минимальнаго прироста ощущенія, находится въ постоянномъ отношеніи къ общей величинѣ раздраженія. Числа, выражающія это отношеніе для различныхъ ощущеній, могутъ быть представлены въ видѣ слѣдующей таблицы:

Ощущенія	*свѣтовыя* . . .	$^1/_{100}$
»	*мускульныя* . .	$^1/_{17}$
»	*звуковыя* . .	$^1/_3$
»	*термическія* .	
»	*давленія* . .	

Эти числа далеко не представляютъ желательной точности. Но, по крайней мѣрѣ, они могутъ дать общее понятіе объ относительной способности различенія въ разныхъ ощущеніяхъ. Важный законъ, опредѣляющій въ такой простой формѣ отношеніе ощущенія къ вызывающему его раздраженію, былъ открытъ впервые физіологомъ Эрнстомъ-Генрихомъ Веберомъ въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ [1]).

Законъ Фехнера. Иначе формулу Вебера можно выразить слѣдующимъ образомъ: для полученія равныхъ придатковъ въ ощущеніи нужно прибавлять *относительно* равные придатки къ раздраженію. Проф. Фехнеръ (въ Лейпцигѣ) основалъ на законѣ Вебера теорію количественнаго измѣренія ощущеній, по поводу которой было не мало оживленныхъ метафизическихъ споровъ. По его мнѣнію, мы можемъ при возрастаніи раздраженія принять за *единицу* ощущенія каждый едва замѣтный новый приростъ въ ощущеніи и разсматривать всѣ эти единицы, какъ равныя, не взирая на тотъ фактъ, что *равно едва замѣтные* приросты въ ощущеніи никоимъ образомъ не кажутся, когда ихъ воспринимаешь, *равными между собой*. Многіе фунты, составляющіе минимально ощутимый придатокъ къ сто-фунтовой тяжести кажутся большимъ количествомъ, если ихъ прибавить къ этимъ ста фунтамъ, чѣмъ нѣсколько унцевъ, которые составляютъ минимально ощутимую прибавку къ фунту. Фехнеръ упустилъ этотъ фактъ изъ виду. Онъ разсматривалъ дѣло такъ, какъ будто при n раздѣльно ощущаемыхъ придаткахъ въ ощущеніи, полученныхъ путемъ постепеннаго увеличенія раздраженія, начиная отъ порога и кончая интенсивностью s, эта интенсивность s состояла изъ n единицъ, совершенно равныхъ на всемъ протяженіи скалы. [Другими словами, принявъ S за ощу-

[1]) Vorlesungen über Menschen u Thierseele.

Digitized by Google

щеніе вообще, d за минимально-ощутимый приростъ, мы получимъ уравненіе dS=const. Приростъ раздраженія, вызывающаго dS (назовемъ его dR), между тѣмъ измѣняется. Фехнеръ называетъ его «разностнымъ порогомъ», и, такъ какъ его отношеніе къ R постоянно, то мы имѣемъ уравненіе $\frac{dR}{R}$ = const.]. Какъ только представилась возможность выражать ощущенія въ числахъ, такъ, по словамъ Фехнера, психологія получила возможность стать точной наукой, поддающейся математическому анализу. Его общая формула для полученія числа единицъ, заключающихся въ данномъ ощущеніи, выражается: $S=C.\ \log.\ R$, гдѣ S есть ощущеніе, R количественно выраженное раздраженіе, а C означаетъ постоянную, которую нужно опредѣлить особымъ опытомъ для каждаго специфическаго порядка ощущеній. Ощущеніе пропорціонально логариѳму раздраженія; абсолютная величина любого ряда ощущеній въ единицахъ могла бы быть получена съ помощью ординатъ кривой на рис. 2-мъ, если бы это была правильно начерченная логариѳмическая кривая съ порогомъ, точно опредѣленнымъ изъ опыта. Психо-физическая формула Фехнера, какъ онъ назвалъ ее, была подвергнута критикѣ со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ на практикѣ рѣшительно ничего изъ нея не получилось, то мы не будемъ болѣе упоминать о ней. Главная заслуга книги Фехнера заключается въ томъ, что она представила экспериментальное подтвержденіе справедливости веберовскаго закона (который имѣетъ дѣло лишь съ минимально-ощутимыми разницами и ничего не говоритъ объ измѣреніи цѣлаго ощущенія) и выдвинула на первый планъ вопросъ о статистическихъ методахъ. Законъ Вебера, какъ это мы увидимъ, анализируя различные классы ощущеній, вѣренъ лишь отчасти. Вопросъ о статистическихъ методахъ необходимо было затронуть вслѣдствіе необыкновенной текучести нашихъ ощущеній между двумя данными моментами. Такъ, было найдено, что мы, когда разница между двумя ощущеніями достигла крайняго предѣла различимости, въ одинъ моментъ различаемъ ихъ, въ другой нѣтъ. Если не принять во вниманіе большого числа оцѣнокъ, то невозможно опредѣлить минимально-ощутимый приростъ ощущенія вслѣдствіе непрерывныхъ случайныхъ внутреннихъ измѣненій, происходящихъ въ насъ. Эти *случайныя ошибки* одинаково могутъ и увеличивать, и уменьшать получаемыя изъ опыта показанія о степени нашей чувствительности; онѣ сглаживаются среднимъ числомъ, ибо числа, стоящія выше и ниже средней нормы, въ суммѣ уравновѣшиваютъ другъ друга, и, такимъ образомъ, опредѣляется нормальная чувствительность, если таковая существуетъ, то есть, если чувствительность находится въ зависимости не отъ случайныхъ, а отъ постоянныхъ причинъ. Всѣ методы нахожденія среднихъ представляютъ свои затрудненія и западни и являются въ

Digitized by Google

настоящее время предметомъ весьма утонченныхъ споровъ. Примѣромъ того, какого труда требуютъ нѣкоторые статистическіе методы, и какъ терпѣливы нѣмецкіе изслѣдователи, можетъ быть тотъ фактъ, что Фехнеръ, провѣряя законъ Вебера для ощущеній давленія съ помощью такъ называемаго «метода истинныхъ и ложныхъ случаевъ», занесъ въ таблицы и вычислилъ до 24,576 отдѣльныхъ выкладокъ.

Ощущенія не суть нѣчто сложное. Основнымъ возраженіемъ противъ всей попытки Фехнера, повидимому, долженъ быть тотъ фактъ, что любая различимая степень и любое различимое качество *самаго ощущенія* являются нераздѣльнымъ фактомъ сознанія, хотя внѣшнія причины нашихъ ощущеній и состоятъ изъ многихъ частей. Каждое ощущеніе есть непрерывное цѣлое. «Сильное ощущеніе, говоритъ докторъ Мюнстербергъ,—не есть составное изъ слабыхъ, но скорѣе нѣчто совершенно новое и какъ бы несравнимое, такъ что искать измѣримой разницы между сильнымъ и слабымъ звуковымъ, свѣтовымъ или термическимъ ощущеніемъ на первый взглядъ можетъ показаться такъ же безсмысленнымъ, какъ пытаться опредѣлить математическую разницу между соленымъ и кислымъ или между головной болью и зубной болью. Отсюда ясно слѣдующее: если въ болѣе сильномъ свѣтовомъ ощущеніи болѣе слабое не заключается, то не психологично говорить, будто первое отличается отъ второго нѣкоторымъ *приростомъ*» [1]). Дѣйствительно, наше ощущеніе ярко-краснаго цвѣта не есть ощущеніе красноватаго цвѣта съ придаткомъ еще красноватаго: это есть нѣчто качественно отличное отъ красноватаго. Точно также въ нашемъ ощущеніи свѣта электрической дуги не заключается свѣта многаго-множества дымящихъ сальныхъ свѣчей. Каждое ощущеніе представляетъ само по себѣ нѣкоторую недѣлимую единицу, и рѣшительно нельзя видѣть никакого яснаго смысла въ заявленіи, что ощущенія суть массы скомбинированныхъ единицъ. Этотъ выводъ нисколько не противорѣчитъ тому факту, что, исходя отъ слабаго ощущенія и постепенно усиливая его, мы чувствуемъ, какъ оно возрастаетъ все «болѣе, болѣе и болѣе». Здѣсь не то, чтобы увеличивалось количество однороднаго матеріала, но наоборотъ, здѣсь все болѣе и болѣе увеличивается *различіе*, *разстояніе* между даннымъ ощущеніемъ и тѣмъ, которое мы приняли за исходную точку. Въ главѣ «*О различеніи*» мы увидимъ, что разница можетъ быть замѣчена даже между простѣйшими ощущеніями. Мы увидимъ также, что самыя *различія различаются* между собою, что есть *различные порядки различій*, и что въ любомъ изъ этихъ порядковъ серія объектовъ можетъ быть расположена въ видѣ постепенно возрастающаго ряда. Въ любой изъ подобныхъ серій первое звено болѣе отличается отъ послѣдняго, чѣмъ отъ средняго. Различіе въ интенсивности обра-

[1]) Beiträge zur exp. Psychologie.

Digitized by Google

зуетъ одинъ изъ такихъ порядковъ возможнаго возрастанія различія, поэтому наши сужденія объ усиленіи интенсивности не нуждаются въ гипотезѣ сложенія однородныхъ единицъ для образованія возрастающей суммы.

Такъ называемый «законъ относительности». Повидимому, законъ Вебера представляетъ только частный случай болѣе широкаго закона, который заключается въ томъ, что мы тѣмъ менѣе способны подмѣтить деталей въ данномъ воспріятіи, чѣмъ болѣе объектовъ составляютъ предметъ нашего вниманія. При качественно разнородныхъ объектахъ этотъ законъ неоспоримъ: какъ легко мы забываемъ о тѣлесномъ недугѣ, когда оживленно бесѣдуемъ; какъ мало замѣчаемъ мы шумъ въ комнатѣ, когда вниманіе наше поглощено работой! *Ad plura intentus minus est ad singula sensus*, какъ говоритъ старинное изреченіе. Къ этому можно было бы прибавить, что однородность объектовъ вниманія не измѣняетъ результатовъ, но что умъ, воспринимая два сильныхъ однородныхъ ощущенія, вслѣдствіе значительной интенсивности ихъ уже лишенъ возможности обнаружить то различіе между ними, которое сразу обратило бы на себя вниманіе въ томъ случаѣ, когда эти ощущенія были бы болѣе слабы и потому не столь бы разсѣивали наше вниманіе.

Не будемъ настаивать на безусловной вѣрности этого соображенія[1]). Пока мы можемъ принять за несомнѣнный общій фактъ, что психическій эффектъ, вызываемый нервными центростремительными токами, зависитъ и отъ другихъ одновременно дѣйствующихъ центростремительныхъ токовъ. Посторонніе токи измѣняютъ не только *воспріимчивость* къ данному объекту, приносимому въ сознаніе нервнымъ токомъ, но и его *качество*. «Одновременныя (равнымъ образомъ и послѣдовательныя, но я разсматриваю только одновременныя удобства ради) ощущенія модифицируютъ другъ друга» — вотъ краткое выраженіе этого закона. «Мы чувствуемъ каждую вещь въ отношеніи къ другой» — вотъ болѣе туманная формула Вундта для этого общаго закона относительности, который въ той или другой формѣ былъ въ ходу у психологовъ со времени Гоббеса. Ему слишкомъ часто придавали какое-то таинственное значеніе, и, хотя намъ, разумѣется, неизвѣстна детальная сторона процессовъ, связанныхъ съ этимъ закономъ, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ ихъ физіологическомъ характерѣ, въ томъ, что они представляютъ результатъ интерференціи нервныхъ токовъ. Весьма естественно, что эта интерференція токовъ можетъ вызывать модификацію въ ощущеніи.

---

[1]) Я заимствовалъ его у Цигена: Leitfaden d. Physiologischen Psychologie 1891, p. 36, гдѣ авторъ цитируетъ Геринга.

Digitized by Google

Нетрудно указать примѣры подобной модификаціи [1]). Ноты дѣлаютъ пріятнѣе одна другую въ аккордѣ, цвѣта — въ гармоническихъ сочетаніяхъ. При погруженіи нѣкоторой части кожной поверхности въ горячую воду, получается ощущеніе жара. При погруженіи же бо́льшей части ея, ощущеніе жара усиливается, хотя, разумѣется, температура воды остается таже. Подобнымъ же образомъ, есть *хроматическій минимумъ* въ размѣрахъ зрительныхъ объектовъ. Изображеніе, отбрасываемое ими на ретину, должно возбуждать къ дѣятельности извѣстное число нервныхъ волоконъ, въ противномъ случаѣ не получится вовсе никакого цвѣтового ощущенія. Веберъ замѣтилъ, что положенный на лобъ талеръ, кажется тяжелѣе, если онъ холоденъ, и легче, если тепелъ. Урбанчичъ нашелъ, что всѣ наши органы чувствъ вліяютъ взаимно на вызываемыя ими ощущенія. Нюансы цвѣтовыхъ пятенъ, расположенныхъ на такомъ разстояніи отъ испытуемаго лица, что ихъ невозможно было различить, были узнаны послѣднимъ сразу, какъ только у его уха зазвучалъ каммертонъ. Тоже повторилось при опытѣ съ чтеніемъ буквъ на большомъ разстояніи: при звукѣ каммертона буквы стали видимы. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ этого явленія можетъ, повидимому, служить усиленіе боли при шумѣ или свѣтѣ и усиленіе тошноты при другихъ сопутствующихъ ощущеніяхъ.

Эффекты контраста. Наиболѣе извѣстными примѣрами того способа, съ помощью котораго нервные токи модифицируютъ другъ друга, могутъ служить явленія такъ называемаго «одновременнаго цвѣтового контраста». Возьмите нѣсколько листковъ бумаги, окрашенной въ различные яркіе цвѣта; положите на каждый изъ нихъ по одной полоскѣ сѣрой бумаги совершенно одинаковаго цвѣта, затѣмъ прикройте каждый листокъ прозрачной бѣлой бумагой, которая дѣлаетъ болѣе мягкими и сѣрый цвѣтъ, и цвѣтной фонъ. На каждомъ листкѣ сѣрая полоска будетъ окрашена въ дополнительный цвѣтъ соотвѣтственно цвѣту фона, и различныя сѣрыя полоски будутъ казаться столь непохожими другъ на друга по цвѣту, что никто не признаетъ въ этихъ полоскахъ кусочки той же сѣрой бумаги, пока не приподниметъ прозрачную бѣлую покрышку. По мнѣнію Гельмгольца, это явленіе обусловлено ложнымъ примѣненіемъ застарѣлой привычки — принимать въ соображеніе окраску среды, черезъ которую мы видимъ предметы. Таже вещь и при голубомъ свѣтѣ яснаго неба, и при красновато-желтомъ свѣтѣ свѣчи, и при темно-коричневомъ свѣтѣ

---

[1]) Яркимъ образчикомъ ея могло бы быть сочетаніе цвѣтовъ зеленаго и краснаго, одновременно падающихъ на ретину и дающихъ впечатлѣніе желтаго цвѣта. Но я воздерживаюсь отъ приведенія этого примѣра, такъ какъ въ данномъ случаѣ неизвѣстно, проходятъ-ли нервные токи по различнымъ волокнамъ зрительнаго нерва, или нѣтъ.

Digitized by Google

отражающаго ея изображеніе полированнаго стола изъ краснаго дерева, всегда представляется того же присущаго ей цвѣта, который примышляется умомъ на основаніи прежнихъ опытовъ къ явленію, и такимъ путемъ ложное вліяніе среды исправляется. Въ приведенномъ выше опытѣ, по мнѣнію Гельмгольца, нашему уму кажется, что цвѣтъ фона, покрытаго бѣлой бумагой, расположенъ надъ сѣрою полоскою. Но для того, чтобы полоска казалась сѣрой сквозь такую цвѣтную покрышку, нужно, чтобы она дѣйствительно была дополнительнаго по отношенію къ покрышкѣ цвѣта. Слѣдовательно, думаемъ мы, она и есть въ дѣйствительности дополнительнаго цвѣта. Герингъ показалъ, что теорія Гельмгольца несостоятельна. Здѣсь не мѣсто приводить слишкомъ детальный анализъ этого вопроса; достаточно замѣтить, что факты говорятъ въ пользу того, что это явленіе физіологическое—одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда чувствительные нервные токи интерферируясь производятъ на сознаніе иной эффектъ, чѣмъ, если бы каждый изъ нихъ дѣйствовалъ въ отдѣльности.

Послѣдовательный контрастъ отличается отъ одновременнаго; его причиною считаютъ утомленіе. Сюда относятся факты, приводимые въ теоріи зрѣнія подъ рубрикой «зрительныхъ слѣдовъ». Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что зрительные слѣды отъ прежнихъ ощущеній могутъ сосуществовать съ настоящими ощущеніями, и какъ тѣ, такъ и другія могутъ модифицировать другъ друга совершенно такъ же, какъ сосуществующія ощущенія.

Явленіе контраста наблюдается и на другихъ чувствахъ, но гораздо менѣе ясно, въ виду чего я не буду говорить о нихъ. Мы можемъ теперь перейти къ очень сжатому анализу отдѣльныхъ чувствъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зрѣніе.

Описаніе строенія глаза можно найти въ любомъ учебникѣ анатоміи. Я напомню здѣсь читателю лишь важнѣйшія особенности въ устройствѣ глаза, имѣющія значеніе для психологіи [1]).

[1]) На глазѣ теленка, который можно достать у любого мясника, студентъ легко можетъ въ грубыхъ чертахъ познакомиться съ анатоміей глаза. Для этого нужно очистить глазъ отъ жира и мускуловъ, разсмотрѣть его форму и т. д., затѣмъ (согласно методу Гольдингъ Бирда) надо сдѣлать надрѣзъ острымъ скальпелемъ въ твердой оболочкѣ глаза на полдюйма отъ края роговой оболочки, такъ чтобы можно было видѣть черную сосудистую оболочку. Далѣе, всунувъ въ это отверстіе клинокъ отъ ножницъ, надо обрѣзать вокругъ всего глазного яблока, параллельно роговой оболочкѣ твердую и сосудистую оболочки и ретину, остерегаясь повредить оболочку стекловиднаго тѣла. Такимъ образомъ, глазное яблоко

Digitized by Google

Глазъ представляетъ слегка сплюснутый шаръ, образованный крѣпкою бѣлой оболочкой (твердая оболочка); въ ней заключены нервная поверхность и нѣкоторыя преломляющія среды (хрусталикъ и «влаги»), которыя своимъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ раскрываютъ передъ нами картину внѣшняго міра. Въ сущности это небольшая камера-обскура, важнѣйшую часть которой составляетъ чувствительная поверхность.

Этой поверхности соотвѣтствуетъ ретина. Зрительный нервъ проходитъ сквозь твердую оболочку и лучеобразно разстилается внутри по ней во всѣхъ направленіяхъ, образуя тонкую прозрачную пленку (Рис. 3-й). Ея волокна переходятъ въ сложные аппараты ячеекъ, зернышекъ и развѣтвленій (Рис. 4-й) и заканчиваются въ такъ называемыхъ палочкахъ и колбочкахъ (Рис. 4,—9), которыя служатъ специфическими органами для воспріятія впечатлѣній отъ свѣтовыхъ волнъ. Замѣчательно, что эти концевые органы обращены не къ свѣту, проникающему черезъ зрачекъ, но къ твердой оболочкѣ, такъ что свѣтовыя волны, прежде чѣмъ достигнуть самыхъ палочекъ и колбочекъ, проходятъ черезъ прозрачныя нервныя волокна и клѣточные и зернистые слои ретины.

Слѣпое пятно. Зрительныя нервныя волокна не воспріимчивы къ свѣту непосредственно. Мѣсто, гдѣ нервъ входитъ въ глазъ, совершенно слѣпо, ибо тамъ имѣются только волокна, другіе же слои ретины начинаются только вокругъ входа нерва. Доказать существованіе слѣпого пятна весьма легко. Для этого нужно закрыть правый глазъ и внимательно смотрѣть лѣвымъ на крестикъ,

---

будетъ раздѣлено на двѣ части—передняя будетъ заключать въ себѣ радужную оболочку (iris), хрусталикъ (lens), стекловидное тѣло (corpus vitreum) и т. д., задняя—бо́льшую часть ретины. Обѣ части могутъ быть разъединены, если мы погрузимъ глазное яблоко въ воду роговой оболочкой книзу и оторвемъ ту часть, къ которой примыкаетъ зрительный нервъ. Когда эта задняя половина будетъ плавать въ водѣ, то можно будетъ видѣть тонкую ретину, расположенную по сосудистой оболочкѣ (у быковъ она бываетъ отчасти радужнаго цвѣта); вывернувъ заднюю половину наизнанку, можно съ помощью кисточки изъ верблюжьяго волоса отпрепарировать подъ водою сосуды и нервы глазного яблока.

Затѣмъ можно приступить къ передней части глазного яблока. Надо захватить щипцами съ каждой стороны края твердой и сосудистой оболочекъ (кромѣ ретины), приподнять такимъ образомъ глазъ щипцами и слегка трясти его до тѣхъ поръ, пока стекловидное тѣло, хрусталикъ, сумка, связка и проч. не выпадутъ въ силу своей тяжести и не отдѣлятся отъ радужной оболочки, рѣсничныхъ отростковъ, роговицы и твердой оболочки, которые останутся въ щипцахъ. Разсмотрѣвъ эти части, вы увидите рѣсничный мускулъ, который будетъ замѣтенъ въ видѣ бѣлой линіи, какъ только вы съ помощью кисти изъ верблюжьяго волоса и скальпеля отдѣлите насколько возможно твердую оболочку отъ сосудистой. Повернувъ части, примыкающія къ стекловидному тѣлу, обратите вниманіе на прозрачное кольцо вокругъ хрусталика и на рѣсничные отростки (processus ciliares), лучеобразно-расходящіеся до того мѣста, гдѣ они покидаютъ поддерживающія ихъ связки. При помощи тонкой капиллярной трубки можно надуть прозрачное кольцо вплоть до буквы *p* на рис. 3-емъ и, такимъ образомъ, сдѣлать видимой самую поддерживающую ихъ связку.

Всѣ эти части можно разсмотрѣть на сѣченіяхъ замороженнаго или затвержденнаго въ спиртѣ глаза.

Digitized by Google

изображенный на рис. 6-мъ, держа книгу передъ лицомъ вертикально и двигая ею въ разныхъ направленіяхъ. Окажется, что приблизительно на разстояніи фута, черный дискъ исчезнетъ, но при приближеніи или удаленіи книги онъ снова будетъ появляться. Въ продолженіе опыта взоръ долженъ быть устремленъ на крестикъ. Легко показать измѣреніемъ, что слѣпое пятно находится тамъ, гдѣ зрительный нервъ входитъ въ глазъ.

Желтое пятно (*macula lutea*) или *центральная ямка* (*fovea centralis*). Внѣ слѣпого пятна чувствительность ретины различна; своего максимума она достигаетъ въ *желтомъ пятнѣ*—небольшой ямкѣ, лежащей въ сторонѣ отъ входа зрительнаго нерва; нервныя волокна, расходящіяся вокругъ нея лучеобразно, не покрываютъ ея. Другіе слои также прерываются надъ этой ямкой, такъ что ретина состоитъ въ этомъ мѣстѣ только изъ колбочекъ. Чувствительность ретины ослабѣваетъ прогрессивно по направленію къ периферіи, на которой ни цвѣта, ни размѣры, ни число зрительныхъ впечатлѣній не воспринимаются сколько-нибудь отчетливо.

При нормальномъ употребленіи обоихъ глазъ мы вращаемъ глазныя яблоки такъ, чтобы изображенія какого-нибудь предмета оба попали на желтыя пятна, какъ на мѣста наиболѣе яснаго зрѣнія. Легко замѣтить, что это дѣлается непроизвольно. Въ самомъ дѣлѣ, почти невозможно *не* «повернуть глазъ» въ ту минуту, когда внѣшній объектъ, изображеніе котораго падаетъ на периферическія части сѣтчатокъ, привлечетъ наше вниманіе—поворотъ глазъ въ сущности только другое названіе для того вращенія глазными яблоками, которое заставитъ изображеніе упасть на желтыя пятна.

Аккомодація. Помѣщеніе изображенія въ фокусъ зрѣнія, проясненіе его, совершается съ помощью особаго аппарата. Во всякой камерѣ чѣмъ болѣе удаляется отъ глазъ объектъ, тѣмъ болѣе перемѣщается впередъ его изображеніе, чѣмъ болѣе приближается къ глазу объектъ, тѣмъ дальше назадъ отодвигается его изображеніе. Въ фотографическихъ камерахъ задняя часть ихъ подвижна и можетъ отдаляться отъ объектива, когда предметъ, дающій изображеніе, близокъ, и придвигаться къ объективу, когда предметъ далекъ. Такимъ путемъ изображеніе всегда получается ясное. Но такія передвиженія невозможны въ глазномъ яблокѣ и тотъ же результатъ получается инымъ способъ. Именно, при разсматриваніи болѣе близкаго предмета хрусталикъ становится болѣе выпуклымъ, а при удаленіи предмета, становится болѣе плоскимъ.

Это измѣненіе обусловлено антагонизмомъ круговой связки, на которой подвѣшенъ хрусталикъ, и рѣсничнаго мускула. Когда рѣсничный мускулъ находится въ покоѣ, круговая связка принимаетъ настолько широкій размѣръ, что хрусталикъ становится

Digitized by Google

болѣе плоскимъ. Но хрусталикъ въ высшей степени эластиченъ, и онъ принимаетъ болѣе выпуклую форму противъ обыкновенія, какъ только рѣсничный мускулъ сокращаясь заставитъ круговую связку ослабить ея давленіе.

Сокращеніе мускула, дѣлая хрусталикъ болѣе преломляющимъ, приспособляетъ глазъ къ болѣе близкимъ предметамъ (это и называется *аккоммодаціей*), а ослабленіе мускула, дѣлая хрусталикъ менѣе преломляющимъ, приспособляетъ зрѣніе къ далекому разстоянію. Такимъ образомъ, аккоммодація на близкомъ разстояніи представляетъ болѣе активную перемѣну, такъ какъ она связана съ сокращеніемъ рѣсничнаго мускула. Когда мы глядимъ вдаль, состояніе нашего зрѣнія пассивно. Мы чувствуемъ разницу въ усиліи, когда сравниваемъ два зрительныхъ ощущенія — одно на близкомъ, другое — на далекомъ разстояніи.

Аккоммодація сопровождается конвергенціей. Два глаза дѣйствуютъ, какъ одинъ органъ, то есть, когда предметъ привлекаетъ наше вниманіе, оба глазныя яблока поворачиваются такъ, чтобы изображенія попали на желтыя пятна. Понятно, что глаза, когда предметъ находится близко, должны поворачиваться внутрь или конвергировать; такъ какъ одновременно съ этимъ происходитъ аккоммодація, то оба движенія аккоммодаціи и конвергенціи образуютъ одну естественно-ассоціировавшуюся пару, въ которой каждому движенію трудно производиться въ отдѣльности. Актъ аккоммодаціи сопровождается также сокращеніемъ зрачка. Когда мы обратимся къ стереоскопическому зрѣнію, то окажется, что при большой практикѣ можно выучиться конвергировать съ ослабленной аккоммодаціей и выполнять актъ аккоммодаціи съ параллельными зрительными осями. Для студента, изучающаго физіологическую оптику, такого рода эксперименты могутъ быть весьма полезны.

Полученіе одного изображенія при бинокулярномъ зрѣніи. Несмотря на то, что мы имѣемъ пару ушей и пару ноздрей, наши звуковыя и обонятельныя воспріятія не двоятся, равнымъ образомъ при бинокулярномъ зрѣніи мы получаемъ одно изображеніе предмета. Вся разница здѣсь заключается въ томъ, что мы при извѣстныхъ условіяхъ можетъ видѣть предметы вдвойнѣ, между тѣмъ какъ слышать или обонять вдвойнѣ ни въ какомъ случаѣ не возможно. Главныя условія, создающія при бинокулярномъ зрѣніи одно изображеніе, могутъ быть весьма легко объяснены.

Во-первыхъ, изображенія, получаемыя на двухъ желтыхъ пятнахъ, всегда кажутся находящимися на томъ же мѣстѣ. Никоимъ образомъ нельзя сдѣлать такъ, чтобы они получились одно рядомъ съ другимъ. Результатомъ является то, что одинъ предметъ, давая изображенія на желтыхъ пятнахъ двухъ конвергирующихъ глазныхъ яблокъ, всегда необходимо будетъ казаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть,

Digitized by Google

именно, однимъ предметомъ. Далѣе, если глазныя яблоки, не конвергируютъ, а ихъ зрительныя оси расположены параллельно, и два одинаковыхъ предмета передъ каждымъ глазомъ даютъ изображеніе на желтомъ пятнѣ, то два предмета также будутъ казаться однимъ или, какъ говорится, ихъ изображенія сольются. Въ подтвержденіе этого пусть читатель смотритъ внимательно передъ собою какъ будто сквозь бумагу въ безконечность, держа передъ глазами изображеніе двухъ черныхъ точекъ на рис. 8-мъ; онъ увидитъ, что двѣ черныя точки сольются и образуютъ одну, которая будетъ казаться расположенной между двумя прежними и какъ-бы противъ кончика носа. Это точка скомбинирована изъ двухъ настоящихъ точекъ, находящихся передъ глазами и видимыхъ обоими глазами въ томъ же мѣстѣ. Но сверхъ этой скомбинированной точки каждый глазъ видитъ точку, противостоящую другому глазу. Правый глазъ видитъ ее влѣво отъ скомбинированной точки, лѣвый—вправо; такъ что всего видно три точки, изъ которыхъ средняя видима обоими глазами, а каждая изъ двухъ боковыхъ только однимъ. Что факты именно таковы, можно видѣть, помѣстивъ между глазами небольшой непрозрачный предметъ, чтобы помѣшать одному глазу видѣть точку, противостоящую другому. Вертикальная перегородка въ средней плоскости, идущей отъ бумаги къ носу, дастъ возможность каждому глазу видѣть точку, противостоящую только ему, и тогда можно будетъ видѣть только одну скомбинированную точку [1]).

Если вмѣсто двухъ однородныхъ точекъ мы возьмемъ двѣ различныхъ фигуры или двѣ различно окрашенныхъ точки и получимъ отъ нихъ изображеніе на желтыхъ пятнахъ, то онѣ все-таки будутъ видимы на *томъ же мѣстѣ;* но, такъ какъ онѣ не могутъ являться однимъ объектомъ, то и смѣняютъ *поочередно* другъ друга для зрѣнія. Это явленіе называется — *борьбой двухъ полей зрѣнія.* Что касается частей ретины обоихъ глазъ около желтаго пятна, то въ нихъ наблюдается такое же соотвѣтствіе. Всякое зрительное впечатлѣніе, получаемое въ верхней части обѣихъ ретинъ, даетъ намъ образъ предмета ниже горизонта, получаемое въ нижней части—образъ предмета выше горизонта, получаемое съ правой стороны каждой ретины, даетъ образъ предмета съ лѣвой стороны средней линіи и наоборотъ. Такимъ образомъ, каждый квадрантъ одной ретины соотвѣтствуетъ въ цѣломъ геометрически подобному квадранту другой, и внутри двухъ соотвѣтствующихъ квадрантовъ, напр., *al* и *ar* (рис. 9-й) при болѣе детальномъ анализѣ соотвѣтствія нашлись бы геометрически аналогичныя точки въ изображеніи, получаемомъ отъ одного освѣ-

[1]) Подобная вертикальная перегородка помѣщается въ стереоскопахъ, которые въ противномъ случаѣ давали бы три изображенія вмѣсто одного.

Digitized by Google

щеннаго предмета, точки, которыя и дѣлаютъ то, что для каждаго глаза предметъ кажется находящимся въ томъ же направленіи. Опыты подтверждаютъ это предположеніе. Если мы смотримъ на небесный сводъ въ звѣздную ночь, параллельно направивъ зрительныя оси, то ни одна звѣзда не будетъ двоиться въ нашихъ глазахъ, а законы перспективы показываютъ, что при этихъ условіяхъ лучи, параллельно идущіе отъ каждой звѣзды, должны упасть на геометрически соотвѣтствующія точки каждой ретины. Подобнымъ же образомъ, пара очковъ на разстояніи дюйма отъ глазъ кажется однимъ большимъ стекломъ. Мы можемъ также сдѣлать опытъ, аналогичный съ предшествующимъ (см. рис. 8-й). Если мы возьмемъ два совершенно тожественныхъ рисунка, не болѣе тѣхъ, которые вставляются въ стереоскопъ, и будемъ смотрѣть на каждый однимъ глазомъ, устранивъ съ помощью перегородки боковое зрѣніе, мы увидимъ одинъ плоскій рисунокъ, ни одна часть котораго не будетъ двоиться. Когда соотвѣтствующія точки ретины получаютъ внѣшнее впечатлѣніе, то оба глаза видятъ ихъ объектъ въ томъ же направленіи, и, слѣдовательно, два изображенія сливаются въ одно.

Здѣсь снова въ случаѣ несходства рисунковъ происходитъ борьба двухъ полей зрѣнія. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что при первомъ опытѣ скомбинированный рисунокъ всегда получается далеко не яснымъ. Это объясняется трудностью (указанной на стр. 25-й) аккоммодаціи на такомъ близкомъ разстояніи, какъ поверхность бумаги, при конвергенціи, ослабленной вслѣдствіе того, что каждый глазъ видитъ рисунокъ прямо передъ собой.

Двойныя изображенія. Непосредственнымъ слѣдствіемъ закона совмѣщенія изображеній, падающихъ на соотвѣтствующія части ретинъ, является то, что изображенія, падающія на геометрически несоотвѣтствующія части двухъ ретинъ, будутъ видны въ различныхъ направленіяхъ, и, слѣдовательно, ихъ объекты будутъ видимы въ двухъ мѣстахъ, будутъ казаться двойными. Предположимъ, что два параллельныхъ луча отъ звѣзды падаютъ на два глаза, конвергирующихъ на близко лежащій предметъ *O* (не съ параллельными зрительными осями, какъ въ предъидущемъ случаѣ). Два желтыхъ пятна получатъ изображеніе *O*, изъ котораго образуется одно цѣльное воспріятіе. Если *SL* и *SR* на рис. 10-мъ представляютъ два параллельныхъ луча, то каждый изъ нихъ упадетъ на ближайшую къ носу половину соотвѣтствующей ретины. Но половины ретинъ, лежащія ближе къ носу, геометрически *симметричны*, но не *подобны*. Тогда изображеніе звѣзды въ лѣвомъ глазу будетъ казаться лежащимъ влѣво отъ точки *O*, а въ правомъ глазу — вправо отъ точки *O*. Короче сказать, звѣзда будетъ видима вдвойнѣ «гомонимично».

Наоборотъ, если, параллельно направивъ зрительныя оси,

Digitized by Google

глядѣть на звѣзду, то любой близко лежащій предметъ, напримѣръ, *O* будетъ казаться двойнымъ, ибо его изображенія попадутъ на внѣшнія, лежащія ближе къ щекамъ половинки двухъ ретинъ, а не на различныя (ближайшую къ щекѣ и ближайшую къ носу). Положеніе изображеній будетъ сравнительно съ предъидущимъ случаемъ обратное. Изображеніе въ правомъ глазу будетъ локализировано влѣво, въ лѣвомъ глазу — вправо: двойныя изображенія будутъ «гетеронимичны».

Тѣже разсужденія слѣдуетъ примѣнять, и тѣже результаты получатся въ томъ случаѣ, если положеніе объекта по отношенію къ направленію зрительныхъ осей таково, что изображенія падаютъ не на несоотвѣтствующія половинки ретинъ, но на несоотвѣтствующія части соотвѣтствующихъ половинокъ. Здѣсь, конечно, изображенія будутъ отдѣлены другъ отъ друга меньшимъ разстояніемъ, и двойные образы предмета будутъ находиться ближе другъ ко другу.

Осторожные опыты, произведенные многими изслѣдователями по такъ называемому *гаплоскопическому* методу, подтвердили этотъ законъ и показали, что на двухъ ретинахъ существуютъ соотвѣтствующіе пункты одного зрительнаго направленія. Подробности по этому вопросу можно найти въ спеціальныхъ сочиненіяхъ.

Тѣлесность образовъ. Это описаніе бинокулярнаго зрѣнія слѣдуетъ такъ называемой теоріи соотвѣтствующихъ точекъ. Въ цѣломъ она объясняетъ факты правильно. Странно только то, что насъ такъ мало смущаетъ безчисленное множество двойныхъ изображеній, постоянно получающихся отъ предметовъ лежащихъ ближе или дальше наблюдаемаго пункта. На это отвѣчаютъ, что мы постепенно выработали въ себѣ привычку не обращать вниманія на эти двойныя изображенія. Какъ только предметъ вызываетъ въ насъ интересъ, мы направляемъ на него желтыя пятна, и онъ необходимо представляется намъ однимъ; такимъ образомъ, предметъ, производящій впечатлѣніе на несоотвѣтствующія части ретины, очевидно, настолько не важенъ для насъ, что мы не даемъ себѣ труда замѣтить, получаются ли отъ него два изображенія или одно. Путемъ долгой практики можно развить въ себѣ въ значительной степени способность подмѣчать двойныя изображенія, хотя говорятъ, что это искусство требуетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ упражненія.

При несходствѣ образовъ, хотя-бы самомъ незначительномъ, почти невозможно видѣть ихъ вдвойнѣ. Они скорѣе производятъ впечатлѣніе цѣльнаго предмета. Для примѣра возьмемъ изображенія на рис. 11-мъ. Предположимъ, что мы смотримъ на точки въ серединѣ линій *a* и *b*, совершенно такъ же, какъ смотрѣли на точки на рис. 8-мъ. Мы получимъ здѣсь такой же результатъ, т. е. точки сольются на средней линіи. Но линіи цѣликомъ не соль-

Digitized by Google

ются, ибо, благодаря ихъ наклону, ихъ верхнія половинки упадутъ на ближайшія къ вискамъ половинки ретины, а ихъ нижнія половинки упадутъ на ближайшія къ носу половинки ретины. Въ результатѣ мы увидимъ двѣ линіи, скрещенныя въ серединѣ, какъ показано на рис. 12-мъ.

Въ ту минуту, когда мы обратимъ наше вниманіе на верхнія точки этихъ линій, наши желтыя пятна будутъ стремиться покинуть точки и двинуться вверхъ и при этомъ вызовутъ конвергенцію по направленію линій, которыя тогда будутъ казаться пересѣкающимися въ верхней точкѣ (рис. 13-й).

Когда мы обратимъ вниманіе на нижнія точки, глаза опустятся, вызвавъ дивергенцію, и въ результатѣ получится изображеніе на рис. 14-мъ. Передвиженіе глазъ по линіямъ вверхъ и внизъ вызываетъ въ нихъ попеременно конвергенцію и дивергенцію совершенно такъ же, какъ если-бы они пробѣгали вверхъ и внизъ по одной линіи, верхній конецъ которой былъ бы ближе къ намъ, чѣмъ нижній. Если-бы наклонъ этихъ линій былъ незначителенъ, то мы, смотря на среднія точки, видѣли бы одну только линію. При такихъ условіяхъ ихъ верхъ будетъ казаться ближе, чѣмъ низъ, другими словами, мы видимъ ихъ стереоскопически, и мы ихъ увидимъ въ такомъ положеніи, даже если глаза наши будутъ совершенно неподвижны. Иначе говоря, малѣйшее несовпаденіе въ нижнихъ частяхъ, вызывающее дивергенцію желтыхъ пятенъ въ каждомъ глазѣ, заставляетъ насъ видѣть эти части дальше; малѣйшее несовпаденіе въ верхнихъ частяхъ, вызывающее дивергенцію желтыхъ пятенъ въ обоихъ глазахъ, заставляетъ насъ видѣть эти части ближе точки, на которую мы глядимъ. Короче сказать, несовпаденія производятъ на насъ впечатлѣніе настоящаго движенія [1]).

Воспріятіе разстоянія. Когда мы смотримъ на окружающіе предметы, наши глаза непрестанно двигаются, конвергируютъ, дивергируютъ, аккоммодируютъ, отдыхаютъ и скользятъ по полю зрѣнія. Поле зрѣніе является трехмѣрнымъ, протяженнымъ; одни части его находятся ближе, другія дальше.

«Воспріятія разстоянія съ помощью одного глаза весьма несовершенны и могутъ быть иллюстрированы извѣстнымъ опытомъ съ кольцомъ, подвѣшеннымъ на ниткѣ, которое держатъ прямо

---

[1]) Устройство стереоскопа простѣйшей формы заключается въ слѣдующемъ. Берутся двѣ жестяныя трубки, совершенно черныя внутри, въ $1^1/_2$ дюйма въ поперечникѣ и въ 10 дюймовъ длины (для нормальныхъ глазъ). Концы обѣихъ трубокъ надо закрыть не слишкомъ прозрачной бумагой, на которой проведено по толстой черной линіи въ вершокъ длины. Въ трубки надо смотрѣть, приставляя каждую къ одному глазу, и держа ихъ или параллельно, или конвергируя болѣе отдаленные концы. При правильномъ вращеніи трубокъ можно видѣть въ изображеніи этого стереоскопа самыя разнообразныя явленія сліянія и несліянія и стереоскопическіе эффекты.

Digitized by Google

передъ лицомъ кого-нибудь, прося его попасть сбоку въ кольцо палочкой, закрывъ одинъ глазъ. Если держать вставочку передъ однимъ глазомъ, закрывъ другой, и стараться прикоснуться къ ней пальцемъ, двигая его сбоку, то попытка почти всегда будетъ неудачна. Въ такихъ случаяхъ у насъ единственнымъ руководствомъ для яснаго воспріятія предмета служитъ степень усилія, необходимая для аккоммодаціи глаза. Когда мы пользуемся обоими глазами, наши воспріятія разстоянія бываютъ гораздо лучше; въ этомъ случаѣ зрительныя оси конвергируются на наблюдаемомъ предметѣ, и чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ больше конвергенція. Мы обладаемъ довольно точнымъ распознаваніемъ мускульнаго усилія, необходимаго для того, чтобы конвергировать глаза на всѣ достаточно близкіе пункты. Когда объекты зрѣнія находятся на болѣе далекомъ разстояніи, вспомогательными средствами являются ихъ видимый размѣръ и тѣ модификаціи въ изображеніяхъ на ретинѣ, которыя вызываются воздушной перспективой. Относительное разстояніе объектовъ всего лучше опредѣляется движеніемъ глазъ: при движеніи глазъ всѣ неподвижные предметы кажутся перемѣщающимися въ противоположномъ направленіи, (какъ при взглядѣ на нихъ изъ окна двигающагося поѣзда), при этомъ ближайшіе двигаются всего скорѣе; по этой разницѣ въ кажущейся скорости движенія предметовъ мы и опредѣляемъ, который изъ нихъ дальше, который ближе» [1]).

Съ субъективной точки зрѣнія опредѣленіе разстоянія представляетъ совершенно специфическое состояніе сознанія. Конвергенція, аккоммодація, бинокулярное несовпаденіе, размѣръ, степень яркости, параллаксъ etc., даютъ намъ рядъ специфическихъ ощущеній, которыя служатъ *знаками* для чувства разстоянія, но не составляютъ его. Они лишь указываютъ намъ на него. Чтобы видѣть яркій образчикъ этого чувства разстоянія, всего лучше пойти на вершину холма и закинуть голову назадъ. Тогда горизонтъ покажется весьма далеко отстоящимъ и становится ближе, какъ только мы снова выпрямимся.

Воспріятіе размѣра. «Ощущенія, на которыхъ основываются сужденія о размѣрѣ, прежде всего опредѣляются размѣрами изображенія, получающагося на ретинѣ; чѣмъ больше зрительный уголъ, тѣмъ больше изображеніе на ретинѣ, а вслѣдствіе того, что зрительный уголъ зависитъ отъ разстоянія предмета, правильное опредѣленіе размѣровъ главнымъ образомъ зависитъ отъ правильнаго опредѣленія разстоянія: составивъ сознательное или безсознательное сужденіе о послѣднемъ, мы заключаемъ о размѣрѣ предмета, сообразуясь съ размѣромъ того участка ретины, который подвергся раздраженію. Большинство удивляется, видя, какъ то, что казалось

[1]) Мартинъ. Человѣческое тѣло, стр. 530.

Digitized by Google

большою, парящей подъ облаками птицей, оказывается вблизи небольшимъ насѣкомымъ. Ложное впечатлѣніе большого размѣра здѣсь было обусловлено предшествовавшимъ ложнымъ сужденіемъ о разстояніи. Присутствіе объекта, довольно хорошо извѣстнаго по размѣрамъ, содѣйствуетъ образованію сужденій о размѣрахъ другихъ окружающихъ предметовъ путемъ сравненія; съ этой цѣлью художники часто вводятъ въ свои картины человѣческія фигуры, чтобы помочь зрителю составить идею о размѣрахъ другихъ изображенныхъ на картинѣ предметовъ» [1]).

Ощущенія цвѣта. Система цвѣтовъ представляетъ нѣчто весьма сложное. Выбравъ какой-нибудь цвѣтъ, напримѣръ, зеленый, можно отъ него постепенно перейти къ другому болѣе, чѣмъ въ одномъ направленіи, напримѣръ, черезъ рядъ зеленыхъ цвѣтовъ съ постепенно усиливающимся желтоватымъ оттѣнкомъ къ желтому или черезъ другой рядъ зеленыхъ цвѣтовъ съ постепенно усиливающимся голубоватымъ оттѣнкомъ къ голубому. Такимъ образомъ, если-бы мы захотѣли обозначить на бумагѣ всевозможные нюансы цвѣтовъ, то постепенное ихъ расположеніе не было бы линейнымъ, а покрывало-бы плоскость. Расположивъ цвѣта на плоскости, мы можемъ переходить отъ одного цвѣта къ другому въ различныхъ направленіяхъ черезъ непрерывный рядъ посредствующихъ звеньевъ. Такое расположеніе цвѣтовъ изображено на рис. 15-мъ. Это—просто классификаціонная діаграмма, основанная на субъективномъ чувствѣ различія цвѣтовъ; физическаго значенія она не имѣетъ никакого. Чернота есть извѣстный цвѣтъ, но его мы не помѣстимъ на плоскости діаграммы. Его некуда помѣстить наряду съ другими цвѣтами, такъ какъ намъ необходимо представить постепенную градацію отъ неокрашеннаго бѣлаго цвѣта къ черному и провести эту градацію черезъ каждый основной цвѣтъ къ совершенно черному и къ совершенно бѣлому. Всего лучше помѣстить черный цвѣтъ въ третьемъ измѣреніи ниже плоскости діаграммы, какъ показано въ перспективѣ на рис. 16-мъ. Тогда можно будетъ выразить схематически всѣ цвѣтовые переходы. Можно перейти прямо отъ чернаго къ бѣлому или окольнымъ путемъ, напр., черезъ оливковый, зеленый и блѣдно-зеленый, или отъ темно-голубого черезъ зеленый къ желтому, или отъ небесно-голубого черезъ бѣлый къ палевому и т. п. Во всякомъ случаѣ перемѣны будутъ происходить непрерывно; система цвѣтовъ, образованная такимъ путемъ, названа Вундтомъ непрерывностью трехъ измѣреній (*трехмѣрнымъ continuum*).

Смѣшеніе цвѣтовъ. Въ физіологическомъ отношеніи цвѣта отличаются тѣмъ свойствомъ, что многія пары ихъ, падая вмѣстѣ на

---

[1]) Мартинъ.

Digitized by Google

ретину, производятъ ощущеніе бѣлаго цвѣта. Такіе цвѣта называются *дополнительными*. Таковы въ спектрѣ красный и зеленоголубой, желтый и индиго, зеленый и пурпуровый. Общая смѣсь всѣхъ спектральныхъ цвѣтовъ производитъ ощущеніе того бѣлаго солнечнаго свѣта, который мы видимъ постоянно въ теченіи дня. Разнородныя эѳирныя волны, падая одновременно на нашу ретину, могутъ вызвать въ насъ ощущеніе тожественное съ тѣмъ, которое получается отъ дѣйствія однородныхъ волнъ эѳира. Такъ, напримѣръ, ощущеніе желтаго цвѣта (входящаго въ число простыхъ спектральныхъ цвѣтовъ) получается при комбинаціи зеленаго и краснаго свѣта; ощущеніе голубого цвѣта получается изъ сочетанія свѣтовъ зеленаго и фіолетоваго. Пурпуровый цвѣтъ, не входящій вовсе въ составъ спектра, является результатомъ совмѣщенія эѳирныхъ волнъ цвѣтовъ краснаго и фіолетоваго или оранжеваго [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ никакого соотвѣтствія между нашею системою цвѣтовыхъ ощущеній и физическими стимулами, ихъ вызывающими. Каждое цвѣтовое ощущеніе есть «специфическая энергія», которая можетъ быть вызвана весьма различными физическими причинами. Гельмгольцъ, Герингъ и другіе употребили немало усилій для того, чтобы нѣсколько разобраться здѣсь въ хаосѣ фактовъ съ помощью физіологическихъ гипотезъ, которыя, различаясь во многихъ деталяхъ, въ принципѣ сходятся, такъ какъ всѣ онѣ принимаютъ въ качествѣ постулата существованіе ограниченнаго числа элементарныхъ процессовъ въ ретинѣ, изъ которыхъ каждому при ихъ возникновеніи соотвѣтствуетъ ощущеніе извѣстнаго «основного» цвѣта. При ихъ одновременномъ возбужденіи съ помощью самыхъ разнородныхъ физическихъ стимуловъ, ощущаются другіе «производные» цвѣта. О производныхъ цвѣтовыхъ ощущеніяхъ часто говорятъ такъ, какъ будто они составлены изъ первичныхъ ощущеній. Это—большая ошибка. *Ощущенія, какъ таковыя*, не суть нѣчто сложное, напримѣръ, желтый цвѣтъ, производный по гельмгольцевской теоріи, есть такое же простое недѣлимое чувственное свойство, какъ и первичные цвѣта (красный и зеленый), которые, какъ говорится, составляютъ его: сложны не они, а физіологическіе процессы въ

[1]) Обыкновенное смѣшеніе красокъ есть, какъ показалъ Гельмгольцъ, скорѣе разложеніе, чѣмъ смѣшеніе цвѣтовъ. Для того, чтобы *сложить* одинъ цвѣтъ съ другимъ, мы должны или при посредствѣ соотвѣтствующихъ стеколъ бросать различно окрашенные лучи на какую-нибудь отражающую поверхность, или смотрѣть на одинъ цвѣтъ черезъ наклоненный кусокъ стекла, подъ которымъ онъ находится, въ то время какъ верхняя поверхность стекла отражаетъ въ тотъ же глазъ другой цвѣтъ отъ какого-нибудь помѣщеннаго вблизи предмета, причемъ оба цвѣта сливаются на ретинѣ, или, наконецъ, мы должны заставить послѣдовательно падать на ретину различно окрашенные лучи такъ быстро, чтобы второй лучъ уже падалъ въ то время, когда впечатлѣніе отъ перваго еще неуспѣло изгладиться. Этого всего легче достигнуть, глядя на быстро вращающійся кругъ, секторы котораго окрашены въ различные цвѣта, подлежащіе смѣшенію.

Digitized by Google

ретинѣ. Послѣдніе въ различныхъ комбинаціяхъ производятъ различные эффекты на мозгъ, и въ результатѣ въ сознаніи получается непосредственно ощущеніе «производнаго» цвѣта. «Цвѣтовыя теоріи» суть физіологическія, а не психологическія гипотезы; подробности о нихъ читатель найдетъ въ сочиненіяхъ по физіологіи.

Продолжительность свѣтовыхъ ощущеній. Она болѣе продолжительности раздраженій; этимъ фактомъ пользуются для устройства фейерверковъ. Поднимающаяся ракета производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто за нею остается огненный слѣдъ, простирающійся гораздо дальше свѣтящейся части ракеты, ибо ощущеніе, вызванное ею въ нижней части ея пути, еще продолжается при ея дальнѣйшемъ движеніи. Звѣзды, разрывающіяся на воздухѣ, производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто у нихъ былъ свѣтящійся хвостъ. Если мы будемъ быстро вращать передъ глазами кружокъ, состоящій поперемѣнно изъ бѣлыхъ и черныхъ секторовъ, то каждая точка ретины будетъ поперемѣнно то получать раздраженіе (при проходѣ бѣлаго сектора), то отдыхать (при проходѣ чернаго сектора). При извѣстной быстротѣ вращенія, мы получимъ ощущеніе равномѣрнаго сѣраго цвѣта, такого, какой получился бы, если бы черный и бѣлый цвѣта были смѣшаны и равномѣрно распредѣлены по кругу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ глазъ при оборотѣ получаетъ такое же количество свѣта и неспособенъ замѣтить, что въ первомъ случаѣ однородный цвѣтъ является результатомъ комбинаціи впечатлѣній, получаемыхъ отъ поперемѣнно слѣдующихъ другъ за другомъ черныхъ и бѣлыхъ интерваловъ: раздраженіе, полученное отъ одного интервала, продолжается при появленіи другого, и, такимъ образомъ, оба впечатлѣнія смѣшиваются. Если въ комнатѣ, освѣщенной однимъ газовымъ рожкомъ, внезапно завернуть его, то свѣтъ пламени будетъ продолжаться нѣсколько мгновеній уже послѣ того, какъ оно погаснетъ» [1]). Если мы быстро откроемъ глаза и посмотримъ на сцену, а затѣмъ крѣпко зажмуримъ ихъ, то получится такое впечатлѣніе, какъ будто мы глядѣли на сцену въ полумракѣ сквозь темный экранъ. Въ этомъ послѣднемъ образѣ мы еще можемъ видѣть детали, которыя не были замѣчены нами при открытыхъ глазахъ. Это—то, что называется, первичнымъ положительнымъ зрительнымъ слѣдомъ. Согласно Гельмгольцу, наиболѣе благопріятнымъ для полученія такого слѣда является зрительное воспріятіе, продолжающееся $^1/_8$ секунды.

Отрицательные зрительные слѣды возникаютъ подъ вліяніемъ болѣе сложныхъ условій, въ которыхъ, какъ полагаютъ, главную роль играетъ утомленіе ретины.

«Зрительный нервный аппаратъ весьма легко утомляется. Обык-

[1]) Мартинъ: op. cit.

Digitized by Google

новенно мы не замѣчаемъ этого, такъ какъ и возстановленіе его силъ совершается чрезвычайно быстро; наши глаза обыкновенно, когда они открыты, не знаютъ покоя; мы двигаемъ ими въ различныя стороны, такъ что части ретины получаютъ впечатлѣнія поперемѣнно то отъ болѣе свѣтлыхъ, то отъ болѣе темныхъ предметовъ. Какъ постоянны и привычны для насъ движенія глазъ, можно видѣть изъ того, что безъ практики невозможно *фиксировать* даже на нѣсколько секундъ какую-нибудь точку, безъ того, чтобы на мгновенье не отвести глазъ. Если начать внимательно фиксировать небольшой предметъ въ продолженіе двадцати или тридцати секундъ, то все поле зрѣнія становится сѣроватымъ и неяснымъ, ибо части ретины, получающія всего болѣе свѣта, утомляются и вызываютъ столько же ощущеній, какъ и части менѣе утомленныя—получавшія свѣтъ отъ слабѣе освѣщенныхъ предметовъ. Если вы будете смотрѣть на какой-нибудь черный предметъ, напримѣръ, на клаксъ, сдѣланный на листѣ бѣлой бумаги, въ продолженіе двадцати секундъ, а затѣмъ направите глаза на бѣлую стѣну, то послѣдняя будетъ вамъ казаться темно-сѣрой, а въ серединѣ ея получится бѣлое пятно; это обусловлено тѣмъ, что части ретины, отдохнувшія на воспріятіи чернаго пятна, отличались большею впечатлительностью сравнительно съ частями, на которыя бѣлизна стѣны дѣйствовала тогда, когда онѣ уже были утомлены воспріятіемъ бѣлаго цвѣта бумаги. Многимъ, вѣроятно, случается часто наблюдать подобныя явленія, особенно замѣтныя утромъ вскорѣ послѣ пробужденія. Подобныя же явленія можно наблюдать на цвѣтахъ. Если мы, посмотрѣвъ на красное пятно, направимъ глаза на бѣлую стѣну, то увидимъ на ней зеленоголубое пятно; элементы, вызывающіе ощущеніе краснаго цвѣта, были въ данномъ случаѣ утомлены, и бѣлый смѣшанный цвѣтъ стѣны уже вызываетъ на этомъ участкѣ ретины только ощущенія другихъ первичныхъ цвѣтовъ. Отъ этого зависятъ удивительные эффекты сочетанія цвѣтовъ; красный и зеленый цвѣта гармонируютъ другъ съ другомъ, ибо каждый изъ нихъ даетъ возможность на себѣ отдохнуть частямъ ретины, наиболѣе утомленнымъ на другомъ, вслѣдствіе этого глазъ, переходя съ одного цвѣта на другой, испытываетъ отъ обоихъ яркія, живыя ощущенія; наоборотъ, цвѣта красный и оранжевый, возбуждая и утомляя преимущественно тѣже самые зрительные элементы, ослабляютъ или, какъ говорится, «убиваютъ» одинъ другой.

Если мы будемъ внимательно смотрѣть въ продолженіе 30 секундъ на точку между двумя бѣлыми квадратами (со сторонами въ 4 mm. или въ $^1/_8$ дюйма), расположенными отдѣльно другъ отъ друга на большомъ черномъ листѣ, а затѣмъ зажмуримъ и закроемъ глаза, то получимъ отрицательный зрительный слѣдъ, въ которомъ будутъ видны два темныхъ квадрата на болѣе свѣтлой

Digitized by Google

поверхности; эта поверхность свѣтлѣе около самыхъ отрицательныхъ слѣдовъ квадратовъ и всего свѣтлѣе между ними. Свѣтлая сфера называется *corona* и объясняется обыкновенно эффектомъ внезапнаго контраста; чернота зрительнаго слѣда квадратовъ, какъ говорятъ, вызываетъ въ насъ ложное сужденіе, заставляя насъ думать, что тѣ части болѣе свѣтлой поверхности, которыя ближе примыкаютъ къ квадратамъ, свѣтлѣе, совершенно такъ же, какъ человѣкъ средняго роста между двумя высокими кажется ниже, чѣмъ отдѣльно отъ нихъ. Впрочемъ, если продолжать эксперименты со зрительными слѣдами, то часто случится замѣчать, что не только свѣтлая полоса между квадратами интенсивно-бѣла гораздо болѣе, чѣмъ нормальный, свойственный самой сѣтчаткѣ (идіо-ретинальный) свѣтъ (о немъ см. ниже), но, что нерѣдко, послѣ того какъ изображеніе начнетъ блѣднѣть, два темныхъ зрительныхъ слѣда квадратовъ совершенно исчезаютъ вмѣстѣ со всею *короной*, за исключеніемъ той части ея, которая лежитъ между квадратами и представляется въ видѣ свѣтлой полосы равномѣрнаго сѣроватаго цвѣта. Здѣсь нѣтъ никакого *контраста*, который вызывалъ бы ошибку въ сужденіи, и Герингъ изъ этого и изъ другихъ опытовъ, заключаетъ, что свѣтъ, дѣйствуя извѣстнымъ образомъ на одну часть ретины, вызываетъ противоположный эффектъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ, и что это обстоятельство играетъ важную роль въ произведеніи явленій контраста. Подобныя же явленія можно наблюдать на окрашенныхъ предметахъ: въ ихъ отрицательныхъ зрительныхъ слѣдахъ каждый цвѣтъ замѣненъ дополнительнымъ, какъ черный замѣняется бѣлымъ въ безцвѣтныхъ образахъ» [1]).

Этотъ послѣдній изъ приведенныхъ фактовъ былъ однимъ изъ тѣхъ (см. стр. 22-ю), которые побудили Геринга отвергнуть психологическое объясненіе одновременнаго контраста.

Интенсивность свѣта въ свѣтящихся предметахъ. Чернота есть зрительное ощущеніе. Мы воспринимаемъ черноту только въ зрительномъ полѣ; мы, напримѣръ, не воспринимаемъ ее въ желудкѣ или въ кисти руки. Совершенная чернота, впрочемъ—одна абстракція, ибо сама ретина (даже въ абсолютной объективной темнотѣ), повидимому, непрерывно продолжаетъ подвергаться внутреннимъ перемѣнамъ, вызывающимъ извѣстныя свѣтовыя ощущенія. Это явленіе и есть то, что мы немного выше назвали «идіо-ретинальнымъ свѣтомъ». Оно оказываетъ извѣстное вліяніе на всѣ зрительные слѣды съ закрытыми глазами. Для того, чтобы объективное свѣтовое раздраженіе было воспринято, оно должно вызвать ощущеніе, по интенсивности превосходящее идіо-ретинальный свѣтъ. При возрастаніи раздраженія и свѣтовое воспріятіе возра-

[1]) Martin pp. 525—8.

Digitized by Google

стаетъ въ интенсивности, но, какъ мы видѣли, медленнѣе, чѣмъ раздраженіе. Точные опыты, произведенные недавно Кёнигомъ и Бродгэномъ (Brodhun), прилагались къ шести различнымъ цвѣтамъ, и въ нихъ отъ интенсивности, принятой произвольно за 1, восходили до интенсивности раздраженія въ 100,000 разъ большей. Отъ интенсивности раздраженія въ 2,000 до интенсивности въ 20,000 законъ Вебера сохранялъ свое значеніе; выше и ниже точность различенія въ ощущеніи утрачивалась. Относительный приростъ раздраженія въ этихъ опытахъ былъ одинаковый для всѣхъ цвѣтовъ и (согласно полученнымъ таблицамъ) равнялся 0,01 и 0,02 всего раздраженія. Прежніе экспериментаторы получали другіе результаты.

Для того, чтобы сколько-нибудь различать цвѣта въ предметѣ, необходимо, чтобы въ немъ существовала извѣстная степень свѣтовой интенсивности. «Въ потьмахъ всѣ кошки сѣры». Но по мѣрѣ возрастанія свѣтовой интенсивности, цвѣта быстро становятся различимы прежде всего голубые, позже всего красные и желтые, при дальнѣйшемъ возрастаніи интенсивности они вновь начинаютъ мѣшаться, всѣ приближаясь къ бѣлому цвѣту. При наивысшей интенсивности, какую только въ состояніи переносить глаза, всѣ цвѣта сливаются въ общій блескъ ослѣпительной бѣлизны. Въ этомъ случаѣ опять говорятъ о смѣшеніи бѣлаго цвѣта съ первоначальными цвѣтами, хотя на самомъ дѣлѣ здѣсь происходитъ не смѣшеніе двухъ ощущеній, а замѣна одного другимъ, обусловленная модификаціями въ нервныхъ процессахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слухъ [1]).

Ухо. «Слуховой органъ человѣка состоитъ изъ трехъ частей: *внѣшняго уха*, *средняго* или *барабанной полости* (*cavum tympani*) и *внутренняго* (*labyrinthum*); послѣднее заключаетъ въ себѣ концевые органы слухового нерва. Внѣшнее ухо состоитъ изъ полости, видимой снаружи головы и называемой ушной раковиной (*concha*), *M* на рис. 17-мъ, и изъ внѣшняго слухового прохода, *G*; внутренній конецъ этого прохода замыкается *барабанною перепонкой*, *T*. Барабанная перепонка покрыта кожей, черезъ которую множество мелкихъ железъ выдѣляютъ ушную *сѣру*».

Тутранит, *P* на рис. 17-мъ, представляетъ неправильной формы

[1]) При изученіи анатоміи уха прекраснымъ пособіемъ можетъ служить модель доктора *Auzoux*. 56. Rue de Vaugirard, Paris, описанная въ каталогѣ фирмы подъ № 21—«*Oreille temporal* de 60 cm. nouvelle édition», etc.

Digitized by Google

полость въ височной кости, замкнутую кнаружи барабанною перепонкой. Съ внутренней стороны къ ней примыкаетъ *Евстахіева труба*(*R*), которая ведетъ въ глотку (*pharynx*). Внутренняя стѣнка барабанной полости костяная, за исключеніемъ двухъ отверстій *овальнаго и круглаго—o* и *r*, ведущихъ въ лабиринтъ. При жизни человѣка круглое отверстіе закрыто слизистой перепонкой, овальное—стременемъ (stapes). Барабанная перепонка, закрывающая барабанную полость съ наружной стороны съ углубленіемъ кнаружи, образуетъ мелкую воронку. На нее давитъ наружный воздухъ съ внѣшней стороны, а изнутри воздухъ, входящій въ барабанную полость черезъ Евстахіеву трубу. Если бы барабанная полость была замкнута, то при измѣненіи барометрическаго давленія, эти давленія воздуха измѣнялись бы, и барабанная перепонка выдувалась бы то внутри, то кнаружи, смотря по тому, какое давленіе было бы больше, внутреннее или внѣшнее. Съ другой стороны, если бы Евстахіева труба была всегда открыта, то звуки нашего собственнаго голоса казались бы намъ громкими и дисгармоничными; Евстахіева труба обыкновенно закрыта; но, всякій разъ какъ мы глотаемъ, она открывается, и, такимъ образомъ, давленіе воздуха во внутренней полости уравновѣшивается съ давленіемъ воздуха во внѣшнемъ слуховомъ проходѣ. Поднимаясь на воздушномъ шарѣ или быстро спускаясь въ глубокую шахту, мы испытываемъ болѣзненное напряженіе въ барабанной перепонкѣ, вслѣдствіе быстрой перемѣны величины наружнаго давленія воздуха; это болѣзненное ощущеніе можетъ быть ослаблено частымъ глотаніемъ.

Слуховыя косточки. Въ барабанной полости находятся три косточки, образующія непрерывную цѣпь между барабанною перепонкой и овальнымъ отверстіемъ. Внѣшняя называется *malleus* (*молоточекъ*), средняя — *incus* (*наковальня*), внутренняя—*stapes* (*стремя*); онѣ изображены на рис. 18-мъ.

Въ ухѣ, какъ и въ глазѣ, есть своя аккоммодація. *Tensor tympani*, мускулъ длиною въ дюймъ, проходитъ отъ каменистой части височной кости по каналу, параллельному Евстахіевой трубѣ, и прикрѣпляется къ молоточку ниже его головки. Этотъ мускулъ сокращаясь напрягаетъ барабанную перепонку. Другой, меньшій мускулъ, *m. stapedius*, направляется къ головкѣ стремени. При звукахъ извѣстныхъ нотъ многія лица явственно ощущаютъ сокращеніе этихъ мускуловъ, а нѣкоторыя могутъ произвольно сокращать ихъ; несмотря на это, до сихъ поръ еще не выяснено вполнѣ точно ихъ значеніе для слуха, хотя въ высокой степени вѣроятно, что они сообщаютъ тѣмъ перепонкамъ, на которыя дѣйствуютъ, степень напряженности, наиболѣе подходящую къ числу колебаній, падающихъ на нихъ въ данную минуту. При слушаніи голова и уши низшихъ животныхъ и только голова у человѣка поворачиваются такъ, чтобы наилучшимъ образомъ вос-

Digitized by Google

принять звукъ. Это также составляетъ часть процесса, называемаго приспособленіемъ органа (см. главу «*О вниманіи*»).

Внутреннее ухо. «Лабиринтъ состоитъ прежде всего изъ полостей и трубокъ, находящихся въ височной кости и замкнутыхъ ею со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ овальнаго и круглаго отверстій на ея наружной сторонѣ и нѣкоторыхъ отверстій для кровеносныхъ сосудовъ и для слухового нерва; при жизни человѣка эта полость представляетъ такъ или иначе герметически замкнутое помѣщеніе. Въ такомъ *костномъ лабиринтѣ* лежитъ *перепончатый* той же формы, но менѣе предыдущаго, такъ что между тѣмъ и другимъ остается нѣкоторое пространство; промежутокъ между ними наполненъ водянистой жидкостью, называемой *perilymfa*, а *перепончатое внутреннее ухо* наполнено подобной же жидкостью *endolympha*.

Костный лабиринтъ. Костный лабиринтъ раздѣляется на три части: *преддверіе* (*vestibulum*), *полукружные каналы* (*canales semicirculares*) и *улитка* (*cochlea*); его видъ съ различныхъ сторонъ представленъ на рис. 19-мъ. *Vestibulum*—средняя часть, на внѣшней сторонѣ своей имѣетъ *овальное отверстіе* (*Fv*), въ которое плотно входитъ основаніе стремени. За—*vestibulum* находятся три полукружныхъ канала, изъ которыхъ каждый обоими концами сообщается съ его заднею частью, а у одного изъ своихъ концовъ расширяется, чтобы образовать *ампуллу*. Костная улитка представляетъ собою трубку, свернутую на подобіе раковины улитки и лежащую въ передней части *vestibulum*.

Перепончатый лабиринтъ. Лежащій въ костномъ лабиринтѣ перепончатый состоитъ изъ двухъ мѣшковъ, сообщающихся между собою узкимъ отверстіемъ. Заднее называется *utriculus*; въ него открываются полукружные каналы перепончатаго лабиринта. Передній называется *sacculus*; онъ сообщается трубкою съ перепончатой улиткой. Перепончатые полукружные каналы очень похожи на костные, у каждаго есть *ampulla*; одна сторона послѣдней тѣсно примыкаетъ къ ея костяной покрышкѣ; въ этомъ мѣстѣ въ *ampulla* входятъ нервы. Отношенія перепончатой улитки къ костной болѣе сложны. Разрѣзъ этой части слухового аппарата (рис. 20-й) показываетъ, что ея костные элементы состоятъ изъ трубки, обернутой въ два съ половиной раза около центральной костной оси—*modiolus*. Отъ этой оси выступаетъ перегородка *lamina spiralis*, которая отчасти раздѣляетъ трубку, проходя по всѣмъ ея изгибамъ до конца. Къ внѣшнему краю этой костной пластинки прикрѣплена трехгранная трубочка *scala media*, которая своимъ основаніемъ примыкаетъ къ внѣшней костной стѣнкѣ спиральной улитки. *Lamina spiralis* и *scala media* подраздѣляютъ слѣдующимъ образомъ полость костной трубки: вверху находится (рис. 21-й) *scala vestibuli*, *SV*, внизу *scala tympani*, *ST*. Между ними лежитъ *lamina spiralis* (*lso*) и *scala*

Digitized by Google

media (*CC*), послѣдняя отгорожена вверху—Рейсснеровой (*R*), внизу—основной (*b*) перепонками [1]).

Scala media не простирается до самыхъ краевъ костной улитки; надъ нею *scala vestibuli* и *scala tympani* сообщаются. И та, и другая полости наполнены *перилимфой*, такъ что, если *stapes* вталкивается въ *овальное отверстіе*, *o* (рис. 17-й) прикосновеніемъ воздушной волны къ барабанной перепонкѣ, волна перилимфы вбѣгаетъ въ верхнюю часть *scala vestibuli*, оттуда переходитъ въ *scala tympani*; затѣмъ, обѣжавъ книзу извилины послѣдней, она расширяетъ круглое отверстіе, приведя, можетъ быть, въ колебаніе Рейсснерову и основную перепонки при движеніи туда и обратно.

Концевые органы. *Scala media* заключаетъ въ себѣ нѣкоторое твердое тѣло, расположенное на основной перепонкѣ—это *Кортіевъ органъ*. Онъ заключаетъ въ себѣ концевые органы нервовъ улитки. *Sulcus spiralis*, бороздка на краю *lamina spiralis ossea*, выстлана кубовидными клѣтками; на внутреннемъ краѣ основной перепонки онѣ столбообразны и снабжены въ верхнихъ частяхъ пучкомъ жесткихъ волосковъ—это *внутреннія рѣсничныя клѣтки*, прикрѣпленныя за ихъ узкія верхнія части къ основной перепонкѣ, въ нихъ входятъ нервныя волокна. Ко внутреннимъ рѣсничнымъ клѣткамъ примыкаютъ *Кортіевы столбы*, которые въ значительно увеличенномъ видѣ (*Co* на рис. 21-мъ) представлены на рис. 22-мъ. Эти столбы упруги и расположены въ два ряда, тѣсно примыкая другъ ко другу и образуя соединеніемъ своихъ верхнихъ частей крытый проходъ; ихъ части, ближайшія къ *lamina spiralis* называются *внутренними столбами*, дальнѣйшія—*внѣшними*. Внутренніе столбы многочисленнѣе внѣшнихъ: первыхъ около 6,000, вторыхъ около 4,500. Къ внѣшней сторонѣ головокъ внѣшнихъ столбовъ прикрѣплена твердая и рѣшетообразная сѣтчатая перепонка, *membrana reticularis*, (*r*, рис. 22-й). Кнаружи отъ внѣшнихъ столбовъ идутъ четыре ряда внѣшнихъ рѣсничныхъ клѣтокъ, которыя, подобно внутреннимъ, связаны съ нервными волокнами; ихъ волоски проникаютъ въ отверстія сѣтчатой перепонки. Надъ внѣшними рѣсничными клѣтками находится обыкновенный цилиндрическій эпителій, который постепенно переходитъ въ кубовидныя клѣтки, выстилающія большую часть *scala media*. Отъ верхняго края *sulcus spiralis* проходитъ *кроющая перепонка* (*membrana tectoria*) (*t*, рис. 21-й), которая распростирается надъ кортіевыми и надъ рѣсничными клѣтками [2]).

Такимъ образомъ, рѣсничныя клѣтки являются, повидимому, концевымъ органомъ для воспріятія колебаній воздушныхъ волнъ, которыя сообщаются черезъ всѣ посредствующіе слуховые аппа-

---

[1]) Martin op. cit.
[2]) Martin op. cit.

Digitized by Google

раты и жидкости и доходятъ до основной перепонки. Аналогичныя рѣсничныя клѣтки имѣются у концевыхъ нервныхъ волоконъ въ стѣнкахъ *sacculus*, *utriculus* и *ampulla* (см. рис. 23-й).

Различныя качества звука. Съ физической точки зрѣнія звуки суть колебанія такъ называемыхъ *воздушныхъ волнъ*. Результатомъ *непериодическихъ* воздушныхъ колебаній является *шумъ;* періодическія колебанія вызываютъ ощущеніе *тона* или ноты. *Напряженность* звука зависитъ отъ *силы* волнъ. При періодическихъ колебаніяхъ различіе въ скорости ихъ создаетъ въ ощущеніи различіе высоты звука. Кромѣ напряженности и *высоты*, звуки различаются *тэмбромъ*, который въ различныхъ инструментахъ при одинаковости тона и высоты можетъ быть весьма различенъ. Тэмбръ зависитъ отъ *формы* звуковыхъ волнъ.

Высота. Отдѣльное дуновеніе воздуха, вызванное все равно какой причиной, даетъ намъ ощущеніе звука, но нужно, по крайней мѣрѣ, четыре или пять колебаній, чтобы вызвать ощущеніе звуковой высоты. Напримѣръ, высота ноты *C* вызывается 132 колебаніями въ секунду, ея октава C′ получается отъ двойного числа колебаній (264), но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ колебанія не должны продолжаться цѣлую секунду для того, чтобы ихъ высота стала замѣтна. «Звуковыя колебанія могутъ быть слишкомъ быстры или слишкомъ медленны для того, чтобы вызвать звуковое ощущеніе, совершенно такъ же, какъ ультра-фіолетовые и ультра-красные лучи солнечнаго спектра не вызываютъ въ ретинѣ процессовъ, сопровождающихся свѣтовымъ ощущеніемъ. Наивысшая слышимая нота соотвѣтствуетъ приблизительно 38,016 колебаніямъ въ секунду, хотя эта цифра измѣняется у различныхъ индивидовъ; многіе не могутъ разслышать крика летучей мыши и стрекотанія сверчка,—звуковъ, которые близко лежатъ къ верхней границѣ слышимыхъ звуковъ. Съ другой стороны, звуки, получаемые отъ сорока и нѣсколько менѣе колебаній въ секунду, представляютъ скорѣе гудѣніе, чѣмъ истинное ощущеніе тона; въ музыкѣ они употребляются только въ соединеніи съ другими нотами высшихъ октавъ, которымъ низкіе тоны сообщаютъ характеръ большей глубины» [1]).

Система тоновъ образуетъ *непрерывность одного измѣренія*, т. е. можно переходить отъ одного тона къ другому только черезъ посредство одного ряда промежуточныхъ тоновъ, а не нѣсколькихъ рядовъ, какъ это было въ серіи цвѣтовъ (см. стр. 31-ю). Весь рядъ тоновъ въ его цѣломъ образуетъ то, что называется музыкальною гаммою. Принятіе извѣстныхъ произвольныхъ пунктовъ въ этой гаммѣ въ качествѣ «нотъ» объясняется частію изъ историческихъ, частію изъ

---

[1]) Martin. op. cit.

Digitized by Google

эстетическихъ основаній, которыхъ мы не будемъ здѣсь разбирать вслѣдствіе крайней ихъ сложности.

Тэмбръ ноты обусловленъ *формою звуковой волны*. Колебанія волнъ бываютъ простыя («маятниковыя») или сложныя. Такъ, напримѣръ, если камертонъ (дающій приблизительно простыя волны) колеблется 132 раза въ секунду, то мы услышимъ ноту c' Если одновременно съ нимъ зазвучитъ нота c' другого камертона, колеблющагося 264 раза въ секунду, то движеніе волнъ будетъ представлять въ любое мгновеніе алгебраическую сумму движенія обоихъ камертоновъ; если оба камертона производятъ колебанія въ одномъ направленіи, то они взаимно усиливаютъ другъ друга; если же противоположныя колебанія сталкиваются, то они взаимно ослабляютъ свои дѣйствія. Въ результатѣ въ такомъ случаѣ хотя и получается періодическое движеніе, повторяющееся черезъ равные промежутки времени, но уже не маятниковое, такъ какъ восходящія и нисходящія части выражающей его кривой не одинаковы. Здѣсь мы встрѣчаемъ явленіе образованія не-маятниковыхъ колебаній изъ смѣшенія или, какъ говорится, *сложенія* маятниковыхъ.

Предположимъ, что одновременно звучитъ группа музыкальныхъ инструментовъ, напримѣръ, въ оркестрѣ. Каждый инструментъ производитъ свойственное ему дѣйствіе на частицы воздуха, движеніе которыхъ, представляя алгебраическую сумму отдѣльныхъ колебаній, должно быть въ каждую данную минуту очень сложнымъ; между тѣмъ наше ухо можетъ выдѣлить по желанію любой инструментъ и слѣдить за его звуками. Относительно самыхъ музыкальныхъ инструментовъ экспериментальнымъ путемъ доказано, что въ нихъ каждая отдѣльная нота сопровождается одновременнымъ слабымъ созвучіемъ многихъ болѣе высокихъ *октавъ* и другихъ «гармоническихъ» тоновъ («обертоновъ»). Гельмгольцъ показалъ, что тэмбръ извѣстнаго инструмента зависитъ отъ относительной *силы* того или другого гармоническаго тона или большинства гармоническихъ тоновъ. Различіе многихъ гласныхъ въ человѣческомъ голосѣ также зависитъ отъ преобладанія тѣхъ или другихъ верхнихъ гармоническихъ тоновъ, сопровождающихъ ту ноту, на которой гласная поется. Если мы заставимъ звучать одновременно два камертона C и C′; то сложное колебаніе будетъ имѣть одинаковый *періодъ* съ колебаніемъ одного камертона *C*, и тѣмъ не менѣе ухо можетъ ясно различить звукъ, получающійся отъ совмѣстнаго колебанія двухъ камертоновъ, отъ звука, напр., одного нижняго, какъ ноты одного тона, но не одного тэмбра: въ сложныхъ звукахъ опытное ухо всегда съумѣетъ различить два составляющихъ ихъ элемента. Спрашивается, какимъ же образомъ одна составная звуковая волна даетъ намъ возможность слышать такую массу звуковъ заразъ?

Разложеніе сложныхъ формъ звуковыхъ волнъ зависитъ (согласно изслѣдованіямъ Гельмгольца) отъ различныхъ видовъ симпатическаго

Digitized by Google

резонанса различныхъ частей *scala media*. Основная перепонка примѣрно въ двѣнадцать разъ шире въ верхней части *scala media*, чѣмъ въ основаніи послѣдней, гдѣ она начинается; въ составъ ея входитъ множество лучеобразно расположенныхъ нервныхъ волоконъ, напоминающихъ натянутыя струны. Физическій законъ симпатическаго резонанса гласитъ, что изъ натянутыхъ струнъ, находящихся вблизи звучащаго источника, начинаютъ издавать звукъ только тѣ, высота которыхъ соотвѣтствуетъ высотѣ звучащаго источника. На основаніи этого закона волны перилимфы, пробѣгая съ извѣстной скоростью по *scala tympani*, должны привести въ колебаніе опредѣленныя нервныя волокна основной перепонки, оставивъ другія въ покоѣ. Если затѣмъ мы предположимъ, что каждое вибрирующее нервное волокно вызываетъ колебанія только въ находящейся надъ нимъ рѣсничной клѣткѣ, не затрогивая другихъ клѣтокъ, а эта клѣтка, передавъ стимулъ въ слуховой центръ мозга, вызоветъ тамъ специфическій процессъ, результатомъ котораго явится одно звуковое ощущеніе опредѣленной высоты, то физіологическія условія разнообразія въ ощущеніяхъ звуковой высоты, будутъ вполнѣ выяснены. Предположимъ теперь, что начала колебаться струна, движенія которой заключаютъ въ себѣ, быть можетъ, двадцать различныхъ видовъ колебаній, въ такомъ случаѣ эти колебанія будутъ распредѣлены между двадцатью различными рѣсничными клѣтками или концевыми органами, и при maximum'ѣ сознательнаго различенія слуховыхъ ощущеній мы воспримемъ заразъ впечатлѣнія отъ двадцати различныхъ объектовъ слуха въ видѣ такого же количества отдѣльныхъ звуковыхъ тоновъ.

Кортіевы столбы играютъ роль *дэмферовъ* (заглушителей) по отношенію къ волокнамъ основной перепонки, совершенно такъ же, какъ *malleus*, *incus* и *stapes* служатъ *дэмферами* по отношенію къ барабанной перепонкѣ и переточными аппаратами для сообщенія колебаній воздуха внутреннему уху. На самомъ дѣлѣ должно происходить мгновенное заглушеніе колебаній, такъ какъ въ ухѣ нѣтъ ничего аналогичнаго положительнымъ зрительнымъ слѣдамъ и нѣтъ смѣшенія быстро слѣдующихъ другъ за другомъ тоновъ, подобнаго смѣшенію цвѣтовыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній на ретинѣ. Геніальная теорія Гельмгольца относительно разложенія звуковъ въ высокой степени вѣроятна. Противъ нея можно сдѣлать лишь одно возраженіе: повидимому, клавіатура улитки недостаточно обширна, чтобы соотвѣтствовать числу отдѣльныхъ доступныхъ нашему уху звучаній. Мы можемъ различать гораздо большее число тоновъ, сравнительно съ тѣмъ, какое можно приблизительно различить при посредствѣ 20,000 рѣсничныхъ клѣтокъ.

Такъ называемое смѣшеніе слуховыхъ ощущеній. Тотъ фактъ, что воздушныя волны, не дающія въ отдѣльности ощущенія высоты, въ совокупности вызываютъ его, обыкновенно объясняютъ

Digitized by Google

слiяніемъ нѣсколькихъ звуковыхъ ощущеній въ одно сложное. Болѣе удовлетворительное объясненіе этого факта основано на аналогіи его съ явленіемъ сокращенія мускуловъ. Если мы будемъ съ довольно значительными перерывами раздражать электричествомъ нервъ бедренной мышцы лягушки, то мышца эта будетъ при каждомъ раздраженіи вновь и вновь сокращаться. Но, если раздраженія будутъ производиться одно за другимъ съ быстротой тридцати разъ въ секунду, то отдѣльныя сократительныя движенія прекратятся, вмѣсто нихъ наступитъ неподвижное состояніе сокращенія мышцы. Это состояніе называется *tetanus*. Опытъ показываетъ, что въ мускульной ткани происходитъ накопленіе или наслоеніе физіологическихъ процессовъ. Нужно около $^1/_{20}$ секунды для того, чтобы мускульная ткань отдохнула послѣ сокращенія отъ перваго раздраженія. Но второй зарядъ проникаетъ въ мышцу прежде, чѣмъ она успѣетъ возстановить силы, за нимъ третій и т. д., такъ что вмѣсто отдѣльныхъ сокращеній получается непрерывный *tetanus*. Нѣчто аналогичное происходитъ и въ слуховомъ нервѣ. Воздушный толчекъ сообщаетъ нервный токъ слуховому центру мозга и вызываетъ въ немъ процессъ, сопровождающійся ощущеніемъ глухого удара. Если другіе толчки будутъ медленно слѣдовать за этимъ, то послѣ каждаго отдѣльнаго толчка въ мозговомъ центрѣ будетъ возстановляться первоначальное равновѣсіе, которое будетъ снова нарушаться слѣдующимъ толчкомъ, и въ результатѣ отъ каждаго воздушнаго толчка будетъ получаться отдѣльное ощущеніе глухого удара. Но если толчки будутъ слѣдовать одинъ за другимъ слишкомъ быстро, то послѣдніе успѣютъ проникнуть въ мозгъ раньше, чѣмъ дѣйствіе, произведенное первыми, успѣетъ изгладиться. Такимъ образомъ, получается накопленіе физіологическихъ процессовъ въ слуховомъ центрѣ,—аналогичное съ мускульнымъ *tetanus*—явленіе, которому прямо соотвѣтствуетъ новое качество въ звуковомъ ощущеніи — высота. Это чувство высоты представляетъ совершенно новый видъ ощущенія, а не «кажущееся» смѣшеніе многихъ глухихъ ударовъ въ нѣчто сложное. При этихъ условіяхъ не можетъ существовать никакихъ ощущеній глухого удара, потому что вызывавшіе ихъ физіологическіе процессы замѣнились новыми. Сложеніе въ этомъ явленіи уже имѣло мѣсто въ мозговыхъ клѣткахъ, прежде чѣмъ ощущеніе достигло своего порога. Мы видѣли, что точно также красный и зеленый свѣта, быстро дѣйствуя попеременно на ретину, вызываютъ центральные мозговые процессы, которымъ прямо соотвѣтствуетъ ощущеніе желтаго цвѣта. При такихъ условіяхъ ощущенія краснаго и зеленаго цвѣтовъ не имѣютъ причинъ возникнуть. Такимъ-же образомъ, если-бы мускулъ могъ чувствовать, то при отдѣльномъ сокращеніи онъ испытывалъ бы одно, а при *tetanus*, безъ сомнѣнія, совершенно другое,— ощущеніе совершенно особаго порядка, которое качественно отличалось бы отъ ряда ощущеній при сокращеніи.

Digitized by Google

Гармонія и диссонансъ. При одновременномъ созвучіи нѣсколькихъ тоновъ мы получаемъ своеобразныя ощущенія удовольствія или неудовольствія, которыя называются: первое—гармоніей, второе—диссонансомъ. Наиболѣе гармоническимъ сочетаніемъ является октава. Когда вмѣстѣ съ октавой звучатъ «терція» и «квинта» ноты, то получается максимальный консонансъ—«полный аккордъ», напримѣръ: C—E—G—C'. Отношенія колебаній здѣсь 4: 5: 6: 8, такъ что можно было бы думать, что въ основаніи гармоническихъ сочетаній лежатъ простыя отношенія чиселъ колебаній. Но диссонирующій интервалъ C—D имѣетъ сравнительно простое отношеніе колебаній 8 : 9. Гельмгольцъ, объясняетъ диссонансъ тѣмъ, что обертоны «перебиваютъ» другъ друга. Это вызываетъ нѣкоторое ощущеніе рѣзкости, которое непріятно. Консонансъ получается, согласно Гельмгольцу, въ тѣхъ случаяхъ, когда обертоны или вовсе не перебиваютъ другъ друга, или перебиваютъ такъ быстро, что это совершенно не воспринимается ухомъ; такимъ образомъ, консонансъ скорѣе есть нѣчто отрицательное, чѣмъ положительное. Вундтъ объясняетъ консонансъ присутствіемъ сильныхъ звучащихъ въ унисонъ обертоновъ въ нотахъ, которыя звучатъ гармонично. Ни одно изъ этихъ объясненій музыкальной гармоніи не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ; вдаваться же въ запутанныя подробности этого вопроса мы не можемъ за недостаткомъ мѣста.

Чувствительность уха къ различенію. Законъ Вебера совершенно вѣренъ въ примѣненіи къ интенсивности звуковъ. Если бросать металлическіе или слоновой кости шары на тарелку изъ желѣза или изъ чернаго дерева, то звукъ, производимый ими, возрастаетъ въ прямой зависимости отъ высоты паденія. Производя (послѣ другихъ) подобные эксперименты, Меркель нашелъ, что для минимальнаго прироста силы звука нуженъ приростъ въ 0,3 первоначальнаго раздраженія на всемъ протяженіи произвольно устроенной имъ скалы между интенсивностями 20 и 5,000. Ниже—дробный приростъ раздраженія долженъ быть больше, выше—опыты не были произведены.

Способность различенія высоты въ различныхъ частяхъ скалы различна. При 1,000 (приблизительно) колебаній въ секунду $^1/_6$ вибраціи болѣе или менѣе достаточно для хорошаго уха, чтобы вызвать звукъ діэза или бэмоля. Чтобы вызвать діэзъ или бэмоль въ любой части скалы, нужно гораздо большее *относительное* измѣненіе въ колебаніяхъ. Хроматическую гамму приводили, какъ иллюстрацію веберовскаго закона. Въ этой гаммѣ ноты, повидимому, отстоятъ, на равныхъ промежуткахъ другъ отъ друга, между тѣмъ числа ихъ колебаній образуютъ рядъ, въ которомъ каждое число представляетъ произведеніе предшествующаго на новое. Но этотъ законъ не имѣетъ ничего общаго съ закономъ возрастанія интен-

Digitized by Google

сивностей путемъ — едва замѣтныхъ приращеній. Своеобразный параллелизмъ между серіей ощущеній и внѣшнихъ раздраженій представляетъ здѣсь скорѣе явленіе, независимое отъ веберовскаго закона, чѣмъ частный случай его.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Осязаніе, термическое чувство, мускульное чувство и боль.

Окончанія нервовъ въ кожѣ. «Многіе центростремительные нервы заканчиваясь соединяются съ волосяными луковицами; тонкіе волосы, покрывающіе большую часть кожной поверхности, выступая изъ кожи, сообщаютъ съ большей интенсивностью всякое воспринятое извнѣ движеніе нервнымъ волокнамъ, оканчивающимся у ихъ основаній; тонкія вѣтви осевыхъ цилиндровъ также проникаютъ между эпидермическими клѣтками, не имѣя особаго концевого органа. Въ кожѣ или непосредственно подъ нею находятся специфическія формы нервныхъ окончаній, каковы суть: 1) *Осязательныя клѣтки.* 2) *Пачиніевы тѣльца.* 3) *Осязательныя тѣльца.* 4) *Концевыя колбочки*» [1]).

Всѣ эти тѣльца состоятъ главнымъ образомъ изъ зернышекъ, образованныхъ соединительной тканью, въ которой или около которой заканчиваются чувствительныя нервныя волокна. Они, быть можетъ, усиливаютъ впечатлѣніе совершенно такъ же, какъ песчинка въ башмакѣ или крошка въ пальцѣ перчатки.

Осязаніе или чувство давленія. «Мы получаемъ черезъ кожу различнаго рода ощущенія: собственно осязаніе, чувство холода и тепла, чувство боли; эти ощущенія мы можемъ съ большею или меньшею степенью точности локализировать на поверхности тѣла. Они также испытываются нами во внутренности рта. Съ помощью чувства осязанія мы распознаемъ производимое на кожу давленіе, треніе по ней, силу давленія, наконецъ, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость тѣла, вызывающаго ощущеніе, а также форму его, если оно не настолько велико, что прикасается къ кожѣ лишь частью своей поверхности. Если мы хотимъ опредѣлить форму предмета, то двигаемъ по немъ рукою, при этомъ мускульныя ощущенія сочетаются съ осязательными въ собственномъ смыслѣ слова, такое сочетаніе тѣхъ и другихъ происходитъ постоянно; сверхъ того, мы рѣдко осязаемъ что-нибудь, не получая въ тоже время отъ осязаемаго предмета тепловыхъ ощущеній, поэтому чисто осязательныя ощущенія рѣдки. Съ эволюціонной точки зрѣнія осязаніе, быть можетъ, является первымъ отчетливо дифферен-

[1]) Martin op. cit.

Digitized by Google

цировавшимся ощущеніемъ, и оно до сихъ поръ еще въ значительной степени сохранило въ нашей душевной жизни первоначальное значеніе» [1]).

Предметы, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нашимъ тѣломъ, имѣютъ для насъ наибольшее значеніе. Главное назначеніе нашихъ глазъ и ушей заключается въ томъ, чтобы подготовить насъ къ прикосновенію приближающихся тѣлъ, или чтобы предотвратить такое прикосновеніе. Поэтому ихъ можно назвать органами предварительнаго осязанія.

Тонкость осязанія различна въ различныхъ участкахъ кожи; всего значительнѣе она на лбу, на вискахъ, гдѣ на пространствѣ девяти кв. миллим. можно ощущать тяжесть въ два миллигр.

Для возбужденія чувства осязанія необходимо, чтобы сосѣдніе участки кожи испытывали неравномѣрное давленіе. Если мы погрузимъ руку въ жидкость (напримѣръ, въ ртуть), которая проникаетъ во всѣ неровныя углубленія руки и оказываетъ почти одинаковое (на практикѣ совершенно одинаковое) давленіе на всѣ сосѣдніе участки кожи, то чувство давленія будетъ ощущаться только на линіи поверхности, гдѣ приходятся рядомъ погруженные и непогруженные въ жидкость участки кожи.

Способность кожи къ локализаціи ощущеній. Мы можемъ съ закрытыми глазами опредѣлить довольно точно тотъ участокъ нашей кожи, до котораго кто-нибудь прикоснулся. Въ осязательныхъ ощущеніяхъ, несмотря на ихъ сходство въ общихъ свойствахъ, есть нѣкоторый элементъ различія, независимо отъ интенсивности, по которой мы также можемъ различать ихъ; элементъ этотъ заключается въ своеобразномъ не вполнѣ ясно доходящемъ до сознанія свойствѣ (аналогичномъ съ обертонами, опредѣляющими тэмбръ звука), которое должно быть на лицо для локализаціи осязательныхъ ощущеній. Точность локализаціонной способности варіируетъ въ значительной степени для различныхъ участковъ кожи; она опредѣляется наблюденіемъ минимальныхъ разстояній, на которыхъ прикосновенія двухъ отдѣльныхъ предметовъ (напримѣръ, притупленныхъ концовъ циркуля) ощущаются, какъ таковыя, не сливаясь въ одно общее ощущеніе. Слѣдующая таблица показываетъ, насколько различна локализаціонная способность для различныхъ участковъ кожи:

	mm.	дюймы.
Кончикъ языка	1,1	0,04
Внутренняя сторона послѣдней фаланги пальцевъ.	2,2	0,08
Красныя части губъ.	4,4	0,16
Кончикъ носа	6,6	0,24
Внѣшняя сторона второй фаланги пальцевъ. . .	11,0	0,44

[1]) Martin op. cit.

Digitized by Google

Пятка	22,0	0,88
Внѣшняя сторона кисти	30,8	1,23
Предплечіе	39,6	1,58
Грудина	44,0	1,76
Задняя часть шеи	52,8	2,11
Середина спины	66,0	2,64

Локализаціонная способность сильнѣе сказывается поперекъ длинной оси членовъ, чѣмъ вдоль ея, и различеніе совершается съ бо̀льшею легкостью, когда давленіе какъ разъ лишь настолько сильно, чтобы вызвать отчетливое осязательное ощущеніе; при болѣе сильномъ давленіи, локализація становится менѣе ясной. При упражненіи она тотчасъ же быстро развивается. Повидимому, локализаціонная способность извѣстнаго участка кожи находится въ прямой зависимости отъ степени подвижности той части тѣла, которую онъ покрываетъ.

«Можно было бы думать, что локализаціонная способность находится въ прямой зависимости отъ распредѣленія нервовъ; что каждый осязательный нервъ находится съ одного конца въ связи со спеціальнымъ мозговымъ центромъ (возбужденіе котораго вызываетъ ощущеніе, связанное съ характеристическимъ *мѣстнымъ знакомъ*), а на другомъ концѣ распредѣленъ по нѣкоторому кожному участку; и что чѣмъ обширнѣе этотъ участокъ, тѣмъ болѣе должно быть минимальное разстояніе для различенія двухъ прикосновеній. Но, еслибы такъ было на самомъ дѣлѣ, то периферическіе осязательные участки (изъ которыхъ каждый представлялъ бы извѣстное анатомическое распредѣленіе нервныхъ волоконъ) должны были бы имѣть опредѣленныя неизмѣняющіяся границы, которыхъ мы въ опытѣ не встрѣчаемъ. Предположимъ, что маленькіе участки на рис. 25-мъ представляютъ сферы распредѣленія периферическихъ частей осязательныхъ нервовъ. Если въ *c* были прикосновенія въ двухъ точкахъ, то, согласно приведенной теоріи, мы получили бы только одно ощущеніе; но, если-бы мы, сохранивъ тоже разстояніе между ножками циркуля или даже уменьшивъ его, помѣстили бы одну его ножку на *c*, а другую на сосѣдній участокъ, то раздражались бы два самостоятельныхъ нервныхъ волокна, и мы должны были бы получить два отдѣльныхъ ощущенія; на самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ: на томъ же участкѣ кожи, куда бы мы ни помѣщали ножки циркуля, онѣ должны сохранять между собою тоже минимальное разстояніе для того, чтобы получились два раздѣльныхъ ощущенія.

«Не лишено вѣроятія, что нервные участки гораздо менѣе поверхности прикосновенія, и что для полученія одного опредѣленнаго осязательнаго ощущенія нужно, чтобы въ промежуткѣ между получившими раздраженіе нервными волокнами были многія, не воспринявшія никакого раздраженія. Если мы предположимъ, что двѣнадцать воло-

Digitized by Google

конъ въ промежуткѣ не раздражены, тогда на рис. 25-омъ *a* и *b* будутъ какъ разъ на границахъ одной осязаемой поверхности, и, независимо отъ того, куда попадутъ ножки циркуля, какъ скоро въ промежуткѣ между ними окажется одиннадцать и менѣе невозбужденныхъ волоконъ, мы получимъ одно осязательное ощущеніе. Этимъ путемъ мы можемъ объяснить тотъ фактъ, что осязательные участки не имѣютъ опредѣленныхъ границъ на кожѣ, хотя распредѣленіе нервныхъ волоконъ должно быть въ каждой части постояннымъ. Отсюда мы видимъ также, почему, проводя тупой стороной ножа по кожной поверхности, мы испытываемъ ощущеніе непрерывно-проводимой линіи, хотя ножъ касается множества отдѣльныхъ нервныхъ участковъ. Еслибы мы могли различать раздраженіе каждаго участка отъ раздраженія сосѣдняго участка, то мы получили бы ощущеніе прикосновенія пунктиромъ: раздраженію каждаго нервнаго участка соотвѣтствовало бы отдѣльное ощущеніе точки; но на самомъ дѣлѣ вслѣдствіе отсутствія промежуточныхъ невозбужденныхъ участковъ отдѣльныя ощущенія сливаются вмѣстѣ.

Термическое чувство. Его концевые органы. «Подъ термическимъ чувствомъ мы разумѣемъ способность ощущать тепло и холодъ и съ помощью этихъ ощущеній опредѣлять температуру различныхъ внѣшнихъ предметовъ. Его органомъ служитъ вся кожа, слизистая оболочка рта, горла и передняя части ноздрей. Непосредственное охлажденіе или нагрѣваніе чувствительнаго нерва можетъ вызвать въ немъ вмѣстѣ съ возбужденіемъ боль, но не термическое чувство; въ виду этого мы предполагаемъ существованіе спеціально-термическихъ концевыхъ органовъ. [Они еще не опредѣлены анатомически; физіологическія же указанія на существованіе спеціальныхъ участковъ кожи для воспріятія ощущеній холода и тепла представляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ открытій послѣднихъ лѣтъ. Проводя заостреннымъ концемъ карандаша по рукѣ или по щекѣ, можно замѣтить существованіе полосъ внезапнаго холода. Это участки холода: участки тепла открываются съ бо́льшимъ трудомъ. Гольдшейдеръ, Бликсъ и Дональдсонъ произвели рядъ самыхъ точныхъ опытовъ для опредѣленія термическихъ участковъ кожи и нашли ихъ сплошными, вполнѣ опредѣленными и отличными другъ отъ друга. Въ промежуткахъ между ними прикосновеніе холоднаго или горячаго острія не вызываетъ никакого термическаго ощущенія. Механическое и гальваническое раздраженія производятъ специфическія, свойственныя имъ ощущенія въ тѣхъ же пунктахъ].

Термическое чувство зависитъ отъ состоянія кожи. Въ комнатной температурѣ мы не чувствуемъ ни въ какой части тѣла ни холода, ни тепла, хотя различныя части нашей кожной поверхности испытываютъ различную температуру. Пальцы и носъ бываютъ холоднѣе туловища, покрытаго платьемъ, а туловище, въ

Digitized by Google

свою очередь холоднѣе внутренней поверхности рта. Температура даннаго участка термическаго органа (опредѣленная съ помощью градусника), соотвѣтствующая отсутствію ощущенія тепла или холода въ данной части кожи, есть ея *нуль термическаго ощущенія* и стоитъ внѣ какой-либо постоянной связи съ объективною температурой; ибо она, какъ мы видѣли, не только измѣняется въ отдѣльныхъ органахъ, но по временамъ и въ той же самой части. Если участокъ кожи имѣетъ температуру выше нуля термическаго ощущенія, то мы ощущаемъ тепло и наоборотъ; чѣмъ болѣе разница въ двухъ термическихъ ощущеніяхъ, и чѣмъ неожиданнѣе она получается, тѣмъ замѣтнѣе самыя ощущенія; быстрыя прерывистыя прикосновенія къ кожѣ металлическимъ тѣломъ—проводникомъ тепла—вызываютъ болѣе замѣтныя ощущенія тепла и холода, чѣмъ такія же прикосновенія кускомъ дерева (худымъ проводникомъ) той же температуры.

«Перемѣна температуры въ органѣ можетъ быть вызвана измѣненіями въ кровообращеніи (приливъ крови къ кожѣ нагрѣваетъ ее и наоборотъ) или перемѣною температуры въ окружающихъ газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, находящихся съ нимъ въ соприкосновеніи. Иногда мы не можемъ опредѣлить, какая причина, внѣшняя или внутренняя, вызываетъ эту перемѣну; иногда, придя домой съ прогулки на сильномъ вѣтру, чувствуешь, что въ комнатѣ необыкновенно жарко, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Дѣло въ томъ, что движеніе во время прогулки ускоряло кровообращеніе, которое нагрѣвало кожу, но вѣтеръ быстрымъ движеніемъ охлаждалъ ее; въ комнатѣ же неподвижный воздухъ производитъ это охлажденіе медленнѣе, вслѣдствіе чего кожа нагрѣвается, а мы приписываемъ причину этого нагрѣванія невыносимо-жаркой температурѣ комнаты. Это побуждаетъ насъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ отворять окна и садиться на сквозномъ вѣтру, рискуя поплатиться здоровьемъ; а между тѣмъ, чтобы достигнуть безопаснымъ путемъ той же цѣли, достаточно было бы посидѣть спокойно 5—10 минутъ, пока скорость кровообращенія не станетъ нормальной.

«Острота термическаго чувства достигаетъ максимума при 30 слишкомъ градусахъ С. (86°F.); въ предѣлахъ этихъ градусовъ можно опредѣлять разницу въ 0,1°С. Но вообще кожа весьма ненадежный измѣритель абсолютной температуры, вслѣдствіе измѣнчивости нуля термическихъ ощущеній. Мы можемъ локализировать термическія ощущенія, но не такъ точно, какъ осязательныя» [1]).

Мускульное чувство. Ощущеніе въ мускулѣ не можетъ быть отличено отъ ощущенія въ его сухожиліи или въ мѣстѣ его прикрѣпленія. При утомленіи мускула ломота въ мѣстахъ прикрѣпленій особенно сильно даетъ себя чувствовать. Но при мускуль-

[1]) Martin op. cit. съ пропусками.

Digitized by Google

номъ ревматизмѣ весь мускулъ начинаетъ болѣть; сильное сокращеніе его, подобное сокращеніямъ отъ гальваническаго тока, такъ называемая судорога, вызываетъ во всемъ больномъ мускулѣ своеобразное сильное ощущеніе боли. Закъ (Sachs) полагалъ, что онъ доказалъ экспериментальнымъ и анатомическимъ путемъ существованіе въ мускулѣ лягушки особыхъ чувствительныхъ нервныхъ волоконецъ, отличающихся отъ двигательныхъ нервовъ. Послѣднія заканчиваются въ концевыхъ пластинкахъ, первыя въ сплетеніяхъ. Мускульному чувству многіе психологи придавали большое значеніе въ качествѣ фактора, обусловливающаго не только воспріятія тяжести и давленія, но также и воспріятія вообще пространственныхъ отношеній между предметами. Наши глаза и руки при распознаваніи отношеній пространства свободно двигаются въ немъ. Обыкновенно полагаютъ, что безъ сознаванія этого посредствующаго движенія мы при взглядѣ на двѣ точки или при осязаніи двухъ точекъ не сознавали бы, что онѣ отдѣлены другъ отъ друга пространственнымъ промежуткомъ. Я вовсе не склоненъ отрицать огромную роль двигательныхъ опытовъ при построеніи пространственныхъ воспріятій, но все-таки для насъ остается открытымъ вопросомъ, *какое* участіе въ этихъ опытахъ принимаютъ наши мускулы, выражается ли ихъ дѣятельность въ самостоятельныхъ, присущихъ только имъ ощущеніяхъ, или они вызываютъ двигательныя ощущенія въ нашей кожѣ, въ ретинѣ и въ суставныхъ поверхностяхъ. Послѣднее кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ; вѣроятно, и читатель будетъ того же убѣжденія, прочитавъ шестую главу.

Ощущеніе тяжести. Когда мы хотимъ точно опредѣлить тяжесть предмета, мы всегда, по возможности, стараемся приподнять его съ земли и такимъ образомъ скомбинировать осязательное ощущеніе съ мускульнымъ и суставнымъ. Это даетъ намъ возможность точнѣе опредѣлить вѣсъ предмета.

Веберъ нашелъ, что, въ то время какъ къ тяжести, лежащей на рукѣ, нужно прибавить $^1/_3$ вѣса, чтобы приростъ сталъ замѣтенъ, таже рука, активно «взвѣшивая» тяжесть, можетъ ощутить разницу въ $^1/_{17}$ вѣса. Согласно недавнимъ очень тщательнымъ опытамъ Меркеля, въ которыхъ палецъ, давя на одно изъ плечъ коромысла вѣсовъ, перевѣшивалъ тяжесть, повѣшенную на концѣ другого плеча вѣсомъ отъ 25 до 80 граммъ, оказалось, что минимально-ощутимый приростъ равнялся $^1/_{13}$, когда палецъ былъ неподвиженъ, и около $^1/_{19}$, когда онъ двигался. Ниже и выше этихъ предѣловъ способность различенія была слабѣе.

Боль. Физіологія боли—до сихъ поръ еще загадка. Можно предположить, что особые центростремительные нервы съ самостоятельными концевыми органами являются носителями болевыхъ впечатлѣній въ специфическій болевой центръ мозга. Или можно предположить, что въ этотъ центръ приходятъ излишки токовъ отъ

Digitized by Google

другихъ чувствительныхъ центровъ, когда сила ихъ внутренняго возбужденія въ нервныхъ волокнахъ перешла извѣстную границу. Или, наконецъ, можно предположить, что извѣстная крайняя степень нервнаго возбужденія вызываетъ болевое ощущеніе во всѣхъ центрахъ. Достовѣрно извѣстно, что всякое ощущеніе, будучи скорѣе пріятнымъ, чѣмъ непріятнымъ въ умѣренной степени, при значительномъ возрастаніи интенсивности становится болевымъ. Степень пріятности и непріятности, измѣняющаяся въ зависимости отъ интенсивности ощущенія, можетъ быть грубо представлена пунктирною кривою (см. рис. 27-й). Горизонтальная линія изображаетъ порогъ ощущенія и пріятнаго чувственнаго тона. Ниже горизонтальной линіи изображено возрастаніе непріятнаго чувственнаго тона. Непрерывная кривая выражаетъ законъ Вебера, о которомъ мы говорили на стр. 14-й (рис. 2-й). При минимальномъ ощущеніи чувственный тонъ=*0*, какъ показываетъ пунктирная кривая. Далѣе она сначала возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ интенсивность ощущенія, и достигаетъ maximum'а, прежде чѣмъ интенсивность ощущенія достигла своего высшаго пункта. Послѣ максимума пріятности линія чувственнаго тона быстро падаетъ и скоро опускается ниже горизонтальной линіи въ сферу непріятнаго чувственнаго тона, падая все ниже и ниже. Всѣмъ извѣстно, что любое ощущеніе при нѣкоторой интенсивности становится болевымъ. Свѣтъ, звукъ, запахи, вкусъ (даже сладкаго), холодъ, жаръ и всѣ кожныя ощущенія, чтобы доставлять удовольствіе, должны быть умѣренны.

Этотъ вопросъ еще осложняется качествомъ ощущенія, ибо въ нѣкоторыхъ ощущеніяхъ, каковы: горькій, кислый и соленый вкусы и нѣкоторые запахи, высшая точка пунктирной кривой должна быть весьма близка къ началу послѣдней. Въ кожѣ болевой элементъ ощущенія возрастаетъ такъ быстро, что скоро вытѣсняетъ изъ сознанія специфическое осязательное ощущеніе, связанное съ извѣстнымъ видомъ раздраженія. Тепло, холодъ и давленіе при значительной интенсивности неразличимы: они сливаются въ общее чувство боли. Гипотеза самостоятельныхъ концевыхъ органовъ боли въ кожѣ нашла себѣ поддержку въ недавнихъ экспериментахъ Бликса и Гольдшейдера, ибо они нашли на ряду со спеціальными термическими участками также и «болевые участки». Въ промежуткѣ между ними находятся участки, лишенные всякой чувствительности. Независимо отъ вопроса о существованіи концевыхъ болевыхъ участковъ, на основаніи многихъ фактовъ не лишено вѣроятія, что для болевыхъ и для просто осязательныхъ ощущеній имѣются особые *проводящіе* пути въ мозгъ. При болѣзни, называемой *анальгезія*, осязаніе сохраняется, но жженіе, электрическое раздраженіе и уколы, разрушающіе ткани, не вызываютъ никакого ощущенія. Тоже случается при болѣзняхъ спинного мозга, при гипнотическомъ внушеніи и въ нѣкоторыхъ стадіяхъ опья-

Digitized by Google

нія эоиромъ или хлороформомъ. «Нѣчто аналогичное было вызвано Шиффомъ у кроликовъ отдѣленіемъ сѣрой массы спинного мозга и оставленіемъ однихъ заднихъ столбовъ бѣлаго вещества. При отдѣленіи бѣлаго вещества и оставленія сѣраго болевая чувствительность была повышена и, повидимому, собственно осязаніе было утрачено. Изъ этихъ опытовъ можно съ достаточной вѣроятностью предполагать слѣдующее: когда центростремительные токи, достигая спинного мозга на какой-нибудь высотѣ и войдя тамъ въ сѣрое вещество черезъ заднія корешки нервовъ, проникаютъ различными путями до сознательныхъ центровъ, осязательные токи, выйдя вскорѣ изъ сѣрой ткани, переходятъ въ бѣлыя нервныя волокна, ведущія прямо къ мозговому центру, между тѣмъ какъ болевые продолжаютъ двигаться по сѣрому веществу мозга. До сихъ поръ еще неизвѣстно, не проникаютъ ли оба тока въ спинной мозгъ, по тѣмъ же самымъ нервамъ. Сѣрая ткань проводитъ нервные токи, но съ трудомъ: токи въ ней быстро глохнутъ. Слабый (осязательный) токъ, проникая въ нее по центростремительному нерву, можетъ проходить ее только на незначительномъ протяженіи, а затѣмъ переходитъ въ опредѣленное хорошо-проводящее бѣлое волокно и такимъ путемъ достигаетъ до мозга; между тѣмъ какъ болѣе сильный (болевой) токъ продолжаетъ распространяться по сѣрому веществу, быть можетъ, выходитъ изъ него по нѣсколькимъ волокнамъ, ведущимъ въ мозгъ по бѣлому веществу, и, такимъ образомъ, вызываетъ некоординированное и дурно локализированное ощущеніе. Что боли, въ особенности очень интенсивныя, дурно локализируются—это составляетъ хорошо извѣстный фактъ, которому предлагаемая гипотеза даетъ объясненіе» [1]).

Боль вызываетъ дурно-координированныя движенія, клонящіяся къ устраненію страданія; чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ рѣзче эти движенія. Безъ сомнѣнія, въ низшихъ животныхъ боль является непосредственнымъ стимуломъ къ движенію. Люди же обладаютъ тою особенностью, что у нихъ боль, хотя и вызываетъ самыя энергичныя двигательныя реакціи, но не въ тѣхъ случаяхъ, когда реакціи предшествуютъ сознательные процессы рефлексіи.

Вкуса, запаха, ощущеній голода, жажды, тошноты и другихъ, такъ называемыхъ органическихъ ощущеній, мы не будемъ разбирать въ настоящемъ сочиненіи, такъ какъ относительно нихъ неизвѣстно пока ничего такого, что могло-бы представлять психологическій интересъ.

---

[1]) Martin.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ощущенія движенія.

Въ виду важнаго психологическаго значенія ощущеній движенія я посвящаю имъ особую главу. Ощущенія движенія бываютъ двухъ родовъ:

1) Ощущенія движенія предметовъ, перемѣщающихся по чувствительной поверхности нашего тѣла.

2) Ощущенія перемѣщенія нашего собственнаго тѣла въ пространствѣ.

1) **Ощущенія двигающихся по поверхности тѣла предметовъ.** Физіологи считаютъ невозможнымъ возникновеніе моторнаго ощущенія безъ соблюденія слѣдующаго условія: должны быть послѣдовательно восприняты нами различныя положенія двигающагося предмета—его исходный и конечный пункты (*terminus a quo* и *terminus ad quem*); кромѣ того, постепенныя непрерывныя перемѣны положенія двигающагося предмета должны совершаться въ различимый сознаніемъ промежутокъ времени. Въ сущности мы познаемъ только самыя медленныя движенія такимъ путемъ. Видя часовую стрѣлку на XII, а потомъ на VI, мы заключаемъ, что въ этотъ промежутокъ времени она двигалась. Видя солнце въ данную минуту на востокѣ, а потомъ на западѣ, я заключаю, что оно прошло надъ моей головой. Но мы можемъ только *заключать* объ этомъ на основаніи ранѣе извѣстныхъ и полученныхъ болѣе прямымъ путемъ фактовъ; между тѣмъ экспериментальнымъ путемъ выяснено, что мы обладаемъ непосредственно даннымъ простымъ ощущеніемъ движенія. Чермакъ уже давно указывалъ на различіе между слѣдующими двумя фактами: *видѣть движеніе часовой стрѣлки*, прямо глядя на нее, или *замѣтить, что она перемѣнила положеніе*, смотря въ промежуткѣ на какую-нибудь другую точку циферблата. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ специфическое ощущеніе, котораго нѣтъ во второмъ. Если мы найдемъ на кожѣ (напримѣръ, на рукѣ) участокъ, на которомъ двѣ ножки циркуля на разстояніи дюйма даютъ одно ощущеніе, и будемъ проводить на этомъ участкѣ заостреннымъ концемъ карандаша линіи длиною въ 0,1 часть дюйма, то мы будемъ ясно сознавать движеніе точки и будемъ даже въ состояніи смутно опредѣлить его направленіе. Здѣсь, конечно, ощущеніе движенія не проистекаетъ отъ существующаго заранѣе сознанія его конечныхъ пунктовъ, ибо даже въ десять разъ большій промежутокъ не различается сознаніемъ при прикосновеніи ножками циркуля.

Digitized by Google

Тоже самое можно наблюдать и на глазѣ. Если положить пальцы на закрытый глазъ, то ихъ нельзя будетъ сосчитатьпри помощи чувства осязанія — иначе говоря, пять участковъ на глазѣ, которые они раздражаютъ, не различаются нашимъ сознаніемъ, какъ пять отдѣльныхъ положеній въ пространствѣ, и тѣмъ не менѣе малѣйшее движеніе этихъ пальцевъ крайне живо сознается, какъ движеніе, а не что другое. Отсюда ясно, что наше ощущеніе движенія, будучи гораздо болѣе утонченнымъ, сравнительно съ ощущеніемъ положенія, никоимъ образомъ не можетъ быть выводимо изъ послѣдняго.

Почти одновременно съ Чермакомъ Фирордтъ (Vierordt) обратилъ вниманіе на существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ иллюзій, между прочимъ слѣдующихъ: если кто-нибудь будетъ тихо проводить линію по запястью нашей неподвижно лежащей руки или по неподвижному пальцу, то намъ будетъ казаться, будто рука наша двигается въ противоположномъ направленіи. Если, наоборотъ, мы двигаемъ конечностью по неподвижной точкѣ, то будетъ казаться, будто и точка также движется. Если вы приставите ко лбу большой палецъ, держа послѣдній при этомъ неподвижно, и начнете вращать голову, такъ что кожа лба будетъ скользить подъ кончикомъ пальца, то вы неизбѣжно будете ощущать движеніе послѣдняго въ направленіи, противоположномъ движенію головы. Тоже наблюдается при движеніи пальцевъ другъ около друга: одни могутъ двигаться, другіе быть въ покоѣ, но послѣдніе всегда будутъ ощущать какъ бы реальное движеніе. Согласно Фирордту, эти иллюзіи представляютъ рудименты примитивной формы воспріятія, когда движеніе, хотя и сознавалось, какъ таковое, но относилось на счетъ всего «содержанія сознанія», а не пріурочивалось къ какой-нибудь одной сторонѣ его. При болѣе развитой способности воспріятія мы, при движеніи предмета по поверхности тѣла, перестали принимать это явленіе за два движенія въ противоположныхъ направленіяхъ, приписывая одному изъ элементовъ воспріятія абсолютный покой. Въ зрительныхъ процессахъ, напримѣръ, когда мы видимъ, что все поле зрѣнія цѣликомъ перемѣщается, мы думаемъ, что это мы сами перемѣщаемся, или что перемѣщаются наши глаза; если на первомъ планѣ поля зрѣнія, повидимому, перемѣщается какой-нибудь предметъ въ то время, какъ задній планъ остается неподвижнымъ, то мы также заключаемъ, что онъ неподвиженъ Но первоначально это различеніе производилось смутно: первоначально всѣ объекты зрѣнія казались движущимися и сообщающими другъ другу движеніе; при всякомъ относительномъ движеніи предмета и ретины намъ казалось, что и предметъ движется, и сами мы чувствуемъ собственное движеніе. Даже теперь, при перемѣщеніи цѣлаго поля зрѣнія, намъ кажется, что мы сами также двигаемся, и при этомъ чувствуется легкое головокруженіе; и наоборотъ, мы

Digitized by Google

и теперь еще приписываемъ движеніе всему полю зрѣнія, когда внезапно дергаемъ головой или быстро поворачиваемъ въ разныя стороны глаза. Таже иллюзія получается, когда мы таращимъ глаза. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы *знаемъ*, что происходитъ на самомъ дѣлѣ, но вслѣдствіе непривычности условій, примитивное ощущеніе неустранимо возникаетъ вновь. Тоже наблюдается при движеніи облаковъ мимо луны. Мы *знаемъ*, что луна неподвижна, но мы *видимъ*, что она движется скорѣе облаковъ. Даже при медленномъ движеніи глазъ, примитивное ощущеніе сохраняетъ все свое значеніе. При внимательномъ наблюденіи мы и тутъ замѣтимъ, что предметъ, на который направляется нашъ взоръ, какъ-бы движется на встрѣчу глазу. Но самое цѣнное сообщеніе по этому вопросу было сдѣлано Г. Г. Шнейдеромъ въ его статьѣ въ «Vierteljarsschr. für wiss. Philos.» (II, 377). Онъ разсматриваетъ вопросъ съ зоопсихологической точки зрѣнія и показываетъ на рядѣ примѣровъ изъ всѣхъ отрядовъ животнаго царства, что съ помощью движенія животныя всего легче привлекаютъ вниманіе другъ друга. Инстинктъ «притворной смерти» вовсе не есть симуляція, скорѣе это просто параличъ членовъ, вызванный страхомъ, благодаря которому насѣкомое, ракообразное или какое-нибудь другое животное избѣгаетъ врага, послѣдній же, благодаря полной неподвижности животнаго, не замѣчаетъ его. Этотъ фактъ можно поставить въ параллель съ полною неподвижностью, сопровождающейся задержкою дыханія, у дѣтей въ игрѣ въ прятки, когда къ спрятавшемуся подходитъ «разбойникъ». Обратное явленіе можно наблюдать, когда, желая обратить на себя вниманіе кого-нибудь издали, мы начинаемъ непроизвольно махать руками, подпрыгивать и т. п. До какой степени неподвижность дѣлаетъ предметъ незамѣтнымъ можно видѣть изъ того неподвижнаго положенія, которое принимаютъ звѣри, подстерегая добычу и скрываясь отъ преслѣдователей. Въ лѣсу, если мы будемъ совершенно неподвижны, птицы и бѣлки будутъ буквально задѣвать насъ. Мухи садятся на мертвыхъ птицъ и на неподвижно лежащихъ лягушекъ. Съ другой стороны, потрясающее впечатлѣніе при видѣ того, какъ предметъ, на которомъ вы сидите, начинаетъ двигаться, чрезмѣрное содроганіе, испытываемое нами, когда какое-нибудь насѣкомое ползетъ у насъ по кожѣ, или когда кошка, незамѣтно подкравшись къ намъ, начинаетъ мурлыкать около нашей руки, наконецъ, крайне сильный эффектъ щекотанія—всѣ эти факты показываютъ, до какой степени способно возбуждать насъ ощущеніе движенія само по себѣ. Котенокъ неудержимо гонится за двигающимся мячикомъ. Впечатлѣнія сами по себѣ слишкомъ слабыя, чтобы быть замѣтными, еейчасъ же обращаютъ на себя вниманіе, какъ только начинаютъ двигаться предметы, ихъ вызывающіе. Муха, сидящая неподвижно на нашей кожѣ, не замѣчается нами, но, какъ только она начи-

Digitized by Google

наетъ ползать, мы тотчасъ же начинаемъ ощущать ея присутствіе. Тѣнь, незамѣтная по своей блѣдности, бросается въ глаза при движеніи. Если мы поставимъ палецъ передъ закрытымъ зрачкомъ противъ солнца, то присутствіе его будетъ незамѣтно; при движеніи онъ становится замѣтенъ. У лучистыхъ зрительныя воспріятія совершаются именно при такихъ условіяхъ. У насъ главная роль периферическихъ частей ретины—это роль часовыхъ, которые какъ бы опрашиваютъ свѣтовые лучи, падающіе на нихъ: «Кто идетъ?!» и какъ бы призываютъ желтое пятно занять освѣщенный пунктъ. Большая часть кожи играетъ такую же роль по отношенію къ кончикамъ пальцевъ. Разумѣется, движеніе кожи подъ предметомъ равносильно (въ качествѣ раздраженія) движенію предмета по кожѣ. При изслѣдованіи формы и размѣровъ предметовъ съ помощью зрѣнія или осязанія, движенія глаза или кожной поверхности постоянны и неудержимы. При каждомъ такомъ движеніи поверхность предмета какъ-бы исчерчивается множествомъ точекъ и линій и, такимъ образомъ, съ помощью вниманія запечатлѣвается въ сознаніи. Огромная роль движенія въ нашемъ воспріятіи дала поводъ многимъ психологамъ доказывать, что органами для воспріятія пространства служатъ самые мускулы. Съ точки зрѣнія этихъ изслѣдователей не «чувствительная поверхность» тѣла представляетъ источникъ для познаванія объективныхъ свойствъ протяженности, а «мускульное чувство». Но они упустили изъ виду напряженность, съ которою мускульныя движенія призываютъ къ участію въ воспріятіи пространства чувствительныя поверхности тѣла, и огромную зависимость способности различать впечатлѣнія отъ подвижности тѣхъ поверхностей, на которыя они падаютъ.

Наши суставныя поверхности суть органы осязанія, которые при воспаленіи становятся до крайности болѣзненно-чувствительными. Помимо давленія, единственнымъ раздраженіемъ, которое онѣ получаютъ, служитъ ихъ движеніе одной по другой. Опредѣленіе положенія, которое приняли наши члены, повидимому, зависитъ главнымъ образомъ отъ ощущеній этого движенія. Паціенты, страдающіе осязательной и мускульной анэстезіей въ ногѣ, часто обнаруживаютъ, что суставная чувствительность больной ноги сохранилась, тѣмъ, что здоровою ногою показываютъ, въ какое положеніе привелъ больную ногу врачъ. Гольдшейдеръ (въ Берлинѣ) заставлялъ пальцы руки и ноги пассивно вращаться въ различныхъ суставахъ съ помощью механическаго аппарата, который опредѣлялъ скорость сообщеннаго движенія и величину угла вращенія. Минимальные углы вращенія, какіе ощущались, были гораздо менѣе одного углового градуса во всѣхъ суставахъ, кромѣ пальцевъ. Такія малыя перемѣщенія членовъ, по словамъ Гольдшейдера, едва ли можно обна-

Digitized by Google

ружить съ помощью зрѣнія. Въ этихъ случаяхъ анэстезія кожи, искусственно вызванная индукціонными токами, и различной степени давленія движущей силы на кожу не вносили въ воспріятіе суставныхъ движеній никакого измѣненія. Наоборотъ, это воспріятіе становилось все болѣе и болѣе яснымъ по мѣрѣ прекращенія путемъ искусственной анэстезіи испытываемыхъ при этомъ окружающихъ ощущеній давленія. Но, когда самые суставы были искусственно анэстезированы, воспріятіе движенія стало смутнымъ, а минимально-ощутимые углы вращенія стали больше. Согласно Гольдшейдеру, всѣ эти факты доказываютъ, что *суставныя поверхности и только онѣ одни суть пріемники тѣхъ впечатлѣній, съ помощью которыхъ непосредственно воспринимаются движенія нашихъ членовъ.*

2) **Ощущенія движенія въ пространствѣ.** Они могутъ быть подраздѣлены на ощущенія вращенія и ощущенія перемѣщенія. Мы указали въ концѣ главы о слухѣ, что лабиринтъ (полукружные каналы, utriculus и sacculus), повидимому, не имѣетъ никакого отношенія къ слуху. Въ настоящее время окончательно выяснено, что полукружные каналы суть органы особаго шестого чувства, такъ называемаго чувства вращенія. При субъективномъ источникѣ возбужденія это ощущеніе вызываетъ *головокруженіе* или *vertigo*, быстро сопровождающееся ощущеніемъ тошноты. Раздражающія лабиринтъ болѣзни внутренняго уха вызываютъ сильнѣйшее головокруженіе. Травматическое пораженіе каналовъ у птицъ и млекопитающихъ (меніерова болѣзнь) заставляетъ этихъ животныхъ падать и бросаться изъ стороны въ сторону; эти движенія ихъ всего лучше можно объяснить предположеніемъ, что они страдаютъ отъ ложныхъ ощущеній паденія, которому они стараются противодѣйствовать рефлекторными движеніями, направленными въ противоположную сторону. Гальваническое раздраженіе перепончатыхъ каналовъ у голубя вызываетъ движенія головы и глазъ, совершенно аналогичныя съ тѣми, которыя получаются при дѣйствительномъ вращеніи этихъ животныхъ. Большой процентъ глухонѣмыхъ (изъ нихъ у многихъ поврежденіе слуховыхъ нервовъ и лабиринта было вызвано тою же болѣзнью, которая лишила ихъ слуха) оказался совершенно невоспріимчивымъ къ головокруженію при вращеніи. Пуркинье и Махъ доказали, что, какъ-бы ни былъ органъ чувства вращенія, онъ долженъ быть непремѣнно въ головѣ. Махъ путемъ тщательныхъ экспериментовъ доказалъ, что въ остальныхъ частяхъ тѣла онъ не можетъ находиться ни въ какомъ случаѣ.

Полукружные каналы, будучи какъ-бы шестью небольшими нивеллирами съ воздушнымъ пузырьемъ въ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ, повидимому, представляютъ органъ, прекрасно приспособленный къ воспріятію чувства вращенія. Достаточно только предположить, что при поворотѣ головы въ одной изъ

Digitized by Google

этихъ плоскостей, относительная инерція эндолимфы мгновенно увеличиваетъ ея давленіе на концы нервовъ въ примыкающей къ ней ампуллѣ; а это давленіе сообщаетъ въ центральный органъ нервный токъ, вызывающій головокруженіе. Этимъ органомъ, повидимому служитъ, мозжечекъ. Телеологическое значеніе всего этого процесса заключается въ сохраненіи прямого положенія. Если человѣкъ, стоя съ закрытыми глазами, обратитъ вниманіе на положеніе своего тѣла, то онъ найдетъ, что оно ни на мгновенье не бываетъ въ равновѣсіи. Начинающіяся паденія то на одну, то на другую сторону постоянно уравновѣшиваются мускульными сокращеніями, возстановляющими равновѣсіе, и, хотя при этомъ безспорно въ числѣ причинъ, вызывающихъ уравновѣшивающее сокращеніе, играютъ роль впечатлѣнія, которыя получаются извнѣ сухожиліями, связками, суставами, подошвами, однако самымъ сильнымъ и специфическимъ рефлексомъ при этомъ, кажется, служитъ тотъ, который непосредственно вызывается начинающимся ощущеніемъ головокруженія.

Экспериментальнымъ путемъ доказано, что это ощущеніе легче всѣхъ другихъ вызывается потерей равновѣсія. При разстройствахъ мозжечка отвѣтный рефлексъ не удается какъ слѣдуетъ, и въ результатѣ получается потеря равновѣсія. Раздраженія мозжечка вызываютъ головокруженіе, потерю равновѣсія и тошноту; пропусканіе токовъ черезъ голову вызываетъ различныя формы головокруженія въ зависимости отъ направленія тока. Кажется вѣроятнымъ, что этими ощущеніями завѣдуетъ центръ въ мозжечкѣ. Сверхъ рефлексовъ туловища и конечностей чувство вращенія вызываетъ вращеніе глазныхъ яблокъ въ направленіи, обратномъ реальному движенію; это бываетъ связано съ субъективнымъ явленіемъ такъ называемаго *оптическаго головокруженія*. Равномѣрное вращеніе не вызываетъ специфическаго чувства; при ускореніи или замедленіи, вообще говоря, при измѣненіи скорости вращенія концевые органы ампуллъ получаютъ свой импульсъ. Впрочемъ, самое ощущеніе всегда бываетъ непродолжительно; послѣ быстраго вращенія чувство обратнаго движенія можетъ продолжаться около минуты, постепенно ослабѣвая.

Причина чувства *перемѣщенія* (движенія впередъ и назадъ) еще не выяснена окончательно. Ощущеніе это локализируютъ въ полукружныхъ каналахъ, которые въ этихъ случаяхъ, какъ полагаютъ, посылаютъ совмѣстно, токи въ мозгъ, а также въ utriculus. Послѣдній экспериментаторъ въ этой области Делажъ доказываетъ, что это ощущеніе нельзя локализировать въ головѣ: его скорѣе слѣдуетъ распространить на все тѣло, поскольку отдѣльныя части тѣла (кровеносные сосуды, внутренности etc.) подвижны по отношенію другъ ко другу, и поскольку онѣ выдерживаютъ треніе и давленіе отъ ихъ относительной инерціи при перемѣщеніи. Однако,

Digitized by Google

еще нельзя сказать, чтобы Делажъ имѣлъ основанія отрицать участіе лабиринта въ этой формѣ чувствительности; въ виду этого мы оставляемъ вопросъ нерѣшеннымъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Строеніе мозга [1]).

Эмбріологическій очеркъ. Мозгъ представляется при изученіи анатоміи органомъ чрезвычайно сложнымъ, пока мы не получимъ о немъ представленіе клубка—тогда дѣло становится сравнительно проще. Взглядъ на мозгъ, какъ на извѣстнаго рода клубокъ, получается изъ изученія сравнительной анатоміи и въ особенности эмбріологіи. Въ извѣстной стадіи развитія у всѣхъ высшихъ позвоночныхъ цереброспинальная ось представляетъ наполненную жидкостью трубку, заканчивающуюся спереди расширеніемъ, перехваченнымъ въ двухъ мѣстахъ поперечными перемычками, и образующую такимъ путемъ три такъ называемыхъ мозговыхъ пузыря (рис. 28-й). Стѣнки этихъ мозговыхъ пузырей въ однихъ мѣстахъ утолщаются, въ другихъ превращаются въ сосудистыя сплетенія, въ третьихъ онѣ отдѣляютъ отъ себя выступы, которые указываютъ, повидимому, на дальнѣйшую дифференцировку. Средній мозговой пузырь или средній мозгъ (*Mb*, на рис.) представляетъ часть, наименѣе подвергшуюся измѣненію. Верхнія стѣнки ея утолщаются въ зрительныя доли, у человѣка онѣ называются *четырехолміе* (*corpora quadrigemina*); нижнія стѣнки ея становятся впослѣдствіи *crura cerebri*: полость ея образуетъ *Сильвіевъ водопроводъ* (*aquaeductus Sylvii*). На 31-мъ рисункѣ изображенъ разрѣзъ средняго мозга взрослаго.

Передній и задній пузыри подвергаются гораздо болѣе значительнымъ измѣненіямъ. Стѣнки задняго пузыря крайне утолщаются въ самой передней части и образуютъ *мозжечекъ* (*cerebellum*) наверху (*Cb* на всѣхъ рисункахъ) и *Вароліевъ мостъ* (*pons Varolii*) внизу (*P. V.* на рис. 33-мъ). Въ самыхъ заднихъ частяхъ задній пузырь книзу утолщается въ *продолговатый мозгъ* (*medulla oblongata*), (*Mo* на всѣхъ рис.), а вверху его стѣнки утончаются и размягчаются до того, что въ образовавшееся отверстіе можно просунуть зондъ, не повредивъ ни одного нервнаго волокна въ собственномъ смыслѣ этого слова. Полость, въ которую такимъ обра-

[1]) Эта глава представляетъ лишь набросокъ для начинающихъ. Чрезвычайно полезно изучать строеніе мозга на моделяхъ. Лучшая — д-ра Auzoux (56. Rue de Vaugirard, Paris): Cerveau de Texture de Grande Dimension. Это чудное произведеніе искусства; стоитъ оно 300 франковъ. J. Jules Talrich (№ 97. Boulevard Saint Germain, Paris) продаетъ пять большихъ гипсовыхъ моделей, которыя я нашелъ весьма удобными для класснаго преподаванія. Онѣ стоятъ 350 франковъ и далеко превосходятъ всѣ видѣнныя мною нѣмецкія модели.

Digitized by Google

зомъ можно проникнуть снаружи, называется *четвертымъ желудочкомъ* (4 на рис. 32-мъ и 33-мъ). Можно продвинуть зондъ черезъ него подъ мозжечекъ и подъ тонкій слой нервныхъ волоконъ (*valva Viessensii*) вплоть до Сильвіева водопровода. Пройдя черезъ него, ножницы попадутъ впереди въ ту часть, которая на болѣе ранней стадіи развитія представляла полость передняго пузыря; теперь же она образуетъ глубокое щелеобразное отверстіе между стѣнками пузыря и называется *третьимъ желудочкомъ* (3 на рис. 32-мъ и 33-мъ). Вслѣдствіе своего положенія между третьимъ и четвертымъ желудочками Сильвіевъ водопроводъ называется иногда *iter a tertio ad quartum ventriculum*. Стѣнки пузырька образуютъ здѣсь *зрительные бугры* (*thalami optici*), (*Th* на всѣхъ рисункахъ). Отъ передняго пузыря какъ разъ передъ буграми съ каждой стороны разростаются утолщенія, въ которыя продолжается полость пузыря, и которыя впослѣдствіи образуютъ *полушарія*. У человѣка они въ высшей степени толсты и образуютъ на поверхности складки, такъ называемыя *извилины*. Ростутъ полушарія болѣе по направленію кзади, чѣмъ кпереди (считая отъ ихъ исходной точки — какъ разъ передъ зрительными буграми), образуя сводъ надъ ними; по направленію къ верхней поверхности они уплотняются и заканчиваются, загибаясь внизъ и впередъ послѣ перехода черезъ заднюю часть бугровъ.

При полномъ развитіи у человѣка они плотно покрываютъ всѣ другія части мозга. Ихъ полости образуютъ *боковые желудочки*, строеніе которыхъ легче усвоить съ помощью разсѣченія. Въ переднюю часть каждаго изъ нихъ можно просунуть зондъ, стѣнка ихъ, какъ и въ 3-мъ желудочкѣ, расходится по извѣстной линіи, образуя длинную щель, черезъ которую въ нихъ можно проникнуть, не повредивъ нервныхъ волоконъ. По мѣрѣ роста полушарій снаружи, назадъ и внизъ отъ ихъ исходнаго пункта эта щель была совершенно закрыта ихъ внѣшнею поверхностью [1]).

Въ началѣ развитія полушарія связаны между собою лишь соотвѣтствующими зрительными буграми. Но на 4-мъ и 5-мъ мѣсяцахъ жизни эмбріона они начинаютъ соединяться подъ буграми, прорастая сквозь массивную систему поперечныхъ волоконъ, которая проходитъ по средней линіи, подобно большому мосту, и называется *мозолистымъ тѣломъ* (*corpus callosum*). Эти волокна лучеобразно расходятся въ стѣнкахъ обоихъ полушарій и образуютъ прямую связь между извилинами правой и лѣвой стороны. Подъ мозолистымъ тѣломъ образуется другая система волоконъ, называемая *сводомъ* (*fornix*); между нею и мозолистымъ тѣломъ есть особая

[1]) Всѣ части мозга, около которыхъ находятся полости, при жизни закрыты складками оболочки, такъ называемой *мягкой мозговой оболочки* (*pia mater*), доставляющей въ эти складки обильное количество кровеносныхъ сосудовъ.

Digitized by Google

связка. Какъ разъ передъ зрительными буграми—тамъ, гдѣ полушарія начинаютъ утолщаться, въ ихъ стѣнкѣ образуется гангліозная масса, называемая *полосатымъ тѣломъ* (*corpus striatum*) (*C. S.* рис. 32-й и 33-й). Она сложнаго строенія и раздѣляется на двѣ главныя части: *nucleus lenticularis* и *nucleus caudatus*. Дальнѣйшія подробности строенія мозга лучше можно уяснить себѣ на рисункахъ съ соотвѣтствующими объясненіями, а еще гораздо лучше на разрѣзахъ мозга.

Разсѣченіе бараньяго мозга. Мозгъ у различныхъ млекопитающихъ различается только размѣрами частей, такимъ образомъ, напримѣръ, на баранъемъ мозгу можно познакомиться со всѣми существенными чертами человѣческаго мозга. Для новичка разсѣченіе мозга представляетъ нѣкоторыя затрудненія, которыя можно устранить посредствомъ знакомства съ руководствами по анатоміи мозга. Въ числѣ такихъ можно указать практическую анатомію Гольдена (Holden), учебникъ практической анатоміи для студентовъ Морелля (Morell), учебники физіологіи Фостера и Ланглэ. Для препарировки нужны слѣдующіе инструменты: маленькая пила, рѣзецъ съ рукояткой и молотокъ съ крючкомъ на ручкѣ. Всѣ эти инструменты входятъ въ составъ медицинскаго набора и могутъ быть найдены въ любомъ магазинѣ хирургическихъ инструментовъ. Сверхъ того, нужны скальпель, пара ножницъ, пара пинцетовъ и серебряный зондъ. При случаѣ можно обойтись безъ этихъ инструментовъ (за исключеніемъ пинцетовъ), пользуясь вмѣсто нихъ домашними орудіями.

При анатомированіи прежде всего слѣдуетъ снять черепную покрышку мозга. Нужно для этой цѣли сдѣлать два надрѣза пилой на выдающихся частяхъ каждаго мыщелка (суставной поверхности у большого затылочнаго отверстія, гдѣ входитъ спинной мозгъ) и далѣе впередъ до височныхъ костей животнаго. Затѣмъ надо сдѣлать два надрѣза, которые пересѣкались бы съ этими подъ угломъ на лобной кости. Линія разрѣза опредѣлится послѣ нѣсколькихъ попытокъ. При этомъ требуется большое искусство, чтобы пила не задѣла мѣстами самаго мозга. Далѣе, нужно взяться за долото: поставивъ его на надпиленное мѣсто, мы можемъ ударами молотка проломить недопиленный промежутокъ. Когда черепная покрышка начнетъ колебаться, то это значитъ, что ее можно отдѣлить. Тогда нужно вонзить крюкъ подъ ея переднюю часть и сильно дернуть. Костный покровъ отдѣлится, оставивъ подъ собою надкостницу (*periosteum*) внутренней своей поверхности, примыкающую къ основанію черепа и покрывающую мозгъ—такъ называемую *dura mater* или твердую (внѣшнюю) мозговую оболочку. Она должна быть расщипана вокругъ и снята по краямъ; тогда откроется мягкая (внутренняя) оболочка мозга—*pia mater*, переполненная кровеносными сосудами, развѣтвленія которыхъ проходятъ по ткани.

Digitized by Google

Затѣмъ нужно осторожно освободить мозгъ отъ *pia mater*. Всего лучше начать это дѣлать съ передняго конца и, постепенно заворачивая оболочку, двигаться къ тыльной части. Легко при этомъ повредить *обонятельныя доли*: ихъ нужно осторожно выдѣлить изъ углубленія у основанія черепа, въ которыя онѣ проникаютъ въ видѣ развѣтвленій, направленныхъ черезъ кость въ носовую полость. Затѣмъ нужно будетъ обрѣзать зрительные нервы—всего лучше у ихъ перекреста (*chiasma*)—прикрѣпляющіе мозгъ къ черепу. Далѣе слѣдуетъ подмозговой придатокъ, который нужно оставить позади. Онъ прикрѣпленъ къ мозгу съ помощью шейки, такъ называемой *воронки* (*infundibulum*), въ верхнюю часть которой на небольшое разстояніе углубляется внизъ полость 3-го желудочка. У этой части нѣтъ опредѣленной функціи—вѣроятно, она рудиментарный органъ. Окружающіе нервы, о которыхъ мы не будемъ говорить, должны быть послѣдовательно разрѣзаны. Ихъ положеніе въ мозгу указано на рис. 34-мъ. Перерѣзавъ ихъ и ту часть, которая покрываетъ промежутокъ между полушаріями и мозжечкомъ по краямъ, мы легко можемъ вынуть мозгъ.

Его слѣдуетъ изслѣдовать, пока онъ свѣжъ. Если нужно запастись для изслѣдованій нѣсколькими мозгами на продолжительное время, то лучше всего сдѣлать слѣдующее. Сначала погрузить мозги недѣли на двѣ или менѣе въ растворъ хлористаго цинка такой плотности, чтобы мозги въ немъ плавали. Это размягчаетъ мягкую мозговую оболочку, которую послѣ того можно снимать не по кусочкамъ, а прямо большими лоскутками. Затѣмъ достаточно погрузить мозги въ слабый растворъ алкоголя, чтобы они сохраняли неопредѣленное время свою крѣпость, эластичность и естественную форму; впрочемъ, всѣ части ихъ примутъ однообразный бѣлый цвѣтъ. Передъ погруженіемъ въ первый растворъ нужно разъединить всѣ наиболѣе поверхностныя связи частей, чтобы привести жидкость въ соприкосновеніе съ maximum'омъ поверхности. Если мозгъ изслѣдуется въ свѣжемъ видѣ, то нужно осторожно удалить мягкую мозговую оболочку, по возможности, отовсюду съ помощью пинцета, скальпеля и ножницъ. При этомъ въ промежуткахъ между мозжечкомъ и полушаріями и между мозжечкомъ и продолговатымъ мозгомъ вы найдете остатки тонкой прозрачной влажной *паутинной оболочки* (*membrana arachnoidea*).

Теперь мы можемъ разсмотрѣть подраздѣленія мозга въ надлежащемъ порядкѣ. Детали объ извилинахъ, кровеносныхъ сосудахъ и нервахъ читатель найдетъ въ спеціальныхъ руководствахъ—мы этихъ частей мозга разбирать здѣсь не будемъ.

При взглядѣ на мозгъ мы видимъ слѣдующее. Полушарія съ глубокою продольною щелью въ серединѣ отчасти прикрываютъ мелко изборожденный мозжечекъ, который выступаетъ сзади, въ свою очередь прикрывая почти весь продолговатый мозгъ. Снявъ

Digitized by Google

полушарія, мы увидимъ примѣрно на полдюйма подъ ихъ поверхностью блестящее бѣлое *мозолистое тѣло* (*corpus callosum*). По серединѣ мозжечка вмѣсто перегородки есть возвышеніе.

Смотря на мозгъ снизу, мы еще можемъ видѣть часть продольной щели въ передней части и съ обѣихъ сторонъ обонятельныхъ долей которыя у овцы гораздо больше, чѣмъ у человѣка. Далѣе мы видимъ: зрительные нервы и ихъ перекрестъ (*chiasma*), воронку (*infundibulum*), перерѣзанную какъ разъ позади нихъ; позади ея непарный *сосковидный бугорокъ* (*corpus albicans* или *mamillare*), функціи котораго неизвѣстны — у человѣка это парный органъ. Далѣе видны *ножки* (*crura*), спускающіяся на *Вароліевъ мостъ* и какъ-бы относящія волокна назадъ. Затѣмъ слѣдуетъ *Вароліевъ мостъ*, гораздо менѣе выдающійся, чѣмъ у человѣка, и, наконецъ, сзади появляется продолговатый мозгъ, широкій, плоскій органъ, нѣсколько большій по размѣрамъ, сравнительно съ другими. Вароліевъ мостъ по формѣ напоминаетъ воротничекъ, соединяющій обѣ половинки мозжечка и окружающій продолговатый мозгъ, волокна котораго, выйдя изъ-подъ воротничка, раздѣляютъ его на двѣ ножки. Внутреннія отношенія этихъ частей вслѣдствіе ихъ сложности трудно описать словами.

Теперь обратимся къ изслѣдованію мозжечка. Вынемъ сосудистыя сплетенія мягкой мозговой оболочки, наполняющія четвертый желудочекъ, и сдѣлаемъ видимой поверхность продолговатаго мозга. *Четвертый желудочекъ* образуетъ трехугольное углубленіе, вершину котораго представляетъ сзади точка, называемая *calamus scriptorius*. Отсюда очень тонкій зондъ можетъ проникнуть въ центральный каналъ спинного хребта. Боковыми границами желудочка съ обѣихъ сторонъ служитъ *веревчатое тѣло* (*corpus restiforme*), которое входитъ въ мозжечекъ, образуя *pedunculus inferior* съ каждой стороны. Концевыя части спинного мозга своимъ расхожденіемъ охватываютъ *calamus scriptorius* и продолжаются въ продолговатый мозгъ въ видѣ *fasciculi graciles*. Послѣднія сначала отдѣлены отъ широкихъ *c. restiformia* тонкою щелью. Но въ передней части щель исчезаетъ, и «тонкая» и «нитеобразная» перемычки скоро становятся снаружи неразличимы. У нижней поверхности продолговатаго мозга слѣдуетъ обратить вниманіе на *переднія пирамиды*, по одной съ каждой стороны средней щели. Эти пирамиды перекрещиваются и покрываются спереди *Вароліевымъ мостомъ*, широкимъ поперечнымъ поясомъ, окружающимъ ихъ на подобіе воротника и входящимъ съ двухъ сторонъ въ мозжечекъ въ видѣ *среднихъ ножекъ*. Вароліевъ мостъ имѣетъ въ серединѣ небольшое углубленіе, задній край его образуетъ съ каждой стороны *trapezium*. *Trapezium* состоитъ изъ волоконъ, которыя не окружаютъ пирамиды, а, повидимому, расходятся отъ нея по сторонамъ. У человѣка они невидимы. *Оливы* суть небольшіе выступы на продолговатомъ мозгу, лежащіе какъ разъ по бо-

Digitized by Google

вамъ пирамидъ и внизу отъ *trapezium*. Теперь прорѣжемъ *pedunculi cerebelli* у входа ихъ въ этотъ органъ: съ каждой стороны мы получимъ по одной плоскости разрѣза, хотя къ нимъ примыкаютъ части мозга съ трехъ сторонъ: изъ нихъ мы уже видѣли заднюю и среднюю части; *pedunculus anterior* выступаетъ впередъ въ *corpora quadrigemina*. Тонкій бѣлый слой нервныхъ волоконъ между ними, непрерывно переходящій въ нихъ, называется *valva Viessensii*. Онъ покрываетъ часть канала отъ четвертаго желудочка до третьяго. Вынувъ мозжечекъ, мы можемъ разрѣзать его, чтобы видѣть своеобразное расположеніе бѣлаго и сѣраго вещества въ формѣ такъ называемаго *древа жизни* (*arbor vitae*).

Затѣмъ приподнимемъ заднюю часть полушарій и отпрепарируемъ corpora quadrigemina (ихъ передняя часть раздвояется на *nates*, задняя на *testes*); обратимъ вниманіе на *шишковидную железу* (*glandula pinealis*), небольшой срединный органъ, расположенный какъ разъ передъ ними: по всей вѣроятности, это — рудиментъ какого-нибудь органа, имѣвшаго значеніе на низшихъ ступеняхъ органической эволюціи. Здѣсь видѣнъ также закругленный задній конецъ мозолистаго тѣла, переходящій отъ одного полушарія къ другому. Еще болѣе отверните заднюю часть полушарій, свѣсьте ихъ назадъ какъ можно болѣе и подрѣжьте нижнюю поверхность по краямъ впередъ. Спереди она широка, сзади узка и непрерывно переходитъ въ *сводъ*. Передній отпрыскъ этого органа опускается какъ разъ передъ зрительными буграми, которые отсюда видны вмѣстѣ со сводомъ надъ ними и со среднимъ третьимъ желудочкомъ между ними. Края свода, подъ названіемъ *corpora fimbriata*, идя назадъ, расходятся по бокамъ далѣе границъ мозолистаго тѣла, и, какъ мы увидимъ, направляются въ боковые желудочки.

Надо обладать хорошимъ топографическимъ талантомъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ уяснить себѣ расположеніе этихъ желудочковъ даже при разсматриваніи и ощупываніи ихъ. Описывать ихъ устройство словами совершенно безполезно. Главное, что нужно запомнить — это, что они суть остатки прежней полости (теперь это—3-й желудочекъ) передняго мозгового пузыря, и что впослѣдствіи въ стѣнкахъ полушарій произошло значительное разъединеніе, такъ что боковые желудочки сообщаются съ внѣшними частями серпообразною загнутою внутрь щелью.

Изучающій строеніе мозга можетъ изслѣдовать весьма различными путями отношенія мозговыхъ частей. Но лучше всего срѣзать съ полушарій горизонтальные ломтики почти вплоть до уровня мозолистаго тѣла и разсмотрѣть распредѣленіе сѣраго и бѣлаго вещества на поверхностяхъ разрѣза, изъ которыхъ каждая есть такъ называемый *centrum ovale*. Затѣмъ нужно подрѣзать въ направленіи спереди назади край мозолистаго тѣла. Покончивъ съ этимъ и раздвинувъ прилегающія къ полушаріямъ края разрѣза, мы уви-

Digitized by Google

димъ полость желудочка, которая при дальнѣйшемъ разрѣзываніи по бокамъ и удаленіи покрышки полушарій будетъ еще виднѣе. Наиболѣе замѣтнымъ тѣломъ на нижней ея поверхности представится *nucleus caudatus corporis striati.*

Разрѣжьте въ поперечномъ направленіи мозолистое тѣло близко отъ его задняго края и загните переднюю часть его впередъ и въ сторону. Задній край (*splenium*), оставленный на мѣстѣ, закругляется, загибается внизъ и непрерывно переходитъ въ сводъ. Передняя часть его также непрерывна со сводомъ, но болѣе примыкаетъ къ срединной линіи, гдѣ находится довольно тонкая перепонка *septum lucidum*, трехугольной формы, переходящая отъ одного тѣла къ другому и въ сущности образующая родъ перегородки между сосѣдними частями боковыхъ желудочковъ съ обѣихъ сторонъ. Въ случаѣ нужды прорвите *septum* и обнажите верхнюю поверхность свода, широкую сзади, узкую спереди, гдѣ его передніе столбы опускаются передъ третьимъ желудочкомъ (изъ утолщенія передней стѣнки котораго они первоначально образовались) и, наконецъ, проникаютъ въ *corpus albicans*. Перерѣжьте эти столбы и заверните ихъ назадъ, обнаживъ зрительные бугры мозга и разсмотрѣвъ при этомъ нижнюю поверхность свода. Его расходящіеся *задніе столбы* идутъ назадъ, внизъ и затѣмъ впередъ и образуютъ своими заостренными краями *corpora fimbriata*, которыя ограничиваютъ щель, открывающуюся въ желудочекъ. Полуцилиндрическія оторочки позади *corpora fimbriata*, идущія параллельно имъ въ стѣнкѣ желудочка, называются *hippocampi*. Представьте себѣ мозолистое тѣло и сводъ укороченными въ направленіи спереди сзади къ поперечной связкѣ, представьте, что полушарія не выросли сзади и внизу зрительныхъ бугровъ, тогда *corpus fimbriatum* было бы съ обѣихъ сторонъ верхнимъ и переднимъ краями въ стѣнкѣ желудочка, нижній и задній края котораго были бы заднею границей полосатаго тѣла, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣднее выростаетъ изъ thalamus.

Небольшія зазубрины какъ разъ позади переднихъ столбовъ свода и между ними и буграми суть такъ называемыя *foramina Monroi*, черезъ которыя пучки сосудовъ проходятъ изъ средняго въ боковые желудочки. Обратите вниманіе на *среднюю коммиссуру*, соединяющую оба зрительныхъ бугра совершенно такъ же, какъ мозолистое тѣло и сводъ соединяютъ полушарія. Все это—эмбріологическія новообразованія. Посмотрите на *переднюю коммиссуру*, перекрещивающую поперекъ передніе столбы свода, и на *заднюю коммиссуру* съ ея боковыми продолженіями вдоль зрительныхъ бугровъ, какъ разъ подъ шишковидную железу. Въ среднемъ сѣченіи замѣтьте довольно тонкую переднюю стѣнку третьяго желудочка и ея продолженія внизъ къ воронкѣ.

Отверните или отрѣжьте задній конецъ одного изъ полушарій

Digitized by Google

чтобы ясно видѣть зрительные пути, направляющіеся вверхъ къ заднему углу бугра. *Corpora geniculata*, къ которымъ они также направляются, отчетливо видимыя у человѣка, у овцы менѣе замѣтны. Впрочемъ, между соединеніемъ зрительныхъ путей и *testes* можно усмотрѣть нижнія *corpora g.*

Мы обозрѣли важнѣйшія части мозга. Всего болѣе поучительнаго можно почерпнуть изъ продольнаго разрѣза всего органа. Нужно, кромѣ того (на свѣжемъ мозгу или на затвердѣвшемъ въ двухромово-кисломъ кали или аммоніи для сохраненія цвѣтовыхъ контрастовъ сѣраго и бѣлаго вещества), произвести поперечныя сѣченія черезъ *nates*, *crura* и полушарія какъ разъ передъ *corpus albicans*. При послѣднемъ сѣченіи обнаружатся *nucleus lenticularis* полосатаго тѣла и *внутренняя капсула* (рис. 38-й, *NL* и *lc*).

Послѣ всего сказаннаго можно видѣть, что усвоеніе строенія мозга представляетъ немалыя трудности для начинающаго. Изучающему мозгъ придется неразъ, выучивши строеніе мозга, позабыть его, снова выучить и снова позабыть, пока оно не будетъ прочно усвоено. Только съ помощью терпѣливаго повторенія здѣсь можно добиться успѣха.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Функціи мозга.

Общее понятіе о нервныхъ функціяхъ. Если я начну ударять топоромъ по корню дерева, то отъ моего дѣйствія вѣтви не придутъ въ движеніе, а листьями вѣтеръ попрежнему будетъ мирно шелестить. Если же я ударю по ногѣ человѣка, то все остальное его тѣло мгновенно тревожно задвижется и придетъ въ оборонительное положеніе. Причина этого различія между деревомъ и человѣкомъ заключается въ томъ, что человѣкъ имѣетъ нервную систему, а дерево нѣтъ; функція же нервной системы заключается въ приведеніи всѣхъ частей тѣла въ гармоническую кооперацію между собой. Центростремительные нервы, будучи возбуждены какимъ-нибудь физическимъ стимуломъ (грубымъ, какъ ударъ топора, или тонкимъ, какъ эѳирная волна) сообщаютъ свое возбужденіе нервнымъ центрамъ. Возбужденіе, вызванное въ послѣднихъ, не остается тамъ, но разряжается черезъ центробѣжные нервы, вызывая движенія, различныя у различныхъ животныхъ и при различныхъ стимулахъ. Всѣ отвѣтные акты имѣютъ по большей части цѣлесообразный характеръ. Они отражаютъ вредные стимулы и не препятствуютъ дѣйствію полезныхъ; въ случаѣ же, если стимулъ самъ по себѣ индифферентенъ, но служитъ указаніемъ на какое-нибудь отдаленное явленіе, имѣющее извѣстное практическое значеніе,

Digitized by Google

то дѣйствія животнаго направляютъ его къ этому явленію, или отталкиваютъ отъ послѣдняго, смотря по тому, вредно оно или полезно для животнаго. Вотъ обыденные примѣры такого цѣлесообразнаго отвѣтнаго акта. Если я, подходя къ пароходной станціи, слышу команду «отчаливай», то мое сердце на мигъ останавливается, затѣмъ начинаетъ биться, ноги мои въ отвѣтъ на мозговыя впечатлѣнія отъ воздушныхъ волнъ, падающихъ на барабанную перепонку, начинаютъ быстрѣе двигаться. Если на бѣгу я споткнулся, чувство паденія заставляетъ меня простереть руки въ направленіи паденія, чтобы предупредить тѣло отъ слишкомъ неожиданнаго толчка. Если въ мой глазъ попала песчинка, то вѣки невольно сокращаются, а обильный потокъ слезъ какъ-бы стремится извлечь ее оттуда.

Впрочемъ, эти три отвѣта на чувственный стимулъ во многихъ отношеніяхъ различаются между собой. Закрытіе глаза и слезотеченіе, равно какъ и сердцебіеніе, совершенно непроизвольны. Такіе непроизвольные отвѣтные акты называются *рефлексами*. Движеніе рукъ при паденіи для предупрежденія толчка можетъ также быть названо рефлексомъ, если оно настолько быстро, что является совершенно непреднамѣреннымъ. Во всякомъ случаѣ, оно менѣе автоматично, чѣмъ предшествующія движенія, ибо человѣкъ можетъ сознательно производить его болѣе искусно или совсѣмъ не производить его. Такого рода дѣйствія, въ которыя въ равной степени входятъ и *воленіе* и *рефлексъ*, называются *полурефлексами*. Движеніе же бѣга къ пароходу вовсе не заключаетъ въ себѣ инстинктивныхъ элементовъ. Оно всецѣло есть продуктъ воспитанія и предшествуется сознаніемъ подлежащей достиженію цѣли и особымъ повелѣніемъ воли. Это—*волевой* актъ. Такимъ образомъ, животный рефлексъ и волевые акты незамѣтно переходятъ одни въ другіе черезъ посредство дѣйствій, которыя нерѣдко могутъ происходить автоматически, но могутъ также и модифицироваться сознательнымъ вмѣшательствомъ интеллекта.

Нервные центры лягушки. Теперь присмотримся нѣсколько ближе къ нервнымъ процессамъ.

Ихъ лучше всего начать анализировать у низшаго животнаго, напримѣръ, у лягушки, и изучать функціи нервныхъ центровъ путемъ вивисекціи. Нервные центры лягушки изображены на діаграммѣ (рис. 39-й), которая не требуетъ никакихъ поясненій. Прежде всего я опишу тѣ явленія, которыя обнаруживаются въ лягушкѣ по мѣрѣ удаленія различныхъ долей переднихъ частей, предполагая, что это удаленіе будетъ производиться тѣмъ примитивнымъ путемъ, какимъ его обыкновенно дѣлаютъ студенты, то есть, безъ особенныхъ предосторожностей относительно чистоты операціи.

Если мы сведемъ нервную систему лягушки къ одному спинному мозгу, сдѣлавъ перерѣзку позади основанія черепа, между

Digitized by Google

спиннымъ и продолговатымъ мозгомъ, и черезъ это совершенно отдѣлимъ головной мозгъ отъ связи съ остальнымъ тѣломъ, то лягушка еще будетъ продолжать жить, но проявленія ея активности будутъ совершенно своеобразны. Она перестаетъ дышать и глотать; не опирается, подобно нормальной лягушкѣ, на переднія лапки, а лежитъ на брюхѣ, хотя заднія лапки ея, какъ прежде, согнуты и прижаты къ тѣлу и вновь принимаютъ это положеніе, когда пытаешься ихъ вывести изъ него. Если ее опрокинуть на спинку, она будетъ спокойно лежать въ такомъ положеніи, не пытаясь, какъ здоровая лягушка, выйти изъ него. Она совершенно не издаетъ звуковъ и не перемѣщается. Если мы повѣсимъ ее за носъ и будемъ раздражать кислотою различныя части ея кожи, то она будетъ производить рядъ любопытныхъ *оборонительныхъ* движеній съ цѣлью стереть раздражающее вещество. Такъ, напримѣръ, при раздраженіи кожи на груди, лягушка сильно третъ ее обѣими передними лапками; при раздраженіи внѣшней стороны локтя, задняя нога съ той же стороны приподнимается и начинаетъ стирать пятно. При раздраженіи колѣнки, ее будетъ тереть задняя часть другой ноги; если отрѣзать ступню, то остатокъ ноги будетъ тщетно производить такія же оборонительныя движенія, послѣ чего у многихъ лягушекъ наступаетъ пауза въ движеніяхъ — какъ-бы моментъ размышленія, а затѣмъ быстро противоположная здоровая нога принимается стирать раздражающее пятно.

Во всѣхъ этихъ движеніяхъ самымъ поразительнымъ обстоятельствомъ наряду съ ихъ цѣлесообразностью является точность. Въ лягушкахъ, сохранившихъ способность къ ощущенію, они при надлежащей степени раздраженія такъ мало варіируютъ, что ихъ машинообразная правильность напоминаетъ движенія бумажнаго паяса, который неизбѣжно начинаетъ дрыгать ногами, какъ только вы его потянете за шнурокъ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что въ спинномъ мозгу лягушки должны находиться группа клѣтокъ и нервныя волокна, благодаря которымъ раздраженія кожи превращаются въ оборонительныя движенія. Эту группу мы можемъ назвать *центромъ оборонительныхъ движеній* лягушки. Но мы можемъ пойти еще далѣе, перерѣзывая спинной мозгъ въ различныхъ мѣстахъ; это убѣдитъ насъ въ томъ, что отдѣльные его отрѣзки суть самостоятельные механизмы, спеціально завѣдующіе движеніями головы, рукъ и ногъ. Особенную активность проявляетъ отрѣзокъ, завѣдующій движеніями рукъ, у самцовъ въ періодъ оплодотворенія; эти члены при отсутствіи головы и ногъ хватаются за палецъ, поставленный между ними, и долгое время не выпускаютъ его.

Подобнымъ же образомъ, опытнымъ путемъ доказано, что и продолговатый мозгъ, и зрительныя доли, и другіе центры между спиннымъ мозгомъ и полушаріями лягушки заключаютъ въ себѣ механизмъ, предназначенный для точнаго выполненія актовъ, отвѣ-

Digitized by Google

чающихъ на опредѣленные стимулы. Такъ, напримѣръ, при посредствѣ продолговатаго мозга животное глотаетъ, при посредствѣ его и мозжечка, оно прыгаетъ, плаваетъ и переворачивается на спину, при посредствѣ зрительныхъ долей—квакаетъ при щипкѣ. Лягушка, у которой вырѣзаны только полушарія, для неопытнаго наблюдателя производитъ впечатлѣніе нормальнаго животнаго.

Она не только способна при надлежащемъ стимулѣ производить всѣ вышеприведенныя дѣйствія, но продолжаетъ, кромѣ того, руководствоваться зрѣніемъ, и, если между нею и источникомъ свѣта поставить препятствіе и при этомъ толкать ее впередъ, то она или перепрыгнетъ черезъ препятствіе, или обойдетъ его кругомъ. Въ надлежащую пору года она обнаруживаетъ половое стремленіе, причемъ въ противоположность совершенно лишенной головного мозга лягушкѣ, которая при этомъ охватываетъ лапками, что попало, самецъ, лишенный полушарій, не обнаруживаетъ рефлекторнаго акта, пока ему не попадется самка его же вида. Такимъ образомъ, какъ мы уже замѣтили, человѣкъ, не привыкшій наблюдать лягушекъ, при первомъ взглядѣ совершенно не отличитъ такой лягушки отъ нормальной, но и онъ вскорѣ замѣтитъ у нея полное отсутствіе произвольныхъ движеній, то есть, движеній, вызванныхъ не непосредственнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ. Непрерывныя плавательныя движенія, производимыя такимъ животнымъ въ водѣ, повидимому, являются роковымъ результатомъ соприкосновенія частицъ воды съ кожей. Когда животное въ водѣ наталкивается лапками на палку, плавательныя движенія прекращаются. Послѣдняя служитъ чувственнымъ раздражителемъ, къ которому лапки автоматически прицѣпляются, и животное остается сидѣть на палкѣ. Оно не обнаруживаетъ чувства голода и не пытается схватить ползающую у него на носу муху. Чувство страха также, повидимому, чуждо ему. Словомъ сказать, такая лягушка представляетъ чрезвычайно сложную машину, всѣ движенія которой стремятся къ ея сохраненію, но все же машину въ томъ смыслѣ, что среди ея движеній нѣтъ ни одного, которое не могло-бы быть предвидѣно заранѣе. Правильно примѣняя къ ней чувственныя раздраженія, мы можемъ съ такою же почти вѣроятностью получить соотвѣтствующій двигательный рефлексъ, съ какою органистъ получаетъ изъ органа извѣстный звукъ, выдвигая тотъ или другой регистръ.

Но если мы къ низшимъ центрамъ прибавимъ полушарія, иначе говоря, если предметомъ нашихъ экспериментовъ будетъ здоровая лягушка—тогда все измѣнится. Въ добавокъ къ непосредственнымъ отвѣтамъ на раздраженія наша лягушка обнаруживаетъ рядъ длинныхъ и сложныхъ произвольныхъ актовъ перемѣщенія, мотивами для которыхъ у ней является нѣчто аналогичное нашимъ идеямъ. Кромѣ того, ея реакція на внѣшнія раздраженія варіиру-

Digitized by Google

ютъ и по формѣ. Вмѣсто того, чтобы дѣлать при прикосновеніи къ ней простыя оборонительныя движенія задними ногами, какъ безголовая, или послѣ одного - двухъ прыжковъ оставаться неподвижной, какъ лишенная полушарій, она дѣлаетъ цѣлый радъ разнообразныхъ попытокъ бѣжать, какъ будто стимуломъ для ея движеній служила идея опасности, а не простое прикосновеніе руки экспериментатора. Подъ вліяніемъ голода такая лягушка отправляется на поиски за насѣкомыми, рыбой или мелкими лягушками и ловитъ каждое изъ этихъ животныхъ особеннымъ путемъ. Экспериментаторъ не можетъ по собственному произволу заставить ее квакать, вползать на доску, плавать, останавливаться и т. п. Ея дѣйствій нельзя разсчитать заранѣе и точно предсказать. Главной ея реакціей бываетъ стремленіе убѣжать, но она *можетъ* сдѣлать и что-нибудь другое, даже надуться и стать совершенно пассивной въ нашихъ рукахъ.

Таковы обыкновенно наблюдаемыя явленія и таковы впечатлѣнія, получаемыя нами при опытахъ надъ лягушками. Изъ нихъ необходимо слѣдуютъ нѣкоторые общіе выводы. Вотъ первый изъ нихъ:

Дѣйствія, вызываемыя тѣми или другими центрами, сопровождаются употребленіемъ тѣхъ же мускуловъ. Когда задняя нога безголовой лягушки стираетъ съ кожи кислоту, то она приводитъ въ движеніе всѣ мускулы ногъ, которые другая лягушка съ неповрежденными продолговатымъ мозгомъ и мозжечкомъ сокращаетъ, переворачиваясь со спины на брюхо. Правда, мускульныя сокращенія въ обоихъ случаяхъ различно скомбинированы, но за то и результаты весьма различны. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ спинномъ мозгу существуютъ особыя приспособленія клѣтокъ и волоконъ для тренія лапками по кожѣ, въ продолговатомъ мозгу — для переворачиванія тѣла, etc. Подобнымъ же образомъ въ зр. буграхъ есть спеціальный механизмъ для перепрыгиванія черезъ препятствія и для сохраненія тѣла въ равновѣсіи при движеніи, въ зрительныхъ доляхъ — для ползанія назадъ. Но для полушарій мы не должны предполагать никакой специфической машинообразной координаціи мускульныхъ сокращеній, такъ какъ наличность этого органа не вноситъ съ собой никакой новой формы движенія, но только различнымъ образомъ опредѣляетъ поводы, по которымъ возникаютъ движенія, придавая обычнымъ стимуламъ менѣе роковой и машинообразный характеръ. Мы имѣемъ болѣе вѣскихъ основаній предполагать, что импульсъ для движенія лягушки, вытирающей лапками кислоту, посылается полушаріями въ спеціальный механизмъ спиннаго мозга, предназначенный для произведенія именно этого движенія. Подобнымъ же образомъ, когда нормальная лягушка хочетъ прыгнуть, ей нужно только послать изъ полушарій импульсъ въ прыгательный центръ зр. бугровъ или другой части мозга,

Digitized by Google

гдѣ такой центръ находится, и послѣдній уже приметъ на себя всѣ подробности выполненія движенія. Полушарія подобны полковнику, который даетъ солдатамъ въ общей формѣ приказаніе сдѣлать такое-то движеніе, но не указываетъ, какъ именно его нужно сдѣлать.

Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же мускулъ въ различной степени принимаетъ участіе въ различныхъ движеніяхъ, входя въ различныя комбинаціи съ другими мускулами для совмѣстнаго дѣйствія въ спеціальныхъ формахъ сложнаго движенія. При каждой особой формѣ движенія стимуломъ для него служитъ особая форма чувственнаго раздраженія, стимулы же, вызывающіе къ дѣятельности полушарія, бываютъ болѣе сложнаго характера, являясь комплексами чувственныхъ раздраженій, образующими внѣшніе объекты.

Низшіе центры голубя. Мы получимъ совершенно тѣже результаты, если вмѣсто лягушки возьмемъ голубя, осторожно вырѣжемъ ему полушарія и подождемъ, пока онъ не поправится отъ операціи. Нѣтъ такого естественнаго движенія, котораго эта лишенная мозга птица не могла бы произвести; даже черезъ нѣсколько дней можно будетъ замѣтить, что она двигается подъ вліяніемъ центральнаго раздраженія—произвольно. Но у нея болѣе нѣтъ ни эмоцій, ни инстинктовъ. Вотъ замѣчательныя слова Шрадера по этому поводу:

«Животное, лишенное полушарій, двигается въ мірѣ тѣлъ, имѣющихъ для него одинаковую цѣну. Оно, согласно счастливому выраженію Гольца, *безлично*. Всякій предметъ для голубя, лишеннаго полушарій, только занимающая пространство масса, онъ сворачиваетъ съ дороги передъ нормальнымъ голубемъ такъ же, какъ передъ камнемъ. Онъ способенъ вспрыгнуть и на перваго и на послѣдній безразлично. Всѣ авторы сходятся въ томъ, что такой голубь не различаетъ, стоитъ ли на его дорогѣ неодушевленный предметъ, собака, кошка или хищная птица. У такого существа нѣтъ ни враговъ, ни друзей: въ самомъ многочисленномъ обществѣ себѣ подобныхъ оно живетъ одинокимъ. Томное воркованіе самца производитъ на эту птицу такъ же мало впечатлѣнія, какъ и шумъ сыплющагося гороха, и звукъ свистка, которымъ сзываютъ птицъ въ часъ кормленія. Подобно предшествовавшимъ экспериментаторамъ, я никогда не наблюдалъ, чтобы голубица, лишенная полушарій, отвѣчала на ухаживанія самца. Самецъ, лишенный полушарій, иногда воркуетъ цѣлый день и обнаруживаетъ явные признаки полового возбужденія, но его волненіе безпредметно: для него совершенно безразлично, здѣсь самка, или нѣтъ. Если посадить самку около него, то онъ оставляетъ ее незамѣченной. Подобно тому, какъ самецъ не обращаетъ вниманія на самку, послѣдняя не обращаетъ вниманія на дѣтеныша. Птенцы могутъ слѣдовать за матерью, неотступно

Digitized by Google

проса пищи, но мать будетъ такъ же мало обращать вниманія на нихъ, какъ на камень. Голубь, лишенный полушарій — птица въ высшей степени ручная: онъ такъ же мало боится человѣка, какъ кошки или хищной птицы.

Общія понятія о полушаріяхъ. Подводя всѣ приведенные нами факты подъ одну общую формулу, мы можемъ сказать слѣдующее: *низшіе центры дѣйствуютъ подъ вліяніемъ только непосредственныхъ ощущеній, полушарія же дѣйствуютъ по усмотрѣнію: ощущенія, воспринимаемыя ими, служатъ лишь поводами.* Усмотрѣніе это должно заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ воображаемомъ предвидѣніи различныхъ ощущеній, варіирующихъ въ зависимости отъ характера предшествующихъ дѣйствій. Если я при встрѣчѣ съ гремучей змѣей отступаю назадъ, зная, съ какимъ опаснымъ животнымъ я имѣю дѣло, то психическими элементами моего предусмотрительнаго соображенія были: болѣе или менѣе живое представленіе движеній головы животнаго, внезапной боли въ ногѣ, состоянія ужаса, опухоли укушенной части тѣла, чувства озноба, бреда, наконецъ, картина собственной смерти и связаннаго съ нею разрушенія всѣхъ надеждъ на будущее. Но весь этотъ рядъ представленій я конструирую изъ прежняго опыта. Они суть *воспроизведеніе* того, что я самъ переиспыталъ, или чему я былъ свидѣтелемъ. Короче сказать — это воспроизведенныя, *отдаленныя* отъ настоящаго воспріятія представленія; такимъ образомъ, главное различіе между нормальнымъ и лишеннымъ полушарій животнымъ заключается въ томъ, что *послѣднее поддается вліянію только непосредственно воспринимаемыхъ объектовъ; первое же реагируетъ и на объекты прежнихъ опытовъ.*

Въ виду этого можно думать, что память представляетъ главнымъ образомъ функцію полушарій. Слѣды прежнихъ опытовъ, извѣстнымъ образомъ запечатлѣваясь въ нихъ, должны въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ возбуждаетъ непосредственный стимулъ, оживать въ видѣ представленій отдаленныхъ благъ или золъ и затѣмъ посылать по соотвѣтственно приспособленнымъ двигательнымъ путямъ импульсъ къ устраненію зла и обезпеченію блага. Если мы уподобимъ нервные токи электрическимъ, то можно будетъ сравнить нервную систему *C* подъ полушаріями съ электрическимъ элементомъ, въ которомъ идетъ прямой токъ по линіи *S*... *C*... *M* (рис. 40-й) отъ органа чувствъ къ мускулу. Полушарія удлиняютъ этотъ путь обходною пунктирной линіей, которая измѣняетъ прямой путь при ихъ вмѣшательствѣ. Представьте себѣ усталаго путешественника, который послѣ длинной дороги въ жаркій день вздумалъ прилечь на сырую землю подъ тѣнью клена. Ощущенія пріятнаго покоя и прохлады, сопровождаясь мозговымъ токомъ по прямому пути, естественно должны вызвать ослабленіе мускульнаго тока: путешественникъ готовъ уже погрузиться въ опасный для здоровья

Digitized by Google

сонъ, какъ вдругъ для тока открывается свободный путь по пунктирной линіи, часть тока направляется по ней и вызываетъ въ умѣ дремлющаго воспоминанія о катаррѣ и ревматизмѣ; воспоминанія эти одерживаютъ перевѣсъ надъ непосредственными чувственными стимулами—человѣкъ встаетъ и продолжаетъ свой путь до того мѣста, гдѣ можно пріятно отдохнуть, не рискуя поплатиться здоровьемъ. Немного ниже мы постараемся выяснить тотъ способъ, съ помощью котораго полушарія, повидимому, являются хранилищемъ подобныхъ воспоминаній, а теперь приведемъ нѣсколько соображеній, благопріятствующихъ этой гипотезѣ.

Во-первыхъ, безъ полушарій ни одно животное не можетъ размышлять, обдумывать, откладывать извѣстное дѣйствіе, тщательно взвѣшивать и сравнивать между собою различные мотивы. Словомъ, для существа, лишеннаго полушарій, осторожность—недоступная добродѣтель. Сообразно съ этимъ, мы видимъ, что природа поручила мозгу, а не низшимъ центрамъ тѣ функціи, при совершеніи которыхъ осторожность есть добродѣтель. Она добродѣтель во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда живое существо находится въ зависимости отъ сложнаго комплекса окружающихъ явленій. Именно въ такихъ условіяхъ находятся высшіе типы животнаго царства, и, чѣмъ сложнѣе среда, въ которой находится животное, тѣмъ выше мы его ставимъ, и тѣмъ менѣе актовъ способно оно выполнить безъ помощи высшихъ центровъ. У лягушки многіе акты происходятъ всецѣло въ зависимости только отъ низшихъ центровъ; у птицъ такихъ актовъ меньше, еще менѣе ихъ у грызуновъ, у собаки, наконецъ, у обезьянъ и у человѣка ихъ почти вовсе нѣтъ.

Господство высшихъ центровъ надъ низшими даетъ животному очевидныя преимущества. Возьмемъ для примѣра актъ схватыванія пищи и предположимъ, что онъ у даннаго животнаго совершается путемъ рефлекса при посредствѣ низшихъ центровъ. Въ такомъ случаѣ животное обречено роковымъ образомъ бросаться на нее, гдѣ только она ни попадется, не взирая на окружающую обстановку: оно такъ же *не можетъ* противодѣйствовать этому влеченію, какъ вода *не можетъ* не кипѣть, когда подъ котломъ разложенъ огонь. Каждую минуту оно будетъ рисковать поплатиться жизнію за свою прожорливость. Жизнь его будетъ представлять непрерывный рядъ опасностей: ему будутъ угрожать нападенія мстительныхъ враговъ, ловушка, ядъ, вредныя послѣдствія обжорства. Въ силу прямой зависимости отъ своего самаго низкаго положенія на умственной скалѣ, оно неспособно при видѣ привлекательной пищи подумать и взвѣсить опасность, которая, быть можетъ, при этомъ угрожаетъ ему, неспособно употребить усиліе воли, чтобы проголодать нѣсколько долѣе. Есть рыбы, которыя, будучи пойманы на крючекъ, сняты съ него и брошены въ воду, тотчасъ же снова автоматически за него хватаются — онѣ попла-

Digitized by Google

тились бы за низкій уровень своего интеллекта совершеннымъ исчезновеніемъ своей породы, если бы необычайная ихъ плодовитость не препятствовала этому. Аппетитъ и связанные съ нимъ акты сдѣлались, такимъ образомъ, у высшихъ позвоночныхъ функціями мозга. Онѣ прекращаются, какъ только физіологъ, вырѣзавъ высшіе центры, предоставляетъ низшимъ дѣйствовать самостоятельно. Лишенный мозга голубь умираетъ съ голоду даже на кучѣ хлѣбныхъ зеренъ.

Тоже самое можно наблюдать на половыхъ отправленіяхъ. У птицъ они обусловлены цѣльностью полушарій. Если послѣднія вырѣзаны, то голубь уже болѣе не обращаетъ вниманія на клеванія и воркованія своей подруги. Гольцъ нашелъ, что во время течки сука не производитъ никакого впечатлѣнія на кобелей, у которыхъ вырѣзана значительная часть мозговой ткани. Читавшіе дарвиновское: «Происхожденіе человѣка» знаютъ, какое огромное значеніе для улучшенія породы авторъ приписываетъ половому подбору. Половой актъ не совершается животнымъ до тѣхъ поръ, пока въ окружающей обстановкѣ не найдутся благопріятныя для случки физическія и психическія условія, — извѣстная пора года, извѣстное мѣсто, привлекательная самка. У лягушекъ и жабъ половыми функціями завѣдуютъ низшіе центры. Благодаря этому, онѣ автоматически отдаются непосредственному половому возбужденію, будучи почти совершенно лишены способности къ выбору самки. Случка совершается «per fas et nefas» иногда между самцами, иногда съ мертвыми самками въ лужахъ на большой дорогѣ, гдѣ самецъ рискуетъ быть раздавленнымъ во время самого полового акта. Каждую весну вслѣдствіе этого гибнутъ массы животныхъ.

Нѣтъ надобности доказывать, въ какой значительной степени культурность человѣческаго общества зависитъ отъ его чистоты въ сферѣ половыхъ отношеній; едва ли какой-либо иной факторъ болѣе опредѣляетъ разницу между цивилизаціей и варварствомъ. Съ физіологической точки зрѣнія, цѣломудріе есть не что иное, какъ способность подавлять непосредственныя чувственныя побужденія съ помощью возникающихъ въ мозгу эстетическихъ или моральныхъ соображеній относительно неумѣстности подобныхъ побужденій въ данную минуту, такъ что удовлетвореніе половыхъ потребностей зависитъ здѣсь отъ того, задерживаютъ ли, или не препятствуютъ ему высшіе центры.

Въ сферѣ психической жизни, обусловленной функціями самаго мозга, наблюдаются такія же градаціи большей или меньшей способности предвидѣнія. Во всѣ времена человѣкъ, который въ своихъ поступкахъ руководствуется наиболѣе отдаленными цѣлями, считался наиболѣе умнымъ. Бродяга, живущій изъ часа въ часъ, какой-нибудь цыганъ, у котораго заботы не идутъ дальше завтра-

Digitized by Google

шняго дня, холостякъ, интересы котораго ограничиваются его собственной жизнью, отецъ семьи, трудящійся для другого поколѣнія, патріотъ, отстаивающій интересы цѣлаго общества и цѣлаго ряда поколѣній, и, наконецъ, философъ и святой, живущіе на пользу человѣчества и вѣчности—всѣ эти лица образуютъ одну непрерывную іерархію, и въ этой іерархіи каждый высшій членъ представляетъ высшее проявленіе того взаимодѣйствія, въ которомъ находятся высшіе мозговые центры къ подчиненнымъ имъ низшимъ.

Теорія автоматизма. Нервные токи, проходящіе по «пунктирнымъ линіямъ» и обусловливающіе память и представленія отдаленныхъ цѣлей, съ физіологической стороны должно разсматривать по примѣру аналогичныхъ процессовъ въ низшихъ центрахъ. Если эти послѣдніе процессы мы разсматривали, какъ рефлексы, то и въ тѣхъ должны видѣть также рефлексы. Въ обоихъ случаяхъ нервный токъ, войдя въ мозговой центръ, совершаетъ по немъ извѣстный путь и затѣмъ переходитъ въ мускулы; но въ то время, какъ въ низшихъ центрахъ этотъ путь представлялъ рядъ немногочисленныхъ рефлексовъ между опредѣленными группами нервныхъ клѣтокъ, въ полушаріяхъ рефлексы эти гораздо сложнѣе и неустойчивѣе. Какъ мы увидимъ, нервные процессы въ высшихъ центрахъ не измѣняютъ рефлекторнаго типа, отличаясь отъ процессовъ въ низшихъ центрахъ только количественно, а не качественно. Сведеніе всѣхъ нервныхъ процессовъ къ основному типу рефлекса составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ современной нервной физіологіи. Съ этимъ принципомъ связаны двѣ діаметрально противоположныхъ теоріи относительно взаимодѣйствія нервныхъ функцій и сознательныхъ процессовъ. Нѣкоторые авторы, полагая, что высшіе волевые акты не могутъ совершаться безъ руководства сознанія, заключаютъ, что и съ низшими рефлексами связаны нѣкоторые элементы сознательности, хотя бы эти элементы находились въ спинномъ мозгу и не были доступны высшему личному сознанію, связанному съ функціями полушарій. Другіе, находя, что рефлексъ и полуавтоматическіе акты, несмотря на свой цѣлесообразный характеръ, могутъ, очевидно, происходить совершенно безсознательно, бросаются въ другую крайность, утверждая, будто сознательность не играетъ никакой роли и въ цѣлесообразности высшихъ волевыхъ актовъ, связанныхъ съ функціями полушарій. Эти акты, по словамъ представителей послѣдняго мнѣнія, суть просто на просто результаты физіологическаго механизма.

Чтобы понять всего лучше эту послѣднюю теорію, приложимъ ее къ частнымъ примѣрамъ. Движенія языка и блескъ глазъ во время рѣчи, движенія пера во время нашего письма — все это, разумѣется, явленія физіологическаго порядка и, какъ таковыя, могутъ имѣть своими причинами только чисто механическіе про-

Digitized by Google

цессы. Согласно теоріи автоматизма, еслибы мы знали въ совершенствѣ нервную систему Шекспира и абсолютно всѣ условія окружавшей его среды, то мы могли бы показать, почему въ извѣстный періодъ его жизни рука его исчертила какими-то неразборчивыми мелкими черными значками извѣстное число листовъ, которые мы для краткости называемъ рукописью Гамлета. Мы могли бы объяснить причину каждой помарки и передѣлки; мы все бы это поняли, не предполагая при всемъ томъ въ головѣ Шекспира рѣшительно никакого сознанія. Слова и фразы мы будемъ при этомъ разсматривать, не какъ знаки извѣстныхъ идей, а просто какъ чисто внѣшніе факты. Подобнымъ же образомъ теорія автоматизма утверждаетъ, что мы могли бы написать подробнѣйшую біографію тѣхъ 200 фунтовъ, или около того, тепловатой массы организованнаго вещества, которая называлась Мартинъ Лютеръ, не предполагая, что она когда-либо что-либо ощущала.

Но, съ другой стороны, ничто не мѣшало бы намъ дать столь же подробный отчетъ и о душевной жизни Лютера или Шекспира, такой отчетъ, въ которомъ нашелъ бы мѣсто каждый проблескъ ихъ мысли и чувства. Тогда душевная жизнь человѣка представилась бы намъ протекающей рядомъ съ тѣлесною, причемъ каждому моменту въ одной изъ нихъ соотвѣтствовалъ бы извѣстный моментъ въ другой, но между тѣмъ и другимъ не было бы никакого взаимодѣйствія. Такъ мелодія, льющаяся со струнъ арфы, не замедляетъ и не ускоряетъ колебанія послѣднихъ, такъ тѣнь пѣшехода сопровождаетъ его, не вліяя на скорость его шаговъ.

Въ качествѣ общей концепціи при анализѣ самыхъ физіологическихъ процессовъ въ нервныхъ центрахъ трудно представить себѣ нѣчто болѣе соблазнительное, чѣмъ эта строго механическая теорія ихъ дѣятельности. Но вѣдь у насъ, кромѣ того, *налицо сознаніе*, которое, по всей вѣроятности, подобно всѣмъ другимъ функціямъ, возникло, какъ нѣкоторый цѣлесообразный продуктъ; поэтому въ высшей степени невѣроятно a priori, чтобы оно не играло извѣстной роли въ физіологическихъ процессахъ. *Повидимому*—это роль избирающаго принципа, но, чтобы избирать, оно должно быть активнымъ. Благопріятныя состоянія сознанія должны, такимъ образомъ, задерживаться, неблагопріятныя—устраняться. Если «задерживаніе» и «устраненіе» извѣстныхъ состояній сознанія означаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ также ускореніе или задержаніе соотвѣтствующихъ нервныхъ процессовъ, то приходится предположить, что наличность сознанія можетъ направлять нервные процессы по тому пути, который ведетъ къ наиболѣе благопріятнымъ для сознанія результатамъ. Но, съ другой стороны, что кажется наиболѣе благопріятнымъ для сознанія, то, вообще говоря, является наиболѣе благопріятнымъ и для организма. Хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что удовольствія большею частію ассоціируются съ благотворными,

Digitized by Google

страданія—съ разрушительными дѣйствіями внѣшнихъ условій на организмъ. Это можно наблюдать на всѣхъ основныхъ біологическихъ явленіяхъ. Удушеніе, лишеніе пищи, питья и сна, непомѣрный трудъ, обжоги, раны, воспаленія, дѣйствія яда — все это въ такой же мѣрѣ сопровождается страданіями, въ какой утоленіе голода и жажды, отдыхъ и сонъ для усталаго, трудъ послѣ отдыха и постоянное цвѣтущее здоровье вызываютъ чувство удовольствія. Спенсеръ и другіе полагаютъ, что эти совпаденія пріятнаго съ полезнымъ для организма, непріятнаго съ вреднымъ для организма, не обусловлены какою-то предустановленной гармоніей, а просто являются результатомъ естественнаго подбора, въ силу котораго всякое животное, находящее удовольствіе въ актахъ разрушительныхъ для основныхъ функцій его организма, должно было бы съ теченіемъ времени непремѣнно выродиться. Животное, которому чувство удушенія могло бы доставлять достаточно сильное удовольствіе, чтобы заставить его держать голову подъ водой, не прожило бы долѣе 4—5 минутъ.

Но, если сознаваніе удовольствія не усиливаетъ нервнаго процесса, а сознаваніе боли не задерживаетъ послѣдняго, то нельзя понять (безъ апріорныхъ предположеній о существованіи нѣкоторой разумной гармоніи между психическимъ и физіологическимъ, предположеній, которыя отвергаются «научными» представителями теоріи автоматизма), почему нѣкоторые въ высшей степени разрушительные для организма процессы, напримѣръ, жженіе, не могли бы доставлять величайшаго наслажденія, а самые необходимые, напримѣръ, дыханіе,—вызывать смертельную агонію. Единственная серьезная попытка объяснить *распредѣленіе* нашихъ ощущеній была сдѣлана Грэнтъ Алленомъ въ его небольшомъ талантливомъ произведеніи: «Физіологическая Эстетика»; въ своихъ разсужденіяхъ по этому вопросу онъ безусловно придаетъ удовольствію и страданію значеніе дѣйствующихъ причинъ, которое такъ энергично отвергается сторонниками чистаго автоматизма.

Вѣроятность и практическая очевидность въ отдѣльныхъ случаяхъ энергично свидѣтельствуютъ противъ теоріи автоматизма, утверждающей, будто всѣ наши дѣйствія имѣютъ чисто механическій характеръ. Съ точки зрѣнія описательной психологіи (даже если допустить, какъ на стр. 5-й, что всѣ наши ощущенія обусловлены нервными процессами, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ нервныхъ токовъ, вызываемыхъ внѣшними раздраженіями), мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что наши ощущенія могутъ воздѣйствовать на обусловливающіе ихъ нервные процессы, благопріятствуя послѣднимъ или задерживая ихъ. Въ этой книгѣ я не колеблясь буду пользоваться традиціонной терминологіей здраваго смысла. Я буду такъ выражаться, какъ будто сознаніе въ самомъ дѣлѣ направляло процессы въ нервныхъ центрахъ со-

Digitized by Google

гласно его цѣлямъ, а не являлось безсильнымъ, пассивнымъ зрителемъ смѣны житейскихъ явленій.

Локализація функцій въ полушаріяхъ. Мы сказали выше, что полушарія, задерживая извѣстнымъ образомъ впечатлѣнія отъ прежнихъ нервныхъ токовъ, должны быть органомъ памяти, благодаря которому извѣстнымъ дѣйствіямъ нашимъ предшествуетъ оживаніе представленій, почерпнутыхъ изъ прежняго опыта. Это соображеніе, естественно приходящее въ голову всякому при первомъ знакомствѣ съ предметомъ, находитъ фактическое подтвержденіе въ физіологическихъ вивисекціяхъ и въ наблюденіяхъ врачей за послѣдніе года. Отдѣльныя извилины полушарій имѣютъ особыя функціи, связанныя съ тѣмъ или другимъ органомъ чувствъ или съ опредѣленными частями мускульной системы. Не вдаваясь въ подробности по этому вопросу, я приведу здѣсь результаты изслѣдованій, наиболѣе прочно установленные въ настоящее время.

Психическіе и физіологическіе элементы. Есть очень тѣсный параллелизмъ между способами анализировать мозговыя функціи, къ которымъ прибѣгаютъ физіологи и психологи.

Согласно френологическому ученію о мозговыхъ функціяхъ, мозгъ подраздѣлялся на органы, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ извѣстной стороною человѣческой психики. Органъ «любви къ дѣтямъ», связанный съ извѣстными сознательными процессами, представлялъ всего человѣка, поскольку тотъ любитъ дѣтей; органъ «благоговѣнія» характеризовалъ цѣльную личность, поскольку она проявляетъ чувства благоговѣнія, etc. Спиритуалистическая психологія, въ свою очередь, подраздѣляла душу на «способности», изъ которыхъ каждая также представляла цѣлаго человѣка въ извѣстномъ отношеніи. Но «способности» не суть психическіе *элементы*, точно такъ же какъ «органы» не суть *элементы* мозга. Настоящіе элементы души и мозга могутъ быть вскрыты только съ помощью болѣе глубокаго анализа. И мозгъ, и душа состоятъ изъ простыхъ элементовъ, чувствующихъ и моторныхъ. «Всѣ нервные центры,—говоритъ д-ръ Хьюлингсъ Джэксонъ (Hughlings Jackson), отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, образованы изъ нервныхъ аппаратовъ, воспринимающихъ впечатлѣнія и сообщающихъ движенія... Я не вижу, изъ какого другого матеріала мозгъ *могъ* бы быть образованъ». Почти тоже говоритъ Мейнертъ, называя кору полушарій поверхностью проекціи отъ каждаго мускула и отъ каждой чувствительной точки поверхности тѣла. Каждый мускулъ и каждая чувствительная точка поверхности тѣла имѣютъ *представителя* въ видѣ пункта въ мозговой корѣ; такимъ образомъ, мозгъ представляетъ нѣчто, немногимъ превышающее простую сумму всѣхъ этихъ кортикальныхъ точекъ, которымъ въ психической сферѣ соотвѣтствуетъ такое же число ощущеній и «идей». Субъективная психологія въ свою очередь разсматриваетъ душу,

Digitized by Google

какъ нѣчто, состоящее изъ ощущеній и «идей» объ ощущеніяхъ и движеніяхъ. Отношенія между объектами объясняются ассоціаціями между идеями, эмоціональныя и инстинктивныя влеченія — ассоціаціями между идеями и движеніями. Это можно показать на діаграммѣ, равно выражающей и внутреннія, и внѣшнія отношенія, обозначивъ точками или кружками нервныя клѣтки и «идеи», а линіями, соединяющими ихъ—нервныя волокна и ассоціаціи. Мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что ученіе объ ассоціаціи идей представляетъ точное выраженіе истины, но, вѣроятно, оно навсегда сохранитъ педагогическое значеніе наглядной иллюстраціи психо-физическихъ процессовъ. Во всякомъ случаѣ любопытно видѣть, какъ удобно съ помощью ея производить физіологическій анализъ. Обратимся къ деталямъ.

Область двигательныхъ центровъ. Въ вопросѣ о мозговыхъ локализаціяхъ одинъ фактъ представляется во всякомъ случаѣ прочно установленнымъ, именно, что «центральныя» извилины по обѣимъ сторонамъ Роландовой бороздки и (по крайней мѣрѣ у обезьяны) g. calloso-marginalis (которая образуетъ ихъ непрерывное продолженіе по медіальной поверхности, гдѣ одно полушаріе примыкаетъ къ другому) представляютъ область, черезъ которую проходятъ всѣ двигательныя возбужденія, попадая на пути въ подчиненные центры Вароліева моста, продолговатаго мозга и спинного мозга, при посредствѣ которыхъ вызываются мускульныя сокращенія. Существованіе этой, такъ называемой «моторной зоны», доказано путемъ вивисекціи и изслѣдованіемъ страданій мозга. Прилагаемые рисунки Шэфера (Schaefer) и Горслея (Horsley), изображающіе топографію двигательныхъ центровъ обезьяны, не нуждаются въ словесныхъ поясненіяхъ.

На рис. 43-мъ (по Старру) показано, какъ нервныя волокна спускаются отъ двигательныхъ центровъ внизъ. Всѣ центростремительные токи, входящіе въ полушарія, выходятъ изъ Роландовой области, которая, представляя нѣкотораго рода передаточный пунктъ, съуживается еще болѣе по мѣрѣ удаленія бороздки отъ поверхности, проходя черезъ внутреннюю капсулу, Вароліевъ мостъ и части, находящіяся ниже. Темные эллипсы съ лѣвой стороны діаграммы изображаютъ кровяныя скопленія или опухоли, и читатель легко можетъ видѣть, слѣдя за направленіемъ нервныхъ волоконъ, какое нарушеніе должны внести эти опухоли въ движенія нервныхъ токовъ.

Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу моторной локализаціи въ мозговой корѣ можетъ служить болѣзнь, называемая въ настоящее время *афемія* или *афазія*. Моторная афазія не есть ни потеря голоса, ни параличъ языка или губъ. Страдающій афазіей можетъ имѣть совершенно нормальный голосъ, и иннервація его подъязычнаго и личныхъ нервовъ, за исключе-

Digitized by Google

ніемъ связанныхъ съ центромъ рѣчи, можетъ совершаться вполнѣ правильно. Онъ можетъ смѣяться, кричать и даже пѣть, но онъ не въ состояніи произносить слова: или его рѣчь состоитъ изъ безсмысленнаго набора фразъ, или онъ говоритъ неясно, сбивчиво, дурно произнося слова и пользуясь ими совершенно некстати и неправильно. Иногда рѣчь афазика представляетъ просто рядъ ничего не значащихъ слоговъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда послѣ смерти афазика представлялась возможность произвести вскрытіе его мозга, оказывалось, что была повреждена нижняя лобная извилина (рис. 44-й). Этотъ фактъ впервые открылъ въ 1861-мъ году Брока, и съ этихъ поръ эту часть мозга стали называть извилиной Брока. У лѣвшей это пораженіе всегда находится въ правомъ полушаріи, у нормальныхъ людей въ лѣвомъ. У большинства людей преобладаетъ дѣятельность лѣваго полушарія надъ дѣятельностью праваго, то есть, наиболѣе тонкія и спеціальныя движенія у нихъ поручены лѣвому полушарію. Это объясняется тѣмъ фактомъ, что нервныя волокна идутъ отъ лѣваго полушарія къ правой половинѣ тѣла, перекрещиваясь съ нервными волокнами, идущими отъ праваго полушарія къ лѣвой половинѣ тѣла, какъ показано на рис. 43-мъ ниже буквы М. Но бываютъ случаи, когда преимущественная активность лѣваго полушарія не проявляется наружнымъ образомъ. Это наблюдается на тѣхъ органахъ, которые, находясь на обѣихъ сторонахъ тѣла, могутъ управляться лѣвымъ полушаріемъ; къ такимъ органамъ, повидимому, слѣдуетъ отнести голосовые органы въ ихъ примѣненіи къ спеціальной крайне сложной двигательной функціи—рѣчи. Ихъ могутъ иннервировать оба полушарія съ той и другой стороны, равно какъ и мускулы туловища, реберъ и діафрагмы. Впрочемъ, спеціальными движеніями рѣчи, судя по факту афазіи, у большинства людей завѣдуетъ обыкновенно только лѣвое полушаріе. При поврежденіи этого полушарія человѣческая рѣчь разстраивается, хотя бы правое полушаріе и оставалось неповрежденнымъ, продолжая выполнять менѣе спеціальные двигательные акты, напримѣръ, движенія, необходимыя при ѣдѣ.

Зрительный центръ находится въ затылочныхъ доляхъ. Это явствуетъ изъ трехъ родовъ возможныхъ доказательствъ. Повидимому, нервныя волокна отъ лѣвыхъ половинокъ обѣихъ ретинъ направляются въ лѣвое полушаріе, а отъ правыхъ половинокъ въ правое полушаріе. Благодаря этому обстоятельству, при пораженіи правой затылочной доли получается «геміанопсія» на оба глаза, то есть, обѣ ретины слѣпнутъ на ихъ правыя половинки, и паціентъ теряетъ лѣвую половину зрительнаго поля. Это ясно можно видѣть на рис. 40-мъ.

Очень недавно Шэферъ и Мункъ, изслѣдуя движенія глазного яблока, вызываемыя гальванизированьемъ зрительныхъ частей коры обезьянъ и собакъ, нашли основанія предполагать существованіе

Digitized by Google

такого же отношенія между верхними и нижними частями ретинъ и нѣкоторыми частями зрительныхъ долей. При разрушеніи обѣихъ затылочныхъ долей получается двойная геміопія, то есть, иначе говоря, полная слѣпота. У человѣка при геміопіи наблюдается нечувствительность къ свѣту на одной половинѣ зрительнаго поля, но сохраняются воспроизведенныя зрительныя представленія. При двойной же геміопіи есть основаніе предполагать не только отсутствіе всѣхъ свѣтовыхъ ощущеній, но и потерю памяти о всѣхъ представленіяхъ зрительнаго порядка. Человѣкъ теряетъ зрительныя «идеи». Это можетъ быть обусловлено только слѣпотою, вызванною поврежденіями кортикальныхъ центровъ. Поврежденіе ретины и зрительныхъ путей между мозговой корой и глазами дѣлаетъ глаза нечувствительными къ свѣту, но не лишаетъ человѣка способности воспроизводить мысленно прежнія зрительныя представленія.

Душевная слѣпота. Одно изъ интереснѣйшихъ патологическихъ явленій, вызываемыхъ разстройствомъ кортикальныхъ центровъ — это *душевная слѣпота*. Она заключается не столько въ нечувствительности къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, сколько въ *неспособности понимать ихъ*. Психологически это явленіе объясняется, какъ *потеря ассоціацій* между зрительными ощущеніями и тѣмъ, что они означаютъ; съ физіологической точки зрѣнія—это результатъ перерыва сообщенія между центрами для зрительныхъ образовъ и для другихъ идей. Такъ, напримѣръ, буквы азбуки и ихъ сочетанія—слова служатъ знаками для извѣстныхъ звуковъ и движеній, производящихъ членораздѣльную рѣчь. Когда же связь между двигательными или слуховыми центрами и центрами зрѣнія прервана, то мы имѣемъ основаніе ожидать a priori, что видъ словъ не вызоветъ у человѣка представленій ихъ звука или движеній, необходимыхъ для ихъ произнесенія. Короче говоря, въ такомъ случаѣ должна получиться *алексія* — неспособность читать, именно эта неспособность получается при осложненіи *афазіи*, въ тѣхъ случаяхъ, когда поражена весьма значительная часть лобно-височной области.

Въ этихъ случаяхъ нерѣдко больной при взглядѣ на предметъ не узнаетъ его, но узнаетъ его при прикосновеніи къ нему рукою и тотчасъ называетъ его. Этотъ любопытный фактъ служитъ указаніемъ на то, какъ многочисленны тѣ центростремительные пути, которые въ концѣ-концовъ выходятъ изъ мозга черезъ каналы, ведущіе къ органамъ рѣчи. Пути къ рукамъ еще остаются открытыми, когда пути къ глазамъ уже замкнуты. При полнѣйшей душевной слѣпотѣ, ни зрѣніе, ни слухъ, ни осязаніе не могутъ болѣе руководить дѣйствіями пацієнта, и въ результатѣ получается родъ помѣшательства, такъ называемая *асимболія* или *апраксія*. Асимболикъ не раличаетъ частей своего костю-

Digitized by Google

ма; онъ способенъ взять въ ротъ и начать ѣсть кусокъ мыла, положить свои башмаки на столъ, взять въ руки пищу и бросить ее, не зная, что съ ней дѣлать и т. п. Такое душевное разстройство является результатомъ лишь очень значительныхъ мозговыхъ поврежденій.

Центръ слуха находится у человѣка въ верхней извилинѣ височной доли (см. рис. 44-й, та часть, на которой написано Wernicke). Это можно видѣть на явленіи афазіи. Немного выше мы разсматривали двигательную афазію, теперь же разсмотримъ *чувственную афазію*. Изученіе афазіи раздѣляется на три періода: *Брока*, *Вернике* и *Шарко*. Съ открытіемъ Брока мы уже познакомились. Вернике первый выдѣлилъ въ особую группу тѣ явленія афазіи, когда паціентъ даже не понимаетъ рѣчи, отъ тѣхъ случаевъ, когда больной еще понимаетъ ее, но только не говоритъ самъ, и показалъ, что первый случай обусловленъ поврежденіемъ височной доли. Это—*глухота къ словамъ*, *слуховая афазія*. Недавно по этому вопросу было произведено статистическое изслѣдованіе д-ромъ Алленомъ Старръ (Starr). Въ семи собранныхъ имъ случаяхъ чисто *словесной* глухоты (случаяхъ, въ которыхъ паціентъ могъ читать, говорить и писать, но не понималъ того, что ему говорили другіе) поврежденіе не шло дальше заднихъ двухъ третей первой и второй височной извилины.

Поврежденіе при слуховой афазіи, какъ и при моторной, находится всегда (у нормальныхъ лицъ съ болѣе развитымъ лѣвымъ полушаріемъ) съ лѣвой стороны. Неясный слухъ еще сохраняется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣвый слуховой центръ совершенно разрушенъ: правый центръ еще продолжаетъ вызывать слуховыя ощущенія. Но примѣненіе слуха *къ рѣчи*, повидимому, непремѣнно обусловлено цѣльностью лѣваго центра. Для примѣненія слуха къ рѣчи необходимо, чтобы слова ассоціировались съ одной стороны съ предметами, которые они означаютъ, съ другой—съ движеніями, необходимыми для произнесенія ихъ. По словамъ Вернике, у большинства изъ насъ рѣчь мотивируется слуховыми стимулами, то есть наши зрительныя, осязательныя и другія идеи не иннервируютъ непосредственно нашихъ моторныхъ центровъ, но предварительно, вѣроятно, вызываютъ въ насъ воспроизведенныя звуковыя представленія словъ, которыя и служатъ непосредственными стимулами для членораздѣльной рѣчи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда для ихъ образованія не представляется возможности, вслѣдствіе поврежденія ихъ обычнаго физіологическаго центра въ лѣвой височной долѣ, рѣчь нарушается. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда, несмотря на разрушеніе центра, рѣчь вполнѣ сохраняется, слѣдуетъ предположить идіосинкразію. Паціентъ, вѣроятно, или иннервируетъ органъ рѣчи при посредствѣ соотвѣтствующей части другого полушарія, или прямо изъ центровъ

Digitized by Google

зрѣнія, осязанія etc., безъ посредства слуховой сферы. Заслуги Шарко по этому вопросу заключаются именно въ детальномъ анализѣ описываемыхъ нами индивидуальныхъ особенностей и въ ихъ объясненіи.

Всякая вещь, которой мы даемъ названіе, обладаетъ извѣстною внѣшностью, извѣстными качествами и свойствами. Въ нашемъ умѣ названіе предмета и его свойства ассоціируются въ одну группу. Если изъ различныхъ частей мозга каждая связана съ воспріятіемъ извѣстныхъ свойствъ предмета—одна завѣдуетъ слухомъ, другая—произнесеніемъ названій, то между этими частями мозга (въ силу закона ассоціацій, который мы разсмотримъ ниже) должна неизбѣжно существовать такая связь, что дѣятельность одного изъ нихъ будетъ склонна вызывать дѣятельность во всѣхъ остальныхъ. Если мы думая говоримъ, то *конечнымъ* процессомъ является произнесеніе словъ. Если часть мозга, соотвѣтствующая этой послѣдней функціи, поражена, то рѣчь или совершенно невозможна, или совершается безпорядочно, даже при полной неповрежденности остальныхъ частей мозга—это какъ разъ тотъ случай, который мы описали на стр. 80-й, какъ патологическое явленіе, вызванное поврежденіемъ центра Брока. Но въ послѣдовательности идей говорящаго человѣка, предшествующихъ физіологическому процессу въ центрѣ Брока, возможны различные порядки. Самымъ обычнымъ порядкомъ, какъ мы сказали, бываетъ слѣдованіе отъ осязательныхъ или зрительныхъ свойствъ вещей, мыслимыхъ въ формѣ воспроизведенныхъ представленій, къ звукамъ, выражающимъ ихъ названіе, и, наконецъ, къ движеніямъ, необходимымъ для произнесенія послѣднихъ. Но для нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ обыкновенно произнесенію непосредственно предшествуетъ *видъ* предмета или *видъ* его названія, потеря *слухового* центра не вызоветъ нарушеній въ рѣчи или чтеніи. Такое лицо будетъ умственно глухимъ, то есть, оно будетъ страдать недостаткомъ *пониманія* человѣческой рѣчи, но не будетъ афазикомъ. Такимъ путемъ представляется возможность объяснить семь случаевъ словесной глухоты безъ двигательной афазіи, приведенные д-ромъ Старромъ.

Если такой порядокъ ассоціаціи укоренится у больного и сдѣлается постояннымъ, то поврежденіе, распространившись и на зрительный центръ, сдѣлаетъ больного не только слѣпымъ на слова, но и афазикомъ. Рѣчь его сдѣлается запутанной, вслѣдствіе пораженія затылочныхъ долей. Нонэнъ (Naunyn), въ виду этого, отмѣтивъ на діаграммѣ полушарій 71 случай вполнѣ ясно наблюдавшейся имъ афазіи, какіе ему удалось собрать, нашелъ, что поврежденія сосредоточиваются по преимуществу въ трехъ мѣстахъ: во первыхъ — въ центрѣ Брока, во вторыхъ — въ центрѣ Вернике, въ третьихъ — въ извилинахъ supra-marginalis и angularis, подъ которыя проходятъ

Digitized by Google

нервныя волокна, соединяющія зрительные центры съ остальною частью мозга (см. рис. 47-й). Съ этими результатами в полнѣ гармонируютъ чисто психологическія наблюденія д-ра Старра.

Въ главѣ «*О воображеніи*» мы возвратимся еще разъ къ этимъ индивидуальнымъ особенностямъ въ сферѣ отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Пока замѣтимъ только, что на немногихъ научныхъ изслѣдованіяхъ можно наблюдать съ такою очевидностью, какъ на изученіи афазіи, какимъ образомъ самый запутанный и неясный вопросъ, благодаря проницательности и терпѣливому труду цѣлой группы ученыхъ работниковъ, съ теченіемъ времени принимаетъ форму отчетливаго объясненія факта. Въ мозгу нѣтъ «органа рѣчи» такъ же, какъ въ умѣ нѣтъ «способности къ рѣчи». Весь мозгъ и все сознаніе принимаютъ до извѣстной степени участіе въ рѣчи говорящаго человѣка. Прилагаемая въ концѣ книги діаграмма Росси изображаетъ мѣстонахожденіе четырехъ центровъ вполнѣ наглядно и послѣ вышеизложеннаго не нуждается въ дальнѣйшемъ поясненіи (рис. 48-й).

Обонятельный, вкусовой и осязательный центры. Положеніе другихъ чувственныхъ центровъ выяснено съ меньшею точностью. О центрахъ обоянія и вкуса я ничего не скажу, о центрахъ мускульныхъ и кожныхъ ощущеній замѣчу только, что, по всей вѣроятности, они находятся въ моторной зонѣ и какъ разъ въ извилинахъ, находящихся сзади и въ серединѣ ея. Центростремительные осязательные токи, вѣроятно, входятъ въ клѣтки этой сферы по однимъ нервнымъ волокнамъ, а центробѣжные выходятъ по другимъ, но эта область анатоміи мозга до сихъ поръ еще остается совершенно неразработанной.

Заключеніе. Изъ приведеннаго анализа мы видимъ, что постулатъ Мейнерта и Джэксона, приведенный нами на стр. 78-й, находитъ въ общемъ полное подтвержденіе въ фактическихъ результатахъ изслѣдованія. Дѣйствительно, высшіе центры, повидимому, не заключаютъ въ себѣ ничего иного, кромѣ нервныхъ приспособленій для чувственныхъ впечатлѣній и движеній и кромѣ другихъ приспособленій, связующихъ во едино дѣятельность первыхъ. Центростремительные токи, проникая черезъ органы чувствъ, возбуждаютъ дѣятельность въ нѣкоторыхъ изъ этихъ приспособленій, а тѣ сообщаютъ ее другимъ, пока, наконецъ, не образуется извѣстнаго рода разрядъ въ видѣ центробѣжнаго тока. Ясно понявъ это, мы не будемъ имѣть основаній спрашивать, представляетъ ли моторная зона исключительно двигательную сферу, или сверхъ того и чувствительную. Вся кора, пронизываемая токами, представляетъ и чувствилище, и двигательную область. Вѣроятно, со всѣми токами связаны извѣстнаго рода ощущенія, и всѣ токи служатъ рано или поздно источниками извѣстныхъ движеній. Въ такомъ случаѣ, каждый центръ является съ одной стороны принимающимъ

Digitized by Google

токи, съ другой посылающимъ токи; этотъ двойной родъ дѣятельности распространяется и на двигательныя клѣтки спинного мозга. Маринъ (Marique), Экснеръ и Панетъ (Paneth) доказали это, обрѣзавъ *кругомъ* «моторный» центръ и отдѣливъ его такимъ образомъ отъ вліянія остальной части cortex'a: эта операція вызвала такое же разстройство физіологическихъ процессовъ, какое получалось отъ вырѣзыванія cortex'a, такъ что послѣднюю можно было бы по справедливости назвать клапаномъ, выпускающимъ иннервапіонный токъ, который возникаетъ въ другихъ мѣстахъ нервной системы, причемъ *этотъ токъ сопровождается сознаніемъ; преобладая въ затылочныхъ доляхъ, онъ вызываетъ зрительныя впечатлѣнія, въ височныхъ — слуховыя, въ «моторной зонѣ» — осязательныя, etc.* При настоящемъ положеніи науки мы можемъ выставить эту широкую, нѣсколько неопредѣленную формулу, не рискуя впасть въ противорѣчіе съ фактами. Но нетрудно видѣть, какъ мало даетъ намъ эта формула деталей относительно того, что именно происходитъ въ мозгу при томъ или другомъ процессѣ мысли. Наиобщія формы отношеній между познаваемыми объектами—ихъ тожество, подобіе и контрасты между ними, различныя формы самаго сознанія, требующія и не требующія особыхъ усилій, сопряженныя и несопряженныя съ вниманіемъ, пріятныя и непріятныя, явленія интереса и подбора etc.—все это перемѣшано вмѣстѣ, какъ аггрегатъ дѣйствій, являющихся результатомъ различныхъ токовъ между нервными центрами. Наша формула характеризуетъ этотъ аггрегатъ съ физіологической стороны самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Сверхъ того, физіологическая роль нѣкоторыхъ частей мозга, напримѣръ, нижнихъ лобныхъ долей, совершенно не поддается опредѣленной формулировкѣ. У собакъ разрушеніе ихъ не вызываетъ никакого частнаго нарушенія ни движенія, ни чувствительности; у обезьянъ ни раздраженіе, ни вырѣзываніе этихъ долей не вызываетъ никакихъ симптомовъ. Одна обезьяна (Горслея и Шэфера) послѣ подобной операціи продолжала быть, какъ прежде, ручною и продѣлывала нѣкоторыя штуки съ прежнимъ искусствомъ.

Короче сказать, очевидно, что наше знакомство съ душевной жизнію безконечно превосходитъ наши знанія о сопровождающихъ ее физіологическихъ процессахъ. Безъ анализа психическихъ элементовъ рѣчи путемъ самонаблюденія, напримѣръ, разработка ученія объ афазіи, которая представляетъ драгоцѣнный алмазъ въ современной физіологіи мозга, была бы совершенно невозможна. Замѣтимъ теперь, что наше утвержденіе объ абсолютной зависимости душевныхъ состояній отъ физіологическихъ условій нужно понимать, какъ простой постулатъ. Можно быть вообще убѣжденнымъ въ его истинности, но оставаться въ тоже время въ полномъ невѣдѣніи относительно того, *какъ* именно онъ реализуется въ опытѣ. Передъ тѣмъ, какъ перейти къ изученію состояній сознанія въ собственномъ

Digitized by Google

смыслѣ слова, я въ слѣдующей главѣ разсмотрю двѣ—три стороны мозговыхъ функцій, имѣющія общее значеніе и принимающія участіе во всѣхъ душевныхъ состояніяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нѣкоторыя общія условія нервной дѣятельности.

Нервный разрядъ. Выраженіе «нервный разрядъ» постоянно употребляется физіологами, и мы будемъ употреблять его здѣсь для обозначенія движенія нервнаго тока отъ центра къ мускуламъ или къ другимъ внутреннимъ органамъ. Выраженіе это не слѣдуетъ понимать только въ переносномъ смыслѣ. Съ динамической точки зрѣнія выходъ нервнаго тока изъ двигательной клѣтки, вѣроятно, аналогиченъ выстрѣлу изъ ружья. Вещество нервной клѣтки находится въ состояніи внутренняго напряженія, которое разряжается приходящимъ токомъ, приводящимъ молекулы клѣтки въ состояніе болѣе устойчиваго равновѣсія и освобождающимъ извѣстное количество энергіи, которая вызываетъ токъ въ выходящемъ изъ клѣтки волокнѣ. Этотъ токъ сильнѣе перваго и, направляясь въ мускулъ, вызоветъ въ послѣднемъ съ помощью аналогичной дезинтеграціи внутренняго движенія молекулъ еще болѣе сильное дѣйствіе. Маттейчи (Matteuci) нашелъ, что работа, производимая мускульнымъ сокращеніемъ, въ 27,000 разъ сильнѣе той, которую производитъ электрическій токъ, раздражающій двигательный нервъ. Когда вызываютъ сокращеніе въ мускулѣ лягушки сначала прямо — раздраженіемъ двигательнаго нерва, а потомъ рефлекторнымъ путемъ—раздраженіемъ чувствительнаго нерва, то оказывается всегда, что рефлексъ требуетъ болѣе сильнаго стимула и наступаетъ позже, но за то въ этомъ случаѣ сокращеніе бываетъ сильнѣе. Эти факты доказываютъ, что спинно-мозговыя клѣтки, черезъ которыя совершается рефлексъ, представляютъ извѣстное сопротивленіе; преодолѣвъ его, токъ выходитъ наружу съ гораздо большей силой. Чѣмъ это можетъ быть инымъ, какъ не извѣстнаго рода взрывомъ или разрядомъ въ маленькихъ размѣрахъ?

Время реакціи. Опредѣленіе времени, необходимаго для разряда, представляетъ одинъ изъ предметовъ наиболѣе серьезнаго экспериментальнаго изслѣдованія за послѣднее время. Путь къ этимъ изслѣдованіямъ былъ открытъ Гельмгольцемъ, который опредѣлилъ скорость выходящаго тока въ бедренномъ нервѣ лягушки. Примѣненные имъ методы этого изслѣдованія были приложены къ опредѣленію чувственныхъ реакцій, и результаты этихъ послѣднихъ изслѣдованій, которые описывались нѣкоторыми, какъ измѣ-

Digitized by Google

реніе «скорости мысли», вызывали не мало изумленія у профановъ. Съ незапамятныхъ временъ выраженіе «быстрый, какъ мысль», примѣнялось ко всему, неподдающемуся опредѣленію по своей удивительной скорости. На эту тайну наука наложила свою руку такимъ же роковымъ образомъ, какъ и во времена Франклина, напоминая людямъ о томъ, кто первый «eripuit coelo fulmen», и знаменуя собою наступленіе царства новыхъ болѣе холодныхъ боговъ. Впрочемъ, спѣшу оговориться: выраженіе «быстрота мысли» неточно, ибо ни въ одномъ изъ случаевъ не ясно, какой именно актъ мысли совершается въ измѣряемый промежутокъ времени. Этотъ промежутокъ de facto выражаетъ всю продолжительность *реакціи на стимулы*. Нѣкоторыя изъ условій реакціи бываютъ приготовлены заранѣе; мы предполагаемъ существованіе нѣкоторыхъ мускульныхъ напряженій и чувственной интенсивности, которыя называемъ состояніемъ ожиданія. То, что совершается во время, занимаемое реакціей (иначе говоря, то, что надо прибавить къ состоянію ожиданія, чтобы получить разрядъ), ни физіологически, ни психологически не совершается мгновенно.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ этого вопроса преобладаетъ по существу одинъ и тотъ же методъ. Испытуемому лицу дается извѣстный сигналъ и въ тоже мгновенье отмѣчается время на хроноскопѣ. Затѣмъ субъектъ производитъ извѣстнаго рода мускульное движеніе, представляющее реакцію, которая также отмѣчается приборомъ автоматически. Время между двумя отмѣтками и есть время полной реакціи. Опредѣляющіе время инструменты бываютъ различной конструкціи. Однимъ типомъ подобнаго прибора служитъ вращающійся барабанъ, покрытый закопченой бумагой, на которой электрическое перо чертитъ линію, прерываемую въ моментъ сигналовъ и возобновляемую при реакціи, въ то время, какъ другое электрическое перо, которое соединено съ металлическимъ прутомъ, колеблющимся съ извѣстной скоростью, чертитъ рядомъ съ этой линіей другую—«линію времени», въ которой каждая волна соотвѣтствуетъ нѣкоторой дробной части первой линіи, благодаря чему продолжительность времени реакціи можетъ быть опредѣлена. Это можно видѣть на рис. 49-мъ, гдѣ линія реакціи прерывается въ мѣстахъ противъ стрѣлокъ. Измѣренія времени реакціи производятся всего чаще при помощи хроноскопическихъ часовъ Гиппа (Hipp). Стрѣлки на нихъ первоначально стоятъ на нулѣ; при первомъ сигналѣ онѣ съ помощью замыканія тока приходятъ въ движеніе, а при наступленіи реакціи останавливаются. На циферблатѣ получается продолжительность ихъ движенія до 1000-хъ долей секунды.

Простыя реакціи. Было замѣчено, что время реакціи у того же лица бываетъ различно, смотря по тому, куда направлено его вниманіе въ ожиданіи ея наступленія. Если онъ всего менѣе думаетъ

Digitized by Google

о предстоящемъ движеніи и сосредоточиваетъ вниманіе на ожидаемомъ сигналѣ, время реакціи получается большее; если, наоборотъ, его вниманіе направлено исключительно на мускульный рефлексъ, оно короче. Ланге, который, работая въ лабораторіи Вундта, первый обратилъ вниманіе на этотъ фактъ, нашелъ, что въ среднемъ его «мускульное» время реакціи=0,123″, а «чувственное»=0,230″. Очевидно, что опыты для того, чтобы имѣть *сравнительную* цѣнность, должны всегда производиться надъ мускульной реакціей, которая даетъ минимальное число и отличается большимъ постоянствомъ. Въ среднемъ время мускульной реакціи лежитъ между 0,1 и 0,2 секунды. Мнѣ кажется, что при этихъ условіяхъ реакція есть по существу рефлекторный актъ. Предварительное *приготовленіе* мускуловъ къ движенію представляетъ возбужденіе путей разряда, для котораго все оказывается готовымъ какъ разъ въ мигъ подачи сигнала. Другими словами, между центрами временно образуется, какъ бы настоящая рефлекторная дуга, черезъ которую входящій токъ можетъ мгновенно снова проникнуть наружу. Но, если, съ другой стороны, вниманіе ожидающаго направлено исключительно на сигналъ, то возбужденіе моторныхъ путей начинается послѣ подачи послѣдняго, и при такомъ условіи для реакціи требуется болѣе времени. Благодаря чрезвычайной мимолетности того процесса, которымъ мы опредѣляемъ время реакціи, мы иногда отвѣчаемъ на несоотвѣтствующій сигналъ, въ особенности, если послѣдній одного *рода* съ тѣмъ, какой мы ожидаемъ. Сигналъ служитъ лишь послѣднимъ импульсомъ для уже начавшагося тока. Мысль въ этомъ актѣ не принимаетъ никакого участія—рука реагируетъ на сигналъ непроизвольно. Эти опыты никоимъ образомъ не представляютъ измѣреній быстроты мысли. Вмѣшательство интеллектуальнаго процесса можно надѣяться встрѣтить въ этихъ опытахъ только при болѣе сложныхъ случаяхъ. Опыты можно осложнять различнымъ путемъ. Можно продолжить время реакціи до того момента, когда сигналъ вызвалъ въ сознаніи отличную отъ него идею (по Вундту *время различенія, время ассоціаціи*), и этотъ моментъ отмѣтить. Можно подавать различнаго рода сигналы и опредѣлять соотвѣтствующее время реакціи, причемъ испытуемому остается неизвѣстнымъ, какой именно сигналъ ему предстоитъ увидѣть. Въ этомъ случаѣ едва-ли возможна реакція безъ предварительнаго сознательнаго различенія и выбора. Впрочемъ, и здѣсь различеніе и выборъ представляютъ далеко не то, что мы обыкновенно понимаемъ подъ этими названіями. Между тѣмъ во всѣхъ дальнѣйшихъ опытахъ болѣе сложнаго характера, которые мы теперь вкратцѣ разсмотримъ, исходнымъ пунктомъ остается все тоже простое опредѣленіе времени реакціи.

Время реакціи варіируетъ у *различныхъ индивидовъ* и у *лицъ*

Digitized by Google

различнаго возраста. У стариковъ и простолюдиновъ оно длинно (около секунды у стараго нищаго, надъ которымъ экспериментировалъ Экснеръ). Оно длинно также у дѣтей (по Герцену, $^1/_2$ секунды). При *упражненіи* оно у каждаго индивида на опредѣленную величину сокращается и за извѣстнымъ минимальнымъ предѣломъ не можетъ быть уменьшено. У вышеупомянутаго нищаго послѣ продолжительной практики оно было низведено до 0,1866 секунды. При *утомленіи* время реакціи удлиняется, при *сосредоточеніи вниманія* сокращается. Оно измѣняется также отъ *свойствъ сигнала.* Вотъ среднія цифры времени реакціи, полученныя нѣкоторыми изслѣдователями:

	Гиршъ.	Ганкель.	Экснеръ.	Вундтъ.
Звукъ. . . .	0,149	0,1505	0,1360	0,167
Свѣтъ . . .	0,200	0,2246	0,1506	0,222
Осязаніе . .	0,182	0,1546	0,1337	0,213

Изъ этой таблицы можно видѣть, что звукъ, повидимому, реагируетъ быстрѣе зрѣнія и осязанія. Медленнѣе послѣднихъ вызываютъ реакцію обоняніе и вкусъ. Интенсивность сигнала измѣняетъ скорость реакціи. При болѣе интенсивныхъ стимулахъ время реакціи короче. Герценъ сравнивалъ реакцію на мозоли большого пальца ноги съ реакціей на другомъ мѣстѣ руки у того же лица. Оба мѣста раздражались одновременно, причемъ испытуемый субъектъ старался реагировать одновременно рукой и ногой, но нога всегда поспѣвала раньше. Когда раздражалась здоровая часть кожи на ногѣ, то рука поспѣвала скорѣе. Опьяненіе, вообще говоря, замедляетъ реакцію, но многое зависитъ отъ степени опьяненія.

Сложныя реакціи. Сложными реакціями называются тѣ, которыя связаны съ извѣстнаго рода умственными операціями. Собственно говоря, о нихъ мнѣ слѣдовало бы упоминать въ отдѣльныхъ главахъ по поводу различныхъ психическихъ процессовъ. Но нѣкоторыя лица предпочитаютъ видѣть всѣ результаты психофизическихъ измѣреній сгруппированными вмѣстѣ; удовлетворяя ихъ желанію, я приведу здѣсь всѣ результаты измѣренія сложныхъ реакцій.

Если намъ до реагированія нужно подумать, то, очевидно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленномъ времени реакціи, все зависитъ отъ того, какъ долго мы будемъ думать. Мы можемъ измѣрять здѣсь только *minimum* времени, потребнаго для извѣстныхъ простѣйшихъ умственныхъ операцій. Такимъ путемъ опредѣлили изъ опыта *время, необходимое для различенія.* Вундтъ назвалъ его *Unterscheidungszeit.* Опредѣливъ предварительно время реакціи у извѣстнаго лица, онъ поручалъ этому лицу производить извѣстное движеніе, всегда тоже самое, въ тотъ

Digitized by Google

моментъ, когда это лицо опредѣлитъ, *который* изъ двухъ сигналовъ былъ ему поданъ. Избытокъ времени въ этомъ процессѣ надъ временемъ простой реакціи съ однимъ извѣстнымъ заранѣе сигналомъ служитъ, согласно Вундту, показателемъ продолжительности акта различенія. Она оказалась длиннѣе при безпорядочномъ примѣненіи четырехъ различныхъ сигналовъ, нежели при примѣненіи двухъ. При примѣненіи двухъ сигналовъ (оно заключается во внезапномъ появленіи бѣлаго или чернаго предмета) у трехъ наблюдателей получились въ среднемъ слѣдующіе результаты (въ секундахъ): 0,050, | 0,047, | 0,079. При примѣненіи четырехъ сигналовъ (къ черному и бѣлому были прибавлены красный и зеленый) у тѣхъ же изслѣдователей получились слѣдующіе результаты: 0,157 | 0,073 | | 0,132.

Проф. Каттель нашелъ, что съ помощью такого метода нельзя получить никакихъ точныхъ результатовъ, и обратился къ методу, практиковавшемуся до Вундта и отвергнутому послѣднимъ. Это— *einfache Wahlmethode*, по выраженію Вундта. Испытуемый субъектъ дождавшись сигнала извѣстнаго рода, реагируетъ, а на другіе не отвѣчаетъ вовсе никакими движеніями. Такимъ образомъ, реакція наступаетъ только послѣ акта различенія, такъ какъ двигательный импульсъ не можетъ быть посланъ къ рукѣ, пока субъектъ не опредѣлитъ характеръ сигнала. Дѣйствуя такимъ способомъ, проф. Каттель (Cattell) нашелъ, что приростъ времени, необходимый для различенія бѣлаго сигнала отъ отсутствія сигнала вообще, равнялся у одного наблюдателя 0,030, у другого 0,050; для различенія одного цвѣта отъ другого: 0,100 и 0,110; для различенія одного цвѣта отъ 10 другихъ: 0,105 и 0,117; для различенія буквы *A* обыкновеннаго шрифта отъ буквы *Z*: 0,142 и 0,137; для различенія данной буквы отъ любой другой изъ буквъ азбуки (причемъ до появленія данной буквы реакція не производилась): 0,119 и 0,116; для различенія даннаго слова отъ любого изъ двадцати пяти словъ: отъ 0,118 до 0,158 секунды въ зависимости отъ длины словъ и степени знанія того языка, изъ котораго слова взяты.

Проф. Каттель обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что время, необходимое для различенія одного слова отъ другого, немногимъ дольше времени, необходимаго для различенія одной буквы отъ другой. «Итакъ, говоритъ онъ, мы не различаемъ каждую букву слова въ отдѣльности, но все слово цѣликомъ. Этотъ фактъ указываетъ, какимъ образомъ надо обучать дѣтей грамотѣ».

Онъ нашелъ также большую разницу во времени, необходимомъ для опредѣленія различныхъ буквъ, причемъ оказалось, что всего болѣе времени требуетъ буква Е.

Время, необходимое для ассоціаціи одной идеи съ другою,

Digitized by Google

также было измѣрено. Гальтонъ при помощи весьма простого прибора нашелъ, что впечатлѣніе отъ неизвѣстнаго заранѣе слова вызываетъ по ассоціаціи опредѣленную «идею» приблизительно черезъ $^5/_6$ секунды. Затѣмъ Вундтъ производилъ опыты, въ которыхъ «подавалъ реплику» ассистентъ, выкрикивая односложныя слова. Подвергаемый эксперименту долженъ былъ въ моментъ образованія въ умѣ ассоціаціи съ произнесеннымъ словомъ нажимать извѣстный клавишъ.

При этомъ были хронографически отмѣчены моментъ появленія слова и моментъ наступленія реакціи; весь промежутокъ времени между двумя отмѣтками оказался у четырехъ экспериментаторовъ равнымъ: 1,009 секундамъ, 0,896 сек., 1,037 сек. и 1,154 сек. Для полученія истиннаго времени, необходимаго для ассоціаціи, нужно вычесть изъ этихъ временныхъ промежутковъ простое время реакціи и время, необходимое для воспризнанія звуковъ слова («время апперцепціи» по Вундту). Разность, названная Вундтомъ *временемъ ассоціаціи*, получилась у четырехъ экспериментаторовъ равною: 706, 723, 752 и 874 тысячнымъ секунды. Крупность послѣдней цифры была обусловлена тѣмъ, что испытуемымъ субъектомъ былъ американецъ, для котораго, понятно, было труднѣе получить ассоціацію съ нѣмецкимъ словомъ, чѣмъ для нѣмцевъ. Самое короткое время ассоціаціи, равное 0,341 сек., Вундтъ получилъ при словѣ «Sturm», которое вызвало въ его умѣ слово «Wind». Проф. Каттель сообщаетъ интересныя измѣренія времени ассоціацій между видомъ буквъ и ихъ названіями. «Я наклеилъ рядъ буквъ, разсказываетъ онъ, на боковую поверхность вращающагося около оси цилиндра и, глядя на нихъ сквозь отверстіе въ экранѣ, старался опредѣлить, съ какою скоростью можно ихъ читать вслухъ». Онъ нашелъ, что скорость эта измѣнялась въ зависимости отъ того, была ли видима одна буква заразъ черезъ отверстіе въ экранѣ, или можно было сразу видѣть ихъ нѣсколько, и показалъ, что нужно $^1/_2$ секунды для того, чтобы различить и назвать одну букву, видимую отдѣльно отъ другихъ. Скорость чтенія извѣстнаго человѣка есть, конечно, въ тоже время скорость, съ которою совершаются его ассоціаціи, такъ какъ каждое написанное слово должно во всякомъ случаѣ вызвать у него по ассоціаціи свое названіе для того, чтобы быть прочтеннымъ. «Я нахожу, говоритъ проф. Каттель, что требуется вдвое больше времени для того, чтобы прочитать вслухъ какъ можно скорѣе безсвязный рядъ словъ, чѣмъ для того, чтобы прочитать рядъ словъ, составляющихъ осмысленныя фразы, и вдвое больше времени для того, чтобы прочитать безсвязный рядъ буквъ, чѣмъ для того, чтобы прочитать рядъ словъ. Когда читаемыя слова образуютъ фразы, а буквы — слова, то не только процессы воспризнанія и произнесенія сливаются, но испытуемый субъектъ можетъ даже съ помощью одного усилія

Digitized by Google

ума сразу охватить цѣлую группу словъ или буквъ и съ помощью одного волевого акта сразу вызвать движенія, необходимыя для произнесенія ихъ, такъ что предѣломъ скорости, съ которою мы читаемъ слова и буквы, въ сущности служитъ максимальная скорость, съ какою могутъ двигаться органы рѣчи... Такъ, напримѣръ, авторъ, читая какъ можно скорѣе на различныхъ языкахъ, успѣвалъ прочитывать одно слово—по англійски въ 0,138 сек., по французски въ 0,167 сек., по нѣмецки въ 0,250 сек., по итальянски въ 0,327 сек., по латыни въ 0,434 сек. и по гречески въ 0,484 сек. Опыты другихъ замѣчательно точно подтвердили эти результаты. Испытуемый субъектъ не знаетъ, что онъ читаетъ на иностранномъ языкѣ медленнѣе, чѣмъ на своемъ; этимъ объясняется, почему намъ кажется, будто иностранцы говорятъ такъ скоро...

«Такимъ же путемъ можно было опредѣлить время, необходимое для воспріятія и называнія цвѣтовъ и изображеній предметовъ. Оказалось, что это время (нѣсколько болѣе $^1/_2$ секунды) для цвѣтовъ и для рисунковъ—одинаковой длины: приблизительно вдвое дольше, чѣмъ при опытахъ надъ словами и буквами. Другими опытами я показалъ, что мы узнаемъ цвѣтъ или рисунокъ въ меньшій промежутокъ времени, чѣмъ слово или букву, но зато для называнія первыхъ требуется больше времени. Это происходитъ оттого, что при чтеніи буквъ и словъ ассоціаціи между видомъ объектовъ и называніемъ происходили столь часто, что процессъ сдѣлался автоматическимъ, между тѣмъ какъ при разсматриваніи цвѣтовъ и картинъ мы должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пріискивать названіе съ помощью волевого усилія».

Д-ръ Ромэнсъ нашелъ «поразительную разницу въ максимумѣ скорости, съ какою могли читать отдѣльные индивиды, изъ которыхъ всѣ отличались большою начитанностью. Отношеніе скоростей можетъ доходить до 4 : 1, иначе говоря, въ данный промежутокъ времени одинъ субъектъ можетъ прочитать вчетверо больше, чѣмъ другой. Кромѣ того, повидимому, нѣтъ никакого прямого отношенія между медленностью чтенія и способностью усвоить прочтенное; наоборотъ, когда всѣ усилія читающаго направлены на то, чтобы усвоить въ данный промежутокъ времени какъ можно больше, читающіе быстро (какъ это можно было видѣть изъ сдѣланныхъ ими письменныхъ замѣтокъ) давали обыкновенно лучшій отчетъ о содержаніи прочтеннаго отдѣла или параграфа, сравнительно съ читающими медленно; быстрѣе читающіе, какъ я замѣтилъ, всего лучше усвоиваютъ прочитанное». «Затѣмъ я долженъ замѣтить, говоритъ далѣе д-ръ Ромэнсъ, что между опредѣленной такимъ путемъ скоростью воспріятія и умственной активностью, выражающейся въ общихъ результатахъ умственнаго труда, нѣтъ никакого опредѣленнаго отношенія; производя многочисленные эксперименты надъ лицами, весьма выдающимися въ научной и литературной сферѣ, я нашелъ, что большинство изъ нихъ читаетъ медленно».

Digitized by Google

Степень напряженности вниманія оказываетъ также значительное вліяніе на время реакціи. Все, что разсѣеваетъ, смущаетъ или безпокоитъ насъ до подачи сигнала или въ моментъ его появленія, непосредственно оказываетъ замедляющее дѣйствіе на реакцію.

Сложеніе стимуловъ. Во всей области нервныхъ центровъ господствуетъ слѣдующій законъ: *Стимулъ, который самъ по себѣ неспособенъ вызвать въ нервномъ центрѣ разрядъ, можетъ вызвать послѣдній, дѣйствуя одновременно съ другими стимулами, въ отдѣльности столь же безсильными, какъ и онъ.* Здѣсь всего естественнѣе предположить, что напряженія нервныхъ токовъ слагаясь въ концѣ-концовъ преодолѣваютъ препятствія къ разряду. Первый токъ вызываетъ въ нервномъ центрѣ «внутреннее возбужденіе» или «повышенную раздражительность»; послѣдній является каплей, переполняющей чашу. Это можно доказать рядомъ физіологическихъ опытовъ, о которыхъ нѣтъ надобности говорить здѣсь; но и внѣ физіологической лабораторіи въ обыденной жизни постоянно приходится наблюдать законъ сложенія стимуловъ. Если лошадь, везущая омнибусъ, заупрямилась и не хочетъ ѣхать, то обыкновенно, послѣ ряда тщетныхъ усилій сдвинуть ее съ мѣста, примѣняютъ нѣсколько стимуловъ заразъ. Если кучеръ кричитъ на лошадь и дергаетъ за возжи, кто-нибудь изъ стоящихъ на улицѣ тянетъ ее подъ уздцы, другой хлещетъ по ногамъ, въ это-же время пассажиры, выйдя изъ вагона, начинаютъ его пихать сзади, а кондукторъ звонитъ въ колокольчикъ, то обыкновенно упрямое животное трогается съ мѣста и продолжаетъ свой путь. Припоминая позабытое имя или фактъ, мы стараемся вызвать въ памяти какъ можно болѣе связанныхъ съ нимъ обстоятельствъ, такъ чтобы всѣ они въ совокупности напомнили то, чего каждое въ отдѣльности не въ силахъ напомнить. Нерѣдко животное, при видѣ мертвой добычи, не бросается на нее, но, замѣтивъ въ добычѣ движеніе, тотчасъ пускается ее преслѣдовать. «Брюкке нашелъ, что лишенная мозга курица, не пытающаяся подбирать зеренъ, лежащихъ передъ самыми ея глазами, начинаетъ клевать ихъ, если съ силою бросать зерна на землю, вызывая такимъ образомъ извѣстнаго рода шумъ». «Д-ръ Алленъ Томсонъ заставлялъ цыплятъ вылупляться изъ яицъ на коврѣ, на которомъ держалъ ихъ послѣ того нѣсколько дней, причемъ они не обнаруживали никакой наклонности скрести коверъ.... но, когда д-ръ Томсонъ насыпалъ на коверъ небольшую кучку земли, цыплята немедленно принялись ее раскапывать». Появленіе неизвѣстнаго лица и темнота суть стимулы страха и безпокойства для собакъ (а черезъ нихъ и для людей). Ни то, ни другое обстоятельство въ отдѣльности не могутъ вызвать внѣшнія проявленія этого страха, но то и другое вмѣстѣ, т. е. появленіе неизвѣстнаго лица въ темнотѣ вызываютъ въ собакѣ сильнѣйшую тревогу. Уличные торговцы хорошо знаютъ практическую сторону

Digitized by Google

закона сложенія стимуловъ, располагаясь въ рядъ по той аллеѣ, гдѣ гуляетъ публика, и, благодаря послѣдовательному ряду зазываній, прохожій покупаетъ у послѣдняго въ рядѣ то, чего не хотѣлъ покупать у перваго.

Притокъ крови къ мозгу. Электрическое раздраженіе любой части мозговой коры вноситъ измѣненія въ кровообращеніе и дыханіе. Какую бы часть коры мы ни стали раздражать, результатомъ, въ видѣ общаго правила, является повышеніе кровянаго давленія во всемъ тѣлѣ, особенно же чувствительною въ этомъ отношеніи является «двигательная зона». При этомъ также наблюдается ускореніе или замедленіе сердцебіенія. Моссо при помощи своего «плетизмографа» нашелъ, что притокъ крови къ рукамъ при умственной дѣятельности уменьшается, а напряженіе артерій (указываемое сфигмографомъ), въ этихъ членахъ, увеличивается (см. рис. 50-й). Даже слабое впечатлѣніе, вызванное появленіемъ проф. Людвига въ лабораторіи, немедленно сопровождалось сморщеніемъ рукъ. Самый мозгъ представляетъ органъ, чрезвычайно обильный сосудами, въ сущности, это — губка, наполненная кровью; Моссо съ помощью другого своего изобрѣтенія показалъ, что чѣмъ менѣе притекаетъ крови къ ногамъ, тѣмъ болѣе притекаетъ къ головѣ. Испытуемаго кладутъ на чувствительный къ измѣненіямъ тяжести столъ, наклоняющійся то къ головѣ, то къ ногамъ лежащаго, въ зависимости отъ перемѣщенія центра тяжести. Когда у лежащаго начинался эмоціональный или интеллектуальный процессъ, головной конецъ стола наклонялся вслѣдствіе перераспредѣленія крови въ кровеносной системѣ испытуемаго субъекта. Но лучшимъ доказательствомъ существованія притока крови къ мозгу во время психической дѣятельности служатъ наблюденія Моссо надъ тремя лицами, у которыхъ мозгъ былъ обнаженъ, благодаря поврежденіямъ черепа. Съ помощью прибора, описаннаго въ его книгѣ, этотъ физіологъ нашелъ возможнымъ автоматически отмѣчать пульсацію крови въ мозгу графическимъ способомъ. Кровяное давленіе внутри черепа сейчасъ же увеличивалось, какъ только къ паціенту обращались съ рѣчью, или какъ только онъ начиналъ усиленно думать, напримѣръ, рѣшать ариѳметическую задачу. Моссо въ своемъ трудѣ приводитъ много копій кривыхъ, показывающихъ, какъ быстро измѣняется притокъ крови при малѣйшемъ измѣненіи психической активности независимо отъ того, какою причиною вызвано это измѣненіе — эмоціональной или интеллектуальной. Онъ разсказываетъ, что однажды, наблюдая пульсацію крови у одной паціентки, онъ замѣтилъ въ получившейся кривой внезапное рѣзкое повышеніе, не мотивированное, повидимому, никакими внѣшними или внутренними причинами. Только впослѣдствіи паціентка его созналась, что въ моментъ повышенія кривой она увидѣла въ комнатѣ на шкафу черепъ, и это слегка испугало ее.

Digitized by Google

Измѣреніе температуры мозга. Дѣятельность мозга, повидимому, сопровождается мѣстнымъ освобожденіемъ тепла. Самымъ раннимъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ по этому вопросу была работа д-ра Дж. С. Ломбарда, появившаяся въ 1867-мъ году. Онъ наблюдалъ измѣненія температуры съ помощью чувствительныхъ термометровъ и электрическихъ баттарей, помѣщенныхъ около черепа живого человѣка, и нашелъ, что всякое умственное усиліе (напримѣръ, при счетѣ, при сочиненіи, при чтеніи стиховъ вслухъ и про себя), и въ особенности всякое эмоціональное волненіе, какова, напримѣръ, вспышка гнѣва, вызываютъ общую перемѣну температуры, которая рѣдко превышаетъ одинъ градусъ Фаренгейта. Въ 1870-мъ году неутомимый Шиффъ снова занялся этимъ вопросомъ; онъ производилъ опыты надъ живыми собаками и курами, погружая въ ихъ мозгъ термоэлектрическія иголки. Пріучивъ ихъ выносить до нѣкоторой степени подобную операцію, онъ вызывалъ въ животныхъ различныя ощущенія: зрительныя, осязательныя, обонятельныя и слуховыя. Въ этихъ опытахъ онъ нашелъ весьма правильныя измѣненія мозговой температуры. Такъ, напримѣръ, поднося пустой свертокъ бумаги къ носу своей неподвижно лежащей собаки, онъ замѣчалъ небольшое измѣненіе въ температурѣ мозга; гораздо большее измѣненіе получалось, когда вмѣсто пустого свертка онъ давалъ нюхать собакѣ кусокъ мяса, завернутый въ бумагу. На основаніи этихъ и другихъ опытовъ Шиффъ замѣчалъ, что активность органовъ чувствъ нагрѣваетъ мозговыя ткани, но онъ при этомъ не пытался точно локализировать повышеніе температуры, ограничившись установленіемъ того общаго факта, что при любомъ воздѣйствіи на органы чувствъ температура въ обоихъ полушаріяхъ повышается. Въ 1880-мъ году д-ръ Амидонъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ въ изслѣдованіи этого вопроса, точно локализировавъ повышенія температуры, вызываемыя произвольными сокращеніями мускуловъ. Прикрѣпляя къ внѣшней поверхности черепа одновременно нѣсколько весьма чувствительныхъ поверхностныхъ термометровъ, онъ нашелъ, что при непрерывномъ сокращеніи извѣстныхъ мускуловъ въ продолженіе 10 минутъ и долѣе температура въ различныхъ частяхъ черепа повышалась; что центры повышенія температуры можно точно опредѣлить, и что при этомъ подъемъ температуры значительно превышалъ 1^0 Фаренгейта. Эти центры онъ нашелъ до извѣстной степени совпадающими съ моторными центрами для соотвѣтствующихъ движеній, которые были найдены Феррье и другими совершенно инымъ путемъ.

Фосфоръ и мысль. Принимая во вниманіе обиліе ходячихъ глупостей объ отношеніи между мыслію и фосфоромъ въ мозгу, скажу два слова по этому поводу. «*Ohne Phosphor, kein Gedanke*» — вотъ знаменитый боевой крикъ матеріалистовъ въ моментъ живого обсужденія этого вопроса въ Германіи въ 60-хъ годахъ. Мозгъ,

Digitized by Google

какъ и другіе органы тѣла, заключаетъ въ себѣ десятка два химическихъ элементовъ, въ томъ числѣ и фосфоръ. Почему физіологамъ вздумалось выставлять фосфоръ основнымъ элементомъ мозга, это одному Аллаху извѣстно! Можно съ неменьшимъ правомъ сказать: «*Ohne Wasser, kein Gedanke*» или: «*Ohne Kochsalz, kein Gedanke*», ибо мысль остановилась бы такъ же быстро, если бы мозгъ высохъ или потерялъ свой NaCl, какъ если бы онъ потерялъ свой фосфоръ. Въ Америкѣ фосфороманія выражалась въ неизмѣнномъ цитированіи (вѣрномъ или невѣрномъ — это другой вопросъ) словъ, якобы сказанныхъ проф. Агассисомъ, будто рыбаки обыкновенно бываютъ интеллигентнѣе фермеровъ, потому что они постоянно питаются рыбой, въ которой много фосфора. Все это факты весьма сомнительные.

Есть только одинъ прямой способъ выяснить значеніе фосфора для мысли; именно, для этого нужно доказать, что во время умственной дѣятельности мозгъ всего болѣе выдѣляетъ фосфору. Къ несчастію, прямо доказать этого нельзя, можно только измѣрять количество PO_5 въ мочѣ, и этотъ методъ неоднократно примѣнялся различными экспериментаторами, изъ которыхъ одни нашли, что при умственныхъ процессахъ количество фосфатовъ въ мочѣ увеличивается, другіе—что оно уменьшается. Въ концѣ-концовъ никакого опредѣленнаго отношенія установить здѣсь не оказалось возможнымъ. У маніаковъ во время ихъ припадковъ, повидимому, фосфоръ выдѣляется въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно. Во время сна его выдѣляется болѣе, чѣмъ во время бодрствованія. Тотъ фактъ, что фосфорные препараты помогаютъ при нервномъ истощеніи, еще нисколько не выясняетъ для насъ значенія фосфора для умственной дѣятельности. Подобно желѣзу, мышьяку и другимъ лѣкарствамъ, онъ представляетъ возбудительное или тоническое средство, о внутреннемъ вліяніи котораго на нервную систему мы рѣшительно ничего не знаемъ, но которое въ тѣхъ весьма немногихъ случаяхъ, когда его прописываютъ больнымъ, приноситъ пользу.

«Поклонники фосфора» въ сферѣ философіи часто приравнивали процессъ мышленія физіологическимъ выдѣленіямъ. «Мозгъ выдѣляетъ мысль такъ же, какъ почки—мочу, а печень—желчь»—вотъ фраза, которую иногда случается слышать. Едва ли нужно указывать на несостоятельность проводимой въ ней аналогіи. Вещества, которыя мозгъ *выдѣляетъ* въ кровь (холестеинъ, креатинъ, ксантинъ и другіе), представляютъ аналогію съ мочей и желчью, будучи дѣйствительно вполнѣ матеріальными выдѣленіями. Въ этомъ отношеніи мозгъ представляетъ извѣстнаго рода сплошную железу. Но въ дѣятельности почекъ и печени мы не знаемъ ровно ничего такого, что можно было бы, хотя бы въ самомъ отдаленномъ отношеніи, сравнивать съ потокомъ мысли, сопровождающимъ выдѣленія мозговыхъ веществъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Привычка.

Важное ея значеніе въ психологіи. Намъ остается разсмотрѣть столь важное общее условіе нервной дѣятельности, что ему слѣдуетъ посвятить особую главу—именно, способность нервныхъ центровъ, въ особенности полушарій, къ пріобрѣтенію привычекъ. *Съ физіологической точки зрѣнія, пріобрѣтенная привычка есть не что иное, какъ образованіе въ мозгу новаго пути разряда, по которому извѣстные приносящіе нервные токи стремятся всегда впослѣдствіи уходить.* Это положеніе представляетъ основную тему настоящей главы; въ дальнѣйшихъ главахъ съ преобладаніемъ психологическаго содержанія мы увидимъ, что такія психическія функціи, какъ ассоціація идей, воспріятіе, память, мышленіе, воспитаніе воли etc., всего лучше могутъ быть объяснены, какъ результаты образованія именно такихъ новыхъ путей разряда.

Въ основаніи привычки лежитъ физическій законъ. Если мы попытаемся опредѣлить, что такое привычка, то увидимъ, что она представляетъ нѣчто, связанное съ основными свойствами матеріи. Законы природы суть не что иное, какъ неизмѣнныя привычки, которымъ слѣдуютъ, взаимодѣйствуя другъ на друга, различные основные виды матеріи. Впрочемъ, въ организованномъ мірѣ привычки отличаются гораздо большимъ разнообразіемъ. Даже инстинкты проявляются у различныхъ индивидовъ въ различной формѣ и, какъ мы увидимъ ниже, у того же индивида измѣняются въ отдѣльныхъ случаяхъ. Съ точки зрѣнія атомистической философіи, привычки, свойственныя элементарной частицѣ матеріи, неизмѣнны, потому что сама эта частица неизмѣнна; но привычки въ сложныхъ массахъ матеріи могутъ измѣняться, ибо эти массы состоятъ въ свою очередь изъ сложныхъ соединеній, которыя отъ времени до времени могутъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ или внутреннихъ напряженій совершенно измѣниться по своему строенію въ нѣчто новое. Это возможно въ томъ случаѣ, когда данное тѣло настолько пластично, что можетъ сохранить неизмѣнной свою внѣшнюю форму, не смотря на измѣненія въ своемъ внутреннемъ строеніи. Измѣненія въ строеніи въ данномъ случаѣ не распространяются на внѣшнюю форму

Digitized by Google

тѣла: они могутъ быть молекулярнаго невидимаго свойства, такъ бываетъ, когда, напримѣръ, кусокъ желѣза намагничивается или кристаллизуется подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ причинъ, когда индѣйская резина становится рыхлой, или когда гипсъ «ссѣдается». Всѣ эти измѣненія происходятъ довольно медленно; тѣла, подвергающіяся измѣненію, оказываютъ модифицирующей ихъ строеніе причинѣ извѣстное сопротивленіе, которое послѣдняя преодолѣваетъ лишь постепенно, съ теченіемъ времени, и эта постепенность измѣненія нерѣдко спасаетъ тѣло отъ полнаго разрушенія. Когда въ строеніи тѣла произошло извѣстное измѣненіе, прежняя инертность тѣла становится условіемъ его относительнаго постоянства въ новой формѣ, и тогда тѣло начинаетъ проявлять новыя привычки. Слѣдовательно, подъ *пластичностью* тѣла, въ широкомъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ разумѣть обладаніе строеніемъ, уступчивымъ вліянію внѣшнихъ причинъ, но не настолько уступчивымъ, чтобы поддаться этому вліянію сразу. Въ тѣлѣ съ такимъ строеніемъ каждая относительно-устойчивая фаза равновѣсія характеризуется тѣмъ, что мы называемъ новымъ комплексомъ привычекъ. Органическое вещество, въ особенности нервная ткань, повидимому, въ необыкновенно-сильной степени одарено такого рода пластичностью, такъ что мы можемъ не колеблясь выставить въ качествѣ перваго нашего положенія слѣдующее: *явленія привычки въ одушевленныхъ существахъ обусловлены пластичностью органическихъ веществъ, входящихъ въ составъ ихъ тѣлъ.*

Итакъ, философскій анализъ привычки представляетъ на первыхъ порахъ скорѣе отдѣлъ физики, чѣмъ физіологіи или психологіи. Всѣ наиболѣе выдающіеся писатели по этому вопросу соглашаются въ томъ, что въ основаніи привычки лежитъ физическій законъ. Нѣкоторые изъ нихъ проводятъ аналогію между пріобрѣтенными привычками и нѣкоторыми свойствами неорганизованнаго вещества. Вотъ что пишетъ по поводу этого Леонъ Дюмонъ:

«Всякій знаетъ, что платье, будучи нѣсколько времени поношено, тѣснѣе пристаетъ къ формамъ тѣла, чѣмъ когда оно съ иголочки: отъ носки въ ткани платья произошли измѣненія, которыя образовали новую «привычку» сцѣпленія. Новый замокъ дѣйствуетъ хуже, чѣмъ замокъ, побывавшій въ употребленіи: въ новомъ нужно не безъ усилія преодолѣвать нѣкоторую грубоватость механизма. Это преодолѣваніе сопротивленія есть пріученіе. Легче свернуть листъ бумаги, который уже былъ свернутъ....., совершенно такъ же и въ нервной системѣ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ объектовъ прокладываютъ для себя все болѣе и болѣе удобные пути, и эти жизненные процессы, будучи на нѣкоторое время прерваны, снова возникаютъ, какъ только имѣются на лицо аналогичныя внѣшнія раздраженія».

Digitized by Google

Но это наблюдается не на одной только нервной системѣ. Рубецъ на любомъ мѣстѣ представляетъ *locus minoris resistentiae* (мѣсто наименьшаго сопротивленія), онъ скорѣе стирается, воспаляется, чувствительнѣе къ холоду и жару, чѣмъ сосѣднія части кожи. Разъ вывихнутая рука или лодыжка всегда рискуютъ снова быть вывихнутыми; связки, которыя хоть разъ были поражены ревматизмомъ или подагрой, слизистая оболочка, бывшая однажды мѣстомъ катарральнаго страданія, при каждомъ новомъ возвратѣ болѣзни отличаются все большею и большею воспріимчивостью къ болѣзненному процессу, пока, наконецъ, болѣзненное состояніе не сдѣлается въ нихъ постояннымъ. Хорошо извѣстно, какъ много такъ называемыхъ функціональныхъ разстройствъ въ нервной системѣ, повидимому, все болѣе и болѣе укореняется единственно потому, что имъ однажды случилось возникнуть, и какъ часто бываетъ достаточно энергичныхъ мѣръ, принятыхъ врачомъ противъ первыхъ припадковъ болѣзни, чтобы сообщить физіологическимъ процессамъ достаточно силъ для возстановленія нормальныхъ функцій органа. Такъ бываетъ при эпилепсіяхъ, невральгіяхъ, всевозможныхъ судорожныхъ припадкахъ, безсонницѣ etc. На укорененіи привычекъ всего яснѣе можно видѣть, какъ велика разница между безучастнымъ наблюденіемъ возрастающей вредной наклонности и успѣшнымъ леченіемъ жертвъ вредныхъ увлеченій путемъ отученія, леченіемъ, показывающимъ, въ какой степени болѣзненныя явленія обусловливались простою инертностью нервныхъ органовъ, послѣ того какъ ихъ функціи стали отправляться неправильно.

Привычки обусловлены образованіемъ путей черезъ нервные центры. Если привычки обусловлены пластичностью, воспріимчивостью нервнаго вещества къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, то легко опредѣлить, каковы должны быть эти впечатлѣнія. Ни къ механическому давленію, ни къ перемѣнамъ температуры, ни къ какимъ бы то ни было силамъ, воздѣйствующимъ на другіе органы тѣла, нервная система не воспріимчива, ибо, какъ мы видѣли на стр. 7-й, природа такъ обвертѣла и прикрыла мозгъ со всѣхъ сторонъ оболочками, что на него вліяютъ только притокъ крови, да впечатлѣнія, воспринимаемыя корнями чувствительныхъ нервовъ; черезъ послѣдніе въ мозгъ проникаетъ безконечное множество чрезвычайно тонкихъ токовъ, къ которымъ полушарія особенно чувствительны. Нервный токъ, проникнувъ въ мозгъ, ищетъ выхода. Выходя онъ оставляетъ на своемъ пути слѣдъ. Короче говоря, нервные токи *могутъ* только углублять прежніе пути или прокладывать новые, а пластичность мозга выражается только въ томъ, что онъ представляетъ собою органъ, въ которомъ токи, проникая отъ органовъ чувствъ, съ чрезвычайною легкостью оставляютъ долго не изглаживающіеся слѣды. Ибо, конечно, простая привычка,

Digitized by Google

какъ и всякій другой нервный процессъ, напримѣръ, привычка говорить въ носъ, или класть руки въ карманы, или грызть ногти, въ качествѣ автоматическаго акта, есть не что иное, какъ рефлекторный разрядъ, анатомическимъ субстратомъ котораго является извѣстный путь въ нервной системѣ. Ниже мы будетъ имѣть случай вполнѣ убѣдиться, что и самыя сложныя привычки, съ этой точки зрѣнія, являются простою *цѣпью* разрядовъ въ нервныхъ центрахъ, образующейся благодаря существованію въ нихъ системы рефлекторныхъ путей, которые такъ устроены, что рефлексъ послѣдовательно передается отъ одного пути къ другому, причемъ впечатлѣніе, вызванное однимъ сокращеніемъ мускуловъ, служитъ стимуломъ для другого сокращенія, пока, наконецъ, послѣднее впечатлѣніе не замкнетъ цѣпи.

Необходимо замѣтить, что наростаніе измѣненій въ строеніи живой матеріи совершается скорѣе, чѣмъ въ строеніи неорганизованнаго вещества, потому что постоянное обновленіе вещества при питаніи въ организованной матеріи, замѣняя прежнюю ткань съ воспринятыми впечатлѣніями новою, скорѣе способствуетъ закрѣпленію воспринятыхъ мозгомъ модификацій, чѣмъ противодѣйствуетъ имъ. Такъ, напримѣръ, послѣ упражненія нашихъ мускуловъ или нашего мозга въ какомъ-нибудь новомъ направленіи, мы чувствуемъ себя не въ силахъ продолжать въ томъ же направленіи, но черезъ день или два, опять принявшись за непривычную работу, нерѣдко бываемъ удивлены своими успѣхами. Учась запоминать мелодіи, я нерѣдко наблюдалъ на себѣ это психологическое явленіе; оно побудило одного нѣмецкаго писателя сказать, что зимой мы учимся плавать, а лѣтомъ—кататься на конькахъ.

Практическое значеніе привычки: 1) *Привычка упрощаетъ наши движенія, дѣлаетъ ихъ болѣе точными и уменьшаетъ вызываемую ими усталость.*

Человѣкъ рождается со стремленіемъ производить такое количество дѣйствій, для котораго у него не хватаетъ готовыхъ приспособленій въ нервныхъ центрахъ. У другихъ животныхъ большая часть этихъ дѣйствій отъ рожденія автоматична. Но у взрослаго человѣка автоматическихъ приспособленій такая масса, что большая часть ихъ должна была быть выработана путемъ тяжелаго труда. Если бы наши дѣйствія отъ упражненія не совершенствовались, а привычка не сокращала бы расхода нервной и мускульной энергіи, то положеніе человѣка было бы весьма печальнымъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Маудсли (Maudsley *).

«Если бы дѣйствія не становились легче при повтореніи, если бы при каждомъ повтореніи того же дѣйствія нужно было снова

*) The physiology of Mind p. 155.

Digitized by Google

и снова тщательное руководство сознанія, то, очевидно, никакой прогрессъ въ развитіи не былъ бы возможенъ, и вся наша житейская дѣятельность ограничивалась бы однимъ-двумя актами.

При такихъ условіяхъ человѣкъ могъ бы по цѣлымъ днямъ одѣваться и раздѣваться, сосредоточивать на своемъ туалетѣ все вниманіе и всю энергію; вымыть руки или застегнуть пуговицу ему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было бы такъ же трудно, какъ ребенку бываетъ трудно сдѣлать это въ первый разъ. Въ концѣ-концовъ онъ былъ бы измученъ рядомъ безсильныхъ попытокъ. Подумайте о томъ трудѣ, съ какимъ учатъ ребенка держаться на ногахъ, о тѣхъ усиліяхъ, которыя ему на первыхъ порахъ приходится для этого дѣлать, и о той легкости, съ какою онъ можетъ въ концѣ-концовъ стоять, не чувствуя никакихъ усилій. Ибо, между тѣмъ какъ вторично-автоматическіе акты сопровождаются сравнительно небольшимъ утомленіемъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ органическимъ или къ первично-автоматическимъ движеніямъ, сознательныя усилія воли быстро утомляютъ насъ. Спинной мозгъ... безъ памяти былъ бы спиннымъ мозгомъ идіота. Для индивида становится яснымъ, сколь многимъ онъ обязанъ автоматической дѣятельности своего организма, только тогда, когда болѣзнь подорветъ функціи послѣдней».

2) *Привычка уменьшаетъ сознательное вниманіе, съ которымъ совершаются наши дѣйствія.*

Это можно схематически пояснить слѣдующимъ образомъ: если для выполненія извѣстнаго акта нуженъ послѣдовательный рядъ нервныхъ процессовъ: A, B, C, D, E, F, G. etc., то, выполняя этотъ актъ впервые, мы должны выбирать каждый элементъ этого ряда изъ извѣстнаго числа болѣе или менѣе подходящихъ альтернативъ, какія только намъ представляются; но при повтореніи акта привычка заставляетъ каждый элементъ въ рядѣ неизмѣнно вызывать слѣдующій за нимъ безъ появленія нѣсколькихъ альтернативъ, изъ которыхъ сознательная воля дѣлала бы выборъ, пока, наконецъ, при каждомъ появленіи элемента *A* остальной рядъ элементовъ не будетъ тотчасъ же слѣдовать въ неизмѣнномъ порядкѣ, какъ будто бы они представляли одно непрерывное измѣненіе. Учась ходить, ѣздить верхомъ, плавать, кататься на конькахъ, писать, играть на музыкальномъ инструментѣ или пѣть, мы на каждомъ шагу задерживаемъ свою работу массою ненужныхъ движеній или фальшивыхъ нотъ. Наоборотъ, лицо, хорошо владѣющее какимъ-нибудь искусствомъ, достигаетъ цѣли минимальною затратой мускульнаго усилія: движенія слѣдуютъ одно за другимъ, повинуясь мгновенному импульсу. Мѣткій стрѣлокъ прицѣливается и застрѣливаетъ птицу, еще не успѣвъ вполнѣ опредѣлить ее. Бѣглаго взгляда на противника, одного удара его рапиры для фехтовальщика достаточно, чтобы мгно-

Digitized by Google

венно отпарировать ударъ и нанести противнику новый. Піанистъ бросаетъ бѣглый взглядъ на музыкальные іероглифы—и мигомъ изъ подъ его пальцевъ начинаютъ струиться потоки звуковъ. При этомъ, благодаря привычкѣ, съ теченіемъ времени и нецѣлесообразныя дѣйствія, такъ же какъ и цѣлесообразныя, становятся непроизвольными. Кому не случалось, снявъ жилетъ днемъ, начать заводить часы, по привычкѣ заводить ихъ каждый вечеръ, раздѣваясь передъ сномъ, или, прійдя ко входнымъ дверямъ въ квартирѣ знакомаго, вынуть изъ кармана свой passe-partout? Случалось, что лица, уходившія въ спальню переодѣться передъ обѣдомъ, согласно англійскому обычаю, по разсѣянности раздѣвались и ложились въ постель только потому, что къ такому результату приводили первые движенія при раздѣваніи въ болѣе поздній часъ. У всѣхъ насъ есть опредѣленная манера совершать нашъ ежедневный туалетъ, открывать и закрывать хорошо знакомые намъ ящики въ шкафахъ и т. п., но наши высшіе центры мысли не принимаютъ въ этихъ процессахъ почти никакого участія. Немногіе въ состояніи сказать, съ котораго носка или башмака они начинаютъ обуваться. Чтобы отвѣтить на это, они должны мысленно представить себѣ процессъ обуванья, но иногда и этого не бываетъ достаточно и приходится *повторить* самый актъ обуванія. Я не могу *дать отвѣтъ* на вопросы: которая половинка вашихъ ставенъ открывается первая? или: въ какую сторону отворяется ваша дверь? но *рука* моя, отпирая ихъ, никогда не ошибется. Никто не въ состояніи описать тотъ послѣдовательный рядъ дѣйствій, при помощи которыхъ онъ причесываетъ свои волосы или чиститъ зубы, а между тѣмъ очень вѣроятно, что послѣдовательность этихъ дѣйствій у каждаго изъ насъ довольно постоянна.

Эти данныя можно свести къ слѣдующимъ соображеніямъ:

Въ дѣйствіяхъ, сдѣлавшихся привычными, каждое новое мускульное сокращеніе вызывается въ опредѣленномъ порядкѣ вслѣдъ за другими не актомъ мысли или воспріятія, но *ощущеніемъ непосредственно предшествовавшаго мускульнаго сокращенія.* Въ то время, какъ волевымъ актомъ въ собственномъ смыслѣ слова руководятъ все время идеи, воспріятія и воленія, актомъ, пріобрѣтеннымъ привычкою, руководитъ достаточно успѣшно простое ощущеніе, а центры мозга, связанные съ психическими процессами высшаго порядка, почти совершенно не принимаютъ въ этихъ актахъ участія. Всего яснѣе это можно видѣть на рис. 51-мъ. Пусть A, B, C, D, E, F, G изображаютъ установившуюся въ силу привычки цѣпь мускульныхъ сокращеній, пусть a, b, c, d, e, f означаютъ ощущенія, вызываемыя этими послѣдовательными сокращеніями. Эти ощущенія обыкновенно локализируются въ движущихся частяхъ, но иногда они возникаютъ при посредствѣ дви-

Digitized by Google

женій уха или глаза. При помощи ихъ и притомъ при помощи только ихъ однихъ, мы узнаемъ, было сокращеніе мускуловъ, или нѣтъ. При усвоеніи ряда *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*, *G*, каждое изъ этихъ ощущеній служитъ для сознанія объектомъ особаго акта вниманія. Прежде чѣмъ перейти отъ одного звена въ цѣпи движеній къ другому, мы при помощи ощущеній провѣряемъ, правильно ли было произведено предшествующее движеніе. Мы колеблемся, сравниваемъ, выбираемъ, отвергаемъ представляющіяся альтернативы дѣйствія, и послѣ этихъ соображеній порядокъ дѣйствій опредѣляется порядкомъ импульсовъ, сообщаемыхъ высшими центрами.

Въ привычномъ дѣйствіи, наоборотъ, единственнымъ сознательнымъ импульсомъ, посылаемымъ изъ высшихъ центровъ, служитъ *начальный стимулъ* движенія. На діаграммѣ онъ обозначенъ буквой *V*. Имъ можетъ быть наша мысль о первомъ движеніи или о конечномъ его результатѣ или просто воспріятіе какого-нибудь внѣшняго условія, постоянно сопровождающаго данный рядъ движеній, напримѣръ, наличность подъ рукой клавіатуры рояля. Въ приведенномъ выше примѣрѣ какъ только сознательная мысль или воленіе повлекли за собой движеніе *A*, послѣднее, давъ о себѣ знать чрезъ ощущеніе *a*, вызываетъ рефлекторнымъ путемъ *B*, затѣмъ *B* при посредствѣ ощущенія *b* вызываетъ *C* и т. д., пока рядъ движеній не закончится, причемъ обыкновенно у испытуемаго субъекта появляется сознаніе конечнаго результата. Послѣднее на діаграммѣ обозначено буквой *G'*, какъ сознательный результатъ движенія *G*, возникшій въ высшихъ центрахъ и потому обозначенный выше линіи простыхъ ощущеній. Чувственныя же впечатлѣнія *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, всѣ исходятъ изъ низшихъ центровъ.

Привычка обусловлена рядомъ ощущеній, конечное назначеніе которыхъ не предвидится нами. Мы назвали *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f* простыми «ощущеніями». Если это ощущенія, то ощущенія, на которыя мы обыкновенно не обращаемъ вниманія; но несомнѣнно въ то же время, что они суть сознательные процессы, а не безсознательные нервные токи, ибо, при нарушеніи ихъ обычнаго порядка, мы тотчасъ же обращаемъ на нихъ вниманіе. По поводу этихъ ощущеній Шнейдеръ высказываетъ нѣсколько соображеній, заслуживающихъ нашего вниманія. «При ходьбѣ, говоритъ онъ, даже въ томъ случаѣ, когда наше вниманіе совершенно отвлечено въ сторону, сомнительно, чтобы мы могли сохранять въ равновѣсіи тѣло, если бы положеніе его абсолютно не ощущалось нами, и чтобы мы могли выдвигать ногу впередъ, не ощутивъ сдѣланнаго нами для этого движенія и абсолютно не сознавъ импульса, необходимаго для того, чтобы пустить ее въ ходъ. Процессъ вязанія кажется, вообще говоря, механическимъ: вязальщица можетъ продолжать вязать и въ тоже время читать или вести оживленный

Digitized by Google

разговоръ. Но, если мы спросимъ ее, какъ это возможно, то едва-ли она отвѣтитъ, что вязаніе совершается само собой. Она скорѣе скажетъ, что сознаетъ этотъ процессъ, что она чувствуетъ его въ рукахъ и знаетъ, какъ именно она должна вязать, и что, въ силу этого, даже въ томъ случаѣ, когда вниманіе отвлечено въ сторону, движенія вязанія вызываются и регулируются ощущеніями, которыя сверхъ того ассоціированы между собой». Въ другомъ мѣстѣ Шнейдеръ говоритъ: «Чтобы пріучить начинающаго скрипача не поднимать праваго локтя, ему даютъ держать подъ мышкой книгу и тѣмъ заставляютъ его крѣпко прижимать верхнюю часть руки къ туловищу. Мускульныя и осязательныя ощущенія, связанныя съ держаніемъ книги, побуждаютъ крѣпко прижимать ее. Но часто при этомъ случается, что ученикъ, направивши все свое вниманіе на чтеніе нотъ, роняетъ книгу. Впрочемъ, позднѣе при большемъ навыкѣ этого никогда не случается: малѣйшее сознаніе прикосновенія книги достаточно, чтобы вызвать импульсъ къ удержанію ея на мѣстѣ, и вниманіе всецѣло можетъ быть поглощено чтеніемъ нотъ и правильнымъ движеніемъ пальцевъ лѣвой руки. *Такимъ образомъ, одновременная комбинація движеній обусловлена прежде всего тою легкостью, съ которою могутъ на ряду съ интеллектуальными процессами совершаться чувственные процессы, не подчиненные контролю вниманія*».

Важность принципа пріученія въ этикѣ и педагогикѣ. «Привычка — вторая природа! Привычка въ десять разъ сильнѣе природы!» говорятъ, воскликнулъ однажды герцогъ Веллингтонъ; и едва-ли кто-нибудь можетъ оцѣнить справедливость этого положенія болѣе, чѣмъ старый ветеранъ. Ежедневное ученіе и годы дисциплины въ концѣ-концовъ навѣки прививаютъ человѣку извѣстныя привычки, налагая новый отпечатокъ почти на весь его образъ жизни.

«Есть анекдотъ, говоритъ проф. Гексли, про который можно сказать «Se non e vero, e ben trovato»: одинъ затѣйливый шутникъ, увидѣвъ, что отставной солдатъ несъ въ рукахъ домой свой обѣдъ, внезапно крикнулъ: На караулъ! и подъ вліяніемъ команды солдатъ инстинктивно вытянулъ руки по швамъ, уронивъ свой горшокъ съ бараниной и картофелемъ въ канаву. Дисциплина въ немъ были доведена до совершенства, и ея результаты навѣки внѣдрились въ нервную систему этого человѣка». Во многихъ сраженіяхъ кавалерійскія лошади, потерявшія сѣдока, согласно показаніямъ очевидцевъ, при звукахъ военныхъ сигналовъ собирались вмѣстѣ и начинали производить привычныя эволюціи. Большинство домашнихъ животныхъ кажутся просто на просто автоматами, которыя не колеблясь и не сомнѣваясь выполняютъ шагъ за шагомъ тѣ обязанности, къ которымъ ихъ пріучили, и при этомъ не заставляютъ предполагать въ ихъ умѣ существова-

Digitized by Google

нія какихъ бы то ни было альтернативъ. Лица, состарѣвшіяся въ темницѣ, когда ихъ освобождали, нерѣдко просили снова заключить ихъ въ тюрьму. Во время одного желѣзнодорожнаго крушенія въ поѣздѣ находился тигръ изъ цирка въ клѣткѣ, которая была при этомъ сломана; тигръ выскочилъ было изъ клѣтки, но тотчасъ же вернулся назадъ, какъ будто новая обстановка смутила его, такъ что снова запереть его не представляло труда.

Привычка играетъ въ общественныхъ отношеніяхъ роль колоссальнаго махового колеса: это самый цѣнный консервативный факторъ въ соціальной жизни. Она одна удерживаетъ всѣхъ насъ въ границахъ законности и спасаетъ «дѣтей фортуны» отъ нападокъ завистливыхъ бѣдняковъ. Она одна побуждаетъ тѣхъ, кто съ дѣтства пріучены жить самымъ тяжелымъ и непріятнымъ трудомъ, не покидать подобнаго рода занятій. Она удерживаетъ рыбака и матроса у моря въ зимнее время; она влечетъ рудокопа во мракъ его шахты и пригвождаетъ деревенскаго жителя на всю зиму къ его деревенскому домику и фермѣ; она предохраняетъ жителей умѣреннаго пояса отъ нападенія обитателей пустынь и полярныхъ странъ. Она принуждаетъ насъ вести житейскую борьбу при помощи того рода дѣятельности, который былъ предопредѣленъ нашими воспитателями или нами самими въ раннюю пору жизни; и, если эта дѣятельность и не по вкусу намъ, мы все же должны стараться выполнять ее наилучшимъ образомъ, такъ какъ только къ ней одной мы способны, а выбирать другой родъ дѣятельности уже слишкомъ поздно. Привычка удерживаетъ отъ смѣшенія различные слои общества. Уже на двадцатипятилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ замѣтна печать его профессіи, будь онъ путешествующій комерсантъ, докторъ, пасторъ или адвокатъ—все равно. Вы подмѣчаете въ немъ проявленіе извѣстныхъ едва уловимыхъ особенностей характера, странностей мысли, предразсудковъ, словомъ, печать профессіи, отъ которой человѣкъ такъ же не можетъ освободиться, какъ не могутъ складки на рукавахъ его сюртука внезапно принять новое расположеніе. Вообще говоря, это къ лучшему: хорошо, что у большинства людей на свѣтѣ къ тридцати годамъ характеръ, подобно высохшему гипсу, становится прочнымъ навсегда. Если періодъ жизни между двадцатью и тридцатью годами есть критическій періодъ для образованія интеллектуальныхъ и профессіональныхъ привычекъ, то возрастъ ниже двадцати лѣтъ имѣетъ еще болѣе важное значеніе для закрѣпленія *личныхъ* привычекъ въ собственномъ смыслѣ слова, каковы интонація голоса и произношеніе, жестикуляція, тѣлодвиженія и ловкость. Лица, изучившія иностранный языкъ послѣ двадцати лѣтъ, почти никогда не говорятъ на немъ безъ иностраннаго акцента. Молодой человѣкъ низкаго происхожденія, попавшій въ высшій кругъ общества,

Digitized by Google

почти никогда не бываетъ въ состояніи отучиться отъ неправильнаго произношенія словъ, которое онъ усвоилъ въ видѣ неразрывныхъ ассоціацій съ идеями въ дѣтскіе годы. Почти никогда, несмотря на обиліе денегъ въ карманѣ, онъ не бываетъ въ состояніи научиться одѣваться, какъ прирожденный аристократъ. Купцы усердно предлагаютъ ему свои товары, какъ настоящему дэнди, но онъ просто не способенъ выбрать себѣ подходящія вещи. Невидимый законъ, столь же сильный, какъ законъ тяготѣнія, удерживаетъ его въ границахъ его орбиты, заставляя его изъ года въ годъ облекаться въ тоже безвкусное платье, и для него навѣки остается загадкой, какъ пріобрѣтаютъ свои вещи тѣ изъ его знакомыхъ, которые одѣваются со вкусомъ.

Такимъ образомъ, въ воспитаніи великое дѣло *сдѣлать нашу нервную систему нашимъ другомъ, а не врагомъ*. Добиться этого— значитъ превратить пріобрѣтенія въ чистыя деньги и жить спокойно на проценты съ капитала. Мы должны для себя по возможности въ самомъ раннемъ возрастѣ сдѣлать привычными какъ можно болѣе полезныхъ дѣйствій и остерегаться, какъ заразы, укорененія въ насъ вредныхъ привычекъ. Чѣмъ болѣе мелкихъ обыденныхъ дѣйствій мы предоставимъ не требующему сознательныхъ усилій контролю автоматизма, тѣмъ болѣе наши высшія духовныя способности будутъ имѣть свободы для своей дѣятельности. Нѣтъ существа болѣе жалкаго, чѣмъ человѣкъ, которому привычна лишь нерѣшительность, и для котораго необходимо особое рѣшеніе воли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда ему надо закурить сигару, выпить стаканъ чаю, лечь спать, подняться съ постели или приняться за новую часть работы. У такого человѣка болѣе половины времени уходитъ на обдумыванія или сожалѣнія о дѣйствіяхъ, которыя должны бы были до такой степени войти ему въ плоть и кровь, что стали бы безсознательными актами. Если подобныя ежедневныя привычки не укоренились прочно въ комъ-нибудь изъ моихъ читателей, пусть онъ сейчасъ же примется ихъ укрѣплять въ себѣ.

Въ одномъ сочиненіи проф. Бэна есть глава «Моральныя привычки», гдѣ по этому поводу высказано нѣсколько прекрасныхъ практическихъ замѣчаній. Въ основаніе его разсужденій положены двѣ правила. Согласно первому, при пріобрѣтеніи какой-нибудь новой привычки или при искорененіи старой мы должны *вооружиться наивозможно болѣе строгой и безповоротной рѣшимостью дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи*. Мы должны обставить себя всѣми возможными условіями, благопріятствующими развитію хорошей привычки, упорно искать обстановки, содѣйствующей ея упроченію, передъ обществомъ возложить на себя обязанности, не совмѣстимыя со старой привычкой, связать себя обязательствомъ, если возможно, словомъ, обставить

Digitized by Google

себя въ слѣдованіи новой привычкѣ всѣми возможными вспомогательными средствами. Все это при началѣ образованія новой привычки создаетъ такую обстановку, благодаря которой соблазнъ нарушить новой режимъ не проявится такъ скоро, какъ это могло бы быть при другихъ условіяхъ, а съ каждымъ новымъ днемъ соблюденія новаго режима, вѣроятность нарушенія его все болѣе и болѣе уменьшается.

Второе правило Бэна слѣдующее: «*Ни разу не отступай отъ соблюденія новой привычки, пока она не вкоренится въ твою жизнь такъ глубоко, что случайное нарушеніе ея не будетъ представлять опасности*». Каждое нарушеніе новой привычки можно сравнить съ паденіемъ шара, висящаго на веревкѣ, которую мы наматываемъ на палку: разъ выпустивъ изъ рукъ наматываемую веревку, мы даемъ шару возможность опуститься на множество оборотовъ. Непрерывность тренировки составляетъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ для того, чтобы сдѣлать непогрѣшимой дѣятельность нервной системы. Вотъ что говоритъ по этому поводу проф. Бэнъ:

«Особенность нравственныхъ привычекъ, отличающая ихъ отъ умственныхъ пріобрѣтеній, заключается въ наличности въ каждой изъ нихъ двухъ враждебныхъ другъ другу силъ, изъ которыхъ одна должна постепенно освободиться отъ гнета другой. Въ этой борьбѣ двухъ противоположныхъ привычекъ мы прежде всего должны стараться не проиграть сраженія. Каждая побѣда дурной привычки уничтожаетъ результаты многихъ побѣдъ хорошей. Такимъ образомъ, при борьбѣ двухъ привычекъ всего важнѣе для насъ предоставить одной изъ нихъ непрерывный рядъ побѣдъ, пока, благодаря ихъ повторенію, она не укрѣпится настолько, чтобы быть въ состояніи успѣшно одолѣвать противоположную привычку при любыхъ условіяхъ. Съ теоретической точки зрѣнія это лучшій путь для умственнаго прогресса».

При пріобрѣтеніи привычки необходимость обезпечить успѣхъ въ самомъ началѣ является настоятельной. Неудача въ началѣ способна парализовать энергію во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ, между тѣмъ какъ сознаніе прошедшаго успѣха подкрѣпляетъ энергію и на будущее время. Когда одинъ не довѣрявшій своимъ силамъ господинъ обратился къ Гете съ вопросомъ, слѣдуетъ ли ему начинать задуманное предпріятіе, Гете отвѣчалъ, что стоитъ только поплевать на руки — и дѣло въ шляпѣ. Эти слова Гете показываютъ, какое впечатлѣніе производила постоянно счастливая карьера Гете на его душевное настроеніе.

Къ разбираемому нами вопросу относится и вопросъ о постепенномъ искорененіи привычки при «отученіи» отъ пьянства и опіоманіи, и лица, занимавшіяся леченіемъ пьяницъ и потребителей опія, расходятся между собой во взглядахъ на способы лече-

Digitized by Google

нія лишь въ деталяхъ, примѣнительно къ индивидуальнымъ особенностямъ паціентовъ. Вообще же говоря, всѣ спеціалисты по этому вопросу сходятся въ томъ, что внезапное пріобрѣтеніе новой привычки всегда ведетъ къ лучшимъ послѣдствіямъ, если только для внезапнаго перерыва въ образѣ жизни представляется какая-нибудь возможность. Мы должны остерегаться подвергать нашу волю слишкомъ тяжелому испытанію, нанося въ самомъ началѣ ударъ вкоренившейся привычкѣ, но, *если паціентъ въ состояніи вынести это испытаніе*, то какъ при отученіи отъ страсти, вродѣ опіоманіи, такъ и просто при перемѣнѣ часовъ вставанія или занятій, всего лучше подвергнуть себя въ началѣ сильному страданію, и, переживъ его, добиться спокойнаго состоянія духа. Поразительно, какъ быстро исчезаетъ дурная наклонность, когда ее совершенно лишаютъ возможности проявляться.

«Прежде чѣмъ начать «передѣлывать себя» нужно научиться непоколебимо слѣдовать, не глядя ни направо, ни налѣво, по прямому и узкому пути. Тотъ, кто ежедневно высказываетъ все тоже доброе намѣреніе приняться за какое-нибудь дѣло, похожъ на человѣка, подходящаго къ краю рва, который ему надо засыпать, и снова идущаго назадъ, чтобы затѣмъ опять направиться къ пропасти. Безъ *непрерывнаго* преуспѣянія невозможно *накопленіе* моральныхъ силъ; чтобы сдѣлать послѣднее возможнымъ, чтобы закалить насъ въ немъ и пріучить къ нему, правильный трудъ является высшимъ благодѣяніемъ» *).

Къ двумъ предшествующимъ правиламъ можно прибавить третье: *Пользуйся первымъ попавшимся благопріятнымъ случаемъ дѣйствовать при каждомъ рѣшеніи поступать извѣстнымъ образомъ и при каждомъ эмоціональномъ стремленіи въ направленіи тѣхъ привычекъ, которыя хочешь пріобрѣсти.* Рѣшенія и стремленія оставляютъ въ мозгу извѣстный слѣдъ не въ моментъ ихъ появленія, а въ моментъ возникновенія *моторныхъ эффектовъ* подъ вліяніемъ послѣднихъ. Только что цитированный нами авторъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Наличность благопріятныхъ условій уже сама по себѣ даетъ рычагу нравственныхъ дѣйствій твердую точку опоры, при помощи которой мы можемъ пріумножить свои нравственныя силы, повысивъ свой нравственный уровень. У кого нѣтъ такой твердой точки опоры, тотъ никогда не пойдетъ дальше поверхностной игры въ нравственную дѣятельность».

Если человѣкъ не пользуется каждымъ конкретнымъ случаемъ проявить нравственную *активность*, то его нравственный характеръ не будетъ улучшаться, хотя бы онъ обладалъ богатымъ запасомъ нравственныхъ правилъ и питалъ въ душѣ своей добрыя

*) J. Bahnsen. Beiträge zu Charakterologie (1867) v. I, p. 209.

Digitized by Google

чувства. Добрыми намѣреніями, по пословицѣ, вымощенъ адъ. «Характеръ, говоритъ Дж. Стюартъ Милль, есть окончательно образовавшаяся воля»; а воля, въ томъ смыслѣ, какой Милль здѣсь имѣетъ въ виду, есть совокупность стремленій дѣйствовать быстрымъ и опредѣленнымъ путемъ во всѣхъ наиболѣе выдающихся событіяхъ жизни. Стремленіе дѣйствовать укореняется въ насъ въ зависимости отъ непрерывности повтореній дѣйствія въ нашей жизни, благодаря которымъ въ мозгу все болѣе и болѣе возрастаетъ способность ихъ производить. Когда благородное рѣшеніе или искренній порывъ чувства пропадаютъ по нашей винѣ безслѣдно, не принесши никакого добраго плода, то мы не только упускаемъ благопріятный случай дѣйствовать: мы такимъ образомъ и на будущее время оказываемъ препятствіе нашимъ рѣшеніямъ и эмоціямъ пройти въ мозгу нормальный путь разряда и проявиться въ видѣ дѣйствія. Нѣтъ болѣе презрѣннаго типа человѣческаго характера, чѣмъ характеръ безсильнаго сентименталиста и мечтателя, который всю свою жизнь предается чувствительнымъ изліяніямъ и не ударитъ пальца о палецъ, чтобы дѣйствительно сдѣлать истинно доброе дѣло. Классическимъ примѣромъ того типа, который я имѣю въ виду, можетъ служить Руссо, который, краснорѣчиво убѣждая всѣхъ женщинъ Франціи слѣдовать Природѣ и самимъ кормить грудью своихъ дѣтей, отдавалъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Но и всякій изъ насъ до извѣстной степени вступаетъ прямо на путь Руссо въ томъ случаѣ, если, одушевляясь отвлеченно формулированной идеей блага, мы игнорируемъ это благо на практикѣ, когда оно предстаетъ передъ нами въ невзрачномъ видѣ, замаскированное житейскими мелочами. Въ нашемъ будничномъ мірѣ всѣ блага являются въ невзрачномъ видѣ, благодаря вульгарности окружающей обстановки, но горе тому, кто узнаетъ ихъ только въ формѣ голой, отвлеченной абстракціи! Въ этомъ отношеніи неумѣренное посѣщеніе театра и чтеніе романовъ могутъ создать настоящихъ нравственныхъ уродовъ. Русская дама, проливающая слезы при видѣ раздирательной драмы въ театрѣ, въ то время какъ кучеръ ея до смерти мерзнетъ на холоду, представляетъ яркій образчикъ явленія, которое можно наблюдать вездѣ. Даже излишнее увлеченіе музыкой у тѣхъ лицъ, которыя сами не музыканты и не настолько музыкальны, чтобы наслаждаться ею чисто интеллектуальнымъ путемъ, по всей вѣроятности, имѣетъ разслабляющее вліяніе на характеръ. Слушая музыку, проникаешься эмоціями, которыя не находятъ никакого реальнаго исхода, и, такимъ образомъ, чувственное условіе дѣятельности замираетъ въ бездѣйствіи. Этому можно было бы помочь, еслибы мы неизмѣнно всякій разъ послѣ эмоціи, пережитой въ концертѣ, проявляли ее въ какой-нибудь осязательной формѣ. Пусть ея проявленіе будетъ самымъ незначи-

Digitized by Google

тельнымъ, пусть она выразится въ добромъ ласковомъ словѣ, обращенномъ къ старухѣ-бабушкѣ, или въ уступкѣ мѣста знакомому въ каретѣ, если не представляется случая оказать людямъ болѣе героическую услугу, но пусть эта эмоція во всякомъ случаѣ найдетъ себѣ то или другое проявленіе.

Эти послѣдніе примѣры показываютъ намъ, что силою привычки не только *частныя линіи* разряда, но и *общія его формы* запечатлѣваются въ мозгу. При этомъ происходитъ то же, что наблюдается, когда мы предоставляемъ эмоціямъ безплодно испаряться и тѣмъ дѣлаемъ въ нихъ это свойство постояннымъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь есть основаніе предполагать, что, часто отступая отъ извѣстнаго усилія привести что-нибудь въ исполненіе, мы тѣмъ самымъ развиваемъ въ себѣ на будущее время неспособность дѣлать усилія, и что вниманіе наше, если мы предоставимъ ему безпорядочно блуждать, вскорѣ станетъ постоянно перебѣгать съ одного предмета на другой. Вниманіе и усиліе, какъ мы увидимъ ниже, суть два названія для одного и того же психическаго явленія. Какіе мозговые процессы имъ соотвѣтствуютъ—неизвѣстно. Наиболѣе сильнымъ доводомъ въ пользу того, что эти душевныя состоянія всецѣло зависятъ отъ мозговыхъ процессовъ и не представляютъ проявленій чистаго духа, служитъ именно тотъ фактъ, что они, повидимому, въ извѣстной степени подчинены закону привычки, который есть законъ матеріальной природы. Въ качествѣ конечной максимы, относящейся къ воспитанію воли, мы можемъ предложить приблизительно такого рода правило: *Сохраняй въ себѣ живою способность къ усилію небольшимъ добровольнымъ ежедневнымъ упражненіемъ.* То есть, проявляй аскетизмъ и героизмъ въ мелочахъ, не необходимыхъ для тебя, дѣлая каждый день или каждые два дня что-нибудь такое, что ты предпочелъ бы не дѣлать, чтобы при наступленіи настоящей тяжелой нужды ты чувствовалъ себя готовымъ мужественно выдержать испытаніе. Такого рода аскетизмъ есть какъ бы страхованіе, которое мы платимъ за свой домъ и имущество. Деньги, тратимыя на страховку, не приносятъ намъ никакой пользы и могутъ никогда ее не принести. Но, если произойдетъ у насъ пожаръ, плата страховки избавитъ насъ отъ разоренія. То-же можно наблюдать на человѣкѣ, который ежедневнымъ упражненіемъ пріучилъ себя сосредоточивать свое вниманіе, энергично распоряжаться своей волей и проявлять въ ненужныхъ вещахъ самоотреченіе. Среди всеобщаго разрушенія онъ будетъ выситься, подобно несокрушимой башнѣ, когда болѣе изнѣженные люди разсѣеваются, какъ по вѣтру мякина.

Итакъ, изученіе психическихъ процессовъ съ физіологической стороны можетъ оказать большую помощь практической морали. Ожидающій насъ въ будущей жизни адъ, о которомъ насъ учатъ богословы, не хуже того ада, который мы сами создаемъ себѣ

Digitized by Google

на этомъ свѣтѣ, воспитывая свой характеръ въ ложномъ направленіи. Еслибы дѣти могли себѣ представить, какъ быстро они становятся просто живымъ комплексомъ привычекъ, они болѣе обращали бы вниманія на свое поведеніе въ томъ возрастѣ, когда ихъ мозгъ находится еще въ пластическомъ состояніи. «Прялка жизни» находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и мы сами безповоротно предопредѣляемъ свою судьбу. Нѣтъ такого ничтожнаго добродѣтельнаго или порочнаго поступка, который не оставилъ бы въ насъ своего навѣки неизгладимаго слѣда. Пьяница Рипъ Ванъ Винкль въ комедіи Джефферсона послѣ каждой новой выпивки извиняется, говоря: «Я не буду считать этого времени». Ну, онъ можетъ не считать, и милосердый Господь не зачтетъ ему этого времени, но время это тѣмъ не менѣе будетъ отмѣчено. Въ глубинѣ нервныхъ клѣтокъ и волоконъ его считаютъ молекулы, дѣлая для Винкля на будущее время неотразимымъ новый соблазнъ. Выражаясь съ научной строгостью, можно сказать, что всякій поступокъ оставляетъ въ нашей нервной системѣ неизгладимый слѣдъ. Разумѣется, это обстоятельство имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Серія отдѣльныхъ выпивокъ дѣлаетъ насъ постоянными пьяницами, но съ другой стороны такая же серія благихъ дѣлъ и часовъ извѣстнаго труда дѣлаетъ насъ святыми въ нравственномъ отношеніи или авторитетами и спеціалистами въ практической и научной сферахъ. Пусть никто изъ молодежи не безпокоится о конечныхъ результатахъ своего воспитанія, какого бы рода оно ни было. Человѣкъ, добросовѣстно выполняющій ежедневно свой трудъ, можетъ предоставить конечный результатъ своей работы ей самой. Онъ можетъ быть глубоко убѣжденнымъ, что въ одинъ прекрасный день онъ сознаетъ въ себѣ достойнѣйшаго представителя своего поколѣнія, какой бы родъ дѣятельности онъ ни избралъ себѣ. Втихомолку среди мелочей ежедневнаго труда въ немъ выработалась *способность правильно судить* въ сферѣ его спеціальности, способность, которая навѣки сохранится въ немъ неизгладимо. Юношеству эта истина должна быть извѣстна заранѣе. Незнакомство съ нею, быть можетъ, породило въ юношествѣ, вступающемъ на трудный жизненный путь, болѣе уныніе и малодушіе, чѣмъ всѣ остальныя причины, взятыя вмѣстѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Потокъ сознанія.

Порядокъ нашего изслѣдованія долженъ быть аналитическимъ. Теперь мы можемъ приступить къ изученію сознанія взрослаго человѣка по методу самонаблюденія. Большинство психологовъ

Digitized by Google

придерживается такъ называемаго синтетическаго способа изложенія. Исходя отъ «простѣйшихъ идей—ощущеній» и разсматривая ихъ въ качествѣ атомовъ душевной жизни, они слагаютъ изъ послѣднихъ высшія состоянія сознанія—«ассоціаціи», «интеграціи» или «смѣшенія», какъ дома составляютъ изъ склеиванья отдѣльныхъ кирпичей. Такой способъ изложенія обладаетъ всѣми тѣми педагогическими преимуществами, какими вообще обладаетъ синтетическій методъ, но въ основаніе его кладется въ качествѣ предвзятой мысли весьма сомнительная теорія, будто высшія состоянія сознанія суть сложныя единицы, и вмѣсто того, чтобы отправляться отъ фактовъ душевной жизни, непосредственно извѣстныхъ читателю, именно отъ его цѣльныхъ, конкретныхъ состояній сознанія, сторонникъ синтетическаго метода беретъ исходнымъ пунктомъ рядъ гипотетическихъ «простѣйшихъ идей», которыя непосредственнымъ путемъ совершенно недоступны читателю, и послѣдній, читая описанія ихъ взаимодѣйствія, совершенно лишенъ возможности провѣрить справедливость этихъ описаній и ориентироваться въ наборѣ фразъ по этому вопросу; какъ-бы тамъ ни было, но постепенный переходъ въ изложеніи отъ простѣйшаго къ сложному въ данномъ случаѣ вводитъ насъ въ заблужденіе. Педанты и любители отвлеченностей, разумѣется, отнесутся крайне неодобрительно къ оставленію синтетическаго метода, но студентъ, любящій цѣльность человѣческой природы, предпочтетъ аналитическій методъ, отправляясь отъ самыхъ конкретныхъ фактовъ, которые составляютъ обыденное содержаніе его душевной жизни. Дальнѣйшій анализъ въ свое время вскроетъ элементарныя психическія единицы, если таковыя существуютъ, не заставляя насъ дѣлать рискованныя скороспѣлыя предположенія. Читатель долженъ имѣть въ виду, что въ настоящей книгѣ въ главахъ объ ощущеніяхъ больше всего говорилось объ ихъ физіологическихъ условіяхъ. Помѣщены же эти главы были раньше просто ради удобства, наряду съ описаніемъ приносящихъ нервныхъ токовъ. Съ психологической точки зрѣнія ихъ слѣдовало бы описывать въ концѣ книги.

Простѣйшія ощущенія были описаны нами на стр. 10-й, какъ психическіе процессы, которые въ зрѣломъ возрастѣ почти неизвѣстны намъ, но тамъ ничего не было сказано такого, что давало бы поводъ читателю думать, будто они суть элементы, образующіе своими соединеніями высшія состоянія сознанія.

Основной фактъ психологіи. Первичнымъ конкретнымъ фактомъ, принадлежащимъ внутреннему опыту, служитъ убѣжденіе, *что въ немъ происходятъ какіе-то сознательные процессы. «Состоянія сознанія» смѣняютъ въ немъ одно другое.* Подобно тому, какъ мы выражаемся безлично: «свѣтаетъ», «смеркается», мы можемъ и этотъ фактъ охарактеризовать всего лучше безличнымъ выраженіемъ: «думается».

Digitized by Google

Четыре свойства сознанія. Какъ совершаются сознательные процессы? Мы замѣчаемъ въ нихъ четыре существенныхъ черты, изъ которыхъ каждую разсмотримъ вкратцѣ въ настоящей главѣ:

1) Каждое «состояніе сознанія» стремится быть частью личнаго сознанія.

2) Въ границахъ личнаго сознанія его состоянія измѣнчивы.

3) Всякое личное сознаніе представляетъ непрерывную послѣдовательность ощущеній.

4) Одни объекты оно воспринимаетъ охотно, другіе отвергаетъ, вообще дѣлаетъ между ними *выборъ*.

Разбирая послѣдовательно эти четыре свойства сознанія, мы должны будемъ употреблять цѣлый рядъ психологическихъ терминовъ, которые могутъ получить вполнѣ точное опредѣленіе только въ послѣдующихъ главахъ книги. Но условное значеніе психологическихъ терминовъ общеизвѣстно, а въ этой главѣ мы ихъ будемъ употреблять только въ условномъ смыслѣ. Настоящая глава напоминаетъ набросокъ, который живописецъ сдѣлалъ углемъ на полотнѣ, и на которомъ еще не видно никакихъ деталей рисунка.

Когда я говорю: всякое «душевное состояніе» или «мысль» есть часть личнаго сознанія, терминъ «личное сознаніе» употребляется мною именно въ такомъ условномъ смыслѣ. Значеніе этого термина понятно намъ до тѣхъ поръ, пока насъ не попросятъ точно объяснить его; тогда оказывается, что такое объясненіе представляетъ одну изъ труднѣйшихъ философскихъ задачъ. Эту задачу мы разберемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь ограничимся однимъ предварительнымъ замѣчаніемъ.

Въ этой комнатѣ, скажемъ въ аудиторіи, находится множество мыслей вашихъ и моихъ, изъ которыхъ однѣ связаны между собой, другія—нѣтъ. Онѣ такъ же мало обособлены и независимы другъ отъ дружки, какъ и всѣ связаны вмѣстѣ; про нихъ нельзя сказать ни того, ни другого безусловно: ни одна изъ нихъ не обособлена совершенно, но каждая связана съ нѣкоторыми другими, отъ остальныхъ же совершенно независима. *Мои* мысли связаны съ моими же другими мыслями, *ваши*—съ вашими же мыслями. Есть ли въ комнатѣ еще гдѣ-нибудь чистая мысль, не принадлежащая никакому лицу, мы не можемъ сказать, не имѣя на это данныхъ опыта. Состоянія сознанія, которыя мы встрѣчаемъ въ природѣ, суть непремѣнно личныя сознанія — умы, личности, опредѣленныя конкретныя «я» и «вы».

Мысли каждаго личнаго сознанія обособлены отъ другого: между ними нѣтъ никакого непосредственнаго обмѣна, никакая мысль одного личнаго сознанія не можетъ стать непосредственнымъ объектомъ для мысли другого сознанія. Абсолютная разобщенность сознаній, не поддающійся объединенію плюрализмъ, составляетъ психо-

Digitized by Google

логическій законъ. Повидимому, элементарнымъ психическимъ фактомъ служитъ не «*мысль*» вообще, не «*эта или та мысль*», но «*моя мысль*», вообще «*мысль, принадлежащая кому-нибудь*». Ни одновременность, ни близость по пространству, ни качественное сходство содержанія не могутъ слить во едино мыслей, которыя разъединены между собою баррьеромъ личности. Разрывъ между такими мыслями представляетъ одну изъ самыхъ абсолютныхъ граней въ природѣ. Всякій согласится съ истинностью этого положенія, поскольку въ немъ утверждается только существованіе «чего-то», соотвѣтствующаго термину «личнаго сознанія», безъ указаній на дальнѣйшія свойства этого сознанія. Согласно этому, можно считать непосредственно даннымъ фактомъ психологіи скорѣе личное сознаніе, чѣмъ мысль. Наиболѣе общимъ фактомъ сознанія служитъ не—«Мысли и чувства существуютъ», но—«Я мыслю» или—«Я чувствую». Никакая психологія не можетъ оспаривать во чтобы то ни стало фактъ существованія личныхъ сознаній. Подъ личными сознаніями мы разумѣемъ связныя послѣдовательности мыслей, сознаваемыя, какъ таковыя. Худшее, что можетъ сдѣлать психологъ—это начать истолковывать природу личныхъ сознаній, лишивъ ихъ индивидуальной *цѣльности*.

Въ сознаніи происходятъ непрерывныя перемѣны. Я не хочу этимъ сказать, что ни одно состояніе сознанія не обладаетъ продолжительностью; еслибы это даже была правда, то доказать ее было бы очень трудно. Я только хочу моими словами подчеркнуть тотъ фактъ, что ни одно разъ минувшее состояніе сознанія, не можетъ снова возникнуть и буквально повториться. Мы то смотримъ, то слушаемъ, то разсуждаемъ, то желаемъ, то припоминаемъ, то ожидаемъ, то любимъ, то ненавидимъ: нашъ умъ поперемѣнно занятъ тысячами различныхъ объектовъ мысли. Но скажутъ, пожалуй, что всѣ эти сложныя состоянія сознанія образуются изъ комбинацій простѣйшихъ состояній, въ такомъ случаѣ подчинены ли эти послѣднія тому же закону измѣнчивости? Напримѣръ, всегда ли тожественны ощущенія, получаемыя нами отъ какого-нибудь предмета? Развѣ не всегда тожественъ звукъ, получаемый нами отъ нѣсколькихъ ударовъ совершенно одинаковой силы по тому же фортепіанному клавишу? Развѣ не та-же трава вызываетъ въ насъ каждую весну то-же ощущеніе зеленаго цвѣта, не то-же небо представляется намъ въ ясную погоду голубымъ, не то-же обонятельное впечатлѣніе мы получаемъ отъ одеколона, сколько бы разъ мы ни пробовали нюхать ту-же склянку? Отрицательный отвѣтъ на эти вопросы можетъ показаться метафизической софистикой, а между тѣмъ *внимательный анализъ не подтверждаетъ того факта, что центростремительные токи когда-либо вызывали въ насъ дважды абсолютно то-же чувственное впечатлѣніе.*

Тожественъ воспринимаемый нами объектъ, а не наши ощущенія:

Digitized by Google

мы слышимъ нѣсколько разъ подрядъ ту-же *ноту*, мы видимъ зеленый цвѣтъ того-же *качества*, обоняемъ тѣ-же *духи* или испытываемъ боль того *же рода*. Реальности объективныя или субъективныя, въ постоянное существованіе которыхъ мы вѣримъ, повидимому, снова и снова предстаютъ передъ нашимъ сознаніемъ и заставляютъ насъ, благодаря нашей невнимательности, предполагать, будто идеи объ нихъ суть однѣ и тѣже идеи. Когда мы дойдемъ до главы «*О воспріятіи*», мы увидимъ, какъ глубоко вкоренилась въ насъ привычка пользоваться чувственными впечатлѣніями при воспризнаніи объектовъ, какъ показателями реальнаго присутствія послѣднихъ. Трава, на которую я гляжу изъ окошка, кажется мнѣ того же цвѣта и на солнечной, и на тѣневой сторонѣ, а между тѣмъ художникъ, изображая на полотнѣ эту траву, чтобы вызвать картиною реальный эффектъ, въ одномъ случаѣ прибѣгаетъ къ темно-коричневой краскѣ, въ другомъ—къ свѣтло-желтой. Вообще говоря, мы не обращаемъ особеннаго вниманія на то, какъ различно тѣ-же предметы выглядятъ, звучатъ и пахнутъ на различныхъ разстояніяхъ и при различной окружающей обстановкѣ. Мы стараемся убѣдиться лишь въ тожественности *вещей*, и любыя ощущенія, удостовѣряющія насъ въ этомъ, при грубомъ способѣ оцѣнки будутъ сами казаться намъ тожественными. Благодаря этому обстоятельству, свидѣтельство о субъективномъ тожествѣ различныхъ ощущеній не имѣетъ почти никакой цѣны въ качествѣ доказательства реальности извѣстнаго факта. Вся исторія психологическаго явленія, называемаго ощущеніемъ, можетъ ярко иллюстрировать нашу неспособность сказать, совершенно ли одинаковы два порознь воспринятыхъ нами чувственныхъ впечатлѣнія, или нѣтъ Вниманіе наше привлекается далеко не столько абсолютнымъ качествомъ впечатлѣнія, сколько тѣмъ поводомъ, который послѣднее можетъ дать къ одновременному возникновенію другихъ впечатлѣній. На темномъ фонѣ менѣе темный предметъ кажется бѣлымъ. Гельмгольцъ вычислилъ, что бѣлый мраморъ на картинѣ, изображающей мраморное зданіе, освѣщенное луной, при дневномъ свѣтѣ въ десять или двадцать тысячъ разъ ярче мрамора, освѣщеннаго настоящимъ лунным свѣтомъ.

Такого рода разница никогда не могла бы быть непосредственно познана *чувственнымъ* образомъ: ее можно было опредѣлить только рядомъ побочныхъ соображеній. Это обстоятельство заставляетъ насъ предполагать, что наша чувственная воспріимчивость постоянно измѣняется, такъ что одинъ и тотъ же предметъ рѣдко вызываетъ въ насъ прежнее ощущеніе. Чувствительность наша измѣняется въ зависимости отъ того, бодрствуемъ мы или насъ клонитъ ко сну, сыты мы или голодны, утомлены или чувствуемъ себя бодро; она бываетъ различна днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. И тѣмъ не менѣе мы нисколько не сомнѣваемся, что наши ощущенія раскрываютъ передъ нами

Digitized by Google

все тотъ же міръ съ тѣми же чувственными качествами и съ тѣми же чувственными объектами. Измѣнчивость нашей чувствительности всего ярче можно наблюдать на томъ, какія различныя эмоціи вызываютъ въ насъ тѣже вещи въ различныхъ возрастахъ или въ различныхъ настроеніяхъ духа въ зависимости отъ органическихъ причинъ. То, что раньше казалось яркимъ и возбуждающимъ, вдругъ становится избитымъ, скучнымъ, безполезнымъ: пѣніе птицъ вдругъ начинаетъ казаться монотоннымъ, завываніе вѣтра — печальнымъ, видъ неба — мрачнымъ.

Къ этимъ косвеннымъ соображеніямъ въ пользу того, что наши ощущенія въ зависимости отъ измѣнчивости нашей чувствительности постоянно измѣняются существеннымъ образомъ, можно прибавить еще одно соображеніе физіологическаго характера. Каждому ощущенію соотвѣтствуетъ извѣстный процессъ въ мозгу. Для того, чтобы извѣстное ощущеніе съ абсолютной точностью повторилось, нужно, *чтобы мозгъ* послѣ перваго ощущенія *не подвергался абсолютно никакому измѣненію*. Но послѣднее, строго говоря, физіологически невозможно, слѣдовательно, и абсолютно точное повтореніе прежняго ощущенія невозможно, ибо мы должны предполагать, что каждой модификаціи мозга, какъ бы она ни была мала, соотвѣтствуетъ нѣкоторое измѣненіе въ сознаніи, которому служитъ данный мозгъ.

Но, если такъ легко обнаружить неосновательность мысли, будто простѣйшія ощущенія могутъ повторяться неизмѣннымъ образомъ, то еще болѣе неосновательнымъ должно казаться намъ мнѣніе, будто та-же неизмѣнная повторяемость наблюдается въ болѣе сложныхъ формахъ сознанія.

Вѣдь ясно, какъ Божій день, что состоянія нашего ума никогда не бываютъ абсолютно-тожественными. Каждая отдѣльная мысль о какомъ-нибудь предметѣ, строго говоря, есть *unicum* и имѣетъ лишь родовое сходство съ другими нашими мыслями о томъ же предметѣ. Когда повторяются прежніе факты, мы должны думать о нихъ по новому, глядѣть на нихъ подъ другимъ угломъ, открывать въ нихъ новыя стороны, сравнительно съ прежними. И мысль, которою мы познаемъ эти факты, всегда есть мысль о предметѣ плюсъ новыя отношенія, въ которыя онъ поставленъ, мысль, связанная съ сознаніемъ того, что сопровождаетъ ее въ видѣ неясныхъ деталей. Нерѣдко мы сами поражаемся странною перемѣной въ нашихъ послѣдовательныхъ взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ. Мы удивляемся, какъ мы могли думать извѣстнымъ образомъ о какомъ-нибудь предметѣ мѣсяцъ тому назадъ. Мы переросли возможность такого образа мыслей, а какъ — мы и сами не знаемъ. Съ каждымъ годомъ тѣже явленія представляются намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ. То, что казалось призрачнымъ, стало вдругъ реальнымъ, и то, что прежде производило впечатлѣніе, те-

Digitized by Google

перь болѣе уже не привлекаетъ. Друзья, которыми мы дорожили больше всего на свѣтѣ, превратились въ блѣдныя тѣни прошлаго; женщины, казавшіяся намъ когда-то неземными созданіями, звѣзды, лѣса и воды со временемъ стали казаться скучными и прозаичными; юныя дѣвы, которыхъ мы нѣкогда окружали какимъ-то небеснымъ ореоломъ, становятся съ теченіемъ времени въ нашихъ глазахъ самыми обыкновенными земными существами, картины — безсодержательными, книги... но развѣ въ произведеніяхъ Гете такъ много таинственной глубины? развѣ ужъ такъ содержательны сочиненія Джона Милля, какъ это намъ казалось прежде? Предаваясь менѣе наслажденіямъ, мы все болѣе и болѣе погружаемся въ обыденную работу, все болѣе и болѣе проникаемся сознаніемъ важности труда на пользу общества и другихъ общественныхъ обязанностей. Мнѣ кажется, что анализъ цѣльныхъ, конкретныхъ состояній сознанія, смѣняющихъ другъ друга, есть единственный правильный психологическій методъ, какъ бы ни было трудно строго провести его черезъ всѣ детали изслѣдованія. Если въ началѣ онъ и покажется читателю темнымъ, то при дальнѣйшемъ изложеніи его значеніе выяснится. Пока замѣчу только, что въ случаѣ, если этотъ методъ правиленъ, выставленное мною выше положеніе о невозможности двухъ абсолютно одинаковыхъ идей въ сознаніи также истинно.

Это положеніе болѣе важно въ теоретическомъ отношеніи, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, ибо, принимая его, мы совершенно расходимся даже въ основныхъ положеніяхъ съ психологическими теоріями Локковской и Гербартовской школъ, которыя имѣли когда-то почти безграничное вліяніе въ Германіи и у насъ. Безъ сомнѣнія, весьма часто бываетъ *удобно* придерживаться своего рода атомизма при объясненіи психическихъ явленій, разсматривая высшія состоянія сознанія, какъ аггрегаты неизмѣняющихся элементарныхъ идей, которыя непрерывно смѣняютъ другъ друга. Подобнымъ же образомъ часто бываетъ удобно разсматривать кривыя линіи, какъ линіи, состоящія изъ весьма малыхъ прямыхъ, а электричество и нервные токи, какъ извѣстнаго рода жидкости. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не должны забывать, что употребляемъ символическія выраженія, которымъ въ природѣ ничего не соотвѣтствуетъ. *Неизмѣнно существующая идея, появляющаяся отъ времени до времени передъ свѣтомъ нашего сознанія, есть такая же фантастическая фикція, какъ «пиковый валетъ»*.

Въ каждомъ личномъ сознаніи процессъ мышленія представляетъ сплошной рядъ ощущеній. *Сплошнымъ* рядомъ я могу назвать только такой, въ которомъ нѣтъ перерывовъ и дѣленій. Мы можемъ представить себѣ только два рода перерывовъ въ сознаніи: или *временные пробѣлы*, въ теченіе которыхъ сознаніе отсутствуетъ, или столь рѣзкую перемѣну въ содержаніи познавае-

Digitized by Google

маго, что послѣдующее въ сознаніи не имѣетъ никакого отношенія къ предшествующему. Положеніе: «*сознаніе непрерывно*» заключаетъ въ себѣ двѣ мысли:

1) Душевныя состоянія, предшествующія временному пробѣлу и слѣдующія за нимъ, сознаются нами, какъ части одной и той же личности.

2) Перемѣны въ качественномъ содержаніи сознанія никогда не совершаются рѣзко. Разберемъ сначала первый болѣе простой случай.

1) Когда спавшіе на одной кровати Петръ и Павелъ просыпаются и начинаютъ припоминать прошлое, каждый изъ нихъ ставитъ въ связь данную минуту со своимъ собственнымъ прошлымъ. Подобно тому, какъ токъ анода, зарытаго въ землю, безошибочно находитъ соотвѣтствующій ему катодъ черезъ всѣ промежуточныя вещества, такъ настоящее Петра вступаетъ въ связь съ *его* прошедшимъ и никогда не сплетается по ошибкѣ съ прошлымъ Павла. Такъ же мало способно ошибиться сознаніе Павла. Прошедшее Петра присвоется только его настоящимъ. Онъ можетъ имѣть совершенно вѣрныя свѣдѣнія о томъ состояніи дремоты, послѣ котораго Павелъ погрузился въ сонъ, но это знаніе безусловно отличается отъ сознанія его собственнаго прошлаго. Свои собственныя состоянія сознанія Петръ *помнитъ*, а Павловы только *представляетъ себѣ*. Припоминаніе аналогично съ непосредственнымъ ощущеніемъ: его объектъ всегда бываетъ проникнутъ живостью и родственностью, которыхъ нѣтъ у объекта простого воображенія. Этими качествами живости, родственности и непосредственности обладаетъ *настоящее* Петра. Какъ настоящее есть часть моей личности, мое, такъ точно и все другое, проникающее въ мое сознаніе съ живостью и непосредственностью—мое, составляетъ часть моей личности. Далѣе мы увидимъ, въ чемъ именно заключаются тѣ качества, которыя мы называемъ живостью и родственностью. Но, какъ только прошедшее состояніе сознанія представилось намъ обладающимъ этими качествами, оно тотчасъ присвоивается нашимъ настоящимъ и входитъ въ составъ нашей личности. Эта сплошность личности представляетъ то нѣчто, которое не можетъ быть временнымъ пробѣломъ, и которое, сознавая существованіе этого временного пробѣла, все же продолжаетъ сознавать свою непрерывность съ нѣкоторыми частями прошедшаго.

Такимъ образомъ, сознаніе всегда является для себя чѣмъ-то цѣльнымъ, не раздробленнымъ на части. Такія выраженія, какъ «цѣпь» или «серія» психическихъ явленій не даютъ намъ представленія о сознаніи, какое мы получаемъ отъ него непосредственно: въ немъ нѣтъ связокъ, оно течетъ непрерывно. Всего естественнѣе къ нему примѣнить метафору «рѣка» или «потокъ».

Digitized by Google

Говоря о немъ ниже, будемъ придерживаться термина «потокъ» сознанія, мысли или субъективной жизни.

2) Но даже въ границахъ того же самаго сознанія и между мыслями, принадлежащими равно тому же субъекту, есть родъ связности и безсвязности, къ которому предшествующее замѣчаніе не имѣетъ никакого отношенія. Я здѣсь имѣю въ виду рѣзкія перемѣны въ сознаніи, вызываемыя *качественными* контрастами въ слѣдующихъ другъ за другомъ частяхъ потока мысли. Если выраженія «цѣпь» или «серія» психическихъ явленій не могутъ быть примѣнены къ данному случаю, то какъ объяснить вообще ихъ возникновеніе въ языкѣ? Развѣ громкій взрывъ не раздѣляетъ на двѣ части сознанія, на которое онъ оказываетъ воздѣйствіе? Нѣтъ, ибо сознаваніе грома сливается съ сознаваніемъ предшествующей тишины, которое продолжается: вѣдь, слыша шумъ отъ взрыва, мы слышимъ не *просто грохотъ*, а грохотъ, внезапно нарушающій молчаніе и контрастирующій съ нимъ. Наше ощущеніе грохота при такихъ условіяхъ совершенно отличается отъ впечатлѣнія, вызваннаго тѣмъ же самымъ грохотомъ въ непрерывномъ ряду другихъ подобныхъ же шумовъ. Мы знаемъ, что шумъ и тишина взаимно уничтожаютъ и исключаютъ другъ друга, но ощущеніе грохота есть въ то-же время сознаніе того, что въ этотъ мигъ прекратилась тишина, и едва ли можно найти въ конкретномъ реальномъ сознаніи человѣка ощущеніе, настолько ограниченное настоящимъ, что въ немъ не нашлось бы ни малѣйшаго намека на то, что ему предшествовало.

«Устойчивыя» и «измѣнчивыя» состоянія сознанія. Если мы бросимъ общій взглядъ на удивительный потокъ нашего сознанія, то прежде всего насъ поразитъ различная быстрота теченія въ отдѣльныхъ частяхъ. Сознаніе подобно жизни птицы, которая то сидитъ на мѣстѣ, то летаетъ. Ритмъ языка отмѣтилъ эту черту сознанія тѣмъ, что каждую мысль языкъ облекъ въ форму предложенія, а предложеніе развилъ въ форму періода. Остановочные пункты въ сознаніи обыкновенно бываютъ заняты чувственными впечатлѣніями, особенность которыхъ заключается въ томъ, что они могутъ, не измѣняясь, созерцаться умомъ неопредѣленное время; переходные промежутки заняты мыслями объ отношеніяхъ статическихъ и динамическихъ, которыя по большей части устанавливаются нами между объектами, воспринятыми въ состояніи относительнаго покоя.

Назовемъ остановочные пункты «устойчивыми частями», а переходные промежутки «измѣнчивыми частями» потока сознанія. Тогда мы замѣтимъ, что наше мышленіе постоянно стремится отъ одной устойчивой части, только-что покинутой, къ другой, и можно сказать, что главное назначеніе переходныхъ частей сознанія заключается въ томъ, чтобы направлять насъ отъ одного прочнаго, устойчиваго вывода къ другому.

Digitized by Google

При самонаблюденіи очень трудно подмѣтить переходные моменты въ ихъ настоящемъ видѣ. Вѣдь, если они — только переходная ступень къ опредѣленному выводу, то, останавливая на нихъ наше вниманіе до наступленія вывода, мы этимъ самымъ уничтожаемъ ихъ. Пока мы ждемъ наступленія вывода, послѣдній сообщаетъ переходнымъ моментамъ такую силу и устойчивость, что совершенно поглощаетъ ихъ своимъ блескомъ. Пусть кто-нибудь попытается захватить вниманіемъ на полдорогѣ переходный моментъ въ процессѣ мышленія, и онъ убѣдится, какъ трудно самонаблюденіе при измѣнчивыхъ состояніяхъ сознанія. Мысль несется стремглавъ, такъ что почти всегда приводитъ насъ къ выводу раньше, чѣмъ мы успѣваемъ захватить ее. Если же мы и успѣваемъ захватить ее, она мигомъ видоизмѣняется. Снѣжный кристаллъ, схваченный теплою рукою, мигомъ превращается въ водяную каплю; подобнымъ же образомъ, желая уловить переходное состояніе сознанія, мы вмѣсто того находимъ въ немъ нѣчто вполнѣ устойчивое, обыкновенно это бываетъ послѣднее мысленно произнесенное нами слово, взятое само по себѣ, независимо отъ своего смысла въ связи съ контекстомъ, который совершенно ускользаетъ отъ насъ. Въ подобныхъ случаяхъ попытка къ внутреннему самонаблюденію является совершенно безплодной — это все равно, что схватывать руками волчокъ, чтобы уловить его движеніе, или быстро завертывать газовый рожокъ съ цѣлью посмотрѣть, какъ выглядятъ въ темнотѣ предметы. Требованіе *указать* эти переходныя состоянія сознанія, требованіе, которое будетъ навѣрное предъявлено иными психологами отстаивающимъ существованіе подобныхъ состояній, такъ же неосновательно, какъ аргументъ противъ защитниковъ реальности движенія, приводившійся Зенономъ, который требовалъ, чтобы они показали ему, въ какомъ мѣстѣ *находится* стрѣла во время ея полета, и изъ ихъ неспособности дать быстрый отвѣтъ на такой нелѣпый вопросъ заключалъ о несостоятельности ихъ основного положенія.

Затрудненія, связанныя съ самонаблюденіемъ, приводятъ къ весьма печальнымъ результатамъ. Если наблюденіе переходныхъ моментовъ въ потокѣ сознанія и ихъ фиксированіе вниманіемъ представляетъ такія трудности, то слѣдуетъ предположить, что великое заблужденіе всѣхъ философскихъ школъ заключалось съ одной стороны въ невозможности фиксировать измѣнчивыя состоянія сознанія, съ другой въ ненадлежащемъ преувеличеніи значенія болѣе устойчивыхъ состояній сознанія. Исторически это заблужденіе выразилось въ двоякой формѣ. Однихъ мыслителей оно привело къ *сенсуализму*. Чувствуя себя не въ состояніи охватить всю совокупность устойчивыхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ безчисленному множеству отношеній и формъ связи между явленіями чувственнаго міра, не находя въ этихъ отношеніяхъ отраженія ду-

Digitized by Google

шевныхъ состояній, поддающихся опредѣленному *наименованію*, они начинали по большей части отрицать вообще всякую реальность подобныхъ состояній; многіе изъ нихъ, напримѣръ Юмъ, дошли до полнаго отрицанія реальности большей части отношеній какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Простыя «идеи»—ощущенія и ихъ воспроизведеніе, — расположенныя одна за другой, какъ кости въ домино, безъ всякой реальной связи между собой — вотъ въ чемъ состоитъ вся душевная жизнь съ точки зрѣнія этой школы, все остальное—одни словесныя заблужденія. Съ другой стороны, *интеллектуалисты*, будучи не въ силахъ отвергнуть реальность существующихъ внѣ сферы нашего сознанія отношеній, но въ тоже время, не имѣя возможности указать на какія-нибудь устойчивыя ощущенія, въ которыхъ проявлялась бы эта реальность, также пришли къ отрицанію подобныхъ ощущеній. Но отсюда они сдѣлали прямо противоположное заключеніе. Отношенія эти, по ихъ словамъ, должны быть познаны въ чемъ-нибудь такомъ, что не есть ощущеніе или какое-либо душевное «состояніе», тожественное съ тѣми субъективными элементами сознанія, изъ которыхъ слагается наша душевная жизнь, и составляющее съ ними одно сплошное цѣлое. Они должны быть познаны чѣмъ-то, лежащимъ совершенно въ иной сферѣ, *актомъ чистой мысли*, Интеллектомъ или Разумомъ, которые пишутся съ большой буквы и должны означать нѣчто, неизмѣримо превосходящее всякія измѣнчивыя явленія нашей чувственности.

Съ нашей точки зрѣнія и интеллектуалисты, и сенсуалисты неправы. Если вообще существуютъ такія явленія, какъ ощущенія, то по скольку несомнѣнно, что существуютъ реальныя отношенія между объектами, по стольку же и даже болѣе несомнѣнно, что существуютъ ощущенія, по которымъ познаются эти отношенія. Нѣтъ союза, предлога, нарѣчія, приставочной формы или перемѣны интонаціи въ человѣческой рѣчи, которые не выражали бы того или другого оттѣнка или перемѣны отношенія, ощущаемой нами дѣйствительно въ данный моментъ.

Говоря объективно, передъ нами раскрываются реальныя отношенія; говоря субъективно, ихъ устанавливаетъ нашъ потокъ сознанія, сообщая каждому изъ нихъ свою особую внутреннюю окраску. Въ обоихъ случаяхъ отношеній безконечно много, и ни одинъ языкъ въ мірѣ не передастъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ въ этихъ отношеніяхъ.

Какъ мы говоримъ объ ощущеніи *синевы* или *холода*, такъ точно мы имѣемъ право говорить объ ощущеніи «*и*», ощущеніи «*если*», ощущеніи «*но*» и ощущеніи «*чрезъ*». А между тѣмъ мы этого не дѣлаемъ: привычка признавать существованіе только за существительными такъ вкоренилась въ насъ, что нашъ языкъ совершенно отказывается субстантивировать другія части рѣчи. Обра-

Digitized by Google

тимся снова къ аналогіи съ мозговыми процессами. Мы считаемъ мозгъ органомъ, въ которомъ внутреннее равновѣсіе постоянно находится въ неустойчивомъ состояніи, такъ какъ въ каждой части его происходятъ непрерывныя перемѣны. Стремленіе къ перемѣнѣ въ одной части мозга является, безъ сомнѣнія, болѣе сильнымъ, чѣмъ въ другой; въ одно время быстрота перемѣны бываетъ больше, въ другое меньше. Въ равномѣрно вращающемся калейдоскопѣ, хотя фигуры и принимаютъ постоянно все новую и новую группировку, но между двумя группировками бываютъ мгновенья, въ которыя перемѣщеніе частицъ совершается очень медленно и какъ бы совершенно прекращается, а затѣмъ вдругъ, какъ бы по манію волшебства, мгновенно совершается новая группировка, и такимъ образомъ относительно-устойчивыя формы смѣняются такими, которыхъ мы не узнали бы, вновь увидѣвши ихъ; точно такъ же и въ мозгу распредѣленіе нервныхъ процессовъ выражается то въ формѣ относительно-долгихъ напряженій, то въ формѣ быстропреходящихъ измѣненій. Но, если сознаніе соотвѣтствуетъ распредѣленію нервныхъ процессовъ, то почему же оно должно прекращаться, несмотря на безостановочную дѣятельность мозга, и почему, въ то время какъ медленно совершающіяся измѣненія въ мозгу вызываютъ извѣстнаго рода сознательные процессы, быстрыя измѣненія не могли бы сопровождаться особой имъ соотвѣтствующей психической дѣятельностью?

Объектъ сознанія всегда связанъ съ «психическими обертонами». Есть еще другія не поддающіяся наименованію перемѣны въ сознаніи, такъ же важныя, какъ и переходныя состоянія сознанія, и такъ же вполнѣ сознательныя. На примѣрахъ всего легче понять, что я здѣсь имѣю въ виду.

Предположимъ, что три лица одно за другимъ крикнули намъ: «Ждите!», «Слушайте!», «Смотрите!». Наше сознаніе въ данномъ случаѣ подвергается тремъ совершенно различнымъ состояніямъ ожиданія, хотя ни въ одномъ изъ трехъ случаевъ передъ нимъ не находится никакого опредѣленнаго объекта. По всей вѣроятности, никто въ данномъ случаѣ не станетъ отрицать существованія въ себѣ особеннаго душевнаго состоянія, чувства предполагаемаго направленія, по которому должно возникнуть впечатлѣніе, хотя еще не обнаружилось никакихъ признаковъ появленія послѣдняго. Для такихъ психическихъ состояній мы не имѣемъ другихъ названій, кромѣ «жди», «гляди» и «слушай».

Представьте себѣ, что вы припоминаете забытое имя. Это припоминаніе представляетъ своеобразный процессъ сознанія. Въ немъ есть какъ бы ощущеніе нѣкоего пробѣла, но пробѣлъ этотъ ощущается весьма активнымъ образомъ. Передъ нами какъ бы возникаетъ нѣчто, намекающее на забытое имя, нѣчто, которое манитъ насъ въ извѣстномъ направленіи, заставляя насъ ощущать непріятное

Digitized by Google

чувство безсилія и вынуждая въ концѣ-концовъ отступиться отъ тщетныхъ попытокъ припомнить забытое имя. Если намъ приводятъ неподходящія имена, стараясь навести насъ на истинное, то съ помощью этого особеннаго чувства пробѣла мы немедленно отвергаемъ ихъ. Они не соотвѣтствуютъ характеру пробѣла. При этомъ пробѣлъ отъ одного забытаго слова не похожъ на пробѣлъ отъ другого слова, хотя оба пробѣла могутъ быть нами охарактеризованы лишь полнымъ отсутствіемъ содержанія. Въ моемъ сознаніи совершаются два совершенно различныхъ процесса, когда я тщетно стараюсь припомнить имя Спалдинга или имя Баульса. При каждомъ припоминаемомъ словѣ мы испытываемъ особое чувство *недостатка*, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываетъ различно, хотя и не имѣетъ особаго названія. Такое ощущеніе недостатка всецѣло отличается отъ недостатка ощущенія: это вполнѣ интенсивное ощущеніе. У насъ можетъ сохраниться ритмъ забытаго слова безъ соотвѣтствующихъ звуковъ, составляющихъ его, или нѣчто, напоминающее первую букву, первый слогъ забытаго слова, но не вызывающее въ памяти всего слова. Всякому знакомо непріятное ощущеніе пустого размѣра забытаго стиха, который, несмотря на всѣ усилія припоминанія, не заполняется словами.

Въ чемъ заключается первый проблескъ пониманія чего-нибудь, когда мы, какъ говорится, схватываемъ смыслъ фразы? По всей вѣроятности, это совершенно своеобразное ощущеніе. А развѣ читатель никогда не задавался вопросомъ, какого рода должно быть то душевное состояніе, которое мы переживаемъ, *имѣя намѣреніе что-нибудь сказать*? Это—вполнѣ опредѣленное намѣреніе, отличающееся отъ всѣхъ другихъ, совершенно особенное состояніе сознанія, а между тѣмъ много ли входитъ въ него опредѣленныхъ чувственныхъ образовъ словесныхъ или предметныхъ? Почти никакихъ. Повременте чуть-чуть, и предъ сознаніемъ явятся слова и образы, но предварительное намѣреніе уже исчезнетъ. Когда же начинаютъ появляться слова для первоначальнаго выраженія мысли, то она выбираетъ подходящія, отвергая несоотвѣтствующія. Это предварительное состояніе сознанія можетъ быть названо только «*намѣреніемъ сказать то-то и то-то*». Можно допустить, что добрыя двѣ трети психической жизни состоятъ именно изъ этихъ предварительныхъ схемъ мыслей, не облеченныхъ въ слова. Какъ объяснить тотъ фактъ, что человѣкъ, читая какую-нибудь книгу вслухъ въ первый разъ, способенъ придавать своему чтенію правильную выразительную интонацію, если не допустить, что, читая первую фразу, онъ уже получаетъ смутное представленіе хотя бы о формѣ второй фразы, которая сливается съ сознаніемъ смысла данной фразы, и модифицируетъ въ сознаніи читающаго его экспрессію, заставляя его сообщать голосу при произношеніи надлежащую интонацію? Экспрессія такого рода

Digitized by Google

почти всегда всецѣло зависитъ отъ грамматической конструкціи. Если мы читаемъ: «не болѣе», то ожидаемъ «чѣмъ», если читаемъ «хотя», то знаемъ, что далѣе слѣдуетъ «однако», «тѣмъ не менѣе», «все-таки». Это предчувствіе приближающейся словесной или синтаксической схемы, на практикѣ до того безошибочно, что читатель, неспособный понять въ иной книгѣ ни одной мысли, будетъ читать ее вслухъ въ высшей степени выразительно и осмысленно.

Читатель сейчасъ увидитъ, что я стремлюсь главнымъ образомъ къ тому, чтобы психологи обращали особенное вниманіе на смутныя и неотчетливыя явленія сознанія и оцѣнивали по достоинству ихъ роль въ душевной жизни человѣка. Гальтонъ и проф. Гёкели, какъ мы увидимъ въ главѣ «*О воображеніи*», сдѣлали нѣкоторыя попытки къ опроверженію смѣшной теоріи Юма и Беркли, будто мы можемъ сознавать только вполнѣ опредѣленные образы предметовъ. Другая попытка въ этомъ направленіи сдѣлана нами, если только намъ удалось показать несостоятельность не менѣе наивной мысли, будто одни простыя объективныя качества предметовъ, а не отношенія познаются нами изъ «состояній сознанія». Но всѣ эти попытки недостаточно радикальны. Мы должны признать, что опредѣленные образы традиціонной психологіи составляютъ лишь минимальную часть нашей психической жизни. Традиціонные психологи разсуждаютъ подобно тому, кто сталъ бы утверждать что рѣка состоитъ изъ бочекъ, ведеръ, кварть, ложекъ и другихъ опредѣленныхъ мѣровъ воды. Если бы бочки и ведра дѣйствительно запрудили рѣку, то между ними всетаки протекала бы масса свободной воды. Эту то свободную, незамкнутую въ сосуды воду психологи и игнорируютъ упорно при анализѣ нашего сознанія. Всякій опредѣленный образъ въ нашемъ сознаніи погруженъ въ массу свободной, текущей вокругъ него «воды» и замираетъ въ ней. Съ нимъ связано сознаніе всѣхъ окружающихъ отношеній какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ, замирающее эхо тѣхъ мотивовъ, по которымъ возникъ данный образъ, и зарождающееся сознаніе тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ поведетъ. Значеніе, цѣнность образа всецѣло заключается въ этомъ дополненіи, въ этой полутѣни окружающихъ и сопровождающихъ его элементовъ мысли, или лучше сказать, эта полутѣнь составляетъ съ даннымъ образомъ одно цѣлое, — она плоть отъ плоти его и кость отъ кости его; оставляя, правда, самый образъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ прежде, она сообщаетъ ему новое значеніе и свѣжую окраску.

Назовемъ сознаваніе этихъ отношеній, сопровождающее въ видѣ деталей данный образъ, «психическими обертонами».

Физіологическія условія «психическихъ обертоновъ». Всего легче символизировать эти явленія, описавъ схематически соотвѣтствующіе имъ физіологическіе процессы. Отголосокъ психическихъ про-

Digitized by Google

цессовъ, служившихъ источникомъ даннаго образа, ослабѣвающее ощущеніе исходнаго пункта данной мысли, вѣроятно, обусловлены слабыми физіологическими процессами, которые мгновеніе спустя стали живы; точно такъ же смутное ощущеніе слѣдующаго за даннымъ образомъ, предвкушеніе окончанія данной мысли, должно быть, зависятъ отъ возрастающаго возбужденія нервныхъ токовъ или процессовъ, а этимъ процессамъ соотвѣтствуютъ психическія явленія, которыя черезъ мгновеніе будутъ составлять главное содержаніе нашей мысли. Нервные процессы, образующіе физіологическій субстратъ нашего сознанія, могутъ быть во всякую минуту своей дѣятельности охарактеризованы слѣдующей схемой.

Пусть горизонтальная линія на рисункѣ 52-мъ означаетъ линію времени; пусть три кривыя, начинающіяся у точекъ *a*, *b* и *c*, выражаютъ соотвѣтственно нервные процессы, обусловливающіе представленіе этихъ трехъ буквъ. Каждый процессъ занимаетъ извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго его интенсивность ростетъ, достигаетъ высшей точки и, наконецъ, ослабѣваетъ. Въ то время, какъ процессъ, соотвѣтствующій сознаванію *a*, еще не замеръ, процессъ *c* уже начался, а процессъ *b* достигъ высшей точки. Въ тотъ моментъ, который обозначенъ вертикальной линіей, всѣ три процесса *сосуществуютъ* съ интенсивностями, обозначаемыми высотами кривыхъ. Интенсивности, предшествовавшія вершинѣ *c*, *были* мгновеніемъ раньше больше, слѣдующія за нею *будутъ* больше мгновенье спустя. Когда я говорю: *a*, *b*, *c*, то въ моментъ произнесенія *b* ни *a*, ни *c* не отсутствуютъ вполнѣ въ моемъ сознаніи, но каждое изъ нихъ по своему примѣшивается къ болѣе сильному *b*, такъ какъ оба эти процесса уже успѣли достигнуть извѣстной степени интенсивности. Здѣсь мы наблюдаемъ нѣчто совершенно аналогичное «обертонамъ» въ музыкѣ: отдѣльно они не различаются ухомъ, но, смѣшиваясь съ основною нотой, они модифицируютъ ее, такимъ же точно образомъ зарождающіеся и ослабѣвающіе нервные процессы въ каждый моментъ примѣшиваются къ процессамъ, достигшимъ ихъ высшей точки, и тѣмъ видоизмѣняютъ конечный результатъ послѣднихъ.

Содержаніе мысли. Анализируя *познавательную* функцію при различныхъ состояніяхъ нашего сознанія, мы можемъ легко убѣдиться, что разница между поверхностнымъ «знакомствомъ» съ предметомъ и «знаніемъ о немъ» сводится почти всецѣло къ отсутствію или присутствію психическихъ обертоновъ. Знаніе о предметѣ есть знаніе объ его отношеніяхъ къ другимъ предметамъ. Бѣглое знакомство съ предметомъ выражается въ воспріятіи отъ него простого впечатлѣнія. Большинство отношеній даннаго предмета къ другимъ познается нами только путемъ установленія неяснаго сродства между идеями при помощи психическихъ обер-

Digitized by Google

тоновъ. Объ этомъ чувствѣ сродства, представляющемъ одну изъ любопытнѣйшихъ особенностей потока сознанія, я скажу еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ анализу другихъ вопросовъ.

Между мыслями всегда существуетъ какое-нибудь раціональное отношеніе. Во всѣхъ нашихъ произвольныхъ процессахъ мысли всегда есть извѣстная *тема* или *идея*, около которой вращаются всѣ остальныя детали мысли (въ видѣ «психическихъ обертоновъ»). Въ этихъ деталяхъ чувствуется всегда извѣстное отношеніе къ главной мысли, связанный съ нею интересъ и въ особенности отношеніе гармоніи или диссонанса, смотря по тому, содѣйствуютъ ли онѣ развитію главной мысли или составляютъ для нея помѣху. Всякая мысль, въ которой детали по своему качеству вполнѣ гармонируютъ съ основной идеей, можетъ считаться успѣшнымъ развитіемъ извѣстной темы. Для того, чтобы объектъ мысли занялъ соотвѣтствующее ему мѣсто въ ряду нашихъ идей, достаточно, чтобы онъ занималъ извѣстное мѣсто въ той схемѣ отношеній, къ которой относится и господствующая въ нашемъ сознаніи идея.

Мы можемъ мысленно развивать основную тему въ нашемъ сознаніи главнымъ образомъ при посредствѣ словъ или зрительныхъ и иныхъ представленій; на успѣшное развитіе основной мысли это обстоятельство не имѣетъ вліянія. Если только мы чувствуемъ въ терминахъ сродство деталей мысли съ основною темой и между собою, и если мы сознаемъ приближеніе вывода, то чувствуемъ, что мысль развивается правильно и логично. Въ каждомъ языкѣ извѣстныя слова въ силу частыхъ ассоціацій съ деталями мысли по сходству и по контрасту вступили въ тѣсную связь между собою и съ извѣстнымъ заключеніемъ, вслѣдствіе чего словесный процессъ мысли течетъ строго параллельно соотвѣтствующимъ психическимъ процессамъ въ формѣ зрительныхъ, осязательныхъ и иныхъ представленій. Въ этихъ психическихъ процессахъ самымъ важнымъ элементомъ является простое чувство гармоніи или разлада, правильнаго или ложнаго направленія мысли.

Если мы свободно владѣемъ англійскимъ и французскимъ языками и начинаемъ говорить по французски, то при дальнѣйшемъ ходѣ мысли намъ будутъ приходить въ голову французскія слова, и почти никогда при этомъ намъ не случится сбиться на англійскую рѣчь. И это сродство французскихъ словъ между собою не есть нѣчто, совершающееся безсознательнымъ механическимъ путемъ, какъ простой физіологическій процессъ: во время процесса мысли это сродство сознается нами. Мы не утрачиваемъ настолько пониманія французской рѣчи, чтобы не сознавать вовсе лингвистическаго сродства входящихъ въ нее словъ. Наше вниманіе при звукахъ французской рѣчи всегда бываетъ поражено внезапнымъ введеніемъ въ нее англійскаго слова. Минимальное пониманіе слы-

Digitized by Google

шимыхъ звуковъ выражается именно въ томъ, что мы сознаемъ въ нихъ принадлежность къ извѣстному языку, если только мы вообще сознаемъ ихъ. Обыкновенно смутное сознаніе того, что всѣ слышимыя нами слова принадлежатъ одному и тому же языку и извѣстному спеціальному словарю этого языка, и что грамматическія согласованія вполнѣ правильно при этомъ соблюдены, равносильно на практикѣ признанію, что слышимое нами имѣетъ извѣстный смыслъ. Но, если внезапно въ слышимую рѣчь введено неизвѣстное иностранное слово, если въ ней слышится ошибка, или среди философскихъ разсужденій вдругъ попадается какое-нибудь площадное, тривіальное выраженіе, то мы получаемъ ощущеніе диссонанса отъ несоотвѣтствія, и наше полусознательное согласіе съ общимъ тономъ рѣчи мгновенно исчезаетъ. Въ этихъ случаяхъ сознаніе разумности рѣчи выражается скорѣе въ отрицательной, чѣмъ въ положительной формѣ, въ простомъ отсутствіи чувства несоотвѣтствія между элементами мысли.

Наоборотъ, если слова принадлежатъ тому же словарю, а грамматическія конструкціи строго соблюдены, то фразы, абсолютно лишенныя смысла, могутъ въ этомъ случаѣ сойти за осмысленныя сужденія и проскользнуть, нисколько не поразивъ непріятнымъ образомъ нашего слуха. Рѣчи на молитвенныхъ митингахъ, представляющія вѣчно одну и туже перетасовку безсмысленныхъ фразъ, и напыщенная риторика получающихъ грошъ за строчку газетныхъ писакъ могутъ служить яркими иллюстраціями этого факта. «Птицы заполняли вершины деревьевъ ихъ утренней пѣснью, дѣлая воздухъ сырымъ, прохладнымъ и пріятнымъ»,—вотъ фраза, которую я прочиталъ однажды въ отчетѣ объ атлетическомъ состязаніи, состоявшемся въ Джеромъ-Паркѣ. Репортеръ, очевидно, написалъ ее второпяхъ, а многіе читатели прочитали, не вдумываясь въ смыслъ.

Итакъ, мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ самое содержаніе нашей рѣчи, качественный характеръ представленій, образующихъ нашу мысль, имѣетъ весьма мало значенія, можно даже сказать, что не имѣетъ никакого. Важное значеніе при этомъ сохраняютъ по *внутреннему содержанію* только остановочные пункты въ рѣчи: основныя посылки мысли и выводы. Во всемъ остальномъ потокѣ мысли главная роль остается за чувствомъ сродства элементовъ рѣчи, самое же содержаніе ихъ почти не имѣетъ никакого значенія. Эти чувства отношеній, психическіе обертоны, сопровождающіе термины данной мысли, могутъ выражаться въ представленіяхъ весьма различнаго характера. На діаграммѣ (рис. 53-й) всего легче видѣть, какъ разнородные психическіе процессы ведутъ одинаково къ той же цѣли. Пусть A будетъ нѣкоторымъ впечатлѣніемъ, почерпнутымъ изъ внѣшняго опыта, отъ котораго отправляется мысль нѣсколькихъ лицъ. Пусть Z будетъ практическимъ выводомъ, къ которому всего естественнѣе приво-

Digitized by Google

дитъ данный опытъ. Одно изъ этихъ лицъ придетъ къ выводу по одной линіи, другое—по другой; одно будетъ при этомъ процессѣ мысли пользоваться англійской словесной символикой, другое—нѣмецкой; у одного будутъ преобладать зрительные образы, у другого—осязательные; у одного элементы мысли будутъ окрашены эмоціональнымъ волненіемъ, у другого—нѣтъ; у однихъ лицъ процессъ мысли совершится разомъ, быстро и синтетически, у другихъ—медленно и въ нѣсколько пріемовъ. Но, когда предпослѣдній элементъ въ мысли каждаго изъ данныхъ лицъ приводитъ всѣхъ ихъ къ тому же общему выводу, мы говоримъ и говоримъ совершенно правильно, что всѣ эти лица, въ сущности думали одно и то-же. Каждое изъ нихъ было бы чрезвычайно изумлено, заглянувъ въ предшествующій тому же выводу душевный процессъ другого и увидѣвъ въ немъ совершенно иные элементы мысли.

Третья особенность душевныхъ процессовъ, на которую намъ нужно обратить вниманіе при первоначальномъ поверхностномъ описаніи потока сознанія, заключается въ слѣдующемъ: Сознаніе всегда бываетъ болѣе заинтересовано въ одной сторонѣ объекта мысли, чѣмъ въ другой, производя во все время процесса мышленія извѣстный выборъ между его элементами, отвергая одни изъ нихъ и симпатизируя другимъ.

Яркими примѣрами этой избирательной дѣятельности могутъ служить явленія избирающаго вниманія и обдумыванія. Но немногіе изъ насъ сознаютъ, какъ непрерывна дѣятельность вниманія при психическихъ процессахъ, съ которыми обыкновенно не связываютъ этого понятія. Мы находимъ совершенно невозможнымъ равномѣрно распредѣлить наше вниманіе между нѣсколькими впечатлѣніями. Монотонная послѣдовательность звуковыхъ ударовъ распадается на ритмическіе періоды то одного, то другого характера, смотря по тому, на какіе звуки мы будемъ переносить мысленно удареніе. Простѣйшій изъ этихъ ритмовъ—двойной, напримѣръ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ. Пятна, разсѣянныя на поверхности, при воспріятіи мысленно объединяются нами въ ряды и группы. Линіи объединяются въ фигуры. Всеобщность различеній «здѣсь» и «тамъ», «это» и «то», «теперь» и «тогда» является результатомъ того факта, что мы направляемъ вниманіе то на однѣ, то на другія части пространства и времени.

Но мы не только дѣлаемъ извѣстное удареніе на нѣкоторыхъ элементахъ воспріятій, мы объединяемъ одни изъ нихъ и выдѣляемъ другіе. Обыкновенно большую часть находящихся передъ нами объектовъ мы оставляемъ безъ вниманія. Я попытаюсь вкратцѣ объяснить, какъ это происходитъ.

Начнемъ анализъ съ низшихъ формъ психики: что такое самыя чувства наши, какъ не органы подбора (см. стр. 8-ю)? Изъ безконечнаго хаоса движеній, изъ которыхъ, по словамъ физиковъ, состоитъ внѣшній міръ, каждый органъ чувствъ, извлекаетъ и вос-

Digitized by Google

принимаетъ лишь тѣ движенія, которыя колеблются въ извѣстныхъ предѣлахъ скорости. На эти движенія данный органъ чувствъ реагируетъ, оставляя безъ вниманія остальныя, какъ будто бы они вовсе не существовали. Изъ того, что само по себѣ представляетъ безпорядочное неразличимое сплошное цѣлое, лишенное всякихъ оттѣнковъ и различій, наши органы чувствъ, отвѣчая на одни движенія и не отвѣчая на другія, міръ, полный контрастовъ, рѣзкихъ удареній, внезапныхъ перемѣнъ и картинныхъ сочетаній свѣта и тѣни. Если ощущенія, получаемыя нами при посредствѣ органа чувствъ, обусловлены извѣстнымъ соотношеніемъ концевого аппарата органа ко внѣшней средѣ, то, съ другой стороны, изъ всѣхъ этихъ ощущеній вниманіе наше избираетъ лишь нѣкоторыя наиболѣе интересныя, оставляя въ сторонѣ остальныя. Мы замѣчаемъ лишь тѣ ощущенія, которыя служатъ знаками объектовъ, достойныхъ нашего вниманія въ практическомъ или эстетическомъ отношеніи, имѣющихъ особыя названія «существительныхъ» и потому возведенныхъ въ особый чинъ достоинства и независимости. Но помимо того особаго интереса, который мы придаемъ объекту, можно сказать, что какой-нибудь столбъ пыли въ вѣтряный день представляетъ совершенно такую же индивидуальную вещь и въ такой же мѣрѣ заслуживаетъ особаго названія, какъ и мое собственное тѣло.

Что же происходитъ далѣе съ ощущеніями, воспринятыми нами отъ каждаго отдѣльнаго предмета? Между ними разсудокъ снова дѣлаетъ выборъ. Извѣстныя ощущенія онъ избираетъ въ качествѣ чертъ, *правильно* характеризующихъ данный предметъ, на другія смотритъ, какъ на случайныя свойства предмета, обусловленныя обстоятельствами данной минуты. Такъ, напримѣръ, крышка моего стола называется квадратной, согласно одному изъ безконечнаго числа впечатлѣній, производимыхъ ею на ретину и представляющихъ ощущеніе двухъ острыхъ и двухъ тупыхъ угловъ; но всѣ эти впечатлѣнія я называю перспективными видами стола, четыре же прямыхъ угла считаю истинной формой стола, видя въ прямоугольной формѣ на основаніи нѣкоторыхъ собственныхъ эстетическихъ соображеній существенное свойство стола. Подобнымъ же образомъ, истинная форма круга воспринимается нами, когда линія зрѣнія перпендикулярна къ нему и проходитъ черезъ его центръ; всѣ другія ощущенія, получаемыя нами отъ круга, суть лишь знаки, указывающіе на это ощущеніе. Истинный звукъ пушки есть тотъ, который мы слышимъ, находясь возлѣ нея. Истинный цвѣтъ кирпича есть то ощущеніе, которое получается нами, когда глазъ глядитъ на него на недалекомъ разстояніи не при яркомъ освѣщеніи солнца и не въ полумракѣ; при другихъ же условіяхъ мы получаемъ отъ кирпича другое впечатлѣніе, которое служитъ лишь знакомъ, указывающимъ на истинное, именно, въ пер-

Digitized by Google

вомъ случаѣ кирпичъ кажется краснѣе, во второмъ синѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Читатель, вѣроятно, не знаетъ предмета, котораго онъ не представлялъ бы себѣ въ извѣстномъ типичномъ положеніи, извѣстнаго нормальнаго размѣра, на опредѣленномъ разстояніи, съ опредѣленной окраской и т. д. Но всѣ эти существенныя характерныя черты, которыя въ своей совокупности образуютъ для насъ истинную объективность предмета и контрастируютъ съ такъ называемыми субъективными ощущеніями, получаемыми когда-угодно отъ даннаго предмета, суть такія же простыя ощущенія. Нашъ умъ дѣлаетъ выборъ въ извѣстномъ направленіи и рѣшаетъ, какія именно ощущенія считать болѣе реальными и существенными.

Далѣе, въ мірѣ объектовъ, индивидуализированныхъ такимъ образомъ съ помощью избирательной дѣятельности нашего ума, то, что называется «опытомъ», всецѣло обусловливается воспитаніемъ нашего вниманія. Вещь можетъ попадаться человѣку на глаза сотни разъ, но, если онъ упорно будетъ не обращать на нее вниманія, то никакъ нельзя будетъ сказать, что эта вещь вошла въ составъ его жизненнаго опыта. Намъ случается видѣть тысячи мухъ, жуковъ и молей, но кто, кромѣ энтомолога, можетъ почерпнуть изъ своихъ наблюденій подробныя и точныя свѣдѣнія о жизни и свойствахъ этихъ насѣкомыхъ? Съ другой стороны, вещь, видѣнная разъ въ жизни, можетъ оставить неизгладимый слѣдъ въ нашей памяти. Представимъ себѣ, что четыре американца совершаютъ путешествіе по Европѣ. Одинъ привезетъ домой богатый запасъ художественныхъ впечатлѣній отъ костюмовъ, пейзажей, парковъ, произведеній архитектуры, скульптуры и живописи. Для другого во время путешествія эти впечатлѣнія какъ-бы не существовали: онъ весь будетъ занятъ собираніемъ статистическихъ данныхъ, касающихся практической жизни: разстоянія, цѣны, количество населенія, канализація городовъ, механизмы для замыканія дверей и оконъ — вотъ какіе предметы будутъ поглощать все его вниманіе. Третій, вернувшись домой, будетъ въ состояніи дать подробный отчетъ о театрахъ, ресторанахъ и публичныхъ собраніяхъ—и больше ни о чемъ; четвертый же, быть можетъ, во все время путешествія будетъ до того погруженъ въ свои думы, что по возвращеніи на родину, его память, кромѣ названій нѣкоторыхъ мѣстъ, ничего не сохранитъ. Изъ той же массы воспринятыхъ впечатлѣній, каждый путешественникъ избралъ то, что наиболѣе соотвѣтствовало его личнымъ интересамъ, и въ этомъ направленіи производилъ свои наблюденія.

Если теперь, оставивъ въ сторонѣ случайныя сочетанія объектовъ въ опытѣ, мы зададимся вопросомъ, какъ нашъ умъ *раціонально* связываетъ ихъ между собой, то мы увидимъ, что и въ этомъ послѣднемъ процессѣ подборъ играетъ главную роль. Въ главѣ

Digitized by Google

«*О мышленіи*», мы увидимъ, что всякое сужденіе обусловливается способностью ума раздробить на части анализируемое явленіе и извлечь изъ послѣднихъ то именно, что въ данномъ случаѣ можетъ повести къ правильному выводу: геніальнымъ человѣкомъ мы называемъ такого, который всегда съумѣетъ извлечь изъ даннаго опыта истину въ теоретическихъ вопросахъ и указать надлежащія средства въ практическихъ. Въ сферѣ эстетической нашъ законъ является еще болѣе несомнѣннымъ. Артистъ завѣдомо дѣлаетъ выборъ въ средствахъ художественнаго воспроизведенія, отбрасывая всѣ тоны, краски и размѣры, которыя не гармонируютъ другъ съ другомъ и не соотвѣтствуютъ главной цѣли его работы. Это единство, гармонія, «конвергенція характеровъ», согласно выраженію Тэна, которая сообщаетъ произведеніямъ искусства ихъ превосходство надъ произведеніями природы, всецѣло обусловлена *элиминаціей*. Любой объектъ, выхваченный изъ жизни, можетъ стать произведеніемъ искусства, если художникъ съумѣетъ въ немъ оттѣнить одну черту, какъ самую характеристическую, отбросивъ всѣ случайные, не гармонирующіе съ основной чертой элементы.

Дѣлая еще шагъ далѣе, мы переходимъ въ область этики, гдѣ выборъ завѣдомо царитъ надъ всѣмъ остальнымъ. Поступокъ не имѣетъ никакой этической цѣнности, если онъ не былъ выбранъ изъ нѣсколькихъ одинаково возможныхъ. Бороться во имя добра и постоянно поддерживать въ себѣ благія намѣренія, искоренять въ себѣ соблазнительныя влеченія, неуклонно держаться тяжелой стези добродѣтели — вотъ характеристическія проявленія этической способности. Мало того, все это представляетъ лишь средства къ достиженію цѣлей, которыя человѣкъ считаетъ высшими. Этическая же энергія par excellence должна идти еще дальше и выбирать изъ нѣсколькихъ цѣлей, одинаково достижимыхъ, ту, которую нужно будетъ считать наивысшею. Выборъ здѣсь влечетъ за собою весьма важныя послѣдствія, налагающія неизгладимую печать на всю дальнѣйшую дѣятельность человѣка. Когда человѣкъ обдумываетъ, совершить преступленіе, или нѣтъ, выбрать или нѣтъ эту профессію, взять ли на себя эту должность, жениться ли на богатой,—то выборъ человѣка въ сущности колеблется между нѣсколькими равно возможными будущими его характерами. Его рѣшеніе, сдѣланное въ данную минуту, предопредѣляетъ все его дальнѣйшее поведеніе. Шопенгауеръ, приводя въ пользу своего детерминизма тотъ аргументъ, что въ данномъ человѣкѣ со сложившимся характеромъ при данныхъ условіяхъ возможно лишь одно опредѣленное рѣшеніе воли, забываетъ, что въ такіе критическіе въ нравственномъ смыслѣ моменты для сознанія является сомнительною именно предполагаемая законченность характера. Здѣсь для человѣка не столь важенъ вопросъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ: ему важнѣе опредѣлить, какимъ существомъ лучше *стать* ему на будущее время.

Digitized by Google

Разсматривая человѣческій опытъ вообще, можно сказать, что способность выбора у различныхъ людей имѣетъ очень много общаго. Родъ человѣческій въ его цѣломъ сходится въ томъ, на какіе объекты слѣдуетъ обращать особое вниманіе, и какимъ объектамъ слѣдуетъ давать названія; въ выдѣленныхъ изъ опыта элементахъ мы оказываемъ предпочтеніе однимъ передъ другими также весьма аналогичнымъ путемъ. Есть, впрочемъ, одинъ совершенно исключительный случай, въ которомъ выборъ не былъ произведенъ ни однимъ человѣкомъ вполнѣ аналогично съ другимъ. Всякій изъ насъ по своему раздѣляетъ міръ на двѣ половинки, и для каждаго изъ насъ почти весь интересъ жизни сосредоточивается на одной изъ нихъ, но пограничная черта между обѣими половинками проводится нами весьма различно. Моя мысль станетъ вполнѣ понятной, если я скажу, что всѣ мы называемъ эти половинки одинаково: «я» и «не-я». Интересъ совершенно особеннаго свойства, который всякій человѣкъ питаетъ къ тому, что называетъ «я» или «мое», представляетъ, быть можетъ, загадочное въ моральномъ отношеніи явленіе, но во всякомъ случаѣ долженъ считаться основнымъ психологическимъ фактомъ. Никто не можетъ питать одинаковый интересъ къ своей личности и къ личности своего ближняго. Личность ближняго сливается со всѣмъ остальнымъ міромъ въ одну общую массу, рѣзко противополагаемую моему собственному «я». Даже полураздавленный червь, какъ говоритъ гдѣ-то Лотце, противопоставляетъ своему страданію всю остальную вселенную, хотя и не имѣетъ о ней и о себѣ самомъ яснаго представленія. Для меня онъ простая частица міра, но и я для него такая же простая частица. Каждый изъ насъ раздвояетъ міръ по своему.

Сдѣлавъ общую характеристику психическихъ явленій, обратимся теперь къ болѣе тонкому анализу душевной жизни, и прежде всего въ слѣдующей главѣ познакомимся ближе съ фактомъ самосознанія, къ которому насъ привело предшествующее изслѣдованіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Личность.

«Личность» и «я». О чемъ бы я ни думалъ, я всегда въ то-же время болѣе или менѣе сознаю *самого себя*, свое *личное существованіе*. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдь это *я* сознаю, такъ что мое самосознаніе въ его цѣломъ является какъ-бы двойственнымъ — частію познаваемымъ и частію познающимъ, частію объектомъ и частію субъектомъ: въ немъ надо различать двѣ стороны, изъ которыхъ для

Digitized by Google

краткости одну мы будемъ называть *личностью*, а другую «*я*». Я говорю «двѣ стороны», а не «двѣ обособленныхъ сущности», такъ какъ тожество нашего «я» и нашей «личности» даже въ самомъ актѣ ихъ различенія представляетъ, быть можетъ, самое неукоснительное требованіе здраваго смысла и не должно упускаться нами изъ вида съ самаго начала при установленіи терминологіи, къ какимъ-бы выводамъ относительно ея состоятельности мы ни пришли въ концѣ нашего изслѣдованія. Итакъ, разсмотримъ сначала: 1) познаваемый элементъ въ сознаніи личности или, какъ иногда выражаются, наше эмпирическое *Ego* и затѣмъ 2) познающій элементъ въ нашемъ сознаніи, наше «я», чистое *Ego*, какъ выражаются нѣкоторые авторы.

А) Познаваемый элементъ въ сознаніи.

Эмпирическое «я» или «личность». Трудно провести черту между тѣмъ, что человѣкъ называетъ *самимъ собою* и *своимъ*. Наши чувства и поступки по отношенію къ нѣкоторымъ вещамъ, составляющимъ нашу принадлежность, въ значительной степени сходны съ чувствами и поступками по отношенію къ намъ самимъ. Наше доброе имя, наши дѣти, наши произведенія могутъ быть намъ такъ же дороги, какъ и наше собственное тѣло, и могутъ вызывать въ насъ тѣ же чувства, а въ случаѣ посягательства на нихъ—тоже стремленіе къ возмездію. А самыя тѣла наши — просто ли они *наши* или *мы сами*? Безспорно, бывали случаи, когда люди отрекались отъ своихъ собственныхъ тѣлъ и смотрѣли на нихъ, какъ на одѣянія или даже какъ на тюрьму, изъ которой они когда-нибудь будутъ счастливы вырваться.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ измѣнчивымъ матеріаломъ: тотъ же самый предметъ разсматривается нами иногда какъ часть нашей личности, иногда просто какъ *нашъ* и иногда—какъ будто у насъ нѣтъ съ нимъ ничего общаго. Впрочемъ, *въ самомъ широкомъ смыслѣ личность человѣка составляетъ общая сумма всего того, что онъ можетъ назвать своимъ*: не только его физическія и душевныя качества, но также его платье, его домъ, его жена, дѣти, предки и друзья, его репутація и труды, его имѣніе, его лошади, его яхта и капиталы. Все это вызываетъ въ немъ аналогичныя чувства. Если по отношенію ко всему этому дѣло обстоитъ благополучно—онъ торжествуетъ; если дѣла приходятъ въ упадокъ—онъ огорченъ; разумѣется, каждый изъ перечисленныхъ нами объектовъ вліяетъ не въ одинаковой степени на состояніе его духа, но всѣ они оказываютъ болѣе или менѣе аналогичное воздѣйствіе на его самочувствіе. Понимая слово *личность* въ самомъ широкомъ смыслѣ, мы можемъ прежде всего подраздѣлить анализъ ея на три части въ отношеніи:

Digitized by Google

a) ея составныхъ элементовъ,
b) чувствъ и эмоцій, вызываемыхъ ими (*самоощущенія*),
c) поступковъ, вызываемыхъ ими (*заботы о самомъ себѣ и самосохраненіе*).

a) *Составные элементы личности* могутъ быть подраздѣлены на три класса:

физическая личность,
соціальная личность и
духовная личность.

Физическая личность. Въ каждомъ изъ насъ тѣлесная организація представляетъ существеннѣйшую часть нашей физической личности, а нѣкоторыя части нашего тѣла могутъ быть названы нашими въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. За тѣлесной организаціей слѣдуетъ одежда. Старая поговорка, что человѣческая личность состоитъ изъ трехъ частей: души, тѣла и платья,—нѣчто большее, нежели простая шутка. Мы въ такой степени присвоиваемъ платье нашей личности, до того отожествляемъ одно съ другимъ, что немногіе изъ насъ дадутъ, не колеблясь ни минуты, рѣшительный отвѣтъ на вопросъ, какую бы изъ двухъ альтернативъ они выбрали: имѣть прекрасное тѣло, облеченное въ вѣчно грязныя и рваныя лохмотья, или подъ вѣчно-новымъ костюмомъ съ иголочки скрывать безобразное, уродливое тѣло. Затѣмъ, ближайшею частью насъ самихъ является наше семейство, наши отецъ и мать, жена и дѣти—плоть отъ плоти и кость отъ кости нашей. Когда они умираютъ, исчезаетъ часть насъ самихъ. Намъ стыдно за ихъ дурные поступки. Если кто-нибудь обидѣлъ ихъ, негодованіе вспыхиваетъ въ насъ тотчасъ, какъ будто мы сами были на ихъ мѣстѣ. Далѣе слѣдуетъ нашъ «домашній очагъ», нашъ «home». Сцены въ немъ составляютъ часть нашей жизни, его видъ вызываетъ въ насъ нѣжнѣйшее чувство привязанности, и мы неохотно прощаемъ гостю, который, посѣтивъ насъ, указываетъ недостатки въ нашей домашней обстановкѣ или презрительно къ ней относится. Мы отдаемъ инстинктивное предпочтеніе всѣмъ этимъ разнообразнымъ объектамъ, связаннымъ съ наиболѣе важными практическими интересами нашей жизни. Всѣ мы имѣемъ безсознательное влеченіе охранять наши тѣла, облекать ихъ въ платья, снабженныя украшеніями, лелѣять нашихъ родителей, жену и дѣтей и пріискивать себѣ собственный уголокъ, въ которомъ мы могли бы жить, совершенствуя свою домашнюю обстановку.

Такое же инстинктивное влеченіе побуждаетъ насъ накоплять состояніе, а сдѣланныя нами ранѣе пріобрѣтенія становятся въ большей или меньшей степени близкими частями нашей эмпирической личности. Наиболѣе тѣсно связанными съ нами частями нашего имущества являются продукты нашего кровнаго труда. Немногіе люди не почувствовали бы своего личнаго уничтоженія, если бы произведеніе ихъ рукъ и мозга (напримѣръ, энтомологическая

Digitized by Google

коллекція или обширный трудъ въ рукописи), создававшееся ими въ теченіе цѣлой жизни, вдругъ оказалось уничтоженнымъ. Подобное же чувство питаетъ скупой къ своимъ деньгамъ; при этомъ, хотя и правда, что часть нашего огорченія при потерѣ предметовъ обладанія обусловлена сознаніемъ того, что мы теперь должны обходиться безъ нѣкоторыхъ благъ, которыя расчитывали получить при дальнѣйшемъ пользованіи утраченными нынѣ объектами, но все-таки во всякомъ подобномъ случаѣ сверхъ того еще остается въ насъ чувство умаленія нашей личности, превращенія нѣкоторой части ея въ ничто—и этотъ фактъ представляетъ собою самостоятельное психическое явленіе. Мы сразу попадаемъ на одну доску съ голяками, съ тѣми «pauvres diables», которыхъ мы такъ презираемъ, и въ тоже время являемся болѣе чѣмъ когда-нибудь отчужденными отъ счастливыхъ сыновъ земли, властелиновъ надъ сушей и надъ моремъ, людей, живущихъ въ полномъ блескѣ могущества и матеріальной обезпеченности. Какъ бы мы ни взывали къ демократическимъ принципамъ, невольно передъ такими людьми явно или тайно мы переживаемъ чувства страха и уваженія.

Соціальная личность. Признаніе въ насъ личности со стороны другихъ представителей человѣческаго рода дѣлаетъ изъ насъ, общественную личность. Мы не только стадныя животныя, не только любимъ быть въ обществѣ себѣ подобныхъ, но имѣемъ даже прирожденную наклонность обращать на себя вниманіе другихъ и производить на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Трудно придумать болѣе дьявольское наказаніе (если бы такое наказаніе было физически возможно), какъ если бы кто-нибудь попалъ въ общество людей, гдѣ на него совершенно не обращали бы вниманія. Если бы никто не оборачивался при нашемъ появленіи, не отвѣчалъ на наши вопросы, не интересовался нашими дѣйствіями, если бы всякій при встрѣчѣ съ нами намѣренно не узнавалъ насъ и обходился съ нами, какъ съ неодушевленными предметами, то нами овладѣло бы извѣстнаго рода бѣшенство, извѣстнаго рода безсильное отчаяніе, отъ котораго были бы облегченіемъ жесточайшія тѣлесныя муки, ибо при этихъ мукахъ мы чувствовали бы, что, при всей безвыходности нашего положенія, мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать вниманія.

Собственно говоря, у человѣка столько соціальныхъ личностей, сколько индивидовъ признаютъ въ немъ личность и имѣютъ о ней представленіе. Посягнуть на это представленіе—значитъ посягнуть на самого человѣка. Но, принимая во вниманіе, что индивиды, имѣющіе представленіе о данномъ человѣкѣ, естественно распадаются на классы, мы можемъ сказать, что на практикѣ всякій человѣкъ имѣетъ столько же различныхъ соціальныхъ личностей, сколько имѣется различныхъ группъ людей, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожитъ. Многіе мальчики ведутъ себя довольно прилично

Digitized by Google

въ присутствіи своихъ родителей или преподавателей, а въ компаніи невоспитанныхъ товарищей безчинствуютъ и бранятся, какъ пьяные извозчики. Мы выставляемъ себя въ совершенно иномъ свѣтѣ передъ нашими дѣтьми, нежели передъ клубными товарищами; мы держимъ себя иначе, передъ нашими постоянными покупателями чѣмъ передъ нашими работниками; мы—нѣчто совершенно другое по отношенію къ нашимъ близкимъ друзьямъ, чѣмъ по отношенію къ нашимъ хозяевамъ или къ нашему начальству. Отсюда на практикѣ получается подраздѣленіе человѣка на нѣсколько личностей; это можетъ повести къ дисгармоническому раздвоенію соціальной личности, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если кто-нибудь боится выставить себя передъ одними знакомыми въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ представляется другимъ; но тотъ же фактъ можетъ повести къ гармоническому распредѣленію различныхъ сторонъ личности; напримѣръ, когда кто-нибудь, будучи нѣжнымъ къ своимъ дѣтямъ, является строгимъ къ подчиненнымъ ему узникамъ или солдатамъ.

Самой своеобразной формой соціальной личности, какую можно имѣть, является для влюбленнаго представленіе его личности любимой имъ особой. Судьбы этой личности вызываютъ столь живое участіе въ заинтересованномъ индивидѣ, что подобное участіе покажется совершенно безсмысленнымъ, если прилагать къ нему какой-либо иной масштабъ, кромѣ мѣрила органическаго индивидуальнаго влеченія. Для самого себя онъ какъ бы не существуетъ, пока его своеобразная соціальная личность не получитъ должной оцѣнки въ глазахъ любимаго существа, въ послѣднемъ случаѣ его восторгъ превосходитъ всѣ границы.

Добрая или худая слава человѣка, его честь или позоръ — это названія для одной изъ его соціальныхъ личностей. Своеобразная общественная личность человѣка, называемая его честью, является результатомъ одного изъ тѣхъ раздвоеній личности, о которыхъ мы говорили. Представленіе въ извѣстномъ свѣтѣ человѣка въ глазахъ окружающей его среды является руководящимъ мотивомъ для одобренія или осужденія его поведенія, смотря по тому, примѣняется ли онъ къ требованіямъ данной общественной среды, къ требованіямъ, которыя онъ могъ бы не соблюдать при другой житейской обстановкѣ. Такъ, напримѣръ, частное лицо можетъ безъ зазрѣнія совѣсти покинуть городъ, зараженный холерой, но священникъ или докторъ нашли бы такой поступокъ несовмѣстимымъ съ ихъ понятіемъ о чести. Честь солдата побуждаетъ его сражаться и умирать при такихъ обстоятельствахъ, когда другой человѣкъ имѣетъ полное право скрыться въ безопасное мѣсто или бѣжать, не налагая на свое соціальное «я» позорнаго пятна. Подобнымъ же образомъ, судья или государственный мужъ, въ силу облекающаго ихъ званія, находятъ противнымъ своей чести

Digitized by Google

принимать участіе въ денежныхъ операціяхъ, не заключающихъ въ себѣ ничего предосудительнаго для частнаго лица. Весьма часто можно слышать, какъ люди проводятъ различіе между отдѣльными сторонами своей личности: «Какъ человѣкъ, я жалѣю васъ, но, какъ оффиціальное лицо, я не могу васъ пощадить». «Въ политическомъ отношеніи онъ мой союзникъ, но, какъ нравственную личность, я не выношу его». То, что называютъ мнѣніемъ *среды*, составляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей въ жизни. Воръ не смѣетъ обкрадывать своихъ товарищей; карточный игрокъ обязанъ платить свои карточные долги, хотя бы онъ вовсе не платилъ иныхъ своихъ долговъ. Всегда и вездѣ кодексъ чести «фешенабельнаго» общества возбраняетъ или разрѣшаетъ извѣстные поступки единственно въ угоду одной изъ сторонъ нашей соціальной личности. Вообще говоря, вы не должны лгать, но въ томъ, что касается вашихъ отношеній къ извѣстной дамѣ — лгите, сколько вамъ угодно; отъ равнаго себѣ вы принимаете вызовъ на дуэль, но вы засмѣетесь въ глаза лицу низшаго, сравнительно съ вами, общественнаго положенія, если это лицо вздумаетъ потребовать отъ васъ удовлетворенія—вотъ примѣры для поясненія нашей мысли.

Духовная личность. Подъ *духовною* личностью, поскольку она стоитъ въ связи съ *эмпирической*, мы не разумѣемъ того или другого отдѣльнаго преходящаго состоянія нашего сознанія. Скорѣе мы разумѣемъ подъ духовною личностью полное объединеніе отдѣльныхъ состояній сознанія, конкретно взятыхъ духовныхъ способностей и свойствъ. Это объединеніе въ каждую отдѣльную минуту можетъ стать объектомъ моей мысли и вызвать эмоціи, аналогичныя съ эмоціями, производимыми во мнѣ другими сторонами моей личности. Когда мы *думаемъ о себѣ, какъ о мыслящихъ существахъ*, всѣ другіе ингредіенты нашей личности представляются относительно насъ какъ-бы внѣшними объектами. Даже въ границахъ нашей духовной личности нѣкоторые элементы кажутся болѣе внѣшними, чѣмъ другіе. Напримѣръ, наши способности къ ощущенію представляются, такъ сказать, менѣе интимно связанными съ нашимъ «я», чѣмъ наши эмоціи и желанія. Самый центръ, самое ядро нашего «я», поскольку оно намъ извѣстно, святое святыхъ нашего существа, это—чувство активности, обнаруживающееся въ нѣкоторыхъ нашихъ внутреннихъ душевныхъ состояніяхъ. На это чувство внутренней активности часто указывали, какъ на непосредственное проявленіе жизненной субстанціи нашей души. Такъ ли это или нѣтъ, мы не будемъ разбирать, а отмѣтимъ здѣсь только своеобразный *внутренній характеръ* душевныхъ состояній, обладающихъ свойствомъ казаться активными, каковы бы ни были сами по себѣ эти душевныя состоянія. Кажется, будто они *идутъ на встрѣчу* всѣмъ другимъ опытнымъ элементамъ нашего сознанія. Въ этомъ чувствѣ, вѣроятно, сходятся всѣ люди.

Digitized by Google

b) За составными элементами личности въ нашемъ изложеніи слѣдуютъ *характеризующія ее чувства и эмоціи.*

Самооцѣнка. Она бываетъ двухъ родовъ: *самодовольство* и *недовольство собою.* Самолюбіе можетъ быть скорѣе отнесено къ третьему отдѣлу, *c*, къ отдѣлу *поступковъ*, ибо сюда по большей части относятъ скорѣе извѣстную группу дѣйствій чѣмъ чувствованій въ тѣсномъ смыслѣ слова. Для обоихъ родовъ самооцѣнки языкъ имѣетъ достаточный запасъ синонимовъ. Таковы съ одной стороны: гордость, самодовольство, высокомѣріе, суетность, самопочитаніе, заносчивость, тщеславіе; съ другой—скрытность, униженность, смущеніе, неувѣренность, стыдъ, уничиженіе, раскаяніе, сознаніе собственнаго позора и отчаяніе въ самомъ себѣ. Эти два противоположныхъ класса чувствованій являются непосредственными, первичными дарами нашей природы. Ассоціонисты, быть можетъ, скажутъ на это, что, съ другой стороны, это вторичныя, производныя явленія, возникающія изъ быстраго суммированія чувствъ удовольствія и неудовольствія, къ которымъ ведутъ благопріятныя или неблагопріятныя для насъ душевныя состоянія, причемъ сумма пріятныхъ представленій даетъ самодовольство, а сумма непріятныхъ—противоположное чувство стыда. Безъ сомнѣнія, при чувствѣ довольства собой, мы охотно перебираемъ въ умѣ всѣ возможныя награды за наши заслуги, а, отчаявшись въ самихъ себѣ, мы предчувствуемъ несчастіе; но простое ожиданіе награды еще не есть самодовольство, а предвидѣніе несчастія еще не составляетъ отчаянія въ самомъ себѣ, ибо у каждаго изъ насъ имѣется еще нѣкоторый постоянный средній тонъ самочувствія, совершенно независящій отъ нашихъ объективныхъ основаній быть довольными или недовольными. Такимъ образомъ, человѣкъ, поставленный въ весьма неблагопріятныя условія жизни, можетъ пребывать въ невозмутимомъ самодовольствѣ, а человѣкъ, который вызываетъ всеобщее уваженіе, и успѣхъ котораго въ жизни обезпеченъ, можетъ оставаться до конца недовѣрчивымъ къ своимъ силамъ.

Впрочемъ, можно сказать, что нормальнымъ *возбудителемъ* самочувствія является для человѣка его благопріятное или неблагопріятное положеніе въ свѣтѣ—его успѣхъ или неуспѣхъ. Человѣкъ, эмпирическая личность котораго имѣетъ широкіе предѣлы, который съ помощью своихъ собственныхъ силъ всегда достигалъ успѣха, личность съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, обезпеченная матеріально, окруженная друзьями, пользующаяся славой, едва ли будетъ склонна поддаваться страшнымъ сомнѣніямъ, едва ли будетъ относиться къ своимъ силамъ съ тѣмъ недовѣріемъ, съ какимъ она относилась къ нимъ въ своей юности. «Развѣ не я возрастила сады великаго Вавилона?» Между тѣмъ лицо, потерпѣвшее нѣсколько неудачъ одну за другой, падаетъ духомъ на половинѣ житейской дороги, проникается болѣзненной неувѣрен-

Digitized by Google

ностью въ самомъ себѣ и отступаетъ передъ попытками, вовсе не превосходящими его силы.

Чувства самодовольства и униженія одного рода—ихъ можно считать первичными видами эмоціи наряду, напримѣръ, съ гнѣвомъ и болью. Каждое изъ нихъ своеобразно отражается на нашей физіономіи. При самодовольствѣ иннервируются извѣстные мускулы, глаза принимаютъ увѣренное и торжествующее выраженіе, походка становится бодрой и нѣсколько покачивающейся, ноздри расширяются и своеобразная улыбка играетъ на губахъ. Вся совокупность внѣшнихъ тѣлесныхъ выраженій самодовольства въ самомъ крайнемъ своемъ проявленіи наблюдается въ домахъ умалишенныхъ, въ которыхъ всегда можно найти лицъ, буквально помѣшанныхъ на собственномъ величіи; ихъ самодовольная наружность и чванная походка составляетъ печальный контрастъ съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ личныхъ человѣческихъ достоинствъ. Въ этихъ же «замкахъ отчаянія» мы можемъ встрѣтить яркій образчикъ противоположнаго типа—добряка, воображающаго, что онъ совершилъ «смертный грѣхъ» и на вѣкъ «загубилъ свою душу», типъ, униженно пресмыкающійся, уклоняясь отъ посторонникъ наблюденій, не смѣя съ нами громко говорить и глядѣть намъ прямо въ глаза. Эти противоположныя чувства, подобно страху и гнѣву, при аналогичныхъ патологическихъ условіяхъ, могутъ возникать безъ всякой соотвѣтствующей внѣшней причины. Изъ ежедневнаго опыта намъ извѣстно, въ какой мѣрѣ барометръ нашей самооцѣнки и довѣрія къ себѣ поднимается и падаетъ въ зависимости скорѣе отъ чисто органическихъ, чѣмъ отъ раціональныхъ причинъ, причемъ эти измѣненія въ нашихъ субъективныхъ показаніяхъ нимало не соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ оцѣнкѣ нашей личности со стороны нашихъ друзей.

c) *Заботы о себѣ и самосохраненіе.* Подъ это понятіе подходитъ значительный классъ нашихъ основныхъ инстинктивныхъ побужденій. Сюда относятся *тѣлесное*, *соціальное* и *духовное* самосохраненія.

Заботы о физической личности. Всѣ цѣлесообразно-рефлекторныя дѣйствія и движенія питанія и защиты составляютъ акты тѣлеснаго самосохраненія. Подобнымъ же образомъ страхъ и гнѣвъ вызываютъ наступленіе цѣлесообразнаго движенія. Если подъ заботами о себѣ мы условимся разумѣть предвидѣніе будущаго въ отличіе отъ самосохраненія въ настоящемъ, то мы можемъ отнести гнѣвъ и страхъ къ инстинктамъ, побуждающимъ насъ охотиться, снискивать пропитаніе, строить жилища, дѣлать полезныя орудія и заботиться о своемъ организмѣ. Впрочемъ, эти послѣдніе инстинкты въ связи съ чувствомъ любви, родительской привязанности, любознательности и соревнованія распространяются не только на развитіе нашей тѣлесной личности, но и на все наше матеріальное «я», въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Digitized by Google

Наши заботы о своей соціальной «личности» выражаются непосредственно въ чувствѣ любви и дружбы, въ нашемъ желаніи обращать на себя вниманіе и вызывать въ другихъ изумленіе, въ чувствѣ ревности, стремленіи къ соперничеству, жаждѣ славы, вліянія и власти; косвеннымъ образомъ онѣ проявляются во всѣхъ побужденіяхъ къ матеріальнымъ заботамъ о себѣ, поскольку послѣднія могутъ служить средствомъ къ осуществленію общественныхъ цѣлей. Легко видѣть, что непосредственныя побужденія къ заботамъ о своей соціальной личности сводятся къ простымъ инстинктамъ. Въ стремленіи обращать на себя вниманіе другихъ характерно то обстоятельство, что его интенсивность нисколько не зависитъ отъ цѣнности достойныхъ вниманія заслугъ даннаго лица, цѣнности, которая была бы выражена въ сколько-нибудь осязательной или разумной формѣ. Мы изъ силъ надрываемся получить приглашеніе въ домъ, гдѣ бываетъ большое общество, чтобы при упоминаніи о комъ-нибудь изъ видѣнныхъ нами гостей имѣть возможность сказать: «А, я его хорошо знаю!» и раскланиваться на улицѣ чуть не съ половиною встрѣчныхъ. Конечно, намъ всего пріятнѣе имѣть друзей, выдающихся по рангу или достоинствамъ, и вызывать въ другихъ восторженное поклоненіе. Тэккерей въ одномъ изъ своихъ романовъ проситъ читателей сознаться откровенно, неужели каждому изъ нихъ не доставитъ особеннаго удовольствія прогулка по улицѣ Pall Mall съ двумя герцогами подъ ручку. Но, не имѣя герцоговъ въ кругу своихъ знакомыхъ и не слыша гула завистливыхъ голосовъ, мы не упускаемъ и менѣе значительныхъ случаевъ обратить на себя вниманіе. Есть страстные любители предавать свое имя гласности въ газетахъ—имъ все равно, подъ какую газетную рубрику попадетъ ихъ имя, въ разрядъ ли *прибывшихъ и выбывшихъ*, *частныхъ объявленій*, *интервью или городскихъ сплетенъ*, за недостаткомъ лучшаго они не прочь попасть даже въ *хронику скандаловъ*. Патологическимъ примѣромъ крайняго стремленія къ печатной гласности своего имени можетъ служить Гито, убійца президента Гарфильда. Его умственный горизонтъ не выходилъ изъ газетной сферы. Въ предсмертной молитвѣ этого несчастнаго однимъ изъ искреннѣйшихъ выраженій было слѣдующее: «Здѣшняя газетная пресса въ неоплатномъ долгу предъ Тобою, Господи».

Не только люди, но мѣстности и предметы, хорошо знакомые мнѣ, въ извѣстномъ метафорическомъ смыслѣ, расширяютъ мое соціальное «я». «Ça me connaît»,—говорилъ одинъ французскій работникъ, указывая на инструментъ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. Лица, мнѣніемъ которыхъ мы вовсе не дорожимъ, являются въ тоже время индивидами, вниманіемъ которыхъ мы не брезгаемъ. Не одинъ великій человѣкъ, не одна женщина, разборчивая во всѣхъ отношеніяхъ, съ трудомъ отвергнутъ вниманіе ни-

Digitized by Google

чтожнаго франта, всю личность котораго они презираютъ отъ чистаго сердца.

Подъ рубрику «попеченіе о духовной личности» слѣдуетъ отнести всю совокупность стремленій къ духовному прогрессу — умственному, нравственому и духовному въ узкомъ смыслѣ слова. Впрочемъ, необходимо допустить, что такъ называемыя заботы о своей *духовной* личности представляютъ въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ слова лишь заботу о матеріальной и соціальной личности въ загробной жизни. Въ стремленіи магометанина попасть въ рай или въ желаніи христіанина избѣгнуть мукъ ада матеріальность желаемыхъ благъ сама собой очевидна. Съ болѣе положительной и утонченной точки зрѣнія на будущую жизнь многія изъ ея благъ (сообщество съ усопшими и святыми и присутствіе Божества) суть лишь соціальныя блага наивысшаго порядка. Только стремленіе къ искупленію внутренней (грѣховной) природы души, къ достиженію ею безгрѣшной чистоты въ этой или будущей жизни могутъ считаться заботами о духовной нашей личности въ ея чистѣйшемъ видѣ.

Нашъ широкій внѣшній обзоръ фактовъ, наблюдаемыхъ въ жизни нашей личности, былъ бы неполонъ, еслибы мы не выяснили вопроса о соперничествѣ и столкновеніяхъ между отдѣльными сторонами нашей личности. Наша физическая природа ограничиваетъ нашъ выборъ одними изъ многочисленныхъ представляющихся намъ и желаемыхъ нами благъ, тотъ же фактъ наблюдается и въ данной сферѣ явленій. Еслибы только было возможно, то ужъ, конечно, никто изъ насъ не отказался бы быть сразу красивымъ, здоровымъ, прекрасно одѣтымъ человѣкомъ, великимъ силачемъ, богачемъ, имѣющимъ милліонный годовой доходъ, острякомъ, бонвиваномъ, покорителемъ дамскихъ сердецъ и въ то-же время философомъ, филантропомъ, государственнымъ дѣятелемъ, военачальникомъ, изслѣдователемъ Африки, моднымъ поэтомъ и святымъ человѣкомъ. Но это рѣшительно невозможно. Дѣятельность милліонера не мирится съ идеаломъ святого; филантропъ и бонвиванъ—понятія несовмѣстимыя; душа философа не уживается съ душою сердцеѣда въ одной тѣлесной оболочкѣ. Внѣшнимъ образомъ такіе различные характеры какъ будто и въ самомъ дѣлѣ совмѣстимы въ одномъ человѣкѣ. Но стоитъ дѣйствительно развить одно изъ свойствъ характера, чтобы оно тотчасъ же заглушило другія. Человѣкъ долженъ тщательно разсмотрѣть различныя стороны своей личности, чтобы искать спасенія въ развитіи глубочайшей, сильнѣйшей стороны своего «я». Всѣ другія стороны нашего «я» призрачны, только одна изъ нихъ имѣетъ реальное основаніе въ нашемъ характерѣ, и потому ея развитіе обезпечено. Неудачи въ развитіи этой стороны нашего характера суть дѣйствительныя неудачи, вызывающія стыдъ, а успѣхъ—настоящій успѣхъ, приносящій намъ истинную радость. Этотъ фактъ

Digitized by Google

можетъ служить прекраснымъ примѣромъ умственныхъ усилій *подбора*, на которыя я выше (стр. 130-я) настойчиво указывалъ. Прежде чѣмъ осуществить свой выборъ, наша мысль колеблется между нѣсколькими различными вещами, въ данномъ случаѣ она выбираетъ одну изъ многочисленныхъ сторонъ нашей личности или нашего характера, послѣ чего мы не чувствуемъ стыда, потерпѣвъ неудачу въ чемъ-нибудь, не имѣющемъ отношенія къ тому свойству нашего характера, которое остановило исключительно на себѣ наше вниманіе.

Намъ отсюда становится понятнымъ парадоксальный разсказъ о человѣкѣ, пристыженномъ до смерти тѣмъ, что онъ оказался не первымъ, а вторымъ въ свѣтѣ боксеромъ или гребцомъ. Что онъ въ силахъ побороть любого человѣка въ свѣтѣ, кромѣ одного — это для него ничего не значитъ. Пока онъ не одолѣетъ перваго въ состязаніи, ничто не принимается имъ въ разсчетъ. Онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ какъ бы не существуетъ. Тщедушный человѣкъ, котораго всякій можетъ побить, не огорчается своею физической немощью, ибо онъ давно оставилъ всякія попытки къ развитію этой стороны своей личности. Безъ попытокъ не можетъ быть неудачи, безъ неудачи не можетъ быть позора. Такимъ образомъ, наше довольство собою въ жизни обусловлено всецѣло тѣмъ, къ какому дѣлу мы себя предназначимъ. Оно опредѣляется отношеніемъ нашихъ дѣйствительныхъ способностей къ потенціальнымъ, предполагаемымъ — дробью, въ которой числитель выражаетъ нашъ активный успѣхъ, а знаменатель—наши претензіи:

$$\text{Самоуваженіе} = \frac{\text{Успѣхъ}}{\text{Претензіи}}$$

При увеличеніи числителя и уменьшеніи знаменателя дробь будетъ возрастать. Отказъ отъ претензій даетъ намъ такое же желанное облегченіе, какъ и осуществленіе ихъ на дѣлѣ, и отказываться отъ претензій будутъ всегда въ томъ случаѣ, когда разочарованія безпрестанны, а борьбѣ не предвидится исхода. Самый яркій изъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ этому представляетъ исторія евангельской теологіи, гдѣ мы находимъ убѣжденіе въ грѣховности, отчаяніе въ собственныхъ силахъ и потерю надежды на возможность спастись одними добрыми дѣлами, но подобные же примѣры можно встрѣтить въ жизни на каждомъ шагу. Человѣкъ, понявшій, что въ его ничтожествѣ въ извѣстномъ отношеніи не остается для другихъ никакихъ сомнѣній, чувствуетъ какое-то странное сердечное облегченіе. Неумолимое «нѣтъ», полный, рѣшительный отказъ влюбленному человѣку, какъ будто умѣряетъ его горечь при мысли о потерѣ любимой особы. Многіе жители Бостона crede experto (боюсь, что тоже можно сказать и о жителяхъ другихъ городовъ) могли бы съ облегченнымъ сердцемъ отказаться отъ своего музыкальнаго «я», чтобы имѣть возможность

Digitized by Google

безъ стыда смѣшивать наборъ звуковъ съ симфоніей. Какъ пріятно бываетъ иногда отказаться отъ претензій казаться молодымъ и стройнымъ. «Слава Богу, говоримъ мы въ такихъ случаяхъ, эти иллюзіи миновали!» Всякое расширеніе нашего «я» составляетъ лишнее бремя и лишнюю претензію. Разсказываютъ про нѣкоего господина, который въ послѣднюю американскую войну потерялъ все свое состояніе до послѣдняго цента; сдѣлавшись нищимъ, онъ буквально валялся въ грязи, но увѣрялъ, что отродясь еще онъ не чувствовалъ себя болѣе счастливымъ и свободнымъ.

Наше самочувствіе, повторяю, зависитъ отъ насъ самихъ. «Приравняй твои претензіи нулю—говоритъ Карлэйль,—и цѣлый міръ будетъ у ногъ твоихъ. Справедливо писалъ мудрѣйшій человѣкъ нашего времени, что жизнь, собственно говоря, начинается только съ момента отреченія».

Ни угрозы, ни пререкательства не могутъ оказать дѣйствія на человѣка, если они не затрогиваютъ одной изъ виртуальныхъ или активныхъ сторонъ его личности. Вообще говоря, только воздѣйствіемъ на эту личность мы можемъ «завладѣть» чужою волей. Поэтому, первѣйшая забота монарховъ, дипломатовъ и вообще всѣхъ стремящихся къ власти и вліянію, заключается въ томъ, чтобы найти у ихъ жертвы сильнѣйшій принципъ самоуваженія и сдѣлать воздѣйствіе на него своей конечной цѣлью. Но, если человѣкъ отказался отъ всего, что зависитъ отъ воли другого, и пересталъ смотрѣть на все это, какъ на части своей личности, то мы становимся почти совершенно безсильными вліять на него. Стоическое правило счастія заключалось въ томъ, чтобы мы напередъ считали себя лишенными всего того, что зависитъ не отъ нашей воли — тогда удары судьбы станутъ для насъ нечувствительны. Эпиктетъ совѣтуетъ намъ сдѣлать нашу личность неуязвимой, съуживая ея содержаніе, но въ тоже время укрѣпляя ея устойчивость: «Я долженъ умереть—хорошо, но долженъ ли я умирать, непремѣнно жалуясь на свою судьбу? Я буду открыто говорить правду, и, если тиранъ скажетъ: «За твои рѣчи ты достоинъ смерти», я отвѣчу ему: «Говорилъ ли я тебѣ когда-нибудь, что я безсмертенъ? Ты будешь дѣлать свое дѣло, а я свое; твое дѣло казнить, а мое—умирать безстрашно; твое дѣло—изгонять, а мое—безтрепетно удаляться. Какъ мы поступаемъ, когда отправляемся въ морское путешествіе? Мы выбираемъ кормчаго и матросовъ, назначаемъ время отъѣзда. На дорогѣ насъ застигаетъ буря. Въ чемъ же должны въ такомъ случаѣ состоять наши заботы? Наша роль ужъ выполнена. Дальнѣйшія обязанности лежатъ на кормчемъ. Но корабль тонетъ, что намъ дѣлать? Только одно, что возможно—безстрашно ждать гибели, безъ крика, безъ ропота на Бога, хорошо зная, что всякій, кто родился, долженъ когда-нибудь и умереть».

Digitized by Google

Въ свое время, въ своемъ мѣстѣ эта стоическая точка зрѣнія могла быть достаточно полезной и героической, но надо признаться, что она возможна только при постоянной наклонности души къ развитію узкихъ и несимпатичныхъ чертъ характера. Стоикъ дѣйствуетъ путемъ самоограниченія. Если я стоикъ, то блага, какія я могъ бы себѣ присвоить, перестаютъ быть *моими* благами, и во мнѣ является наклонность вообще отрицать за ними значеніе какихъ бы то ни было благъ. Этотъ способъ оказывать поддержку своему «я» путемъ отреченія, отказа отъ благъ весьма обыченъ среди лицъ, которыя въ другихъ отношеніяхъ никакъ не могутъ быть названы стоиками. Всѣ узкіе люди ограничиваютъ свою личность, отдѣляютъ отъ нея все то, что не составляетъ у нихъ прочнаго владѣнія. Они смотрятъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, если не съ настоящей ненавистью, на людей, непохожихъ на нихъ или не поддающихся ихъ вліянію, хотя бы эти люди обладали великими достоинствами. «Кто не за меня—тотъ для меня не существуетъ, то есть, насколько отъ меня зависитъ, я стараюсь дѣйствовать такъ, какъ будто онъ для меня вовсе не существовалъ». Такимъ путемъ, строгость и опредѣленность границъ моей личности можетъ вознаградить меня за скудость ея содержанія».

Симпатичные люди дѣйствуютъ, наоборотъ, путемъ расширенія своей личности и пріобщенія къ ней другихъ. Границы ихъ личности часто бываютъ довольно неопредѣленны, но зато богатство ея содержанія съ избыткомъ вознаграждаетъ ихъ за это. Nil humani a me alienum. «Пусть презираютъ мою скромную личность, пусть обращаются со мною, какъ съ собакой; пока есть душа въ моемъ тѣлѣ, я не буду ихъ отвергать. Они—такія же реальности, какъ и я. Все, что въ нихъ есть дѣйствительно хорошаго—пусть будетъ достояніемъ моей личности». Великодушіе этихъ экспансивныхъ натуръ иногда бываетъ поистинѣ трогательно. Такія лица способны испытывать своеобразное тонкое чувство восхищенія при мысли, что, несмотря на болѣзнь, непривлекательную внѣшность, плохія условія жизни, не смотря на общее къ нимъ пренебреженіе, они все-таки составляютъ неотдѣлимую часть этого міра бодрыхъ людей, имѣютъ товарищескую долю въ силѣ ломовыхъ лошадей, въ счастіи юности, въ мудрости мудрыхъ и не лишены нѣкотораго участія въ пользованіи богатствами Вандербильдовъ и даже самихъ Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ, то съуживаясь, то расширяясь, наше эмпирическое «я» пытается утвердиться во внѣшнемъ мірѣ. Тотъ, кто можетъ воскликнуть вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ: «О вселенная! Все, чего ты желаешь, того и я желаю!» имѣетъ личность, изъ которой удалено до послѣдней черты все, ограничивающее, съуживающее содержаніе личности—содержаніе его личности всеобъемлюще.

Іерархія личностей. Согласно почти единодушно принятому мнѣ-

Digitized by Google

нію, различные виды личностей, которые могутъ заключаться въ одномъ человѣкѣ, и въ связи съ этимъ различные виды самоуваженія человѣка, могутъ быть расположены въ формѣ *іерархической скáлы, съ физической личностью внизу, духовной наверху и различными видами матеріальныхъ (находящихся внѣ нашего тѣла) и соціальныхъ личностей въ промежуткѣ.* Чисто природная наклонность наша заботиться о себѣ вызываетъ въ насъ стремленіе расширять различныя стороны нашей личности; мы преднамѣренно отказываемся отъ развитія въ себѣ лишь того, въ чемъ не надѣемся достигнуть успѣха. Такимъ-то образомъ нашъ альтруизмъ является «необходимой добродѣтелью», и циники, описывая нашъ прогрессъ въ морали, не совсѣмъ лишены основаній напоминать при этомъ объ извѣстной баснѣ про лисицу и виноградъ. Но таковъ ужъ ходъ нравственнаго развитія человѣчества, и, если мы согласимся, что въ итогѣ тѣ виды личностей, которые мы въ состояніи удержать за собой, являются (для насъ) лучшими по внутреннимъ достоинствамъ, то у насъ не будетъ основаній жаловаться на то, что мы постигаемъ ихъ высшую цѣнность такимъ роковымъ путемъ.

Конечно, это не единственный путь, на которомъ мы учимся подчинять низшіе виды нашихъ личностей высшимъ. Въ этомъ подчиненіи безспорно играетъ извѣстную роль этическая оцѣнка, и, наконецъ, немаловажное значеніе имѣютъ въ примѣненіи къ намъ самимъ сужденія, высказанныя нами раньше о поступкахъ другихъ лицъ. Однимъ изъ курьезнѣйшихъ законовъ нашей (психической) природы является то обстоятельство, что мы съ удовольствіемъ наблюдаемъ въ себѣ извѣстныя качества, которыя кажутся намъ отвратительными, когда мы замѣчаемъ ихъ въ другихъ. Ни въ комъ не можетъ возбудить симпатіи физическая неопрятность иного субъекта, его жадность, честолюбіе, вспыльчивость, ревность, деспотизмъ или заносчивость. Предоставленный абсолютно самому себѣ, я, можетъ быть, охотно далъ бы неудержимо развиваться этимъ наклонностямъ и лишь спустя долгое время составилъ бы себѣ надлежащее представленіе о томъ, какое положеніе должна занимать подобная личность въ ряду другихъ. Но, такъ какъ мнѣ постоянно приходится составлять сужденія о другихъ людяхъ, то я вскорѣ пріучаюсь видѣть въ зеркалѣ чужихъ страстей, какъ выражается Горвицъ, отраженіе моихъ собственныхъ страстей, и начинаю *мыслить* о нихъ совершенно иначе, чѣмъ ихъ *чувствовать*. При этомъ, разумѣется, нравственные принципы, внушенные намъ съ дѣтства, чрезвычайно ускоряютъ въ насъ появленіе наклонности къ рефлексіи.

Такимъ-то путемъ и получается, какъ мы сказали, та скáла, на которой люди іерархически располагаютъ различные виды личностей по ихъ достоинству. Извѣстная доля тѣлеснаго эгоизма является необходимой подкладкой для всѣхъ другихъ ви-

Digitized by Google

довъ личности. Но излишкомъ чувственнаго элемента стараются пренебрегать или въ лучшемъ случаѣ пытаются уравновѣсить его другими свойствами характера. Матеріальнымъ видамъ личностей, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, отдается предпочтеніе передъ непосредственною личностью — тѣломъ. Жалкимъ существомъ почитаемъ мы того, кто не способенъ пожертвовать небольшимъ количествомъ пищи, питья или сна ради общаго подъема своего матеріальнаго благосостоянія. Соціальная личность въ ея цѣломъ опять же стоитъ выше матеріальной личности въ ея совокупности. Мы должны болѣе дорожить нашею честью, нашими друзьями и человѣческими отношеніями, чѣмъ здоровьемъ и матеріальнымъ благополучіемъ. Духовная же личность должна быть для человѣка высшимъ сокровищемъ: мы должны скорѣе пожертвовать друзьями, добрымъ именемъ, собственностью и даже жизнію, чѣмъ утратить духовныя блага нашей личности.

Во всѣхъ видахъ нашихъ личностей — физическомъ, соціальномъ и духовномъ — мы проводимъ различіе между непосредственнымъ, дѣйствительнымъ съ одной стороны и болѣе отдаленнымъ, потенціальнымъ съ другой, между болѣе близорукой и болѣе дальновидной точкой зрѣнія на вещи, дѣйствуя наперекоръ первой и въ пользу послѣдней. Ради общаго состоянія здоровья необходимо жертвовать минутнымъ удовольствіемъ въ настоящемъ; надо выпустить изъ рукъ одинъ долларъ, имѣя въ виду получить на нихъ сотню; надо порвать дружескія сношенія съ извѣстнымъ лицемъ въ настоящемъ, имѣя въ виду при этомъ пріобрѣсти себѣ болѣе достойный кругъ друзей въ будущемъ; надо быть неучемъ, человѣкомъ неизящнымъ, лишеннымъ всякаго остроумія, дабы надежнѣе стяжать спасеніе души.

Изъ этихъ болѣе широкихъ потенціальныхъ видовъ личностей, *потенціальная общественная личность* является наиболѣе интересной вслѣдствіе нѣкоторыхъ парадоксовъ, къ которымъ соображенія о ней приводятъ насъ на практикѣ, и вслѣдствіе ея тѣсной связи съ моральной и религіозной сторонами нашей личности. Если въ силу мотивовъ чести или совѣсти у меня хватаетъ духу произнести осужденіе надъ моей семьей, моей партіей, моимъ кругомъ близкихъ; если изъ протестанта я превращаюсь въ католика или изъ католика въ libre penseur'а; если изъ правовѣрнаго практика-аллопата я становлюсь гомеопатомъ или какимъ-нибудь другимъ сектантомъ медицины, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я равнодушно переношу потерю нѣкоторой доли моей соціальной личности, ободряя себя мыслію, что могутъ найтись иные лучшіе общественные судьи (надо мною), сравнительно съ тѣми, приговоръ которыхъ направленъ въ данную минуту противъ меня. Апеллируя къ рѣшенію этихъ новыхъ судей, я быть можетъ гонюсь за весьма далекимъ идеаломъ соціальной личности—быть можетъ, онъ окажется едва достижимымъ. Я могу

Digitized by Google

не разсчитывать на его осуществленіе при моей жизни; я могу даже ожидать, что послѣдующія поколѣнія, которыя одобрили бы мой образъ дѣйствій, еслибы онъ имъ былъ извѣстенъ, ничего не будутъ знать о моемъ существованіи послѣ моей смерти. Тѣмъ не менѣе чувство, увлекающее меня, есть безспорно стремленіе найти идеалъ соціальной личности, такой идеалъ, который, по крайней мѣрѣ, заслуживалъ бы одобренія со стороны строжайшаго, какой только возможенъ, судьи, еслибы таковой при этомъ былъ налицо. Этотъ видъ личности и есть окончательный, наиболѣе устойчивый, истинный и интимный предметъ моихъ стремленій. Этотъ судья—Богъ, Абсолютный Разумъ. Въ наше время научнаго просвѣщенія происходитъ немало споровъ по вопросу о дѣйствительности молитвы, причемъ выставляется много основаній *pro* и *contra*. Но при этомъ почти не затрогивается вопросъ о томъ, *почему именно* мы молимся, на что нетрудно отвѣтить ссылкою на неудержимую потребность молиться. Не лишено вѣроятія, что люди такъ дѣйствуютъ наперекоръ наукѣ и на все будущее время будутъ продолжать молиться, пока не измѣнится ихъ психическая природа, чего мы не имѣемъ никакихъ основаній ожидать. Побужденіе молиться является необходимымъ слѣдствіемъ того факта, что интимнѣйшій изъ всѣхъ видовъ эмпирической личности, хотя и относится къ разряду *соціальныхъ* личностей, тѣмъ не менѣе находитъ себѣ вполнѣ адэкватную реализацію лишь въ *Socius*'ѣ міра идеальнаго.

Все совершенствованіе соціальной личности заключается въ замѣнѣ низшаго суда надъ собою высшимъ; въ лицѣ Верховнаго Судіи идеальный трибуналъ представляется наивысшимъ; и большинство людей или постоянно, или въ извѣстныхъ случаяхъ жизни обращаются къ этому Верховному Судіѣ. Послѣднее исчадіе рода человѣческаго можетъ такимъ путемъ стремиться къ высшей нравственной самооцѣнкѣ, можетъ признать за собою извѣстную силу, извѣстное право на существованіе. Съ другой стороны, для большинства изъ насъ міръ безъ внутренняго убѣжища въ минуту полной утраты всѣхъ внѣшнихъ соціальныхъ личностей былъ бы какою-то ужасной бездной. Я говорю «для большинства изъ насъ», ибо индивиды, по всей вѣроятности, весьма различаются въ степени чувствъ, какія они способны переживать по отношенію къ идеальному существу. Въ сознаніи однихъ лицъ эти чувства играютъ болѣе существенную роль, чѣмъ въ сознаніи другихъ. Наиболѣе одаренные этими чувствами люди, вѣроятно, наиболѣе религіозны. Но я увѣренъ, что даже тѣ, которые утверждаютъ, будто совершенно лишены ихъ, обманываютъ себя и на самомъ дѣлѣ хоть въ нѣкоторой степени обладаютъ этими чувствами. Только не-стадныя животныя, быть можетъ, совершенно лишены этого чувства. Можетъ быть, никто не въ состояніи приносить жертвы

Digitized by Google

во имя «права», не олицетворяя до нѣкоторой степени принципъ права, ради котораго совершается извѣстная жертва и не ожидая отъ него благодарности. Другими словами, *полнѣйшій* соціальный альтруизмъ едва ли можетъ существовать; *полнѣйшее* соціальное самоубійство едва ли когда-либо приходило человѣку въ голову. Для доказательства противнаго всего менѣе можно было бы цитировать текстъ изъ книги Іова: «Если онъ убьетъ меня, я буду на него надѣяться» *); или слова Марка Аврелія: «Если боги ненавидятъ меня и мое семейство, то, значитъ, для этого имѣются разумныя основанія». Ибо Іовъ, безъ сомнѣнія, предусматривалъ въ образѣ мысли Іеговы благоволеніе за свою покорность послѣ того, какъ надъ нимъ совершится Божія казнь; равнымъ образомъ и римскій императоръ былъ увѣренъ, что Абсолютный Разумъ не окажется равнодушнымъ къ покорности человѣка передъ немилостью Бога. На старинный вопросъ, предлагавшійся ради испытанія благочестія: «Хочешь ли ты быть осужденъ во славу Божію?», давался утвердительный отвѣтъ, вѣроятно, лишь тѣми, которые всѣмъ своимъ сердцемъ чувствовали, что Богъ оцѣнитъ покорность ихъ воли и, согласно неисповѣдимымъ предначертаніямъ своимъ, будетъ относиться къ нимъ такъ, какъ будто они вовсе не были осуждены.

Телеологическое значеніе заботъ о своей личности. На основаніи біологическихъ принциповъ легко показать, почему мы были надѣлены влеченіями къ самосохраненію и эмоціями довольства и недовольства собой. Еслибы наше сознаніе не было чѣмъ-то большимъ, сравнительно съ (чисто пассивною) способностью познаванія, если-бы оно не отдавало предпочтенія извѣстнымъ объектамъ, занимающимъ отъ времени до времени его кругозоръ, оно бы не могло долѣе поддерживать своего существованія, ибо въ силу роковой необходимости существованіе каждаго человѣческаго ума на землѣ обусловлено неповрежденностью тѣла, въ которое онъ заключенъ, поддержкою, которую это тѣло получаетъ отъ другихъ, и духовными наклонностями, которыя пользуются тѣломъ, какъ орудіемъ, и ведутъ его къ разрушенію или къ долголѣтней жизни. Такимъ образомъ, *для каждаго человѣка прежде всего его собственное тѣло, затѣмъ его ближайшіе друзья и, наконецъ, его духовныя склонности должны являться въ высшей степени цѣнными объектами.* Начать съ того, что каждый умъ, чтобы существовать, долженъ имѣть извѣстный minimum эгоизма въ формѣ инстинктовъ тѣлеснаго самосохраненія. Этотъ minimum эгоизма долженъ служить подкладкой для всѣхъ дальнѣйшихъ сознательныхъ актовъ, начиная отъ самоотреченія и кончая еще болѣе утонченными формами эгоизма. Если не прямо, то путемъ переживанія приспособленнѣйшаго, всѣ умы привыкли

*) Книга Іова, гл. 13, ст. 15.

Digitized by Google

принимать живѣйшій интересъ въ участи своихъ тѣлесныхъ оболочекъ, хотя и независимо отъ интереса къ чистому «я», интереса, которымъ они также обладаютъ.

Нѣчто подобное можно наблюдать и по отношенію къ судьбамъ нашей личности въ воображеніи другихъ лицъ. Я бы теперь не существовалъ, еслибы не научился понимать одобрительныя или неодобрительныя выраженія лицъ, среди которыхъ протекаетъ моя жизнь. Презрительные взгляды, которые окружающіе меня люди бросаютъ другъ на друга, не должны производить на меня особенно сильнаго впечатлѣнія. Мои духовныя силы также должны интересовать меня болѣе, чѣмъ духовныя силы окружающихъ—и на томъ-же основаніи. Меня бы не было въ той средѣ, гдѣ я теперь нахожусь, еслибы я не вліялъ культурнымъ образомъ на другихъ и не оказывалъ бы имъ поддержки. При этомъ законъ природы, научившій меня однажды дорожить людскими отношеніями, съ тѣхъ поръ навсегда заставляетъ меня дорожить ими.

Тѣлесная, соціальная и духовная личности образуютъ *естественную личность*. Но всѣ онѣ являются, собственно говоря, объектами мысли, которая во всякое время совершаетъ свой процессъ познаванія; поэтому при всей правильности эволюціонной и біологической точекъ зрѣнія, нѣтъ основаній думать, почему бы тотъ или другой объектъ не могъ первичнымъ инстинктивнымъ образомъ зародить въ насъ страсть или интересъ. Явленіе страсти по своему происхожденію и по своей сущности всегда одно и то-же, независимо отъ своей конечной цѣли; что именно въ данномъ случаѣ является объектомъ нашихъ стремленій — это представляется дѣломъ простого факта. Я могу въ такой же степени и такъ же инстинктивно быть увлеченнымъ заботами о физической безопасности моего сосѣда, какъ и о моей собственной тѣлесной безопасности. Это и наблюдается на нашихъ заботахъ о здоровьѣ нашихъ дѣтей. Единственной поддержкой для такихъ яркихъ проявленій альтруистическихъ интересовъ является естественный подборъ, который искореняетъ все то, что было бы вреднымъ для особи и для ея вида. Тѣмъ не менѣе многія изъ вредныхъ влеченій остаются неискоренимыми, напримѣръ, половое влеченіе, которое въ человѣчествѣ проявляется, повидимому, въ бо́льшей степени, чѣмъ это представляется необходимымъ; на-ряду съ этимъ еще остаются наклонности (напримѣръ, наклонность къ опьяненію алкоголемъ, любовь къ музыкѣ, пѣнію), влеченія, не поддающіяся никакимъ утилитарнымъ объясненіямъ. Альтруистическіе и эгоистическіе инстинкты, впрочемъ, координированы. Возникаютъ они, насколько мы можемъ судить, на той же психологической почвѣ. Единственное различіе между ними заключается въ томъ, что такъ называемые эгоистическіе инстинкты гораздо многочисленнѣе.

Итогъ. Слѣдующая таблица можетъ служить итогомъ всего вы-

Digitized by Google

несказаннаго. Эмпирическая жизнь нашей личности можетъ быть подраздѣлена слѣдующимъ образомъ:

	Матеріальная.	Соціальная.	Духовная.
Самосохраненіе.	Тѣлесныя потребности и инстинкты. Любовь къ нарядамъ, франтовство, умѣнье пріобрѣтать средства, создавать себѣ обстановку.	Желаніе нравиться, быть замѣченнымъ etc. Общительность, соревнованіе, любовь, честолюбіе, etc.	Интеллектуальныя, моральныя и религіозныя стремленія, добросовѣстность.
Самооцѣнка.	Личное тщеславіе, скромность. Гордое сознаніе обезпеченности, страхъ бѣдности.	Соціальная и семейная гордость, тщеславіе, приниженность, стыдъ, etc.	Чувство нравственнаго и умственнаго превосходства, чистота, etc., чувство вины.

B) Познающій элементъ въ сознаніи.

Сравнительно съ эмпирической личностью, чистое «Ego» представляетъ гораздо болѣе сложный предметъ для изслѣдованія. «Я» есть то, что въ каждую данную минуту *сознаетъ*, между тѣмъ какъ эмпирическая личность есть только одна изъ сознаваемыхъ вещей. Другими словами, чистое «я» есть мыслящій субъектъ. Немедленно возникаетъ вопросъ, что представляетъ изъ себя этотъ «мыслящій субъектъ»? Является ли онъ однимъ изъ преходящихъ состояній сознанія или чѣмъ-то болѣе глубокимъ и неизмѣннымъ. Текучесть нашего сознанія представляетъ саму воплощенную измѣнчивость. Между тѣмъ всякій изъ насъ добровольно разсматриваетъ свое «я», какъ нѣчто постоянное, неизмѣняющееся. Это обстоятельство побудило большую часть философовъ предполагать за измѣнчивыми состояніями сознанія существованіе нѣкотораго неизмѣннаго субстрата, дѣятеля, который и вызываетъ модификаціи въ нашемъ сознаніи. Этотъ дѣятель и есть мыслящій субъектъ. То или другое частное состояніе сознанія является простымъ орудіемъ, средствомъ въ его рукахъ. Душа, духъ, трансцендентальное «я» — вотъ разнородныя названія для этого наименѣе измѣнчиваго субъекта мысли. Не подвергая пока этихъ понятій анализу, постараемся опредѣлить какъ можно точнѣе понятіе измѣнчиваго состоянія сознанія.

Единство въ измѣнчивости сознанія. Уже говоря объ измѣреніи ощущеній съ точки зрѣнія Фехнера, мы видѣли, что нѣтъ никакихъ основаній считать ихъ сложными. Но, что вѣрно объ ощущеніяхъ простѣйшихъ качествъ, то распространяется и на

Digitized by Google

мысли о сложныхъ предметахъ, состоящихъ изъ многихъ частей. Это положеніе идетъ, къ сожалѣнію, въ разрѣзъ съ широко-распространеннымъ предразсудкомъ и потому требуетъ болѣе подробныхъ доказательствъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, равно какъ и съ точки зрѣнія почти всѣхъ психологическихъ школъ, не вызываетъ сомнѣнія тотъ фактъ, что, всякій разъ какъ объектъ мысли слагается ровно изъ столькихъ идей, сколько въ объектѣ мысли элементовъ, эти идеи бываютъ, повидимому, смѣшаны, но въ сущности онѣ раздѣльны.

«Не представляется никакихъ затрудненій допустить, что ассоціація объединяетъ идею неопредѣленнаго числа индивидовъ въ одну сложную идею, говоритъ Джэмсъ Милль, ибо это—общеизвѣстный фактъ. Развѣ у насъ нѣтъ идеи «армія?» и развѣ эта идея не есть комплексъ идей неопредѣленнаго числа людей?».

Можно привести множество подобныхъ цитатъ, и читатель съ перваго взгляда, пожалуй, готовъ склониться въ ихъ пользу. Предположимъ, что онъ думаетъ: «На столѣ лежитъ колода картъ». Если онъ станетъ размышлять самъ съ собою, то ему придутъ въ голову, примѣрно, слѣдующія соображенія: «Развѣ я не думаю о колодѣ картъ? Развѣ идея картъ не заключается въ идеѣ колоды? Развѣ я не думаю въ то-же время о столѣ, наконецъ, о ножкахъ стола? Развѣ моя мысль не заключаетъ въ себѣ частію идею колоды и частію идею стола? Далѣе, развѣ съ каждою частью колоды не связана идея части каждой карты, а съ идеей части стола идея части каждой ножки? Развѣ каждая изъ этихъ частей не есть идея? Но въ такомъ случаѣ развѣ моя мысль не есть нѣкоторый комплексъ идей, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ нѣкоторому познаваемому элементу»?

Удивительно неосновательны подобныя соображенія, хотя бы они и казались заслуживающими одобренія. Представляя комплексъ идей, изъ которыхъ каждая выражаетъ извѣстный элементъ воспринимаемаго факта, мы не представляемъ себѣ ничего такого, что давало бы намъ знаніе о цѣломъ фактѣ *сразу*. Согласно разбираемой гипотезѣ комплекса идей, идея, которая, напримѣръ, сообщаетъ намъ знаніе о пиковомъ тузѣ, должна быть непричастна къ идеѣ ножки стола, ибо въ силу данной гипотезы знаніе послѣдняго факта нуждается въ особой спеціальной идеѣ; то-же слѣдуетъ распространить и на всѣ остальныя идеи, изъ которыхъ каждая окажется чуждой содержанію другой. И тѣмъ не менѣе de facto человѣческій умъ, познавая карты, познаетъ и столъ, и его ножку, всѣ эти вещи познаются имъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ ко другу и притомъ *сразу*. Наши понятія объ отвлеченныхъ числахъ (8, 4, 2) являются для познающаго ума такими же единичными ощущеніями, какъ и понятіе единицы. Идея пары не есть пара идей. Читатель, быть можетъ, спроситъ меня: «Развѣ вкусъ

Digitized by Google

лимонада не = вкусу лимона + вкусъ сахара?» Нѣтъ, возражу я на это, нельзя смѣшивать сочетаніе веществъ съ сочетаніемъ ощущеній. Физическій лимонадъ состоитъ изъ лимона и сахара, но вкусъ его не есть простая сумма вкусовъ сахара и лимона, ибо, конечно, во вкусѣ лимонада вы всего меньше найдете вкусъ чистой лимонной кислоты съ одной стороны и вкусъ сахарной сладости съ другой. Этихъ вкусовъ совершенно нѣтъ въ лимонадѣ. Есть въ лимонадѣ вкусъ, *напоминающій* до извѣстной степени и лимонъ, и сахаръ, но этотъ вкусъ представляетъ во всякомъ случаѣ своеобразное состояніе сознанія.

Раздѣльныя состоянія сознанія не могутъ смѣшиваться. Мысль, будто наши идеи суть лишь *сочетанія* болѣе мелкихъ элементовъ сознанія, не только невѣроятна—она заключаетъ въ себѣ логическую невозможность. Высказывающіе эту мысль упускаютъ изъ виду характернѣйшія черты, какія намъ извѣстны относительно сочетаній.

Всѣ извѣстныя намъ «комбинаціи» представляютъ собою результатъ дѣйствій, совершаемыхъ единицами (которыя мы называемъ «входящими въ комбинацію») надъ нѣкоторой сущностью, отличающейся отъ нихъ самихъ. Безъ этого представленія посредствующаго фактора понятіе комбинаціи не имѣетъ смысла.

Другими словами, сущности (назовете ли вы ихъ силами, матеріальными частицами или психическими элементами) не могутъ слагаться сами по себѣ другъ съ другомъ въ нѣчто *качественно-новое* какъ бы ни было велико ихъ число. Каждое въ суммѣ или остается тѣмъ, чѣмъ оно было, и сумма кажется существующей сама по себѣ только *для посторонняго зрителя*, который упустилъ изъ виду составляющіе ее элементы и разсматриваетъ ее непосредственно лишь, какъ таковую; или же можетъ существовать въ видѣ фактора, дѣйствующаго на какую-нибудь другую сущность, внѣшнюю по отношенію къ данной суммѣ. Когда мы говоримъ, что H и O даютъ воду и тѣмъ самымъ проявляютъ новыя свойства, то эта вода есть не что иное, какъ прежніе атомы въ новомъ расположеніи H—O—H; новыя свойства заключаются только въ комбинированномъ дѣйствіи производимомъ атомами въ ихъ новомъ расположеніи (въ видѣ воды) на внѣшнюю среду, напримѣръ, на наши органы чувствъ и на различныя реагенты, въ которыхъ проявляются химическія свойства воды. Совершенно такимъ же образомъ силы многихъ людей суммируются, когда они всѣ вмѣстѣ тянутъ за веревку, силы множества мышечныхъ волоконъ суммируются, прилагаясь къ одному сухожилію.

Въ параллелограммѣ силъ не силы слагаются въ равнодѣйствующую—діагональ, но тѣло, на которое онѣ воздѣйствуютъ, перемѣщается по направленію равнодѣйствующей. Равнымъ образомъ и музыкальные звуки не комбинируются сами по себѣ въ консонансы или диссонансы. Консонансы и диссонансы суть на-

Digitized by Google

званія для комбинированныхъ воздѣйствій звуковъ на внѣшнюю среду, на *ухо*.

Когда за элементарныя единицы принимаются ощущенія, то суть дѣла остается неизмѣнной. Возьмите сотню ихъ—смѣшайте, соедините какъ можно тѣснѣе (если это можетъ что-нибудь значить)—и все же, каждое ощущеніе останется тѣмъ-же, чѣмъ оно было, замкнутымъ само въ себѣ, слѣпымъ, чуждымъ по отношенію къ другимъ ощущеніямъ и къ ихъ значенію. Скомбинировавъ подобную группу изъ сотни ощущеній, мы получимъ нѣкоторое *сто первое* ощущеніе, возникнетъ новый *актъ сознанія*, *обнимающій группу, какъ таковую*, и представляющій совершенно новый фактъ. Въ силу какого-нибудь курьезнаго закона природы сто первоначальныхъ ощущеній въ отдѣльности могли бы предварять ихъ творческій синтезъ во-едино (мы, вѣдь, часто знакомимся со слагаемыми элементами, прежде чѣмъ встрѣтимъ ихъ объединенными въ сумму), но реальнаго тожества между ними и ихъ суммой и наоборотъ—нѣтъ: нельзя вывести одно изъ другого или въ сколько-нибудь понятномъ смыслѣ говорить объ эволюціи суммы изъ совокупности слагаемыхъ.

Возьмемъ какую-нибудь фразу изъ двѣнадцати словъ и распредѣлимъ эти слова по одному между двѣнадцатью лицами, поставимъ ихъ въ рядъ или соберемъ ихъ въ тѣсную группу—и пусть каждое лицо думаетъ свое слово съ наивозможно большей напряженностью, и все-таки никому не придетъ въ голову цѣлая фраза. Правда, мы говоримъ о «духѣ вѣка», о «народномъ чувствѣ» и вообще различнымъ образомъ гипостазируемъ «общественное мнѣніе». Но намъ хорошо извѣстенъ этотъ условный способъ выраженія, и мы никогда и не помышляемъ о томъ, чтобы «духъ», «мнѣніе», или «чувство» относились къ нѣкоторому добавочному собирательному сознанію, а не служили бы для обозначенія совокупности сознаній отдѣльныхъ индивидовъ, обозначаемой словами: «вѣкъ», «народъ», «общество».

Отдѣльные умы не сливаются въ высшій сложный умъ. Этотъ фактъ всегда служилъ въ психологіи неотразимымъ доводомъ спиритуалистовъ противъ ассоціаціонистовъ. Ассоціаціонисты утверждаютъ, что умъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ идей, *ассоцiированныхъ* въ одну. «Есть, говорятъ они, въ нашемъ сознаніи идея a и идея b. *Значитъ*, есть также идея a и b, взятыхъ вмѣстѣ, т. е. $a+b$». Говорить такъ—все равно, что утверждать, будто въ алгебрѣ квадратъ $a+$ квадратъ $b=$квадрату $(a+b)$, $[a^2+b^2=(a+b)^2=$ $=a^2+2ab+b^2)]$ — утвержденіе, представляющее очевидную нелѣпость. Идея $a+$ идея b не тожественны съ идеей $a+b$: здѣсь—одна идея, тамъ—двѣ; въ послѣднемъ случаѣ то, что познаетъ a, познаетъ также и b; въ первомъ случаѣ нѣчто познающее a преднамѣренно означено незнающимъ b. Короче говоря, двѣ идеи въ силу законовъ

Digitized by Google

логики никогда не могутъ выражаться одною идеей. Если какая-нибудь идея (напримѣръ, идея $a+b$) слѣдуетъ въ опытѣ за двумя раздѣльными идеями (a и b), то мы должны ее считать продуктомъ позднѣйшихъ особыхъ факторовъ, сравнительно съ факторами, вызвавшими на свѣтъ существованіе предшествовавшихъ идей a и b.

Впрочемъ, если вообще допускать существованіе потока сознанія, то всего проще было бы предположить, что сосуществующія идеи всегда сознаются, какъ отдѣльная струя этого потока. При воспріятіи множества объектовъ въ мозгу могутъ протекать многочисленные процессы. Но психическое явленіе, относящееся къ этимъ многочисленнымъ процессамъ, представляетъ одно цѣльное устойчивое или преходящее состояніе сознанія, воспринимающаго разнородные объекты.

Душа, какъ комбинирующая среда. Представители спиритуализма въ философіи всегда были склонны утверждать, что одновременно познаваемые (разнородные) объекты познаются *чѣмъ-то*, причемъ это *нѣчто*, по ихъ словамъ, не чисто преходящая мысль, но нѣкоторая простая и неизмѣняющаяся духовная сущность, на которую воздѣйствуютъ комбинируясь многочисленныя идеи. Въ данномъ случаѣ для насъ безразлично, будемъ ли мы называть эту сущность душою, духомъ или «я», ея главнѣйшей функціей все же окажется роль комбинирующей среды. Въ «душѣ» мы встрѣтимъ носителя познанія, отличающагося отъ того «потока», въ которомъ, какъ мы выше указали, таинственный процессъ познанія могъ совершаться съ такою простотою. Кто же на самомъ дѣлѣ является познающимъ субъектомъ, неизмѣнная духовная сущность или преходящее состояніе сознанія? Если бы мы имѣли иныя, до сихъ поръ еще не предусмотрѣнныя основанія для допущенія «души» въ нашу психологію, то въ силу этихъ основаній она, можетъ быть, оказалась бы также и познающимъ субъектомъ. Но такъ какъ нѣтъ никакихъ другихъ основаній для допущенія души, то мы склонны скорѣе признать преходящія состоянія нашего сознанія за исключительные факторы познаванія, ибо ихъ существованіе въ психологіи мы должны допустить во всякомъ случаѣ, и одновременное познаваніе множества вещей одинаково хорошо объяснимо, когда мы отнесемъ его на счетъ этихъ факторовъ, или когда мы будемъ усматривать въ немъ дѣятельность души. Вполнѣ *объяснено* оно не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ и можетъ фигурировать въ психологіи, лишь какъ первичный, неразложимый далѣе фактъ.

Но имѣются другіе мотивы въ пользу допущенія души въ психологіи, важнѣйшій изъ нихъ это—

Чувство личнаго тожества. Въ предшествующей главѣ мы показали, что мысли, существованіе которыхъ достовѣрно намъ извѣстно, не носятся безпорядочно въ нашей головѣ, но кажутся принадлежащими тому, а не другому опредѣленному лицу. Каждая мысль,

Digitized by Google

среди множества другихъ, можетъ отличить родственную отъ чуждыхъ ей. Родственныя мысли какъ будто живо чувствуютъ свое сродство, чего вовсе нельзя сказать про мысли чуждыя одна другой; въ результатѣ моя вчерашняя личность чувствуется, въ своеобразно тонкомъ смыслѣ слова, *тожественной* съ моей личностью, умозаключающей въ данную минуту. Какъ чисто субъективное явленіе, это сужденіе не представляетъ ничего особенно таинственнаго. Оно принадлежитъ къ большому классу сужденій о тожествѣ, и нисколько не болѣе замѣчательно выраженіе мысли о тожествѣ въ первомъ лицѣ, чѣмъ во второмъ или третьемъ, интеллектуальная операція представляется по существу тожественной, скажу ли я: «Я тожественъ съ моей личностью въ прошедшемъ» или: «Это перо то-же, какимъ оно было и вчера». Одно такъ же легко думать, какъ и противоположное. Весь вопросъ въ томъ, будетъ ли подобное сужденіе правильнымъ. *Имѣетъ ли мѣсто тожество въ данномъ случаѣ на самомъ дѣлѣ?*

Тожество въ личности, какъ познаваемомъ элементѣ. Если въ сужденіи: «Моя личность тожественна съ моей вчерашней личностью», мы будемъ понимать личность въ широкомъ смыслѣ слова, то, очевидно, что во многихъ отношеніяхъ она является нетожественной. Какъ конкретная личность, я отличаюсь отъ того, чѣмъ я былъ: тогда я былъ, напримѣръ, голоденъ, а теперь сытъ; тогда гулялъ—теперь отдыхаю; тогда я былъ бѣднѣе—теперь богаче; тогда моложе—теперь старше и т. д. И тѣмъ не менѣе въ другихъ отношеніяхъ, которыя мы можемъ признать наиболѣе существенными, я не измѣнился. Мое имя, моя профессія, мои отношенія къ окружающимъ остались тѣ-же; мои способности и запасъ памяти не измѣнились съ тѣхъ поръ замѣтнымъ на практикѣ образомъ. Кромѣ того, моя тогдашняя и теперешняя личности *непрерывны*; измѣненія въ моей личности происходили постепенно и никогда не поражали сразу всего моего существа. Такимъ образомъ, мое личное тожество съ самимъ собою по характеру рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ тожества, устанавливаемаго между какими-нибудь вещественными аггрегатами. Это—умозаключеніе, основанное или на сходствѣ въ существенныхъ чертахъ, или на непрерывности сравниваемыхъ явленій. Терминъ «тожество личности» долженъ имѣть только то значеніе, которое гарантируется указанными основаніями; его не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ абсолютнаго, метафизическаго единства, въ которомъ должны стушеваться всѣ различія. Личность въ ея настоящемъ и прошедшемъ лишь постольку тожественна, поскольку въ ней дѣйствительно есть тожественность—не болѣе. Ея тожество родовое. Но это родовое тожество сосуществуетъ со столь же реальными родовыми особенностями, и, если съ одной точки зрѣнія я представляю одну личность, то съ другой я съ такимъ же основаніемъ, могу считаться

Digitized by Google

многими личностями. То-же можно сказать и о признакѣ непрерывности. онъ сообщаетъ личности только единство сплошности, цѣльности, нѣкоторое вполнѣ опредѣленное эмпирическое свойство—и ничего болѣе.

Тожество въ личности, какъ познающемъ элементѣ. Все, что до сихъ поръ говорилось, относилось къ личности, какъ познаваемому элементу въ сознаніи. Въ сужденіи: «Я тожественъ съ самимъ собою» etc, мы понимали «я» въ широкомъ смыслѣ слова, какъ конкретную личность. Теперь попробуемъ разсматривать его съ болѣе узкой точки зрѣнія, какъ познающій субъектъ, какъ *то, къ чему*, относятся и *тѣмъ* познаются всѣ конкретныя свойства личности; развѣ въ такомъ случаѣ не окажется, что «я» въ различные промежутки времени абсолютно тожественно? Нѣчто, постоянно выходящее изъ своихъ предѣловъ настоящаго, сознательно присвоивающее себѣ личность прошедшаго и исключающее изъ себя то, что не принадлежитъ послѣдней, какъ чуждое, развѣ это нѣчто не представляетъ собою нѣкотораго постояннаго неизмѣннаго принципа духовной дѣятельности, который всегда и вездѣ тожественъ съ самимъ собою?

Въ области философіи и въ обыденной жизни господствующимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является утвердительный отвѣтъ; и тѣмъ не менѣе эту мысль трудно оправдать, подвергнувъ ее логическому анализу. *Если бы не существовало преходящихъ состояній сознанія*, тогда, дѣйствительно, мы могли бы предположить, что неизмѣнный, абсолютно-тожественный самъ съ собою принципъ является въ каждомъ изъ насъ непрестанно мыслящимъ субъектомъ. Но, если признать отдѣльныя состоянія сознанія за реальные факты, то не представится надобности предполагать никакого субстанціальнаго тожества для познающаго субъекта. Вчерашнія и сегодняшнія состоянія сознанія не имѣютъ никакого субстанціальнаго тожества, ибо въ то время, какъ одни изъ нихъ здѣсь, налицо, другія—безвозвратно умерли, исчезли. Ихъ тожество—*функціональное*, такъ какъ и тѣ, и другія познаютъ тѣ-же объекты, и поскольку прошлое моей личности является однимъ изъ этихъ объектовъ, постольку они тожественнымъ образомъ къ нему относятся, благоволя къ нему, называя его своимъ и противопоставляя его всѣмъ другимъ познаваемымъ вещамъ. Это функціональное тожество личности представляется намъ единственнымъ видомъ тожества, которое необходимо допустить, исходя изъ фактовъ опыта. Рядъ лицъ съ совершенно одинаковымъ по содержанію прошлымъ, является совершенно адекватнымъ носителемъ того эмпирическаго тожества личности, которое въ дѣйствительности имѣетъ каждый изъ насъ. Психологія, какъ естественная наука, должна допустить существованіе потока психическихъ состояній, совершенно аналогичнаго съ подобнымъ же процессомъ мысли у послѣ-

Digitized by Google

довательнаго ряда лицъ, и при томъ потока такихъ душевныхъ состояній, изъ которыхъ каждое связано со сложными объектами познанія, переживаетъ по отношенію къ нимъ различныя эмоціи и дѣлаетъ между ними извѣстный выборъ (См. стр. 2-ю).

Изъ всего вышесказаннаго логически вытекаетъ слѣдующее: *Психологія имѣетъ дѣло только съ тѣми или другими состояніями сознанія. Доказывать существованіе души—дѣло метафизики или богословія, но для психологіи такая гипотеза субстанціональнаго принципа единства является излишней.*

Какъ наше «я» присваиваетъ себѣ содержаніе личности. Но почему же каждое послѣдовательное состояніе сознанія присваиваетъ себѣ прошедшее содержаніе личности? Немного выше я упомянулъ о томъ, что мой минувшій жизненный опытъ представляется мнѣ въ какомъ симпатичномъ свѣтѣ, въ какомъ мнѣ никогда не является минувшій опытъ другихъ. Постараемся найти для этого надлежащее объясненіе. Моя настоящая личность ощущается мною съ оттѣнкомъ родственности и теплоты. Въ этомъ случаѣ налицо тяжелая теплая масса моего тѣла, налицо и «ядро» моей духовной личности—чувство внутренней активности. Безъ этихъ двухъ вещей для насъ невозможно сознаваніе нашей личности въ настоящемъ. Всякій другой объектъ мысли, связанный съ этими факторами въ сознаніи, будетъ сознаваться съ такою же теплотой и симпатіей, какъ и объекты, относящіеся къ настоящей моей личности.

Всякій предметъ, находящійся въ *отдаленіи*, если онъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, будетъ сознаваться нами съ такимъ же чувствомъ теплоты и родственности.

Но какіе отдаленные объекты, будучи представлены нами, дѣйствительно удовлетворяютъ этому условію? Очевидно, тѣ и только тѣ объекты, которые удовлетворяли этому условію прежде, во время ихъ существованія. Ихъ мы будемъ всегда вспоминать съ чувствомъ живѣйшей симпатіи; къ нимъ, можетъ быть, еще снова будутъ склоняться на самомъ дѣлѣ импульсы нашей внутренней активности. Естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что мы станемъ ассимилировать минувшія состоянія нашего сознанія другъ съ другомъ и съ теперешнимъ чувствомъ симпатіи и интимности въ нашей личности, и въ тоже время отдѣлять ихъ въ видѣ группы отъ посторонніхъ объектовъ, не удовлетворяющихъ этому условію; совершенно такъ же, какъ американскій скотоводъ, выпустивъ на зиму табуны и стада пастись на какую-нибудь широкую восточную прэрію, весною, при появленіи скупщика, изъ массы животныхъ, принадлежащихъ различнымъ лицамъ, выбираетъ и сортируетъ принадлежащихъ ему и имѣющихъ особый знакъ. Нѣчто совершенно аналогичное представляетъ для насъ

Digitized by Google

нашъ минувшій опытъ. Минувшій опытъ другихъ людей, какъ бы много я ни зналъ объ немъ, всегда бываетъ лишенъ того живого клейма, которымъ обладаютъ объекты нашего собственнаго прошедшаго опыта. Вотъ почему Петръ, проснувшись въ одной постели съ Павломъ и вспоминая то, о чемъ они думали оба передъ тѣмъ, какъ заснуть, присвоиваетъ себѣ и отожествляетъ «симпатичныя» идеи, какъ свои, и никогда не чувствуетъ наклонности смѣшать ихъ съ холодными и блѣдными образами, въ которыхъ ему представляется душевная жизнь Павла. Такая ошибка столь же невозможна, какъ невозможно смѣшать свое тѣло, которое видишь и чувствуешь, съ тѣломъ другого человѣка, которое только видишь. Каждый изъ насъ проснувшись говоритъ: «Вотъ опять здѣсь моя прежняя личность», такъ же, какъ онъ могъ бы сказать: «Вотъ опять здѣсь прежняя кровать, прежняя комната, прежній міръ».

Подобнымъ же образомъ, въ часы нашего бодрствованія, не смотря на то, что одно состояніе сознанія умираетъ, постоянно замѣняясь другимъ, все-же это другое состояніе сознанія среди познаваемыхъ объектовъ находитъ своего предшественника и, усматривая въ немъ описаннымъ выше образомъ неостывшую живость, благоволитъ къ нему, говоря: «Ты—*мое*, ты—часть того же сознанія, что и я». Каждая позднѣйшая мысль, обнимая собою и познавая предшествующія мысли, является конечнымъ пріемникомъ и обладателемъ ихъ содержанія. По словамъ Канта, здѣсь совершается нѣчто аналогичное тому, какъ еслибы упругіе шары были одарены не только движеніемъ, но и сознаваніемъ этого движенія, и первый шаръ сообщалъ бы свое движеніе и сознаваніе его второму, который сообщалъ бы и то, и другое вмѣстѣ со своимъ сознаніемъ и движеніемъ третьему, пока, наконецъ, послѣдній шаръ не заключалъ бы въ себѣ все, сообщенное другими, и не реализировалъ бы все это, какъ свое собственное. Въ силу подобнаго «фокуса», благодаря которому зарождающаяся мысль немедленно подхватываетъ исчевающую и «присвоиваетъ» себѣ ея содержаніе, получается въ нашемъ сознаніи связь между отдаленнѣйшими элементами нашей личности. Кто обладаетъ послѣднимъ по времени элементомъ сознанія — обладаетъ и предпослѣднимъ, ибо обладающій обладателемъ обладаетъ и обладаемымъ. Невозможно указать никакихъ чертъ въ личномъ тожествѣ, *существованіе которыхъ можно было бы доказать опытнымъ путемъ*, и которыя въ тоже время не были бы нами выше указаны; невозможно представить себѣ, какъ трансцендентальный принципъ единства (еслибы онъ былъ въ данномъ случаѣ на-лицо), могъ бы ради извѣстной цѣли объединять матеріалъ или познаваться *не* въ качествѣ продукта потока сознанія, въ которомъ каждая послѣдовательная часть познаетъ и познавая охватываетъ и присвоиваетъ

Digitized by Google

себѣ все предшествовавшее, являясь *субститутомъ* (замѣстителемъ) любой части всего прошлаго потока, съ которымъ ее, во всякомъ случаѣ, нельзя (реально) отожествлять.

Измѣненія и раздвоенія личности. Личность, какъ и всякій другой агтрегатъ, при ростѣ измѣняется. Преходящія состоянія сознанія, которыя должны бы были сохранять сознаніе тожества личности съ протекшими ранѣе процессами мысли, уклоняются отъ своей обязанности, теряя большія промежутки въ прошломъ изъ своего поля зрѣнія и представляя другія части въ неправильномъ порядкѣ. Тожество личности, которое мы заключаемъ въ себѣ при созерцаніи какой-нибудь длинной процессіи, можетъ, въ сущности, быть лишь медленнымъ измѣненіемъ личности, въ которомъ, однако, задерживаются нѣкоторые общіе элементы. Самый общій элементъ личности, и притомъ самый однообразный, это—обладаніе общей памятью. Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ можетъ рѣзко отличаться отъ того же человѣка-юноши, но оба они, обращая свой мысленный взоръ къ тому же дѣтству, называютъ это дѣтство своимъ. Такимъ образомъ, тожество между нашимъ «я» и нашей личностью вполнѣ относительно; въ итогѣ это тожество является совершенно такимъ же, какое найдетъ въ группѣ тѣхъ же воспринимаемыхъ нами объектовъ и посторонній наблюдатель. Мы часто говоримъ о человѣкѣ: «Онъ такъ измѣнился, что его трудно узнать»; нѣсколько рѣже люди сами даютъ о себѣ подобный же отзывъ. Эти перемѣны въ личности, подмѣчаемыя нашимъ «я» или внѣшнимъ наблюдателемъ, могутъ быть въ одномъ случаѣ рѣзкими, въ другомъ—едва замѣтными. Ихъ слѣдуетъ разсмотрѣть здѣсь подробнѣе.

Измѣненія личности могутъ быть подраздѣлены на два бо́льшихъ класса:

a) Измѣненія памяти и

b) Измѣненія настоящей *личности* тѣлесной и духовной.

a) Измѣненія памяти такъ обыденны, что объ нихъ намъ нѣтъ надобности много говорить. Они представляютъ нормальное явленіе жизни, въ особенности, въ годы развитія, и личность человѣка слагаясь переживаетъ измѣненія pari passu съ исчезновеніемъ фактовъ изъ памяти. Воспоминанія о снахъ и о фактахъ, пережитыхъ въ гипнотическомъ состояніи, рѣдко сохраняются.

Обманы памяти также довольно часты, и своимъ появленіемъ они искажаютъ составъ нашей личности. Многіе, вѣроятно, находятся въ сомнѣніи относительно реальности фактовъ, приписываемыхъ ихъ прошлому. Быть можетъ, они были очевидцами чего-нибудь, говорили что-нибудь, но, быть можетъ, это все имъ только привидѣлось или пригрезилось. Содержаніе сновидѣній часто переплетается самымъ причудливымъ образомъ съ содержаніемъ дѣйствительной жизни. Наиболѣе обыденнымъ источникомъ ложной памяти являются наши сообщенія другимъ лицамъ о нашемъ про-

Digitized by Google

шедшемъ опытѣ. Въ такихъ сообщеніяхъ мы стараемся придать реальнымъ фактамъ болѣе простой и болѣе интересный характеръ. Мы разсказываемъ скорѣе о томъ, что могло бы быть нами сказано или сдѣлано, чѣмъ о томъ, что нами сказано или сдѣлано на самомъ дѣлѣ. Въ началѣ разсказа мы вполнѣ сознаемъ различіе между возможнымъ и дѣйствительно бывшимъ. Но при дальнѣйшимъ ходѣ повѣствованія фикціи воображенія вытѣсняютъ изъ памяти реальные факты, водворяются въ ней и начинаютъ всецѣло господствовать. Таковъ обширный источникъ ложныхъ судебныхъ показаній, даваемыхъ честнымъ образомъ. Въ разсказахъ о чудесномъ повѣствованіе часто вступаетъ на ложную дорогу, а память слѣдуетъ за нимъ.

b) Сравнительно съ измѣненіями памяти, ненормальныя измѣненія личности представляютъ гораздо болѣе серьезное разстройство. Эти измѣненія бываютъ трехъ родовъ, но наше знакомство съ причинами этихъ измѣненій личности столь мало, что всякая классификація такихъ явленій должна считаться имѣющей чисто условное значеніе:

α) Умственное помѣшательство.

β) Раздвоеніе личности.

γ) Медіумизмъ.

α. Въ безуміи часто пунктъ *помѣшательства* относится къ прошедшему, причемъ больной придаетъ ему свѣтлую или темную окраску, смотря по характеру болѣзни. Но худшимъ видомъ измѣненія личности является извращеніе чувствъ и воли въ настоящемъ, причемъ память о прошедшемъ остается неискаженной, но больной начинаетъ думать, что его настоящая личность представляетъ собою совершенно иного человѣка. Аналогичное этому факту нормальное явленіе происходитъ при быстромъ расширеніи и волевыхъ, и интеллектуальныхъ свойствъ характера во время наступленія половой зрѣлости. Патологическія явленія въ этой области настолько любопытны, что ихъ слѣдуетъ разсмотрѣть подробнѣе.

Основаніемъ для нашей личности, по словамъ Рибо, является чувство жизненности, которое всегда налицо и составляетъ фонъ сознанія.

«Оно составляетъ основу сознанія, говоритъ Рибо, потому что всегда есть налицо, всегда непрерывно дѣйствуетъ, не зная ни покоя, ни отдыха, не замирая ни на одно мгновенье и продолжаясь столько же, сколько продолжается самая жизнь, одною изъ формъ которой оно является. Оно служитъ субстратомъ той сознающей себя личности, которую образуетъ наша память; оно представляетъ среду, объединяющую между собою группы нашихъ ассоціацій. Предположимъ на минуту, что наше тѣло можно было замѣстить другимъ: скелетъ, мускулы, внутрен-

Digitized by Google

ности, сосуды, кожа — все обновлено; оставлена лишь прежняя нервная система съ запечатлѣнными на ней памятью слѣдами минувшихъ опытовъ. Несомнѣнно, что въ такомъ случаѣ притокъ массы непривычныхъ органическихъ ощущеній вызвалъ бы въ насъ сильнѣйшее умственное разстройство: между сознаніемъ минувшихъ впечатлѣній, закрѣпленныхъ памятью въ нервной системѣ, и новою личностью, проявляющей свою дѣятельность въ новомъ направленіи съ чрезвычайной интенсивностью, образовалось бы въ этомъ случаѣ непримиримое противорѣчіе».

Въ чемъ именно могутъ заключаться различныя измѣненія тѣлесной чувствительности, создающія подобныя противорѣчія, этого, по большей части, нормальный человѣкъ не въ состояніи и представить себѣ. У одного больного есть вторая личность, повторяющая вслѣдъ за нимъ всѣ его мысли. Другіе, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ величайшихъ историческихъ личностей, обладаютъ внутри себя «демонами», которые ведутъ съ ними бесѣду. Третьимъ кажется, будто кто-то «приготовляетъ» для нихъ мысли. Четвертые воображаютъ, что имѣютъ два тѣла, лежащія въ двухъ различныхъ постеляхъ. Нѣкоторымъ больнымъ кажется, что они потеряли часть своего тѣла: зубы, мозгъ или желудокъ, другимъ мерещится, что ихъ тѣло сдѣлано изъ дерева, изъ стекла, изъ масла. Третьи утверждаютъ, что тѣло ихъ не существуетъ, что оно умерло, или что оно есть предметъ, по отношенію къ нимъ совершенно внѣшній. Иногда отдѣльныя части тѣла теряютъ связь съ сознаніемъ остальныхъ частей и разсматриваются больнымъ, какъ принадлежащія постороннему лицу и движимыя враждебной волей. У такихъ больныхъ иногда правая рука вступаетъ въ борьбу съ лѣвою, какъ съ врагомъ.

Въ другихъ случаяхъ паціентъ приписываетъ свои крики другимъ лицамъ и выражаетъ при этомъ соболѣзнованіе ихъ несчастному положенію. Литература по психопатологіи переполнена разсказами о подобныхъ обманахъ чувствъ. Тэнъ приводитъ разсказъ одного паціента д-ра Крисхабера о его страданіяхъ, разсказъ, изъ котораго можно видѣть, какъ далеко отстоитъ нормальный жизненный опытъ отъ того душевнаго состоянія, которое можетъ внезапно овладѣть человѣкомъ.

«На второй и на третій день болѣзни сами наблюденія сдѣлались для меня совершенно невозможными на нѣсколько недѣль; болѣзнь моя (angina pectoris) въ это время была слишкомъ мучительна. Только въ первыхъ числахъ января я могъ дать себѣ отчетъ о переживаемыхъ мною душевныхъ состояніяхъ. Вотъ мое первое ясное воспоминаніе: я былъ одинъ, разстройство зрѣнія уже начинало мучить меня, какъ вдругъ это разстройство приняло несравненно болѣе острый характеръ. Предметы стали мнѣ казаться малыми, люди и всѣ окружающіе объекты представлялись удален-

Digitized by Google

ными на громадныя разстоянія. Я, казалось, былъ отъ нихъ въ страшномъ отдаленіи. Я осматривался съ ужасомъ и съ удивленіемъ: *окружающій міръ ускользалъ отъ меня.* Въ то-же время я замѣтилъ, что голосъ мой звучалъ на далекомъ отъ меня разстояніи и казался принадлежащимъ кому-то другому. Я ударялъ ногой объ землю и ощущалъ при этомъ ея сопротивленіе, но оно казалось мнѣ призрачнымъ — не почва казалась рыхлой, но вѣсъ моего тѣла представлялся мнѣ до крайности ничтожнымъ... Казалось, я вовсе не имѣю вѣса... Предметы, видимые мною на далекомъ разстояніи, представлялись мнѣ *плоскими.* Когда я заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, мой собесѣдникъ казался мнѣ фигурой, вырѣзанной изъ плоскаго куска картона. Эти ощущенія мнѣ пришлось испытывать около двухъ лѣтъ съ перерывами. Мнѣ постоянно казалось, что ноги мои не принадлежатъ мнѣ. Почти то-же мнѣ казалось и относительно рукъ. Голова же моя, повидимому, вовсе не существовала. Мнѣ казалось, что я дѣйствую автоматически, подчиняясь внѣшнему импульсу. Внутри меня было какое-то новое существо наряду со старымъ, которое не принимало въ новомъ никакого участія. Я отлично помню, какъ я однажды сказалъ самому себѣ, что страданія этого новаго существа безразличны для меня. Мои иллюзіи, никогда не вводили меня въ заблужденіе, но умъ мой утомлялся непрерывнымъ исправленіемъ новыхъ впечатлѣній, и нерѣдко я прекращалъ борьбу съ призрачнымъ міромъ,—всецѣло погружаясь въ злополучную жизнь моей новой личности. Я ощущалъ страстное желаніе увидѣть снова мой прежній міръ и возвратить себѣ прежнюю личность. Это желаніе удержало меня отъ самоубійства. Я былъ одною изъ двухъ личностей—старою—и презиралъ другую; она была мнѣ ненавистна: это, конечно, было другое лицо, принявшее мою внѣшность и овладѣвшее функціями моего организма» *).

Въ случаяхъ, подобныхъ этому, очевидно, «я» остается неизмѣннымъ: измѣняется только личность. Иначе говоря, паціентъ въ настоящемъ обнимаетъ одною мыслію и прежнюю, и новую личности, поскольку ему не измѣняетъ память. Но внутри сферы того объективнаго міра, который при нормальномъ состояніи ума такъ легко поддавался воспризнанію и присвоивался личностью, какъ ея собственный, возникаютъ при этомъ странныя осложненія. Прошедшее и настоящее, сознаваемыя въ этомъ мірѣ, не поддаются объединенію. Гдѣ моя прежняя личность? Что это за новая личность у меня теперь? Тожественны ли онѣ? Или я обладаю двумя самостоятельными личностями? Такіе вопросы, сопровождаемые попытками дать на нихъ хоть какой-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, невольно возникаютъ у паціента въ началѣ его ненормальной жизни.

*) De l'Intelligence, 3-me edition (1878) vol. II. p. 461, note.

Digitized by Google

β. Явленіе *измѣненія личности* въ его простѣйшей формѣ основывается на измѣненіи памяти. Всякій человѣкъ, какъ мы показали, начинаетъ чувствовать въ себѣ *несовмѣстимые* элементы личности, если онъ начинаетъ забывать свои обязанности, долги, занятія и привычки, и, сообразуясь со степенью его забывчивости, мы судимъ, насколько измѣнилась его личность. Но въ патологическомъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ *раздвоенія личности*, потеря памяти происходитъ внезапно, причемъ ей обыкновенно предшествуетъ періодъ безпамятства или обморока различной продолжительности. Во время гипноза мы легко можемъ вызвать измѣненіе личности, или внушая гипнотизируемому субъекту забыть все, происходившее съ нимъ съ такого-то числа, причемъ онъ по душевному складу, напримѣръ, становится ребенкомъ; или говоря ему, что онъ совершенно другое лицо, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; въ послѣднемъ случаѣ всѣ факты, относящіеся къ его собственной личности, временно ускользаютъ изъ его сознанія, и онъ всецѣло переносится въ новый характеръ съ быстротою, пропорціональною живости артистическаго воображенія, которою онъ обладаетъ. Но въ патологическихъ случаяхъ это измѣненіе личности бываетъ самопроизвольнымъ. Наиболѣе знаменитымъ въ лѣтописяхъ медицины случаемъ является, быть можетъ, случай Фелиды X., сообщенный г. Азамъ, докторомъ въ Бордо. На пятнадцатомъ году эта дѣвушка стала впадать во «вторичное» состояніе, которое выражалось измѣненіемъ ея общихъ наклонностей и характера, какъ будто нѣчто, задерживавшее до сихъ поръ проявленіе новыхъ чертъ характера, внезапно исчезло. Въ теченіе второго состоянія личности она помнила первое состояніе, но, возвращаясь къ первому, она утрачивала о второмъ всякое воспоминаніе. На 43-мъ году вторичное состояніе сознанія (которое въ цѣломъ превосходило по качеству первичное) стало преобладать надъ первичнымъ и сдѣлалось господствующей частью жизни. Въ продолженіе его она помнила событія, относящіяся къ другому состоянію, но полное забвеніе объ этомъ вторичномъ состояніи при возвращеніи къ первоначальному, часто бывало для нея тягостнымъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда превращеніе одной личности въ другую совершается въ каретѣ по дорогѣ на похороны: достигнувъ мѣста назначенія, больная не можетъ понять, кто изъ ея знакомыхъ умеръ. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ вторичныхъ состояній она сдѣлалась беременной и, придя въ первичное, не могла понять, какъ это съ нею случилось. Душевныя страданія, вызываемыя этими пробѣлами въ памяти, иногда достигали у ней большой интенсивности, такъ что однажды она даже покушалась на самоубійство.

Пьеръ Жане описываетъ слѣдующій еще болѣе замѣчательный случай: «Леонія Б., біографія которой представляется скорѣе не-

Digitized by Google

правдоподобнымъ романомъ, чѣмъ подлинной исторіей, съ трехъ лѣтъ начала страдать припадками сомнамбулизма. Начиная съ шестнадцати лѣтъ она постоянно подвергалась всевозможнымилицами гипнотизированію—теперь ей 45 лѣтъ. Ея первичная нормальная жизнь протекла среди бѣдной деревенской обстановки, вторичная жизнь я протекала въ гостинныхъ и пріемныхъ докторовъ. Въ настоящее время эта бѣдная крестьянка въ нормальномъ видѣ представляетъ сосредоточенную, грустную особу, спокойную, неподвижную, чрезвычайно кроткую съ окружающими и крайне робкую: при взглядѣ на нее и въ голову не придетъ, какую личность она скрываетъ въ себѣ. Но достаточно загипнотизировать ее, что бы тотчасъ наступило полное превращеніе личности. Ея лицо становится неузнаваемымъ. Ея глаза, правда, закрыты, но острота другихъ чувствъ замѣняетъ ей зрѣніе. Она весела, шумна, подвижна, иногда просто невыносима. Она сохраняетъ свой добрый характеръ, но обнаруживаетъ чрезвычайную наклонность къ рѣзкой жестикуляціи и къ иронiи. Въ высшей степени любопытно послушать ее, послѣ посѣщенія гостями сеанса, на которомъ ее гипнотизировали. Она даетъ характеристики каждаго изъ нихъ, передразниваетъ ихъ жесты, претендуетъ на знаніе ихъ смѣшныхъ сторонъ и страстишекъ и про каждаго разсказываетъ цѣлую исторію. Къ этому надо прибавить, что она обладаетъ поразительнымъ запасомъ воспоминаній, о существованіи которыхъ она даже не подозрѣваетъ въ нормальномъ состояніи, ибо тогда у ней полная амнезія. Она тогда начинаетъ утверждать, что ея имя не Леонія, а Леонтина—имя, къ которому ее пріучили ея первые магнетизеры. «Эта добрая женщина,—говоритъ она тогда—не я: она слишкомъ глупа». Себѣ самой—Леонтинѣ или Леоніи 2-й—она приписываетъ всѣ ощущенія, поступки, вообще все, пережитое ею въ состояніи сомнамбулизма, связывая эти части довольно продолжительной своей жизни въ одну исторію. Съ другой стороны, Леонiи 1-й (такъ называетъ Жане эту женщину въ состояніи бодрствованія), она приписываетъ все пережитое ею въ часы бодрствованія. Сначала я былъ пораженъ важнымъ исключеніемъ изъ этого правила и былъ склоненъ думать, что въ этой классификаціи ея воспоминаній есть, быть можетъ, нѣкоторая произвольность. Въ нормальномъ состояніи у Леоніи (по ея словамъ) были мужъ и дѣти, но Леонія 2-я сомнамбулистка, признавая, что дѣти принадлежатъ ей, мужа приписывала «другой». Если и былъ понятенъ этотъ выборъ между дѣтьми и мужемъ, то все-таки фактъ оставался необъяснимымъ. Только впослѣдствіи я узналъ, что въ дни ея юности, магнетизеры, со смѣлостью, достойной нашего времени, загипнотизировали ее передъ первыми родами, а впослѣдствіи она и сама произвольно впадала передъ родами въ сомнамбулическое состояніе. Такимъ образомъ, Леонія 2-я была совершенно

Digitized by Google

права, приписывая себѣ дѣтей—ибо она, дѣйствительно, была ихъ матерью, и закономѣрность, въ силу которой состояніе ея первичнаго транса составляло особую личность, не нарушалась. То-же распространялось и на глубочайшее вторичное состояніе транса. Послѣ возобновленныхъ пассовъ и новой потери сознанія, паціентка дѣлается совершенно новой личностью, приходя въ состояніе, обозначенное мною названіемъ Леоніи 3-й. Она становится серьезной и степенной—вмѣсто того, чтобы рѣзвиться, какъ дитя, она начинаетъ медленно говорить и мало двигаться. Свое тожество съ Леоніей 1-й она и въ этомъ состояніи отрицаетъ. «Это—не я, по прежнему говоритъ она, *она*—добрая женщина, только глупа». Она отрицаетъ также свое тожество съ Леоніей 2-й: «Какъ вы можете находить во мнѣ какое-либо сходство съ этимъ полоумнымъ существомъ?» говоритъ она. «Къ счастію, между нами нѣтъ ничего общаго!»

γ. *Медіумизмъ*. Въ медіумизмѣ наступленіе и исчезновеніе вторичнаго состоянія совершается довольно внезапно; это состояніе бываетъ обыкновенно непродолжительнымъ—отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ. Если вторичное состояніе выразилось въ достаточно сильной степени, то, придя въ нормальное состояніе, паціентъ совершенно утрачиваетъ всякое воспоминаніе о происходившемъ во время «транса». Испытуемый субъектъ въ теченіе вторичнаго состоянія говоритъ, пишетъ или дѣйствуетъ, какъ будто онъ былъ одушевленъ посторонней личностью, и часто называетъ себя инымъ лицомъ и разсказываетъ его исторію. Это чуждое, «вліяющее» начало въ старину называлось обыкновенно «демонъ» и называется такъ и теперь въ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектахъ, придерживающихся этого вѣрованія. У насъ, американцевъ, этою личностью въ самомъ страшномъ случаѣ является какой-нибудь «индѣецъ» или другое безвредное причудливо разговаривающее лицо. Обыкновенно оно выдаетъ себя за духа нѣкоего умершаго лица, извѣстнаго или неизвѣстнаго присутствующимъ, и въ такихъ случаяхъ паціентъ является такъ называемымъ «медіумомъ». Медіумическое состояніе во всѣхъ его степеняхъ представляетъ, повидимому, особый вполнѣ естественный видъ измѣненія личности и въ нѣкоторыхъ формахъ воспріимчивость къ нему составляетъ далеко не исключительное явленіе у лицъ, не представляющихъ въ другихъ отношеніяхъ никакихъ бросающихся въ глаза аномалій. Явленіе это очень сложно, и его лишь недавно начали изучать строго научнымъ образомъ. Слабѣйшую степень медіумическаго состоянія представляетъ автоматическое письмо; слабѣйшимъ проявленіемъ послѣдняго являются тѣ случаи, когда субъектъ сознаетъ тѣ слова, которыя пишетъ, но чувствуетъ какой-то внѣшній импульсъ, принуждающій его писать. Далѣе слѣдуетъ безсознательное письмо, производимое даже во время чтенія или раз-

Digitized by Google

говора. Къ низшимъ фазамъ медіумизма относятся также рѣчь и игра на музыкальныхъ инструментахъ «подъ контіемъ»; здѣсь также нормальная личность субъекта сознательно принимаетъ участіе въ рядѣ дѣйствій, хотя ихъ иниціатива исходитъ какъ-будто откуда-то со стороны. Въ высшей фазѣ наступаетъ полный трансъ: видоизмѣняются въ медіумѣ голосъ, характеръ рѣчи etc., и при пробужденіи не сохраняется о минувшемъ трансѣ никакихъ воспоминаній до наступленія новаго транса. Характернымъ свойствомъ рѣчей, произносимыхъ медіумами въ трансѣ, является ихъ общее сходство у различныхъ индивидовъ. У насъ въ Америкѣ «вліяніе» обнаруживается особенно часто въ видѣ курьезной болтливой личности, говорящей на своеобразномъ жаргонѣ, въ видѣ «индѣйца», который называетъ дамъ—«squaw's», мужчинъ—«brawe's», домъ—«wigwam» etc.; иногда попадается личность «интеллигентная», болѣе высокаго полета—тогда ея рѣчь переполнена туманнымъ, водянистымъ философствованіемъ оптимистическаго пошиба, въ которомъ на каждомъ шагу встрѣчаются фразы о духѣ, гармоніи, красотѣ, законѣ, прогрессѣ, развитіи etc. Не смотря на разнообразные характеры медіумовъ, добрая половина рѣчей, произносимыхъ ими въ трансѣ, до того стереотипна, что кажется, будто всѣ онѣ принадлежатъ одному автору. Я не знаю, отличаются ли безсознательныя формы личности особенной воспріимчивостью къ вліянію нѣкоего «духа времени», *Zeitgeist*'а, который вдохновляетъ ихъ, но указанный нами фактъ стереотипности мысли наблюдается у всѣхъ «вторичныхъ формъ» личности, развиваемыхъ въ спиритическихъ кружкахъ. Медіумическій трансъ въ началѣ неотличимъ отъ дѣйствій гипнотическаго внушенія. Испытуемый субъектъ входитъ въ роль медіума просто потому, что присутствующіе ожидаютъ отъ него дѣйствій, соотвѣтствующихъ данной обстановкѣ. Наклонность производить эти дѣйствія онъ вызываетъ въ себѣ съ большею или меньшею быстротою, соотвѣтственно своей впечатлительности. Странно только то обстоятельство, что лица, незнакомыя со спиритическими традиціями, въ состояніи транса производятъ тоже самое, говорятъ отъ имени умершихъ, переживаютъ эмоціи нѣсколькихъ своихъ предсмертныхъ агоній, сообщаютъ свѣдѣнія о своей счастливой жизни въ «странѣ вѣчнаго лѣта» и изобличаютъ недостатки у лицъ, участвующихъ въ сеансѣ.

Я не имѣю никакой теоріи, которую могъ бы дать для объясненія многихъ фактовъ, видѣнныхъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ однимъ медіумомъ въ состояніи транса, что «духъ» можетъ быть совершенно непохожимъ на нормальную личность испытуемаго. Могу указать на одинъ случай, гдѣ «духомъ» былъ нѣкій французскій докторъ, который, какъ я убѣдился, зналъ всѣ возможныя обстоятельства жизни, а также живыхъ и умершихъ

Digitized by Google

родныхъ и знакомыхъ безчисленнаго множества участниковъ сеансовъ, которыхъ женщина-медіумъ никогда не встрѣчала прежде и не знала даже по имени. Я высказалъ мое голословное, не подтвержденное никакими доказательствами мнѣніе по этому вопросу не ради того, чтобы склонять другихъ въ пользу моихъ взглядовъ, но вслѣдствіе убѣжденія, что серьезное изученіе явленій транса представляется крайне важнымъ для психологіи. Я надѣюсь, что мое личное заявленіе такого рода побудитъ, можетъ быть, двухъ-трехъ читателей подвергнуть изслѣдованію эту сферу явленій, которой такъ называемые «жрецы науки», обыкновенно не удостаиваютъ вниманія *).

Итогъ главы и психологическое заключеніе. Подводя итоги содержанію этой длинной главы, мы можемъ сказать слѣдующее. Сознаваніе личности заключается въ сознаваніи потока мысли, въ которомъ каждая часть въ качествѣ субъекта помнитъ предшествующія, знаетъ извѣстные имъ объекты, сосредоточиваетъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ свои заботы, какъ на своей личности и присваиваетъ послѣдней всѣ остальные элементы познанія. Эта личность есть эмпирически данный аггрегатъ объективно познаваемыхъ вещей. Познающее ихъ «я» само не можетъ быть аггрегатомъ; равнымъ образомъ для психологическихъ цѣлей нѣтъ надобности принимать его и за неизмѣнную метафизическую сущность—душу или трансцендентальное, пребывающее «внѣ времени» «Ego». Наше «Я»—это мышленіе, въ которомъ содержаніе въ каждый моментъ различно, но которое implicite заключаетъ въ себѣ какъ непосредственное предшествующее, такъ и то, что въ свою очередь заключалось въ предшествующемъ. Въ описаніи найдутъ себѣ мѣсто всѣ данныя опыта, не искаженныя никакими гипотетическими примѣсями, кромѣ допущенія существованія преходящихъ процессовъ мысли или состояній сознанія.

Если существованіе послѣднихъ непосредственно доказуемо (а въ этомъ не сомнѣвалась ни одна философская школа), то ихъ можно принять за единственный познающій элементъ въ сознаніи, въ допущеніи котораго нуждается психологія. Единственный способъ, съ помощью котораго я могъ бы ввести въ психологію болѣе трансцедентальное начало познающаго субъекта, заключается въ томъ, чтобы отвергать возможность какого-либо *непосредственнаго* знанія о существованіи нашихъ «состояній сознанія», знанія, на которое претендуетъ здравый смыслъ. Тогда существованіе этихъ состояній стало бы совершенно гипотетическимъ или заключалось бы въ постулированіи нѣкотораго познающаго начала, отно-

---

*) Нѣкоторыя доказательства исключительныхъ способностей этого медіума читатель найдетъ въ Proceedings of The Society for Psychical Research (томъ VI-й, стр. 436 и послѣдняя часть VII-го т., 1892 г.).

Digitized by Google

сящагося ко всему познаваемому; но рѣшеніе вопроса, въ *чемъ заключается это познающее начало*, составило бы предметъ метафизическаго изслѣдованія. При такой постановкѣ вопроса, явилась бы необходимость наряду съ нашими «психологическими» задачами съ объективнымъ безпристрастіемъ prima facie анализировать понятія мірового духа или группы обособленныхъ духовныхъ субстанцій, мыслящихъ черезъ нашу индивидуальную личность. Я полагаю, что въ будущемъ предстоитъ немало изслѣдованій въ этомъ направленіи. «Состоянія сознанія», наличность которыхъ въ насъ не отвергаетъ ни одинъ психологъ, не поддаются точному опредѣленію, если ихъ отдѣлить отъ познаваемыхъ объектовъ. Но сомнѣваться въ ихъ существованіи съ нашей естественно-исторической точки зрѣнія нѣтъ основаній. Такимъ образомъ, вотъ то условное рѣшеніе вопроса о личности, къ которому мы пришли, и которое должно быть въ нашемъ курсѣ и конечнымъ выводомъ: познающій элементъ въ сознаніи—это сами мысли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вниманіе.

Ограниченность сознанія. Одною изъ характернѣйшихъ особенностей нашей духовной жизни является тотъ фактъ, что, находясь подъ постояннымъ наплывомъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, проникающихъ въ сферу нашихъ чувствъ, мы замѣчаемъ лишь самую ничтожную часть ихъ. Только часть полнаго итога нашихъ впечатлѣній входитъ въ нашъ такъ называемый *сознательный опытъ*, который можно уподобить ручейку, протекающему по широкому лугу цвѣтовъ. Несмотря на это, впечатлѣнія внѣшняго міра, исключаемыя нами изъ сферы сознательнаго опыта, всегда имѣются налицо и воздѣйствуютъ такъ же энергично на наши органы чувствъ, какъ и сознательныя воспріятія. Почему эти впечатлѣнія не проникаютъ въ наше сознаніе—это тайна, для которой принципъ «ограниченности сознанія», «die Enge des Bewusstseins», представляетъ не объясненіе, а одно только названіе.

Ея физіологическая подкладка. Сфера сознаваемаго нами, конечно, покажется очень ограниченной, если сопоставить ее съ обширной областью внѣшнихъ воздѣйствій на наши органы чувствъ и съ массою постоянно притекающихъ извнѣ новыхъ впечатлѣній. Очевидно, никакое впечатлѣніе не можетъ попасть въ сферу сознательнаго опыта, если ему не удастся проникнуть по извѣстному пути въ мозговыя полушарія и вызвать тамъ опредѣленные физіологическіе процессы. Когда центростремительный токъ проникъ въ

Digitized by Google

полушарія и производитъ тамъ извѣстныя дѣйствія, другіе токи являются на время задержанными. Они могутъ какъ-бы заглядывать изъ-за дверцы въ сферу сознанія, но впечатлѣніе, завладѣвшее въ данную минуту послѣднимъ, вытѣсняетъ ихъ обратно. Такимъ образомъ, физіологически ограниченность сознанія зависитъ, повидимому, отъ того, что дѣятельность полушарій стремится постоянно быть объединеннымъ и неразрывнымъ актомъ, связанымъ то съ однимъ, то съ другимъ токомъ, но всегда представляющимъ одно цѣлое. Мы называемъ «интересующими» насъ въ данную минуту тѣ идеи, которыя связаны съ господствующимъ въ мозгу комплексомъ физіологическихъ процессовъ; такимъ образомъ, начало подбора во вниманіи, въ подробности разобранное нами выше, повидимому, находитъ себѣ физіологическія основанія. Впрочемъ, въ мозгу всегда есть наклонность къ распаденію господствующаго комплекса физіологическихъ процессовъ. Ихъ объединеніе рѣдко бываетъ полнымъ; задержанные токи рѣдко бываютъ совершенно устранены: ихъ дѣйствія проникаютъ черезъ «границу» и вторгаются въ предѣлы сознательныхъ физіологическихъ процессовъ.

Разсѣяніе вниманія. Иногда нормальнаго объединенія, повидимому, почти не существуетъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко мозговая дѣятельность падаетъ до минимума. Огромное большинство людей, по всей вѣроятности, нѣсколько разъ въ день впадаетъ въ психическое состояніе, примѣрно, слѣдующаго рода: глаза безцѣльно устремлены въ пространство, окружающіе звуки и шумы смѣшиваются въ одно цѣлое, вниманіе до того разсѣяно, что все тѣло воспринимается сразу какъ-бы одно цѣлое, и «передній планъ» сознанія занятъ какимъ-то торжественнымъ чувствомъ необходимости заполнить чѣмъ-нибудь пустоту времени. На тускломъ фонѣ нашего сознанія чувствуется тѣмъ временемъ полное недоумѣніе: мы не знаемъ, что нужно дѣлать: вставать-ли, одѣваться ли, написать ли отвѣтъ лицу, съ которымъ недавно мы имѣли разговоръ; вообще, мы стараемся сообщить движеніе нашей мысли, но въ то-же время, чувствуемъ, что не можемъ *сдвинуться съ мѣста:* наша *pensée de de rière la tête* не въ силахъ прорвать летаргическую оболочку, окутавшую нашу личность. Каждую минуту ожидаемъ мы, что эти чары разсѣются, ибо мы не видимъ причинъ, почему бы имъ продолжаться. Но они продолжаютъ оказывать свое дѣйствіе все долѣе и долѣе, и мы по прежнему продолжаемъ находиться подъ ихъ обаяніемъ, пока (также безъ всякихъ видимыхъ причинъ) намъ не сообщается запасъ энергіи, что-то (что именно, мы не знаемъ) даетъ намъ силу очнуться, мы начинаемъ мигать глазами, встряхиваемъ головой; мысли, оттѣсненныя до сихъ поръ на задній планъ, становятся въ насъ господствующими, колеса жизни вновь приходятъ въ движеніе.

Digitized by Google

Такова крайняя степень того, что мы называемъ разсѣяніемъ вниманія. Существуютъ промежуточныя ступени между этимъ состояніемъ и противоположнымъ ему явленіемъ сосредоточеннаго вниманія, при которомъ поглощеніе человѣка интересомъ минуты такъ велико, что нанесеніе физическаго страданія является для испытуемаго индивида нечувствительнымъ; эти промежуточныя ступени были изслѣдованы экспериментальнымъ путемъ. Такимъ образомъ, мы подошли къ вопросу относительно

Объема сознанія. Сколько объектовъ не объединенныхъ въ одну систему концептовъ можемъ мы заразъ сознательно воспринимать? Проф. Каттелль производилъ опыты, передвигая ряды буквъ передъ глазами съ быстротою малой дроби секунды, такъ что, повидимому, исключалась всякая возможность направить вниманіе на ихъ послѣдовательность. Когда буквы своимъ порядкомъ образовывали знакомыя слова, то ихъ можно было замѣтить втрое больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда комбинаціи буквъ были безсмысленны. Когда слова, расположенныя рядомъ, составляли осмысленную фразу, то можно было уловить вдвое большее количество буквъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда сочетаніе словъ было случайнымъ. «Осмысленная фраза схватывалась цѣликомъ. Когда она не схватывалась цѣликомъ, то изъ нѣсколькихъ словъ, составляющихъ ее, почти ничего не уловлялось; когда же она угадывалась вся, то отдѣльныя слова представлялись наблюдателю очень отчетливо».

Слово есть связанная съ извѣстнымъ концептомъ система знаковъ-буквъ, система, въ которой буквы воспринимаются сознаніемъ сразу, а не по одиночкѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда мы ихъ сознаемъ отдѣльно. Осмысленная фраза, быстро проносящаяся передъ глазами, представляетъ подобную же систему словъ. Связанная съ концептомъ система знаковъ можетъ *означать* различные объекты нагляднаго представленія, можетъ быть позднѣе замѣнена ими, но сама по себѣ, какъ наличное въ данную минуту душевное состояніе, она не заключается въ сознаваніи этихъ объектовъ. Напримѣръ, когда я думаю: «человѣкъ», то объектъ моей мысли отличается отъ представленія безсвязнаго ряда буквъ: *ч, е, л, о, в, ѣ, к, ъ*.

Если буквенные символы даны намъ въ столь безсвязной послѣдовательности, что мы не можемъ связать ихъ совокупность съ извѣстнымъ концептомъ, то охватить ихъ сразу нѣсколько гораздо труднѣе, и, стремясь удержать въ памяти одни изъ нихъ, мы упускаемъ изъ виду другіе. Впрочемъ, въ извѣстныхъ границахъ можно избѣгнуть этого. Полянъ (Paulhan) производилъ по этому поводу эксперименты, декламируя вслухъ одно стихотвореніе и въ то-же время читая про себя другое, или записывая одну фразу и вслухъ въ то-же время произнося другую, или, наконецъ, производя на бумагѣ вычисленія и въ то-же время читая вслухъ стихи. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Наиболѣе благопріятнымъ

Digitized by Google

условіемъ для двойной одновременной умственной дѣятельности является примѣненіе ея къ двумъ разнороднымъ процессамъ мысли. Два однородныхъ и одновременныхъ процесса мысли (напримѣръ, два перемноженія, два чтенія, вслухъ и про себя, декламированіе и письмо) выполняются съ бо́льшимъ трудомъ и приводятъ къ болѣе неопредѣленнымъ результатамъ».

Поланъ сравнивалъ количество времени, необходимое для выполненія тѣхъ же двухъ разнородныхъ операцій мысли вмѣстѣ и въ отдѣльности, и нашелъ, что одновременное выполненіе даетъ нерѣдко въ результатѣ значительный выигрышъ времени.

«Я помножаю 421312212 на 2 — эта операція мысли занимаетъ шесть секундъ; для прочтенія извѣстнаго четверостишія также необходимо шесть секундъ, но и для одновременнаго выполненія обѣихъ операцій мысли достаточно шести секундъ, такъ что при этомъ нѣтъ никакой потери времени».

Возвращаясь къ поднятому вопросу, сколько разнородныхъ объектовъ мысли могутъ быть у насъ въ сознаніи одновременно, иначе говоря, сколько совершенно не связанныхъ между собой группъ явленій или процессовъ могутъ занимать сознаніе одновременно, мы можемъ дать на него слѣдующій отвѣтъ: съ большимъ трудомъ болѣе одной—двѣ, три и то, только въ томъ случаѣ, когда процессы привычны безъ особеннаго колебанія вниманія. Но, когда процессы не отличались столь автоматическимъ характеромъ (напримѣръ, въ извѣстномъ анекдотѣ о Юліѣ Цезарѣ, который будто бы писалъ письмо, диктуя въ то-же время четыре другихъ), происходилъ быстрый переходъ сознанія отъ одного процесса къ другому, и, слѣдовательно, не было никакого выигрыша времени.

Когда предметомъ нашего вниманія служатъ едва уловимыя ощущенія, и мы напрягаемъ усилія, чтобы точно различить ихъ, то наблюдается «интерференція» вниманія между двумя ощущеніями. По этому вопросу немало тонкихъ экспериментовъ было сдѣлано Вундтомъ. Онъ старался точно подмѣтить положеніе быстровращающейся по циферблату стрѣлки въ то мгновенье, когда раздается звонокъ. Здѣсь нужно было подмѣтить одновременность двухъ различныхъ ощущеній—зрительнаго и слухового. Но послѣ ряда тщательныхъ и упорныхъ изысканій было найдено, что зрительное воспріятіе, повидимому, одновременное со слуховымъ, de facto почти никогда не совпадало съ послѣднимъ по времени. Можно было только наблюдать, что одно воспріятіе на самомъ дѣлѣ происходило или раньше, или позже другого.

Различные виды вниманія. Можно указазать слѣдующіе виды вниманія: оно относится

а) или къ воспріятіямъ (вниманіе *чувственное*),

Digitized by Google

b) или къ воспроизведеннымъ представленіямъ (*вниманіе интеллектуальное*). Оно можетъ быть:

c) *непосредственнымъ*, или

d) *опосредствованнымъ*; непосредственнымъ — въ томъ случаѣ когда объектъ вниманія интересенъ самъ по себѣ безъ всякаго, отношенія къ чему-нибудь постороннему; опосредствованнымъ — когда объектъ моего вниманія лишь путемъ ассоціаціи связанъ съ непосредственно интересующимъ меня предметомъ. То, что я назвалъ опосредствованнымъ вниманіемъ, носитъ названіе *апперцептивнаго* вниманія. Наконецъ, вниманіе можетъ быть, или

e) пассивнымъ, рефлекторнымъ, *непроизвольнымъ*, не сопряженнымъ ни съ какимъ усиліемъ, или

f) активнымъ, *произвольнымъ*.

Произвольное вниманіе всегда бываетъ апперцептивнымъ. Мы дѣлаемъ сознательныя усилія для направленія нашего вниманія на извѣстный объектъ только въ томъ случаѣ, если онъ связанъ лишь косвенно съ какимъ-нибудь интересомъ. Но первый и второй виды вниманія оба могутъ быть и пассивнымъ, и активнымъ.

При непроизвольномъ вниманіи, направленномъ прямо на какой-нибудь объектъ воспріятія, стимуломъ служитъ или значительная интенсивность, объемъ и внезапность ощущенія, или стимулъ является инстинктивнымъ, то есть, представляетъ такое воспріятіе, которое не столько благодаря своей силѣ, сколько благодаря своей природѣ, воздѣйствуетъ на какое-нибудь прирожденное намъ стремленіе и въ силу этого пріобрѣтаетъ непосредственную привлекательность. Въ главѣ «*Объ инстинктѣ*» мы увидимъ, какъ эти стимулы различаются у животныхъ, и каково большинство ихъ у человѣка: странные предметы, движущіяся вещи, дикія животныя, блестящія, красивыя, металлическія вещи, слова, удары, кровь etc.

Вниманіе ребенка и юноши характеризуется воспріимчивостью къ непосредственно воздѣйствующимъ чувственнымъ стимуламъ. Въ зрѣломъ возрастѣ мы обыкновенно реагируемъ лишь на тѣ стимулы, которые выдѣлены нами въ силу своей связи съ такъ называемыми постоянными интересами; къ остальнымъ же стимуламъ мы относимся безразлично. Но дѣтство отличается значительной активностью и въ то-же время располагаетъ слишкомъ незначительными критеріями для обсужденія новыхъ воспринимаемыхъ впечатлѣній и для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія. Результатомъ этого является необыкновенная подвижность вниманія, столь обычная у дѣтей, подвижность, въ силу которой первые регулярные уроки съ ними превращаются въ какой-то безпорядочный хаосъ. Всякое сильное впечатлѣніе, благопріятно отражающееся на какомъ-нибудь органѣ

Digitized by Google

чувствъ, вызываетъ у ребенка на все время своего дѣйствія полное забвеніе той работы, какая на него возложена. Учитель долженъ на первыхъ же урокахъ принять мѣры къ устраненію у ребенка этого пассивнаго, рефлекторнаго вниманія, вслѣдствіе котораго, по словамъ одного французскаго писателя, можетъ показаться, что ребенокъ менѣе принадлежитъ самому себѣ, чѣмъ любому внѣшнему объекту, обратившему на себя его вниманіе. У нѣкоторыхъ лицъ такое состояніе вниманія продолжается всю жизнь, и работа выполняется ими въ тѣ промежутки, когда это состояніе вниманія временно прекращается. Пассивное вниманіе при воспріятіи бываетъ апперцептивнымъ въ томъ случаѣ, если внѣшнее впечатлѣніе, не будучи само по себѣ сильнымъ или инстинктивно привлекательнымъ по природѣ, связано съ такими впечатлѣніями предшествующимъ опытомъ и воспитаніемъ. Такіе предметы могутъ быть названы *мотивами* вниманія. Впечатлѣніе черпаетъ въ нихъ интересъ или даже, быть можетъ, сливается съ ними въ одинъ сложный объектъ, результатомъ чего является то, что они попадаютъ въ фокусъ вниманія. Легкій стукъ—самъ по себѣ весьма неинтересный звукъ, онъ можетъ безъ труда затеряться во множествѣ окружающихъ насъ звуковъ, но едва-ли стукъ въ оконное стекло ускользнетъ отъ вниманія, если это—условный знакъ любовника подъ окномъ его милой. Гербартъ пишетъ:

«Какъ поражаетъ глазъ стилиста нелитературно написанная фраза! Какъ непріятна для музыканта фальшивая нота или для свѣтскаго человѣка нарушеніе хорошаго тона! Какъ быстры наши успѣхи въ извѣстной отрасли знанія, если ея основные принципы усвоены нами такъ хорошо, что мы воспроизводимъ ихъ мысленно съ необыкновенной точностью и легкостью! Съ другой стороны, какъ медленно и неувѣренно воспринимаемъ мы самые принципы той или другой науки, если мы не получили къ нимъ надлежащей подготовки при помощи знакомства съ концептами еще болѣе элементарными, сравнительно съ началами данной науки! Апперцептивное вниманіе можно хорошо наблюдать на очень маленькихъ дѣтяхъ, когда, слушая еще непонятныя для нихъ разговоры старшихъ, они вдругъ тамъ и сямъ схватываютъ отдѣльное знакомое слово и повторяютъ его себѣ; его можемъ мы подмѣтить даже у собаки, которая оборачивается, когда мы называемъ ее по имени. До извѣстной степени нѣчто подобное представляетъ умѣнье, проявляемое нѣкоторыми невнимательными школьниками во время урока, умѣнье подмѣчать каждый моментъ въ разсказѣ учителя. Я помню уроки нестрогаго, но неинтереснаго преподавателя, на которыхъ въ классѣ былъ непрерывный шопотъ; шопотъ этотъ всегда моментально прекращался, какъ только учитель начиналъ разсказывать какой-нибудь занятный анекдотъ. Какъ могли мальчики, которые, повидимому, ничего не слышали изъ рѣчи учителя, замѣтить моментъ,

Digitized by Google

когда анекдотъ начался? Безъ сомнѣнія, большинство изъ нихъ слышало кое-что изъ словъ учителя, но бо́льшая часть этихъ словъ не имѣла никакой связи съ интересами и мыслями, занимавшими ихъ въ данную минуту, поэтому отрывочныя слова, долетая до слуха, вновь улетучивались; но, съ другой стороны, какъ только слова вызвали прежнія представленія, которыя образовывали серію тѣсно связанныхъ между собою идей и легко вступали въ связь съ новыми впечатлѣніями, тотчасъ изъ комбинаціи старыхъ идей и новыхъ впечатлѣній получался въ итогѣ интересъ къ воспринимаемымъ въ полъ-уха словамъ; они переходили выше порога сознанія—и вниманіе снова возстановлялось».

Непроизвольное вниманіе, направленное на воспроизведенныя представленія, непосредственно, если мы слѣдимъ мыслію за рядомъ образовъ, которые сами по себѣ привлекательны и интересны; оно апперцептивно, когда объекты интересуютъ насъ, какъ средства для осуществленія болѣе отдаленной цѣли, или просто въ силу ассоціаціи ихъ съ какимъ-нибудь предметомъ, который придаетъ имъ цѣнность. Токи въ мозгу, сопровождающіе процессы мысли, могутъ представлять въ такомъ случаѣ столь тѣсно связанное цѣлое, ихъ объектъ можетъ настолько поглотить наше вниманіе, что не только нормальныя ощущенія, но даже сильнѣйшая боль вытѣсняются ими изъ сферы сознанія. Паскаль, Весли, Голлъ (Hall), какъ говорятъ, обладали, этой способностью всецѣло отвлекать вниманіе отъ боли. Д-ръ Карпентеръ разсказываетъ о себѣ, какъ онъ нерѣдко принимался за чтеніе лекціи съ невральгіей столь сильной, что, повидимому, не представлялось никакой возможности довести лекцію при такой боли до конца; но, едва онъ, переломивъ себя, успѣвалъ приняться за чтеніе лекціи и во время лекціи углубиться въ послѣдовательное развитіе мыслей, какъ тотчасъ замѣчалъ, что боль нисколько не отвлекала его; пока не наступалъ конецъ лекціи, и вниманіе не разсѣевалось, тогда боль возобновлялась съ силой, превосходящей всякое терпѣніе, такъ что онъ удивлялся, какъ можно было передъ этимъ забыть о ея существованіи. *).

Произвольное вниманіе. Д-ръ Карпентеръ говоритъ о сосредоточеніи вниманія въ извѣстномъ направленіи путемъ сознательныхъ *усилій*. Этими усиліями и характеризуется то, что мы назвали *активнымъ или произвольнымъ вниманіемъ*. Всякій знаетъ, что это такое, но въ то-же время почти всякій согласится, что это—нѣчто не поддающееся описанію. Въ сферѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ мы прибѣгаемъ къ произвольному вниманію, когда намъ нужно уловить какой-нибудь едва уловимый оттѣнокъ въ зрительномъ, слуховомъ,

*) Физіологія ума § 124. Аналогичнымъ является часто приводимый примѣръ солдатъ, не чувствующихъ своихъ ранъ въ разгаръ сраженія

Digitized by Google

вкусовомъ, обонятельномъ или осязательномъ ощущеніи, а также когда мы хотимъ *выдѣлить* какое-нибудь ощущеніе изъ массы подобныхъ другихъ, или когда мы стараемся сосредоточиться на предметѣ, обыкновенно имѣющемъ для насъ мало привлекательности, и при этомъ *противодѣйствуемъ* влеченіямъ въ направленіи болѣе сильныхъ стимуловъ. Въ сферѣ умственной мы примѣняемъ произвольное вниманіе въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда мы стараемся выдѣлить и отчетливо представить себѣ идею, которая лишь смутно таится въ нашемъ сознаніи, или когда мы съ величайшими усиліями стараемся различить оттѣнки значенія въ синонимахъ, или когда мы упорно стараемся удержать въ границахъ сознанія мысль, которая настолько рѣзко дисгармонируетъ съ нашими стремленіями въ данную минуту, что, не будь особыхъ усилій съ нашей стороны, она быстро уступила бы мѣсто инымъ образамъ болѣе индифферентнаго характера.

Чтобы представить себѣ лицо, которое испытываетъ заразъ всѣ формы произвольнаго вниманія, вообразимъ человѣка, сидящаго въ обществѣ за обѣдомъ и намѣренно выслушивающаго скучнѣйшія нравоученія, которыя ему въ полголоса читаетъ его сосѣдъ, въ то время, какъ кругомъ раздается веселый смѣхъ гостей, ведущихъ бесѣду о самыхъ занимательныхъ и интересныхъ вопросахъ.

Произвольное вниманіе продолжается не долѣе нѣсколькихъ секундъ подрядъ. То, что называется «поддержкой» произвольнаго вниманія, въ сущности есть повтореніе послѣдовательныхъ усилій сосредоточить вниманіе на извѣстномъ предметѣ. Разъ эти усилія намъ удались, объектъ вниманія вслѣдствіе своей привлекательности *развивается*; если его развитіе представляетъ для насъ интересъ, то вниманіе на время становится пассивнымъ. Немного выше мы замѣтили, что, по словамъ д-ра Карпентера, потокъ мысли, увлекаетъ насъ, какъ только мы въ него погрузимся. Этотъ пассивный интересъ можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ. Едва онъ успѣлъ вступить въ силу, какъ вниманіе отвлекается какою-нибудь постороннею вещью, тогда посредствомъ произвольнаго усилія мы вновь направляемъ мысль на прежній предметъ; при благопріятныхъ условіяхъ такое колебаніе вниманія можетъ продолжаться по цѣлымъ часамъ подрядъ. Впрочемъ, при этомъ надо не упускать изъ виду, что вниманіе сосредоточивается въ данномъ случаѣ не на тожественномъ въ *психологическомъ* смыслѣ объектѣ, но на послѣдовательномъ рядѣ объектовъ, только *логически* тожественныхъ между собою. Никто не можетъ *непрерывно сосредоточивать вниманіе на неизмѣняющемся объектѣ мысли.*

Есть объекты мысли, которые за время ихъ пребыванія въ сферѣ сознанія *не поддаются развитію.* Они по просту *ускользаютъ* отъ насъ, и для того, чтобы сосредоточить вниманіе на

Digitized by Google

чемъ-нибудь, имѣющемъ къ нимъ отношеніе, требуется такой рядъ непрерывно возобновляемыхъ усилій, что человѣкъ съ самой энергичной волей по неволѣ долженъ бываетъ отступиться отъ нихъ и предоставить своимъ мыслямъ слѣдовать за болѣе привлекательными стимулами, тщетно употребивъ въ теченіе нѣкотораго времени всѣ возможныя средства къ достиженію цѣли. Есть такіе объекты мысли, которыхъ человѣкъ боится, какъ пуганая лошадь, которыхъ онъ стремится избѣгать даже при самомъ бѣгломъ воспоминаніи о нихъ. Таковы тающіе капиталы для мота въ разгаръ его расточительности. Но незачѣмъ приводить исключительный примѣръ мотовства, когда для всякаго человѣка, увлекаемаго страстью, мысль объ умаляющихъ страсть обстоятельствахъ представляется несносной хотя-бы на одно мгновенье. Мысль о нихъ кажется намъ какимъ-то «memento mori» въ тѣ счастливые дни нашей жизни, когда она достигаетъ наиболѣе пышнаго расцвѣта. Наша природа возмущается такими соображеніями, и мы теряемъ ихъ изъ виду. О, цвѣтущій здоровьемъ читатель, какъ долго можешь ты размышлять объ ожидающей тебя могилѣ!? При болѣе спокойныхъ душевныхъ состояніяхъ трудность сосредоточить вниманіе на извѣстномъ предметѣ бываетъ также велика, въ особенности, если мозгъ утомленъ. Иное лицо, чтобы избѣжать скучной предстоящей впереди работы, бываетъ готово ухватиться за любой предлогъ, какимъ бы ничтожнымъ и случайнымъ онъ ни былъ. Я, напримѣръ, знаю одного господина, который готовъ разгребать уголья въ каминѣ, разставлять стулья у себя въ комнатѣ, подбирать съ полу соринки, приводить въ порядокъ свой столъ, разбирать газеты, хвататься за первую попавшуюся подъ руку книгу, стричь ногти, словомъ, какъ-нибудь убивать утро и все это дѣлаетъ непредумышленно, единственно только потому, что ему къ полудню предстоитъ приготовить урокъ изъ формальной логики, которой онъ не можетъ терпѣть. Все онъ готовъ дѣлать, только бы не это.

Повторяю еще разъ, объектъ вниманія долженъ измѣняться. Объектъ зрѣнія съ теченіемъ времени становится невидимъ, объектъ слуха перестаетъ быть слышимъ, если мы будемъ неподвижно направлять на него вниманіе. Гельмгольцъ, подвергшій самому точному экспериментированію свое вниманіе въ сферѣ органовъ чувствъ, примѣняя зрѣніе къ объектамъ, не привлекающимъ вниманія въ обыденной жизни, высказываетъ по этому поводу нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о *борьбѣ двухъ полей зрѣнія*. Такъ называется явленіе, наблюдаемое нами, когда мы глядимъ каждымъ глазомъ на отдѣльный рисунокъ (напримѣръ, въ двухъ сосѣднихъ отдѣленіяхъ стереоскопа); въ такомъ случаѣ сознается нами, то одинъ рисунокъ, то другой, то части обоихъ, но почти никогда оба вмѣстѣ.

Digitized by Google

Гельмгольцъ говоритъ по этому поводу: «Я чувствую, что могу направлять вниманіе произвольно то на одну, то на другую систему линій (рис. 54-й), и что въ такомъ случаѣ нѣкоторое время только одна эта система сознается мною, между тѣмъ какъ другая совершенно ускользаетъ отъ моего вниманія. Это бываетъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если я пытаюсь сосчитать число линій въ той или другой системѣ. Но крайне трудно бываетъ надолго приковать вниманіе къ одной какой-нибудь системѣ линій, если только мы не ассоціируемъ предмета нашего вниманія съ какими-нибудь особенными цѣлями, которыя постоянно обновляли бы активность нашего вниманія. Такъ поступаемъ мы, задаваясь цѣлью сосчитать линіи, сравнить ихъ размѣры и т. п. Равновѣсіе вниманія, мало-мальски продолжительное, ни при какихъ условіяхъ недостижимо. Вниманіе, будучи предоставлено самому себѣ, обнаруживаетъ естественную наклонность переходить отъ одного новаго впечатлѣнія къ другому; какъ только его объектъ теряетъ свой интересъ, не доставляя никакихъ новыхъ впечатлѣній, вниманіе, вопреки нашей воли, переходитъ на что-нибудь другое. *Если мы хотимъ сосредоточить наше вниманіе на опредѣленномъ объектѣ, то намъ необходимо постоянно открывать въ немъ все новыя и новыя стороны*, въ особенности, когда какой-нибудь посторонній импульсъ отвлекаетъ насъ въ сторону».

Эти слова Гельмгольца чрезвычайно важны. А разъ они вполнѣ примѣнимы ко вниманію въ сферѣ органовъ чувствъ, то еще съ большимъ правомъ можемъ мы примѣнить ихъ ко вниманію въ сферѣ интеллектуальнаго разнообразія. Conditio sine qua non для поддержки вниманія по отношенію къ какому-нибудь объекту мысли заключается въ постоянномъ возобновленіи его при измѣненіи точки зрѣнія и отношенія къ объекту вниманія. Только при патологическихъ состояніяхъ ума сознаніемъ овладѣваетъ неотвязчивая, однообразная idée fixe.

Геній и вниманіе. Теперь мы можемъ легко видѣть, почему такъ называемое «поддерживаемое» вниманіе развивается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ богаче матеріалами, чѣмъ болѣе отличается свѣжестью и оригинальностью воспринимающій умъ. Такіе умы пышно расцвѣтаютъ и достигаютъ высокой степени развитія. На каждомъ шагу они дѣлаютъ все новые и новые выводы, постоянно укрѣпляя вниманіе. Интеллектъ же, бѣдный знаніями, неподвижный, неоригинальный едва-ли будетъ въ состояніи долго сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ. Интересъ къ данному предмету у такого лица ослабѣваетъ чрезвычайно быстро. Относительно геніевъ установилось общее мнѣніе, что они далеко превосходятъ другихъ людей силою своего произвольнаго вниманія. Можно выразить опасеніе, не представляетъ ли у большинства изъ нихъ эта «сила» чисто пассивное свойство. Въ ихъ головахъ идеи пестрятъ своимъ разно-

Digitized by Google

образіемъ; въ каждомъ предметѣ они умѣютъ находить безчисленное множество сторонъ; по цѣлымъ часамъ они могутъ сосредоточиваться на одной мысли. Но *ихъ геній дѣлаетъ ихъ внимательными, а не вниманіе образуетъ изъ нихъ геніевъ.* Вникнувъ въ сущность дѣла, мы можемъ замѣтить, что они отличаются отъ простыхъ смертныхъ не столько характеромъ ихъ вниманія, сколько природою тѣхъ объектовъ, на которые оно поочередно направляется. У геніевъ объекты вниманія образуютъ связную серію, всѣ части которой объединены между собою извѣстнымъ раціональнымъ принципомъ. Вотъ почему мы называемъ вниманіе «поддерживаемымъ», а объектъ вниманія на протяженіи нѣсколькихъ часовъ «тѣмъ же». У обыкновеннаго человѣка серія объектовъ вниманія бываетъ большею частію безсвязной, не объединенной общимъ раціональнымъ принципомъ, поэтому мы называемъ его вниманіе неустойчивымъ, шаткимъ.

Не лишено вѣроятія, что геній удерживаетъ человѣка отъ пріобрѣтенія привычекъ произвольнаго вниманія, и что среднее умственное дарованіе представляетъ почву, гдѣ можно всего болѣе ожидать развитія добродѣтелей воли въ собственномъ смыслѣ слова. Представляетъ ли даръ вниманія свойство генія, или оно зависитъ, отъ развитія воли, во всякомъ случаѣ чѣмъ долѣе человѣкъ можетъ удерживать вниманіе на одномъ объектѣ, тѣмъ болѣе представляется ему возможности вполнѣ имъ овладѣть. Способность же постоянно направлять въ извѣстную сторону разсѣвающееся вниманіе составляетъ живой нервъ въ образованіи каждаго сужденія, характера и воли. У кого нѣтъ этой способности, того нельзя назвать «compos sui». Воспитаніе, которое могло бы совершенствовать эту способность было бы воспитаніемъ par excellence. Но указать на такой идеалъ несравненно легче, чѣмъ дать практическое руководство къ его осуществленію. Относительно вниманія общимъ педагогическимъ правиломъ можетъ служить слѣдующее: чѣмъ болѣе интереса въ данномъ занятіи ожидаетъ ребенка впереди, тѣмъ болѣе будетъ напряжено его вниманіе. Поэтому при обученіи ребенка нужно руководить его занятіями такъ, чтобы каждое новое свѣдѣніе, сообщаемое ребенку, находилось въ извѣстной связи съ ранѣе пріобрѣтенными знаніями, и, если возможно, вызывать въ ребенкѣ любопытство такъ, чтобы каждое новое свѣдѣніе, полученное ребенкомъ, служило отвѣтомъ или хоть частью отвѣта на вопросъ, уже ранѣе существовавшій въ умѣ ребенка.

Физіологическія условія вниманія. Вотъ, повидимому, наиболѣе важныя изъ нихъ:

1) *до возникновенія вниманія къ данному объекту необходимо, чтобы соотвѣтствующій кортикальный центръ былъ возбужденъ и центральнымъ путемъ—идеаціонно, и путемъ внѣшняго чувственнаго раздраженія;*

Digitized by Google

2) *затѣмъ органъ чувствъ долженъ быть приноровленъ къ наиболѣе отчетливому воспріятію внѣшняго впечатлѣнія, посредствомъ приспособленія соотвѣтствующаго мускульнаго аппарата;*

3) *по всей вѣроятности, необходимъ извѣстный притокъ крови къ соотвѣтствующему кортикальному центру.*

Третьяго условія я не буду касаться, такъ какъ относительно его мы не имѣемъ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, и я постулирую его лишь на основаніи общихъ аналогій. Первое и второе условія оправдываются экспериментальнымъ путемъ: начнемъ ради удобства съ разсмотрѣнія второго условія.

Приспособленіе органа чувствъ. Оно наблюдается, не только когда вниманіе направлено на внѣшнее чувственное впечатлѣніе, но и въ томъ случаѣ, когда его объектомъ служитъ мысль.

Что оно на-лицо, когда мы направляемъ вниманіе на внѣшній объектъ, это само собой ясно. Глядя на что-нибудь или слушая что-нибудь, мы непроизвольно приспособляемъ глаза и уши, а также поворачиваемъ голову и тѣло; обоняя или пробуя на вкусъ, мы приспособляемъ языкъ, губы и носъ къ данному объекту; осязая какую-нибудь поверхность, мы соотвѣтствующимъ образомъ двигаемъ осязающій органъ; во всѣхъ этихъ актахъ, производя непроизвольныя мускульныя сокращенія цѣлесообразнаго характера, мы задерживаемъ другія движенія, нецѣлесообразныя по отношенію къ тому результату, который мы имѣемъ въ виду: пробуя что-нибудь на вкусъ, мы зажмуриваемъ глаза, прислушиваясь, стараемся затаить дыханіе и т. п. Въ результатѣ получается болѣе или менѣе массивное органическое чувство напряженности вниманія. На это органическое чувство мы смотримъ обыкновенно, какъ на чувство нашей собственной активности, хотя оно возникаетъ въ насъ при посредствѣ приспособленія органовъ чувствъ и послѣ него. Такимъ образомъ, всякій объектъ, способный немедленно возбудить нашу чувствительность, вызываетъ рефлекторное приспособленіе органа чувствъ, которое сопровождается двумя результатами: во первыхъ, тѣмъ чувствомъ активности, на которое мы только-что указали, и во вторыхъ, возрастаніемъ ясности въ нашемъ сознаваніи даннаго объекта.

Но и при интеллектуальномъ вниманіи въ насъ наблюдаются такія же чувства активности. Насколько мнѣ извѣстно, Фехнеръ первый подвергъ эти чувства анализу и отличилъ ихъ отъ только-что указанныхъ болѣе грубыхъ формъ того же чувства. Вотъ что онъ пишетъ:

«Когда мы переносимъ наше вниманіе съ объекта одного органа чувствъ на объектъ другого, мы испытываемъ нѣкоторое вполнѣ опредѣленное и легко воспроизводимое по произволу, хотя и не поддающееся описанію, чувство перемѣны *направленія* или измѣненія въ локализаціи напряженія (*Spannung*). Мы чувствуемъ напряженія въ

Digitized by Google

извѣстномъ направленіи въ глазахъ, съ какой-нибудь стороны въ ушахъ, напряженія, которыя возрастаютъ и измѣняются въ зависимости отъ степени нашего вниманія въ то время, когда мы смотримъ или слушаемъ; это и есть то, что мы называемъ *напряженіемъ вниманія*. Различіе въ локализаціи напряженія всего ярче наблюдается, когда вниманіе наше быстро колеблется между слухомъ и зрѣніемъ, и въ особенности когда мы хотимъ тонко распознать данный объектъ при помощи осязанія, обонянія и вкуса.

Когда я пытаюсь вызвать въ памяти или воображеніи какой-нибудь живой образъ, то я начинаю испытывать нѣчто совершенно аналогичное напряженію вниманія при непосредственномъ зрительномъ или слуховомъ воспріятіи, и это аналогичное чувство локализируется совершенно иначе. Въ то время, какъ при воспріятіи реальнаго объекта (а также зрительныхъ слѣдовъ) съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ напряженіе направляется всецѣло къ данному объекту—впередъ, а при переходѣ вниманія отъ одного чувства къ другому, оно только перемѣняетъ направленіе отъ одного органа чувствъ къ другому, оставляя остальную часть головы свободной отъ напряженія, при воображеніи и припоминаніи, наоборотъ, чувство напряженія всецѣло отвлекается отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ и скорѣе углубляется въ ту часть головы, которая заполнена мозгомъ. Когда я хочу, напримѣръ, *припомнить* мѣстность или лицо, они возникнутъ передо мною съ живостью, если я буду направлять вниманіе не впередъ, а скорѣе, если такъ можно выразиться, назадъ».

«Направленіе вниманія назадъ», ощущаемое нами, когда вниманіе направлено на воспроизведенныя представленія, повидимому, состоитъ главнымъ образомъ во вращеніи глазныхъ яблокъ кнаружи и вверхъ, подобное тому, которое производится нами во снѣ, и которое прямо противоположно движенію глазъ при направленіи зрѣнія на внѣшній объектъ. Впрочемъ, даже при вниманіи, направленномъ на чувственные объекты, приспособленіе органа чувствъ не есть еще самый существенный процессъ. Это—второстепенный по значенію процессъ, который, какъ показываютъ наблюденія, можетъ вовсе не имѣть мѣста. Вообще говоря, вѣрно, что ни одинъ объектъ, лежащій на крайнихъ частяхъ поля зрѣнія, не можетъ привлечь нашего вниманія, не «привлекши» въ то-же время роковымъ образомъ и нашего глаза, то есть, не вызывая въ то-же время вращенія и аккоммодаціи глаза и не локализируя, такимъ образомъ, изображенія предмета на желтомъ пятнѣ,—самомъ чувствительномъ пунктѣ глаза. Но при помощи упражненія и при извѣстномъ усиліи можно направлять вниманіе на главный объектъ поля зрѣнія, оставляя глазъ неподвижнымъ.

При этихъ условіяхъ предметъ никогда не различается нами вполнѣ отчетливо (это невозможно по той причинѣ, что изобра-

Digitized by Google

женіе предмета получается здѣсь не на самомъ чувствительномъ мѣстѣ ретины), но всякій можетъ убѣдиться, что предметъ сознается болѣе живо, если усиліе вниманія сдѣлано нами. Такъ, напримѣръ, учителя во время урока умѣютъ слѣдить за поведеніемъ учениковъ, дѣлая въ то-же время видъ, будто не глядятъ на нихъ. Женщины, вообще говоря, болѣе пользуются периферическимъ зрительнымъ вниманіемъ, чѣмъ мужчины. Гельмгольцъ сообщаетъ одинъ фактъ, столь любопытный, что я приведу здѣсь его наблюденіе цѣликомъ. Однажды онъ производилъ опыты, желая слить въ одно цѣльное зрительное воспріятіе пару стереоскопическихъ картинъ, освѣщавшихся на мигъ электрической искрой. Картины помѣщались въ темномъ ящикѣ, который отъ времени до времени освѣщался искрой; чтобы глаза не двигались по временамъ въ сторону, въ серединѣ каждой картины былъ сдѣланъ проколъ булавкой, черезъ который проникалъ дневной свѣтъ, такъ что оба глаза въ промежутки мрака имѣли передъ собою по одной свѣтлой точкѣ. При параллельныхъ зрительныхъ осяхъ обѣ эти точки сливались въ одну, и малѣйшее движеніе глазного яблока тотчасъ же изобличалось раздвоеніемъ зрительныхъ образовъ. Гельмгольцъ такимъ путемъ нашелъ, что при совершенной неподвижности глазъ простыя плоскостныя фигуры могутъ восприниматься въ качествѣ трехмѣрныхъ при одной вспышкѣ. Но, когда фигуры были сложными фотографіями, то для этого было необходимо нѣсколько вспышекъ подрядъ.

«Любопытно, говоритъ далѣе Гельмгольцъ, что при этомъ, хотя мы неподвижно фиксируемъ оба глаза на булавочныхъ отверстіяхъ и не даемъ раздваиваться ихъ сложному изображенію, тѣмъ не менѣе мы можемъ направить наше вниманіе на любую часть темнаго поля, такъ чтобы при вспышкѣ получить впечатлѣніе лишь отъ той части картины, которая лежитъ въ направленіи нашего вниманія. Здѣсь наше вниманіе является совершенно независимымъ отъ положенія и аккоммодаціи глазъ или отъ какого-либо извѣстнаго намъ измѣненія въ этомъ органѣ и можетъ свободно направляться сознательнымъ волевымъ усиліемъ на любую часть темнаго и однороднаго поля зрѣнія. Это—одно изъ наиболѣе важныхъ наблюденій для будущей теоріи вниманія» *).

«Идеаціонное» возбужденіе центра. Но въ чемъ же выражается направленіе вниманія на периферическую часть картины, если при этомъ нѣтъ физической аккоммодаціи глаза? Что происходитъ, когда мы «распредѣляемъ» или «разсѣеваемъ» вниманіе по предмету въ которомъ ни одна часть не привлекаетъ нашего вниманія? Эти вопросы ведутъ насъ къ анализу второй характеристической черты вниманія—*идеаціоннаго возбужденія* о которомъ, мы

*) Physiol. Optik, p. 741.

Digitized by Google

упомянулъ выше. *Усиліе при направленіи вниманія на крайнюю часть картины заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ стремленіи образовать себѣ возможно болѣе ясную идею того, что тамъ изображено.* Воспроизведенная идея идетъ на помощь ощущенію, дѣлая его болѣе яснымъ. Появленіе этой идеи можетъ сопровождаться усиліемъ, и этого рода усиліе и представляетъ въ данномъ случаѣ конечный результатъ напряженія вниманія. Мы сейчасъ покажемъ, что въ нашихъ актахъ вниманія всегда есть извѣстная мысленная *антиципація* (предвареніе) объекта вниманія. Льюисъ называетъ ее *преперцепціей*, и это названіе, повидимому, всего болѣе подходитъ къ мысленному ожиданію наступающаго явленія.

При интеллектуальномъ вниманіи *преперцепція* само собой должна существовать, какъ объектъ мысли, ибо въ этомъ случаѣ объектомъ служитъ простая *идея*, воспроизведенное представленіе или концептъ. Слѣдовательно, доказавъ существованіе преперцепціи при чувственномъ вниманіи, мы докажемъ, что она на-лицо во всѣхъ процессахъ вниманія. Впрочемъ, когда чувственное вниманіе достигло высшей точки, то становится невозможнымъ сказать, какой элементъ воспріятія проникаетъ въ наше сознаніе извнѣ, и какой изнутри, но, если мы найдемъ, что *приготовленіе* къ напряженію вниманія всегда состоитъ отчасти изъ творческаго пополненія даннаго объекта психическими продуктами воображенія, то этимъ уже будетъ доказано то, что требуется.

При опредѣленіи времени реакціи мы, направляя вниманіе на то движеніе, которое нужно было дѣлать, ускоряли наступленіе реакціи. Это сокращеніе времени мы въ VIII-й главѣ приписали тому обстоятельству, что уже заранѣе до появленія сигнала нервные центры въ данномъ случаѣ бываютъ совершенно приготовлены къ разряду. Такимъ образомъ, состояніе выжидающаго вниманія передъ наступленіемъ реакціи идетъ рука объ руку съ приготовленіемъ соотвѣтствующаго нервнаго центра къ разряду.

Когда воспринимаемое впечатлѣніе очень слабо, то для того, чтобы уловить его, необходимо изощрить вниманіе, предварительно направивъ его на то-же впечатлѣніе, но въ болѣе сильной формѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Гельмгольцъ: «Если мы хотимъ начать наблюденія надъ обертонами, то можно посовѣтовать вслушаться въ слабо звучащую ноту, соотвѣтствующую искомому обертону, прежде чѣмъ производить опытъ звукового анализа надъ данной нотой... Если вы поставите передъ ухомъ резонаторъ, соотвѣтствующій какому-нибудь обертону ноты *C* (*do*), напримѣръ *G* (*sol*), и затѣмъ заставите звучать ноту *C*, то услышите *G*, значительно усиленное резонаторомъ. Это усиленіе обертона резонаторомъ пріучаетъ ухо быть болѣе внимательнымъ къ искомымъ звукамъ. Если мы станемъ постепенно удалять резонаторъ, звукъ *G* станетъ ослабѣвать

Digitized by Google

но вниманіе, будучи направлено резонаторомъ на этотъ звукъ, улавливаетъ его гораздо легче, и наблюдатель уже можетъ послѣ такого опыта слышать обертонъ *C* невооруженнымъ ухомъ». Вундтъ, давая свои объясненія къ такого рода опытамъ, говоритъ слѣдующее: «Бѣглыя и слабыя зрительныя впечатлѣнія даютъ въ результатѣ одно и то-же. Попробуйте освѣщать рисунокъ электрической искрой, появляющейся черезъ большіе промежутки времени: послѣ первыхъ двухъ-трехъ вспышекъ обыкновенно невозможно ничего разобрать. Но смутное впечатлѣніе отъ рисунка все-таки сохраняется въ памяти; каждая послѣдующая вспышка дополняетъ его, пока, наконецъ, не получится болѣе ясное изображеніе. Первичнымъ стимуломъ для внутренней активности здѣсь обыкновенно служитъ самое внѣшнее впечатлѣніе. Мы слышимъ звукъ, въ которомъ по нѣкоторымъ ассоціаціямъ, чувствуемъ наличность извѣстныхъ обертоновъ, далѣе припоминаемъ ихъ, наконецъ, уловляемъ ихъ ухомъ въ данномъ звукѣ. Или предположимъ, что мы видимъ минеральное вещество, которое и ранѣе намъ случалось видѣть; непосредственное впечатлѣніе вызываетъ соотвѣтствующій образъ въ нашей памяти, который въ свою очередь сливается болѣе или менѣе тѣсно съ непосредственнымъ воспріятіемъ. Различныя свойства даннаго впечатлѣнія требуютъ особыхъ благопріятныхъ условій для воспризнанія, и мы заключаемъ при этомъ, что наше ощущеніе напряженности внутренней активности возрастаетъ въ зависимости отъ усиленія яркости тѣхъ впечатлѣній, на которыя мы направляемъ вниманіе».

Это всего естественнѣе можно представить схематически въ видѣ воздѣйствій на нервную клѣтку съ двухъ сторонъ. Въ то время, какъ предметъ воздѣйствуетъ на нее извнѣ, другія нервныя клѣтки дѣйствуютъ на нее изнутри. *Для полной активности данной нервной клѣтки необходимо взаимодѣйствіе обоихъ факторовъ.* Данный объектъ воспринимается съ полнѣйшимъ вниманіемъ только въ томъ случаѣ, когда онъ одновременно образуетъ и воспріятіе, и воспроизведенное представленіе.

Приведемъ еще нѣсколько опытовъ, которые послѣ всего сказаннаго будутъ вполнѣ понятны. Къ опытамъ надъ освѣщеніемъ стереоскопическихъ фигуръ электрической искрой, Гельмгольцъ присоединяетъ еще слѣдующее наблюденіе: «Помѣщая въ стереоскопъ рисунки столь простые, что, относительно говоря, для меня было трудно видѣть ихъ двойными, мнѣ удавалось добиться этого даже при мгновенномъ освѣщеніи, когда *я старался живо представить себѣ, какъ они должны бы были выглядѣть двойными.* Здѣсь на воспріятіе вліяло одно только вниманіе, такъ какъ глазъ оставался совершенно неподвижнымъ».

Разбирая вопросъ о борьбѣ двухъ полей зрѣнія, Гельмгольцъ снова говоритъ: «Это явленіе не есть соперничество въ интен-

Digitized by Google

сивности между двумя ощущеніями: оно зависитъ отъ напряженности или разсѣянности нашего вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть другое явленіе, на которомъ можно было бы съ большимъ удобствомъ изслѣдовать причины, обусловливающія наше вниманіе. Недостаточно при этомъ сознательно рѣшить глядѣть сначала однимъ глазомъ, потомъ другимъ: *мы должны образовать въ умѣ ясное представленіе того, что мы надѣемся увидѣть. Тогда ожидаемый образъ дѣйствительно появится*».

На рис. 55-мъ и 56-мъ, гдѣ этотъ опытъ не даетъ опредѣленныхъ результатовъ, можно вызвать смѣну одной изъ кажущихся фигуръ другою, напряженно воображая заранѣе ту фигуру, которую мы желаемъ видѣть. Тоже наблюдается и на нѣкоторыхъ рисункахъ, гдѣ извѣстныя линіи образуютъ своею комбинаціей фигуру, не имѣющую никакого отношенія къ тому, что можно непосредственно видѣть на рисункѣ, и вообще на всѣхъ изображеніяхъ, гдѣ извѣстный предметъ не бросается въ глаза и едва можетъ быть отличенъ отъ задняго плана; можетъ случиться, что мы долго не будемъ замѣчать предмета, но, разъ замѣтивъ его, мы можемъ дѣлать его объектомъ нашего вниманія по произволу при помощи того умственнаго дубликата, который вводится въ данное воспріятіе нашимъ воображеніемъ. Кто можетъ сразу угадать въ безсмысленной французской фразѣ: «*Pas de lieu Rhône que nous*» англійское: «*Paddle your own canoe*»? Но едва ли кто, разъ замѣтивъ звуковое сходство обѣихъ фразъ, не будетъ въ состояніи снова возобновить его въ памяти. Ожидая удара часовъ, мы такъ проникаемся мыслію о наступающемъ звукѣ, что каждую минуту намъ кажется, будто уже бьетъ желанный или страшный часъ. То-же испытываемъ мы и въ ожиданіи звука чьихъ-нибудь шаговъ. При малѣйшемъ шелестѣ въ лѣсу охотнику мерещится дичь, бѣглецу—его преслѣдователи. Влюбленный при видѣ каждой женской шляпки на улицѣ воображаетъ, что подъ этою шляпкой скрывается голова его кумира. Появленіе образа въ умѣ и есть вниманіе: преперцепція (предвареніе воспріятія) есть половина перцепціи (воспріятія) искомаго объекта.

Именно по этой причинѣ у людей открыты глаза лишь на тѣ стороны въ воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, которыя они ранѣе пріучились различать. Любой изъ насъ можетъ замѣтить извѣстное явленіе, послѣ того какъ на него намъ было кѣмъ-нибудь указано, но то-же явленіе безъ помощи посторонняго указанія не съумѣетъ открыть и одинъ человѣкъ на десять тысячъ. Даже въ поэзіи и въ изобразительныхъ искусствахъ необходимо, чтобы кто-нибудь указывалъ намъ, на что именно нужно обращать особенное вниманіе, что заслуживаетъ наибольшаго удивленія, пока нашъ вкусъ не достигнетъ своего полнаго развитія, и наша оцѣнка эстетическихъ явленій не станетъ совершенно безошибочной. Въ такъ называемыхъ

Digitized by Google

«дѣтскихъ садахъ» дѣтей ради упражненія разспрашиваютъ, сколько характерныхъ чертъ они могутъ назвать въ данномъ предметѣ, напримѣръ, въ цвѣткѣ или въ чучелѣ птицы. Они тотчасъ называютъ знакомыя имъ черты: хвостъ, клювъ, ноги, но они могутъ глядѣть на птицу по цѣлымъ часамъ, не замѣчая ноздрей, когтей, etc., пока не обратишь на эти части ихъ вниманіе, послѣ чего дѣти всякій разъ указываютъ на нихъ. Короче говоря, *мы обыкновенно видимъ лишь тѣ явленія, которыя преперципируемъ;* преперципируемъ же мы лишь тѣ объекты, которые были указаны намъ другими подъ извѣстнымъ ярлыкомъ, а ярлыкъ этотъ запечатлѣлся въ нашемъ умѣ. Потерявъ накопленный нами запасъ этихъ ярлыковъ, мы почувствовали бы себя въ окружающемъ мірѣ лишенными всякой умственной опоры.

Педагогическія замѣчанія. Во-первыхъ, необходимо *укрѣплять вниманіе* въ тѣхъ дѣтяхъ, которыя относятся крайне небрежно къ своимъ занятіямъ, безпорядочно перескакивая мыслію съ одного предмета на другой. Учитель въ данномъ случаѣ долженъ позаботиться о томъ, чтобы сообщить привлекательность предмету занятій, ассоціировавъ его съ чѣмъ-нибудь интересующимъ ребенка; въ худшемъ случаѣ, когда нельзя придать интересъ самымъ занятіямъ, можно прибѣгнуть къ обѣщанію награды за внимательное отношеніе къ занятіямъ и наказанія за невнимательное. Если самый предметъ занятій не вызываетъ въ ребенкѣ никакого произвольнаго вниманія, то приходится черпать интересъ со стороны. Но всего лучше, когда самая тема занятій интересна, и, обучая дѣтей, мы должны всегда стараться связывать новыя познанія, сообщаемыя дѣтямъ, съ тѣми объектами, съ которыми у нихъ соединены преперцепціи. То, что давно извѣстно и хорошо знакомо, тотчасъ становится объектомъ вниманія и привлекаетъ за собою новыя впечатлѣнія, образуя для послѣднихъ то, что по психологической терминологіи Гербарта называется *Apperceptionsmasse.* Разумѣется, талантъ учителя заключается именно въ томъ, чтобы знать, какую *Apperceptionsmasse* надо выбрать. Психологія можетъ здѣсь дать только общее правило.

Во-вторыхъ, необходимо искоренять ту *разсѣянность вниманія*, которая бываетъ у людей болѣе зрѣлаго возраста *при чтеніи или слушаніи рѣчи.* Если вниманіе есть воспроизведеніе даннаго ощущенія извнутри, то привычка читать только глазами или слушать только ухомъ можетъ быть искоренена при помощи отчетливаго расчлененія слышимыхъ или видимыхъ словъ, такимъ путемъ можно укрѣпить вниманіе. Это подтверждается опытомъ. Можно сдѣлать себя гораздо болѣе внимательнымъ къ разговору, если мысленно повторяешь каждое слышанное слово, чѣмъ если пассивно слушаешь ихъ; значительное число студентовъ, моихъ

Digitized by Google

слушателей, испытавъ этотъ пріемъ на практикѣ, нашли его весьма полезнымъ.

Вниманіе и свобода воли. До сихъ поръ я разсматривалъ вниманіе въ качествѣ психическаго процесса, всецѣло зависящаго отъ физіологическихъ условій. И я, дѣйствительно, убѣжденъ, что выборъ объектовъ вниманія именно такъ предопредѣленъ. Ничто не можетъ привлечь наше вниманіе независимо отъ автоматической дѣятельности нервной системы. Другой вопросъ, насколько зависима отъ послѣдней та интенсивность нашего вниманія, съ которою мы воспринимаемъ объектъ, уже попавшій, такъ сказать, въ роле нашего духовнаго зрѣнія. Нужно нерѣдко извѣстное умственное усиліе, чтобы удержать вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ. Если это усиліе не есть простая иллюзія, если оно представляетъ духовную силу, неопредѣленную по величинѣ, то въ такомъ случаѣ, разумѣется, эта сила совмѣстно съ физіологическими процессами даетъ общій сложный результатъ. Хотя она, такимъ образомъ, и не *вноситъ* въ сознаніе новой идеи, но задерживаетъ и закрѣпляетъ въ сознаніи безчисленное множество идей, которыя безъ ея помощи исчезли бы гораздо скорѣе. Задержка при этомъ, быть можетъ, была не долѣе секунды, но эта секунда могла имѣть рѣшающее значеніе, ибо при непрерывной смѣнѣ различныхъ соображеній, когда двѣ противоположеныхъ группы ихъ, борясь между собою, находятся почти въ равновѣсіи, достаточно бываетъ одной лишней секунды вниманія, направленнаго на одну изъ этихъ группъ, чтобы дать ей окончательный перевѣсъ надъ другой Утвердившись въ сознаніи, наше рѣшеніе вліяетъ на поступки, а отъ поступковъ можетъ зависѣть вся наша судьба. Въ главѣ: «*О волѣ*» мы увидимъ, что драма нашей волевой жизни всецѣло зависитъ отъ едва замѣтнаго перевѣса въ степени вниманія, сообщаемаго одной изъ борющихся за преобладаніе моторныхъ идей. Но чувство реальности нашей волевой жизни, главный стимулъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій, зависитъ отъ сознанія того, что *они дѣйствительно обусловлены нашимъ свободнымъ рѣшеніемъ*, а не предопредѣлены за тысячи лѣтъ тому назадъ роковымъ ходомъ явленій. Это кажущееся чувство свободы, придающее исторіи и жизни человѣческой такую трагическую окраску, можетъ *не* быть простой иллюзіей. Произвольное усиліе, можетъ быть, не есть простой результатъ механическихъ процессовъ, а нѣкоторая первичная и при томъ неопредѣленная по степени сила... Въ этомъ вопросѣ для здравомыслящаго человѣка послѣднимъ словомъ должно быть: «Ignoremus», потому что взаимодѣйствующія въ данномъ случаѣ силы по своей тонкости не поддаются измѣренію. Впрочемъ, психологія, поскольку она претендуетъ на имя науки, должна, какъ и всякая другая наука, *постулировать* въ ея явленіяхъ полный детерминизмъ, слѣдовательно, и свободную волю, если таковая су-

Digitized by Google

ществуетъ, разсматривать какъ естественную причину. Такъ буду поступать въ этой книгѣ и я, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру другихъ психологовъ; въ то-же время я долженъ признаться, что подобный пріемъ, хотя и представляетъ методологическія удобства, давая возможность располагать факты въ простомъ порядкѣ и въ «научной формѣ», но не даетъ никакого окончательнаго рѣшенія въ томъ или другомъ направленіи проблемѣ свободы воли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Образованіе концептовъ.

Различныя состоянія сознанія могутъ означать одно и тоже. Функція ума, при помощи которой мы выдѣляемъ, обособляемъ и отожествляемъ между собою численно-различные объекты рѣчи, называется концепціей. Ясно, что одно и то-же состояніе сознанія, когда въ немъ мыслятся нѣсколько различныхъ объектовъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько концептовъ и, имѣя функціей нѣсколько концептовъ, можетъ быть названо состояніемъ сложной концепціи.

Мы можемъ образовывать концепты весьма различнаго характера: концепты реальностей, за которыми признается объективное существованіе, напримѣръ, паровозъ, фантастическіе образы, напримѣръ, сирена, наконецъ, простыя *entia rationis*, напримѣръ, разность, ничто. Но, чтобы мы ни представляли себѣ, наша концепція всегда бываетъ о чемъ-нибудь одномъ, и ни о чемъ другомъ, то есть, по содержанію она не можетъ быть *замѣнена* чѣмъ-нибудь *инымъ*, хотя и можетъ быть многимъ *пополнена*. Образованіе каждаго концепта обусловлено тѣмъ что изъ массы психологическаго матеріала, доставляемаго внѣшнимъ міромъ, наше вниманіе ясно выдѣляетъ что-нибудь и фиксируетъ передъ сознаніемъ. Колебанія при этомъ возникаютъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы недоумѣваемъ, есть ли данный предметъ тотъ именно, который мы имѣли въ виду, такъ что для полноты умственной функціи мы должны при образованіи концепта мысленно сказать себѣ не только: «Я имѣю въ виду вотъ это», но и: «Я не имѣю въ виду того».

Такимъ образомъ, каждый концептъ вѣчно остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и никогда не переходитъ въ другой. Умъ можетъ измѣнить его состоянія, его значеніе по временамъ, можетъ пренебрегать однимъ концептомъ, предпочитать другой, но и оставленный концептъ самъ по себѣ никоимъ понятнымъ для насъ способомъ не можетъ измѣниться въ слѣдующее за нимъ. Я могу видѣть,

Digitized by Google

что бумага, за минуту передъ тѣмъ бѣлая, обгорѣла и почернѣла. Но мое понятіе «бѣлый» не превратилось въ понятіе «черный». Наоборотъ, наряду съ воспріятіемъ черноты оно остается въ моемъ сознаніи, сохраняя свое прежнее значеніе и тѣмъ давая мнѣ возможность замѣтить въ бумагѣ черноту, какъ качественную перемѣну. Если бы этотъ концептъ не сохранился во мнѣ, я сказалъ бы: «Вотъ чернота»—и этимъ мое познаніе и ограничилось бы. Такимъ образомъ, среди измѣнчивости мнѣній и внѣшнихъ впечатлѣній міръ понятій или объектовъ мысли остается неизмѣннымъ и неподвижнымъ, какъ Платоново царство идей.

Иные концепты представляютъ предметы, другіе—качества, третьи—событія. Для любого предмета, событія или качества можетъ быть образованъ соотвѣтствующій концептъ, вполнѣ удовлетворительный для цѣлей отожествленія, если только намъ удалось обособить и выдѣлить его объектъ изъ окружающей обстановки. Достаточно даже просто назвать его «то» или «это». Выражаясь на спеціальномъ логическомъ языкѣ, мы сказали бы, что можно при помощи *означенія* составить понятіе о данномъ объектѣ, не прибѣгая совершенно къ *соозначенію* или пользуясь минимумомъ *соозначенія*. При этомъ важно только, чтобы мы знали, о чемъ идетъ рѣчь; представлять данный объектъ нѣтъ надобности даже въ томъ случаѣ, когда онъ вполнѣ представимъ.

Можно предположить въ этомъ смыслѣ, что живыя существа, занимающія низшее мѣсто въ организованномъ мірѣ по умственнымъ способностямъ, имѣютъ своего рода концепты. Для этого необходимо только, чтобы они обладали способностью воспризнанія явленій предшествующаго опыта. Полипъ можно было бы назвать существомъ, мыслящимъ концептами, еслибы можно было допустить, что въ немъ есть способность узнавать явленія минувшаго опыта. Это чувство тожественности ощущеній составляетъ основу, остовъ нашего сознанія. Въ различныхъ состояніяхъ сознанія мы можемъ мыслить объ одномъ и томъ же. Другими словами, умъ можетъ всегда мыслить о томъ же и сознавать это.

Концепты абстрактныхъ или общихъ и проблематическихъ объектовъ мысли. Здѣсь мы разсмотримъ совершенно специфическій элементъ мысли—одно изъ самыхъ неуловимыхъ, ускользающихъ отъ самонаблюденія явленій сознанія которое психологъ не можетъ анализировать, подобно тому какъ энтомологъ изслѣдуетъ свойства насѣкомаго, насаженнаго на булавку. Согласно моей терминологіи, я сказалъ бы, что это явленіе связано съ психическими обертонами даннаго объекта мысли, которымъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ множество зарождающихся и замирающихъ нервныхъ процессовъ, не поддающихся наблюденію вслѣдствіе своей тонкости и сложности (см. стр. 122-ю). Геометръ, имѣя передъ собою одну опредѣленную фигуру, отлично

Digitized by Google

знаетъ, что его разсужденія примѣнимы такъ же успѣшно къ безконечному множеству другихъ фигуръ, и что, видя передъ собою линіи извѣстной длины, извѣстнаго цвѣта, въ извѣстномъ расположеніи, онъ при анализѣ ихъ не имѣетъ въ виду этихъ деталей. Употребляя слово «человѣкъ» въ двухъ различныхъ значеніяхъ, я могу въ обоихъ случаяхъ произносить буквально то-же слово и представлять себѣ тотъ же образъ, но въ самый моментъ произнесенія слова или представленія образа, я могу разумѣть двѣ совершенно различныхъ вещи. Такъ, напримѣръ, когда я говорю: «Удивительный человѣкъ этотъ Джонесъ»! я хорошо знаю, что подъ понятіе «человѣка», которое я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ, не подойдутъ Наполеонъ Бонапартъ или Адамъ Смитъ. Но когда я говорю: «Что за удивительное существо человѣкъ!» то знаю такъ же хорошо, что имѣю въ виду всѣхъ людей безъ исключенія. Связанное со словомъ сознаніе его значенія представляетъ положительно родъ чувства, благодаря которому простые звуки или зрительные образы становятся чѣмъ-то понятнымъ; это нѣчто даетъ вполнѣ опредѣленное направленіе ходу нашихъ мыслей, которыя затѣмъ воплощаются въ слова и образы.

Какъ бы ни были конкретны и опредѣленны объекты нашего обычнаго воображенія, они всегда сопровождаются деталями отношеній, и эти детали играютъ такую же роль при познаніи даннаго объекта, какъ и самый объектъ. Путемъ, который хорошо извѣстенъ всякому, мы доходимъ до того, что начинаемъ мыслить о цѣлыхъ классахъ предметовъ такъ же хорошо, какъ и объ единичныхъ явленіяхъ, объ отдѣльныхъ свойствахъ и аттрибутахъ предметовъ такъ же, какъ и о цѣлыхъ объектахъ;—другими словами, мы, выражаясь языкомъ логиковъ, начинаемъ образовывать въ нашемъ умѣ *абстракты* или *универсаліи*. Мы начинаемъ мыслить о *проблематическихъ* объектахъ, относительно которыхъ нельзя составить вполнѣ яснаго представленія, такъ же какъ и о явленіяхъ, представляемыхъ нами во всѣхъ ихъ деталяхъ. Проблематическій объектъ мысли характеризуется только связанными съ нимъ отношеніями. Мы думаемъ о нѣкоторомъ явленіи, которое должно быть вызвано другими извѣстными намъ явленіями. Но мы при этомъ еще не знаемъ, каково будетъ ожидаемое нами явленіе при своей реализаціи; иначе говоря, хотя мы и мыслимъ о немъ, но не можетъ *представить* его себѣ. Это не мѣшаетъ намъ мыслить о данномъ объектѣ въ отношеніяхъ его къ другимъ явленіямъ, и отличать его отъ всѣхъ другихъ объектовъ мысли. Таково, напримѣръ, для насъ представленіе машины *perpetuum mobile*. Такого рода машина представляетъ вполнѣ опредѣленное quaesitum, и мы всегда можемъ сказать, можетъ ли любая данная машина удовлетворить тѣмъ условіямъ, которыя сдѣлали бы ее *perpetuum mobile*. Вопросъ о проблема-

Digitized by Google

тической мыслимости извѣстной вещи не зависитъ отъ возможности или невозможности реализаціи ея въ дѣйствительности. «Круглый квадратъ» или «черная бѣлизна» суть совершенно опредѣленныя понятія, и въ процессѣ образованія понятій является совершенно случайнымъ то обстоятельство, что въ природѣ мы не находимъ ничего соотвѣтствующаго этимъ понятіямъ, и потому не можемъ составить никакого соотвѣтствующаго имъ образа.

До сихъ поръ между номиналистами и концептуалистами продолжается споръ о томъ, можетъ ли нашъ умъ создавать всеобщія или абстрактныя понятія, или, лучше было бы сказать, идеи о всеобщихъ, абстрактныхъ объектахъ. Но въ сравненіи съ тѣмъ изумительнымъ фактомъ, что наши мысли, несмотря на несходство въ различныхъ отношеніяхъ, могутъ быть *о томъ же*, для насъ, право, является не существеннымъ, детальнымъ вопросъ о томъ, представляетъ ли это «то-же» въ нашей мысли единичный объектъ, цѣлый классъ объектовъ, абстрактное свойство или нѣчто непредставимое. Наша мысль представляетъ безпорядочное смѣшеніе единичныхъ, частныхъ, неопредѣленныхъ, проблематическихъ и всеобщихъ объектовъ. Отдѣльный конкретный объектъ такъ же *мыслится* нами, будучи выдѣленъ и обособленъ отъ остальныхъ объектовъ нашего сознанія, какъ и самое безсодержательное и широкое по логическому объему свойство, которымъ онъ можетъ обладать, напримѣръ, *бытіе*, если разсматривать это свойство подобнымъ же образомъ. Съ любой точки зрѣнія манера приписывать поразительныя мощныя свойства общимъ понятіямъ, должна вызывать въ насъ удивленіе. Едва можно понять, почему, начиная съ Сократа и до нашихъ дней, философы сходились другъ съ другомъ въ пренебреженіи познаніемъ частнаго и въ поклоненіи передъ познаніемъ всеобщаго, если принять во вниманіе, что болѣе привлекательнымъ познаніемъ должно быть познаніе болѣе привлекательныхъ объектовъ, а такими являются только конкретныя единичныя явленія. Единственное значеніе общихъ понятій заключается въ томъ, что они при мышленіи помогаютъ намъ открывать новыя мысли объ индивидуальныхъ объектахъ. Направленіе мысли на индивидуальной объектъ, быть можетъ, требуетъ даже для своего возникновенія болѣе сложныхъ нервныхъ процессовъ, чѣмъ распространеніе извѣстной мысли на цѣлый классъ объектовъ, и самое таинство познанія равно непостижимо какъ при познаваніи общихъ, такъ и при познаваніи единичныхъ объектовъ. Такимъ образомъ, традиціонный культъ «универсалій» можетъ служить лишь образчикомъ фальшиваго сантиментализма, философскаго «*idola specus*».

То, что мы познаемъ, какъ тожественное, всегда познается нами въ новомъ состояніи сознанія. Послѣ сказаннаго на стр. 116-й едва-ли нужно это добавлять. Такъ, напримѣръ, мое кресло есть одинъ изъ предметовъ,

Digitized by Google

о которыхъ я имѣю опредѣленное понятіе; я видѣлъ его вчера и при взглядѣ на него теперь снова узнаю его. Но, если я думаю о немъ сегодня, какъ о томъ же креслѣ, на которое я смотрѣлъ вчера, то все-же очевидно, что самое представливаніе этого кресла, *какъ* того же самаго, есть уже нѣкоторое добавочное осложненіе мысли, въ силу котораго ея внутренній психическій составъ долженъ былъ измѣниться. Короче говоря, логически невозможно, чтобы тотъ же объектъ мысли *познавался нами, какъ абсолютно-тожественный*, при послѣдовательномъ повтореніи той же мысли. На самомъ дѣлѣ, мысли, которыя мы считаемъ имѣющими то-же значеніе, могутъ рѣзко отличаться одна отъ другой. Тотъ же объектъ мыслится нами то въ устойчивомъ, то въ переходномъ состояніи сознанія, то въ видѣ образа, то въ видѣ одного символа, то въ видѣ другого, но мы все-таки какъ-то умѣемъ узнать, какой именно изъ всѣхъ возможныхъ объектовъ мысли мы имѣемъ въ виду. Психологія самонаблюденія должна отказаться отъ выясненія этого факта; тончайшія перемѣны въ душевной жизни нельзя описать при помощи грубой психологической терминологіи. Психологъ долженъ ограничиться, съ одной стороны, простымъ засвидѣтельствованіемъ того факта, что самые разнородные элементы сознанія образуютъ тотъ психическій субстратъ, при помощи котораго познается тожественное, съ другой—фактическимъ опроверженіемъ противоположной точки зрѣнія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Различеніе.

Различеніе и ассоціація. На стр. 12-й я говорилъ, что первый объектъ познанія ребенка составляетъ тотъ зачатокъ, изъ котораго впослѣдствіи развивается у него познаніе вселенной черезъ присоединеніе новыхъ элементовъ извнѣ и различеніе другихъ изнутри. Другими словами, опытъ слагается *одновременно* при помощи ассоціаціи и диссоціаціи, и психологію слѣдуетъ излагать и аналитически, и синтетически. Наши первичныя чувственныя данныя познанія съ одной стороны раздробляются при помощи вниманія, а съ другой связываются съ другими чувственными данными или при посредствѣ нашихъ движеній, перемѣщающихъ наши органы чувствъ изъ одной части пространства въ другую, или благодаря послѣдовательному чередованію новыхъ объектовъ, замѣщающихъ прежніе. «Простыя впечатлѣнія» Юма, «простыя идеи» Локка суть абстракціи и мысли, никогда не осуществляющіяся въ опытѣ. Жизнь съ самаго начала даетъ намъ конкретные объекты, смутно сливаю-

Digitized by Google

щіеся съ остальнымъ міромъ, который облекаетъ ихъ въ пространство и время, и въ то-же время потенціально дѣлимые на внутренніе элементы и части. Эти объекты мы то разъединяемъ, то слагаемъ. И то, и другое одинаково необходимо для развитія нашего познанія объ этихъ объектахъ, и трудно сказать, какой изъ двухъ процессовъ мы чаще примѣняемъ. Но, если допустить, что «простыя ощущенія», элементы, изъ которыхъ традиціонный ассоціаціонизмъ строитъ всю душевную жизнь, суть продукты различенія, доведеннаго до высшей степени, то намъ придется, повидимому, начать разборъ даннаго вопроса съ разсмотрѣнія анализирующихъ способностей вниманія и различенія.

Что такое различеніе? Усмотрѣніе какой-либо *части* даннаго объекта есть актъ различенія. Уже на стр. 169-й я описалъ, какъ мы нерѣдко самопроизвольно впадаемъ въ состояніе неразличенія даже по отношенію къ объектамъ, которые мы уже ранѣе научились различать. Такія анэстезирующія средства, какъ хлороформъ, закись азота (N^2O) etc., вызываютъ иногда временныя состоянія сознанія, въ которыхъ способность къ различенію еще болѣе ослабляется; особенно рѣзко это замѣчается на численномъ различеніи: подъ вліяніемъ анэстезирующихъ средствъ мы видимъ свѣтъ, слышимъ звуки, но, сколько зрительныхъ или слуховыхъ впечатлѣній, одно или много воспринято нами, мы совершенно не въ состояніи сказать. Въ тѣхъ случаяхъ, когда части объекта были уже различены нами, и каждая изъ нихъ уже стала объектомъ особаго акта различенія, мы только съ трудомъ можемъ возстановить передъ сознаніемъ первоначальную цѣльность даннаго объекта, и сознаваніе его расчлененности бываетъ въ насъ столь сильно, что намъ начинаетъ казаться невѣроятной его первоначальная цѣльность. Но на самомъ дѣлѣ это убѣжденіе представляетъ иллюзію, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что *любое число впечатлѣній, получаемое нами отъ любого числа чувственныхъ раздраженій, одновременно проникая въ сознаніе, которое еще не восприняло каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, даетъ сознанію единый, нераздѣленный объектъ*. Иначе говоря, всѣ объекты, которые *могутъ* сознаваться слитно, именно такъ и сознаются, раздѣльно же сознается только то, что *должно* такъ сознаваться. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ, что заставляетъ насъ сознавать впечатлѣнія раздѣльно.

Условія, благопріятствующія акту различенія. Я разсмотрю послѣдовательно различія:

1) поскольку они непосредственно *ощущаются;*

2) поскольку мы о нихъ *заключаемъ;*

3) поскольку мы ихъ *выдѣляемъ изъ сложныхъ комплексовъ.*

Непосредственно ощущаемыя различія. Для непосредственнаго различенія необходимо, во первыхъ, *чтобы воспринимаемые объекты различались* по времени, пространству или качеству. Другими сло-

Digitized by Google

вами, выражаясь физіологически, подлежащіе различенію элементы должны вызывать *различные* нервные процессы. Но, какъ мы видѣли немного выше, это условіе, будучи необходимымъ, въ то-же время еще недостаточно. Для различенія прежде всего необходимо, чтобы нервные процессы были *достаточно* различны. Никто не можетъ, при всемъ желаніи, не отличить черной полосы отъ бѣлаго фона или не замѣтить контраста между низкою и немедленно слѣдующею за нею высокой нотою. Здѣсь различеніе совершается непроизвольно. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объективная разница не такъ велика, для различенія можетъ потребоваться значительное усиліе вниманія.

Во вторыхъ, *ощущенія, вызываемыя различными объектами, должны воздѣйствовать на тотъ же органъ чувствъ не одновременно, но слѣдуя непосредственно другъ за другомъ.* Легче сравнивать тоны, звучащіе одинъ за другимъ, а не одновременно; двѣ тяжести или двѣ температуры легче сравнивать тою же рукой послѣдовательно одну за другою, а не сразу двумя руками. Подобнымъ же образомъ легче бываетъ различить свѣтовые или цвѣтовые оттѣнки, двигая глазъ отъ одного оттѣнка къ другому, такъ чтобы они оба падали послѣдовательно на ту-же часть ретины. При опредѣленіи минимальныхъ разстояній, различаемыхъ нами на тѣхъ или другихъ участкахъ кожи при помощи прикосновенія ножками циркуля, оказалось, что послѣдовательныя прикосновенія различаются гораздо быстрѣе, чѣмъ одновременныя. Въ послѣднемъ случаѣ при прикосновеніяхъ къ спинѣ и бедрамъ разстояніе между ножками циркуля можетъ быть сдѣлано въ два или три дюйма, и все-таки мы будемъ ощущать всего одно прикосновеніе. Наконецъ, при опредѣленіи запаховъ и вкусовъ сравнивать одновременныя впечатлѣнія почти совершенно невозможно. Причиною, почему послѣдовательность впечатлѣній такъ благопріятствуетъ различенію, повидимому, служитъ то, что въ этомъ случаѣ есть настоящее *чувство различія*, вызванное рѣзкимъ переходомъ отъ одного воспріятія къ другому, несходному съ первымъ. Это ощущеніе различія обладаетъ совершенно специфическимъ свойствомъ, независящимъ вовсе отъ характера тѣхъ психическихъ элементовъ, между которыми устанавливается различіе. Короче сказать, оно есть одно изъ переходныхъ состояній сознанія или чувствъ отношенія, о которыхъ я говорилъ выше (см. стр. 121-ю); разъ возникнувъ, оно связывается въ памяти съ предшествующими и послѣдующими устойчивыми состояніями сознанія и даетъ намъ возможность составить *сравнительное сужденіе* о двухъ ощущеніяхъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда разница между двумя слѣдующими другъ за другомъ ощущеніями очень мала, переходъ отъ одного ощущенія къ другому долженъ быть сдѣланъ возможно скорѣе, при чемъ то и другое слѣдуетъ сравнить въ памяти; такимъ путемъ можно добиться

Digitized by Google

лучшимъ результатомъ. Нельзя составить точнаго сужденія о различіи между двумя сходными по вкусу винами, если, пробуя второе, мы еще чувствуемъ во рту вкусъ перваго. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи звуковъ, температуръ и т. п., мы должны уловить моментъ, когда интенсивности обоихъ сравниваемыхъ ощущеній одинаково ослабѣютъ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ разница между ощущеніями велика, это условіе несущественно, и мы въ такомъ случаѣ можемъ сравнивать непосредственно воспринимаемое ощущеніе съ другимъ, только припоминаемымъ нами. Чѣмъ болѣе промежутокъ времени между двумя сравниваемыми ощущеніями, тѣмъ болѣе неопредѣленною для насъ является разница между ними.

Ощущаемое такимъ образомъ непосредственно различіе между двумя впечатлѣніями не зависитъ отъ нашей способности составить какое-либо понятіе объ одномъ изъ данныхъ впечатлѣній. Я могу раздѣльно ощущать два прикосновенія къ моей кожѣ и все-таки не знать, которое изъ нихъ ниже и которое выше. Я могу слышать два сосѣднихъ музыкальныхъ тона и все-же не знать, который изъ нихъ верхній. Подобнымъ же образомъ, я могу различать два близкихъ другъ къ другу цвѣта, оставаясь въ невѣдѣніи относительно того, который изъ нихъ голубѣе или желтѣе, или чѣмъ одинъ отличается отъ другого.

Я сказалъ, что при непосредственномъ слѣдованіи *m* за *n*, внезапное различіе между ними *ощущается*. Оно *слышится*, по крайней мѣрѣ, ощущается, всякій разъ какъ мы будемъ переходить отъ *m* къ *n* и обратно, попеременно перемѣщая вниманіе отъ одного объекта къ другому, причемъ при помощи этихъ переходовъ будемъ стараться уловить разницу въ тѣхъ случаяхъ, когда она такъ мала, что уловить ее трудно. Но, независимо отъ ощущенія разницы въ коротній моментъ перехода, разница ощущается нами такъ же значительной и какъ-бы воплощенной во второмъ элементѣ сравненія, который сознается нами, какъ нѣчто отличающееся отъ перваго элемента. Очевидно, что въ этомъ случаѣ «второй элементъ» сравненія не простое *n*, а нѣкоторый очень сложный объектъ, и смѣна впечатлѣній выражается не просто рядомъ: «*m*», «*разница*», «*n*», а: «*m*», «*разница*», «*n*, *отличающееся отъ m*». Первое и третье состоянія сознанія въ данномъ случаѣ устойчивы, второе измѣнчиво. При нашей настоящей физико-психической организаціи мы лишены возможности воспринять непосредственно одинъ за другимъ элементы *m* и *n* и сохранить ихъ въ сознаніи въ чистомъ видѣ. Это значило бы, что нами вовсе не было сдѣлано между ними сравненія. Въ силу механизма, который намъ еще совершенно непонятенъ, мы ощущаемъ рѣзкость различія между сравниваемыми элементами, причемъ второй элементъ не есть чистое «*n*», но «*n*, *отличающееся отъ m*». Чистая идея «*n*» *никогда не бываетъ въ сознаніи*, послѣ того какъ «*m*» исчезло.

Digitized by Google

Различій, о которыхъ мы заключаемъ. Не должно смѣшивать съ непосредственными восприятіями различія случаи различенія совершенно иного характера, именно тѣ случаи, въ которыхъ мы *заключаемъ* о существованіи различія между двумя объектами, зная что-нибудь о каждомъ изъ нихъ самомъ по себѣ и въ силу этого относя ихъ къ двумъ различнымъ группамъ явленій. Когда промежутокъ между двумя опытами продолжителенъ, то часто случается, что мы въ нашемъ сужденіи о немъ руководствуемся не столько непосредственнымъ воспроизведеніемъ въ памяти болѣе ранняго опыта, сколько припоминаніемъ нѣкоторыхъ фактовъ по поводу этого опыта. Такъ, напримѣръ, я знаю, что сегодня солнце свѣтитъ не такъ ярко, какъ въ извѣстный день на прошлой недѣлѣ, потому что я сказалъ тогда, что свѣтъ его ослѣпительно ярокъ, а сегодня я бы не сдѣлалъ такого замѣчанія. Или, напримѣръ, я чувствую себя теперь живѣе, чѣмъ прошлое лѣто, потому что теперь могу заниматься психологическимъ анализомъ, а тогда не могъ. Мы постоянно сравниваемъ ощущенія, со свойствами которыхъ наше воображеніе не имѣетъ никакого непосредственнаго знакомства, напримѣръ, страданія и наслажденія. Замѣчательно трудно живо воспроизводить въ воображеніи любое изъ чувствованій этого порядка. Ассоціаціонисты могутъ разглагольствовать объ идеѣ наслажденія, какъ пріятной идеѣ, и объ идеѣ страданія, какъ непріятной идеѣ, но здравый человѣческій смыслъ, не увлеченный софистическими хитросплетеніями, противъ нихъ, за одно съ Гомеромъ, говорящимъ, что воспоминаніе о минувшихъ страданіяхъ можетъ быть радостнымъ, и съ Данте, по мнѣнію котораго, нѣтъ большей муки, какъ вспоминать въ горѣ минувшее счастіе.

«Выдѣленіе элементовъ изъ сложныхъ комплексовъ. Можно съ увѣренностью выставить въ видѣ общаго положенія слѣдующую мысль: *всякое мыслимое отличительное, воспринятое нашимъ сознаніемъ, остается въ немъ непроанализированнымъ, пока составляющіе его элементы не будутъ восприняты нами въ отдѣльности или въ новыхъ комбинаціяхъ, въ иной обстановкѣ.* Мы бы никогда не были въ состояніи различить составные элементы абсолютно неизмѣняющейся группы, состоящей изъ свойствъ, нигдѣ болѣе порознь не встрѣчающихся. Если бы все холодное было мокро, а мокрое холодно, если-бы только твердыя вещи были колючи, а остальныя нѣтъ, то вѣроятно-ли, чтобы мы различали холодное и влажное, твердое и колючее? Если бы всѣ жидкости были прозрачны, а нежидкости непрозрачны, то мы не скоро выработали бы въ языкѣ особыя названія для жидкости и прозрачности. Если бы теплота прямо зависѣла отъ высоты предмета надъ земною поверхностью, такъ что, чѣмъ выше былъ-бы предметъ, тѣмъ выше была бы его температура, то для понятій «теплоты» и «высоты» у насъ имѣлось бы

Digitized by Google

одно слово. Мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ группу ощущеній, которыя неизмѣнно связаны съ тѣми же явленіями, и потому намъ не представляется никакой возможности выдѣлить ихъ изъ окружающей обстановки. Группы ощущеній связанныя съ сокращеніями діафрагмы и расширеніемъ легкихъ, съ сокращеніями нѣкоторыхъ мускуловъ и вращеніемъ нѣкоторыхъ связокъ могутъ служить тому примѣрами. Мы *научаемся* опредѣлять многочисленныя *причины* такихъ группъ ощущеній, и, такимъ образомъ, мы строимъ теоріи о сложеніи самыхъ ощущеній путемъ «сліянія» «интеграціи», «синтеза» и т. п. Но путемъ непосредственнаго самонаблюденія никогда не былъ произведенъ анализъ ощущеній. Всего очевиднѣе въ этомъ можно убѣдить при разсмотрѣніи эмоцій. Каждойэм оціи соотвѣтствуетъ извѣстное внѣшнее проявленіе, въ видѣ учащенія дыханія и біенія сердца, возбужденнаго выраженія лица и т. п. Эти проявленія сопровождаются физическими ощущеніями, и, такимъ образомъ, эмоціи являются неизбѣжно, по необходимости связанными съ тѣлесными ощущеніями. Благодаря этому обстоятельству, невозможно уловить эмоцію, какъ чисто духовное состояніе сознанія, или обособить ее отъ низшихъ ощущеній. Такимъ образомъ, нельзя доказать существованіе эмоціи, какъ психическаго факта, обособленнаго отъ низшихъ душевныхъ явленій, по крайней мѣрѣ, авторъ настоящей книги сильно сомнѣвается въ возможности подобнаго доказательства.

Итакъ, вообще говоря, если въ данномъ объектѣ мы одновременно воспринимаемъ группу впечатлѣній *abcd*, то отъ нихъ получается цѣльное своеобразное ощущеніе, которое характеризуетъ для нашего сознанія индивидуальность даннаго объекта и становится показателемъ его присутствія въ опытѣ; только путемъ дальнѣйшихъ опытовъ мы научаемся различать въ немъ *a*, *b*, *c* и *d*. Посмотримъ теперь, въ чемъ же заключаются эти послѣдніе опыты.

Если какое-нибудь свойство или какой-нибудь составной элементъ даннаго объекта «a» былъ предварительно познанъ нами отдѣльно или какимъ-нибудь путемъ сталъ для насъ самостоятельнымъ объектомъ опыта, такъ что мы имѣемъ о немъ (отчетливое или смутное—все равно) представленіе, не связанное съ «*bcd*», то *этотъ составной элементъ «a» можетъ подлежать психологическому анализу независимо отъ общаго впечатлѣнія «abcd»*.—Анализомъ объекта я называю поочередное направленіе вниманія, на различныя его стороны. Въ XIII-й главѣ мы видѣли, что однимъ изъ условій для направленія вниманія на данный объектъ является образованіе особаго представленія этого объекта, которое какъ-бы идетъ изнутри навстрѣчу воспринимаемому извнѣ впечатлѣнію. Изъ того, что вниманіе служитъ условіемъ для анализа, а особый актъ представливанія—условіемъ для вниманія, слѣдуетъ, что послѣдній актъ обусловливаетъ и самый психическій анализъ. *Только такіе психическіе элементы, съ которыми мы уже знакомы, и которые можемъ*

Digitized by Google

воспроизводить раздѣльно, могутъ быть различены отъ общаго чувственнаго впечатлѣнія. Образованіе отдѣльнаго образа составного элемента какъ-бы благопріятствуетъ выдѣленію послѣдняго изъ группы и обособленію отъ остальныхъ ея элементовъ, и, такимъ образомъ, сложное психическое явленіе распадается передъ нашимъ сознаніемъ на составныя части.

Всѣ факты, приведенные въ главѣ XIII-й въ доказательство того, что вниманіе обусловлено внутреннимъ воспроизведеніемъ, показываютъ, что это внутреннее воспроизведеніе необходимо и для различенія; ища какой-нибудь предметъ въ комнатѣ, напримѣръ, книгу въ библіотекѣ, мы скорѣе находимъ его, если, кромѣ его названія, мы отчетливо представляемъ себѣ его внѣшность. Присутствіе ассафетиды въ Устерширскомъ соусѣ (Worcestershire souce—родъ сои), незамѣтно для того, кому не случалось пробовать ассафетиду въ отдѣльности. Въ «холодномъ» цвѣтѣ художникъ никогда не будетъ въ состояніи вскрыть значительное преобладаніе голубого цвѣта, если не ознакомится со свойствами послѣдняго отдѣльно. Всѣ цвѣта, наблюдаемые нами въ опытѣ, суть смѣси. Даже чистѣйшіе цвѣта спектра воспринимаются нами съ примѣсью бѣлаго. Абсолютно-чистый зеленый, красный или фіолетовый цвѣта никогда не встрѣчаются и никогда не могутъ быть различены въ такъ называемыхъ основныхъ цвѣтахъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ опытѣ; поэтому послѣдніе считаются нами чистыми. Пусть читатель припомнитъ, что обертонъ можетъ быть выдѣленъ нами изъ созвучныхъ съ нимъ нотъ въ звукѣ даннаго музыкальнаго инструмента только въ томъ случаѣ, если ухо наше передъ этимъ слышало его звучащимъ отдѣльно. Когда мы стараемся вообразить тотъ звукъ, который желаемъ услышать, онъ, дѣйствительно, выдѣляется для нашего уха изъ сложнаго тона.

Элементы, которыхъ нельзя изолировать другъ отъ друга, могутъ различаться нами, если при этомъ измѣняется окружающая обстановка. Весьма немногіе элементы опыта могутъ быть совершенно изолированы другъ отъ друга. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что элементъ *a*, входящій въ сложное явленіе *abcd*, обладаетъ различною степенью связности съ *bcd* отъ извѣстнаго минимума до нѣкотораго максимума, или такъ, что онъ является въ соединеніи съ другими качествами *aefg* или *ahik*. При благопріятныхъ условіяхъ намъ удается, оперируя надъ элементомъ *a*, выдѣлить его, подмѣтивъ разницу между нимъ и другими окружающими его элементами, хотя бы это выдѣленіе было лишь приблизительнымъ. Такимъ путемъ, представляется возможность проанализировать данное сложное явленіе. Актъ выдѣленія элемента изъ группы другихъ въ такомъ случаѣ называется абстракціей, а отвлеченный отъ другихъ элементъ—абстрактомъ.

Колебаніе въ качественной интенсивности менѣе содѣйствуетъ

Digitized by Google

процессу абстракціи, чѣмъ разнообразіе комбинацій, въ которыя онъ можетъ входить. *То, что бываетъ ассоциировано, но не сливается объектомъ, то съ другимъ, отрешается къ диссоціаціи съ тѣмъ и другимъ и мало по малу становится для нашего сознанія самостоятельнымъ представленіемъ — абстрагируется.* Это положеніе можно назвать *закономъ диссоціаціи при изолированіи сопровождающихъ элементовъ.*

Практическимъ результатомъ этого закона является тотъ фактъ, что умъ, разъ диссоціировавшій и отвлекшій извѣстное свойство отъ другихъ, можетъ всегда подвергнуть это свойство анализу при каждой новой встрѣчѣ съ нимъ въ опытѣ.

Д-ръ Мартино (Martineau) даетъ хорошее пояненіе къ этому закону: «Если мы увидѣли въ первый разъ красный шаръ изъ слоновой кости, который готовясь же былъ увезенъ, то въ насъ остается представленіе этого шара, въ которомъ всѣ его свойства сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое. Пусть вслѣдъ за этимъ передъ нашими глазами предстанетъ бѣлый шаръ, и только—и только тогда, а не раньше—въ силу контраста на первый планъ въ нашемъ сознаніи выступитъ одинъ изъ аттрибутовъ шара—цвѣтъ. Если бѣлый шаръ будетъ замѣненъ яйцомъ, то наше вниманіе будетъ направлено на *форму* шара, которая раньше не бросалась рѣзко въ глаза, и, такимъ образомъ, то, что раньше было просто объектомъ сознанія, обособленнымъ отъ окружающей обстановки, теперь сдѣлается для насъ сначала *красивымъ*, затѣмъ *красивымъ и круглымъ* предметомъ и т. д.»

Почему повтореніе того же элемента въ различныхъ группахъ содѣйствуетъ его разрыву съ любой изъ нихъ и полному обособленію въ сферѣ нашего сознанія, это составляетъ загадку, отгадывать которую здѣсь нѣтъ надобности.

Способность различенія развивается при упражненіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда личный или практическій интересъ дѣлаетъ для насъ результаты различенія привлекательными, самая способность наша къ различенію удивительно изощряется. Продолжительное упражненіе въ различеніи имѣетъ на нашу различительную способность такое же благотворное вліяніе, какъ и личный интересъ. Оба эти фактора даютъ возможность незначительнымъ степенямъ объективнаго различія вліять на сознаніе такъ же, какъ при другихъ условіяхъ на него могло бы вліять только значительное объективное различіе.

Положеніе: «Практика ведетъ къ совершенствованію» въ сферѣ двигательныхъ упражненій безспорно. Но двигательные акты зависятъ отчасти отъ чувственнаго различенія. Игра на бильярдѣ, стрѣльба въ цѣль, пляска на канатѣ требуютъ способности весьма тонко различать малѣйшія измѣненія въ ощущеніяхъ, и отвѣчать на нихъ соотвѣтствующими мускульными сокращеніями. Всѣмъ

Digitized by Google

извѣстна артистическая способность различенія въ области чувственной сферѣ у знатоковъ-покупателей, любителей гастрономическихъ тонкостей. Есть люди, способные различить вкусъ старой мадеры изъ верхней и изъ нижней части бутылки; одной, пощупавъ муку въ бочкѣ, скажетъ, изъ какой пшеницы она смолота. Извѣстная слѣпая и глухо-нѣмая Лаура Бриджмэнъ до такой степени изощрила чувство осязанія, что могла угадать на ощупь руку той особы, которая пожала ей руку за годъ до этого; а ея сестра по несчастію Юлія Брэсъ, какъ разсказываютъ, сортировала въ Гартфордскомъ пріютѣ бѣлье своихъ многочисленныхъ товарокъ, когда его возвращали изъ стирки, при помощи необыкновенно развитого чувства обонянія.

Фактъ зависимости способности различенія отъ упражненія такъ хорошо всѣмъ извѣстенъ, что почти никто изъ психологовъ не считалъ нужнымъ искать для него объясненія. Но ихъ мнѣнію, повидимому, въ природѣ вещей дѣло обстоитъ такъ, что практика должна утончать способность различенія—дальше же этого они не идутъ. По большей части ими говорится слѣдующее: «Въ данномъ случаѣ вниманіе направлено на объектъ различенія; вниманіе же мы направляемъ на болѣе привычныя вещи, а объектъ вниманія всегда сознается отчетливѣе». Этотъ отвѣтъ, хотя и справедливъ, слишкомъ общъ, болѣе же подробныхъ соображеній по этому вопросу мы съ своей стороны дать здѣсь не можемъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ассоціація.

Порядокъ нашихъ идей. Послѣ различенія слѣдуетъ ассоціація. Очевидно, что весь прогрессъ познанія долженъ заключаться въ соединеніи обоихъ процессовъ, ибо при нашемъ развитіи объекты, являясь первоначально въ цѣльномъ видѣ, анализируются нами, разлагаются на части, объекты раздѣленные объединяются и образуютъ для нашего сознанія сложныя группы. Такимъ образомъ, анализъ и синтезъ суть два непрерывно идущихъ рука объ руку психическихъ процесса: одинъ процессъ съ каждымъ новымъ шагомъ подготовляетъ путь другому, совершенно такъ же, какъ для нормальнаго движенія впередъ при ходьбѣ человѣкъ пользуется поочередно то одной, то другой ногой, причемъ движеніе одной ноги обусловливаетъ движеніе и другой.

Смѣна образовъ и мыслей, изъ которыхъ слагаются наши умственные процессы, быстрое мелканіе одной идеи за другой, переходы отъ одного предмета къ прямо противоположному, переходы,

Digitized by Google

изумляющіе при первомъ взглядѣ своею рѣзкостью, но при болѣе внимательномъ анализѣ обнаруживающіе цѣпь промежуточныхъ звеньевъ, которыя связуютъ совершенно естественнымъ и осмысленнымъ образомъ рѣзко различные объекты мысли—весь этотъ загадочный невѣсомый потокъ мыслей съ незапамятныхъ временъ вызывалъ изумленіе во всѣхъ тѣхъ, кто обращалъ свое вниманіе на эту вѣчно предстоящую предъ нашимъ сознаніемъ тайну. Въ особенности философы употребляли усилія, чтобы разсѣять хоть до нѣкоторой степени таинственный мракъ, покрывающій эти явленія, пытаясь дать имъ простое объясненіе. Они поставили себѣ задачей найти принципы связи между мыслями, въ силу которыхъ онѣ какъ-бы выростаютъ одна изъ другой, и, такимъ образомъ, выяснить особенности въ послѣдовательности и сосуществованіи нашихъ идей.

Но, приступая къ анализу этого явленія, мы сразу наталкиваемся на неясность: какого рода связь хотимъ мы опредѣлить: мыслимую связь или связь между мыслями? Это — двѣ совершенно различныхъ вещи, и только для одной изъ нихъ есть надежда найти объясняющіе принципы. Безконечно-сложная путаница всѣхъ возможныхъ видовъ мыслимой связи не можетъ быть формулирована просто. Любая представимая связь объектовъ можетъ быть мыслима: связь сосуществованія, послѣдовательности, сходства, контраста, противорѣчія, причины и дѣйствія, средствъ и цѣли, рода и вида, части и цѣлаго, субстанціи и акциденціи, ранняго и поздняго, большого и малаго, ландлорда и арендатора, хозяина и слуги и т. д., видовъ такой связи безконечно много. Единственное упрощеніе, къ которому можно было бы прибѣгнуть при анализѣ различныхъ видовъ связи, заключается въ сведеніи всѣхъ возможныхъ видовъ отношеній къ немногимъ *типамъ*, аналогичнымъ съ тѣми, которые нѣкоторые писатели называютъ «категоріями разсудка». Слѣдуя той или другой категоріи, мы могли бы переходить отъ какого-угодно объекта мысли къ другимъ. Если бы мы въ данную минуту пытались опредѣлить *этотъ* родъ связи между отдѣльными моментами нашего мышленія, то настоящая глава могла бы быть теперь же закончена, ибо краткою характеристикой категорій можетъ служить указаніе на то, что всѣ онѣ суть мыслимыя отношенія, и что умъ переходитъ отъ одного мыслимаго объекта къ другому тѣмъ или другимъ раціональнымъ путемъ.

Опредѣляется ли чередованіе нашихъ идей какими-нибудь законами? Но что же de facto опредѣляетъ путь, который принимаютъ въ своемъ теченіи наши мысли? Почему въ данное время въ данномъ мѣстѣ мы начинаемъ думать о *b*, если только-что передъ этимъ подумали объ *a*, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ о *c*, а не о *b*? Почему мы иногда цѣлые годы тщетно бьемся надъ разрѣшеніемъ

Digitized by Google

какой-нибудь практической или научной проблемы, при чемъ наша мысль отказывается найти желанное рѣшеніе; и почему въ одинъ прекрасный день, гуляя по улицѣ и нимало не помышляя о рѣшеніи проблемы, мы вдругъ находимъ въ своемъ сознаніи желанный отвѣтъ, который возникаетъ въ насъ съ такою легкостью, какъ будто мы никогда и не думали его искать, и для котораго было поводомъ, быть можетъ, впечатлѣніе, полученное нами отъ цвѣтовъ на шляпкѣ шедшей впереди насъ по улицѣ дамы или нѣчто совершенно неуловимое?

Нужно сознаться, что процессы мысли обусловлены весьма странными явленіями. «Чистый разумъ» является только однимъ изъ тысячи возможныхъ факторовъ въ нашихъ процессахъ мысли. Кто изъ насъ въ состояніи сосчитать всѣ нелѣпыя идеи, предположенія, крайне неосуществимые замыслы, которые могутъ прійти въ голову въ теченіе одного дня? Кто поклянется, что предразсудки и неосновательныя мнѣнія играютъ въ его психической жизни меньшую роль, чѣмъ просвѣщенные взгляды? И все-таки, повидимому, и для цѣнныхъ, и для ничтожныхъ элементовъ нашего мышленія существуетъ одинъ и тотъ же *способъ происхожденія*.

Эти законы суть законы мозговыхъ процессовъ. *Повидимому, мысль зависитъ отъ механическихъ условій, но меньшей мѣрѣ опредѣляющихъ порядокъ, въ которомъ объекты предстаютъ передъ сравнивающей и выбирающей мыслью.* Не лишенъ интереса тотъ фактъ, что Локкъ и многіе позднѣйшіе французскіе и нѣмецкіе психологи признали необходимымъ допустить существованіе особаго механическаго процесса, съ помощью котораго можно было бы объяснить *заблужденія* мысли, предубѣжденія, нарушающія правильность умственныхъ процессовъ и дѣлающія ихъ безплодными. Они усмотрѣли этотъ механическій процессъ въ законѣ привычки или въ томъ, что мы называемъ теперь ассоціаціей по смежности. Но этимъ писателямъ никогда не приходило въ голову, что тотъ же процессъ, который идетъ рука объ руку съ дѣйствительнымъ образованіемъ однихъ идей и ихъ распредѣленіемъ въ сознаніи, быть можетъ, въ состояніи производить также и другія идеи, и что привычныя ассоціаціи, какъ ускоряющія ходъ мысли, такъ и задерживающія его, могутъ имѣть общій механическій источникъ. Согласно этой послѣдней точкѣ зрѣнія, Гертли усматривалъ въ привычкѣ вполнѣ удовлетворительный принципъ объясненія для чередованія нашихъ идей, и, такимъ образомъ, становился открыто на детерминистическую точку зрѣнія, пытаясь распространить и на раціональные, и на ирраціональные элементы мысли одинъ общій принципъ объясненія. Какимъ путемъ въ головѣ человѣка мысль *A* смѣняется въ слѣдующій моментъ мыслью *B*? или почему обыкновенно въ немъ мысль *A* вызываетъ за собою мысль *B*?

Digitized by Google

Гертли сдѣлалъ попытку объяснить эти явленія изъ данныхъ физіологіи мозга. Я полагаю, что въ основныхъ пунктахъ своей теоріи онъ былъ правъ, и ограничусь здѣсь простымъ пересмотромъ его выводовъ, которыя, съ своей стороны, дополню нѣкоторыми детальными соображеніями.

Не идеи ассоціируются между собою, а объекты. Во избѣжаніе нѣкоторыхъ неясностей мы будемъ нарочно выражаться такъ, какъ будто *ассоціація* (поскольку это выраженіе касается причины психическаго процесса) *происходитъ между мыслимыми объектами, а не идеями:* мы будемъ говорить объ ассоціаціи объектовъ, а не идей. И, поскольку слово «ассоціація» опредѣляетъ собою причину психическаго процесса, рѣчь будетъ идти объ ассоціаціи между собою мозговыхъ процессовъ, которые, группируясь извѣстнымъ образомъ, опредѣляютъ своими сочетаніями порядокъ психическихъ процессовъ.

Основной принципъ. Я теперь постараюсь показать, что явленіями ассоціаціи законъ причинности направляетъ въ формѣ закона пріученія нервныхъ тканей къ воспріятію впечатлѣній. Наличность извѣстныхъ *матеріаловъ* для нашей мысли зависитъ отъ того, какимъ путемъ одинъ элементарный нервный процессъ стремится вызвать за собою другой, который уже возникалъ гдѣ-нибудь прежде. Число элементарныхъ нервныхъ процессовъ, дѣйствующихъ въ данную минуту въ мозгу, и природа тѣхъ изъ нихъ, которые вызываютъ къ дѣятельности другіе процессы, опредѣляютъ общій характеръ мозговой дѣятельности, которая въ свою очередь опредѣляетъ содержаніе мысли въ данную минуту. Въ зависимости отъ того, какимъ является для насъ этотъ сложный результатъ элементарныхъ процессовъ, мы называемъ его продуктомъ ассоціаціи по смежности, по сходству или по контрасту, или еще по какому-нибудь свойству, смотря по тому, сколько основныхъ родовъ ассоціацій мы насчитываемъ. Впрочемъ, самое *образованіе* какой-бы то ни было ассоціаціи должно объясняться чисто количественными различіями въ дѣятельности элементарныхъ нервныхъ процессовъ, совершающихся въ насъ въ данный моментъ по закону пріученія нервной ткани.

Я намѣренъ теперь высказать положеніе, которое сейчасъ же станетъ вполнѣ понятнымъ и въ то-же время передъ нами выступитъ на видъ значеніе факторовъ, которые, взаимодѣйствуя съ закономъ пріученія нервной ткани, нарушаютъ правильное теченіе процессовъ мысли.

Положимъ въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій слѣдующій законъ:

Если два элементарныхъ нервныхъ процесса дѣйствовали одновременно или непосредственно одинъ за другимъ, то одинъ изъ нихъ повторяясь стремится распространить свое возбужденіе и на другой.

Digitized by Google

Но de facto каждый элементарный нервный процессъ неизбѣжно въ различныя времена вступаетъ въ соединенія со *многими* другими процессами. Отсюда является необходимымъ рѣшить вопросъ, который изъ нихъ будетъ вызванъ данными нервнымъ процессомъ. Какой процессъ повлечетъ за собою появленіе *a—b* или *c*? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны установить второй постулатъ, опирающійся на фактъ *напряженія* нервныхъ тканей и на фактъ суммированія возбужденій, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности находится въ скрытомъ состояніи, а общій ихъ результатъ проявляется открыто. За *a* послѣдуетъ скорѣе *b*, чѣмъ *c*, если къ возбужденію нервнаго пути *a* присоединится дѣйствіе наполовину возбужденнаго нервнаго пути *d*, который ранѣе возбуждался вмѣстѣ съ путемъ *b* только, а не съ путемъ *a*. Короче: *Степень активности въ любой данной точкѣ мозговой коры представляетъ собою совокупность стремленій всѣхъ остальныхъ точекъ къ разряду въ данной точкѣ, причемъ стремленія эти пропорціональны: 1) числу повтореній въ другихъ точкахъ возбужденія, обусловливавшаго возбужденіе въ данной точкѣ, 2) интенсивности этихъ возбужденій и 3) отсутствію активности въ пунктѣ, противодѣйствующемъ дѣятельности даннаго пункта и функціонально съ нимъ не связанномъ, активности, которая могла бы видоизмѣнить конечный результатъ первыхъ разрядовъ.*

Формулируя основный законъ въ такой крайне-сложной формѣ, мы получимъ въ результатѣ нашего анализа чрезвычайныя упрощенія. Пока разсмотримъ явленія ассоціаціи при непроизвольномъ теченіи мыслей, наблюдаемомъ при грёзахъ и безцѣльной задумчивости.

Процессы мышленія, направленные сознательными усиліями воли къ извѣстной цѣли, мы разберемъ впослѣдствіи.

Непроизвольное теченіе мыслей. Сосредоточимъ наше вниманіе на двухъ стихахъ изъ «Locksley Hall» Теннисона:

I, the heir of all *the ages* in the foremost files of time

*

For I doubt not through *the ages* one increasing purpose runs.

Почему, когда мы читаемъ на память одну изъ этихъ строчекъ и дошли до словъ *the ages*, та часть второй строчки, которая слѣдуетъ за словами *the ages* и какъ-бы выростаетъ изъ нихъ, не возникаетъ внезапно въ нашей памяти вмѣсто второй половины перваго стиха и не искажаетъ смысла фразы? Просто потому, что мозговые процессы, связанные со словомъ, которое непосредственно слѣдуетъ за *the ages*, обусловлены не только мозговымъ процессомъ, связаннымъ со словами *the ages*, но этимъ процессомъ *плюсъ* всѣ процессы, связанные съ предшествующими словами фразы. Слово *ages* само по себѣ въ моментъ наибольшей *активности* связанныхъ съ нимъ нервныхъ процессовъ могло бы безразлично по-

Digitized by Google

влечь за собою и «*in*», и «*one*». Такимъ же образомъ любое изъ словъ, предшествующихъ *ages* (напряженіе нервнаго процесса, соотвѣтствующаго каждому изъ нихъ въ данный моментъ, слабѣе нервнаго процесса, соотвѣтствующаго припоминанію слова «*ages*»), могло бы повлечь за собою безразлично одно изъ множества словъ, передъ которыми ему случалось находиться. Но, когда процессы, соотвѣтствующіе фразѣ: «*I, the heir of all the ages*», одновременно возникаютъ въ мозгу, послѣдній (*ages*) въ максимальной, другіе въ болѣе слабыхъ степеняхъ возбужденія, тогда разрядъ приметъ то направленіе, которое они стремятся вызвать всѣ одинаково. За ними послѣдуетъ «*in*», а не «*one*» или какое-нибудь другое слово, ибо его нервный процессъ вибрировалъ въ унисонъ не только съ нервнымъ процессомъ слова «*ages*», но и съ нервными процессами болѣе слабой активности, соотвѣтствующими остальнымъ предшествующимъ словамъ. Это явленіе представляетъ хорошій примѣръ вліянія на мысль психическихъ обертоновъ, о которыхъ мы говорили на стр. 122-й.

Но, если бы какое-нибудь изъ этихъ предшествующихъ словъ, напримѣръ, «*heir*»—(наслѣдникъ), находилось въ чрезвычайно прочной ассоціаціи съ какимъ-нибудь изъ нервныхъ путей, которые вовсе не связаны въ опытѣ съ поэмой «Locksley Hall», еслибы, напримѣръ, декламирующій стихи, съ нетерпѣніемъ ожидалъ вскрытія завѣщанія (которое могло бы сдѣлать его наслѣдникомъ милліоннаго состоянія), то весьма возможно, что путь разряда нервныхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ словамъ поэмы, внезапно прервался бы на словѣ «*heir*». *Эмоціональный интересъ, связанный для даннаго лица съ этимъ словомъ*, былъ бы такъ великъ, что ассоціаціи, связанныя только съ этимъ словомъ, возобладали бы надъ ассоціаціей этого слова съ другими словами стиха. Иначе говоря, данное лицо внезапно вспомнило бы о своемъ личномъ положеніи, и стихи поэмы улетучились бы изъ его памяти.

Пишущій эти строки долженъ былъ ежегодно запоминать фамиліи большого числа студентовъ, сидящихъ въ аудиторіи въ алфавитномъ порядкѣ. Въ концѣ-концовъ онъ научился вызывать ихъ по фамиліи, когда они сидѣли, расположившись на указанныхъ мѣстахъ. Встрѣчаясь на улицѣ со студентомъ, онъ по лицу (впрочемъ, только въ началѣ года) никогда не могъ вспомнить фамиліи, но случалось, что она напоминала мѣсто студента въ аудиторіи, лицо его сосѣда, затѣмъ мѣсто встрѣченнаго студента въ алфавитомъ спискѣ и, наконецъ, обыкновенно, какъ результатъ сложнаго ряда ассоціацій, фамилію студента.

Отецъ желаетъ показать гостямъ, какой прогрессъ въ умственномъ развитіи сдѣлало его довольно тупое дѣтище, обучаясь въ дѣтскомъ садѣ. Держа ножъ перпендикулярно надъ столомъ, онъ спрашиваетъ сына:—«Ну, мой мальчикъ, какъ ты назовешь это?»

Digitized by Google

на что слѣдуетъ увѣренный отвѣтъ: «Это—ножикъ!»—отвѣтъ, который упорно повторяется ребенкомъ, не смотря на видоизмѣненія внѣшней формы вопроса, пока, наконецъ, отецъ, не вспоминаетъ, что въ дѣтскомъ саду при этомъ вопросѣ показывали не ножикъ, а карандашъ; тогда онъ вынимаетъ изъ кармана длинный карандашъ, держитъ его, какъ и ножикъ, перпендикулярно надъ столомъ, и получаетъ желанный отвѣтъ: «Это—вертикальное положеніе». Чтобы вызвать въ памяти ребенка слова «вертикальное положеніе», нужно было, чтобы были воспроизведены всѣ детали обученія въ дѣтскомъ саду.

Полное воспроизведеніе. Если бы законъ «сложной ассоціаціи», какъ называетъ его проф. Бэнъ, не видоизмѣнялся внѣшними вліяніями, то дѣятельность его идеально выражалась бы въ томъ, что умъ нашъ былъ бы поглощенъ непрерывнымъ созерцаніемъ, хаотической смѣси конкретныхъ воспоминаній, въ которыхъ не была бы упущена ни одна подробность. Для примѣра предположимъ, что мы вспоминаемъ званый обѣдъ, на которомъ намъ когда-то случилось присутствовать. Единственною вещью, которую могли бы намъ напомнить всѣ подробности обѣда, былъ бы первый конкретный фактъ, который слѣдовалъ бы за нимъ. Всѣ детали этого факта могли бы въ свою очередь вызвать въ памяти, слѣдующій фактъ и т. д. Если, напримѣръ, a, b, c, d, e суть элементарные нервные пути, возбужденные воспоминаніемъ о послѣднемъ фактѣ обѣда, который мы назовемъ A, а l, m, n, o, p, суть пути, возбужденные воспоминаніемъ о возвращеніи домой съ обѣда морозной ночью, которое мы обозначимъ черезъ B, то мысль объ A вызоветъ мысль о B, ибо a, b, c, d, e всѣ разрядятся въ l по тѣмъ путямъ, по которымъ совершился ихъ первоначальный разрядъ. Подобнымъ же образомъ они разрядятся въ m, n, o и p, а эти послѣдніе нервные пути въ свою очередь своимъ возбужденіемъ усилятъ дѣйствіе другихъ, ибо въ опытѣ B они обыкновенно вибрировали въ унисонъ. Линіи на рис. 57-мъ символически изображаютъ суммированіе разрядовъ въ каждомъ элементарномъ нервномъ процессѣ, входящемъ въ составъ B, и обусловленную этимъ суммированіемъ внѣшнихъ вліяній силу, съ какой B цѣликомъ возникаетъ въ сознаніи.

Гамильтонъ первый употребилъ слово «рединтеграція» для обозначенія всякой ассоціаціи вообще. Только-что описанные нами процессы могутъ по преимуществу быть названы «рединтеграціями», ибо они неизбѣжно вели бы къ полному возстановленію въ памяти содержанія большихъ промежутковъ минувшаго опыта, если бы постороннія вліянія не искажали ихъ. Избѣгнуть этой полной рединтеграціи можно было бы только при помощи вторженія въ сознаніе новаго и сильнаго чувственнаго воспріятія или при помощи крайняго стремленія какого-нибудь изъ элементар-

Digitized by Google

ныхъ нервныхъ путей въ независимому отъ другихъ разряженію въ другой части мозга. Такое стремленіе было въ мозгу того лица, которое, согласно нашему примѣру, забыло стихъ изъ «Locksley Hall», запнувшись на словѣ «heir». Немного ниже мы постараемся выяснить образованіе въ мозгу такихъ стремленій. Если бы они не существовали, то при каждомъ воспоминаніи панорама минувшаго, развертываясь передъ нами, роковымъ образомъ повторялась бы буквально до конца, пока какой-нибудь внѣшній звукъ, свѣтъ или прикосновеніе не нарушили бы потока воспоминаній.

Назовемъ этотъ процессъ *полною рединтеграціей*, или еще лучше, полнымъ возстановленіемъ прошлаго въ памяти. Сомнительно, чтобы существовала абсолютно-полная рединтеграція. Тѣмъ не менѣе, при наблюденіи различныхъ лицъ, намъ весьма быстро бросается въ глаза бо́льшая или меньшая наклонность припоминать явленія въ формѣ, близкой къ полной рединтеграціи. Каждому изъ насъ очень хорошо знакомы типы нестерпимо болтливыхъ старухъ, сухихъ существъ, лишенныхъ всякаго воображенія, которыя, разсказывая о какомъ-нибудь событіи, не опускаютъ ни малѣйшей детали и уснащаютъ свой разсказъ множествомъ и существенныхъ, и совершенно ничтожныхъ подробностей; эти типы—рабы буквальнаго воспроизведенія минувшихъ явленій, совершенно неспособные охарактеризовать прошлое въ общихъ чертахъ. Для комедій эти типы представляли всегда весьма благодарную тему. Классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить нянька Джуліэтты. Прекрасные образчики подобныхъ типовъ представляютъ нѣкоторые деревенскіе характеры у Джорджа Эліотъ и нѣкоторыя мелкія фигуры у Диккенса. Самымъ удачнымъ примѣромъ подобнаго типа, пожалуй, служитъ миссъ Бэтсъ въ романѣ миссъ Остенъ (Austen): «Эмма». Вотъ какъ она «рединтегрируетъ».

«Но откуда *вы-то* могли это слышать»?—воскликнула миссъ Бэтсъ. «Откуда вы могли это слышать, м-ръ Найтли? Вѣдь еще нѣтъ пяти минутъ, какъ *я* получила записку отъ м-ра Коль, да нѣтъ, не могло пройти и пяти, ну, самое большое десяти минутъ—я только-что надѣла шляпку и спенсеръ и ужъ собралась выходить, пошла внизъ еще разъ напомнить Патти объ окорокѣ—Жанъ стоялъ въ проходѣ—вѣдь ты стоялъ Жанъ?—потому что мама боялась, что окорокъ будетъ недостаточно великъ. Я сказала, что пойду внизъ и посмотрю, а Жанъ и говоритъ: «Не сходить-ли мнѣ за тебя, вѣдь у тебя, кажется, легкій насморкъ, а Патти мыла кухню сегодня—тамъ сыро». А я говорю ему: «Хорошо, милый мой»,—тутъ-то и явилась записка: «Госпожѣ Гокинсъ, въ Батъ»—вотъ все, что я прочла.... Но вы-то какъ могли слышать объ этомъ, м-ръ Найтли? Вѣдь, какъ только м-ръ Коль сказалъ женѣ

Digitized by Google

о записке, она въ ту-же минуту сѣла и написала мнѣ: «Господинъ Гоббесъ».

Неполное воспроизведеніе. Анализъ этого явленія покажетъ намъ, почему обычное самопроизвольное теченіе нашихъ мыслей никогда не принимаетъ формы полной реинтеграціи. *При оживленіи въ памяти явленій минувшаго опыта не всѣ детали одной мысли одинаково опредѣляютъ собою характеръ послѣдующей мысли. Всегда извѣстный ингредіентъ преобладаетъ надъ всѣми остальными.* Внушаемыя имъ ассоціаціи часто въ этомъ случаѣ отличаются отъ тѣхъ, при помощи которыхъ онъ связанъ со многими деталями психическаго процесса, и нерѣдко это стремленіе къ образованію ассоціацій, чуждыхъ данному потоку мыслей, совершенно измѣняетъ его характеръ. Какъ въ воспріятіи наше вниманіе сосредоточивается на немногихъ сторонахъ созерцаемаго явленія, такъ точно и здѣсь, при воспроизведеніи минувшихъ впечатлѣній, наблюдается такое же неравномѣрное распредѣленіе вниманія на нѣкоторыхъ подробностяхъ, преобладающихъ надъ остальнымъ содержаніемъ воспоминаній. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ трудно a priori опредѣлить при самопроизвольномъ теченіи мысли, какого рода должны быть эти детали. Съ психологической точки зрѣнія про нихъ можно сказать, что наиболѣе *вліятельнымъ факторомъ при самопроизвольномъ теченіи мыслей служатъ психическіе элементы, представляющіе для насъ наибольшій* интересъ.

На физіологическомъ языкѣ законъ интереса долженъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *нѣкоторые физіологическіе процессы въ мозгу всегда одерживаютъ перевѣсъ надъ другими сопутствующими имъ процессами при каждомъ совмѣстномъ возникновеніи.*

«При реинтеграціи, говоритъ г. Годжсонъ (Hodgson), постоянно совершаются два процесса: съ одной стороны—распаденіе, уничтоженіе таянія, съ другой—обновленіе, созиданіе, возникновеніе... Ни одинъ объектъ представленія не остается долго передъ сознаніемъ неизмѣнно въ томъ же видѣ,—мало-по-малу онъ блѣднѣетъ, распадается и становится тусклымъ. Впрочемъ, тѣ части объекта, которыя представляютъ наибольшій интересъ, при постепенномъ исчезновеніи даннаго объекта всего медленнѣе поддаются разрушенію.... Эта неравномѣрность различныхъ частей даннаго воспроизведеннаго представленія, выражающаяся въ относительно-большей устойчивости интереснаго, сравнительно съ неинтереснымъ, продолжается нѣкоторое время, пока данное воспроизведенное представленіе не смѣнится другимъ».

Законъ этотъ примѣнимъ лишь тамъ, гдѣ интересъ равномѣрно распредѣленъ по всѣмъ частямъ воспроизведеннаго представленія. Всего менѣе онъ наблюдается на умахъ съ узкими и мелкими

Digitized by Google

интересами, на тѣхъ людяхъ, которые, вслѣдствіе бѣдности и пошлости своей эстетической натуры, не могутъ возвыситься надъ мелочами личной жизни и окружающей среды.

Впрочемъ, большинство изъ насъ одарено лучшею организаціей; непроизвольное теченіе мыслей бо́льшею частью совершается у насъ безпорядочно, постоянно принимая новыя и новыя направленія подъ вліяніемъ измѣнчиваго преобладанія интереса то въ одной, то въ другой части каждаго сложнаго представленія, возникающаго въ нашемъ сознаніи. Такъ, напримѣръ, часто случается, что мы подмѣчаемъ въ себѣ въ два слѣдующіе непосредственно другъ за другомъ момента времени мысли о предметахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ пространства и времени. Только послѣ внимательнаго наблюденія за ходомъ нашихъ мыслей мы можемъ здѣсь подмѣтить, согласно закону Годжсона, вполнѣ естественный переходъ отъ одного объекта мысли къ другому. Такъ, напримѣръ, теперь (1879), глядя на стѣнные часы, я замѣтилъ, что думаю о недавнемъ сенатскомъ постановленіи о бумажныхъ деньгахъ. Видъ часовъ напомнилъ мнѣ о часовщикѣ, который недавно исправлялъ въ нихъ бой. Часовщикъ напомнилъ мнѣ о ювелирномъ магазинѣ, гдѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; магазинъ этотъ—о рубашечныхъ запонкахъ, которыя я покупалъ тамъ; запонки—о стоимости золотой монеты и о ея недавнемъ пониженіи; послѣднее—о стоимости бумагъ, а это, естественно, напомнило о томъ, какъ долго онѣ будутъ находиться въ обращеніи, и о предложеніи В. Байярда по этому вопросу. Каждый изъ этихъ образовъ представлялъ въ извѣстномъ отношеніи интересъ. Нетрудно указать въ данномъ случаѣ тѣ интересы, которые служили поворотными пунктами въ теченіи моей мысли. Въ часахъ на мгновеніе наиболѣе интереснымъ мнѣ показался механизмъ боя, потому что прежде они били очень звучно, а теперь испортились, и слабый звукъ боя вызывалъ во мнѣ разочарованіе. Но при другихъ условіяхъ часы могли бы напомнить о другѣ, который подарилъ ихъ мнѣ, и о тысячѣ другихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ часами. Ювелирный магазинъ напомнилъ о запонкахъ, потому что онѣ однѣ изо всего остальнаго товара въ магазинѣ представляли для меня интересъ собственности. Этотъ интересъ къ запонкамъ, къ ихъ цѣнности, могъ мнѣ напомнить о золотѣ, какъ матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы, и который составляетъ ихъ главную цѣнность и т. д. Если читатель, остановившись на какомъ-нибудь объектѣ своей мысли, задастся вопросомъ: «Какимъ путемъ дошелъ я до этой мысли?» то ему навѣрное удастся всегда возстановить въ памяти рядъ представленій, непрерывно связанныхъ между собою сложною нитью въ пунктахъ интереса. Таковъ процессъ ассоціаціи идей при самопроизвольномъ теченіи мыслей у людей среднихъ способностей.

Digitized by Google

Мы можемъ назвать этотъ процессъ *обычной или смѣшанной ассоціаціей* или *неполнымъ воспроизведеніемъ* въ памяти минувшихъ явленій.

Какой элементъ ассоціаціи долженъ выступать на первый планъ при неполномъ воспроизведеніи? Когда извѣстная часть въ потокѣ нашей мысли въ силу своего интереса сдѣлалась настолько преобладающей надъ другими, что стала способной образовывать свои собственныя ассоціаціи, предопредѣляющія характеръ дальнѣйшаго теченія нашихъ мыслей, то можемъ ли мы опредѣлить, какую именно изъ ассоціацій образуетъ она, ибо такихъ ассоціацій можетъ быть множество? Годжсонъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Интересные элементы въ данномъ тускнѣющемъ представленіи могутъ свободно комбинироваться съ любымъ объектомъ и съ любою частью объекта, съ которыми имъ случалось когда-либо быть въ комбинаціи. Любая изъ этихъ комбинацій можетъ возобновиться въ нашемъ сознаніи; одна—должна непремѣнно, но, спрашивается, какая?»

На это Годжсонъ отвѣчаетъ слѣдующее:

«На подобный вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: та, которая являлась прежде для насъ наиболѣе *привычною*. Въ нашемъ сознаніи сразу начинаетъ формироваться новый объектъ, части его группируются около остатка прежняго представленія; появляясь одна за другою, онѣ начинаютъ принимать прежнюю группировку, но едва начался этотъ процессъ, какъ законъ интереса вступаетъ въ дѣйствіе и вмѣшивается въ образованіе новой комбинаціи, направляя вниманіе на интересные элементы новаго объекта въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, и тотъ же процессъ повторяется опять съ безконечно-разнообразными варіаціями».

Ограничивая теченіе мысли переходами отъ интереснаго къ наиболѣе *привычному* въ обыденномъ смыслѣ слова, Годжсонъ слишкомъ съуживаетъ характеристику процесса ассоціаціи. Далеко не всегда извѣстный образъ вызываетъ вслѣдъ за собою тотъ, который всего чаще съ нимъ ассоціировался прежде, хотя частое повтореніе ассоціаціи является, конечно, однимъ изъ наиболѣе сильныхъ стимуловъ къ ея возобновленію. Если я внезапно произнесу слово «ракъ», то читатель всего скорѣе представитъ себѣ извѣстное животное, если онъ зоологъ, или извѣстное патологическое явленіе, если онъ докторъ. Произнося слово «реакція», я заставлю натуралиста думать объ химическомъ обмѣнѣ веществъ, а историка—о соціологическомъ явленіи (щелочная реакція, католическая реакція). Произнося слова «постель», «умывальникъ», «утро», я непремѣнно заставлю читателя думать объ его утреннемъ туалетѣ. Но часто повторяющіяся ассоціаціи иногда не оказываютъ никакого вліянія на перемѣну направленія мысли. Видъ извѣстной книги всего чаще вызывалъ во мнѣ мысль о ея содержаніи. Никогда у меня видъ этой книги

Digitized by Google

не ассоціировался съ идеей самоубійства. Но вотъ съ минуту тому назадъ я бросилъ на нее взглядъ, и въ головѣ моей мелькнула мысль о самоубійствѣ. Отчего это? Да просто оттого, что я вчера получилъ письмо, въ которомъ сообщалось о покончившемъ недавно съ собою авторѣ этой книги. Итакъ, въ нашей мысли самыя свѣжія и самыя привычныя ассоціаціи возобновляются съ одинаковой легкостью. Этотъ фактъ до очевидности подтверждается опытомъ и потому не нуждается въ иллюстраціяхъ. Если мы видѣли сегодня утромъ нашего знакомаго, то упоминаніе его имени скорѣе вызоветъ въ нашей памяти ту обстановку, въ которой мы съ нимъ сегодня видѣлись, чѣмъ что-нибудь, относящееся къ его болѣе отдаленному прошлому. Если вчера вечеромъ мы читали «Ричарда II», а сегодня кто-нибудь упомянулъ о Шекспирѣ, то вѣроятнѣе, что передъ нами пронесутся воспоминанія именно объ этой трагедіи, а не о «Гамлетѣ» или «Отелло». Возбужденіе опредѣленныхъ путей въ мозгу или опредѣленные виды общаго возбужденія мозга оставляютъ послѣ себя извѣстнаго рода воспріимчивость или повышенную чувствительность, которая ослабѣваетъ мало по малу день за днемъ. Пока эта повышенная чувствительность къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ еще не изгладилась въ мозгу, до тѣхъ поръ какъ общая активность мозга, такъ и возбужденіе извѣстныхъ путей въ немъ могутъ быть вызваны такими причинами, которыя въ другое время не произвели бы на нихъ такого впечатлѣнія. Такимъ образомъ, *недавность* опыта составляетъ важнѣйшее условіе для воспроизведенія его впечатлѣній. [Я имѣю здѣсь въ виду промежутокъ въ нѣсколько часовъ. М-ръ Гальтонъ нашелъ, что въ дѣтствѣ и юности слова играютъ бо́льшую роль въ качествѣ фактора, вызывающаго ассоціацію, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. См. въ высшей степени любопытное описаніе опытовъ по этому вопросу въ его книгѣ: «Inquiries into the Human Faculty» стр. 191—203].

Въ непосредственномъ воспріятіи для вѣроятности воспроизведенія *живость* имѣетъ такое же значеніе, какъ привычка и недавность. Если намъ случилось разъ въ жизни быть свидѣтелями смертной казни, то впослѣдствіи всякій разговоръ или чтеніе о смертной казни почти навѣрнякa будетъ вызывать въ нашемъ воображеніи однажды видѣнную картину. Такимъ образомъ, событіе, видѣнное нами всего разъ въ жизни, въ молодости, въ силу потрясающаго дѣйствія, произведеннаго имъ на насъ, или въ силу его эмоціональной интенсивности, можетъ въ позднѣйшіе годы стать типичнымъ примѣромъ, иллюстрирующимъ даже такія явленія, которыя имѣютъ лишь весьма отдаленное отношеніе къ видѣнной когда-то сценѣ. Если человѣку въ дѣтствѣ случилось бесѣдовать съ Наполеономъ, то всякій разъ, какъ при немъ впослѣдствіи будутъ упоминать о великихъ людяхъ, великихъ событіяхъ, сраженіяхъ, царствахъ, о превратностяхъ судьбы, объ островѣ на океанѣ,

Digitized by Google

съ его губъ будетъ готовъ сорваться разсказъ о памятномъ свиданіи съ императоромъ. Если читатель внезапно увидитъ въ книгѣ слово *зубъ*, есть половина вѣроятности, что, вызвавъ образъ, соотвѣтствующій этому слову, онъ представитъ себѣ тотъ случай изъ своей жизни, когда онъ былъ пацієнтомъ у дантиста. Ежедневно онъ чиститъ свои зубы порошкомъ; это самое утро онъ теръ ихъ щеткой, жевалъ ими во время обѣда, и чистилъ ихъ послѣ ѣды, и все-таки слово *зубъ* вызвало въ немъ болѣе рѣдкую и отдаленную по времени ассоціацію, только потому, что эта ассоціація отличалась значительно большей интенсивностью.

Четвертымъ факторомъ, опредѣляющимъ характеръ воспроизведенія, служитъ *сходство въ эмоціональномъ тонѣ* между нашимъ расположеніемъ духа въ данную минуту и воспроизведенною идеей. Тѣ-же объекты связываются въ ассоціаціи съ различными элементами, когда мы веселы и когда грустны. Наша неспособность вызвать въ себѣ рядъ веселыхъ картинъ, когда мы въ дурномъ настроеніи духа, представляетъ по истинѣ поразительное явленіе. Воображеніе меланхоликовъ вѣчно занято картинами болѣзней, войны, бури, мрака, ужаса и разрушенія. Люди сангвиническаго темперамента, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, чувствуютъ себя совершенно неспособными предаваться мрачнымъ мыслямъ и страху предъ дурными предзнаменованіями. Цвѣты и сіяніе солнца, весеннія грезы и радужныя надежды—вотъ что составляетъ содержаніе быстро смѣняющихся въ ихъ умѣ ассоціацій. Читая въ дурномъ настроеніи духа описанія путешествія въ полярныя страны или въ глубь Африки, мы ужасаемся передъ грозными силами природы; перечитывая то-же описаніе въ хорошемъ расположеніи духа, мы приходимъ въ восторгъ при мысли объ энергіи человѣка, преодолѣвающей всѣ препятствія, которыя природа ставитъ его стремленіямъ. Немногіе романы читаются съ такимъ веселымъ чувствомъ, какъ «Три Мушкетера» Дюма. А между тѣмъ я могу засвидѣтельствовать, что, читая этотъ романъ во время морской болѣзни, я почерпнулъ изъ него только чувство глубочайшаго отвращенія къ той жестокости и рѣзнѣ, виновниками которой были герои романа—Атосъ, Портосъ и Арамисъ.

Итакъ, причинами, благодаря которымъ интересный элементъ тускнѣющаго представленія вызываетъ за собою то, а не другое новое представленіе, служатъ: *привычка, недавность, живость* и *эмоціональное сродство представленій*. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что *въ большинствѣ случаевъ данное представленіе вызоветъ за собою по ассоціаціи привычное, недавнее, живое или эмоціонально-сходное представленіе*. Если всѣ эти свойства характеризуютъ элементъ, входящій въ составъ вновь образующейся ассоціаціи, то можно заранѣе предвидѣть, что данный элементъ будетъ играть важную роль и въ образованіи послѣдующаго объекта

Digitized by Google

мысли. Впрочемъ, вопреки тому факту, что смѣна представленій подчинена строгому детерминизму и сводится къ немногимъ классамъ, характеристическія черты которыхъ обусловлены нашимъ предшествующимъ опытомъ, необходимо все-таки сознаться, что возникновеніе огромнаго числа звеньевъ въ цѣпи нашихъ представленій, не поддается никакому опредѣленному закону. Это можно видѣть на примѣрѣ часовъ, приведенномъ мною на стр. 208-й. Почему образъ ювелирнаго магазина напомнилъ мнѣ о пуговицахъ, а не о цѣпочкѣ, которую я купилъ тамъ послѣ пуговицъ, которая стоила дороже, и съ которою были связаны гораздо болѣе интересныя эмоціональныя ассоціаціи? Читатель изъ самонаблюденія легко можетъ почерпнуть массу аналогичныхъ фактовъ. Въ виду этого мы должны допустить даже въ формахъ обычной смѣшанной ассоціаціи, которыя лежатъ ближе всего къ неполной реинтеграціи, что случай рѣшаетъ, какой именно элементъ ассоціація будетъ вызванъ интересной стороной тускнѣющаго представленія, разумѣется, случай—для нашего ума. На самомъ же дѣлѣ, безъ сомнѣнія, образованіе каждой новой ассоціаціи предопредѣлено физіологическими причинами, которыя вслѣдствіе своей тонкости и измѣнчивости не поддаются нашему анализу.

Ассоціація по сходству. При смѣшанной ассоціаціи мы постоянно предполагали, что интересная часть тускнѣющаго объекта мысли довольно значительна, настолько сложна, что сама по себѣ образуетъ конкретный объектъ. Сэръ Вильямъ Гамильтонъ разсказываетъ, напримѣръ, что однажды мысль о Бэнъ-Ломондѣ привела его къ мысли о прусской системѣ воспитанія, причемъ звеньями ассоціаціи были нѣмецъ, котораго онъ встрѣтилъ у Бэнъ-Ломонда, Германія etc. Въ Бэнъ-Ломондѣ, какъ объектѣ опыта, интересною стороною, опредѣляющею дальнѣйшее теченіе мыслей, былъ сложный образъ отдѣльнаго человѣка. Но теперь предположимъ, что заинтересованное въ данномъ объектѣ вниманіе еще болѣе утончается и подчеркиваетъ въ немъ лишь одну часть, которая сама по себѣ уже такъ незначительна, что не можетъ быть изображеніемъ конкретнаго предмета, а представляетъ собою отвлеченное свойство. Кромѣ того, предположимъ, что эта часть объекта сохраняется передъ нашимъ сознаніемъ (или, выражаясь физіологически, продолжаются обусловливающіе ее мозговые процессы), послѣ того, какъ другія стороны даннаго объекта стушевались. Въ такомъ случаѣ этотъ малый остатокъ представленія, окружитъ себя своими собственными элементами ассоціаціи тѣмъ путемъ, который мы описали выше, и тогда отношеніе между исчезнувшимъ и вновь образовавшимся объектами мысли будетъ *отношеніемъ сходства.* Пара такихъ объектовъ образуютъ то, что называется *ассоціаціей по сходству.*

Сходные объекты, сопровождающіе одинъ другой въ такой

Digitized by Google

ассоціаціи, всегда суть нѣчто *сложное*. Это постоянно подтверждается опытомъ. *Простыя «идеи», аттрибуты или качества не обнаруживаютъ стремленія напоминать объ аналогичныхъ свойствахъ.* Мысль о какомъ-нибудь оттѣнкѣ голубого цвѣта не вызываетъ мысли о другомъ оттѣнкѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ради сравненія или съ цѣлью установить номенклатуру мы сопоставляемъ различные оттѣнки голубого цвѣта.

Два сложныхъ объекта сходны, когда оба имѣютъ одно или нѣсколько общихъ свойствъ, хотя бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между ними не было ничего общаго. Луна похожа на пламя газоваго рожка и на мячикъ, хотя между пламенемъ и мячикомъ нѣтъ сходства. Устанавливая сходство между двумя сложными объектами, мы всегда должны указывать, въ чемъ оно заключается. Луна и пламя газоваго рожка сходны, какъ свѣтлыя тѣла—и только; луна и мячикъ сходны, какъ круглыя тѣла—и только. Мячикъ и пламя ни въ какомъ отношеніи не сходны, то есть, у нихъ нѣтъ ни одного общаго качества. *Сходство двухъ сложныхъ объектовъ есть тожество въ какомъ-нибудь отношеніи того и другого.* Поскольку извѣстное свойство наблюдается въ двухъ явленіяхъ, хотя бы несходныхъ между собою въ другихъ отношеніяхъ, постольку они сходны между собою. Теперь обратимся къ ассоціаціямъ по сходству. Если за мыслью о лунѣ въ нашей головѣ явилась мысль о мячикѣ, а за мыслью о мячикѣ послѣдовала мысль объ одной изъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ г-ну X., то такое чередованіе представленій обусловлено тѣмъ, что одно изъ свойствъ луны—круглота, отдѣлилось отъ остальныхъ аттрибутовъ и окружило себя группою новыхъ качествъ, каковы упругость, кожаная оболочка, быстрое подчиненіе человѣческому произволу etc.; и тѣмъ, что послѣднее свойство мячика снова оторвалось отъ комплекса остальныхъ свойствъ и снова окружило себя группою новыхъ аттрибутовъ, которые образовали понятія «желѣзнодорожнаго туза», «подъема и паденія бумагъ на биржѣ» etc.

Постепенный переходъ отъ полнаго воспроизведенія къ ассоціаціи по сходству черезъ посредство того, что мы называли неполнымъ воспроизведеніемъ, можетъ быть изображенъ символически въ видѣ діаграммъ. Діаграмма на рис. 58-мъ изображаетъ полное воспроизведеніе, на рис. 59-мъ—неполное, на рис. 60-мъ—ассоціацію по сходству. *A* во всѣхъ трехъ діаграммахъ изображаетъ тускнѣющій объектъ мысли, *B*—вновь образующійся. При «полномъ воспроизведеніи» всѣ части *A* равно принимаютъ участіе въ образованіи *B*. При «неполномъ воспроизведеніи» значительнѣйшая часть *A* не играетъ никакой роли въ образованіи *B*. Только часть *M* вызываетъ *B*. При ассоціаціи по сходству часть *M* значительно меньше, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ и, вызвавъ новую

Digitized by Google

группу элементовъ ассоціаціи, она не стушевывается, но упорно продолжаетъ дѣйствовать наряду съ ними, образуя собою тожественную часть въ обѣихъ идеяхъ и тѣмъ самымъ дѣлая ихъ сходными. Почему одинъ элементъ въ тускнѣющемъ объектѣ мысли отдѣляется отъ остальныхъ и дѣйствуетъ, какъ мы сказали, самостоятельно, почему другіе элементы при этомъ не принимаютъ въ образованіи новаго представленія никакого участія—все это загадки, которыя мы не беремся отгадывать, ограничиваясь простымъ указаніемъ на фактъ. Можетъ быть, болѣе тонкій анализъ законовъ нервной дѣятельности дастъ когда-нибудь ключъ къ рѣшенію этихъ загадокъ; можетъ быть также, что въ нервной дѣятельности мы не найдемъ объясняющаго принципа для этихъ явленій, и тогда придется предположить въ нихъ проявленіе активности самаго сознанія. Но мы, во всякомъ случаѣ, не будемъ вдаваться въ детали по этому вопросу.

Общій взглядъ на непроизвольное теченіе мыслей. Подводя итоги вышесказанному, мы видимъ, что *разница между тремя видами ассоціаціи чисто количественная и сводится къ большему возбужденію нервныхъ путей, соотвѣтствующему той части исчезающаго объекта мысли, которая является формирующимъ началомъ для слѣдующей мысли.* Но *modus operandi* этой части во всѣхъ случаяхъ тотъ же, независимо отъ ея величины. Элементы, образующіе новый объектъ мысли, готовы возникнуть передъ сознаніемъ каждую минуту, потому что соотвѣтствующіе имъ нервные пути были однажды возбуждены непрерывно вслѣдъ за нервными элементами, соотвѣтствующими предшествующему объекту мысли или его активной части. Этотъ физіологическій законъ, законъ привычки, распространяется въ концѣ-концовъ на *токъ*, пробѣгающій по нервнымъ путямъ. Направленіе его пути и виды его модификацій зависятъ отъ неизвѣстныхъ намъ условій, благодаря которымъ въ мозгу однихъ лицъ токъ сосредоточивается въ малыхъ участкахъ, въ мозгу же другихъ онъ распространяется во всю ширину своего пути. Отгадать эти условія для насъ, повидимому, нѣтъ никакой возможности. Каковы бы они ни были, во всякомъ случаѣ въ нихъ коренится глубокое различіе между геніемъ и прозаической натурой—рабомъ привычки и рутиннаго образа мыслей. Въ главѣ: «*О мышленіи*» мы снова возвратимся къ этому вопросу.

Произвольное теченіе мыслей. До сихъ поръ мы разсматривали процессъ ассоціаціи въ формѣ непроизвольнаго теченія мыслей. Образы фантазіи смѣняютъ другъ друга независимо отъ нашего произвола, то слѣдуя прочно проложеннымъ путямъ обыденной привычки, то носясь безпорядочными скачками по всему протяженію пространства и времени. Таковы грезы, мечты, но значительную долю въ потокѣ нашихъ идей занимаютъ явленія совершенно иного характера.

Digitized by Google

Смѣна идей нашихъ связана обыкновенно со стремленіями къ извѣстнымъ цѣлямъ, съ сознательнымъ интересомъ: въ такомъ случаѣ теченіе нашихъ мыслей называется *произвольнымъ*.

Съ физіологической точки зрѣнія, мы должны предположить, что стремленіе къ извѣстной цѣли выражается въ преобладаніи дѣятельности извѣстныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ мозговыхъ процессовъ за все время теченія нашихъ мыслей. Наше обыденное мышленіе—не простыя грезы, не безцѣльное блужданіе, но всегда вращается около какого-нибудь центральнаго интереса, около основной темы, къ которой большинство нашихъ представленій имѣетъ извѣстное отношеніе, и къ которой мы послѣ минутныхъ отступленій снова быстро возвращаемся. Мы предположили, что этотъ интересъ поддерживается непрерывнымъ возбужденіемъ нервныхъ путей. Въ смѣшанныхъ ассоціаціяхъ, которыя мы изучали до сихъ поръ, части каждаго объекта мысли, служащія поворотными пунктами въ теченіи нашей мысли, представляютъ для насъ интересъ, въ значительной доли обусловленный ихъ отношеніемъ къ *общему интересу*, который временно овладѣлъ нашимъ сознаніемъ. Пусть Z будетъ нервный процессъ, обусловливающій *общій интересъ*, тогда, если abc является объектомъ мысли, а b имѣетъ болѣе ассоціацій съ Z, нежели a или c, то b станетъ интересною, руководящею частью объекта и будетъ вызывать только элементы своихъ ассоціацій. Ибо энергія, вызванная возбужденіемъ нервнаго пути b, будетъ увеличена активностью Z, которая не окажетъ вліянія ни на a, ни на c, вслѣдствіе отсутствія всякой предшествующей связи между Z и a и между Z и c. Если я, напримѣръ, думаю о Парижѣ, будучи *голоденъ*, то весьма вѣроятно, что объектомъ моей мысли будутъ парижскіе *рестораны*.

Проблемы. Но, какъ въ теоретической области, такъ и въ практической жизни существуютъ интересы болѣе тонкаго свойства, принимающіе формы опредѣленныхъ образовъ—цѣлей, которыя мы стремимся осуществить. Цѣпь идей, возникающихъ подъ вліяніемъ такого интереса, обыкновенно составляетъ мысль о *средствахъ*, необходимыхъ для осуществленія данной цѣли. Если мысль о цѣли сама собою не указываетъ на средства, то нахожденіе послѣднихъ образуетъ *проблему;* нахожденіе средствъ образуетъ совершенно своеобразную самостоятельную цѣль, именно, цѣль, къ достиженію которой мы сильно стремимся, но природы которой мы не можемъ себѣ ясно представить, какъ бы мы ни желали этого.

То-же самое наблюдается, когда мы хотимъ припомнить что-нибудь забытое или найти логическое основаніе для сужденія, которое было сдѣлано нами интуитивнымъ путемъ. Желаніе здѣсь влечетъ насъ въ томъ направленіи, которое кажется вѣрнымъ, но къ такому пункту, который намъ невидимъ. Короче, *отсутствіе образа* служитъ такимъ же положительнымъ руководящимъ мотивомъ для нашихъ пред-

Digitized by Google

ставленій, какъ и его присутствіе. Пробѣлъ въ нашемъ сознаніи представляетъ при этомъ не совершенную пустоту, но *чувствительный* недостатокъ. Если бы мы захотѣли объяснить съ физіологической стороны, какъ мысль, находящаяся еще въ потенціальномъ состояніи, все-таки проявляетъ извѣстную активность, то мы должны были бы предположить, что при этомъ нервные пути возбуждены, но въ минимальной степени и полусознательно. Постарайтесь, напримѣръ, символически охарактеризовать состояніе человѣка, который ломаетъ голову, стараясь припомнить мысль, пришедшую ему на умъ недѣлю тому назадъ. Элементы ассоціаціи, связанной съ этой мыслью, въ данномъ случаѣ налицо, но они не въ состояніи оживить въ памяти забытую мысль. Мы не можемъ допустить, что мозговые процессы, обусловливающіе эти ассоціаціи, не совершаются вовсе въ человѣкѣ въ этотъ моментъ потому, что искомая мысль вотъ-вотъ сейчасъ можетъ быть охвачена его сознаніемъ. Ритмъ фразы, выражающей искомую мысль, уже звучитъ въ его ушахъ, соотвѣтствующія слова «вертятся на языкѣ», но не припоминаются окончательно (см. стр. 123-ю). Вся разница между тѣмъ случаемъ, когда мы припоминаемъ забытое, и тѣмъ, когда ищемъ средствъ къ осуществленію нѣкоторой цѣли, заключается въ томъ, что первый случай имѣетъ отношеніе къ минувшему опыту, а второй — нѣтъ. Если мы сначала проанализируемъ *способъ припоминанія забытаго*, то намъ легче будетъ понять сознательные поиски за неизвѣстнымъ.

Разрѣшеніе проблемъ. Забытая вещь чувствуется нами, какъ нѣкоторый пробѣлъ между другими опредѣленными вещами. При этомъ мы смутно помнимъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ намъ пришла въ голову въ послѣдній разъ забытая теперь идея. Мы помнимъ въ общихъ чертахъ и тему, къ которой она имѣетъ отношеніе. Но всѣ эти детали не сливаются въ одно прочное цѣлое, которое могло бы замѣстить ощущаемый нами пробѣлъ, мы чувствуемъ неудовлетворенность и ломаемъ себѣ голову въ поискахъ за другими деталями забытаго факта. Отъ каждой детали лучеобразно расходятся линіи ассоціацій, и это обстоятельство даетъ поводъ ко множеству попытокъ отгадать забытую идею по ассоціаціи съ какою-нибудь изъ этихъ деталей. При этомъ сразу обнаруживается, что многія изъ нихъ не имѣютъ къ искомой мысли никакого отношенія, поэтому онѣ сразу теряютъ всякій интересъ и ускользаютъ отъ нашего сознанія. Другіе элементы мысли ассоціируются одинаково хорошо и съ искомой идеей, и съ другими представленіями, находящимися налицо въ нашемъ сознаніи. При появленіи въ сознаніи такихъ ассоціацій, мы начинаемъ испытывать своеобразное ощущеніе, побуждающее насъ хвататься за нихъ и сосредоточивать на нихъ наше вниманіе. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ мы вспоминаемъ сначала, что намъ пришла въ голову

Digitized by Google

искомая мысль, когда мы сидѣли за столомъ; затѣмъ, что при этомъ былъ нашъ знакомый г-нъ X; далѣе, что толковали за столомъ о томъ-то и томъ-то; наконецъ, что мысль эта была въ насъ вызвана какимъ-то анекдотомъ, и что при этомъ играла какую-то роль французская цитата. Всѣ эти добавочные элементы ассоціаціи *возникаютъ въ насъ независимо отъ усилій воли*, при посредствѣ хорошо знакомаго намъ самопроизвольнаго теченія мыслей. *Роль воли при этомъ заключается только въ подчеркиваніи тѣхъ элементовъ ассоціаціи, которые кажутся наиболѣе подходящими, въ сосредоточеніи на нихъ вниманія и въ игнорированіи остальныхъ элементовъ.* При помощи этого блужданія нашего вниманія по сосѣдству съ искомымъ объектомъ мысли накопленіе элементовъ ассоціаціи становится такъ велико, что общее напряженіе всѣхъ соотвѣтствующихъ имъ нервныхъ процессовъ преодолѣваетъ преграду, и нервный токъ, соотвѣтствующій давно искомому объекту мысли, стремительно пробѣгаетъ по своему пути. И, когда полусознательный зудъ, если такъ можно выразиться, испытываемый нами при поискахъ за извѣстной мыслью, вдругъ превращается въ живое ощущеніе, нашъ духъ чувствуетъ невыразимое облегченіе. Весь описанный нами процессъ можетъ быть изображенъ въ грубой формѣ въ видѣ діаграммы. Назовемъ забытый объектъ мысли черезъ Z, первые факты, имѣющіе къ нему отношеніе—черезъ a, b и c, а детали, имѣющія рѣшающее значеніе для припоминанія этого объекта—черезъ l, m и n. Тогда каждый кружекъ на діаграммѣ (рис. 61-й) будетъ означать нервный процессъ, главнымъ образомъ соотвѣтствующій той идеѣ, которая означена стоящею на этомъ кружкѣ буквой. Сначала активность Z выразится нѣкоторымъ простымъ внутреннимъ напряженіемъ, но когда возбужденія a, b и c постепенно повлекутъ за собою l, m и n, и когда *всѣ* эти процессы такъ или иначе станутъ дѣйствовать на Z, ихъ совмѣстное лучеобразное давленіе на Z, пробудитъ въ послѣднемъ сильнѣйшую активность, и цѣль будетъ достигнута.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того случая, когда намъ изыскиваются невѣдомыя средства для вполнѣ опредѣленной цѣли. Цѣль здѣсь играетъ роль a, b и c въ діаграммѣ, они служатъ исходными пунктами вліянія элементовъ ассоціаціи на искомое Z. И здѣсь, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, произвольное вниманіе только устраняетъ неподходящіе элементы ассоціаціи и сосредоточивается на тѣхъ, которые кажутся благопріятными; обозначимъ ихъ черезъ l, m и n. Эти послѣдніе, слагаясь съ первыми, вызываютъ возбужденіе въ Z, которому психологически соотвѣтствуетъ рѣшеніе нашей проблемы. Единственная разница между этимъ и предшествующимъ случаемъ заключается въ томъ, что здѣсь не представлялось надобности ни въ какомъ предварительномъ полувозбужденіи Z. При рѣшеніи проблемы мы сознаемъ заранѣе

Digitized by Google

только *отношенія* (конечнаго результата къ искомымъ средствамъ для его осуществленія). Такими отношеніями должны быть отношенія причины къ дѣйствію, или аттрибута къ вещи, или средствъ къ цѣли и т. п. Короче сказать, мы знаемъ многое *объ* искомомъ объектѣ, но все-таки мы *незнакомы* съ нимъ. Сознаніе того, что одинъ изъ представляющихся намъ объектовъ есть въ концѣ-концовъ наше quaesitum, обусловлено установленіемъ тожества отношеній нашихъ къ данному объекту и къ искомому неизвѣстному, установленіемъ, для котораго требуется довольно медленный актъ сужденія. Всякій знаетъ, что нѣкоторое время возможно сознавать объектъ, не устанавливая никакихъ отношеній между нимъ и другими объектами. Совершенно такъ же возможно сознавать извѣстныя отношенія, еще не сознавая объекта.

Съ помощью именно такого процесса мысли, мы усматриваемъ въ загадочныхъ газетныхъ недомолвкахъ событія государственной важности. Мы должны при этомъ положиться на законы нервной дѣятельности, которая въ этихъ случаяхъ доставляетъ намъ подходящія идеи, но правильный выборъ между послѣдними долженъ быть сдѣланъ самими нами.

Подробный анализъ различныхъ классовъ психическихъ явленій, аналогичныхъ только-что описаннымъ мною, выходитъ изъ рамокъ настоящаго сочиненія. Наиболѣе яркіе образчики этихъ явленій мы можемъ найти въ сферѣ научныхъ открытій. Научный изслѣдователь отправляется отъ факта къ изысканію его причинъ или отъ гипотезы къ ея фактическому подтвержденію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ непремѣнно обсуждаетъ въ умѣ имѣющіяся въ его распоряженіи данныя, пока при возникновеніи ряда элементовъ ассоціаціи то по смежности, то по сходству онъ не натолкнется на такой элементъ, который окажется искомымъ. Но этотъ процессъ можетъ продолжаться цѣлые года. Для изслѣдователя при этомъ не могутъ быть даны опредѣленныя правила, при помощи которыхъ онъ могъ бы всего скорѣе достигнуть конечнаго результата, но и здѣсь, какъ при припоминаніи забытаго, накопленіе вспомогательныхъ элементовъ ассоціацій можетъ производиться скорѣе при помощи нѣкоторыхъ избитыхъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, стараясь припомнить какую-нибудь забытую мысль, мы можемъ преднамѣренно возобновить въ памяти въ порядкѣ извѣстной классификаціи тѣ обстоятельства, съ которыми эта мысль могла быть связана, надѣясь натолкнуться на элементъ ассоціаціи, связанной съ искомой мыслью. Такъ, напримѣръ, мы можемъ припомнить послѣдовательно всѣ *мѣста*, гдѣ мы могли ее имѣть, всѣхъ *лицъ*, съ которыми намъ недавно случалось разговаривать, или всѣ *книги*, недавно читанныя нами. Припоминая извѣстное лицо, мы можемъ перечислить про себя рядъ улицъ или рядъ профессій. Какая-нибудь деталь при такихъ методическихъ перечисленіяхъ

Digitized by Google

можетъ быть ассоціирована съ искомой идеей и оказать намъ поддержку, а между тѣмъ, не сдѣлай мы систематическаго обзора различныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ искомой идеей, эта имѣющая рѣшающее значеніе деталь никогда бы не пришла намъ въ голову. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ накопленіе элементовъ ассоціацій было возведено въ систему Джономъ Миллемъ въ его «четырехъ методахъ опытного изслѣдованія». Различные случаи въ научныхъ открытіяхъ группируются здѣсь по «методу согласія», «методу различія», «методу остатковъ» и «методу сопутствующихъ измѣненій»; при помощи пересмотра этихъ четырехъ классовъ искомая причина можетъ всего легче быть вскрыта нами. Но эти методы только подготовляютъ открытіе, которое совершается помимо ихъ. Рѣшающимъ мотивомъ для открытія все-таки служитъ извѣстное гармоническое сочетаніе нервныхъ процессовъ, безъ котораго мы блуждали бы въ въ потемкахъ. Но при этомъ мы никогда не должны закрывать глаза на тотъ фактъ, что въ мозгу однихъ лицъ, неизвѣстно почему, нервные разряды чаще совершаются правильно, чѣмъ въ мозгу другихъ. Даже образуя списки аналогичныхъ случаевъ по методу Милля, мы зависимъ отъ произвола нервныхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ вскрытію сходства въ объектахъ мысли. Какъ могутъ быть сгруппированы въ одинъ классъ факты, сходные съ тѣмъ, причину котораго мы стараемся опредѣлить, если не предположить, что одинъ изъ нихъ быстро вызываетъ въ нашемъ умѣ мысль о другомъ при помощи ассоціаціи по сходству?

Сходство не есть элементарный законъ. Итакъ, мы проанализировали три главныхъ типа ассоціаціи сначала при непроизвольномъ, затѣмъ при произвольномъ теченіи мысли. Нужно замѣтить, что *вновь возникающій при ассоціаціи объектъ можетъ не имѣть никакого логическаго отношенія къ вызывающему его объекту.* Необходимымъ условіемъ для дѣятельности закона ассоціаціи является только одно: тускнѣющій объектъ мысли долженъ быть вызванъ нервнымъ процессомъ, въ которомъ нѣкоторые элементы связаны съ вновь образующимся объектомъ мысли. Именно въ этой формѣ проявляется законъ причинности во всѣхъ родахъ ассоціаціи, не исключая и ассоціаціи по сходству. Сходство между объектами само по себѣ не играетъ никакой роли при смѣнѣ нашихъ ассоціацій. Оно является только результатомъ обычныхъ факторовъ, обусловливающихъ смѣну нашихъ представленій, когда они комбинируются извѣстнымъ образомъ. Психологи обыкновенно разсуждаютъ такъ, какъ будто сходство объектовъ является само по себѣ нѣкоторымъ факторомъ, дѣйствующимъ наряду съ привычкой, независимымъ отъ нея и способнымъ, подобно ей, вліять на смѣну представленій. Но такой способъ объясненія совершенно непонятенъ. Сходства двухъ объектовъ не существуетъ, пока сами объ-

Digitized by Google

екты не на-лицо; нельзя говорить о сходствѣ, какъ *факторѣ, производящемъ нѣчто*, все равно, принадлежитъ ли это нѣчто сферѣ физической или психической. Сходство есть извѣстное отношеніе, познаваемое нами послѣ факта, точно такъ же, какъ мы познаемъ отношенія превосходства, разстоянія, причинности, формы и содержанія, субстанціи и акциденціи или контраста между двумя объектами, связанными между собою механизмомъ ассоціаціи.

Заключеніе. Подводя итоги всему вышесказанному, еще разъ повторяю: *разница между тремя видами ассоціаціи чисто количественная и сводится къ большему или меньшему возбужденію нервныхъ путей, соотвѣтствующихъ той части исчезающаго объекта мысли, которая является формирующимъ началомъ для слѣдующей мысли.* Но *modus operandi* этой активной части вездѣ тотъ же, независимо отъ ея величины. Элементы, образующіе новый объектъ мысли, готовы возникнуть передъ сознаніемъ каждую минуту, потому что соотвѣтствующіе имъ нервные пути были однажды возбуждены непрерывно вслѣдъ за нервными элементами, соотвѣтствующими предшествующему объекту мысли или его активной части. Этотъ конечный физіологическій законъ—законъ привычки—распространяется на движенія тока, пробѣгающаго по нервнымъ путямъ. Направленіе его пути и виды его модификацій зависятъ отчасти отъ условій, которыя мы могли обнаружить нашимъ анализомъ, но которыя совершенно еще не выяснены при такъ называемой ассоціаціи по сходству.

Я полагаю, что изучающій психологію согласится со мною въ необходимости развитія нервной физіологіи для выясненія смѣны нашихъ идей. Надо впрочемъ сознаться, что далекъ тотъ день, когда физіологъ будетъ въ состояніи прослѣдить шагъ за шагомъ, отъ одной группы нервныхъ клѣтокъ къ другой, гипотетически намѣченный нами механизмъ душевныхъ явленій. Возможно, что этотъ день не наступитъ никогда. Мало того, схематизмъ, которымъ мы пользовались при нашемъ анализѣ, заимствованъ нами изъ анализа внѣшнихъ объектовъ и лишь по аналогіи перенесенъ на мозгъ. Тѣмъ не менѣе только примѣненіе этого схематизма къ мозговымъ процессамъ даетъ намъ возможность распространять законъ причинности на психофизическія явленія; для меня это соображеніе даетъ право сказать, что *порядокъ въ смѣнѣ психическихъ явленій* можетъ быть выясненъ при помощи данныхъ одной нервной физіологіи.

Явленія случайнаго преобладанія нѣкоторыхъ процессовъ надъ другими также могутъ быть выяснены при помощи примѣненія теоріи вѣроятностей къ анализу мозговыхъ процессовъ. Благодаря неустойчивости нервной ткани, разряды всегда должны происходить въ однихъ пунктахъ ея скорѣе и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и пункты, преобладающіе по интенсивности разряда надъ

Digitized by Google

остальными, должны по временамъ мѣнять свои мѣста въ зависимости отъ случайныхъ причинъ, давая намъ возможность выразить въ видѣ точныхъ механическихъ діаграммъ капризную игру ассоціацій по сходству въ самыхъ геніальныхъ умахъ. Анализъ сновидѣній потверждаетъ эти соображенія. Обыкновенно у спящаго число путей для нервнаго разряда уменьшается. Немногіе изъ нихъ доступны току, и послѣдній, какъ вихрь, носясь только по тѣмъ путямъ, которые питаніе мозга въ данную минуту сдѣлало ему доступными, вызываетъ въ сознаніи спящаго самыя причудливыя сочетанія идей.

Вниманіе, возбужденное какимъ-нибудь интересомъ, и воленіе сохраняютъ роль психическихъ факторовъ и въ явленіи ассоціаціи. Эта роль выражается въ подчеркиваніи нѣкоторыхъ элементовъ ассоціаціи, въ фиксированіи ихъ съ цѣлью сдѣлать преобладающимъ вліяніе ихъ на образованіе дальнѣйшихъ ассоціацій. Этого обстоятельства должны особенно не упускать изъ виду противники механической психофизіологіи при анализѣ явленій ассоціаціи. Мое мнѣніе о произвольной дѣятельности духа при активномъ вниманіи я высказалъ выше. (См. стр. 186-ю) Но, даже если допустить существованіе психической самопроизвольности, то, во всякомъ случаѣ, нельзя признать, что она дѣйствуетъ ex abrupto, вызывая и сочетая идеи. Роль ея ограничивается *выборомъ* между тѣми идеями, которыя предоставляются ей ассоціаціонннымъ механизмомъ. Если бы духъ могъ произвольно подчеркивать, усиливать или задерживать какой-либо элементъ ассоціаціи, то онъ могъ бы дѣлать все, что нужно для самаго ревностнаго защитника свободы воли, ибо въ такомъ случаѣ духъ вліялъ бы рѣшающимъ образомъ на образованіе послѣдующихъ ассоціацій, ставя ихъ въ зависимость отъ подчеркнутаго элемента ассоціаціи и такимъ путемъ предопредѣляя дальнѣйшій образъ мыслей человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его поступки.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Чувство времени.

Настоящее ощущеніе имѣетъ извѣстную продолжительность. Постарайтесь, я не скажу уловить, но подмѣтить *настоящее* мгновенье времени. Такая попытка представляется совершенно безплодной. Гдѣ оно, это настоящее? Оно исчезло прежде, чѣмъ мы успѣли схватить его, растаяло, перелившись въ слѣдующее мгновенье. Поэтъ, цитируемый г. Годжсономъ, говоритъ:

Le moment où je parle est déjà loin de moi.

Digitized by Google

И, дѣйствительно, настоящее въ строгомъ смыслѣ слова можетъ быть схвачено человѣкомъ, только какъ часть болѣе широкаго промежутка времени, заполненнаго живымъ, подвижнымъ органическимъ процессомъ. Настоящее, въ сущности, есть простая абстракція, не только никогда не реализирующаяся въ опытѣ, но, быть можетъ, никогда не появляющаяся даже въ видѣ понятія въ умѣ лицъ, не привыкшихъ къ философскому мышленію. Размышленіе приводитъ насъ къ убѣжденію, что настоящее *должно* существовать, но самое *существованіе* его никогда не можетъ быть для насъ фактомъ непосредственнаго опыта. Опытъ даетъ намъ то, что такъ хорошо было названо «приблизительнымъ» настоящимъ—нѣкоторый отрѣзокъ времени, въ которомъ замкнуто наше сознаніе, и изъ котораго мы представляемъ себѣ два противоположныхъ направленія времени. Части воспріятія времени объединяются извѣстною *длительностью* съ двумя противоположными концами. Отношенія *послѣдовательности* отъ одного конца къ другому познаются, какъ части даннаго отрѣзка длительности. Мы не чувствуемъ сначала появленія одного конца, потомъ другого, и отъ воспріятія послѣдовательности не заключаемъ къ существованію промежутка времени между ними, но мы, повидимому, чувствуемъ самый промежутокъ, какъ цѣлое съ двумя противоположными концами. Опытъ, какъ объектъ психологическаго анализа, представляетъ нѣчто сложное: элементы его въ чувственномъ воспріятіи неотдѣлимы другъ отъ друга, хотя, направляя вниманіе на смѣну явленій опыта, мы можемъ легко отличить въ немъ начало и конецъ.

Промежутокъ времени свыше нѣсколькихъ секундъ перестаетъ быть непосредственнымъ воспріятіемъ продолжительности для нашего сознанія и становится воображаемой фикціей. Чтобы реализировать передъ сознаніемъ даже часъ времени, мы должны считать in indefinitum: «теперь», «теперь», «теперь». Каждое «теперь» соотвѣтствуетъ ощущенію нѣкотораго отдѣльнаго промежутка времени, точная же сумма этихъ промежутковъ никогда не сознается нами ясно. Длиннѣйшій промежутокъ времени, какой мы можемъ непосредственно охватывать сознаніемъ, отличая его отъ бо́льшихъ и меньшихъ (судя по опытамъ, произведеннымъ въ лабораторіи Вундта для другой цѣли), равняется приблизительно двѣнадцати секундамъ. Кратчайшій промежутокъ времени, ощущаемый нами, какъ таковой, равняется, повидимому, $^1/_{500}$ секунды: Экснеръ различалъ двѣ электрическихъ искры, слѣдовавшія одна за другою черезъ этотъ промежутокъ времени.

Мы не обладаемъ чувствомъ пустого времени. Попробуйте закрыть глаза, совершенно отвлечься отъ внѣшняго міра и направить вниманіе исключительно на теченіе времени, подобно тому человѣку, который, по выраженію поэта, «бодрствовалъ, чтобы подмѣтить полетъ времени во мракѣ ночи и приближеніе міра ко дню страш-

Digitized by Google

наго суда». При такихъ условіяхъ, повидимому, нѣтъ никакого разнообразія въ матеріальномъ содержаніи нашей мысли, и объектомъ нашего непосредственнаго созерцанія является, какъ будто самое теченіе времени. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ или нѣтъ? Вопросъ этотъ важенъ, ибо, предположивъ, что опытъ въ данномъ случаѣ является именно тѣмъ, чѣмъ онъ съ перваго взгляда кажется, мы должны будемъ признать въ себѣ существованіе особаго чувства чистаго времени, чувства, для котораго стимуломъ является ничѣмъ не заполненная длительность; предположивъ же въ данномъ случаѣ простую иллюзію, придется допустить, что воспріятіе полета времени въ приведенномъ выше примѣрѣ обусловлено *заполненіемъ* времени нашимъ воспоминаніемъ о его содержаніи въ предшествующее мгновеніе и чувствомъ сходства этого содержанія съ содержаніемъ данной минуты.

Не требуется особыхъ усилій самонаблюденія для того, чтобы показать, что истинна послѣдняя альтернатива, и что *мы не можемъ сознавать ни длительности, ни протяженія безъ какого-бы то ни было чувственнаго содержанія.* Подобно тому, какъ съ закрытыми глазами мы видимъ, точно такъ же при полномъ отвлеченіи отъ впечатлѣній внѣшняго міра, мы все-таки погружены въ то, что Вундтъ гдѣ-то назвалъ «полусвѣтомъ» общаго нашего сознанія. Біенія сердца, дыханіе, пульсація нашего вниманія, обрывки словъ и фразъ, проносящіеся въ нашемъ воображеніи—вотъ что заполняетъ эту туманную сферу нашего сознанія. Всѣ эти процессы ритмичны и сознаются нами въ непосредственной цѣльности; дыханіе и пульсація вниманія представляютъ періодическую смѣну подъема и паденія; то-же наблюдается въ біеніи сердца, только здѣсь волна колебанія, относительно говоря, гораздо короче; слова проносятся въ нашемъ воображеніи не въ одиночку, а связанными въ группы. Короче сказать, какъ-бы мы ни старались опорожнить наше сознаніе отъ всякаго содержанія, нѣкоторая форма смѣняющагося процесса всегда будетъ сознаваться нами, представляя неустранимый изъ сознанія элементъ. На-ряду же съ сознаваніемъ этого процесса и съ его ритмами мы сознаемъ и занимаемый имъ промежутокъ времени. Такимъ образомъ, сознаваніе *смѣны* является условіемъ для сознаванія теченія времени, но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что теченіе абсолютно-пустого времени достаточно, чтобы породить въ насъ сознаніе смѣны. Эта смѣна должна представлять извѣстное реальное явленіе.

Оцѣнка болѣе длинныхъ промежутковъ времени. Пытаясь наблюдать въ сознаніи теченіе «пустого» времени («пустого» въ относительномъ смыслѣ слова, согласно сказанному выше), мы слѣдимъ мысленно за нимъ прерывно. Мы говоримъ про себя: «теперь», «теперь», «теперь» или: «еще», «еще», «еще», по мѣрѣ теченія времени. Это сложеніе извѣстныхъ единицъ длительности, представляетъ

Digitized by Google

законъ *прерывнаго теченія времени*. Прерывность эта, впрочемъ, обусловлена только фактомъ прерывности воспріятія или апперцепціи того, что оно есть. На самомъ дѣлѣ, чувство времени такъ же непрерывно, какъ и всякое другое подобное ощущеніе. *Мы назначаемъ* отдѣльные куски непрерывнаго ощущенія. Каждое наше «сейчасъ» отмѣчаетъ нѣкоторую конечную часть истекающаго или истекшаго промежутка. Согласно выраженію Годжсона, ощущеніе есть измѣрительная тесьма, а апперцепція—дѣлительная машина, отмѣчающая на тесьмѣ промежутки. Прислушиваясь къ непрерывно-однообразному звуку, мы воспринимаемъ его при помощи прерывной пульсаціи апперцепціи, мысленно произнося: «тотъ же звукъ», «тотъ же», «тотъ же»! То-же мы дѣлаемъ, и наблюдая теченіе времени. Начавъ отмѣчать промежутки времени, мы очень скоро теряемъ впечатлѣніе отъ ихъ общей суммы, которое становится крайне неопредѣленнымъ. Точно опредѣлить ее мы можемъ, только считая, или слѣдя за движеніемъ часовыхъ стрѣлокъ или пользуясь какимъ-нибудь другимъ пріемомъ символическаго обозначенія промежутковъ времени. Представленіе о промежуткахъ времени, превосходящихъ часы и дни, совершенно символично. Мы думаемъ о суммѣ извѣстныхъ промежутковъ времени, или представляя себѣ лишь ея названіе, или перебирая мысленно наиболѣе крупныя событія за этотъ періодъ времени, ни мало не претендуя воспроизводить мысленно всѣ промежутки времени, образующіе данную сумму. Никто не можетъ сказать, что онъ *воспринимаетъ* промежутокъ времени между нынѣшнимъ столѣтіемъ и первымъ столѣтіемъ по Р. Х., какъ болѣе длинный періодъ, сравнительно съ промежуткомъ между нынѣшнимъ и десятымъ вѣками. Правда, въ воображеніи историка болѣе длинный промежутокъ времени вызываетъ большее количество хронологическихъ датъ и бо́льшее число образовъ и событій, и потому кажется болѣе богатымъ фактами. По той же причинѣ многія лица увѣряютъ, что они непосредственно воспринимаютъ двухнедѣльный промежутокъ времени, какъ болѣе длинный періодъ, сравнительно съ недѣльнымъ. Но здѣсь на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ интуиціи времени, которая могла бы служить для сравненія. Большее или меньшее количество датъ и событій является въ данномъ случаѣ лишь символическимъ обозначеніемъ большей или меньшей продолжительности занимаемаго ими промежутка. Я убѣжденъ, что это такъ даже въ томъ случаѣ, когда сравниваемые промежутки времени не болѣе часа или около того. То-же самое бываетъ, когда мы сравниваемъ пространства въ нѣсколько миль длины; критеріемъ для сравненія въ данномъ случаѣ служитъ число единицъ длины, заключающееся въ сравниваемыхъ промежуткахъ пространства.

Теперь намъ всего естественнѣе обратиться къ анализу нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ колебаній въ нашей оцѣнкѣ длины времени. *Вообще говоря, время, заполненное разнообразными и инте-*

Digitized by Google

рѣзными впечатлѣніями, кажется быстро протекающимъ, но протекши представляется при воспоминаніи о немъ очень продолжительнымъ. Наоборотъ, время, не заполненное никакими впечатлѣніями, кажется длиннымъ протекая, а протекши представляется короткимъ. Недѣля путешествія или посѣщенія различныхъ зрѣлищъ въ воспоминаніи кажется тремя недѣлями, а мѣсяцъ болѣзни въ воспоминаніи едва оставляетъ впечатлѣніе одного дня. При мысленномъ взглядѣ на протекшее время его продолжительность кажется большей или меньшей, очевидно, въ зависимости отъ количества вызываемыхъ имъ воспоминаній. Обиліе предметовъ, событій, перемѣнъ, многочисленныя подраздѣленія немедленно дѣлаютъ нашъ взглядъ на прошлое болѣе широкимъ. Безсодержательность, однообразіе, отсутствіе новизны дѣлаютъ его, наоборотъ, болѣе узкимъ.

По мѣрѣ того, какъ мы старѣемъ, тотъ же промежутокъ времени намъ начинаетъ казаться болѣе короткимъ—это справедливо относительно дней, мѣсяцевъ и годовъ; относительно часовъ это сомнительно; что же касается минутъ и секундъ, то онѣ, повидимому, всегда кажутся приблизительно одинаковой длины. Для старика прошлое, по всей вѣроятности, не кажется длиннѣе, чѣмъ оно казалось ему въ дѣтствѣ, хотя на самомъ дѣлѣ оно можетъ быть въ 12 разъ больше. У большинства людей всѣ событія зрѣлаго возраста бываютъ настолько привычнаго рода, что индивидуальныя впечатлѣнія не надолго удерживаются ими въ памяти. Въ то-же время болѣе раннія событія все въ большемъ и большемъ количествѣ начинаютъ забываться вслѣдствіе того, что память не въ состояніи удержать большаго количества отдѣльныхъ опредѣленныхъ образовъ.

Вотъ все, что я имѣлъ сказать по поводу кажущагося сокращенія времени при взглядѣ на *прошлое. Въ настоящемъ* время кажется короче, когда мы настолько поглощены его содержаніемъ, что не замѣчаемъ теченія самаго времени. День, полный ряда яркихъ впечатлѣній, быстро проносится передъ нами. Наоборотъ, день, преисполненный ожиданій и неудовлетворенныхъ желаній перемѣны, покажется въ миніатюрѣ вѣчностью. *Taedium, ennui, Langweile, boredom, скука* — слова, для которыхъ въ каждомъ языкѣ найдется соотвѣтствующій терминъ. Мы начинаемъ ощущать скуку въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе относительной бѣдности содержанія нашего опыта, вниманіе наше сосредоточивается на самомъ теченіи времени. Мы ожидаемъ новыхъ впечатлѣній, приготовляемся воспринять ихъ; они не появляются—вмѣсто нихъ мы переживаемъ почти ничѣмъ не заполненный промежутокъ времени; при безпрерывныхъ многочисленныхъ повтореніяхъ нашихъ разочарованій продолжительность самаго времени начинаетъ ощущаться съ чрезвычайной силой. За-

Digitized by Google

кройте глаза и попросите кого-нибудь сказать вамъ, когда пройдетъ одна минута: эта минута полнаго отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній покажется вамъ невѣроятно-длинной. Она такъ же томительна, какъ первая недѣля плаванія по океану, и вы невольно удивляетесь, какъ человѣчество могло переживать несравненно болѣе длинные періоды томительнаго однообразія. Все дѣло здѣсь заключается въ направленіи вниманія на чувство времени *per se* и въ томъ, что вниманіе въ данномъ случаѣ является воспріимчивымъ къ чрезвычайно тонкимъ подраздѣленіямъ времени. Въ подобныхъ опытахъ для насъ нестерпима безцвѣтность впечатлѣній, ибо въ опытѣ возбужденіе является непремѣннымъ условіемъ для удовольствія, ощущеніе же пустого времени есть наименѣе возбуждающій нашу впечатлительность опытъ изъ всѣхъ, какіе мы можемъ имѣть. По выраженію Фолькманна, *taedium* представляетъ какъ-бы *протестъ* противъ всего содержанія настоящаго.

Ощущеніе прошедшаго времени есть настоящее. Разсуждая о «*modus operandi*» нашего познанія временныхъ отношеній, можно подумать при первомъ взглядѣ, что это—простѣйшая вещь на свѣтѣ. Явленія внутренняго чувства смѣняютъ въ насъ одно другое: они сознаются нами, какъ таковыя; слѣдовательно, можно, повидимому, сказать, что мы сознаемъ и ихъ послѣдовательность. Но такой грубый способъ разсужденія не можетъ быть названъ философскимъ, ибо между *послѣдовательностью въ смѣнѣ состояній* нашего сознанія и *сознаваніемъ ихъ послѣдовательности* лежитъ такая же широкая бездна, какъ и между всякими другими объектомъ и субъектомъ познаванія. *Послѣдовательность ощущеній сама по себѣ еще не есть ощущеніе послѣдовательности. Если же къ нашимъ послѣдовательнымъ ощущеніямъ здѣсь присоединяется ощущеніе ихъ послѣдовательности, то послѣднее слѣдуетъ разсматривать, какъ нѣкоторое добавочное психическое явленіе, требующее особаго объясненія*, болѣе удовлетворительнаго, чѣмъ приведенное выше поверхностное отожествленіе послѣдовательности ощущеній съ сознаваніемъ этой послѣдовательности.

Если мы обозначимъ временное теченіе нашей мысли въ видѣ горизонтальной линіи, то мысль объ этомъ потокѣ или о любомъ отрѣзкѣ его пути прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ можетъ быть обозначена перпендикуляромъ, опущеннымъ на эту линію въ извѣстной точкѣ. Длина перпендикуляра выражаетъ содержаніе или объектъ мысли, которымъ въ данномъ случаѣ служитъ время, соотвѣтствующее какому-нибудь моменту во временномъ потокѣ нашей мысли.

Такимъ образомъ, въ нашемъ сознаніи происходитъ нѣчто вродѣ *перспективной проэкціи* явленій минувшаго опыта, аналогичное съ проэкціей обширныхъ ландшафтовъ на экранѣ камеры-обскуры.

Немного выше мы указали, что максимумъ отчетливо воспри-

Digitized by Google

нимаемой длительности едва превышаетъ 12 секундъ (максимумъ же неясно воспринимаемой длительности, вѣроятно, не болѣе одной минуты или около того), въ виду чего мы должны предположить, что *этотъ промежутокъ времени точно отмѣчается при теченіи потока нашего сознанія какою-нибудь тончайшею чертою въ соотвѣтствующихъ физіологическихъ процессахъ. Эта черта въ физіологическомъ механизмѣ душевной дѣятельности, въ чемъ бы она ни заключалась, является причиною того, что мы вообще познаемъ временныя отношенія.* Такимъ образомъ, непосредственно воспринимаемая длительность едва-ли есть нѣчто большее, чѣмъ «приблизительное» настоящее, согласно приведенному выше выраженію. Содержаніе этого настоящаго постоянно мѣняется: явленія перемѣщаются въ немъ отъ «задняго» къ «переднему» концу, и каждое изъ нихъ мѣняетъ свой временной коэффиціентъ, начиная отъ: «еще не» или «не совсѣмъ еще» и кончая: «уже», «только-что». Тѣмъ временемъ, «приблизительное настоящее», непосредственно воспринимаемая длительность, остается неподвижной, какъ радуга на водопадѣ, не измѣняясь качественно при смѣнѣ проходящихъ черезъ нее явленій. Каждое изъ послѣднихъ, проходя черезъ сознаніе, удерживаетъ за собою возможность быть воспроизведеннымъ и воспроизводится въ связи съ ближайшими окружающими явленіями и съ ихъ общей длительностью. Впрочемъ, прошу читателя обратить вниманіе на тотъ фактъ, что *воспроизведеніе* событія въ памяти послѣ того, какъ оно совершенно перешло отъ «задняго» къ «переднему концу», есть психическое явленіе, рѣзко отличающееся отъ созерцанія того же событія въ «приблизительномъ настоящемъ», какъ объекта непосредственнаго прошлаго. Можно представить себѣ существо, совершенно лишенное воспроизводительной памяти и тѣмъ не менѣе обладающее чувствомъ времени; но послѣднее было бы у него ограничено промежуткомъ въ нѣсколько секундъ. Въ слѣдующей главѣ, принимая чувство времени за непосредственное данное, мы обратимся къ анализу явленій воспроизводительной памяти и въ частности къ припоминанію явленій, связанныхъ съ временными *датами*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Память.

Анализъ явленія памяти. Память, въ собственномъ смыслѣ слова, есть знаніе о минувшемъ душевномъ состояніи послѣ того, какъ оно уже перестало непосредственно сознаваться нами, или, говоря точнѣе, *она есть знаніе о событіи* или *фактѣ*, о которомъ мы

Digitized by Google

въ данную минуту не думали, и *который сверхъ того сознается нами теперь, какъ явленіе, имѣвшее мѣсто въ нашемъ прошломъ.*

Важнѣйшимъ элементомъ такого знанія является, повидимому, оживаніе въ сознаніи образа минувшаго явленія, его копіи. И многіе психологи утверждаютъ, что воспоминаніе о минувшемъ событіи сводится къ простому оживанію въ сознаніи его копіи. Но чѣмъ бы ни было такое оживаніе, оно во всякомъ случаѣ не есть *память;* это—просто дубликатъ перваго событія, нѣкоторое второе событіе, не имѣющее съ первымъ никакой связи и только сходное съ нимъ. Часы бьютъ сегодня, били вчера и могутъ бить еще милліонъ разъ, пока не испортятся отъ продолжительнаго употребленія. Дождь льетъ черезъ водосточную трубу, такъ же лилъ онъ на прошлой недѣлѣ и такъ же будетъ лить и въ будущемъ. Но развѣ часы при каждомъ новомъ ударѣ сознаютъ прежніе удары, или текущій теперь потокъ воды сознаетъ вчерашній, потому что они походятъ другъ на друга и повторяются? Очевидно, нѣтъ. Нельзя возражать на наше замѣчаніе, говоря, что наши примѣры не подходящи, что въ нихъ дѣло идетъ не о психическихъ, а о физическихъ явленіяхъ; ибо психическія явленія (напримѣръ, ощущенія), слѣдуя одни за другими и повторяясь, *въ этомъ отношеніи* ничѣмъ не отличаются отъ боя часовъ. Въ простомъ фактѣ воспроизведенія еще вовсе нѣтъ памяти. Послѣдовательное повтореніе ощущеній представляетъ рядъ независящихъ другъ отъ друга событій, изъ которыхъ каждое замкнуто въ самомъ себѣ. Вчерашнее ощущеніе умерло и погребено—наличность сегодняшняго еще не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы наряду съ нимъ воскресло и вчерашнее. Нужно еще одно условіе для того, чтобы созерцаемый въ настоящемъ образъ являлся замѣстителемъ минувшаго оригинала.

Условіе это заключается въ томъ, что созерцаемый нами образъ мы должны относить къ прошлому—мыслить его въ прошломъ. Но какъ можемъ мы мыслить извѣстную вещь какъ-бы въ прошломъ, если мы не будемъ думать объ этой вещи и о прошломъ и объ отношеніи между той и другимъ? А какъ можемъ мы думать вообще о прошломъ? Въ главѣ «*О чувствѣ времени*», мы видѣли, что интуитивное или непосредственное сознаваніе минувшаго отстоитъ всего на нѣсколько секундъ отъ настоящаго мгновенья. Болѣе отдаленныя даты не воспринимаются непосредственно, а мыслятся символически, въ видѣ названій, напримѣръ: «прошлая недѣля», «1850-й годъ», или представляются въ видѣ образовъ и событій, связанныхъ съ ними, напримѣръ: «годъ, въ которомъ мы посѣщали какое-нибудь учебное заведеніе», или: «годъ, въ которомъ мы понесли какую-нибудь утрату». Такимъ образомъ, желая подумать о какомъ-нибудь минувшемъ промежуткѣ времени, мы должны вызвать въ умѣ символическую дату въ видѣ, напри-

Digitized by Google

мѣръ, слова или цифры, или же представить себѣ происшедшія въ этотъ промежутокъ времени событія, которыя всецѣло съ нимъ ассоціировались. Для полноты воспоминанія о прошломъ необходимо мыслить и то, и другое—и символическую дату, и соотвѣтствующія минувшія событія. «Отнести» извѣстный фактъ къ минувшему времени значитъ мыслить его въ связи съ именами и событіями, характеризующими его дату, короче говоря, мыслить его, какъ членъ сложнаго комплекса элементовъ ассоціаціи.

Но и это еще не составитъ психическаго явленія, называемаго памятью. Память представляетъ нѣчто большее, сравнительно съ простымъ отнесеніемъ факта къ извѣстному моменту прошлаго. Онъ долженъ быть отнесенъ къ извѣстному моменту *моего* прошлаго. Другими словами, я долженъ думать, что это я именн пережилъ его. Онъ долженъ быть окрашенъ въ то чувство «теплоты» и «интимности» по отношенію къ нашей личности, о которомъ намъ не разъ приходилось говорить въ главѣ: «*О личности*», и которые составляетъ характеристическую черту всѣхъ явленій, вошедшихъ въ составъ нашего индивидуальнаго опыта.

Общее чувство направленія вглубь прошедшаго, опредѣленная дата, лежащая въ этомъ направленіи и охарактеризованная опредѣленнымъ названіемъ или своимъ содержаніемъ, воображаемое мною событіе, относимое къ этой датѣ, и признаніе этого событія принадлежащимъ моему личному опыту—вотъ составные элементы въ каждомъ объектѣ памяти.

Запоминаніе и припоминаніе. Если явленія памяти таковы, какими показалъ намъ ихъ только-что сдѣланный анализъ, то можемъ ли мы ближе наблюдать процессы памяти и выяснить себѣ ихъ причины?

Процессъ памяти заключаетъ въ себѣ два элемента:

1) *Запоминаніе* извѣстнаго факта.

2) *Припоминаніе* или воспроизведеніе того же факта.

Причиною запоминанія и припоминанія служитъ законъ пріученія въ нервной системѣ, играющій здѣсь такую же роль, какъ и при ассоціаціи идей.

Припоминаніе объясняется при помощи ассоціаціи. Ассоціаціонисты давно объяснили припоминаніе съ помощью ассоціаціи. Джэмсъ Милль высказываетъ по этому поводу соображенія, которыя мнѣ кажутся не требующими никакихъ поправокъ; только слово «идея» я замѣнилъ бы выраженіемъ «объектъ мысли».

«Есть, говоритъ онъ, состояніе сознанія, хорошо извѣстное всякому—припоминаніе. При этомъ состояніи, мы, очевидно, не имѣемъ въ сознаніи той идеи, которую хотимъ припомнить. Какимъ же путемъ при дальнѣйшихъ попыткахъ припомнить забытое мы, наконецъ, наталкиваемся на него? Если мы не сознаемъ искомой идеи, мы сознаемъ нѣкоторыя идеи, связанныя съ нею.

Digitized by Google

Мы перебираемъ въ умѣ эти идеи въ надеждѣ, что которая-нибудь изъ нихъ напомнитъ намъ забытое, и если которая-нибудь изъ нихъ дѣйствительно напоминаетъ намъ забытое, то всегда вслѣдствіе того, что она съ нимъ связана общей ассоціаціей. Я встрѣтилъ на улицѣ стараго знакомаго, имени котораго не помню, но желаю припомнить. Я перебираю въ умѣ рядъ именъ, надѣясь натолкнуться на имя, связанное ассоціаціей съ искомымъ именемъ. Я припоминаю всѣ обстоятельства, при которыхъ видѣлся съ нимъ, время, когда я познакомился съ нимъ, лицъ, въ присутствіи которыхъ я встрѣчался съ нимъ, что онъ дѣлалъ, что ему приходилось выносить, и, если мнѣ случилось натолкнуться на идею, связанную общей ассоціаціей съ его именемъ, я тотчасъ припоминаю забытое имя; въ противномъ случаѣ, всѣ попытки мои будутъ напрасны. Есть другая группа явленій, вполнѣ аналогичныхъ только-что описаннымъ и могущихъ служить для нихъ яркой иллюстраціей. Часто случается, что мы желаемъ не забыть чего-нибудь. Въ чемъ же заключается пріемъ, къ которому мы прибѣгаемъ въ подобномъ случаѣ, чтобы обезпечить припоминаніе даннаго факта по желанію? Всѣ люди прибѣгаютъ для этой цѣли къ тому же способу. Обыкновенно при этомъ стараются образовать ассоціацію между объектомъ, который хотятъ запомнить и ощущеніемъ или идеей, которая, какъ завѣдомо извѣстно, будетъ налицо въ то время или около того времени, когда пожелаютъ вызвать въ памяти данный объектъ мысли. Если ассоціація эта образовалась, и одинъ изъ ея элементовъ попадается намъ на глаза, то это ощущеніе или идея вызываетъ по ассоціаціи искомый объектъ мысли. Вотъ избитый примѣръ подобной ассоціаціи: человѣкъ получаетъ отъ своего друга порученіе и, чтобы какъ-нибудь не забыть его, завязываетъ узелокъ на своемъ носовомъ платкѣ. Какъ объяснить этотъ фактъ? Прежде всего, идея порученія ассоціировалась съ идеей завязыванья платка. Затѣмъ, заранѣе извѣстно, что носовой платокъ такая вещь, которую очень часто приходится имѣть передъ глазами, и, слѣдовательно, его по всей вѣроятности, случится видѣть около того времени, когда нужно будетъ приступить къ выполненію порученія. Увидѣвъ платокъ, мы замѣчаемъ узелъ, а видъ узла напоминаетъ намъ и о порученіи, благодаря преднамѣренно-образованной между ними ассоціаціи».

Короче говоря, мы ищемъ въ памяти забытую идею совершенно такъ же, какъ ищемъ въ домѣ затерявшуюся вещь. Въ обоихъ случаяхъ мы осматриваемъ сначала то, что, повидимому, находится въ сосѣдствѣ съ искомымъ предметомъ. Мы переворачиваемъ въ домѣ вещи, подлѣ которыхъ, подъ которыми и внутри которыхъ онъ можетъ находиться, и если онъ дѣйствительно находится вблизи нихъ, то вскорѣ попадается намъ на глаза. При поискахъ

Digitized by Google

объекта мысли, вмѣсто предметовъ мы имѣемъ дѣло съ элементами ассоціаціи. Механизмъ припоминанія тожественъ съ механизмомъ ассоціаціи, а послѣдній, какъ намъ извѣстно, сводится къ элементарному закону пріученія въ нервныхъ центрахъ.

Ассоціація объясняетъ также и запоминаніе. Тотъ же законъ пріученія составляетъ и механизмъ запоминанія. Запоминаніе означаетъ способность къ припоминанію—и больше ничего. Единственнымъ указаніемъ на существованіе въ данномъ случаѣ запоминанія есть наличность припоминанія. Запоминаніе извѣстнаго явленія, короче говоря, есть другое названіе для *возможности* снова думать о немъ или для *стремленія* снова думать о немъ въ связи съ обстановкой, относящейся ко времени перваго его возникновенія. Какой бы случайный поводъ ни превратилъ эту возможность въ дѣйствительность, во всякомъ случаѣ постояннымъ *основаніемъ* для этой возможности остаются: пути въ нервной ткани, черезъ которые внѣшнее раздраженіе вызываетъ припоминаемое явленіе, минувшія ассоціаціи, сознаніе того, что наше «Я» было связано съ даннымъ явленіемъ, вѣра въ то, что все это дѣйствительно было въ прошедшемъ и т. д. Когда припоминаніе вполнѣ «подготовлено», искомый образъ оживаетъ въ сознаніи тотчасъ же послѣ появленія повода къ этому, въ противномъ случаѣ образъ появляется лишь черезъ нѣсколько времени. Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, главнымъ условіемъ, дѣлающимъ запоминаніе вообще возможнымъ, являются нервные пути, въ которыхъ образуется ассоціація запоминаемаго объекта мысли съ поводами, вызывающими его въ памяти. *Въ состояніи скрытаго напряженія эти пути обусловливаютъ запоминаніе, въ состояніи активности—припоминаніе*

Физіологическая схема. Явленіе памяти можетъ быть окончательно выяснено при помощи простой схемы. Пусть n будетъ минувшее событіе, o—его окружающая обстановка (сосѣднія событія, дата, связь съ нашей личностью, «теплота» и «интимность» etc.), а m—нѣкоторая мысль или фактъ въ настоящемъ, который легко можетъ стать поводомъ къ припоминанію. Пусть нервные центры, дѣйствующіе при мысляхъ m, n и o, будутъ выражены черезъ M, N и O, тогда существованіе путей, символически обозначенныхъ линіями между M и N, и N и O, будутъ выражать фактъ «задержанія событія n въ памяти», а возбужденіе мозга по направленію этихъ путей будетъ выражать условіе припоминанія событія n. Нужно замѣтить, что запоминаніе событія n не есть мистическое пріобрѣтеніе «идеи» безсознательнымъ путемъ. Оно вовсе не есть явленіе психическаго порядка. Это,—чисто физическое явленіе, именно наличность «путей» въ глубочайшихъ нѣдрахъ мозговой ткани. Съ другой стороны, припоминаніе есть психофизическій процессъ, имѣющій и тѣлесную, и душевную сторону; тѣлесная сторона его—возбужденіе нервныхъ путей, психическая — сознательное

Digitized by Google

представленіе минувшаго явленія и вѣра въ его принадлежность нашему прошлому.

Короче говоря, единственная гипотеза, для которой явленія внутренняго опыта даютъ здѣсь поддержку, заключается въ томъ, что *нервные пути, возбуждаемые воспріятіемъ извѣстнаго факта и его припоминаніемъ*, не вполнѣ тожественны. Еслибы мы могли вызвать въ сознаніи минувшее событіе независимо отъ какихъ бы то ни было элементовъ ассоціаціи, то этимъ самымъ была бы исключена всякая возможность памяти: видя передъ собою явленіе минувшаго опыта, мы принимали бы его за новый образъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнивъ извѣстное событіе безъ окружавшей его обстановки, мы едва можемъ отличить его отъ простого продукта нашего воображенія. Но, чѣмъ болѣе элементовъ ассоціаціи связано съ нимъ въ нашемъ сознаніи, тѣмъ легче мы узнаемъ въ немъ объектъ минувшаго опыта. Напримѣръ, я вхожу въ комнату моего пріятеля и вижу на стѣнѣ картину. Сначала я испытываю какое-то странное ощущеніе. «Навѣрное я видѣлъ эту картину!» говорю я, но гдѣ и когда не могу припомнить; въ то-же время я чувствую въ картинѣ что-то знакомое; наконецъ, восклицаю: «Вспомнилъ! Это—копія съ части изображенія одного изъ Фра-Анджелико, которыхъ я видѣлъ во Флорентійской Академіи». Только для того, чтобы вызвать въ памяти картину, нужно было припомнить зданіе Академіи.

Условія хорошей памяти. Если припоминаемый фактъ—*n*, то пути *N—O* составляютъ физіологическія условія, которыя вызываютъ въ сознаніи обстановку, окружавшую *n*, и дѣлаютъ *n* объектомъ памяти, а не простой фантазіи. Съ другой стороны, путь *M—N* даетъ поводъ къ припоминанію *n*. *Итакъ, въ виду того, что память всецѣло обусловлена свойствами нервныхъ путей, ея достоинство въ данномъ индивидѣ зависитъ частію отъ числа, а частію отъ устойчивости этихъ путей.*

Устойчивость или постоянство нервныхъ путей есть индивидуальное физіологическое свойство нервной ткани у каждаго человѣка, число же ихъ зависитъ всецѣло отъ фактовъ личнаго опыта. Назовемъ устойчивость нервныхъ путей прирожденной физіологической воспріимчивостью. Эта воспріимчивость въ различныхъ возрастахъ и у различныхъ индивидовъ бываетъ очень различна. Одни умы подобны воску подъ давленіемъ печати: ни одно впечатлѣніе, какъ-бы оно ни было безсвязно, не пропадаетъ для нихъ безслѣдно. Другіе напоминаютъ желе, дрожащее отъ простого прикосновенія, но при обычныхъ условіяхъ неспособное воспринимать устойчивые отпечатки. Эти послѣдніе умы, припоминая какой-нибудь фактъ, неизбѣжно должны подолгу копаться въ запасѣ своихъ устойчивыхъ знаній. У нихъ нѣтъ *отрывочной* памяти. Наоборотъ, тѣ лица, которыя удерживаютъ въ памяти безъ

Digitized by Google

всякаго усилія имена, даты, адреса, анекдоты, сплетни, стихи, цитаты и всевозможные факты, обладаютъ отрывочной памятью въ высшей степени, и, конечно, обязаны этимъ необыкновенной воспріимчивости ихъ мозгового вещества для каждаго вновь образовавшагося въ немъ пути. По всей вѣроятности, лица, не одаренныя въ высшей степени физіологической воспріимчивостью, неспособны къ широкой, многосторонней дѣятельности. И въ практической жизни, и въ научной сферѣ человѣкъ, умственныя пріобрѣтенія котораго тотчасъ же закрѣпляются въ немъ, всегда прогрессируетъ и достигаетъ своихъ цѣлей, въ то время какъ окружающіе, тратя большую часть времени на переучиванье того, что они когда-то учили, но забыли, почти не двигаются впередъ. Карлъ Великій, Лютеръ, Лейбницъ, Вальтеръ Скоттъ, любой изъ великихъ геніевъ человѣчества, непремѣнно должны были обладать изумительной воспріимчивостью чисто физіологическаго свойства. Люди, не одаренные такой воспріимчивостью, могутъ въ той или другой степени выдаваться качествомъ своего труда, но никогда не будутъ въ состояніи создать такія массы произведеній или имѣть такое громадное вліяніе на современниковъ.

Но въ жизни каждаго изъ насъ наступаетъ такой періодъ, когда мы можемъ только сохранять пріобрѣтенное ранѣе, когда прежде проложенные въ мозгу пути исчезаютъ съ такой же скоростью, съ какой образуются новые, и когда мы въ недѣлю забываемъ ровно столько, сколько пріобрѣтаемъ новыхъ знаній за тотъ же промежутокъ времени. Это состояніе равновѣсія можетъ тянуться много, много лѣтъ. Въ глубокой старости оно начинаетъ нарушаться въ противоположномъ направленіи: количество забываемаго начинаетъ перевѣшивать количество вновь пріобрѣтаемаго, или лучше сказать, нѣтъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Мозговые пути становятся настолько неустойчивыми, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разговора тотъ же вопросъ предлагается и отвѣтъ на него забывается разъ шесть подрядъ. Въ этомъ періодѣ жизни необычайная устойчивость путей, образовавшихся въ дѣтствѣ, становится очевидной; старикъ, впавшій въ дѣтство, сохраняетъ воспоминанія своей ранней молодости, утративъ всѣ остальныя.

Вотъ все, что я имѣлъ въ виду сказать объ устойчивости мозговыхъ путей. Теперь скажу нѣсколько словъ объ ихъ числѣ.

Очевидно, чѣмъ болѣе такихъ путей въ мозгу, какъ М— , и чѣмъ болѣе благопріятныхъ поводовъ для припоминанія *n*, тѣмъ скорѣе образуется, вообще говоря, и прочнѣе будетъ память объ *n*, и чѣмъ чаще мы будемъ вспоминать объ *n*, тѣмъ болѣе намъ будетъ возможности всегда припомнить *n* по желанію. Выражаясь психологически, *съ тѣмъ большимъ количествомъ фактовъ данный фактъ ассоціированъ нами, тѣмъ болѣе прочно онъ задержанъ*

Digitized by Google

нашей памятью. Каждый изъ элементовъ ассоціаціи есть крючекъ, на которомъ фактъ виситъ, и съ помощью котораго его можно выудить, когда онъ, такъ сказать, опустится на дно. Всѣ элементы ассоціаціи образуютъ ткань, съ помощью которой данный фактъ закрѣпленъ въ мозговой ткани. Тайна хорошей памяти есть, такимъ образомъ, искусство образовывать многочисленныя и разнородныя ассоціаціи со всякимъ фактомъ, который мы желаемъ удержать въ памяти. Но что другое представляетъ это образованіе ассоціацій съ даннымъ фактомъ, если не упорное размышленіе объ этомъ фактѣ? Такимъ образомъ, короче говоря, изъ двухъ лицъ съ тѣмъ же внѣшнимъ опытомъ и съ тою же степенью прирожденной воспріимчивости, то, которое болѣе размышляетъ надъ своими впечатлѣніями и ставитъ ихъ въ систематическую связь между собою, будетъ обладателемъ лучшей памяти. Примѣры этому можно видѣть на каждомъ шагу. Большинство людей обладаетъ хорошей памятью для фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ житейскимъ цѣлямъ. Школьникъ, обладающій способностями атлета, оставаясь крайне тупымъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, поразитъ васъ знаніемъ фактовъ, относящихся къ дѣятельности атлетовъ, и окажется ходячею справочной книгой по статистикѣ спорта. Причиной этому является то обстоятельство, что онъ постоянно думаетъ о любимомъ предметѣ, собираетъ относящіеся къ нему факты и группируетъ ихъ въ извѣстные классы. Они образуютъ для него не безпорядочную смѣсь, а систему понятій—до такой степени глубоко онъ ихъ усвоилъ. Такъ же точно купецъ помнитъ цѣны товаровъ, политическій дѣятель—рѣчи и результаты голосованія своихъ коллегъ въ такомъ множествѣ, что посторонній наблюдатель не можетъ не поражаться богатствомъ памяти, но это богатство становится вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, какъ много каждый спеціалистъ размышляетъ надъ своимъ предметомъ. Весьма возможно, что поразительная память, обнаруживаемая Дарвиномъ и Спенсеромъ въ ихъ сочиненіяхъ, вполнѣ совмѣстима со среднею степенью физіологической воспріимчивости мозга обоихъ ученыхъ. Если человѣкъ съ ранней юности задастся мыслью фактически обосновать теорію эволюціи, то соотвѣтствующій матеріалъ будетъ быстро накопляться и прочно задерживаться. Факты будутъ связываться между собою ихъ отношеніемъ къ теоріи, а чѣмъ болѣе умъ будетъ въ состояніи различать ихъ, тѣмъ обширнѣе будетъ эрудиція ученаго. Между тѣмъ теоретики могутъ обладать весьма слабой отрывочной памятью и даже вовсе не обладать ею. Фактовъ, безполезныхъ для его цѣлей, теоретикъ можетъ не замѣчать и забывать ихъ тотчасъ же послѣ воспріятія ихъ. Энциклопедическая эрудиція можетъ совмѣщаться почти съ такимъ же энциклопедическимъ невѣжествомъ, и послѣднее можетъ, такъ сказать, скрываться въ промежуткахъ ея ткани. Тѣ, кому приходилось имѣть

Digitized by Google

много дѣла со школьниками и съ профессіональными учеными, тотчасъ же поймутъ, какой типъ я имѣю въ виду.

Въ системѣ каждый фактъ мысли связанъ съ другимъ фактомъ какимъ-нибудь отношеніемъ. Благодаря этому каждый фактъ задерживается совокупной силой всѣхъ другихъ фактовъ системы, изабвеніе почти невозможно.

Почему зубреніе представляетъ такой дурной способъ ученія? Послѣ сказаннаго выше это само собой ясно. Подъ зубреніемъ я разумѣю тотъ способъ приготовленія къ экзаменамъ, когда факты закрѣпляются въ памяти въ продолженіе немногихъ часовъ или дней путемъ усиленнаго напряженія мозга на время до срока испытанія включительно, между тѣмъ какъ въ теченіе учебнаго года память почти вовсе не упражнялась въ сферѣ предметовъ, необходимыхъ къ экзамену. Предметы, такимъ путемъ заучиваемые нами на отдѣльный случай, временно, не могутъ образовать въ нашемъ умѣ прочныхъ ассоціацій съ другими объектами мысли. Соотвѣтствующіе имъ мозговые токи проходятъ по немногимъ путямъ и, относительно говоря, съ большимъ трудомъ возобновляются. Знаніе, пріобрѣтенное путемъ простого зубренія, почти неизбѣжно забывается совершенно безслѣдно. Наоборотъ, умственный матеріалъ, набираемый памятью постепенно, день за днемъ, въ связи съ различными контекстами, освѣщенный съ различныхъ точекъ зрѣнія, связанный ассоціаціями съ другими внѣшними событіями и неоднократно подвергавшійся обсужденію, образуетъ такую систему, вступаетъ въ такую связь съ остальными сторонами нашего интеллекта, легко возобновляется въ памяти такою массою внѣшнихъ поводовъ, что остается надолго прочнымъ пріобрѣтеніемъ. Вотъ въ чемъ заключается раціональное основаніе для того, чтобы установить въ учебныхъ заведеніяхъ надзоръ за непрерывностью и равномѣрностью занятій въ теченіе учебнаго года. Разумѣется, въ зубреніи нѣтъ ничего нравственно-предосудительнаго. Если бы оно вело къ желанной цѣли—къ пріобрѣтенію прочныхъ знаній, то безспорно было бы лучшимъ педагогическимъ пріемомъ. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и учащіеся сами должны понять почему.

Прирожденная воспріимчивость памяти человѣка неизмѣнна. *Теперь читателю будетъ вполнѣ ясно, если мы скажемъ, что все усовершенствованіе памяти заключается въ образованіи ряда ассоціацій съ тѣми многочисленными объектами мысли,* которые нужно удержать въ головѣ. *Никакое развитіе не можетъ, повидимому, усовершенствовать общую воспріимчивость человѣка.* Она представляетъ собою физіологическое свойство, данное человѣку разъ навсегда вмѣстѣ съ его организаціей, свойство, которое онъ никогда не будетъ въ состояніи измѣнить. Безъ сомнѣнія, оно измѣняется въ зависимости отъ состоянія здоровья человѣка; наблю-

Digitized by Google

денія показываютъ, что оно лучше, когда человѣкъ свѣжъ и бодръ, и хуже, когда онъ утомленъ или боленъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что прирожденная воспріимчивость колеблется въ зависимости отъ общаго состоянія здоровья человѣка: что хорошо для здоровья, то хорошо и для памяти. Мы можемъ даже сказать, что любое интеллектуальное упражненіе, усиливающее питаніе мозга и повышающее общій тонъ его дѣятельности, окажется полезнымъ и для общей его воспріимчивости. Но болѣе этого ничего нельзя сказать, а это, очевидно, гораздо менѣе утѣшительно, сравнительно съ ходячими взглядами на воспріимчивость мозга. Обыкновенно воображаютъ, что извѣстнаго рода систематическія упражненія укрѣпляютъ въ человѣкѣ не только способность запоминать факты, входящіе въ составъ этихъ упражненій, но и вообще воспріимчивость человѣка къ запоминанію какихъ бы то ни было фактовъ. Говорятъ, напримѣръ, что продолжительное заучиваніе словъ наизустъ облегчаетъ дальнѣйшее заучиванье ихъ тѣмъ же путемъ. Еслибы это было справедливо, то все только-что сказанное мною было бы невѣрно, и вся теорія зависимости памяти отъ образованія нервныхъ путей въ мозгу должна была бы вновь быть пересмотрѣнной. Но я склоненъ думать, что факты, противопоставляемые этой теоріи, на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Я обстоятельно разспрашивалъ по этому вопросу многихъ опытныхъ актеровъ, и всѣ они единогласно утверждаютъ, что практика въ заучиваніи ролей весьма мало облегчаетъ дѣло. По ихъ словамъ, она только развиваетъ въ нихъ способность *разучивать* роли систематически. Опытъ сообщилъ имъ богатый запасъ интонаціи, экспрессіи и жестикуляціи; это облегчаетъ разучиванье новыхъ ролей, въ которыхъ является возможнымъ примѣнить къ дѣлу запасъ, такъ же накопленный, какъ накоплены купцомъ его знанія о цѣнности товаровъ, а атлетомъ — его познанія по части гимнастической ловкости; новыя роли, благодаря практикѣ, заучиваются легче, но при этомъ прирожденная воспріимчивость нисколько не совершенствуется, а, наоборотъ, слабѣетъ съ годами. Здѣсь запоминаніе облегчается вдумчивостью. Точно также, когда школьники совершенствуются практикой въ заучиваньи наизусть, то я увѣренъ, что на повѣрку причиной совершенствованія всегда окажется способъ заучиванія отдѣльныхъ вещей, представляющихъ относительно-большій интересъ, бо́льшую аналогію съ чѣмъ-нибудь уже знакомымъ, воспринятымъ съ бо́льшимъ вниманіемъ и т. д., но отнюдь не укрѣпленіе чисто физіологической силы воспріимчивости. Заблужденіе, которое я имѣю въ виду, проникаетъ насквозь одну полезную и интересную въ другихъ отношеніяхъ книгу: «Какъ нужно укрѣплять память» д-ра М. С. Гольбрука изъ Нью-Іорка. Авторъ не различаетъ въ ней общей физіологической воспріимчивости отъ воспріимчивости къ опредѣленнымъ явленіямъ и разсуждаетъ такъ, какъ будто и та,

Digitized by Google

и другая должны совершенствоваться при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ.

«Я лѣчу теперь, говоритъ онъ, старика, страдающаго потерей памяти, который не замѣчалъ, что память его быстро слабѣетъ, пока я не обратилъ на это его вниманія. Въ настоящее время онъ употребляетъ энергичныя усилія для возстановленія своей памяти, и не безъ нѣкотораго успѣха. Метода леченія заключается въ томъ, чтобы ежедневно по два часа—часъ утромъ и часъ вечеромъ—упражнять память. Паціентъ долженъ въ это время сильнѣйшимъ образомъ напрягать свое вниманіе, чтобы воспринимаемыя впечатлѣнія ярко запечатлѣвались въ его умѣ. Каждый вечеръ онъ долженъ припоминать всѣ событія минувшаго дня и повторять то-же на слѣдующее утро. Каждое слышанное имя онъ долженъ записывать и стараться запомнить, возобновляя его въ умѣ отъ времени до времени. Еженедѣльно онъ долженъ запоминать по десяти именъ государственныхъ дѣятелей. Ежедневно онъ долженъ заучивать стихъ изъ поэтическихъ произведеній и стихъ изъ Библіи. Онъ также долженъ запоминать отъ времени до времени номеръ страницы въ какой-нибудь книгѣ, гдѣ сообщается интересный фактъ. Съ помощью этихъ упражненій и нѣкоторыхъ другихъ пріемовъ ослабѣвшая память этого лица начинаетъ снова оживать».

Я сильно склоненъ думать, что память этого несчастнаго старика, если и улучшилась, то лишь по отношенію къ частнымъ фактамъ, которые докторъ заставлялъ его запоминать, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ эти несносныя упражненія не повысили общей его воспріимчивости.

Усовершенствованіе памяти. Итакъ, все улучшеніе памяти заключается въ усовершенствованіи *привычныхъ методовъ запоминанія фактовъ*. Такихъ методовъ насчитываютъ три: механическій, раціональный и техническій.

Механическій методъ заключается въ усиленіи интенсивности, увеличеніи и учащеніи впечатлѣній, подлежащихъ запоминанію. Современный способъ обученія дѣтей грамотѣ при помощи письма на классной доскѣ, при которомъ каждое слово запечатлѣвается въ сознаніи при посредствѣ четырехъ путей—глазъ, ушей, голоса и рукъ, представляетъ собою образчикъ усовершенствованнаго механическаго метода запоминанія.

Раціональный методъ запоминанія есть не что иное, какъ логическій анализъ воспринимаемыхъ явленій, группировка ихъ въ опредѣленную систему, по извѣстнымъ классамъ, расчлененіе ихъ на части etc. Любая наука можетъ быть образчикомъ такого метода.

Немало было придумано *техническихъ*, искусственныхъ методовъ для запоминанія фактовъ. При помощи извѣстнаго рода

Digitized by Google

искусственныхъ системъ можно нерѣдко удерживать въ памяти такую массу совершенно безсвязныхъ фактовъ, такіе длинные ряды именъ, чиселъ etc., какіе совершенно не было бы возможности запомнить естественнымъ путемъ. Методъ этотъ заключается въ механическомъ заучиваніи какой-нибудь группы символовъ, которые должны быть твердо навсегда удержаны въ памяти. Затѣмъ то, что должно быть заучено, ставится въ связь путемъ нарочно придуманныхъ ассоціацій съ нѣкоторыми изъ заученныхъ символовъ, и эта связь впослѣдствіи облегчаетъ припоминаніе. Наиболѣе извѣстнымъ и наиболѣе употребительнымъ изъ искусственныхъ пріемовъ мнемоники является *числовой алфавитъ*. Предназначается онъ для запоминанія рядовъ чиселъ, каждой изъ десяти цифръ въ немъ соотвѣтствуетъ одна или нѣсколько буквъ. Число, которое желаютъ запомнить, выражаютъ въ буквахъ, изъ которыхъ всего легче составить слова; слова по возможности подбираютъ такого рода, чтобы они напоминали чѣмъ-нибудь о предметѣ, къ которому относится число. Такимъ образомъ, слово сохранится въ памяти даже тогда, когда число будетъ совершенно забыто *). Недавно изобрѣтенный методъ Луазетта не столь механиченъ, будучи основанъ на образованіи ряда ассоціацій съ объектомъ, который желательно запомнить.

Воспризнаніе. Если съ извѣстнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся часто и въ связи со слишкомъ многочисленными и разнообразными окружающими элементами, то, несмотря на соотвѣтственно легкое воспроизведеніе его, мы не можемъ поставить его въ связь съ опредѣленной обстановкой и, слѣдовательно, отнести къ опредѣленной датѣ въ нашемъ прошломъ. Мы *воспризнаемъ*, но не *вспоминаемъ* его: ассоціаціи, связанныя съ нимъ, слишкомъ многочисленны и неопредѣленны. Такой же результатъ получается въ томъ случаѣ, когда локализація въ прошломъ слишкомъ смутна. Въ такомъ случаѣ мы чувствуемъ, что видѣли гдѣ-то данный объектъ, но гдѣ и когда совершенно не помнимъ, хотя намъ кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ мы вспомнимъ это. Что нарождающіяся, слабыя возбужденія мозга могутъ вызывать нѣчто въ сознаніи —

---

*) Вотъ числовой алфавитъ:

1,	2,	3,	4,	5,	6,	7,	8,	9,	0,
т	н	м	р	л	ж	г	ф	б	з
д					ч	к	в	п	с
					ш	х			ц
					щ				

и л я:

t	n	m	r	l	sh	g	f	b	s
d					j	k	v	p	c
					ch	c			z
					g	qu			

Digitized by Google

это можно наблюдать на себѣ въ томъ случаѣ, когда стараешься припомнить имя. Оно въ такомъ случаѣ, что называется, вертится на языкѣ, но не приходитъ на умъ окончательно. Совершенно аналогичное чувство сопровождаетъ воспризнаніе, когда ассоціаціи, сопровождающія данный объектъ мысли, дѣлаютъ его для насъ знакомымъ, но неизвѣстно почему.

Есть одно курьезное психическое состояніе, которое, вѣроятно, всякому приходилось испытывать на себѣ, это—то чувство, когда кажется, что переживаемое въ данную минуту во всей своей полнотѣ переживалось когда-то прежде, когда-то мы говорили буквально то-же самое на томъ же самомъ мѣстѣ, тѣмъ же лицамъ etc. Это чувство «предсуществованія» психическихъ состояній долгое время казалось чѣмъ-то чрезвычайно загадочнымъ и служило поводомъ къ многочисленнымъ истолкованіямъ. Д-ръ Виганъ усматривалъ причину этого явленія въ диссоціаціи дѣятельности мозговыхъ полушарій; согласно его предположенію, одно изъ нихъ начинало немного позже сознавать внѣшнія впечатлѣнія, такъ сказать, отставало отъ другого въ сознаваніи тѣхъ же впечатлѣній. По моему, такое объясненіе нисколько не устраняетъ загадочности этого явленія. Неоднократно наблюдая его на себѣ, я пришелъ къ заключенію, что оно представляетъ изъ себя всецѣло неясное припоминаніе, въ которомъ одни элементы возобновились передъ сознаніемъ, а другіе нѣтъ. Элементы прошлаго состоянія, несходные съ настоящимъ, не оживаютъ сначала настолько, чтобы мы могли отнести это состояніе къ опредѣленному прошлому. Мы только сознаемъ настоящее, связанное съ какимъ-то общимъ намекомъ на прошлое. Точный наблюдатель психологическихъ явленій проф. Лацарусъ истолковываетъ это явленіе такъ же, какъ и я. Достойно вниманія здѣсь то, что настоящее кажется повтореніемъ прошлаго лишь до тѣхъ поръ, пока ассоціаціи, связанныя съ аналогичнымъ прошлымъ, не станутъ вполнѣ отчетливы.

Забвеніе. На практикѣ для нашего интеллекта забвеніе составляетъ такую же важную функцію, какъ и запоминаніе. «Полное воспроизведеніе», какъ мы видѣли, представляетъ сравнительно рѣдкій случай ассоціаціи. Еслибы мы помнили рѣшительно все, то были въ такомъ же безвыходномъ положеніи, какъ еслибы не помнили ничего. Припоминаніе факта требовало бы столько же времени, сколько протекло его на самомъ дѣлѣ отъ появленія до момента припоминанія, и, такимъ образомъ, мы никогда бы не двигались впередъ въ нашемъ мышленіи. Время при припоминаніи подвергается тому, что Рибо называетъ «укороченіемъ»: укороченіе это обусловлено пропусками огромнаго количества фактовъ, заполнявшихъ данный временной промежутокъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Рибо, мы приходимъ къ парадоксальному выводу: заб-

Digitized by Google

веніе есть одно изъ условій запоминанія. Безъ полнаго забвенія громаднаго количества состояній сознанія и безъ временнаго забвенія весьма значительнаго количества впечатлѣній мы совершенно не могли бы запоминать. Такимъ образомъ, забвеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его формъ, не есть болѣзнь памяти, но условіе ея здоровья и живости».

Патологическія условія. Лица, подвергнутыя гипнозу, вообще говоря, забываютъ все, что съ ними происходило во время транса. Но при послѣдующихъ состояніяхъ транса они нерѣдко помнятъ, что съ ними было въ предшествующемъ состояніи транса. Здѣсь наблюдается нѣчто подобное «раздвоенію личности», при которомъ связность существуетъ лишь между отдѣльными состояніями каждой изъ личностей, но не между самыми личностями. Въ этихъ случаяхъ чувствительность нерѣдко бываетъ у той и другой личности различна: во «вторичномъ» состояніи паціентъ нерѣдко обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ анэстезію. Пьеръ Жане доказалъ различными путями, что его паціенты припоминали въ состояніи нормальной чувствительности тѣ факты, которые не помнили въ состояніи анэстезіи. Такъ, напримѣръ, онъ временно возстановлялъ ихъ чувство осязанія при помощи электрическаго тока, пассовъ etc. и заставлялъ ихъ брать въ руки различные предметы—ключи, карандаши etc., или дѣлать извѣстнаго рода движенія, напримѣръ, креститься. При возвращеніи анэстезіи они совершенно не помнили объ этомъ. «Мы ничего не брали въ руки, мы ничего не дѣлали»—вотъ ихъ обычный отвѣтъ въ этомъ состояніи. Но на другой день, когда ихъ нормальная чувствительность была уже возстановлена, они отлично помнили, что дѣлали въ состояніи анэстезіи, и какія вещи брали въ руки.

Всѣ эти патологическія явленія показываютъ намъ, что сфера возможнаго припоминанія гораздо шире, чѣмъ мы думаемъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажущееся забвеніе еще не даетъ права думать, что припоминаніе абсолютно невозможно. Отсюда, впрочемъ, еще нѣтъ ровно никакихъ основаній дѣлать парадоксальный выводъ, будто абсолютнаго забвенія впечатлѣній опыта вовсе нѣтъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Воображеніе.

Что такое воображеніе? *Однажды испытанныя ощущенія такъ измѣняютъ нашу нервную организацію, что воспроизведеніе этихъ ощущеній, ихъ копіи, возникаютъ въ сознаніи, когда первоначально*

Digitized by Google

вызывавшее ихъ внѣшнее раздраженіе уже отсутствуетъ. Впрочемъ, никакое ощущеніе не можетъ быть воспроизведено въ нашемъ сознаніи, если оно первоначально не проникло въ наше сознаніе извнѣ.

Слѣпому могутъ сниться цвѣта, глухому—звуки много лѣтъ спустя послѣ потери зрѣнія или слуха, но глухорожденный никогда не будетъ въ состояніи представить себѣ звукъ, или слѣпорожденный—цвѣтъ. Повторяя уже приведенныя выше слова Локка, мы можемъ сказать, что «умъ не можетъ образовать внутри себя ни одной *простой идеи*». Оригиналы для простыхъ идей должны быть почерпнуты извнѣ. Фантазія или воображеніе суть названія, данныя способности воспроизводить копіи однажды пережитыхъ впечатлѣній. Воображеніе называется «репродуктивнымъ», когда эти копіи буквальны, и «продуктивнымъ» (или «конструктивнымъ»), когда элементы различныхъ первоначальныхъ впечатлѣній комбинируются вмѣстѣ и образуютъ новое цѣлое. Репродуктивные образы со всею ихъ конкретной обстановкой, которая дастъ возможность опредѣлить время соотвѣтствующаго имъ въ прошедшемъ воспріятія или объекта мысли, оживая передъ сознаніемъ, представляютъ *воспоминанія*. Мы только-что познакомились съ механизмомъ этихъ воспоминаній. Когда наши образы не относятся ни къ какому опредѣленному времени и не представляютъ вполнѣ точной копіи какого-либо прежняго воспріятія, то мы имѣемъ дѣло съ продуктами воображенія въ собственномъ смыслѣ слова.

Живость зрительнаго воображенія у различныхъ людей различна. Наши образы минувшаго опыта могутъ отличаться полнотою и отчетливостью или быть неясны, неточны и неполны. Весьма вѣроятно, что многія философскія разногласія, напримѣръ, разногласіе Локка и Беркли по поводу абстрактныхъ идей, находили себѣ поддержку въ индивидуальныхъ различіяхъ способности воображенія у отдѣльныхъ лицъ, благодаря которымъ у однихъ продукты воображенія бываютъ полнѣе и точнѣе, у другихъ блѣднѣе и туманнѣе. Локкъ утверждалъ, что мы обладаемъ общей идеей трехугольника, которая не должна быть ни прямоугольнымъ, ни равностороннимъ, ни равнобедреннымъ, ни неравностороннимъ трехугольникомъ, но каждымъ изъ нихъ вмѣстѣ и ни однимъ въ частности. Беркли говорилъ по этому поводу слѣдующее: «Если есть на свѣтѣ человѣкъ, который можетъ образовать въ своемъ умѣ такую идею трехугольника, то спорить съ нимъ совершенно безполезно, и я не намѣренъ этого дѣлать. Я хочу только, чтобы читатель выяснилъ себѣ хорошенько, можетъ ли *онъ* представить себѣ подобную идею или нѣтъ». До самаго послѣдняго времени, большинство философовъ предполагало, что существуетъ извѣстный прототипъ человѣческаго ума, на который походятъ всѣ индивидуальные умы, и что отно-

Digitized by Google

сительно способности воображенія можно высказывать положенія, примѣнимыя равно ко всѣмъ людямъ. Но въ настоящее время масса новыхъ психологическихъ данныхъ обнаружила полную несостоятельность этого взгляда. Нѣтъ «воображенія», есть «воображенія», и ихъ особенности необходимо изучить детально.

Въ 1880-мъ году Гальтонъ предпринялъ статистическое собираніе матеріаловъ по этому вопросу, что, можно сказать, составило эру въ области описательной психологіи. Онъ обратился къ огромному количеству лицъ съ просьбой описать воспроизведенное представленіе обстановки, окружавшей ихъ во время завтрака въ какое-нибудь утро. Варіаціи оказались весьма значительными, и, какъ это ни странно, оказалось, что въ среднемъ выдающіеся ученые обладаютъ меньшею силою зрительнаго воспроизведенія, сравнительно съ молодыми, ничѣмъ особенно не выдающимися субъектами.

Подробности по этому вопросу читатель найдетъ въ сочиненіи Гальтона: «Изслѣдованіе человѣческихъ способностей» стр. 83—114. Я самъ въ продолженіе многихъ лѣтъ собиралъ отъ каждаго изъ студентовъ, слушавшихъ мой курсъ психологіи, описанія силы ихъ зрительнаго воспроизведенія и нашелъ (наряду съ нѣкоторыми курьезными аномаліями) соотвѣтствующіе случаи для всѣхъ, приводимыхъ Гальтономъ. Для примѣра я приведу здѣсь два случая, представляющихъ два крайнихъ типа максимальной и минимальной силы зрительнаго воспроизведенія. Авторы этихъ двухъ сообщеній двоюродные братья, внуки выдающагося ученаго.

Вотъ что пишетъ первый изъ нихъ, обладающій максимальной силой зрительнаго воспроизведенія:

«Картина моего завтрака бываетъ и смутной, и ясной въ моемъ воображеніи. Она смутна и тускла, когда я пытаюсь воспроизвести ее съ открытыми глазами, направленными на какой-нибудь предметъ. Она въ высшей степени отчетлива и ярка, когда я представляю ее себѣ съ закрытыми глазами. Всѣ подробности этой картины для меня одновременно ясны, но, когда я направляю вниманіе на какую-нибудь изъ нихъ, она представляется мнѣ еще отчетливѣй. Всего легче я воспроизвожу въ памяти цвѣта; еслибы, напримѣръ, мнѣ нужно было припомнить блюдо, украшенное цвѣтами, я былъ бы въ состояніи въ точности воспроизвести послѣдніе красками etc. Цвѣтъ всего бывшаго на утреннемъ столѣ представляется мнѣ чрезвычайно живо. Обширность моихъ зрительныхъ воспроизведеній чрезвычайно велика. Я представляю себѣ всѣ четыре стѣны моей комнаты и всѣ четыре стѣны каждой изъ четырехъ остальныхъ комнатъ и даже болѣе того съ такою отчетливостью, что, если бы вы меня спросили, гдѣ лежитъ такая-то вещь или попросили бы меня сосчитать стулья и т. д., я тотчасъ же сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія. Чѣмъ болѣе я учу наизустъ, тѣмъ яснѣе я представляю себѣ образы

Digitized by Google

читанныхъ мною страницъ. Даже передъ тѣмъ, какъ произносить наизустъ одну строчку заученнаго, я вижу ее и слѣдующія за нею строки, такъ что могу цитировать ихъ медленно слово за словомъ, но умъ мой такъ занятъ созерцаніемъ образа печатныхъ строкъ, что я совершенно не сознаю смысла произносимыхъ мною словъ. Когда я впервые замѣтилъ въ себѣ такую особенность, то сначала подумалъ, что это обусловлено несовершеннымъ знаніемъ выученнаго наизустъ. Но въ концѣ-концовъ я убѣдился, что дѣйствительно вижу страницу. Сильнѣйшимъ доводомъ въ пользу того, что это такъ, я думаю, можетъ служить слѣдующій фактъ:

Я могу мысленно осматривать страницу и видѣть *начальныя* слова каждой строчки, и отъ любого изъ нихъ я могу читать строчку далѣе. Мнѣ гораздо легче дѣлать это, если эти начальныя слова идутъ одно подъ другимъ по прямой линіи, чѣмъ если они отступаютъ въ сторону. Напримѣръ:

Etant fait . . . . . .
Tous . . . . . .
A des . . . . . .
Que fit . . . . . .
Céres . . . . . .
Avec . . . . . .
Un fleur . . . . . .
Comme . . . . . .
(La Fontaine, 8. IV).

Вотъ что пишетъ лицо съ минимальной силой зрительнаго воспроизведенія:

«Моя сила зрительнаго воспроизведенія, насколько я могу судить, очень слаба, сравнительно съ окружающими людьми, и представляетъ нѣкоторыя особенности. Я представляю себѣ любое минувшее событіе не въ видѣ ряда отчетливыхъ образовъ, но въ видѣ панорамы, въ которой детали какъ-бы просвѣчиваютъ сквозь густой туманъ. Закрывъ глаза мои, я не могу представить себѣ какую-нибудь изъ этихъ деталей, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ я еще былъ въ состояніи дѣлать это, послѣ чего способность эта, повидимому, мало по малу совершенно исчезла. При самыхъ живыхъ моихъ сновидѣніяхъ, когда грезы представляются мнѣ вполнѣ реальными фактами, я нерѣдко бываю пораженъ помутнѣніемъ зрѣнія, и образы фантазіи становятся для меня неясными. Попытки представить себѣ обстановку завтрака не привели меня ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Все казалось мнѣ крайне туманнымъ. Я даже не могу сказать, что я видѣлъ. Я не могъ бы сказать, сколько стульевъ въ ком-

Digitized by Google

натѣ, еслибы не зналъ случайно, что ихъ десять. Я ничего не вижу въ деталяхъ. Всего характернѣе то обстоятельство, что я да-же не могу сказать въ точности, что̀ я вижу. Насколько я припоминаю, окраска предметовъ въ воспроизведеніи бываетъ та-же, что и въ воспріятіи, только представляется сильно полинявшей. Быть можетъ, всего отчетливѣе я вижу цвѣтъ скатерти, лежавшей на столѣ, и, можетъ быть, я былъ бы въ состояніи видѣть цвѣтъ обой, еслибы я помнилъ его».

Лица, обладающія значительной силой зрительнаго воспроизведенія, съ трудомъ могутъ понять, какъ могутъ думать лица, лишенныя этой силы. Нѣтъ сомнѣнія, что *нѣкоторыя лица совершенно не имѣютъ способности зрительнаго воспроизведенія въ сколько-нибудь значительной степени*; они не скажутъ, что *видятъ* столъ, но что *помнятъ* его и *знаютъ*, что̀ на немъ стояло. Психическій матеріалъ, изъ котораго состоитъ это «знаніе», заключается, повидимому, исключительно въ названіяхъ. Но, если при помощи словъ: «кофе», «ветчина», «булки», «яйца» etc., можно такъ же легко объясняться съ кухаркой, платить по счетамъ и заказывать обѣдъ на завтра, какъ и при помощи зрительной и вкусовой памяти, то нѣтъ основанія, съ практической точки зрѣнія, считать зрительную память особеннымъ преимуществомъ. Въ сущности словесная память для большинства житейскихъ цѣлей даже лучше памяти, богатой яркими образами. Существеннымъ элементомъ въ мышленіи является комбинація терминовъ въ посылкахъ для образованія заключенія, благодаря чему словесное мышленіе всего скорѣе содѣйствуетъ образованію вывода, такъ какъ слова (произнесенныя вслухъ или нѣтъ — это безразлично) наиболѣе сподручный матеріалъ для процессовъ мышленія. Они не только чрезвычайно легко оживаютъ въ памяти, но даже съ большей легкостью, чѣмъ какія-либо другія впечатлѣнія опыта. Если бы это не было такъ, то оставался бы необъяснимымъ тотъ фактъ, что, вообще говоря, чѣмъ старѣе люди, и чѣмъ болѣе они выдаются въ качествѣ мыслителей, тѣмъ болѣе они оказываются утратившими зрительную память, какъ это, напримѣръ, нашелъ Гальтонъ у членовъ Королевскаго Ученаго Общества.

Звуковые образы. Какъ и сила зрительнаго воспроизведенія, сила звукового воспроизведенія у различныхъ лицъ бываетъ весьма различной. Лица съ преобладаніемъ звукового воспроизведенія были названы Гальтономъ *audiles*. По словамъ Бине, *этотъ типъ встрѣчается рѣже лицъ со зрительною памятью.*

Лица слухового типа воспроизводятъ объекты мысли въ звукахъ. Чтобы выучить урокъ, они стараются запомнить не страницу, на которой онъ написанъ, а звуки голоса, отвѣчающаго его вслухъ; они и мыслятъ, и припоминаютъ ухомъ. Производя въ умѣ сложеніе, они повторяютъ про себя названія чиселъ и, такъ сказать,

Digitized by Google

производятъ сложеніе съ помощью однихъ звуковъ, и не помышляя о цифрахъ. Конструктивное воображеніе у такихъ лицъ также бываетъ слуховое. «Когда я пишу комедію, сказалъ Легуве Скрибу, вы ее смотрите, но я ее слушаю. Когда я пишу фразу, я слышу голосъ лица, произносящаго ее. «Vous, qui êtez le théâtre même», ваши актеры говорятъ, жестикулируютъ передъ вашими глазами: вы—*зритель*, а я—слушатель». «Совершенно справедливо,—замѣтилъ Скрибъ,—знаете ли вы, гдѣ я нахожусь, когда пишу пьесу? Въ серединѣ партера». Очевидно, чисто слуховой типъ, развивая лишь одну изъ своихъ способностей, можетъ довести слуховую память до чудовищныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, Моцартъ, прослушавъ всего два раза Miserere Сикстинской Капеллы, запомнилъ его наизустъ; Бетховенъ, будучи глухимъ, сочинялъ и мысленно повторялъ про себя свои огромныя симфоническія произведенія. Съ другой стороны, человѣкъ, принадлежащій къ слуховому типу, такъ же, какъ человѣкъ чисто зрительнаго типа, подверженъ серьезной опасности въ случаѣ потери слуховыхъ образовъ, ибо это для него будетъ почти равносильно потерѣ умственныхъ способностей.

Образы мускульнаго чувства. Вѣнскій проф. Штриккеръ, который, повидимому, принадлежитъ къ «моторному» типу, то есть, обладаетъ ненормально развитою двигательною формою воображенія, далъ тщательное описаніе этого способа воспроизведенія. Его воспоминанія о его собственныхъ движеніяхъ и о движеніяхъ окружающихъ предметовъ всегда сопровождаются опредѣленными мускульными ощущеніями въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя всего естественнѣе было бы примѣнить или для того, чтобы произвести какое-нибудь движеніе, или чтобы слѣдовать за движеніемъ внѣшняго предмета. Напримѣръ, думая о маршировкѣ солдатъ, онъ чувствовалъ, какъ будто онъ помогалъ образу двигаться напряженіемъ мускуловъ собственныхъ ногъ, и, когда онъ пытался подавить симпатическое мускульное напряженіе въ своихъ ногахъ и направлялъ все свое вниманіе на воображаемаго движущагося солдата, послѣдній вдругъ становился какъ-бы парализованнымъ. Вообще, всякое движеніе въ воображаемыхъ имъ предметахъ, немедленно парализуется, какъ только ощущенія движенія въ соотвѣтствующихъ членахъ или глазахъ его прекращаются. Главнѣйшая роль въ его душевной жизни принадлежитъ ощущеніямъ движеній, необходимыхъ для членораздѣльной рѣчи. «Когда по окончаніи какого-нибудь эксперимента, говоритъ онъ, я начинаю кому-нибудь словесно описывать его, то обыкновенно мнѣ приходится лишь повторять слова, которыя я уже заранѣе ассоціировалъ съ различными деталями моихъ опытовъ, въ то время, когда я производилъ послѣдніе. Ибо мысленная рѣчь играетъ во всѣхъ моихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ такую огром-

Digitized by Google

ную роль, что я, можно сказать, воплощаю ихъ въ слова, едва успѣвъ воспринять извнѣ».

Многія лица, когда ихъ спрашивали, *въ какой формѣ представляютъ они себѣ слова*, отвѣчали: «Въ формѣ звуковыхъ образовъ». Только при большемъ сосредоточеніи вниманія на процессѣ представливанія словъ они замѣтятъ, что имъ довольно трудно опредѣлить, какіе образы преобладаютъ въ ихъ воображеніи при представливаніи словъ, слуховые или моторные, связанные съ движеніями органовъ рѣчи. Для разрѣшенія этого затрудненія Штрикеръ предлагаетъ очень удачный пріемъ: «Откройте немного вашъ ротъ и постарайтесь при этомъ представить себѣ слово, въ которомъ были бы губныя или зубныя, напримѣръ, «папирусъ», «Дидона». Ясно ли при этихъ условіяхъ ваше представленіе? Для большинства людей представленіе это является сначала смутнымъ, подобно тому, какъ произнесеніе этихъ словъ съ раскрытыми губами невнятно. Многіе совершенно не въ состояніи ясно представить себѣ этихъ словъ съ раскрытыми губами, другимъ это удается лишь послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ попытокъ. Опытъ этотъ показываетъ, до какой степени наши словесныя представленія тѣсно связаны съ ощущеніями движеній губъ, языка, гортани etc. «Проф. Бэнъ говоритъ, что «*слабыя движенія въ органахъ рѣчи составляютъ въ сущности матеріалъ для памяти*, интеллектуальное проявленіе, идею рѣчи». У лицъ со слабою слуховою памятью моторный способъ представливанія составляетъ, повидимому, весь запасъ словеснаго мышленія. Профессоръ Штрикеръ говоритъ, что въ составъ представленій словъ, о которыхъ онъ думалъ, не входили никакіе слуховые образы.

Осязательные образы. У нѣкоторыхъ лицъ осязательный способъ воспроизведенія весьма сильно развитъ. Самые живые осязательные образы возникаютъ въ насъ, когда мы избѣгаемъ какого-нибудь мѣстнаго поврежденія, или когда мы видимъ, какъ оно наносится кому-нибудь другому. Въ такихъ случаяхъ мы можемъ вполнѣ отчетливо испытывать соотвѣтствующія болевыя ощущенія, сопровождаемыя физіологическими явленіями, вродѣ такъ называемой «гусиной кожи», блѣдности, красноты и другихъ результатовъ реальнаго мускульнаго сокращенія въ мнимо-пораженномъ мѣстѣ.

«Одинъ образованный человѣкъ, говоритъ Г. Мейеръ, разсказывалъ мнѣ, какъ однажды онъ былъ напуганъ тѣмъ, что отдавилъ дверью палецъ одного изъ своихъ маленькихъ дѣтей. Въ моментъ испуга онъ почувствовалъ сильнѣйшую боль въ соотвѣтствующемъ пальцѣ своего тѣла, и боль эта продолжалась цѣлыхъ три дня».

Воображеніе слѣпо-глухо-нѣмой вродѣ Лауры Бриджмэнъ должно состоять исключительно изъ осязательныхъ и моторныхъ образовъ. *Всѣ слѣпые принадлежатъ къ осязательному и моторному типамъ.* Когда одному молодому человѣку, у котораго д-ръ

Digitized by Google

Францъ снялъ съ глазъ катаракту, были послѣ операціи показаны геометрическія фигуры, то онъ не былъ въ состояніи при ихъ помощи составить себѣ идею квадрата и круга, пока не провѣрилъ зрительныхъ впечатлѣній осязательными, проведя концами пальцевъ по линіямъ фигуръ, какъ-бы ощупавъ ихъ, подобно реальнымъ предметамъ.

Патологическія особенности. Изученіе афазіи за послѣдніе годы показало, какъ неожиданно глубока разница въ формахъ воображенія у отдѣльныхъ индивидовъ. У однихъ «матеріалы мысли», если можно такъ выразиться, состоятъ преимущественно изъ зрительныхъ образовъ, у другихъ—изъ слуховыхъ или моторныхъ; у большинства же—изъ равномѣрной смѣси всякихъ образовъ. Это *индифферентные* типы, согласно выраженію Шарко. Понятно, что одно и то-же поврежденіе мозга можетъ на практикѣ оказывать весьма различныя дѣйствія на лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ типамъ воспроизведенія. У одного пораженіе затрогиваетъ весьма важную для него группу нервныхъ путей и парализуетъ ея дѣятельность, для другого пораженіе тѣхъ же нервныхъ путей несущественно. Особенно интересенъ одинъ относящійся сюда случай, опубликованный Шарко въ 1883-мъ году. Паціентомъ былъ купецъ, прекрасно образованный человѣкъ, но принадлежащій къ типу съ максимальной силой зрительнаго воспроизведенія. Благодаря какому-то болѣзненному процессу въ мозгу, онъ внезапно совершенно потерялъ зрительную память, вмѣстѣ съ тѣмъ его умственныя способности нѣсколько ослабѣли, оставаясь впрочемъ вполнѣ нормальными. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что можетъ продолжать веденіе дѣлъ, примѣняя память свою совершенно новымъ путемъ, и ясно описалъ различіе своего новаго состоянія отъ прежняго. «Всякій разъ какъ онъ возвращался въ А., куда ему часто приходилось ѣздить по торговымъ дѣламъ, ему казалось, что онъ въѣзжаетъ въ незнакомый городъ. Онъ осматривалъ памятники, дома и улицы съ такимъ же удивленіемъ, съ какимъ бы онъ осматривалъ никогда не виданный прежде городъ. Когда его попросили описать главное общественное мѣсто въ этомъ городѣ, онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что такое мѣсто есть въ городѣ, но не могу представить его себѣ и ничего не могу сказать о немъ». Такъ же точно онъ не помнилъ ни лица своей жены, ни лица своихъ дѣтей. Даже послѣ того, какъ онъ пробылъ съ ними въ новомъ состояніи нѣкоторое время, онъ все-таки не могъ къ нимъ привыкнуть. Онъ забывалъ даже свое собственное лицо, и однажды заговорилъ со своимъ собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ, принявъ его за отраженіе другого лица. Онъ жаловался также на потерю цвѣтовой памяти. «Я знаю, что у моей жены черные волосы, но припомнить этотъ цвѣтъ, а также наружность и черты лица моей жены, я совершенно не въ состояніи». Зрительь-

Digitized by Google

ная амнезія у этого субъекта распространялась и на всѣ объекты прошлаго опыта, начиная съ дѣтства; такъ, напримѣръ, отцовскаго дома, гдѣ онъ провелъ юные годы, онъ не узнавалъ. Кромѣ потери зрительной памяти, въ немъ не замѣчалось никакихъ ненормальностей. Отыскивая что-нибудь въ своей корреспонденціи, онъ, какъ и всѣ нормальные люди, перебираетъ полученныя письма, пока не находитъ то, чего искалъ. Изъ Иліады онъ помнитъ лишь нѣсколько первыхъ стиховъ и долженъ долго рыться въ памяти, чтобы цитировать нѣсколько строкъ изъ Гомера, Виргилія и Горація Складывая числа, онъ долженъ нашептывать ихъ себѣ. Онъ вполнѣ ясно понимаетъ, что долженъ поддерживать свою память, пользуясь слуховыми образами, которые запоминаются имъ съ трудомъ. *Слова и фразы, припоминаемыя имъ, звучатъ, какъ эхо, въ его ушахъ, что составляетъ для него совершенно новое ощущеніе.* Если онъ хочетъ выучить что-нибудь наизусть, напримѣръ, рядъ фразъ, то онъ долженъ *нѣсколько разъ подрядъ громко прочитать ихъ вслухъ*, чтобы запечатлѣть ихъ въ памяти при помощи слуха. Когда онъ повторяетъ вслухъ впослѣдствіи тѣ-же фразы, каждое слово его рѣчи предшествуется соотвѣтствующимъ впечатлѣніемъ внутренняго слуха. Прежде подобное ощущеніе было совершенно неизвѣстно ему.

Еслибы у того же лица произошло внезапное разстройство не зрительнаго, а слухового воспроизведенія, то это составило бы для него гораздо меньшее несчастіе.

Нервные процессы, обусловливающіе воображеніе. Большинство медицинскихъ писателей утверждаетъ, что нервные процессы, обусловливающіе воображеніе, локализируются не въ тѣхъ частяхъ мозга, которыя обусловливаютъ воспріятіе соотвѣтствующихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Но можно было бы дать болѣе простое объясненіе этимъ фактамъ, предположивъ, что *процессы, обусловливающіе и воспроизведеніе, и воспріятіе ощущеній совершаются въ тѣхъ же нервныхъ путяхъ.* Наши воспроизведенные образы всегда возникаютъ при помощи ассоціаціи; они всегда бываютъ «внушены» намъ какимъ-нибудь воспринятымъ ранѣе ощущеніемъ.

Ассоціаціи же (во всякомъ случаѣ) обусловлены токами, проходящими отъ одного центра мозговой коры къ другому. Если мы теперь предположимъ, что эти проходящіе внутри коры токи не могутъ вызывать въ нервныхъ клѣткахъ такіе сильные разряды, какіе въ нихъ производятся токами, идущими отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ, то намъ не представится никакой надобности приписывать различную локализацію физіологическимъ центрамъ воспріятія и воспроизведенія, чтобы объяснить психологическое различіе между тѣми и другими. Сильному нервному разряду соотвѣтствуетъ «живой» характеръ непосредственнаго чувственнаго впечатлѣнія; слабому—«блѣдность» воспроизведеннаго, не имѣющаго объективной реальности образа.

Digitized by Google

Если мы допустимъ, что ощущеніе и воображеніе обусловлены активностью тѣхъ же частей мозговой коры, то легко усмотрѣть очень хорошее телеологическое основаніе для обособленности процессовъ воспріятія и воображенія и для того факта, что процессы, указывающіе сознанію на наличность нѣкоторой объективной реальности, при нормальномъ состояніи мозга возникаютъ только при посредствѣ токовъ, идущихъ отъ периферіи, а не при посредствѣ токовъ, идущихъ отъ сосѣднихъ частей мозговой коры. Короче говоря, *мы здѣсь можемъ видѣть, почему чувственные процессы должны быть обособлены отъ всѣхъ нормальныхъ процессовъ воспроизведенія, какъ бы послѣдніе ни были интенсивны.* Д-ръ Мюнстербергъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Еслибы мы не обладали такимъ специфическимъ распредѣленіемъ физіологическихъ процессовъ воспріятія и воспроизведенія, то не были бы въ состояніи приспособлять наши дѣйствія къ окружающимъ явленіямъ внѣшняго міра, не имѣя возможности отличать дѣйствительность отъ фантазіи: наше поведеніе было бы нецѣлесообразнымъ, безсмысленнымъ, и мы не могли бы жить».

Иногда, въ видѣ исключенія, подъ вліяніемъ одного только центральнаго возбужденія происходитъ нервный разрядъ, превышающій своею интенсивностью обычную норму. Въ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣніяхъ, когда они такъ слабы, что едва замѣтны, воспріятіе и воспроизведеніе съ трудомъ различимы. Ночью, прислушиваясь къ очень слабому бою отдаленныхъ часовъ, мы мысленно воспроизводимъ и звукъ, и ритмъ боя, такъ что иногда бываетъ трудно сказать, былъ ли послѣдній ударъ реальнымъ звукомъ, или онъ есть продуктъ нашего воображенія. Когда ребенокъ кричитъ въ отдаленной части дома, то также часто не знаешь, продолжается ли крикъ, или звуки его находятся только въ нашемъ воображеніи. Нѣкоторые скрипачи пользуются этимъ свойствомъ слабыхъ звуковъ въ пьесахъ, оканчивающихся постепеннымъ замираніемъ звука — diminuendo. Достигнувъ pianissimo въ послѣдней нотѣ, они, повидимому, продолжаютъ вести смычекъ по струнѣ, какъ-бы продолжая тянуть звукъ, но при этомъ на самомъ дѣлѣ не касаются струны. Слушатель же дополняетъ воображеніемъ послѣдній звукъ, подмѣчая въ немъ оттѣнокъ, болѣе слабый, чѣмъ скрипичное pianissimo. Зрительныя и слуховыя галлюцинаціи представляютъ другой образчикъ подобныхъ явленій, который будетъ разсмотрѣнъ нами въ слѣдующей главѣ. Въ заключеніе упомяну объ одномъ, до сихъ поръ еще не объясненномъ фактѣ: многіе наблюдатели (Г. Мейеръ, Ш. Фере, проф. Скоттъ и Т. Шмидтъ, одинъ изъ занимающихся подъ моимъ руководствомъ студентовъ) замѣтили, что созерцаніе воспроизведенныхъ образовъ сопровождается появленіемъ отрицательныхъ зрительныхъ слѣдовъ, какъ будто сама ретина была утомлена зрительнымъ воспроизведеніемъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Воспріятіе.

Сравненіе воспріятія съ ощущеніемъ. Мы уже сказали на стр. 11-й, что чистое ощущеніе есть абстракція, для которой въ психической жизни взрослаго нѣтъ соотвѣтствующей реальности. Все, что воздѣйствуетъ на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ нѣчто большее, сравнительно съ чистымъ ощущеніемъ: оно возбуждаетъ въ мозговыхъ полушаріяхъ процессы, которые отчасти обусловлены модификаціями въ строеніи нашего мозга, произведенными въ немъ предшествующими впечатлѣніями опыта; въ сознаніи нашемъ эти процессы вызываютъ идеи, которыя такъ или иначе связаны съ даннымъ ощущеніемъ. Первою такою идеей является представленіе того предмета, къ которому относится данное чувственное свойство.

Сознаваніе извѣстныхъ матеріальныхъ объектовъ, находящихся на лицо предъ нашими чувствами, и есть то, что въ настоящее время *называется* въ психологіи *воспріятіемъ.* Сознаваніе такихъ объектовъ можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ: оно можетъ заключаться въ знакомствѣ съ названіемъ объекта и въ знаніи его важнѣйшихъ свойствъ или же во всестороннемъ пониманіи самыхъ отдаленныхъ отношеній даннаго объекта къ другимъ явленіямъ опыта. Провести рѣзкую демаркаціонную черту между скуднымъ и содержательнымъ сознаваніемъ невозможно, потому что все содержаніе нашего сознанія, выходящее за предѣлы грубыхъ первичныхъ ощущеній, обусловлено законами ассоціацій; ассоціаціи же незамѣтно переходятъ одна въ другую, являясь всѣ общимъ продуктомъ того же самаго ассоціаціоннаго механизма. Въ актахъ непосредственнаго сознаванія ассоціаціонные процессы играютъ меньшую роль, въ опосредствованныхъ—бо́льшую.

Такимъ образомъ, *совмѣстная дѣятельность физіологическихъ процессовъ, обусловливающихъ воспроизведенія и непосредственныя ощущенія, и есть то, что́ даетъ содержаніе нашимъ воспріятіямъ.* Каждый конкретный матеріальный предметъ представляетъ собою комплексъ чувственныхъ свойствъ, съ которыми намъ случалось впервые знакомиться въ различныя времена. Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ, именно, тѣ, которыя или отличаются постоянствомъ, или представляютъ для насъ интересъ, или имѣютъ практическое значеніе, мы принимаемъ за существенные элементы даннаго предмета. Къ

Digitized by Google

такимъ свойствамъ относятся: внѣшнія очертанія предмета, его размѣры, его масса etc. Другія свойства, болѣе измѣнчивыя, мы считаемъ несущественными, случайными. Мы называемъ первыя свойства реальностью, послѣднія—ея проявленіями. Такъ, напримѣръ, услышавъ звукъ, я говорю: «Экипажъ!» но звукъ не есть экипажъ, а только одинъ изъ самыхъ несущественныхъ признаковъ его появленія. Настоящій экипажъ есть нѣчто вполнѣ видимое и осязаемое, образъ чего былъ вызванъ звукомъ въ моемъ сознаніи. Когда поле моего зрѣнія занято, какъ, напримѣръ, въ данную минуту, образомъ коричневой плоскости съ непараллельными краями и съ неровными углами, и когда я называю этотъ образъ моимъ массивнымъ четырехугольнымъ библіотечнымъ столомъ, то на самомъ дѣлѣ этотъ образъ не есть столъ. Онъ даже не есть столъ, поскольку послѣдній служитъ объектомъ зрѣнія, если на него правильно смотрѣть. Это—искаженный перспективный видъ трехъ сторонъ предмета, который я мысленно воспринимаю до извѣстной степени цѣльно и правильно. Задняя часть стола, его прямые углы, его размѣры и тяжесть суть черты, которыя я сознаю въ немъ такъ же почти, какъ и его названіе. Названіе здѣсь, конечно, есть случайная, установленная обычаемъ ассоціація. «Природа, говоритъ Рядъ, экономна въ своихъ дѣйствіяхъ и не станетъ предназначать особый инстинктъ для того, чтобы сообщить намъ знанія, которыя мы можемъ быстро пріобрѣсти съ помощью опыта и привычки». Воспроизведенныя свойства, связанныя съ непосредственно-ощущаемыми въ одинъ комплексъ *вещи*, имѣющей названіе—вотъ матеріалы, изъ которыхъ слагается мое непосредственное воспріятіе стола. Дѣти должны пройти черезъ длинную школу воспитанія глаза и уха, чтобы научиться воспринимать реальные объекты, входящіе въ составъ опыта взрослыхъ. *Всякое воспріятіе есть нѣчто пріобрѣтенное.*

Воспріятіе не есть сложное состояніе сознанія. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній допускать, что процессъ воспріятія предполагаетъ «сліяніе» различныхъ ощущеній и идей. Воспринимаемый объектъ есть единичное состояніе сознанія, обусловленное, безъ сомнѣнія, частію периферическими, частію центральными чувствительными токами, но ни въ какомъ случаѣ не заключающее въ себѣ простой совокупности ощущеній и идей, которыя были бы немедленно вызваны данными токами, еслибы сознаніе не было дополнено инымъ психологическимъ содержаніемъ. Мы часто можемъ замѣчать существенную разницу между тѣмъ и другимъ случаемъ. Чувственныя свойства мѣняются на нашихъ глазахъ. Возьмемъ уже приведенный однажды примѣръ: «Pas de lieu Rhône que nous»; можно перечитывать эту фразу много разъ и не замѣчать ея звукового тожества съ: «Paddle your own canoe». Какъ только въ нашемъ умѣ при чтеніи этой фразы появились ассоціаціи съ англійскими словами, самые звуки

Digitized by Google

фразы какъ-бы измѣнились. Звуки словъ обыкновенно воспринимаются сразу вмѣстѣ съ ихъ значеніемъ. Иногда, впрочемъ, ассоціаціонные токи бываютъ на нѣсколько мгновеній задержаны (когда умъ нашъ занятъ чѣмъ-нибудь постороннимъ); въ такомъ случаѣ слова завязаютъ въ ухѣ, какъ отголоски безсмысленныхъ звуковъ. Затѣмъ обыкновенно вдругъ ихъ смыслъ становится яснымъ. Но въ эту минуту нерѣдко съ удивленіемъ замѣчаешь, что самый характеръ слова какъ-будто измѣнился. Нашъ языкъ сталъ бы звучать для насъ совершенно иначе, еслибы мы слушали его, не понимая, какъ иностранный языкъ, котораго мы не изучали. Повышенія и пониженія интонаціи, странныя стеченія шипящихъ и другихъ согласныхъ производили бы въ этомъ случаѣ на нашъ умъ такое впечатлѣніе, о которомъ мы теперь не можемъ себѣ составить и понятія. Французы говорятъ, что звуки англійскаго языка напоминаютъ имъ щебетанье птицъ—gazouillement des oiseaux; на англичанъ ихъ родной языкъ, разумѣется, не производитъ такого впечатлѣнія. На многихъ изъ англичанъ звуки русскаго языка, вѣроятно, произвели бы такое же впечатлѣніе. Всѣмъ намъ хорошо извѣстны рѣзкія перемѣны интонаціи и своеобразныя стеченія шипящихъ и гортанныхъ въ нѣмецкой рѣчи, которыя представляются нѣмцу совершенно иными.

Вѣроятно, благодаря именно этому обстоятельству, мы нерѣдко, долго глядя на отдѣльное печатное слово и повторяя его про себя, вдругъ замѣчаемъ, что это слово приняло совершенно несвойственный ему характеръ. Пусть читатель попробуетъ наблюдать это явленіе на любомъ словѣ страницы. Онъ скоро станетъ удивляться тому, какъ онъ могъ всю жизнь употреблять такое-то слово въ такомъ-то значеніи. Слово это будетъ глядѣть на него со страницы, какъ стеклянный глазъ, не одухотворенный мыслію. Его составные элементы—налицо, но смыслъ его улетучился. Взглянувъ на него съ новой точки зрѣнія, мы обнажили въ немъ чисто фонетическую сторону. Раньше мы никогда не направляли на нее исключительнаго вниманія: слово воспринималось нами сразу облеченнымъ въ свой смыслъ, а затѣмъ мы мгновенно переходили къ другому слову фразы. Короче говоря, слово воспринималось нами въ связи съ группами ассоціацій, и въ такомъ видѣ оно являлось для насъ не простымъ комплексомъ звуковъ.

Другую хорошо извѣстную всѣмъ перемѣну въ воспріятіи можно наблюдать, глядя на ландшафтъ съ закинутой назадъ головой. Это положеніе наблюдателя вноситъ нѣкоторое нарушеніе въ привычный порядокъ воспріятія; постепенная градація разстояній и другихъ пространственныхъ отношеній становится неопредѣленной; короче говоря, ослабляются репродуктивные или ассоціаціонные процессы, цвѣта становятся болѣе яркими и разнообразными, контрасты свѣта и тѣни болѣе рѣзкими. То-же самое можно

Digitized by Google

наблюдать, разсматривая картину, повѣшенную вверхъ ногами. При такомъ разсматриваніи многое изъ содержанія картины остается намъ непонятнымъ, но зато мы живѣе ощущаемъ цвѣта и контрасты свѣта и тѣни, и малѣйшая дисгармонія въ этомъ отношеніи чувствуется нами сильнѣе. Точно также, если мы, лежа на полу, будемъ глядѣть снизу на ротъ человѣка, говорящаго надъ нами, то изображеніе его нижней губы будетъ занимать на нашей ретинѣ всегдашнее мѣсто изображенія верхней и будетъ казаться въ необыкновенномъ движеніи, которое поразитъ насъ благодаря тому, что (за отсутствіемъ обычныхъ ассоціацій, задержанныхъ непривычнымъ положеніемъ зрителя) мы воспримемъ одно грубое ощущеніе, а не часть воспринимаемаго обычнымъ путемъ объекта.

Итакъ, еще разъ повторяю: мы должны признать, что, воспринимая свойства объекта, воздѣйствующаго на наши чувства, мы не испытываемъ чистаго ощущенія этихъ свойствъ, которое входило бы въ воспріятіе и составляло бы его составной элементъ. Чистое ощущеніе—одно, воспріятіе—нѣчто иное: одно не можетъ сосуществовать съ другимъ, потому что ихъ физіологическія условія различны. Они могутъ походить другъ на друга, но не могутъ составлять единаго тожественнаго состоянія сознанія.

Воспріятіе бываетъ или вполнѣ опредѣленнымъ, или только вѣроятнымъ. Главнѣйшими физіологическими условіями воспріятія служатъ образовавшіеся въ мозгу пути ассоціацій, идущіе отъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній. Если извѣстное впечатлѣніе прочно ассоціировалось съ аттрибутами какого-нибудь объекта, то, получая это впечатлѣніе, мы почти увѣрены, что оно связано именно съ даннымъ объектомъ. Такъ, напримѣръ, мы съ перваго взгляда узнаемъ и называемъ по имени знакомыхъ лицъ, знакомыя мѣста и т. п. *Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ извѣстное впечатлѣніе ассоціировалось съ нѣсколькими реальными объектами*, представляющими два или болѣе отдѣльныхъ комплекса однородныхъ свойствъ, воспріятіе даннаго объекта становится неопредѣленнымъ, *и о немъ можно только будетъ сказать, что оно есть вѣроятное воспріятіе даннаго объекта*, воспріятіе объекта, который производилъ на насъ такое же впечатлѣніе.

Въ этихъ неопредѣленныхъ случаяхъ характерно то, что воспріятіе рѣдко бываетъ ошибочнымъ: *извѣстное* воспріятіе здѣсь всегда имѣетъ мѣсто. Два отдѣльныхъ комплекса ассоціаціонныхъ элементовъ не нейтрализуютъ одинъ другой, не смѣшиваются и не затемняютъ воспріятія. Всего чаще мы сначала воспринимаемъ одинъ объектъ во всей его цѣльности, затѣмъ другой также вполнѣ цѣльный. Другими словами, *физіологическіе процессы вызываютъ то, что можетъ быть названо мнимо-сознаваемымъ*. Разъ въ мозгу образовались пути для нервныхъ токовъ, они непремѣнно образовались въ формѣ связной системы и вызываютъ представ-

Digitized by Google

ленія опредѣленныхъ объектовъ, а не безпорядочный хаосъ элементовъ. Даже когда функціи мозга на половину выбиты изъ нормальной колеи, напримѣръ, при афазіи, при сонливости, законъ мнимаго сознаванія сохраняетъ свое значеніе. Человѣкъ, задремавшій при чтеніи книги вслухъ, будетъ читать невѣрно, но не произнося набора безсмысленныхъ словъ, а дѣлая ошибки, вродѣ: «отрада» вмѣсто «ограда», «перевралъ» вмѣсто «перевалъ» и т. п., или будетъ произносить совершенно вымышленныя фразы, состоящія изъ ряда словъ, которыхъ нѣтъ въ книгѣ. Также и въ афазіи, пока болѣзнь еще не приняла опасныхъ размѣровъ, паціентъ начинаетъ произносить не тѣ слова, какія слѣдуетъ. Только при поврежденіи значительныхъ участковъ мозга рѣчь въ этихъ случаяхъ перестаетъ быть членораздѣльной. Эти факты показываютъ, какъ тонка ассоціаціонная связь; какъ тонко и въ то-же время какъ прочно единеніе, существующее между нервными путями, единеніе въ силу котораго, разъ будучи возбуждены одновременно, они впослѣдствіи всегда стремятся возбуждаться вмѣстѣ въ видѣ одного систематическаго цѣлаго. Небольшая группа элементовъ, «*это*», общая двумъ системамъ A и B, можетъ оказать рѣшающее дѣйствіе или въ пользу A, или въ пользу B въ зависимости отъ случайнаго перевѣса въ ту или другую сторону. (См. рис. 63-й). Если въ какомъ-нибудь пунктѣ путь отъ «этого» къ B на мгновенье оказался немного болѣе доступнымъ для нервнаго тока, чѣмъ путь отъ «этого» къ A; то равновѣсіе нарушается въ пользу цѣлой системы B. Токи проникнутъ черезъ пунктъ наименьшаго сопротивленія и распространятся по всѣмъ путямъ B, дѣлая образованіе A все болѣе и болѣе невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ мысли, соотносительныя съ A и съ B, будутъ имѣть различные объекты, хотя и сходные между собой. Впрочемъ, сходство будетъ заключаться въ какой-нибудь весьма незначительной чертѣ, если сфера «этого» очень мала. *Такимъ образомъ, самыя слабыя ощущенія могутъ повлечь за собою возникновеніе воспріятія вполнѣ опредѣленныхъ объектовъ, если только эти ощущенія сходны именно съ тѣми, въ которыхъ воспріятіе данныхъ объектовъ нуждается для своего возникновенія.*

Иллюзіи. Для краткости условимся разсматривать A и B (рис. 63-й) не какъ мозговые процессы, а какъ соотвѣтствующіе имъ объекты воспріятія. Далѣе предположимъ, что и A, и B суть тѣ объекты, которые съ вѣроятностью могутъ вызвать ощущеніе, обозначенное мною словомъ «это», но что въ данномъ случаѣ послѣднее вызвано не B, а A. Если здѣсь «это» напоминаетъ объ A, мы получаемъ правильное воспріятіе. Но если, наоборотъ, «это» воспріятіе напоминаетъ о B, а не объ A, то въ результатѣ мы получаемъ ложное воспріятіе, или такъ называемую *иллюзію*. Но и при нормальномъ воспріятіи, и при иллюзіи самый процессъ тожественъ..

Digitized by Google

Необходимо замѣтить, что во всякой иллюзіи ложно не непосредственное впечатлѣніе, а то сужденіе, которое мы составляемъ о немъ. «Это», еслибы мы могли ощущать его обособленнымъ отъ остального, всегда само по себѣ было-бы истиннымъ впечатлѣніемъ, оно вводитъ насъ въ заблужденіе лишь тѣмъ, что вызываетъ за собою. Если «это» есть зрительное впечатлѣніе, то оно можетъ, напримѣръ, вызвать въ насъ мысль о наличности передъ нами такого объекта осязанія, котораго на самомъ дѣлѣ при повѣркѣ осязаніемъ не оказывается въ опытѣ. *Такъ называемыя «обманы чувствъ», которымъ давали такъ много толкованій древніе скептики, не суть, собственно говоря, обманы чувствъ — это скорѣе обманы интеллекта, который ложно истолковываетъ данныя чувства* *).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній присмотримся нѣсколько ближе къ явленіямъ иллюзіи. Онѣ возникаютъ главнымъ образомъ благодаря двумъ причинамъ. *Ложный объектъ воспринимается нами или*

1) *потому что онъ, вообще говоря, является самою привычной, давно знакомой или наиболѣе вѣроятной причиной «этого», хотя именно въ данномъ случаѣ реальною причиною «этого» является что-нибудь иное;*

2) *или потому, что умъ нашъ временно занятъ всецѣло мыслію объ этомъ объектѣ, и потому «это» всего болѣе склонно вызвать именно его въ данную минуту.* Я приведу нѣсколько примѣровъ иллюзій того и другого типа. Иллюзіи перваго типа наиболѣе важны, потому что сюда относится группа постоянныхъ иллюзій, которымъ подвержены всѣ люди, и отъ которыхъ можно отдѣлаться только путемъ долгаго опыта.

Иллюзіи перваго типа. Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ этой иллюзіи мы находимъ у Аристотеля. Скрестите два пальца и начните катать между ними горошину, вставочку или какой-нибудь другой небольшой предметъ. Онъ покажется двойнымъ. (См. рис. 64-й). Проф. Крумъ Робертсонъ (Croom Robertson) далъ очень удачное объясненіе этого явленія. Онъ замѣтилъ, что въ томъ случаѣ, когда предметъ соприкасается сначала съ указательнымъ, а затѣмъ со среднимъ пальцами, оба соприкосновенія, повидимому, происходятъ въ различныхъ точкахъ пространства. Прикосновеніе къ указательному пальцу кажется выше, хотя палецъ на самомъ дѣлѣ находится ниже; прикосновеніе къ среднему пальцу кажется ниже,

---

*) Въ журналѣ «Mind», IX, 206, Вине выставляетъ на видъ, что объектъ ложнаго вывода всегда въ этихъ случаяхъ принадлежитъ другому чувству сравнительно съ тѣмъ, къ которому относится «это». «Оптическія иллюзіи», вообще говоря, являются результатами ошибокъ въ сферѣ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній: и ложно воспринимаемый объектъ, и экспериментъ, исправляющіе ошибку, въ этихъ случаяхъ—тактильнаго характера.

Digitized by Google

хотя палецъ на самомъ дѣлѣ находится выше. «Мы воспринимаемъ прикосновенія вдвойнѣ, потому что относимъ ихъ къ двумъ различнымъ частямъ пространства». Тѣ стороны пальцевъ, къ которымъ мы прикасаемся въ данномъ случаѣ, при нормальномъ положеніи пальцевъ не находятся въ пространствѣ рядомъ и обыкновенно не касаются одного предмета; поэтому одинъ предметъ, касаясь ихъ обоихъ въ данномъ случаѣ, кажется находящимся въ двухъ мѣстахъ, т. е. кажется двумя различными предметами. Есть цѣлая группа иллюзій, которыя происходятъ въ зрительныхъ ощущеніяхъ, когда мы ихъ истолковываемъ согласно обычнымъ пріемамъ, хотя они бываютъ вызваны не обычными объектами. Таковы фигуры, видимыя нами въ *стереоскопѣ*. Каждый глазъ видитъ въ немъ по картинѣ, причемъ эти картины несходны между собою въ весьма немногомъ; находящаяся противъ праваго глаза представляетъ изображеніе предмета немного правѣе, находящаяся противъ лѣваго глаза—изображеніе того же предмета немного лѣвѣе. Изображенія, получаемыя обоими глазами отъ тѣлесныхъ предметовъ, представляютъ несходство именно такого рода, такъ что мы обычнымъ путемъ реагируемъ на полученныя впечатлѣнія, и видимъ одно тѣлесное изображеніе. Если переставить изображенія, то мы получимъ полую форму предмета, ибо полая форма дала бы въ глазу именно такія несходныя изображенія. Съ помощью *псевдоскопа*, прибора, изобрѣтеннаго Уитстономъ, мы имѣемъ возможность глядѣть на тѣлесный предметъ и въ то-же время видѣть каждымъ глазомъ изображеніе, получаемое отъ предмета другимъ глазомъ. При этомъ мы воспринимаемъ тѣлесный объектъ въ видѣ полой формы его, но лишь въ томъ случаѣ, *если есть вѣроятіе, что онъ можетъ быть на самомъ дѣлѣ въ видѣ полой формы.* Такимъ образомъ, процессъ воспріятія остается вѣрнымъ своему закону, заключающемуся въ томъ, что *мы всегда реагируемъ на ощущеніе, если возможно, опредѣленнымъ способомъ, и измѣненіе способа этого настолько вѣроятно, насколько вѣроятна наличность въ данномъ случаѣ соотвѣтствующаго объекта.* Такъ, напримѣръ, человѣческое лицо никогда не представляется въ псевдоскопѣ въ видѣ полой формы своей, такъ какъ совмѣщеніе представленія полой формы и очертаній человѣческаго лица не входитъ совершенно въ наши привычки. На томъ же основаніи легко превратить *интальо* въ выпуклое изображеніе лица или раскрашенную соотвѣтствующимъ образомъ внутренность маски превратить въ выпуклую поверхность.

Своеобразныя иллюзіи движенія предметовъ получаются, когда глазныя яблоки двигаются помимо нашей воли. Выше (стр. 54-я) мы видѣли, что зрительное ощущеніе движенія образуется первоначально движеніемъ изображенія по ретинѣ. Впрочемъ, въ началѣ движеніе это не относится ни къ внѣшнему объекту, ни къ гла-

Digitized by Google

замъ. Такое опредѣленное отнесеніе движенія къ тому или другому возникаетъ поздиѣе и подчиняется при своемъ развитіи нѣкоторымъ простымъ законамъ. Мы вѣримъ, что предметъ двигается, а глаза наши неподвижны, всякій разъ какъ испытываемъ на ретинѣ ощущеніе движенія. Благодаря этому мы испытываемъ зрительную иллюзію послѣ быстраго вращенія на одной ногѣ: намъ кажется, что окружающіе предметы продолжаютъ вращаться около насъ въ томъ же направленіи, въ какомъ за мгновенье передъ тѣмъ вращалось наше тѣло. Это происходитъ вслѣдствіе того, что глаза наши при такихъ условіяхъ бываютъ возбуждены такъ называемымъ *nystagmus*, въ ихъ орбитахъ происходитъ дрожаніе, которое легко можно наблюдать при головокруженіи послѣ вращенія у всякаго человѣка. Такъ какъ эти дрожанія безсознательны, то ощущенія движенія, вызываемыя ими на ретинѣ, относятся нами обыкновенно ко внѣшнему объекту. Черезъ нѣсколько секундъ явленіе вращенія исчезаетъ. Оно можетъ быть прекращено, если мы произвольно сосредоточимъ глаза на какой-нибудь точкѣ.

Существуютъ иллюзіи движенія противоположнаго характера; ихъ всякому случается наблюдать *на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ*. Обыкновенно, если мы сами двигаемся впередъ, то все наше поле зрѣнія скользитъ по ретинѣ назадъ. Если мы двигаемся, сидя въ экипажѣ съ окномъ, въ повозкѣ или въ лодкѣ, то всѣ неподвижные предметы, видимые нами въ окно, какъ будто скользятъ въ противоположномъ направленіи. Поэтому, всякій разъ какъ мы замѣчаемъ, что всѣ предметы, видимые въ окно, двигаются въ одномъ направленіи, мы реагируемъ на это впечатлѣніе обычнымъ путемъ, предполагая передъ нами неподвижное поле зрѣнія и приписывая движеніе экипажу, окну въ экипажѣ и самимъ себѣ. Такимъ образомъ, когда мы сидимъ въ вагонѣ на станціи, а передъ нами проходитъ и останавливается другой поѣздъ, причемъ его вагоны заслоняютъ собою все поле зрѣнія, послѣ чего поѣздъ этотъ начинаетъ двигаться далѣе, намъ кажется, будто мы начали двигаться, другой же поѣздъ стоитъ неподвижно. Впрочемъ, если при этомъ намъ удалось мелькомъ увидѣть черезъ окна движущихся вагоновъ или черезъ промежутки между вагонами часть станціи, иллюзія нашего собственнаго движенія мгновенно пропадаетъ, и мы тотчасъ же замѣчаемъ движеніе другого поѣзда. Здѣсь опять мы дѣлаемъ только наиболѣе привычный, кажущійся намъ наиболѣе вѣроятнымъ выводъ изъ непосредственныхъ ощущеній.

Другая иллюзія при движеніи объяснена Гельмгольцемъ. Когда мы глядимъ изъ окна быстро мчащагося поѣзда, то большинство попадающихся на пути предметовъ: дома, деревья etc., кажутся очень малыми. Это происходитъ оттого, что мы въ первое мгновенье воспринимаемъ ихъ несоотвѣтственно близко. А воспринимаемъ мы ихъ несоотвѣтственно близко оттого, что ихъ параллак-

Digitized by Google

тическое движеніе назадъ непривычно быстро для насъ. Выше было сказано, что при нашемъ движеніи впередъ предметы кажутся намъ движущимися назадъ, но при этомъ чѣмъ они ближе, тѣмъ быстрѣе совершается ихъ кажущееся перемѣщеніе. Такимъ образомъ, относительно бо́льшая быстрота движенія назадъ такъ прочно ассоціировалась съ близостью предмета, что, замѣчая ее въ движеніи предмета, мы считаемъ его находящимся близко. Но при данномъ размѣрѣ изображенія предмета на ретинѣ, чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ меньшею намъ кажется его натуральная величина. Такимъ образомъ, чѣмъ скорѣе мы двигаемся въ повозкѣ, тѣмъ ближе кажутся намъ дома и деревья, а чѣмъ ближе они кажутся, тѣмъ меньшими они должны выглядѣть (при той же величинѣ изображенія на ретинѣ). Ощущенія, связанныя съ конвергенціей и аккомодаціей нашего глаза и съ перемѣною размѣровъ изображенія на ретинѣ, порождаютъ иллюзіи при оцѣнкѣ размѣровъ объектовъ и разстояній между ними, принадлежащія также къ первому типу.

Иллюзіи второго типа. Сюда относятся тѣ иллюзіи, при которыхъ мы воспринимаемъ ложный объектъ, потому что нашъ умъ занятъ имъ всецѣло въ моментъ воспріятія, и всякое ощущеніе, которое хоть сколько-нибудь съ нимъ связано, сообщаетъ толчекъ цѣпи ожидаемыхъ образовъ и порождаетъ въ насъ убѣжденіе, что ожидаемый объектъ дѣйствительно находится передъ нами. Вотъ всѣмъ хорошо знакомый примѣръ подобной иллюзіи:

«Охотникъ, подстерегая куликa въ засадѣ, вдругъ замѣчаетъ, что поднялась и мелькаетъ среди листвы птица, по размѣру и по оперенію напоминающая куликa; не имѣя времени опредѣлить дальнѣйшее сходство этой птицы съ куликомъ, онъ немедленно умозаключаетъ отъ сходства цвѣта и размѣровъ къ наличности остальныхъ свойствъ куликa, стрѣляетъ и къ величайшей досадѣ своей находитъ убитаго дрозда, а не куликa. Со мною случилась именно такая иллюзія, и я едва вѣрилъ глазамъ своимъ, что убилъ дрозда, такъ убѣдительнымъ сдѣлалось для меня подъ вліяніемъ воображенія ложное воспріятіе *)».

Таковы же иллюзіи въ играхъ, въ ожиданіи враговъ, въ страхѣ передъ мертвецами и т. п. Всякій, ожидающій въ сильномъ страхѣ появленія чего-нибудь въ темномъ мѣстѣ, приметъ любое неожиданное впечатлѣніе за признакъ присутствія ожидаемаго явленія. Дѣти, играющія въ «палочку воровку», преступники, укрывающіеся отъ преслѣдователей, суевѣрные люди, спѣшащіе черезъ лѣсъ или кладбище при лунномъ свѣтѣ, человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, дѣвушка, робко назначившая своему возлюбленному свиданье вечеромъ—всѣ эти лица подвержены звуковымъ или зрительнымъ

*) Romanes. Mental evolution in animals. p. 324.

Digitized by Google

иллюзіямъ, которыя заставляютъ ихъ сильно волноваться, пока иллюзія не прекратится. Гуляя по улицамъ, влюбленный молодой человѣкъ, погруженный въ любимыя мечты, двадцать разъ на днѣ принимаетъ шляпку проходящей мимо него барышни за головной уборъ своего кумира.

Такъ называемыя «корректорскія иллюзіи». Я помню, какъ однажды вечеромъ въ Бостонѣ, поджидая омнибусъ съ надписью: «Mount Auburn», который могъ бы доставить меня въ Кэмбриджъ, я прочиталъ на дощечкѣ пріѣхавшаго омнибуса именно эти два слова, между тѣмъ какъ на ней (какъ я узналъ впослѣдствіи) было написано: «North Avenue». Иллюзія эта была чрезвычайно жива: я едва повѣрилъ, что глаза мои обманули меня. Аналогичную роль иллюзіи играютъ и вообще при чтеніи.

«Лица, постоянно читающія газеты и романы, не могли бы читать такъ быстро, еслибы для воспріятія словъ имъ нужно было воспринимать отчетливо каждое отдѣльное слово и каждую отдѣльную букву. Болѣе половины буквъ они дополняютъ воображеніемъ, и навѣрное менѣе половины воспринимается ими съ напечатанной страницы. Еслибы это не было такъ, еслибы мы воспринимали каждую букву въ отдѣльности, то типографскія ошибки въ хорошо знакомыхъ намъ словахъ никогда бы не пропускались нами незамѣченными. Дѣти, которыя еще не привыкли разомъ охватывать мысленно цѣлыя слова, читаютъ невѣрно то, что невѣрно напечатано, то есть вѣрно воспроизводятъ напечатанное. Напечатанное нашими же буквами, но на иностранномъ языкѣ мы читаемъ настолько медленнѣе, насколько намъ содержаніе книги менѣе понятно, и насколько медленнѣе мы можемъ охватывать мысленно слова. Но тѣмъ скорѣе при этомъ мы замѣчаемъ опечатки. Вотъ почему произведенія, писанныя на латинскомъ, греческомъ и въ особенности еврейскомъ языкахъ, заключаютъ въ себѣ менѣе опечатокъ, такъ какъ послѣднія исправляются нѣмецкими корректорами съ большей тщательностью въ иностранныхъ сочиненіяхъ, чѣмъ въ произведеніяхъ, писанныхъ на ихъ родномъ языкѣ. Двое моихъ знакомыхъ знали еврейскій языкъ—одинъ очень основательно, другой—поверхностно; однако послѣдній былъ преподавателемъ еврейскаго языка въ одномъ учебномъ заведеніи и, когда однажды онъ обратился къ своему пріятелю съ просьбой помочь ему исправить упражненія своихъ учениковъ, писанныя на еврейскомъ языкѣ, то оказалось, что преподаватель еврейскаго языка умѣлъ гораздо лучше находить даже самыя мелкія ошибки въ extemporalia своихъ учениковъ, чѣмъ его ученый пріятель, потому что послѣдній привыкъ слишкомъ быстро охватывать смыслъ цѣлаго слова, не разбираясь въ его частяхъ» *).

*) М. Лацарусъ, Das Leben d. Seele (1857). II, p. 32. Въ разговорной рѣчи половина звуковъ, якобы воспринимаемыхъ нами извнѣ, дополняется нашимъ соб-

Digitized by Google

Въ силу подобныхъ же мотивовъ удостовѣреніе личнаго тожества приводитъ къ баснословнымъ заблужденіямъ. Извѣстный человѣкъ былъ свидѣтелемъ происшествія или быстро совершеннаго кѣмъ-нибудь преступленія и унесъ съ собою извѣстное зрательное впечатлѣніе видѣннаго. Впослѣдствіи его ставятъ на очную ставку съ подсудимымъ, образъ котораго онъ тотчасъ же мысленно переноситъ въ обстановку видѣннаго происшествія и «отожествляетъ» съ личностью мелькомъ видѣннаго преступника, хотя легко возможно, что подсудимый даже никогда не былъ на мѣстѣ преступленія. То-же наблюдается на такъ называемыхъ «сеансахъ съ матеріализаціей», которыя устраиваются шарлатанами-медіумами: въ темной комнатѣ человѣкъ видитъ облеченную въ легкое газовое одѣяніе фигуру, которая шепотомъ говоритъ ему, что она покойная его мать, сестра, жена или дочь, и бросается ему на шею. Темнота, раньше видѣнная имъ, матеріализованныя фигуры и ожиданіе, направленное въ извѣстную сторону, дѣлаютъ то, что желанный образъ вполнѣ овладѣваетъ его воображеніемъ, и неудивительно, если онъ вслѣдствіе этого видитъ въ «матеріализованной» фигурѣ внушенное ему лицо умершаго. Эти шарлатанскіе сеансы могли бы доставить драгоцѣнный матеріалъ для психологіи воспріятія, если-бы можно было собрать относительно нихъ по болѣе точныхъ данныхъ. Въ гипнотическомъ трансѣ всякій внушаемый объектъ ясно воспринимается. У нѣкоторыхъ лицъ эта способность воспринимать внушенное болѣе или менѣе сохраняется и послѣ пробужденія отъ транса. Можно предположить, что при благопріятныхъ условіяхъ подобная воспріимчивость ко внушенному можетъ обнаруживаться на лицахъ, вовсе не впадающихъ въ гипнотическій трансъ.

Воспріимчивость ко внушенію наблюдается на всѣхъ чувствахъ, хотя нѣкоторые крупные авторитеты въ психологіи выражали сомнѣніе въ томъ, чтобы эта дѣятельность воображенія могла вводить въ заблужденіе наши непосредственныя чувства. Всякому случалось замѣчать, какую роль играетъ внушеніе въ сферѣ обонятельныхъ ощущеній. Когда въ квартирѣ нашей повреждена труба для стока нечистотъ, мы призываемъ водопроводчика, чтобы починкою трубы прекратить распространившееся по квартирѣ зловоніе: нерадивый водопроводчикъ дѣлаетъ видъ, что починилъ трубу, получаетъ деньги и уходитъ, мы же на нѣкоторое время успокаиваемся, воображая, что дурной запахъ уменьшился. Опредѣляя температуру комнаты и чистоту воздуха въ квар-

---

ственнымъ слуховымъ воображеніемъ. Привычная намъ рѣчь понятна, даже когда произносится тихимъ голосомъ или издалека. Рѣчь на мало знакомомъ намъ языкѣ при тѣхъ же условіяхъ оказывается непонятной: «идеи», связаны съ опредѣленными звуками въ послѣднемъ случаѣ не такъ прочно, какъ въ нашемъ родномъ языкѣ, и потому не возникаютъ съ такою быстротой въ нашемъ умѣ по поводу извѣстныхъ звуковыхъ впечатлѣній.

Digitized by Google

тирѣ, мы также принимаемъ нерѣдко то, что, по нашему мнѣнію, должно быть, за то, что есть. Вообразивъ, что вентиляторъ закрытъ, мы начинаемъ жаловаться на духоту. Когда же оказывается, что на самомъ дѣлѣ онъ открытъ, впечатлѣніе духоты пропадаетъ.

То-же замѣчается на чувствѣ осязанія. Всякому случалось наблюдать, какъ, благодаря осязательной иллюзіи, чувственныя свойства даннаго предмета кажутся одними и затѣмъ, вдругъ, по исчезновеніи иллюзіи, оказываются совершенно иными: напримѣръ, когда, прикоснувшись рукою въ темнотѣ къ чему-нибудь мокрому или волосатому, мы испытываемъ на мгновенье чувство отвращенія или страха, пока не признаемъ въ осязаемомъ предметѣ хорошо знакомую намъ вещь. Даже подобравъ на столовой скатерти послѣ обѣда такую ничтожную вещь, какова крошка картофеля, которую мы приняли за крошку хлѣба, мы испытываемъ на нѣсколько мгновеній непріятное чувство отвращенія, пока не опредѣлимъ, что такое у насъ въ рукѣ.

Въ слуховыхъ ощущеніяхъ иллюзіи чрезвычайно изобилуютъ. Всякій можетъ привести изъ своей жизни множество примѣровъ тому, какъ какой-нибудь звукъ казался ему совершенно инымъ, благодаря тому, что разсудокъ приписывалъ этому звуку иную внѣшнюю причину. Однажды, когда у меня сидѣлъ одинъ пріятель, въ комнатѣ забили часы съ курантами на очень низкомъ регистрѣ. «Слышишь, говоритъ мнѣ пріятель, шарманка играетъ въ саду!» Узнавъ настоящую причину звука, онъ былъ очень удивленъ. Со мной самимъ случилась удивительная иллюзія въ такомъ же родѣ. Однажды, поздно ночью, я сидѣлъ и читалъ; вдругъ изъ верхней части дома раздался страшный шумъ, прекратился и затѣмъ черезъ минуту снова возобновился. Я вышелъ въ залъ, чтобы прислушаться къ шуму, но онъ тамъ не повторялся. Какъ только я успѣлъ вернуться къ себѣ въ комнату и сѣсть за книгу, снова поднялся тревожный, сильный шумъ, точно передъ началомъ бури или наводненія. Онъ доносился отовсюду. Крайне встревоженный, я снова вышелъ въ залъ, и снова шумъ прекратился. Вернувшись во второй разъ къ себѣ въ комнату, я вдругъ открылъ, что шумъ производила своимъ храпомъ маленькая собачка, шотландская такса, спавшая на полу. При этомъ достойно вниманія то, что, разъ обнаруживъ истинную причину шума, я уже не могъ несмотря на всѣ усилія, возобновить прежнюю иллюзію.

Чувство зрѣнія изобилуетъ иллюзіями обоего типа. Ни одно чувство не даетъ такихъ измѣнчивыхъ впечатлѣній отъ одного и того же предмета, какъ чувство зрѣнія. Въ зрѣніи болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ чувствѣ, мы склонны принимать непосредственныя ощущенія за показатели извѣстныхъ свойствъ внѣшнихъ объектовъ; никакое другое чувство не вызываетъ въ нашей памяти съ такою непосредственностью представленія извѣстной *вещи* и,

Digitized by Google

слѣдовательно, воспріятія послѣдней. Воспринимаемая нами «вещь» всегда напоминаетъ (какъ мы увидимъ ниже) объектъ какого-нибудь отсутствующаго въ сознаніи въ данную минуту ощущенія; она напоминаетъ обыкновенно какой-нибудь другой зрительный образъ, который является показателемъ извѣстнаго реальнаго явленія, и это непрестанное сведеніе нашихъ непосредственно данныхъ зрительныхъ образовъ, къ болѣе устойчивымъ соотвѣтствующимъ дѣйствительности формамъ, побудило нѣкоторыхъ психологовъ ошибочно полагать, будто нашимъ первоначальнымъ зрительнымъ ощущеніямъ вовсе не присуща никакая прирожденная форма.

Можно привести немало любопытныхъ примѣровъ случайныхъ зрительныхъ иллюзій. Я ограничусь здѣсь двумя. Одинъ—изъ моихъ собственныхъ воспоминаній. Я лежалъ на койкѣ парохода, прислушиваясь къ тому, что дѣлали матросы на верху, на палубѣ, какъ вдругъ, повернувъ глаза къ окну, я совершенно отчетливо увидѣлъ главнаго пароходнаго машиниста: онъ вошелъ въ мою каюту, сталъ у окна и смотритъ черезъ него на часовыхъ. Удивленный его внезапнымъ появленіемъ у себя въ каютѣ я сталъ наблюдать за нимъ и удивился тому, какъ долго онъ остается неподвижнымъ въ одномъ и томъ же положеніи. Наконецъ, я заговорилъ съ нимъ, и, не получивъ никакого отвѣта, приподнялся на койкѣ; тогда только я замѣтилъ, что принималъ за машиниста мою шапку и сюртукъ, повѣшенные на гвоздь около окна. Иллюзія была совершенно полная: машинистъ парохода имѣлъ своеобразную внѣшность, и эта внѣшность сохранилась для меня и въ иллюзіи; но, когда иллюзія была обнаружена мною, то возстановить ее оказалось почти совершенно невозможнымъ.

«Апперцепція». Въ Германіи со временъ Гербарта въ психологіи отводится значительное мѣсто процессу, называемому «апперцепціей». Воспринимаемыя нами извнѣ идеи или ощущенія «апперципируются» при посредствѣ «массы» идей, уже имѣющихся предварительно въ сознаніи. Очевидно, что съ такой точки зрѣнія процессъ, описанный нами въ качествѣ воспріятія, есть процессъ апперцептивный. Таково всякое воспризнаніе, классифицированіе, именованіе объектовъ опыта; сверхъ непосредственныхъ воспріятій всѣ дальнѣйшіе наши психическіе процессы по поводу воспріятій суть также апперцептивные процессы. Я самъ не пользуюсь словомъ «апперцепція», такъ какъ съ нимъ въ исторіи философіи связаны весьма различныя значенія, и, если нѣсколько расширить Гербартовское значеніе этого слова, то подъ понятіе апперцепціи подойдутъ и «психическая реакція», и «истолкованіе ощущеній», и «концепція» и «ассимиляція», и «переработка психическихъ впечатлѣній», и, наконецъ, просто «мышленіе». Впрочемъ, анализировать такъ называемые апперцептивные процессы, выходящіе изъ

Digitized by Google

рамокъ непосредственнаго воспріятія, едва-ли стоитъ, такъ какъ такіе процессы встрѣчаются въ нашей психической жизни въ безконечномъ разнообразіи. Слово «апперцепція» можетъ служить названіемъ для совокупности всѣхъ психическихъ факторовъ, названныхъ нами ассоціаціями, и легко видѣть, что данный объектъ опыта вызоветъ въ насъ то или другое представленіе въ зависимости отъ обладаемыхъ нами въ данную минуту *психостатическихъ условій* (выраженіе Льюиса), иначе говоря, отъ нашего характера, привычекъ, памяти, воспитанія, нашихъ предшествующихъ опытовъ и нашего настроенія въ данную минуту; словомъ, отъ всей нашей природы и нашего психическаго склада. Мы ничего не выиграемъ въ полнотѣ нашихъ психологическихъ знаній, если будемъ называть всю совокупность этихъ психическихъ факторовъ апперципирующей массой, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, такое названіе будетъ представлять нѣкоторыя удобства. Я склоненъ думать, что это названіе могло бы лучше быть замѣнено терминомъ Льюиса «ассимиляція», какъ наиболѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ.

«Апперципирующая масса» разсматривается нѣмецкими психологами, какъ активный факторъ, апперципируемое ощущеніе, какъ пассивный, подвергающійся обыкновенно модификаціи со стороны перваго фактора. Наше познаніе слагается изъ взаимодѣйствія того и другого фактора, но, согласно замѣчанію Штейнталя, апперципирующая масса сама нерѣдко видоизмѣняется подъ вліяніемъ ощущенія. Вотъ что онъ по этому говоритъ поводу: «Хотя, вообще говоря, апперципирующая масса является болѣе сильнымъ факторомъ въ познаніи, однако можно также встрѣтить и такіе процессы апперцепціи, гдѣ новое впечатлѣніе значительно видоизмѣняетъ или обогащаетъ апперципирующую группу идей. Ребенокъ, никогда не видавшій никакихъ столовъ, кромѣ четырехугольныхъ, видитъ въ первый разъ круглый столъ—и его апперципирующая масса («столъ») тотчасъ обогатилась. Къ его прежнимъ свѣдѣніямъ о столѣ присоединяется новая черта: столы не должны быть непремѣнно четыреугольными—они могутъ быть круглыми. Въ исторіи науки нерѣдко случалось, что извѣстное открытіе, разъ будучи апперципировано, т. е. поставлено въ связь со всею системою нашего знанія, модифицировало всю систему. Впрочемъ, принципіально мы должны придерживаться слѣдующаго правила: хотя оба фактора познанія могутъ быть и активны, и пассивны, преобладающая активная роль принадлежитъ апперципирующей массѣ» *).

Геній и рутина привычнаго мышленія. Это замѣчаніе Штейнталя вполнѣ выясняетъ глубокое *различіе, существующее между*

*) «*Einleitung in die Psychologie und Spachwissenschaft*», 1891, p. 171.

Digitized by Google

психологическими концептами и тѣми, что мы называемъ концептами въ логикѣ. Въ логикѣ понятіе неизмѣнно, но то, что мы называемъ «понятіями о вещахъ» въ обыденномъ смыслѣ слова, измѣняется при употребленіи. Наука поставила себѣ цѣлью добиться такой адэкватности и точности понятій, при которой намъ не представится болѣе надобности видоизмѣнять ихъ. Въ нашихъ умахъ происходитъ постоянная борьба между стремленіемъ сохранить наши идеи въ неизмѣнномъ видѣ и стремленіемъ къ ихъ обновленію. Наше воспитаніе есть непрестанный компромиссъ между консервативнымъ и прогрессивнымъ факторами. Каждый новый, неиспытанный ранѣе опытъ долженъ быть отнесенъ нами подъ извѣстную рубрику, обнимающую нѣкоторую группу впечатлѣній изъ минувшаго опыта. Вся задача при этомъ заключается въ томъ, чтобы подыскать такую рубрику, которая нуждалась бы въ наименьшей модификаціи для того, чтобы подъ нее можно было подвести новый фактъ. Нѣкоторые жители Полинезіи, увидѣвъ въ первый разъ лошадей, стали называть ихъ «свиньями», такъ какъ рубрика «свиньи» была въ ихъ языкѣ наиболѣе подходящей для никогда невиданнаго животнаго—лошади. Мой двухгодовалый сынъ игралъ цѣлую недѣлю съ апельсиномъ, который онъ увидѣлъ въ первый разъ, называя его «мячикомъ». Его кормили яйцами въ смятку, которыя подавались ему безъ скорлупы въ жидкомъ видѣ, вылитыя въ стаканъ; когда онъ увидѣлъ впервые цѣльное яйцо, то назвалъ его «картошкой», такъ какъ раньше ему случалось видѣть и ѣсть картошки безъ кожуры, и онъ зналъ ихъ названіе. Складной карманный пробочникъ онъ не колеблясь назвалъ «дурными ножницами». Немногіе изъ насъ могутъ съ легкостью образовывать новыя рубрики и подводить подъ нихъ новыя впечатлѣнія опыта. Большинство все болѣе и болѣе порабощается привычнымъ запасомъ концептовъ и все болѣе и болѣе теряетъ способность ассимилировать новыя впечатлѣнія въ новыхъ непривычныхъ комбинаціяхъ. Короче сказать, рутина привычнаго мышленія составляетъ для каждаго изъ насъ въ извѣстный моментъ жизни предѣлъ «его же не прейдеши». Явленія, идущія въ разрѣзъ установившимся, привычнымъ способамъ апперцепціи, просто на просто не принимаются въ разсчетъ—игнорируются нами; или, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы вынуждены въ силу неотразимыхъ доводовъ признать ихъ существованіе, черезъ сутки признанные нами факты снова какъ-бы не существуютъ для насъ, и малѣйшіе слѣды не ассимилированныхъ фактовъ совершенно улетучились изъ нашего сознанія. Въ сущности геніальность заключается почти только въ способности воспринимать объекты не совсѣмъ обычнымъ, рутиннымъ путемъ.

Съ другой стороны, съ дѣтства до конца жизни ничего не можетъ быть пріятнѣе умѣнья ассимилировать новое со старымъ,

Digitized by Google

встрѣчать всякое новое явленіе, дерзко нарушающее установившіяся въ нашемъ умѣ группы концептовъ, разоблачать его загадочность и заносить его въ старыя давно установленныя группы, въ область знакомыхъ намъ явленій. Побѣдоносное ассимилированіе новаго со старымъ есть въ сущности типичная черта всякаго интеллектуальнаго удовольствія. Жажда подобнаго ассимилированія составляетъ научную любознательность. Отношеніе новаго къ старому, пока не совершилась ассимиляція, выражается въ удивленіи. Мы не питаемъ любопытства и не испытываемъ удивленія по отношенію къ вещамъ, настолько превышающимъ доступное намъ познаніе, что мы не имѣемъ концептовъ, подъ которые могли бы подвести ихъ, и мѣрокъ, при помощи которыхъ могли бы наглядным образомъ ихъ измѣрить *).

Фиджійцы, какъ разсказываетъ Дарвинъ, удивлялись при видѣ маленькихъ лодокъ, большіе же корабли не вызывали въ нихъ удивленія. Только то, что намъ хоть отчасти знакомо, возбуждаетъ въ насъ жажду дальнѣйшаго знанія. Сложнѣйшія по устройству ткацкія фабрики, обширнѣйшія металлическія сооруженія для большинства изъ насъ такъ же, какъ вода, воздухъ или земля, просто на просто представляютъ собою обыденныя явленія, не вызывающія въ насъ никакихъ идей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что выгравированная на мѣдной пластинкѣ надпись красива. Но если намъ покажутъ рисунокъ *перомъ* такого же достоинства, то это невольно вызываетъ въ насъ удивленіе искусству художника. Одна старая дама, съ удивленіемъ разсматривая одну картину на выставкѣ, спросила: «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это сдѣлано *отъ руки?*»

Физіологическій процессъ, обусловливающій воспріятіе. Мы уже достаточно подробно разсмотрѣли явленія воспріятія и теперь можемъ дать общую формулировку закона воспріятія: «*Въ то время, какъ часть объекта воспріятія проникаетъ въ наше сознаніе черезъ посредство органовъ чувствъ отъ внѣшняго объекта, другая часть (и*

---

*) Великое педагогическое правило заключается въ слѣдующемъ: всякій новый отрывокъ знаній слѣдуетъ связывать съ какимъ-нибудь образовавшимся въ умѣ ребенка интересомъ, т. е. иначе говоря, какимъ-нибудь путемъ ассимилировать этотъ отрывокъ съ заранѣе пріобрѣтенными свѣдѣніями. Отсюда вытекаетъ преимущество, получаемое изъ сравниванія отдаленнаго и чуждаго непосредственному опыту съ близкимъ и знакомымъ и неизвѣстнаго съ извѣстнымъ и изъ связыванія сообщаемыхъ свѣдѣній съ личнымъ опытомъ ученика. Предположимъ, что учитель разсказываетъ ученику о разстояніи земли отъ солнца; въ такомъ случаѣ ему всего лучше сдѣлать ученику слѣдующій вопросъ: «Если бы кто-нибудь съ солнца вздумалъ выстрѣлить прямо въ васъ, и вы бы замѣтили это въ моментъ выстрѣла, что бы вы сдѣлали?» «Я бы отскочилъ въ сторону», отвѣтитъ ученикъ. Тогда учитель можетъ сказать слѣдующее: «Вамъ нѣтъ надобности отскакивать, вы можете преспокойно лечь спать у себя въ комнатѣ и снова встать на другой день, прожить спокойно до совершеннолѣтія, выучиться торговлѣ, достигнуть моего возраста— тогда только ядро станетъ къ вамъ приближаться, и вамъ нужно будетъ отскочить. Итакъ, видите, какъ велико разстояніе отъ солнца до земли».

Digitized by Google

она можетъ быть наибольшей) проникаетъ изнутри, изъ недръ нашего сознанія».

Въ сущности—это простое констатированіе того факта, что наши нервные центры суть органы, реагирующіе на чувственныя впечатлѣнія, и что въ частности полушарія наши предназначены для того, чтобы воспоминанія о нашемъ минувшемъ опытѣ могли принимать участіе въ этой реакціи. Конечно, такая общая формулировка туманна. Если мы попытаемся придать ей точное значеніе, то всего естественнѣе будетъ предположить, что *мозгъ реагируетъ* по путямъ, которые проложены впечатлѣніями предшествующаго опыта, и при возбужденіи которыхъ мы получаемъ *вѣроятное воспріятіе*, воспріятіе того, что прежде всего чаще вызывало аналогичную реакцію. Реакція полушарій выражается въ возбужденіи нѣкоторыхъ группъ нервныхъ путей токами, вызываемыми впечатлѣніями внѣшняго міра. Психологически этому физіологическому процессу соотвѣтствуетъ нѣкоторый своеобразный импульсъ мысли—именно мысли о наиболѣе вѣроятномъ объектѣ воспріятія. Далѣе къ анализѣ этого процесса мы едва-ли можемъ идти.

Галлюцинаціи. Мы видѣли, что между нормальнымъ воспріятіемъ и иллюзіей нѣтъ рѣзкаго различія, такъ какъ психофизіологическіе процессы, связанные съ тѣмъ и другимъ явленіемъ, тожественны. Послѣдніе виды иллюзій, описанные нами, почти могутъ быть названы галлюцинаціями. Разсмотримъ теперь этотъ видъ ложныхъ воспріятій. Обыкновенно различіе между галлюцинаціей и иллюзіей усматривается въ томъ, что иллюзія порождается нѣкоторымъ внѣшнимъ объектомъ, при галлюцинаціи же всякій объективный стимулъ отсутствуетъ. Мы сейчасъ увидимъ, что взглядъ, предполагающій полное отсутствіе объективныхъ стимуловъ при галлюцинаціи, ошибоченъ, и что галлюцинаціи нерѣдко бываютъ только крайнимъ проявленіемъ обыкновеннаго процесса воспріятія, въ которомъ вторичная мозговая реакція ненормально перевѣшиваетъ периферическій стимулъ, вызывающій дѣятельность мозговыхъ центровъ. Галлюцинаціи обыкновенно появляются внезапно и не зависятъ отъ нашего произвола. Онѣ обладаютъ весьма различными степенями объективной реальности. Но въ этомъ отношеніи я долженъ предостеречь читателя отъ слѣдующей весьма распространенной ошибочной точки зрѣнія. Обыкновенно въ галлюцинаціи видятъ образъ, ошибочно проектируемый человѣкомъ во-внѣ. Но полная галлюцинація есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ образъ, проектированный въ пространство. *Съ субъективной точки зрѣнія галлюцинація есть ощущеніе столь-же живое и столь же реальное, какъ и то ощущеніе, которое мы воспринимаемъ при наличности внѣ насъ реальнаго объекта воспріятія.* Вся разница заключается здѣсь лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ воспринимаемый объектъ есть налицо, а въ другомъ случаѣ его нѣтъ.

Digitized by Google

Болѣе слабыя степени галлюцинаціи обозначаются именемъ *псевдогаллюцинацій*. Опредѣленное различіе между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями было сдѣлано всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Псевдогаллюцинаціи отличаются отъ обычныхъ продуктовъ памяти и воображенія большею живостью, тонкостью, детальностью, устойчивостью, немотивированностью и самопроизвольностью, въ томъ смыслѣ, что, при всѣхъ усиліяхъ нашей психической активности, мы не въ состояніи вызвать псевдогаллюцинацію по собственному желанію. У д-ра Кандинскаго былъ паціентъ, который послѣ пріема опіума или гашиша имѣлъ обильныя псевдогаллюцинаціи и галлюцинаціи. Такъ какъ этотъ паціентъ обладалъ въ то-же время большою силой зрительнаго воспроизведенія и былъ образованнымъ врачемъ, то онъ легко могъ сравнивать всѣ три психологическихъ явленія. Псевдогаллюцинаціи, хотя и проектируются во-внѣ (обыкновенно не далѣе предѣльнаго яснаго зрѣнія, на разстояніи около фута отъ глазъ), *не имѣютъ того характера объективной реальности, которымъ обладаютъ галлюцинаціи*, но въ то-же время отличаются отъ образовъ зрительнаго воспроизведенія почти полнѣйшей невозможностью вызывать ихъ по произволу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ «голоса», слышимые нѣкоторыми лицами, суть псевдогаллюцинаціи, независимо отъ того, вводятъ ли они въ заблужденіе данное лицо или нѣтъ. Эти звуки описываются лицами, которыя ихъ слышатъ, какъ «внутренній голосъ», хотя этотъ голосъ отличается отъ такъ называемой «мысленной рѣчи» самого субъекта. Я знаю многихъ лицъ, которыя, спокойно и внимательно прислушиваясь ко «внутреннему голосу», слышатъ отъ него совершенно непредвидѣнныя ими замѣчанія. Эти душевныя состоянія представляютъ обычное явленіе при умопомѣшательствѣ и могутъ разростись до живой и вполнѣ объективированной галлюцинаціи; послѣдняя, какъ спорадическое явленіе, сравнительно довольно обыкновенна, а у нѣкоторыхъ индивидовъ она бываетъ часто. Собираніе статистическихъ свѣдѣній о галлюцинаціяхъ, предпринятое Эдмондомъ Гэрней (Gurney), привело къ слѣдующимъ результатамъ: примѣрно, на каждые десять человѣкъ одинъ хоть разъ въ жизни имѣлъ очень яркую галлюцинацію. Слѣдующій разсказъ здороваго лица можетъ дать понятіе о томъ, что̀ такое галлюцинація:

«Когда я была еще восемнадцатилѣтней дѣвушкой, однажды вечеромъ мнѣ случилось крупно поспорить съ лицомъ значительно старше меня. Въ порывѣ раздраженія я машинально взяла толстую костяную вязальную иглу, лежавшую на каминѣ, и изломала ее во время разговора на мелкіе кусочки. Въ разгарѣ спора мнѣ очень захотѣлось узнать о немъ мнѣніе моего брата, съ которымъ я была замѣчательно дружна. Я обернулась и увидѣла его сидя-

Digitized by Google

щимъ у противоположнаго по отношенію ко мнѣ конца стола съ руками, скрещенными на груди (что было мало свойственной ему позой), но къ великому моему смущенію я замѣтила на его губахъ саркастическую усмѣшку, которая свидѣтельствовала о его несочувствіи мнѣ, о томъ, что онъ, какъ я бы сказала тогда, «не за меня». Удивленіе охладило мой пылъ—и споръ прекратился».

«Черезъ нѣсколько минутъ, желая заговорить съ братомъ, я обернулась къ нему, но онъ отсутствовалъ. Я спросила присутствующихъ, когда онъ вышелъ изъ комнаты, но мнѣ сказали, что его вовсе въ ней не было; я этому не повѣрила, думая, что онъ вошелъ въ комнату на минуту и вышелъ изъ нея, не будучи никѣмъ, кромѣ меня, замѣченъ. Часа черезъ полтора онъ вернулся домой и не безъ труда убѣдилъ меня, что цѣлый вечеръ онъ былъ вдали отъ дома. Въ настоящее время онъ еще живъ и здоровъ».

Галлюцинаціи при горячечномъ бредѣ представляютъ смѣсь псевдо-галлюцинацій, настоящихъ галлюцинацій и иллюзій. Въ этомъ отношеніи онѣ сходны съ тѣми галлюцинаціями, которыя вызываются пріемомъ опія, гашиша или белладонны. Самая обыкновенная галлюцинація заключается въ томъ, что вы слышите, какъ васъ кто-то называетъ по имени. Почти половина спорадическихъ случаевъ, собранныхъ мною, относится къ этому типу.

Галлюцинація и иллюзія. Галлюцинаціи легко вызываются словеснымъ внушеніемъ у лицъ, подверженныхъ гипнозу. Покажите такому лицу пятно на листѣ бумаги и скажите, что это—«фотографическій портретъ генерала Гранта», и испытуемый субъектъ увидитъ на мѣстѣ пятна фотографическій портретъ. Пятно придаетъ объективный характеръ образу, а внушенное понятіе о генералѣ придаетъ ему опредѣленную форму. Попробуйте заставить испытуемое лицо разсматривать пятно черезъ увеличительное стекло; удвойте изображеніе пятна при помощи призмы или посредствомъ надавливанія на глазное яблоко, отразите его въ зеркалѣ, переверните его вверхъ ногами, наконецъ, сотрите его, и паціентъ скажетъ вамъ, что «фотографическій портретъ» увеличился въ размѣрахъ, удвоился, отразился въ зеркалѣ, былъ перевернутъ вверхъ ногами и, наконецъ, исчезъ. Согласно психологической терминологіи Бинэ, пятно на бумагѣ есть внѣшнее *point de repère*, которое необходимо для того, чтобы придать внушенному вамъ образу характеръ объективной реальности, и безъ котораго испытуемый субъектъ получитъ только мысленный образъ предмета. Бинэ показалъ, что подобные периферическіе *points de repère* играютъ роль въ огромномъ количествѣ не только гипнотическихъ галлюцинацій, но и галлюцинацій у душевнобольныхъ. Эти послѣднія бываютъ нерѣдко *односторонними*, то есть паціентъ слышитъ голоса только съ одной стороны или видитъ какую-нибудь фигуру,

Digitized by Google

только когда одинъ изъ его глазъ открытъ. Въ подобныхъ случаяхъ весьма часто удавалось вполнѣ точно доказать, что болѣзненный процессъ во внутреннемъ ухѣ или помутнѣніе преломляющихъ свѣтъ жидкостей въ глазу были начальнымъ стимуломъ для того нервнаго тока, который, проникнувъ въ пораженные болѣзнью слуховые или зрительные центры, вызвалъ специфическія психологическія явленія въ видѣ извѣстныхъ идей. *Галлюцинаціи, полученныя такимъ путемъ, суть иллюзіи, и теорія Бинэ, который утверждаетъ, что всякая галлюцинація имѣетъ первоначальнымъ стимуломъ периферическое раздраженіе, можетъ быть названа попыткою свести галлюцинаціи и иллюзіи къ одному общему типу*, именно къ тому, къ которому принадлежитъ нормальное воспріятіе. Согласно Бинэ, и въ воспріятіи, и въ галлюцинаціи, и въ иллюзіи мы получаемъ отличающееся большою живостью ощущеніе при посредствѣ тока, идущаго отъ периферическихъ нервовъ. Этотъ токъ можетъ быть крайне слабъ, но онъ все-таки можетъ оказаться достаточно сильнымъ, чтобы возбудить максимальный процессъ дезинтеграціи въ нервныхъ клѣткахъ (см. стр.) и придать воспринимаемому объекту характеръ вовнѣ существующей реальности. *Природа* воспринимаемаго объекта всецѣло обусловлена тѣмъ, какова будетъ система возбужденныхъ нервныхъ путей. Во всякомъ случаѣ извѣстная сторона объекта создается подъ вліяніемъ органа чувствъ, остальное конструируется возбужденіемъ центральныхъ частей. Но путемъ самонаблюденія мы не можемъ вскрыть, что именно въ воспринимаемомъ объектѣ периферическаго, и что центральнаго происхожденія, и характеризуемъ этотъ объектъ просто, какъ результатъ реакціи мозга на внѣшнее раздраженіе, не разлагая этотъ результатъ на составляющіе элементы.

Теорія Бинэ даетъ объясненіе для огромнаго количества случаевъ, но, конечно, не для всѣхъ. Призма не всегда удваиваетъ призрачный образъ, и послѣдній не всегда исчезаетъ при закрываніи глазъ. Съ точки зрѣнія Бинэ, ненормально, исключительно сильно возбужденная часть мозговой коры порождаетъ *природу* возникающаго передъ сознаніемъ объекта, а периферическій органъ чувствъ самъ по себѣ можетъ сообщить образу достаточно сильную *интенсивность*, благодаря которой образъ кажется проектированнымъ въ реальное пространство. Но, вѣдь, интенсивность есть только извѣстная *степень* напряженія ощущенія, почему же, спрашивается, въ исключительныхъ случаяхъ эта степень напряженія не можетъ быть вызвана причинами исключительно центральнаго происхожденія? Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы извѣстныя галлюцинаціи, вызываемыя центральнымъ возбужденіемъ наряду съ галлюцинаціями, получающимися при посредствѣ периферическаго возбужденія, которыя только и допускаются Бинэ со-

Digitized by Google

гласно его теоріи. *Но, вообще говоря, не лишено вероятія, что галлюцинаціи чисто центральнаго происхожденія дѣйствительно существуютъ.* Другой вопросъ, какъ часто онѣ встрѣчаются. Существованіе галлюцинацій, поражающихъ сразу нѣсколько органовъ чувствъ, уже служитъ доводомъ въ пользу нашего соображенія. Ибо, если мы допустимъ, что образъ человѣка, видимый нами въ галлюцинаціи, имѣетъ для себя *point de repère* во внѣшнемъ мірѣ, то голосъ этого человѣка, слышимый нами, долженъ имѣть своимъ источникомъ центральное возбужденіе.

Спорадическіе случаи галлюцинаціи, испытываемой разъ въ жизни (случаи, повидимому, весьма обыкновенные), трудно вполнѣ уяснить себѣ при помощи какой бы то ни было изъ существующихъ теорій. Нерѣдко эти галлюцинаціи бываютъ страшно сложны, и тотъ фактъ, что многія изъ нихъ *оправдались* въ опытѣ (то есть, что галлюцинаторныя явленія совпали съ реальными событіями, каковы несчастія, смерть etc., которыя постигали лицъ, видѣнныхъ въ галлюцинаціи), представляетъ еще добавочное осложненіе этого явленія. Первое строго научное изслѣдованіе явленій галлюцинаціи во всѣхъ возможныхъ ея видахъ, опирающееся на массу эмпирическихъ данныхъ, было начато Эдмондомъ Гэрней (Gurney) и продолжается другими членами Общества Психологическихъ Изысканій (Society for Psychical Research), и «статистическое собираніе матеріаловъ» производится теперь въ различныхъ странахъ подъ руководствомъ Международнаго Конгресса экспериментальной психологіи. Можно надѣяться, что общія дружныя усилія многихъ научныхъ изслѣдователей приведутъ къ прочнымъ рѣшительнымъ выводамъ. Въ настоящее время собираемые факты пытаются истолковать при помощи моторнаго автоматизма, транса etc., но болѣе поучительные результаты получатся лишь при широкомъ сравнительномъ изученіи этихъ явленій *).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Воспріятіе пространства.

Мы, взрослые люди, познаемъ, повидимому, мгновенно и вполнѣ опредѣленно величину и размѣры предметовъ, среди которыхъ мы живемъ и двигаемся, и разстоянія между ними; сверхъ того, мы

*) Авторъ настоящаго труда — членъ «статистическаго бюро» въ Америкѣ — будетъ очень благодаренъ читателю за всякое сообщеніе о зрительныхъ, звуковыхъ галлюцинаціяхъ etc., о какихъ ему случалось слышать.

Digitized by Google

имѣемъ довольно опредѣленное понятіе о цѣломъ, необъятномъ и непрерывномъ реальномъ пространствѣ, въ которомъ находится нашъ міръ и всѣ познаваемые нами предметы. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что міръ ребенка представляется ему въ этихъ отношеніяхъ очень неяснымъ. Какъ же выросло въ насъ опредѣленное представленіе о пространствѣ? Вотъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ психологіи. Настоящая глава по необходимости должна быть коротка, въ виду чего я не буду вдаваться въ полемику по этому вопросу и не представлю здѣсь историческаго обзора ученій о происхожденіи идеи пространства, ограничившись просто догматическимъ изложеніемъ тѣхъ выводовъ, которые мнѣ представляются наиболѣе правильными.

Протяженность есть свойство, которымъ обладаютъ наряду съ интенсивностью всѣ ощущенія безъ исключенія. Раскаты грома и шумъ бури мы называемъ болѣе объемистыми, чѣмъ скрипъ грифеля объ аспидную доску; погруженіе нашего тѣла въ теплую ванну даетъ болѣе массивное ощущеніе, чѣмъ уколъ булавкой. Слабая невралгическая боль въ лицѣ, легкая, какъ паутина, кажется менѣе массивной, чѣмъ мучительно-тяжкое ощущеніе ожога или сильная боль въ видѣ колики или lumbago на больномъ протяженіи тѣла; одинокая звѣзда кажется меньше полуденнаго неба. Мускульныя ощущенія и ощущенія, связанныя съ функціями полукружныхъ каналовъ (см. стр. 57-ю), имѣютъ объемъ; не лишены его вкусы и запахи, а органическія ощущенія обладаютъ имъ въ довольно значительной степени.

Чувства переполненія и пустоты, одышки, трепета, головной боли наряду съ общимъ сознаніемъ протяженности нашего тѣла при тошнотѣ, жарѣ, тяжеломъ чувствѣ сонливости и усталости служатъ образчиками массивныхъ ощущеній. Въ такихъ случаяхъ общій объемъ нашего тѣла начинаетъ сознаваться нами значительно яснѣе и сильнѣе, сравнительно съ мѣстными ощущеніями толчковъ, давленія и неудобства. Но во всякомъ случаѣ кожа и ретина суть органы, въ которыхъ пространственные элементы играютъ наиболѣе активную роль. Не только съ помощью ретины мы воспринимаемъ большіе объемы пространства, чѣмъ съ помощью другихъ органовъ чувствъ, но та чрезвычайная тонкость, съ которою наше вниманіе можетъ подраздѣлять весь объемъ зрительныхъ впечатлѣній и сознавать въ немъ другъ подлѣ друга сосуществующія части, не имѣетъ себѣ ничего подобнаго. Ухо обладаетъ способностью, воспринимать ощущенія большаго объема, сравнительно съ кожей, но зато отличается гораздо меньшей воспріимчивостью къ подраздѣленію этихъ объемовъ на части. Сверхъ того, *объемъ ощущеній для уха одинаковъ во всѣхъ направленіяхъ*. Измѣренія пространства въ слуховыхъ ощущеніяхъ сознаются такъ неясно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о противоположеніи

Digitized by Google

«поверхности» и «глубины»; всего лучше обозначить эти ощущенія неопредѣленно «объемными».

Ощущенія различныхъ порядковъ могутъ быть грубо сравниваемы между собою въ отношеніи ихъ «объемности». Слѣпорожденные прозрѣвъ удивляются величинѣ воспринимаемыхъ предметовъ, которые кажутся имъ, вопреки ожиданію, слишкомъ большими. Францъ разсказываетъ о своемъ паціентѣ, котораго онъ вылѣчилъ отъ катаракта: «Все казалось ему гораздо бо́льшимъ, сравнительно съ тѣми понятіями, которыя онъ составилъ о величинѣ предметовъ, руководствуясь однимъ чувствомъ осязанія». Движущіеся предметы, особенно одушевленныя существа, казались ему необыкновенно большими. Громкіе звуки вызываютъ въ насъ ощущеніе чего-то огромнаго. «Блестящія тѣла, говоритъ Герингъ, вызываютъ въ насъ воспріятіе предметовъ съ *большимъ объемомъ* (*raumhaft*), сравнительно съ тѣлами неблестящей окраски. Раскаленное до красна желѣзо и пламя кажутся насквозь прозрачными». Внутренность полости рта кажется большей при ощупываніи ея языкомъ, чѣмъ на глазъ. Дупло, образовавшееся во рту послѣ вырваннаго зуба, и движенія расшатаннаго зуба, кажутся неестественно-значительными. Попавшая въ ухо мошка, жужжа возлѣ барабанной перепонки, можетъ показаться величиною съ бабочку. Давленіе воздуха въ барабанной полости уха на перепонку вызываетъ удивительно сильное впечатлѣніе.

Объемность ощущенія, повидимому, имѣетъ очень мало отношеній къ размѣрамъ органа чувствъ, при посредствѣ котораго оно возникаетъ. Ухо и глазъ—сравнительно очень малые органы, а между тѣмъ они даютъ ощущенія съ наибольшимъ объемомъ. То-же несоотвѣтствіе между объемностью ощущеній и размѣрами частей органа наблюдается въ границахъ отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Предметъ кажется меньше на боковыхъ частяхъ ретины, чѣмъ на желтомъ пятнѣ; это легко можно провѣрить, держа параллельно указательные пальцы передъ глазомъ на разстояніи двухъ вершковъ и перенося взоръ съ одного на другой; тогда палецъ, видимый боковымъ зрѣніемъ, покажется болѣе тонкимъ. Если мы возьмемъ двѣ точки, напримѣръ, ножки циркуля или острые концы ножницъ и, сохраняя неизмѣннымъ разстояніе между ними, проведемъ ими по кожѣ двѣ параллельныхъ линіи, то въ нѣкоторыхъ частяхъ своего пути эти линіи будутъ казаться отстоящими далѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Если, напримѣръ, мы проведемъ ими по лицу кого-нибудь въ поперечномъ направленіи, то испытуемому субъекту будетъ казаться, что въ среднихъ частяхъ пути онѣ расходятся и описываютъ своимъ движеніемъ правильный незамкнутый эллипсисъ (рис. 65-й).

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ прежде всего слѣдующее: протяженіе, различаемое во всякомъ ощущеніи безъ исключенія, хотя

Digitized by Google

въ однихъ болѣе развитое, чѣмъ въ другихъ, есть первичное ощущеніе протяженности, изъ котораго все послѣдующее точное познаніе пространственныхъ отношеній слагается при помощи процессовъ ассоціаціи, различенія и подбора.

Построеніе реальнаго пространства. Хотя для новорожденнаго, впервые начинающаго познавать внѣшній міръ при помощи органовъ чувствъ, опытъ обладаетъ характеромъ протяженности, однако все-же пространственныя отношенія познаются имъ безъ отчетливаго различенія отдѣльныхъ частей, направленій, размѣровъ и разстояній. Потенціально комната, въ которой находится новорожденный, можетъ быть подраздѣлена имъ на множество частей, неподвижныхъ и двигающихся, и въ каждый данный моментъ эти части находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ ко другу и къ самому ребенку. Потенціально комната эта можетъ помѣщаться ребенкомъ въ пространствѣ большаго объема, путемъ присоединенія къ ея объему частей пространства, составляющихъ остальной внѣшній міръ. Но на самомъ дѣлѣ части пространства, выходящія за предѣлы комнаты, и пространственныя подраздѣленія внутри комнаты не сознаются ребенкомъ, и главный элементъ въ его воспитаніи въ теченіе перваго года состоитъ въ подробномъ ознакомленіи съ пространственными отношеніями, въ распознаваніи въ нихъ различій и отожествленіи сходнаго. Этотъ процессъ можетъ быть названъ *построеніемъ реальнаго пространства*, какъ вновь воспринимаемаго объекта, слагающагося изъ первичныхъ хаотическихъ впечатлѣній объемности. Это построеніе (конструированье) заключаетъ въ себѣ рядъ подчиненныхъ другъ другу процессовъ:

1) Цѣльный объектъ зрѣнія и осязанія *долженъ быть расчлененъ на меньшіе объекты, различаемые въ немъ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ.*

2) *Видимые или пробуемые на вкусъ объекты должны отожествиться съ объектами осязаемыми, слышимыми etc., и наоборотъ*, такъ что та-же «вещь» должна познаваться ребенкомъ, какъ таковая, хотя онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ будетъ познавать ее весьма различными путями.

3) Непосредственно познаваемый въ данную минуту объемъ пространства *долженъ стать въ глазахъ ребенка опредѣленно локализированной частью внутри окружающихъ объемовъ пространства, въ которые заключенъ нашъ міръ.*

4) Всѣ объекты *должны для ребенка расположиться въ извѣстномъ порядкѣ по отношенію другъ ко-другу* по тремъ такъ называемымъ измѣреніямъ и

5) Ребенокъ долженъ научиться различать относительные размѣры предметовъ, другими словами, *измѣрять ихъ.*

Разсмотримъ эти процессы по порядку одинъ за другимъ:

1) Подраздѣленіе или различеніе. Въ этомъ отношеніи мнѣ остается

Digitized by Google

немногое прибавить къ тому, что было сказано въ главѣ XIV-й. Движущіяся, острыя, ярко освѣщенныя части всего поля нашего воспріятія «привлекаютъ вниманіе» и тогда различаются, какъ особые объекты, окруженные остальною частью зрительнаго или осязательнаго поля. То обстоятельство, что эти объекты, разъ будучи выдѣлены изъ окружающей сферы впечатлѣній, сохраняютъ эту обособленность отъ окружающаго, останется всегда первичнымъ фактомъ нашей чувственной воспріимчивости, не поддающимся никакому дальнѣйшему объясненію. Впослѣдствіи, послѣ того, какъ отдѣльные предметы одинъ за другимъ выдѣлились изъ общаго хаоса впечатлѣній и сдѣлались привычными, вниманіе ребенка можетъ направляться на нѣсколько предметовъ заразъ. Онъ можетъ тогда видѣть и осязать заразъ нѣсколько предметовъ, находящихся одинъ подлѣ другого среди поля воспріятія. Это сознаваніе «сосуществованія предметовъ другъ подлѣ друга» сначала очень неясно, оно можетъ не заключать въ себѣ различенія опредѣленныхъ направленій и разстояній—и его также слѣдуетъ принять за нѣчто первично-данное въ нашей чувственной воспріимчивости.

2) **Объединеніе различныхъ видовъ ощущеній въ одну «вещь».** Когда два ощущенія сознаются нами одновременно, то мы стремимся объединить вызывающія ихъ причины въ понятіе *одной и той же вещи*. Когда индукторъ электрической машины близко поднесенъ къ нашей кожѣ, то искра, которую мы видимъ, трескъ, который мы слышимъ, и уколъ, который осязаемъ, локализируются въ томъ же мѣстѣ и разсматриваются, какъ различныя стороны въ одномъ и томъ же явленіи—электрическомъ разрядѣ. Пространства, занимаемыя видимымъ, слышимымъ и осязаемымъ объектами, сливаются въ нашемъ представленіи въ одно пространство въ силу основного закона нашего сознанія, закона, согласно которому мы упрощаемъ, объединяемъ и отожествляемъ воспринимаемыя впечатлѣнія сколь возможно болѣе. *Всякое чувственное впечатлѣніе, воспринимаемое вмѣстѣ съ другимъ, локализируется нами въ томъ же мѣстѣ. Мѣста, занимаемыя первымъ и вторымъ, сливаются для насъ въ одно мѣсто, занимаемое обоими. Мѣсто, въ которомъ возникаетъ одно, впослѣдствіи кажется въ то-же время и мѣстомъ нахожденія другого.* Таковъ первый чрезвычайно важный *актъ*, при помощи котораго познаваемыя нами міровыя явленія распредѣляются въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ.

При этомъ сліяніи разнородныхъ ощущеній въ одинъ образъ «вещи», одно изъ объединяемыхъ ощущеній *принимается* нами за «вещь», остальныя же разсматриваются нами, какъ болѣе или менѣе случайныя *свойства* или *способы проявленія*. Обыкновенно за коренное свойство «вещи» принимается то ощущеніе, которое отличается наибольшею устойчивостью и имѣетъ наибольшее практи-

Digitized by Google

ческое значеніе, сравнительно съ остальными: такимъ бываетъ, по большей части, ощущеніе твердости или тяжести. Но тяжесть и твердость всегда бываютъ связаны съ осязаніемъ нѣкотораго объема; мы, всегда имѣя возможность видѣть осязаемое нашей рукою, сравниваемъ величины осязаемаго и видимаго объемовъ, послѣ чего общее образовавшееся въ нашемъ умѣ представленіе объ объемѣ данной вещи можетъ также стать признакомъ, характеризующимъ ея сущность. Нерѣдко такую роль играетъ размѣръ вещи, ея температура, вкусъ, etc., но, по большей части, температура, запахъ, звукъ, цвѣтъ и любое другое впечатлѣніе, сознаваемое нами въ связи съ извѣстнымъ видимымъ или осязаемымъ объемомъ, считается нами въ числѣ аттрибутовъ данной вещи. Правда, мы испытываемъ вкусовыя и обонятельныя ощущенія, не видя и не осязая никакого предмета, но они проявляются съ особенной силой, когда связаны со зрительными и осязательными впечатлѣніями, въ виду этого мы приписываемъ *источникъ* этихъ свойствъ соотвѣтствующимъ пространственнымъ воспріятіямъ, а самыя свойства разсматриваемъ, какъ-бы нѣчто разсѣянное въ болѣе утонченномъ видѣ въ пространствѣ, занимаемомъ отдѣльными предметами. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ наблюдается тотъ фактъ, *что чувственныя впечатлѣнія, мѣста которыхъ въ пространствѣ сливаются въ представленіе одного общаго мѣста, доставляются различными органами чувствъ.* Такія чувственныя данныя не стремятся вытѣснить одна другую изъ сферы сознанія, но могутъ сознаваться всѣ заразъ. Нерѣдко онѣ измѣняются въ интенсивности, достигая сообща извѣстнаго максимума. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ признать общимъ закономъ нашего сознанія тотъ фактъ, что мы *локализируемъ одно въ другомъ* тѣ *сосуществующія* въ опытѣ впечатлѣнія, воспріятія которыхъ не препятствуютъ взаимно другъ другу.

3) Сознаваніе окружающаго міра. *Различныя впечатлѣнія, воспринимаемыя тѣмъ же органомъ чувствъ*, взаимно препятствуютъ образованію соотвѣтствующихъ воспріятій и не могутъ быть отчетливо сознаны заразъ. Вслѣдствіе этого, *мы не локализируемъ ихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но располагаемъ въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ одно подлѣ другого, въ объемѣ большемъ, сравнительно съ объемомъ, занимаемымъ каждымъ ощущеніемъ въ отдѣльности.* Мы обыкновенно улавливаемъ предметъ, потерянный изъ вида, поворачивая глаза въ томъ направленіи, гдѣ думаемъ его найти, и съ помощью этого-то постояннаго передвиженія глазъ мы пріучаемся разсматривать каждое поле зрѣнія, какъ нѣчто связанное съ возможнымъ воспріятіемъ другихъ доступныхъ зрѣнію объектовъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Въ то-же время движенія глазъ, въ связи съ которыми соотвѣтственно измѣняется поле зрѣнія, также сознаются и запоминаются; и постепенно такимъ путемъ (въ силу образованія ассоціацій) то или другое движеніе глазъ начинаетъ вызывать въ нашемъ сознаніи то или другое

Digitized by Google

представленіе о новой группѣ предметовъ, вводимыхъ нами въ поле зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнія впечатлѣнія представляютъ неопредѣленное множество разнородныхъ качествъ. Отвлекаясь отъ ихъ разнообразія, мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на частяхъ пространства, занимаемыхъ ими, и разнородныя движенія становятся для насъ единственными показателями этихъ частей пространства, вступая съ ними въ тѣсныя ассоціаціи. Такимъ образомъ, мы все болѣе и болѣе начинаемъ разсматривать движеніе и видимое протяженіе, какъ два явленія, взаимно обусловливающихъ другъ друга, пока, наконецъ, не станемъ ихъ считать просто синонимами; тогда пустое пространство начинаетъ для насъ означать просто *сферу для движенія*; психологъ, отправляясь отъ этого факта, можетъ легко дойти до ошибочнаго утвержденія, будто «мускульное чувство» играетъ самую главную роль въ образованіи идеи пространства.

4) **Порядокъ въ пространственномъ расположеніи предметовъ.** Мускульное чувство играетъ весьма значительную роль при установленіи порядка въ расположеніи видимыхъ, слышимыхъ и осязаемыхъ объектовъ. Я гляжу на точку, въ это время изображеніе другой точки, появившееся на боковой части ретины, привлекаетъ мое вниманіе, я немедленно направляю на это изображеніе желтое пятно и заставляю изображеніе падать послѣдовательно на всѣ промежуточныя точки ретины, описывая на ней линію. Линія, образованная быстрымъ движеніемъ второй точки, представляетъ сама по себѣ зрительный образъ линіи, имѣющей конечными пунктами вторую и первую точки. Она отдѣляетъ эти точки одну отъ другой, онѣ оказываются обѣ *расположенными по ея длинѣ*, такимъ образомъ, между ними устанавливается извѣстное разстояніе. Если третья точка, находящаяся еще ближе къ периферіи, привлечетъ наше вниманіе, то глазъ придетъ въ еще большее движеніе, и въ результатѣ на ретинѣ получится продолженіе линіи, вторая точка теперь очутится *между* первой и третьей. Въ каждое мгновенье нашей жизни предметы, лежащіе на периферіи нашего поля зрѣнія, описываютъ на ретинѣ линіи между своими изображеніями и изображеніями другихъ предметовъ, отъ которыхъ они отвлекаютъ наше вниманіе, вытѣсняя ихъ изъ центра поля зрѣнія. Такимъ путемъ, каждый пунктъ на периферіи ретины *напоминаетъ* о линіи, на концѣ которой онъ лежитъ, и которая можетъ быть проведена движеніемъ глаза; даже неподвижное поле зрѣнія въ концѣ-концовъ начинаетъ означать систему пространственныхъ отношеній, установленныхъ непрестанною возможностью производить движеніе глаза, проводя линіи между центральными и периферическими частями ретины.

Тотъ же процессъ происходитъ на нашей кожѣ и на суставныхъ поверхностяхъ. Двигая рукою по предметамъ, мы проводимъ линіи, соотвѣтствующія направленію нашего движенія, и на кон-

Digitized by Google

цахъ этихъ линій возникаютъ новыя осязательныя впечатлѣнія. Эти линіи проводятся и на кожѣ, и на суставныхъ поверхностяхъ; въ обоихъ случаяхъ проведеніе ихъ порождаетъ въ насъ сознаніе опредѣленнаго порядка или расположенія въ тѣхъ предметахъ, между которыми онѣ проводятся. То-же слѣдуетъ распространить и на слуховыя, и на обонятельныя ощущенія. При извѣстномъ положеніи нашей головы извѣстные звуки или запахи сознаются наиболѣе явственнымъ образомъ. Иной поворотъ головы дѣлаетъ уже данный звукъ или запахъ слабѣе, но доводитъ до maximum'а другой звукъ или запахъ. Такимъ образомъ, два звука или запаха находятся преимущественно въ крайнихъ точкахъ линіи движенія, причемъ самое движеніе представляетъ здѣсь такое перемѣщеніе головы въ пространствѣ, характеръ котораго обусловленъ ощущеніями, связанными частію съ функціями полукружныхъ каналовъ, частію съ движеніями шейныхъ позвонковъ и частію съ впечатлѣніями, получаемыми ретиной.

При помощи такихъ актовъ, всякій объектъ зрѣнія, осязанія, обонянія или слуха, локализируется болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ по отношенію къ реальнымъ, находящимся по бокамъ предметамъ, или къ объектамъ только возможнаго опыта. Я говорю «къ находящимся по бокамъ», не желая еще пока осложнять дѣла спеціальными соображеніями о такъ называемомъ третьемъ измѣреніи, разстояніи или глубинѣ.

5) **Взаимная соизмѣримость объектовъ.** Съ перваго же взгляда легко видѣть, что мы не имѣемъ возможности непосредственно сравнивать точнымъ образомъ пространственныя отношенія, связанныя съ различными ощущеніями. Полость рта при ощупываніи ея языкомъ всегда будетъ казаться больше, чѣмъ при осязаніи пальцемъ или при разсматриваніи глазами. Наши губы всегда при осязаніи кажутся больше, чѣмъ равный имъ по величинѣ участокъ кожи на бедрѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ сравненіе производится нами непосредственно, но зато оно не даетъ точныхъ результатовъ; для достиженія послѣднихъ нужно прибѣгнуть къ иному пріему.

Главными пріемами при сравненіи пространственныхъ отношеній, опредѣляемыхъ съ помощью двухъ чувствительныхъ поверхностей, служатъ наложеніе одной поверхности на другую и наложеніе одного внѣшняго предмета на многія чувствительныя поверхности. Двѣ кожныхъ поверхности, наложенныхъ одна на другую, ощущаются, какъ одно цѣлое, и согласно психологическому закону, установленному на стр. 274-й, считаются занимающими то-же мѣсто въ пространствѣ. Такое же цѣльное и единичное по занимаемому мѣсту впечатлѣніе даетъ намъ видимая и осязаемая нами рука.

При этомъ отожествленіи разнородныхъ ощущеній и сведеніи нѣсколькихъ къ одному общему впечатлѣнію, необходимо имѣть

Digitized by Google

въ виду, что *изъ двухъ постоянныхъ ощущеній, по которымъ мы опредѣляемъ размѣры двухъ соприкасающихся поверхностей, одно принимается за истинное показаніе, а другое—за иллюзію въ томъ случаѣ, когда показанія того и другого ощущенія оказываются противорѣчащими другъ другу.* Такъ, напримѣръ, ямка, образовавшаяся на мѣстѣ вырваннаго зуба, по размѣрамъ своимъ не даетъ возможности просунуть въ нее конецъ пальца, а при ощупываніи языкомъ она кажется такой большой, что конецъ пальца, повидимому, легко можетъ помѣститься въ ней; да и вообще можно сказать, что рука, будучи почти исключительно органомъ осязанія, при соприкосновеніи съ другими частями кожи, имѣетъ рѣшающее значеніе для опредѣленія размѣровъ соприкасающихся поверхностей, т. е., размѣры опредѣляются согласно ощущеніямъ, испытываемымъ поверхностью руки, а не другою соприкасающейся съ нею кожной поверхностью.

Но даже въ томъ случаѣ, когда ощупываніе одной поверхности другою, оказалось бы невозможнымъ, *мы всегда могли бы измѣрять чувствительныя поверхности, налагая тотъ же протяженный объектъ сначала на одну поверхность, потомъ на другую.* Мы могли бы сначала, конечно, подумать, что предметъ, съ помощью котораго мы будемъ измѣрять поверхности, во время перенесенія его изъ одного мѣста въ другое увеличился или уменьшился въ размѣрахъ; но стремленіе къ упрощеніямъ въ истолкованіи міровыхъ явленій вскорѣ вывело бы насъ изъ затрудненія, заставивъ насъ предположить, что, вообще говоря, предметы при перемѣщеніи не измѣняютъ своихъ размѣровъ; что огромное большинство и другихъ ощущеній не даютъ точныхъ показаній, и что съ этимъ обманомъ чувствъ надо постоянно считаться.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что размѣры двухъ пространственныхъ впечатлѣній (напримѣръ, линій или пятенъ), дающихъ изображенія на двухъ различныхъ частяхъ ретины, сознаются первоначально, какъ пространственныя величины, находящіяся между собою въ какомъ-нибудь опредѣленномъ количественномъ отношеніи. Но еслибы впечатлѣнія исходили отъ того же самаго объекта, то мы могли бы считать размѣры соотвѣтствующихъ имъ изображеній совершенно одинаковыми. Впрочемъ, послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда взаимныя отношенія въ положеніи глаза и предмета, остались, вообще говоря, неизмѣнными. Когда же предметъ передвигаясь мѣняетъ свои положенія по отношенію къ глазу, то ощущеніе, вызываемое его изображеніемъ даже на той же части ретины, становится столь измѣнчивымъ, что мы перестаемъ придавать какое-либо постоянное значеніе возникающему при этомъ въ каждый моментъ новому пространственному впечатлѣнію на ретинѣ. Это игнорированіе величины ретинальнаго изображенія стало въ насъ столь велико, что для насъ почти невозможно сравнивать

Digitized by Google

при помощи зрѣнія размѣры предметовъ, находящихся на различныхъ разстояніяхъ, не прибѣгая къ пріему наложенія. Мы не можемъ сказать заранѣе, какую часть далеко отстоящаго дома или дерева закроетъ нашъ палецъ, будучи поставленъ передъ глазомъ. Различіе отвѣтовъ на извѣстный вопросъ, какъ велика луна (согласно наивной точкѣ зрѣнія, она величиной съ каретное колесо или, по мнѣнію другихъ, съ почтовую облатку), подтверждаетъ этотъ фактъ самымъ разительнымъ образомъ. Для начинающаго чертежника самую трудную сторону его обученія составляетъ развитіе въ себѣ способности непосредственно оцѣнивать получаемую на ретинѣ величину изображеній, доставляемыхъ глазу различными объектами въ полѣ зрѣнія. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ долженъ возстановить въ себѣ то, что Рэскинъ (Ruskin) называетъ «невинностью глаза» (innocence of the eye), то есть, нѣчто вродѣ дѣтской способности воспринимать непосредственно цвѣтовыя пятна, какъ таковыя, не сознавая, что́ именно они означаютъ.

У обыкновеннаго человѣка эта «невинность» утрачена. *Изъ всѣхъ возможныхъ зрительныхъ размѣровъ каждаго извѣстнаго намъ предмета мы избрали одинъ, который принимаемъ за истинный, всѣ же остальные разсматриваемъ, лишь какъ указанія на этотъ истинный размѣръ.* Эта реальная, истинная величина предмета опредѣляется нашими эстетическими и практическими интересами. Мы считаемъ истинною ту величину, какую данный предметъ имѣетъ на разстояніи, съ котораго всего удобнѣе разсматривать его и различать въ немъ детали. Это — разстояніе, на которомъ мы держимъ все, что́ хотимъ хорошенько разсмотрѣть. На болѣе далекомъ разстояніи предметъ оказывается слишкомъ малымъ для детальнаго разсмотрѣнія, на болѣе близкомъ—слишкомъ великимъ. Оба зрительныхъ впечатлѣнія, слишкомъ большое и слишкомъ малое, игнорируются нами, вызывая въ насъ представленіе соотвѣтствующаго имъ наиболѣе важнаго по *значенію* образа. Смотря вдоль обѣденнаго стола, я игнорирую тотъ фактъ, что тарелки и стаканы на противоположномъ концѣ стола кажутся значительно меньшими находящихся подлѣ меня, потому что я *знаю*, что всѣ они одинаковы по величинѣ; и непосредственное ощущеніе, воспринимаемое отъ нихъ, стушевывается, теряетъ свое значеніе передъ тѣмъ знаніемъ, которымъ я обладаю лишь въ воображаемой формѣ. *То, что касается величины, распространяется въ данномъ случаѣ и на форму предметовъ.* Почти всѣ видимыя формы предметовъ представляютъ то, что мы называемъ перспективнымъ искаженіемъ. Прямоугольныя крышки столовъ обыкновенно представляются намъ имѣющими два тупыхъ и два острыхъ угла; круги, нарисованные на коврахъ, обояхъ и листахъ бумаги, обыкновенно кажутся эллипсисами, параллельныя линіи кажутся сходящимися, человѣческія тѣла—укороченными, и переходы отъ одной изъ этихъ

Digitized by Google

измѣнчивыхъ формъ къ другой безконечны и непрерывны. Но среди нихъ одной формѣ мы отдаемъ предпочтеніе, какъ выдающейся изъ всѣхъ остальныхъ—это та форма, которую имѣетъ данный предметъ въ положеніи, наиболѣе выгоднымъ для детальнаго разсмотрѣнія, т. е., когда наши глаза и предметъ находятся по отношенію другъ ко другу въ такъ называемомъ «*нормальномъ положеніи*». Въ этомъ положеніи голова наша держится прямо, а зрительныя оси параллельны одна другой или симметрично конвергируютъ; плоскость предмета перпендикулярна плоскости зрѣнія; если на плоскости предмета находится много параллельныхъ линій, то она расположена такъ, чтобы эти линіи были по возможности или параллельны, или перпендикулярны плоскости зрѣнія. Въ этомъ положеніи мы сравниваемъ между собою всѣ формы предметовъ, производимъ надъ ними точныя измѣренія, имѣющія для насъ рѣшающее, окончательное значеніе.

Огромное большинство ощущеній служитъ лишь указаніемъ на наличность другихъ ощущеній, которыя считаются связанными съ болѣе реальными пространственными отношеніями. *Какое бы зрительное впечатлѣніе мы ни получили отъ предмета, мы всегда думаемъ о немъ такъ, какъ будто онъ находился передъ нашими глазами въ нормальномъ положеніи.* Только представляя предметъ какъ-бы въ нормальномъ положеніи, мы вѣримъ, что видимъ предметъ такимъ, какимъ онъ *есть*, въ противномъ случаѣ мы говоримъ, что намъ онъ только *кажется* такимъ. Впрочемъ, опытъ и привычка вскорѣ научаютъ насъ, что кажущаяся видимость рядомъ непрерывныхъ градацій переходитъ въ дѣйствительность. Кромѣ того, они убѣждаютъ насъ въ томъ, что кажущееся и дѣйствительное могутъ смѣнять другъ друга самымъ причудливымъ образомъ. То настоящій кругъ можетъ въ извѣстномъ положеніи превратиться въ мнимый эллипсисъ, то настоящій эллипсисъ такимъ же путемъ превратиться въ мнимый кругъ; то прямоугольный крестъ принимаетъ видъ косоугольнаго, то косоугольный—видъ прямоугольнаго.

Почти всякая форма при непрямомъ зрѣніи можетъ такимъ образомъ разсматриваться, какъ производная отъ соотвѣтствующей формы при зрѣніи въ нормальномъ положеніи; и мы должны научиться подыскивать для всякой формы перваго класса подходящую форму второго класса: мы должны опредѣлить, какой оптической реальности соотвѣтствуетъ данный оптическій знакъ. Научаясь этому, мы только выполняемъ законъ экономіи или упрощенія, законъ, который господствуетъ надъ всею нашей психической жизнью, когда мы думаемъ исключительно объ одной «реальности» и стараемся по возможности игнорировать имѣющійся въ нашемъ сознаніи «знакъ», по которому мы узнаемъ ее. Въ виду того, что «знаки» для каждой вѣроятно-реальной вещи многочисленны, а вещь одна и устойчива, мы, игнорируя первые и со-

Digitized by Google

средоточивая вниманіе на второй, пріобрѣтаемъ ту-же выгоду, какая получается для нашихъ психическихъ актовъ, когда мы игнорируемъ текучіе, измѣнчивые образы, замѣняя ихъ связанными съ ними точными и неизмѣнными *названіями*. Выборъ многочисленныхъ «нормальныхъ видимостей» изъ хаоса нашихъ зрительныхъ впечатлѣній для того, чтобы онѣ служили намъ при нашемъ мышленіи прообразами реальныхъ вещей, представляетъ нѣкоторую аналогію съ привычкою думать словами; аналогія эта заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ мы замѣщаемъ въ мышленіи многочисленные и измѣнчивые термины немногочисленными и неизмѣнными.

Если зрительное ощущеніе можетъ, такимъ образомъ, быть знакомъ, напоминающимъ о другомъ ощущеніи того-же органа чувствъ, то еще съ большимъ правомъ ощущенія, принадлежащія одному органу чувствъ, могутъ быть показателями ощущеній другого. По запаху или вкусу мы увѣрены, что возлѣ насъ находится стклянка одеколону, блюдо земляники или кусокъ сыру, которые *могутъ быть видимы*. Объекты зрѣнія внушаютъ мысль о наличности объектовъ осязанія и наоборотъ etc. При всѣхъ этихъ напоминаніяхъ одного ощущенія о другомъ и замѣнахъ одного ощущенія другимъ только одинъ законъ неизмѣнно сохраняетъ значеніе, законъ, заключающійся въ томъ, что мы обыкновенно принимаемъ наиболѣе *интересное* для насъ ощущеніе въ данной «вещи» за наиболѣе истинное выраженіе ея природы. Здѣсь мы снова встрѣчаемъ одинъ изъ случаевъ избирательной психической активности, о которой намъ приходилось говорить на стр. 129-й.

Третье измѣреніе или разстояніе. Эта роль ощущеній, какъ простыхъ «знаковъ», которые игнорируются нами, когда вызываютъ въ нашемъ сознаніи мысль о наличности «означаемыхъ» ими ощущеній, была впервые подмѣчена Беркли въ его «Опытѣ новой Теоріи Зрѣнія». (1700 г.). Онъ особенно настаивалъ на томъ фактѣ, что «знаки» эти не были *естественными* знаками, но *свойствами* объекта, которыя просто *ассоціировались путемъ опыта* съ другими болѣе постоянными внѣшними свойствами объекта, о которыхъ они намъ напоминаютъ. Осязательное ощущеніе и зрительное впечатлѣніе, получаемыя отъ даннаго объекта, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго между собою, и если я думаю о первомъ, воспринимая второе, или о второмъ, воспринимая первое, то это зависитъ только отъ того факта, что мнѣ случалось раньше очень часто испытывать оба ощущенія одновременно. Напримѣръ, когда мы открываемъ глаза, мы видимъ, какъ далеко находится предметъ. Но это чувство разстоянія, согласно Беркли, никоимъ образомъ не можетъ быть ретинальнымъ ощущеніемъ, ибо точка въ пространствѣ запечатлѣвается на ретинѣ только въ видѣ пятна, которое проектируется «на днѣ глаза», и это пятно

Digitized by Google

одинаково для *всѣхъ* разстояній. Разстояніе отъ глаза, съ точки зрѣнія Беркли, вовсе не зрительное, а осязательное ощущеніе, съ которымъ у насъ связаны различнаго рода зрительные знаки, напримѣръ, кажущаяся величина образа, его «блѣдность» или «неясность», и степень аккоммодаціи и конвергенціи. Называя разстояніе осязательнымъ ощущеніемъ, Беркли хочетъ сказать, что наше понятіе о разстояніи заключается въ представленіи степени мускульнаго напряженія въ рукахъ или ногахъ, необходимаго для того, чтобы мы могли прикоснуться рукою къ данному предмету. Многіе психологи соглашались съ Беркли въ томъ, что существа, неспособныя приводить въ движеніе глаза и конечности, не имѣли бы никакого понятія о разстояніи или третьемъ измѣреніи.

Такой взглядъ мнѣ кажется неосновательнымъ. Ему безусловно противорѣчитъ тотъ неотразимый фактъ, что всѣ наши ощущенія обладаютъ извѣстной *объемностью*, и что первоначальное поле зрѣнія (какъ-бы несовершенно мы ни опредѣляли въ немъ разстоянія между предметами) не можетъ представлять нѣчто *плоское*, какъ единодушно утверждаютъ сторонники берклеевской точки зрѣнія. Взгляду Беркли противорѣчитъ также другой неотразимый фактъ: воспріятіе разстоянія представляетъ собою настоящее *зрительное ощущеніе*, хотя бы я и не былъ въ состояніи указать какой-либо физіологическій процессъ въ органѣ зрѣнія, различныя степени котораго извѣстнымъ закономѣрнымъ путемъ соотвѣтствовали бы измѣненіямъ въ чувствѣ разстоянія. Послѣднее вызывается въ насъ всѣми зрительными «знаками», о которыхъ говорилъ Беркли, и сверхъ того нѣкоторыми другими, каковы, напримѣръ, бинокулярное несовпаденіе Уитстона и параллаксъ, образующійся при легкомъ движеніи головы. Явленія эти, возникая въ насъ, кажутся зрительными ощущеніями, а не чѣмъ-то специфически отличающимся отъ двухъ другихъ измѣреній зрительнаго поля.

Взаимная равнозначность третьяго измѣренія съ первымъ и вторымъ (верхъ и низъ, правая и лѣвая сторона) въ нашемъ зрительномъ полѣ легко можетъ быть установлена безъ помощи чувства осязанія. Существо, состоящее изъ одного глазного яблока и въ то-же время одаренное нашими умственными способностями, созерцало бы такой же точно трехмѣрный міръ, какъ и мы. Ибо *тѣ-же* видимые такимъ существомъ *предметы*, покрывая при своемъ передвиженіи то однѣ, то другія части ретины, установили бы взаимную равнозначность первыхъ двухъ измѣреній въ зрительномъ полѣ, а, вызывая физіологическіе процессы, обусловливающіе различныя степени чувства глубины, они установили бы скàлу соотвѣтствующей равнозначности первыхъ двухъ измѣреній съ третьимъ.

Прежде всего, согласно выше установленнымъ принципамъ, одно изъ зрительныхъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ предмета,

Digitized by Google

принимается за «истинное» изображеніе размѣровъ и величины. Это ощущеніе является знакомъ, что данная «вещь» на-лицо, а эта «вещь» уже явится мѣриломъ для всѣхъ остальныхъ впечатлѣній, и зрительныя ощущенія на периферическихъ частяхъ ретины сравняются по своему объективному значенію съ ощущеніями, получаемыми отъ того же предмета на центральныхъ частяхъ. Этотъ фактъ не требуетъ никакихъ разъясненій въ томъ случаѣ, когда разстояніе предмета отъ глазъ не измѣняется, и передняя часть его остается въ томъ же положеніи. Но можетъ представиться и болѣе сложный случай; напримѣръ, предположимъ, что объектомъ зрѣнія служитъ палка, видимая нами сначала во всю ея длину, а затѣмъ приведенная во вращеніе (перпендикулярно плоскости поля зрѣнія) около одного изъ своихъ концовъ, и что этотъ неподвижный конецъ—ближайшій къ нашему глазу. Тогда при движеніи палки ея изображеніе станетъ постепенно все болѣе и болѣе укорачиваться, ея дальнѣйшій конецъ будетъ казаться все менѣе и менѣе отдаленнымъ отъ ближайшаго неподвижнаго конца и, наконецъ, появившись съ противоположной стороны, снова начнетъ отдаляться, пока изображеніе палки не возвратится къ первоначальному размѣру. Предположимъ, что такое движеніе палки стало для насъ привычнымъ опытомъ; въ такомъ случаѣ нашъ умъ будетъ предрасположенъ реагировать на него согласно съ обычнымъ своимъ принципомъ (который заключается въ наивозможно большемъ сведеніи всѣхъ данныхъ опыта къ общему единству), и будетъ усматривать въ данномъ явленіи скорѣе движеніе неизмѣняющагося тѣла, чѣмъ измѣненіе формы, происходящее въ неустойчивой массѣ. Здѣсь *чувство глубины* вызывается въ насъ въ продолженіе опыта скорѣе болѣе далекимъ, чѣмъ болѣе близкимъ концомъ. Но какъ опредѣляется степень этой глубины? что служитъ ея мѣриломъ? Почему въ то мгновенье, когда дальнѣйшій конецъ почти исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, мы приравниваемъ разность между его разстояніемъ отъ глазъ и разстояніемъ отъ глазъ ближайшаго конца длинѣ почти цѣлой палки? Дѣло въ томъ, что эту длину мы уже видѣли и измѣрили съ помощью извѣстнаго зрительнаго ощущенія ширины. *Отсюда мы видимъ, что каждой данной степени чувства глубины соотвѣтствуетъ опредѣленное по степени ощущеніе ширины, и что, слѣдовательно, измѣренія глубины становятся равнозначными съ измѣреніями ширины. Беркли былъ правъ, утверждая, что способность измѣрять разстоянія представляетъ результатъ наведенія и опыта, но онъ ошибся, полагая, что эта способность не можетъ быть развита путемъ одного только зрительнаго опыта.*

Роль ума при воспріятіи пространственныхъ отношеній. Хотя Беркли былъ неправъ, утверждая, будто изъ однихъ зрительныхъ впечатлѣній не можетъ развиться воспріятіе разстояній, тѣмъ не менѣе

Digitized by Google

онъ оказалъ большое вліяніе на психологію, показавъ, какъ безсвязны и несоизмѣримы между собою въ отношеніи протяженности различныя первоначальныя наши ощущенія, и заставивъ насъ видѣть въ столь быстрыхъ, почти непосредственныхъ пространственныхъ воспріятіяхъ почти всецѣло результатъ воспитанія. Осязательное пространство—одинъ міръ, зрительное—другой. Эти два міра въ сущности не имѣютъ между собой никакихъ общихъ точекъ соприкосновенія, и только въ силу «ассоціаціи идей» мы знаемъ, что данный объектъ зрѣнія обладаетъ въ качествѣ объекта осязанія такими-то и такими-то свойствами. Лица, которыя отъ рожденія страдали катарактомъ и потому замѣняли отсутствіе зрѣнія осязаніемъ, прозрѣвъ послѣ операціи, оказывались до смѣшного неспособными называть вѣрно предметы, впервые попадавшіеся имъ на глаза. Когда одному изъ такихъ паціентовъ показали послѣ операціи десяти-литровую бутыль, держа ее на разстояніи фута отъ глазъ, и спросили его, что это такое, онъ отвѣчалъ: «Весьма возможно, что это—лошадь» *). Равнымъ образомъ и объ относительныхъ разстояніяхъ предметовъ отъ глазъ подобные паціенты не имѣютъ никакихъ точныхъ понятій въ моторныхъ терминахъ. Съ практикою всѣ эти неясности въ зрительныхъ впечатлѣніяхъ быстро исчезаютъ, и новыя для паціента зрительныя ощущенія переводятся на привычный для паціента языкъ осязательныхъ ощущеній. Факты отнюдь не доказываютъ, что зрительныя ощущенія не *протяженны*: изъ нихъ мы видимъ только, что необходимо обладать болѣе тонкимъ чувствомъ аналогіи, сравнительно съ большинствомъ людей, чтобы съумѣть усмотрѣть въ зрительныхъ ощущеніяхъ *то-же* внѣшнія пространственныя формы и отношенія, которыя первоначально были доставлены осязательными и моторными впечатлѣніями.

Заключеніе. Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что исторія возникновенія въ насъ пространственныхъ воспріятій станетъ для насъ понятной, если мы съ одной стороны примемъ за нѣчто первично-данное ощущенія съ извѣстной степенью прирожденной имъ протяженности, а съ другой допустимъ вліяніе обычныхъ факторовъ различенія, подбора и ассоціаціи при возникновеніи этихъ ощущеній въ нашемъ сознаніи. Измѣнчивый характеръ многихъ изъ нашихъ зрительныхъ ощущеній, въ силу котораго то-же ощущеніе можетъ служить показателемъ столь различныхъ размѣровъ, величинъ и положеній предметовъ, и т. п., далъ поводъ многимъ психологамъ утверждать, что пространственныя отношенія вовсе не могутъ быть результатомъ ощущеній, но должны происходить отъ высшей духовной силы интуиціи, синтеза и т. п. Но тотъ фактъ, что каждое непосредственно-данное ощу-

*) *Raehlmann.* Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, II, 79.

Digitized by Google

щеніе можетъ въ любое время стать знакомъ для другого мысленно воспроизводимаго нами, достаточно объясняетъ всѣ относящіяся сюда явленія, и потому предполагать, что свойство протяженности создается изъ непротяженныхъ элементовъ при помощи сверхчувственной силы ума, не представляется никакой надобности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Мышленіе.

Что такое мышленіе. Мы называемъ человѣка разумнымъ животнымъ, и представители традиціоннаго интеллектуализма всегда съ особеннымъ упорствомъ подчеркивали тотъ фактъ, что животныя совершенно лишены разума. Тѣмъ не менѣе вовсе не такъ легко опредѣлить, что такое разумъ, и чѣмъ отличается своеобразный умственный процессъ, называемый мышленіемъ, отъ ряда мыслей, который можетъ вести къ такимъ же результатамъ, какъ и мышленіе.

Бо́льшая часть умственныхъ процессовъ, состоя изъ цѣпи образовъ, вызывающихъ одинъ другой, представляетъ нѣчто аналогичное съ самопроизвольною смѣною образовъ въ грёзахъ, какою, повидимому, обладаютъ высшія животныя. Но и такой способъ мышленія ведетъ къ разумнымъ выводамъ, какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ. Связь между терминами при такомъ процессѣ мысли выражается или въ «смежности», или въ «сходствѣ», и при соединеніи обоихъ родовъ этой связи наше мышленіе едвали можетъ быть очень безсвязнымъ. Вообще говоря, при подобномъ непроизвольномъ мышленіи термины, сочетающіеся между собой, представляютъ конкретные эмпирическіе образы, а не абстракціи. Солнечный закатъ можетъ вызвать въ насъ образъ корабельной палубы, съ которой мы видѣли его прошлымъ лѣтомъ, спутниковъ по путешествію, прибытіе въ портъ etc., или тотъ же образъ заката можетъ навести насъ на мысль о солнечныхъ миѳахъ, о погребальныхъ кострахъ Геркулеса и Гектора, о Гомерѣ, о томъ, умѣлъ ли онъ писать, о греческой азбукѣ etc. Если въ нашемъ мышленіи преобладаютъ обыденныя ассоціаціи по смежности, то мы обладаемъ прозаическимъ умомъ; если въ данномъ лицѣ часто непроизвольно возникаютъ необыкновенныя ассоціаціи по сходству и по смежности, мы называемъ его одареннымъ фантазіей, поэтическимъ талантомъ, остроуміемъ. Но содержаніе мысли, вообще говоря, обусловлено совокупностью всѣхъ

Digitized by Google

звеньевъ въ послѣдовательной цѣпи образовъ. Подумавъ о чемъ-нибудь, мы вслѣдъ затѣмъ замѣчаемъ, что думаемъ о другомъ, почти не зная, какимъ путемъ пришли мы къ послѣднему выводу. Если въ этомъ умственномъ процессѣ играетъ роль отвлеченное свойство, то оно лишь на мгновенье привлекаетъ наше вниманіе, а затѣмъ смѣняется чѣмъ-нибудь инымъ и никогда не отличается большою степенью абстракціи. Такъ, напримѣръ, размышляя о солнечныхъ миѳахъ, мы можемъ мелькомъ съ восторгомъ подумать объ изяществѣ образовъ въ умѣ первобытнаго человѣка или на мгновенье вспомнить съ пренебреженіемъ объ умственной узости современныхъ толкователей этихъ миѳовъ. Но въ общемъ мы больше думаемъ о непосредственно-воспринимаемыхъ изъ дѣйствительнаго или возможнаго опыта конкретныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ объ отвлеченныхъ свойствахъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ наши умственные процессы могутъ быть вполнѣ *разумны*, но все-же они не представляютъ здѣсь *мышленія* въ строгомъ смыслѣ слова. Въ мышленіи, хотя выводы могутъ быть конкретными, тѣмъ не менѣе *они не вызываются непосредственно другими конкретными образами*, какъ это бываетъ при цѣпи мыслей, связанныхъ простыми ассоціаціями. Эти конкретные выводы связаны съ предшествующими конкретными образами при посредствѣ промежуточныхъ ступеней, *общихъ*, *отвлеченныхъ признаковъ*, отчетливо выдѣляемыхъ нами изъ опыта и подвергаемыхъ особому анализу. Объектъ вывода можетъ вовсе не быть элементомъ привычной ассоціаціи по смежности или сходству съ данными вывода, изъ которыхъ мы его получаемъ. Онъ можетъ быть вещью, которой мы вовсе не встрѣчали въ предшествующемъ опытѣ, и которая не могла бы никоимъ образомъ быть вызвана при помощи простой ассоціаціи конкретныхъ образовъ. Великая разница между простыми умственными процессами, заключающимися въ вызываніи одного конкретнаго образа минувшаго опыта съ помощью другого, и *мышленіемъ* въ строгомъ смыслѣ слова de facto заключается въ слѣдующемъ: эмпирическіе умственные процессы только репродуктивны, мышленіе же — продуктивно. Грубый эмпирикъ ничего не въ состояніи вывести изъ данныхъ, съ которыми у него нѣтъ общихъ элементовъ ассоціаціи, и практическое значеніе которыхъ ему неизвѣстно. Мыслитель же, наоборотъ, придя въ столкновеніе съ конкретными данными, которыхъ онъ никогда раньше не видѣлъ, и о которыхъ ничего не слышалъ, спустя немного времени, если способность мышленія въ немъ дѣйствительно велика, съумѣетъ изъ этихъ данныхъ сдѣлать такіе выводы, которые совершенно загладятъ его незнакомство съ данной конкретной областью. Мышленіе выручаетъ насъ при непредвидѣнномъ стеченіи обстоятельствъ, при которыхъ вся наша обыденная «ассоціаціонная мудрость» и наше

Digitized by Google

«воспитаніе», раздѣляемыя нами съ животными, оказываются безсильными.

Точное опредѣленіе «мышленія». *Условимся считать характеристической особенностью мышленія въ тѣсномъ смыслѣ слова способность оріентироваться въ новыхъ для насъ данныхъ опыта.* Эта особенность въ достаточной степени выдѣляетъ «мышленіе» изъ сферы обыденныхъ ассоціаціонныхъ умственныхъ процессовъ и прямо указываетъ намъ на его отличительную черту.

Мышленіе заключаетъ въ себѣ анализъ и отвлеченіе. Въ то время, какъ грубый эмпирикъ созерцаетъ фактъ во всей его цѣльности, оставаясь передъ нимъ безпомощнымъ и сбитымъ съ толку, если этотъ фактъ не вызываетъ въ его умѣ ничего сходнаго или смежнаго, мыслитель расчленяетъ данное явленіе и отличаетъ въ немъ какой-нибудь опредѣленный аттрибутъ. Этотъ аттрибутъ онъ принимаетъ за существенную сторону цѣлаго даннаго явленія, усматриваетъ въ немъ свойства и выводитъ изъ него слѣдствія, съ которыми дотолѣ въ его глазахъ данный фактъ не находился ни въ какой связи, но которыя теперь, разъ будучи въ немъ усмотрѣны, должны быть съ нимъ связаны.

Назовемъ *фактъ* или *конкретную данную опыта* S
существенный аттрибутъ M
свойство аттрибута P

Тогда умозаключеніе отъ S къ P можетъ быть сдѣлано только при посредствѣ M. Такимъ образомъ, «сущность» M заключается въ томъ, что онъ является среднимъ или третьимъ терминомъ, который мы выше назвали существеннымъ аттрибутомъ. *Мыслитель замѣщаетъ здѣсь* первоначальную конкретную данную S ея отвлеченнымъ свойствомъ M. Что справедливо относительно M, что связано съ M, то справедливо и относительно S, то связано и съ S. Такъ какъ M, собственно говоря, есть одна изъ частей цѣлаго S, то *мышленіе* можно очень хорошо опредѣлить, какъ *замѣщеніе цѣлаго его частями и связанными съ ними свойствами и слѣдствіями.* Тогда искусство мышленія можно охарактеризовать двумя чертами:

1) *Проницательностью* или умѣньемъ вскрыть въ находящемся передъ нами цѣломъ фактѣ S его существенный аттрибутъ M.

2) *Запасомъ знаній* или умѣньемъ быстро поставить M въ связь съ заключающимися въ немъ, связанными съ нимъ и вытекающими изъ него данными. Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на обычный силлогизмъ:

M есть P
S есть M
S есть P

Digitized by Google

то увидимъ, что вторая или меньшая посылка требуетъ проницательности, первая или большая — полноты и обилія знаній. Обыкновенно чаще встрѣчается обиліе знаній, чѣмъ проницательность, такъ какъ способность разсматривать конкретныя данныя подъ различными углами зрѣнія менѣе обыкновенна, чѣмъ умѣнье заучивать давно извѣстныя положенія, такъ что при наиболѣе обыденномъ употребленіи силлогизмовъ новымъ шагомъ мысли является меньшая посылка, выражающая нашу точку зрѣнія на данный объектъ, но, конечно, не всегда, ибо тотъ фактъ, что *M* связано съ *P*, также можетъ быть дотолѣ неизвѣстенъ и нынѣ впервые нами формулированъ. Воспріятіе того факта, что *S* есть *M*, есть *точка зрѣнія на S*. Утвержденіе, что *M* есть *P*, есть *общее или абстрактное сужденіе*.

Скажемъ два слова о томъ и другомъ.

Что такое точка зрѣнія на данный предметъ. Когда мы разсматриваемъ *S*, просто какъ *M* (напримѣръ, киноварь, просто какъ ртутное соединеніе), то сосредоточиваемъ все наше вниманіе на этомъ аттрибутѣ *M*, игнорируя всѣ остальные аттрибуты. Мы лишаемъ реальное явленіе *S* его полноты. Во всякой реальности можно найти безчисленное множество различныхъ сторонъ и свойствъ. Даже такое простое явленіе, какъ линію, проводимую нами по воздуху, можно разсматривать въ отношеніи ея положенія, формы, длины и направленія. При анализѣ болѣе сложныхъ фактовъ точки зрѣнія, съ которыхъ ихъ можно разсматривать, становятся буквально безчисленными. Киноварь не только ртутное соединеніе, она сверхъ того окрашена въ ярко-красный цвѣтъ, обладаетъ значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, привозится въ Европу изъ Китая и т. д. ad infinitum. Всѣ предметы суть источники свойствъ, которыя познаются нами лишь мало по малу, и справедливо говорятъ, что познать исчерпывающимъ образомъ одну какую-нибудь вещь значило бы познать всю вселенную. Или непосредственно, или посредствующимъ образомъ эта вещь окажется въ соотношеніи со всякой другой, и для всесторонняго изученія ея необходимо будетъ познать всѣ эти отношенія. Но каждое отношеніе представляетъ одинъ изъ аттрибутовъ вещи, одинъ изъ угловъ, подъ которымъ мы можемъ ее разсматривать, игнорируя остальныя ея свойства. Человѣкъ представляетъ собою весьма сложное явленіе; но изъ этого безконечно-сложнаго комплекса свойствъ провіантмейстеръ въ арміи извлекаетъ для своихъ цѣлей только одно, именно—потребленіе столькихъ-то фунтовъ пищи въ день; генералъ—способность проходить въ день столько-то верстъ; столяръ, изготовляющій стулья — такіе-то размѣры тѣла; ораторъ—отзывчивость на такія-то и такія-то чувства; наконецъ, театральный антрепренеръ—готовность платить ровно столько-то за одинъ вечеръ развлеченія. Каждое изъ этихъ лицъ выдѣляетъ

Digitized by Google

въ цѣломъ человѣкѣ, извѣстную сторону, имѣющую отношеніе къ его точкѣ зрѣнія, и практическіе выводы не могутъ быть сдѣланы *этимъ мыслителемъ* до тѣхъ поръ, пока ему не удастся ясно и отчетливо выдѣлить въ человѣкѣ искомую сторону, а разъ онъ выдѣлилъ послѣднюю, онъ можетъ игнорировать всѣ остальные аттрибуты человѣка.

Всѣ остальныя точки зрѣнія на конкретный фактъ равно истинны. *Нѣтъ ни одного свойства, которое можно было бы признать абсолютно присущимъ чему-нибудь.* Свойство, которое въ одномъ случаѣ является существеннымъ для данной вещи, становится для нея въ другомъ случаѣ совершенно неважною чертою. Теперь, пока я пишу, самымъ существеннымъ въ бумагѣ для меня является то обстоятельство, что она представляетъ поверхность, на которой можно писать. Еслибы я не имѣлъ этого въ виду, то долженъ былъ бы пріостановить свою работу. Но еслибы я захотѣлъ зажечь огонь, и подъ рукой не было бы никакого иного горючаго матеріала, кромѣ бумаги, то самымъ существеннымъ свойствомъ бумаги была бы ея способность къ горѣнію, и я могъ бы совершенно игнорировать иныя назначенія бумаги. Она, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ всѣ свойства, какія ей можно приписать: она—поверхность для письма, горючая тонкая вещь, органическое соединеніе, предметъ длиною въ десять и шириною въ восемь вершковъ, отстоящій ровно на осьмую часть англійской мили отъ извѣстнаго камня въ полѣ моего сосѣда, сдѣланный на американской фабрикѣ и т. д. ad infinitum. Становясь временно на любую изъ этихъ точекъ зрѣнія, я начинаю несправедливо игнорировать другія точки зрѣнія. Но такъ какъ я могу квалифицировать бумагу каждый разъ только однимъ опредѣленнымъ образомъ, то каждая моя точка зрѣнія неизбѣжно окажется ошибочной, узкой, односторонней. Природная необходимость, заставляющая меня по неволѣ быть ограниченнымъ и въ мышленіи, и въ дѣятельности, дѣлаетъ для меня извинительной эту неизбѣжную односторонность. Мое мышленіе всегда связано съ дѣятельностью, а дѣйствовать я могу лишь въ одномъ направленіи заразъ. Бога, котораго мы представляемъ правящимъ заразъ цѣлою вселенною, мы можемъ также представить безъ всякаго ущерба его дѣятельности созерцающимъ разомъ безъ различія всѣ части вселенной. Но еслибы наше вниманіе могло быть въ такой степени равномѣрно распредѣлено по различнымъ частямъ созерцаемаго міра, то мы оказались бы пассивно созерцающими явленія и лишили бы себя возможности совершить какое-бы то ни было опредѣленное дѣйствіе. Г-нъ Уорнеръ (Warner) въ одномъ изъ своихъ произведеній «Adirondac story») разсказываетъ, что онъ застрѣлилъ медвѣдя, не цѣлясь въ какую-нибудь опредѣленную часть тѣла—въ глазъ или сердце, а «въ медвѣдя вообще», но мы не можемъ подоб-

Digitized by Google

нымъ же образомъ направлять наше вниманіе «на вселенную вообще»; всякія попытки въ этомъ направленіи должны для насъ окончиться неудачно. Сфера дѣйствій для насъ ограничена, мы должны изслѣдовать явленія по частямъ, не пытаясь охватить грандіозную совокупность всѣхъ элементовъ природы, связывая въ ряды отдѣльные факты и преслѣдуя свои мелкіе ежечасно измѣняющіеся интересы. При этомъ односторонность нашего міросозерцанія въ каждый данный моментъ уравновѣшивается отчасти односторонностью иного характера, въ которую мы впадаемъ въ слѣдующій моментъ. Въ данную минуту для меня, пока я пишу эту главу, способность подбора фактовъ и умѣнье сосредоточивать вниманіе на извѣстныхъ сторонахъ явленія представляется сущностью человѣческаго ума. Въ другихъ главахъ иныя свойства казались и будутъ еще казаться мнѣ наиболѣе существенными сторонами человѣческаго духа.

Односторонность въ міровоззрѣніи до того глубоко вкоренилась въ людей, что для поклонниковъ здраваго смысла и схоластики (схоластика, вѣдь, та-же точка зрѣнія здраваго смысла, только приведенная въ систему) мысль, будто нѣтъ ни одного качества, которое было бы на самомъ дѣлѣ абсолютно, всецѣло присуще чему-нибудь, представляется почти логически невозможной. «Сущность всегда дѣлаетъ вещь *тѣмъ, чѣмъ* она есть. Безъ сущности, принадлежащей абсолютно только ей, она не была бы ничѣмъ въ частности, ее бы никакъ нельзя было назвать, мы не могли бы указать основаній, почему она должна быть именно тѣмъ, а не этимъ. Напримѣръ, къ чему вы говорите о матеріалѣ, на которомъ пишете, что это—горючее вещество, четыреугольный предметъ и т. д., когда вы знаете, что все это—случайныя свойства, а то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ и чѣмъ долженъ быть, есть *бумага* и больше ничего?» Весьма возможно, что читатель сдѣлаетъ мнѣ подобное возраженіе. Но, вѣдь, и самъ онъ подчеркиваетъ лишь одну сторону въ данномъ явленіи, соотвѣтствующую той незначительной цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ — именно, цѣли *дать* данному предмету извѣстное *названіе*; для фабриканта бумаги важна иная цѣль: *производство товара, на который есть всеобщій спросъ.* Между тѣмъ реальность остается явленіемъ совершенно безразличнымъ по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя мы съ нею связываемъ. Ея наиболѣе обыденное житейское назначеніе, ея наиболѣе привычное для насъ названіе и ея свойства, ассоціировавшіяся съ послѣднимъ въ нашемъ умѣ, не представляютъ въ сущности ничего неприкосновеннаго. Они болѣе характеризуютъ *насъ*, чѣмъ самую вещь. Но мы до того скованы предразсудками, нашъ умъ до того окоченѣлъ, что наиболѣе привычнымъ для насъ названіямъ вещей и связаннымъ съ ними представленіямъ мы приписываемъ значеніе чего-то вѣч-

Digitized by Google

наго, абсолютнаго. Сущность вещи должна характеризоваться наиболѣе привычными для насъ ея названіями; то, что означается въ ней менѣе привычными для насъ названіями, можетъ имѣть для насъ значеніе случайнаго и, относительно говоря, несущественнаго свойства. [Натуралисты могутъ подумать, что молекулярное строеніе вещества составляетъ сущность міровыхъ явленій въ абсолютномъ смыслѣ слова, и что H_2O есть болѣе точное выраженіе сущности воды, чѣмъ указаніе на ея свойство растворять сахаръ или утолять жажду. Нимало! *Всѣ* эти свойства равно характеризуютъ воду, какъ нѣкоторую реальность, и для *химика* сущность воды прежде всего опредѣляется формулой H_2O и затѣмъ уже другими свойствами только потому, что *для его цѣлей* лабораторнаго синтеза и анализа веществъ вода, какъ предметъ науки, изучающей соединенія и разложенія веществъ, есть прежде всего H_2O].

Локкъ первый подмѣтилъ это заблужденіе. Но ни одинъ изъ его послѣдователей, насколько мнѣ извѣстно, не избѣгъ этого заблужденія вполнѣ, не обратилъ вниманія на тотъ фактъ, что «сущность» есть понятіе телеологическое, и что образованіе концептовъ и классификація суть чисто телеологическія средства, которыми пользуется нашъ умъ. Сущность вещи есть свойство ея, которое столь важно для преслѣдуемыхъ мною интересовъ, что я могу совершенно игнорировать остальныя. Я классифицирую данную вещь среди тѣхъ, которыя обладаютъ интереснымъ для меня свойствомъ; я даю ей сообразное съ нимъ названіе; я представляю ее себѣ, какъ нѣчто, обладающее этимъ свойствомъ; и въ то время, какъ я ее такъ классифицирую, называю и представляю, всѣ остальныя истины, относящіяся къ этой вещи, не имѣютъ для меня ровно никакого значенія. Для разныхъ людей, въ различное время весьма различныя свойства кажутся наиболѣе важными. Благодаря этому обстоятельству, для той же вещи у насъ имѣются различныя названія и концепты. Но многіе предметы, входящіе въ составъ нашего домашняго обихода (напримѣръ, бумага, чернила, масло, сюртукъ), обладаютъ свойствами столь постоянной для насъ важности и названіями столь для насъ привычными, что мы въ концѣ-концовъ начинаемъ думать, будто есть только одинъ истинный способъ представлять себѣ эти вещи—именно тотъ, къ которому мы привыкли; на самомъ же дѣлѣ этотъ способъ не истиннѣе другихъ, а только наиболѣе часто примѣнялся нами къ дѣлу.

Мышленіе всегда связано съ личнымъ интересомъ. Обратимся опять символическому изображенію умственнаго процесса:

$$\begin{array}{l} M \text{ есть } P \\ S \text{ есть } M \\ \hline S \text{ есть } P \end{array}$$

Мы различаемъ и выдѣляемъ M, такъ какъ оно въ данную

Digitized by Google

минуту является для насъ сущностью конкретнаго факта, явленія или реальности *S*. Но въ нашемъ мірѣ *M* стоитъ въ необходимой связи съ *P*, такъ что *P* есть второе явленіе, которое мы можемъ найти связаннымъ съ фактомъ *S*. Мы можемъ заключать къ *P* черезъ посредство *M*, которое мы съ помощью нашей проницательности выдѣлили, какъ сущность, изъ первоначально воспринятаго нами факта *S*.

Замѣтьте теперь, что *M* было только въ томъ случаѣ хорошимъ показателемъ для нашей проницательности, давшимъ намъ возможность выдѣлить *P* и отвлечь его отъ остальныхъ свойствъ *S*, если *P* имѣетъ для насъ какое-нибудь значеніе, какую-нибудь цѣнность. Если, наоборотъ, *P* не имѣло для насъ никакого значенія, то лучшимъ показателемъ сущности *S* было бы не *M*, а что-нибудь иное. Съ психологической точки зрѣнія, вообще говоря, съ самаго начала умственнаго процесса *S* является преобладающимъ по значенію элементомъ. Мы *ищемъ P* или чего-нибудь похожаго на *P*. Но въ цѣломъ конкретномъ фактѣ *S* оно скрыто отъ нашего взора; ища въ *S* опорнаго пункта, при помощи котораго мы могли бы добраться до *P*, мы, благодаря нашей проницательности, нападаемъ на *M*, которое оказывается какъ разъ свойствомъ, стоящимъ въ связи съ *P*. Еслибы мы желали найти *Q*, а не *P*, и еслибы *N* было свойствомъ *S*, стоящимъ въ связи съ *Q*, то мы должны были бы игнорировать *M*, сосредоточить вниманіе на *N*, и разсматривать *S* исключительно, какъ явленіе, обладающее свойствомъ *N*.

Мы мыслимъ всегда, имѣя въ виду какіе-нибудь частные выводы или желая въ какомъ-нибудь отношеніи удовлетворить свое любопытство. Мыслитель расчленяетъ конкретный фактъ и разсматриваетъ его съ отвлеченной точки зрѣнія, но онъ долженъ сверхъ того, разсматривать его *надлежащимъ образомъ*, то есть, вскрывая въ немъ свойство, ведущее прямо къ тому выводу, который представляетъ для него въ данную минуту наибольшій интересъ.

Результаты нашего мышленія могутъ быть нами получены иногда совершенно случайно. Стереоскопъ былъ открытъ путемъ предварительныхъ теоретическихъ соображеній, но на это открытіе человѣкъ могъ бы натолкнуться и совершенно случайно, играя съ рисунками и зеркалами. Извѣстно, что иногда кошки умѣютъ отворять дверь, двигая ручку, но еслибы ручка попортившись стала не поддаваться прежнимъ толчкамъ, то ни одна кошка въ мірѣ не была бы въ состояніи догадаться, какъ открыть дверь, пока какая-нибудь новая случайность не натолкнула бы животное на новый способъ движенія, который ассоціировался бы въ его умѣ съ цѣлымъ образомъ запертой двери. Мыслящій же человѣкъ съумѣетъ открыть дверь, выяснивъ, гдѣ находится препятствіе. Для этого онъ

Digitized by Google

опредѣляетъ, что̀ именно въ двери повреждено. Если, напримѣръ, *рычагъ* не приподнимаетъ въ достаточной степени запора надъ поперечной перекладиной—значитъ, дверь недостаточно высоко подвѣшена на петляхъ—и ее необходимо всю приподнять. Если дверь пристаетъ снизу къ порогу вслѣдствіе тренія—ее также необходимо приподнять. Очевидно, малый ребенокъ или идіотъ могутъ быть научены, какъ отпирать ту или другую дверь, не прибѣгая къ этимъ разсужденіямъ. Я помню, какъ моя горничная открыла, что стѣнные часы мои могутъ правильно идти, только будучи наклонены немного впередъ. Она напала на этотъ способъ случайно, послѣ многихъ недѣль тщетныхъ попытокъ заставить часы идти, какъ слѣдуетъ. Причиною постоянной остановки часовъ было треніе чечевицы маятника о заднюю стѣнку часового ящика; развитой человѣкъ обнаружилъ бы эту причину въ пять минутъ. У меня есть лампа, пламя которой мигаетъ самымъ непріятнымъ образомъ, если не приподнять стекла примѣрно на $^1/_{16}$-ю часть вершка. Я открылъ это случайно, немало передъ этимъ промучившись съ лампой, и теперь всегда держу стекло слегка приподнятымъ надъ основаніемъ горѣлки при помощи маленькой подпорки. Но все это открытіе представляетъ простую ассоціацію двухъ конкретныхъ фактовъ: доставляющаго неудобство предмета и средства, устраняющаго неудобство. Человѣкъ, хорошо знакомый съ пневматикой, вскрылъ бы путемъ абстракціи *причину* миганія и тотчасъ же указалъ бы средство устранить его. При помощи измѣренія множества треугольниковъ, можно было бы найти ихъ площадь всегда равною произведенію высоты на половину основанія и формулировать это свойство, какъ эмпирическій законъ. Но мыслитель избавляетъ себя отъ труда безчисленныхъ измѣреній, видя, что сущность треугольника заключается въ томъ, что онъ есть половина параллелограмма съ тѣмъ же основаніемъ и высотой, площадь котораго=произведенію всей высоты на основаніе. Чтобы уяснить себѣ это, надо провести дополнительныя линіи, и геометръ часто долженъ проводить такія линіи, чтобы съ помощью ихъ вскрыть нужное ему существенное свойство фигуры. Сущность фигуры заключается въ нѣкоторомъ отношеніи фигуры къ новымъ линіямъ, отношеніи, которое не можетъ быть яснымъ для насъ, пока эти линіи не проведены. Геній геометра заключается въ умѣньи вообразить себѣ новыя линіи, а проницательность его въ усмотрѣніи этого гношенія къ нимъ данной фигуры.

Итакъ, въ мышленіи есть двѣ весьма важныхъ стороны:

1) *Свойство, извлеченное нами изъ конкретнаго факта, признается нами равнозначнымъ всему факту, изъ котораго выдѣлено.*

2) *Выдѣленное такимъ образомъ свойство, наталкиваетъ насъ на извѣстный выводъ и сообщаетъ этому выводу такую очевидность, какой мы не могли бы извлечь непосредственно изъ даннаго конкретнаго факта.*

Digitized by Google

1) Предположимъ, что мнѣ предлагаютъ въ магазинѣ кусокъ сукна. «Я не возьму его, оно на видъ какъ будто линюче», говорю я, желая этимъ сказать только то, что видъ его напоминаетъ мнѣ что-то линючее; мое сужденіе, въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и вѣрное, не есть процессъ мышленія въ строгомъ смыслѣ слова, а чисто эмпирическій выводъ, но, если я могу сказать, что въ составъ окраски даннаго сукна входитъ красящее вещество, быстро выцвѣтающее, *и потому* сукно скоро выцвѣтаетъ—мое сужденіе есть строго логическій выводъ. Понятіе окраски, которая входитъ въ составъ сукна, есть посредствующее звено между понятіями сукна и линючести. Необразованный человѣкъ будетъ путемъ эмпирическаго вывода ожидать, что ледъ при приближеніи къ огню будетъ таять, а палецъ, разглядываемый въ увеличительное стекло, будетъ казаться шероховатымъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ результатъ явленія предваряется безъ полнаго предварительнаго знакомства съ даннымъ явленіемъ. Здѣсь нѣтъ никакого акта *мышленія* въ строгомъ смыслѣ слова.

Но человѣкъ, разсматривающій тепло, какъ родъ движенія, превращеніе твердаго тѣла въ жидкое состояніе, какъ нѣчто тожественное съ возрастаніемъ молекулярнаго движенія, знающій, что кривыя поверхности преломляютъ извѣстнымъ образомъ свѣтовые лучи, и что кажущаяся величина всякаго предмета находится въ зависимости отъ степени преломленія свѣтовыхъ лучей, входящихъ въ глазъ—такой человѣкъ дѣлалъ бы по поводу всѣхъ этихъ явленій правильные выводы даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ никогда въ жизни не имѣлъ случая наблюдать ихъ въ дѣйствительности; и онъ поступалъ бы такъ потому, что, согласно сдѣланному нами предположенію, онъ обладалъ бы тѣми идеями, которыя являлись посредствующимъ звеномъ между явленіями, служившими для него исходнымъ пунктомъ и выводами, которые онъ изъ нихъ дѣлалъ. Но эти идеи суть лишь элементы, извлеченные изъ даннаго явленія, или связанныя съ нимъ обстоятельства. Правда, движеніе, порождающее теплоту, и преломленіе свѣтовыхъ лучей представляютъ глубоко скрытые ингредіенты, гораздо менѣе скрытымъ ингредіентомъ являлось треніе чечевицы маятника объ стѣнку въ стѣнныхъ часахъ, о которыхъ я говорилъ выше, а приставаніе двери къ полу почти и вовсе не можетъ считаться скрытымъ отъ насъ ингредіентомъ. Но во всѣхъ этихъ примѣрахъ есть та общая черта, что они устанавливаютъ болѣе очевидное отношеніе даннаго явленія къ выводу, который не можетъ быть полученъ изъ него непосредственно съ такою же очевидностью.

2) Обратимся теперь ко второму пункту: почему слѣдствія, выводы и комбинаціи, дѣлаемые изъ составныхъ элементовъ даннаго явленія, болѣе очевидны, чѣмъ выводы, дѣлаемые прямо изъ цѣлаго конкретнаго явленія? По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, отвле-

Digitized by Google

ченныя свойства болѣе общи, чѣмъ непосредственныя, конкретныя данныя, вслѣдствіе этого они могутъ вступать въ связь съ фактами болѣе знакомыми для насъ, болѣе часто встрѣчаемыми нами въ опытѣ. Предположите, что теплота—движеніе, и все, что справедливо относительно движенія, окажется справедливымъ и относительно теплоты, но въ опытѣ намъ приходится наблюдать въ сто разъ болѣе явленій движенія, чѣмъ теплоты. Начните разсматривать лучи, проходящіе черезъ призму, какъ линіи, наклоненныя къ перпендикуляру, и вы замѣстите сравнительно мало знакомое понятіе призмы весьма привычнымъ понятіемъ перемѣны въ направленіи линіи, понятіемъ, для котораго мы ежедневно имѣемъ массу примѣровъ передъ глазами.

Другая причина, почему отношенія между свойствами, выдѣленными нами изъ даннаго предмета, такъ очевидны, заключается въ томъ, что эти свойства *значительно малочисленные* совокупности всѣхъ свойствъ цѣлаго, изъ котораго мы выдѣляемъ ихъ. Въ каждомъ конкретномъ фактѣ свойства и вытекающія изъ нихъ слѣдствія такъ многочисленны, что мы можемъ среди нихъ совершенно потеряться, не сдѣлавъ изъ нихъ того вывода, который намъ надлежитъ сдѣлать. Если же намъ посчастливилось выдѣлить надлежащее свойство, то мы разомъ можемъ какъ-бы охватить мысленно всѣ вытекающія изъ него слѣдствія. Такъ, напримѣръ, то обстоятельство, что дверь пристаетъ къ порогу, связано въ нашемъ умѣ съ весьма немногими слѣдствіями, между которыми выдѣляется то соображеніе, что, приподнявъ дверь, мы уничтожимъ ея треніе о порогъ, между тѣмъ какъ цѣлый образъ плохо отпирающейся двери можетъ вызвать въ нашемъ умѣ огромное количество понятій. Подобные примѣры могутъ показаться банальными, но они заключаютъ въ себѣ сущность самаго утонченнаго отвлеченнаго мышленія. Физика становится все болѣе и болѣе дедуктивной наукой, придавая математическую формулировку законамъ, управляющимъ основными свойствами матеріи (каковы молекулярныя массы или эѳирныя волны различной длины), именно потому, что непосредственные выводы изъ такихъ понятій столь малочисленны, что мы можемъ разомъ охватить всѣ ихъ мысленно и извлечь изъ нихъ тѣ, въ которыхъ имѣемъ надобность.

Проницательность. Итакъ, для того, чтобы мыслить, мы должны умѣть извлекать изъ даннаго конкретнаго факта свойства и не какія-нибудь вообще, а тѣ свойства, которыя соотвѣтствуютъ правильному выводу. Извлекая несоотвѣтствующія свойства, мы получимъ неправильный выводъ. Отсюда возникаютъ слѣдующія недоумѣнія: *Какъ извлекаемъ мы извѣстныя свойства изъ конкретныхъ данныхъ, и почему во многихъ случаяхъ они могутъ быть вскрыты только геніемъ?* Почему всѣ люди не могутъ мыслить одинаково успѣшно? Почему лишь одному Ньютону удалось от-

Digitized by Google

крыть законъ тяготѣнія, одному Дарвину—принципъ выживанія существъ наиболѣе приспособленныхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо произвести новое изслѣдованіе, посмотрѣвъ, какъ въ насъ естественнымъ путемъ развивается проникновеніе въ явленія дѣйствительности.

Первоначально все наше знаніе смутно. Мы хотимъ этимъ сказать, что въ немъ первоначально нѣтъ внутреннихъ подраздѣленій (*ab intra*) и точныхъ внѣшнихъ разграниченій (*ab extra*); но все-же къ нему примѣнимы всѣ формы мысли. Въ немъ можетъ быть единство, реальность, внѣшность, объемъ и т. д., словомъ, оно есть *познаніе объекта, вещи*, но познаніе вещи, какъ нераздѣльнаго цѣлаго. При этомъ неясномъ способѣ познаванія ребенку, впервые начинающему сознавать комнату, она, вѣроятно, представляется чѣмъ-то отличающимся отъ находящейся въ движеніи кормилицы. Въ его сознаніи еще нѣтъ подраздѣленій, одно окно комнаты, быть можетъ, особенно привлекаетъ его вниманіе. Такое же смутное впечатлѣніе производитъ каждая совершенно новая сфера опыта и на взрослаго. Библіотека, археологическій музей, магазинъ машинъ представляютъ собою какія-то неясныя цѣлыя для новичка, но для машиниста, антикварія, библіофила цѣлое почти совершенно ускользаетъ отъ вниманія, до того стремительно они набрасываются на изслѣдованіе деталей. Знакомство съ предметомъ породило въ нихъ способность различенія. Неопредѣленные термины, вродѣ: «трава», «плѣсень», «мясо», для ботаника и зоолога не существуютъ, до того они углубились въ изученіе различныхъ видовъ травъ, плѣсени и мускуловъ. Когда Чарльзъ Кингслей показалъ одному господину анатомированіе гусеницы, тотъ, увидѣвъ тонкое строеніе ея внутренностей, замѣтилъ: «Право, я думалъ, что она состоитъ только изъ внѣшней оболочки и мякоти». Мирный обыватель, присутствуя при кораблекрушеніи, сраженіи или пожарѣ совершенно безпомощенъ. Опытъ такъ мало пробуждалъ въ немъ способность къ различенію, что его вниманіе не можетъ сосредоточиться на какой-нибудь сторонѣ сложнаго, исключительнаго событія, которое требуетъ отъ него немедленной дѣятельности. Морякъ же, пожарный и полководецъ умѣютъ сразу приняться за дѣло. Они мигомъ умѣютъ разобраться въ данномъ положеніи и проанализировать его. Оно заключаетъ въ себѣ массу почти неуловимыхъ деталей, которыя замѣчаются ими, благодаря постепенному развитію ихъ сознанія въ извѣстномъ направленіи, но которыя не различаются достаточно отчетливо неопытнымъ въ данной области лицомъ.

Какимъ путемъ развивается въ насъ эта способность къ анализу, мы выяснили себѣ въ главахъ: «*О различеніи*», и: «*О вниманіи*». Разумѣется, мы диссоціируемъ элементы смутно воспринимаемыхъ нами цѣльныхъ впечатлѣній, направляя наше вниманіе то на

Digitized by Google

одну, то на другую часть цѣлаго. Но въ силу чего мы сосредоточиваемъ наше вниманіе сначала на томъ, а потомъ на другомъ элементѣ? На это можно тотчасъ же дать два ясныхъ отвѣта: 1) въ силу нашихъ практическихъ, или инстинктивныхъ интересовъ и 2) въ силу нашихъ эстетическихъ интересовъ. Собака, гдѣ угодно, умѣетъ отличить запахъ себѣ подобныхъ, лошадь чрезвычайно чутка къ ржанію другихъ лошадей, потому что эти факты имѣютъ для нихъ практическое значеніе и вызываютъ въ этихъ животныхъ инстинктивное возбужденіе. Ребенокъ, замѣчая пламя свѣчки или окно, оставляетъ безъ вниманія остальныя части комнаты, потому что послѣднія не доставляютъ ему столь живого удовольствія. Деревенскій мальчишка умѣетъ находить чернику, орѣхи, и т. п. въ виду ихъ практической пользы, выдѣляя ихъ изъ массы кустарниковъ и деревьевъ; дикарю доставляютъ немало удовольствія бусы и кусочки зеркалъ привозимыя на торговыхъ корабляхъ, видъ же самаго корабля не представляетъ для него никакого интереса, такъ какъ корабельное устройство недоступно по своей сложности его пониманію. Такимъ образомъ, эти практическіе и эстетическіе интересы суть наиболѣе важные факторы, способствующіе яркому выдѣленію частностей изъ цѣльнаго конкретнаго явленія. На что они направляютъ наше вниманіе, то и служитъ объектомъ послѣдняго, но, что такое они сами—этого мы не можемъ сказать. Мы должны въ данномъ случаѣ ограничиться признаніемъ ихъ неразложимыми далѣе, первичными факторами, опредѣляющими то направленіе, въ которомъ будетъ совершаться ростъ нашего знанія.

Существо, руководимое въ своей дѣятельности немногочисленными инстинктивными импульсами или немногочисленными практическими и эстетическими интересами, будетъ обладать способностью диссоціировать весьма немногія свойства и въ лучшемъ случаѣ будетъ одарено ограниченными умственными способностями; существо же, одаренное большимъ разнообразіемъ интересовъ, будетъ обладать высшими умственными способностями. Человѣкъ, какъ существо, одаренное безконечнымъ разнообразіемъ инстинктовъ, практическихъ стремленій и эстетическихъ чувствъ, доставляемыхъ каждымъ органомъ чувствъ, въ силу одного этого долженъ обладать способностью диссоціировать свойства въ гораздо большей степени, чѣмъ животныя, и согласно этому мы находимъ, что дикари, стоящіе на самой низкой ступени развитія, мыслятъ неизмѣримо болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ самыя высокія животныя породы. Разнообразіе интересовъ ведетъ, сверхъ того, къ варіированью опытовъ, накопленіе которыхъ становится почвою для дѣятельности *закона диссоціаціи при измѣненіи окружающей обстановки*, о которомъ мы говорили на стр.

Помощь, которую оказываютъ намъ при мышленіи ассоціаціи по сходству.

Digitized by Google

Нелишено также вѣроятія, что *высшія ассоціаціи у человѣка*, ассоціаціи по сходству, играютъ важную роль при различеніи свойствъ, связанныхъ съ процессами мышленія наивысшаго порядка. Значеніе этихъ ассоціацій настолько важно для мышленія, и мы говорили о нихъ такъ мало въ главѣ: «*О различеніи*», что теперь необходимо остановиться на нихъ нѣсколько подолѣе.

Что вы дѣлаете, читатель, когда хотите въ точности опредѣлить сходство или различіе двухъ объектовъ? Вы съ наивозможно большей быстротой переносите ваше вниманіе то на одинъ, то на другой предметъ. Быстрая поочередная смѣна впечатлѣній въ сознаніи, такъ сказать, выдвигаетъ на первый планъ сходства и различія объектовъ, которыя навсегда ускользнули бы отъ нашего вниманія, еслибы поочередное воспріятіе впечатлѣній отъ обоихъ объектовъ отдѣлялось большими промежутками времени. Что дѣлаетъ ученый, отыскивающій скрытый въ данномъ явленіи принципъ или законъ? Онъ предумышленно перебираетъ въ умѣ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ можно найти аналогію съ даннымъ явленіемъ, и, заполняя одновременно всѣми этими аналогіями свой умъ, онъ обыкновенно оказывается въ состояніи выдѣлить въ одной изъ группы этихъ аналогій ту особенность, которую онъ не могъ опредѣлить, анализируя каждую изъ нихъ въ отдѣльности, не смотря даже на то, что въ его минувшемъ опытѣ этой аналогіи предшествовали всѣ остальныя, съ которыми она теперь одновременно сопоставляется. Эти примѣры показываютъ, что для диссоціаціи свойствъ простая повторяемость даннаго явленія въ опытѣ при различной окружающей обстановкѣ еще не представляетъ достаточнаго основанія. Намъ нужно нѣчто большее, именно, необходимо, чтобы все разнообразіе окружающихъ обстановокъ возникло передъ сознаніемъ сразу. Только тогда искомое свойство выдѣлится изъ среды другихъ и займетъ отдѣльное положеніе. Съ этимъ немедленно согласятся всѣ, читавшіе логику Милля и познакомившіеся съ практическимъ примѣненіемъ наведенія, съ «четырьмя методами экспериментальнаго изслѣдованія», методомъ согласія, различія, остатковъ и сопутствующихъ измѣненій. Въ каждомъ изъ нихъ мы имѣемъ рядъ аналогичныхъ случаевъ, среди которыхъ искомое свойство можетъ намъ попасться и сосредоточить на себѣ наше вниманіе.

Изъ сказаннаго ясно, что всякій умъ, въ которомъ способность образовывать ассоціаціи по сходству сильно развита, есть умъ, самопроизвольно образующій ряды подобныхъ аналогій. Пусть A есть данный конкретный фактъ, въ которомъ заключается свойство m. Умъ можетъ въ началѣ вовсе не замѣчать этого свойства m. Но если A вызываетъ въ сознаніи C, D, E и F— явленія, сходныя съ A въ обладаніи свойствомъ m, но не попадавшіяся по цѣлымъ мѣсяцамъ въ опытѣ животному, воспринима-

Digitized by Google

ющему явленіе *A*—то, очевидно, эта ассоціація сыграетъ въ умѣ животнаго такую же роль, какую играло въ умѣ читателя предумышленное быстрое сопоставленіе впечатлѣній, о которомъ мы говорили выше, или въ умѣ ученаго изслѣдователя—систематическій анализъ аналогичныхъ случаевъ, и можетъ повести къ выдѣленію *m* путемъ абстракціи. Это само собою ясно и неизбѣжно приводитъ къ тому выводу, что послѣ немногочисленныхъ сильнѣйшихъ влеченій, связанныхъ съ практическими и эстетическими интересами, *ассоціація по сходству* преимущественно пособляетъ намъ вскрывать въ данномъ явленіи тѣ специфическія свойства, которыя, разъ будучи подмѣчены и названы нами, разсматриваются нами, какъ основанія, сущности, названія классовъ и средніе термины въ логическомъ выводѣ. Безъ помощи *ассоціацій по сходству* предумышленныя умственныя операціи ученаго изслѣдователя были бы невозможны, такъ какъ онъ былъ бы лишенъ возможности группировать во-едино аналогичные случаи. Но въ высокоодаренныхъ умахъ эти процессы совершаются непредумышленно: аналогичные случаи самопроизвольно группируются въ головѣ, явленія, отдѣленныя въ дѣйствительности другъ отъ друга огромными пространственными и временными промежутками, объединяются въ такихъ умахъ мгновенно, и, такимъ образомъ, среди различія окружающихъ обстановокъ обнаруживаются общія всѣмъ даннымъ явленіямъ свойства, которыя для ума, руководимаго одними ассоціаціями по смежности, остались бы навсегда недоступными.

Описанный нами процессъ изображенъ схематически на рис. 66-омъ. Если *m* въ данномъ представленіи *A* вызываетъ въ нашемъ умѣ *B*, *C*, *D* и *E*, которыя сходны съ *A* въ томъ, что обладаютъ всѣ свойствомъ *m*, и притомъ вызываетъ ихъ въ быстрой послѣдовательности одно за другимъ, то *m*, ассоціируясь почти одновременно со столь различными окружающими обстановками, выдѣлится изъ ихъ среды, и обратитъ на себя наше особое вниманіе.

Если читатель вполнѣ уяснилъ себѣ мою мысль, то онъ навѣрное будетъ склоненъ думать, что умы, *въ которыхъ преобладаетъ ассоціація по сходству*, наиболѣе благопріятствующая выдѣленію общихъ свойствъ, наиболѣе способны къ мышленію въ строгомъ смыслѣ слова, умы же, не проявляющіе наклонности къ такому мышленію, по всей вѣроятности, располагаютъ почти исключительно ассоціаціями по смежности.

Всѣ согласны въ томъ, что геніи отличаются отъ обыкновенныхъ умовъ необычайнымъ развитіемъ способности къ ассоціаціямъ по сходству. Установленіе этого факта составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ психологическихъ заслугъ Бэна. Указанное свойство наблюдается у геніевъ не только въ области мышленія, но и въ другихъ областяхъ психической дѣятельности.

Digitized by Google

Умственныя способности животныхъ. Умъ генія находится въ такомъ же отношеніи къ уму простого смертнаго, въ какомъ умъ послѣдняго—къ умственнымъ способностямъ животныхъ. Не лишено вѣроятія, что животныя, въ противоположность людямъ, не возвышаются до образованія общихъ концептовъ и почти не имѣютъ ассоціацій по сходству. Ихъ мысль, вѣроятно, переходитъ отъ одного конкретнаго объекта къ другому, обычно слѣдующему въ опытѣ за первымъ, съ гораздо большимъ однообразіемъ, чѣмъ у насъ. Другими словами, въ ихъ умѣ преобладаютъ почти исключительно ассоціаціи идей по смежности. Но поскольку можно было бы допустить, что животное мыслитъ не ассоціаціями конкретныхъ образовъ, а путемъ отвлеченія общихъ признаковъ, постольку пришлось бы признать животное мыслящимъ существомъ, употребляя это выраженіе совершенно въ томъ же смыслѣ слова, въ какомъ мы примѣняемъ его къ людямъ. Въ какой мѣрѣ такое допущеніе возможно — трудно сказать. Извѣстно только, что животныя, наиболѣе одаренныя умомъ, *поневолѣ руководствуются* отвлеченными признаками; выдѣляютъ ли они сознательно эти признаки изъ конкретныхъ образовъ, или нѣтъ—это другой вопросъ. Они относятся къ объектамъ такъ или иначе, соображаясь съ тѣмъ, *къ какому классу* послѣдніе принадлежатъ. Для этого необходимо, чтобы въ умѣ животнаго было обращено вниманіе на сущность *класса*, хотя бы послѣдняя и не была выработана въ отвлеченное понятіе. Одна вещь—конкретный индивидуальный фактъ, въ которомъ вниманіе не направлено особенно ни на какую сторону, другая вещь—отчетливо понятое свойство, выдѣленное особымъ названіемъ изъ совокупности остальныхъ аттрибутовъ даннаго предмета; но между совершенно непроанализированнымъ конкретнымъ фактомъ и полнымъ его анализомъ, между полнымъ отсутствіемъ отвлеченія признаковъ, заключенныхъ въ данномъ объектѣ, и полною абстракціей лежитъ безчисленное множество переходныхъ ступеней. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ ступеней должны быть особыя названія, такъ какъ оттѣнки въ извѣстныхъ ступеняхъ абстракціи замѣтны для нашего сознанія. Для идеи смутно отвлеченнаго понятія класса объектовъ д-ръ Романсъ (Romanes) предложилъ терминъ *рецептъ* (*receptum*), а проф. Ллойдъ Морганъ—терминъ *конструктъ* (*constructum*). Послѣдній вполнѣ опредѣленную абстракцію называетъ *изолатъ* (*isolatum*). Ни терминъ *конструктъ*, ни терминъ *рецептъ* я не нахожу удачными; не смотря на это, они вносятъ въ сферу психологическихъ понятій нѣкоторый новый оттѣнокъ, и потому я отмѣчаю ихъ здѣсь. Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ изъ книги Роменса (Mental Evolution in Man, p. 74) я предлагаю замѣнить терминъ *рецептъ* болѣе подходящимъ словомъ *инфлуэнтъ* (*influens*).

«Водяныя куры имѣютъ привычку нѣсколько иначе опускаться на землю и даже на ледъ, чѣмъ на воду; а тѣ породы, которыя

Digitized by Google

ныряютъ съ высоты (какъ, напримѣръ, чагравы и бакланы) никогда не опускаются на сушу и на ледъ такъ же, какъ на воду. Подобные факты показываютъ, что въ умѣ этихъ птицъ существуетъ одинъ *рецептъ*, соотвѣтствующій твердой поверхности и другой, соотвѣтствующій жидкой поверхности. Подобнымъ же образомъ человѣкъ никогда не попробуетъ нырнуть съ высоты надъ землею или ледяною поверхностью, и въ воду всегда прыгнетъ иначе, чѣмъ на сушу. Другими словами, подобно водяной куричѣ, онъ обладаетъ двумя различными *рецептами*, изъ которыхъ одинъ соотвѣтствуетъ сушѣ, а другой — водѣ. Но въ противоположность водяной куричѣ человѣкъ можетъ дать каждому изъ этихъ *рецептовъ* особое названіе и возвести ихъ на степень концепта. Поскольку дѣло касается чисто практическаго вопроса о передвиженіи нашего тѣла, постольку, разумѣется, неважно, превратили мы данный *рецептъ* въ *концептъ* или нѣтъ, но во многихъ другихъ случаяхъ способность превратить *рецептъ* въ концептъ имѣетъ огромное значеніе» [1]).

Я знаю одну лягавую собаку, которая не кусала приносимыхъ ею въ зубахъ птицъ. Но однажды ей нужно было принести двухъ птицъ заразъ, которыя еще были живы и бились, хотя уже не могли летать; послѣ нѣкотораго колебанья она одну изъ нихъ удавила, взяла въ зубы другую и принесла живьемъ къ хозяину, потомъ вернулась за первой, убитой, и принесла также и ее. Нельзя не признать, что въ головѣ собаки быстро промелькнулъ при этомъ рядъ отвлеченныхъ мыслей вродѣ: «она жива еще», «а надо уйти», «необходимо убить ее»... etc., съ какими бы конкретными образами этотъ рядъ мыслей ни былъ связанъ. Такое практическое руководство особенными соображеніями, которыя могутъ при случаѣ быть важными, заставляетъ предполагать въ животномъ наличность основной черты мышленія. Но свойства объектовъ, обращающія на себя вниманіе животныхъ, весьма малочисленны, будучи всегда непосредственно связаны съ самыми инстинктивными стремленіями. Животныя въ противоположность людямъ никогда не отвлекаютъ свойствъ отъ конкретныхъ данныхъ ради забавы. Это можно попытаться объяснить, какъ результатъ того факта, что у нихъ почти совершенно отсутствуютъ характеристическія для человѣческаго ума ассоціаціи по сходству. Предметъ напоминаетъ животному другой совершенно сходный предметъ, но не предметъ, сходный съ первымъ лишь отчасти, и диссоціація при различіи окружающей обстановки, которая въ человѣкѣ опирается въ такой значительной степени на ассоціацію по сходству, въ животномъ мірѣ, повидимому, почти вовсе не имѣетъ мѣста. Одинъ конкретный фактъ во всей своей цѣльности напоминаетъ животному другой, а низшія млекопитаю-

[1]) «Умственное развитіе человѣка», стр. 74-я.

Digitized by Google

щія различаютъ свойства объектовъ невѣдомымъ для нихъ самихъ путемъ; основнымъ, капитальнымъ несовершенствомъ ихъ ума является ихъ неспособность постоянно расчленять, комбинировать группы идей въ новомъ непривычномъ порядкѣ. Они навѣкъ порабощены рутиной, мышленіемъ, почти не возвышающимся надъ конкретными фактами. Еслибы самое прозаическое человѣческое существо могло переселиться въ душу собаки, то оно пришло бы въ ужасъ отъ царящаго тамъ полнаго отсутствія воображенія. Мысли стали бы вызывать въ его умѣ не сходныя, а смежныя съ ними привычныя мысли. Закатъ солнца напоминалъ бы ему не о смерти героевъ, а о томъ, что пора ужинать. Вотъ почему человѣкъ есть единственное, способное къ метафизическимъ умозрѣніямъ животное. Для того, чтобы удивляться, почему вселенная такова, какова она есть, нужно имѣть понятіе о томъ, что она могла бы быть иною, чѣмъ она есть; животное, для котораго немыслимо свести дѣйствительное къ возможному, отвлекши въ воображеніи отъ дѣйствительнаго факта его обычныя реальныя слѣдствія, никогда не можетъ образовать въ своемъ умѣ это понятіе. Оно принимаетъ міръ просто за нѣчто данное и никогда не относится къ нему съ удивленіемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сознаніе и движеніе.

Всякое состояніе сознанія связано съ двигательными процессами. Предъидущая глава была посвящена анализу весьма сложныхъ внутреннихъ, чисто психическихъ процессовъ и ихъ продуктовъ; слѣдя за нашимъ анализомъ этихъ психическихъ процессовъ, читатель долженъ былъ постоянно помнить, что конечнымъ обнаруженіемъ каждаго изъ нихъ всегда должна быть извѣстная активность тѣла, обусловленная передачей центральнаго возбужденія идущимъ къ периферіи двигательнымъ нервамъ. Не надо забывать, что вся нервная система, съ физіологической точки зрѣнія, есть простая машина, превращающая извѣстные стимулы въ реакціи, интеллектуальная же сторона нашей жизни связана только съ центральными или промежуточными моментами въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ этою машиной. Теперь мы разсмотримъ конечные, выражающіеся внѣшнимъ образомъ моменты этихъ операцій, тѣлесную активность и связанныя съ нею психическія явленія.

Всякое раздраженіе, падающее на центростремительный нервъ, вызываетъ пробѣгающій по центробѣжному нерву къ периферіи обратный токъ, съ которымъ могутъ и быть, и не быть связаны сознательные психическіе процессы. Оставляя въ сторонѣ нѣко-

Digitized by Google

торыя исключенія, можно вообще сказать, что *всякое ощущеніе влечетъ за собою движеніе, и что каждое движеніе въ отдѣльной части организма есть въ то-же время движеніе цѣлаго организма, всѣхъ его частей.* Движеніе, явно совершающееся въ нашемъ организмѣ при взрывѣ, блескѣ молніи или щекотаніи, происходитъ скрытно при всякомъ испытываемомъ нами ощущеніи. При слабыхъ ощущеніяхъ мы не содрогаемся и не испытываемъ щекотки только вслѣдствіе весьма значительной слабости и неясности ощущенія. Много лѣтъ тому назадъ проф. Бэнъ далъ явленію общаго разряда названіе закона диффузіи (разсѣянія) и формулировалъ его слѣдующимъ образомъ: «Вслѣдъ за нервнымъ токомъ, сопровождающимъ данное ощущеніе, возникаютъ токи, разсѣевающіеся по всему мозгу, приводя въ возбужденіе органы движенія и внутренности».

Вѣроятно, возбужденія, проходящія черезъ *нервные центры*, всѣ безъ исключенія подчинены закону разсѣянія. Впрочемъ, дѣйствіе, производимое пробѣгающимъ черезъ нервные центры токомъ, можетъ нерѣдко прійдти въ столкновеніе съ токомъ, уже находящимся тамъ, и слѣдствіе такого столкновенія двухъ процессовъ можетъ выразиться наружнымъ образомъ въ пріостановкѣ тѣлесной активности. Такая компенсація процессовъ, вѣроятно, аналогочна съ заполненіемъ трубки жидкостью, пробѣгающей по другой трубкѣ; такъ бываетъ, когда мы, напримѣръ, гуляя внезапно останавливаемся, какъ вкопанные, если наше вниманіе привлечено звукомъ, запахомъ, видомъ или внезапной мыслью. Но бываютъ также случаи остановки периферической нервной активности, остановки, зависящей не отъ задерживающаго вліянія центровъ, а отъ возбужденія центровъ, которые освобождаютъ центробѣжные токи задерживающаго свойства. Напримѣръ, въ моментъ испуга, наше сердце мгновенно перестаетъ биться или его біеніе замедляется, а затѣмъ снова возобновляется съ еще большей скоростью. Эта мгновенная задержка въ сердцебіеніи вызывается периферическимъ токомъ, пробѣгающимъ по пневмогастрическому нерву. Этотъ нервъ возбуждаясь замедляетъ или останавливаетъ сердцебіеніе; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бываетъ перерѣзанъ, въ сердцебіеніи при испугѣ не замѣчается никакихъ перемѣнъ.

Впрочемъ, вообще говоря, возбуждающія дѣйствія чувственныхъ впечатлѣній преобладаютъ надъ задерживающими дѣйствіями, такъ что высказанное нами выше положеніе о разсѣяніи ка по всѣмъ частямъ нервной системы можно оставить безъ оправокъ. Физіологамъ до сихъ поръ еще не удавалось прослѣить *всѣ* дѣйствія, вызываемыя даннымъ чувственнымъ впечатлѣемъ въ нервной системѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, наши ѣдѣнія въ этой сферѣ стали гораздо обширнѣе, и мы имѣемъ

Digitized by Google

теперь экспериментальныя доказательства тому, что даже самые незначительные чувственные стимулы измѣняютъ тонъ и степень сокращенія въ біеніи сердца, артеріальномъ давленіи, въ дыханіи, въ зрачкахъ, въ мочевомъ пузырѣ, во внутренностяхъ, въ маткѣ и въ мускулахъ произвольнаго движенія. Короче говоря, *процессъ, возбужденный въ центральныхъ частяхъ нервной системы, отражается повсюду въ организмѣ, распространяясь такъ или иначе по всѣмъ его частямъ и увеличивая или ослабляя ихъ активность.* Масса центральной нервной ткани по отношенію ко всей нервной системѣ какъ-бы играетъ роль кондуктора, заряженнаго электричествомъ, напряженность котораго на кондукторѣ не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія степени напряженности на остальныхъ частяхъ электрической машины. Шнейдеръ при помощи остроумнаго зоологическаго изысканія пытался показать, что всѣ *спеціальныя* движенія, производимыя высшими породами животныхъ, представляютъ дифференціацію двухъ первоначальныхъ движеній, въ которыхъ у низшихъ организмовъ принимаетъ участіе все тѣло. Стремленіе къ сокращенію служитъ источникомъ всѣхъ развивающихся впослѣдствіи стремленій къ самозащитѣ и къ реакціи на внѣшній стимулъ, включая сюда стремленіе къ бѣгству. Стремленіе къ расширенію, наоборотъ, вырабатывается въ импульсы и инстинкты агрессивнаго характера—питанія, борьбы, половыхъ сношеній etc. Я привожу эти соображенія, такъ какъ въ нихъ, повидимому, заключаются основанія, приводимыя сторонниками эволюціонизма и дополняющія *апріорныя* механическія основанія, въ силу которыхъ должно существовать разсѣяніе нервныхъ токовъ, существованіе же этихъ послѣднихъ было доказано апостеріорнымъ путемъ.

Теперь я перейду къ подробному анализу наиболѣе важныхъ классовъ движеній, являющихся результатомъ центральныхъ мозговыхъ процессовъ, и связанныхъ съ ними психическихъ актовъ. Для каждаго изъ трехъ важнѣйшихъ классовъ этихъ движеній:

1) Проявленія эмоцій,
2) Инстинктивные акты,
3) Волевые акты,

я предназначаю по особой главѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Эмоція.

Сравненіе эмоцій съ инстинктами. Специфическое различіе между эмоціями и инстинктами заключается въ томъ, что эмоція есть стремленіе къ чувствованіямъ, а инстинктъ—стремленіе къ дѣй-

Digitized by Google

ствіямъ при наличности извѣстнаго объекта въ окружающей обстановкѣ. Но и эмоціи имѣютъ для себя соотвѣтствующія тѣлесныя проявленія, которыя заключаются иногда въ сильномъ сокращеніи мускуловъ (напримѣръ, въ моментъ испуга или гнѣва); и во многихъ случаяхъ можетъ оказаться нѣсколько затруднительнымъ провести рѣзкую грань между описаніемъ эмоціональнаго процесса и инстинктивной реакціи, которые могутъ быть вызваны тѣмъ же объектомъ. Къ какой главѣ слѣдуетъ отнести явленіе *страха*—къ главѣ объ инстинктахъ или къ главѣ объ эмоціяхъ? Куда также слѣдуетъ отнести описанія *любопытства*, *соревнованія* etc.? Съ научной точки зрѣнія это безразлично, слѣдовательно, мы должны для рѣшенія этого вопроса руководствоваться одними практическими соображеніями. Какъ чисто-внутреннія психическія состоянія, эмоціи совершенно не поддаются описанію. Кромѣ того, такого рода описаніе было-бы излишнимъ, такъ какъ читателю эмоціи, какъ чисто душевныя состоянія, и безъ того хорошо извѣстны. Мы можемъ только описать ихъ отношеніе къ объектамъ, вызывающимъ ихъ, и реакціи, сопровождающія ихъ. Каждый объектъ, воздѣйствующій на какой-нибудь инстинктъ, способенъ вызвать въ насъ и эмоцію. Вся разница заключается здѣсь въ томъ, что такъ называемая эмоціональная реакція не выходитъ изъ предѣловъ тѣла испытуемаго субъекта, а такъ называемая инстинктивная реакція можетъ идти дальше и вступать на практикѣ во взаимныя отношенія съ вызывающимъ ее объектомъ. И въ инстинктивныхъ, и въ эмоціональныхъ процессахъ простое воспоминаніе о данномъ объектѣ или образъ его могутъ быть достаточными для возникновенія реакціи. Человѣкъ можетъ даже приходить въ бо́льшую ярость, думая о нанесенномъ ему оскорбленіи, чѣмъ непосредственно испытывая его на себѣ, и послѣ смерти матери можетъ питать къ ней больше нѣжности, чѣмъ во время ея жизни. Во всей этой главѣ я буду пользоваться выраженіемъ *объектъ эмоціи*, безразлично примѣняя его, какъ къ тому случаю, когда этимъ объектомъ служитъ имѣющійся на лицо реальный предметъ, такъ и къ тому, когда такимъ объектомъ служитъ просто воспроизведенное представленіе.

Разнообразіе эмоцій безконечно велико. *Гнѣвъ*, *страхъ*, *любовь*, *ненависть*, *радость*, *печаль*, *стыдъ*, *гордость* и различные оттѣнки этихъ эмоцій могутъ быть названы наиболѣе *грубыми* формами эмоцій, будучи тѣсно связаны съ относительно сильнымъ тѣлеснымъ возбужденіемъ. Болѣе *утонченными* эмоціями являются моральныя, интеллектуальныя и эстетическія чувствованія, съ которыми обыкновенно бываютъ связаны значительно менѣе сильныя тѣлесныя возбужденія. Объекты эмоцій, обстоятельства, связанныя съ ними, и разнообразные виды эмоцій можно описывать безъ конца. Безчисленные оттѣнки каждой изъ нихъ незамѣтно переходятъ

Digitized by Google

одинъ въ другой и отчасти отмѣчаются въ языкѣ синонимами, какъ, напримѣръ, ненависть, антипатія, вражда, злоба, нерасположеніе, отвращеніе, мстительность, непріязнь, омерзеніе etc. Различіе между ними установлено въ словаряхъ синонимовъ и въ курсахъ психологіи; во многихъ нѣмецкихъ руководствахъ по психологіи главы объ эмоціяхъ представляютъ просто словари синонимовъ. Но для плодотворной разработки того, что уже само по себѣ очевидно, есть извѣстныя границы, и результатомъ множества работъ въ такомъ направленіи явилось то, что чисто описательная литература по этому вопросу, начиная отъ Декарта и до нашихъ дней, представляетъ самый скучный отдѣлъ психологіи. Мало того, вы чувствуете, изучая его, что подраздѣленія эмоцій, предлагаемыя психологами, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются простыми фикціями или весьма несущественны, и что претензіи ихъ на точность терминологіи совершенно неосновательны. Но, къ несчастію, огромное большинство психологическихъ изслѣдованій эмоцій—чисто описательнаго характера. Въ романахъ мы съ интересомъ читаемъ описаніе эмоцій, будучи созданы для того, чтобы переживать ихъ на себѣ. Въ нихъ мы знакомимся съ объектами и обстоятельствами, вызывающими эмоціи, а потому всякая тонкая черта самонаблюденія, украшающая ту или другую страницу романа, немедленно находитъ въ насъ отголосокъ чувства. Классическія литературно-философскія произведенія, написанныя въ видѣ ряда афоризмовъ, также проливаютъ свѣтъ на нашу эмоціональную жизнь и, волнуя наши чувства, доставляютъ намъ наслажденіе. Что-же касается «научной психологіи» чувствованій, то, должно быть, я испортилъ себѣ вкусъ, читая въ слишкомъ большомъ количествѣ классическія произведенія по этому вопросу, но только я предпочелъ-бы читать словесныя описанія размѣровъ скалъ въ Нью-Гэмпширѣ, чѣмъ снова перечитывать эти психологическія произведенія. Въ нихъ нѣтъ никакого плодотворнаго руководящаго начала, никакой основной точки зрѣнія. Эмоціи различаются и оттѣняются въ нихъ до безконечности, но вы не найдете въ нихъ никакихъ логическихъ обобщеній. А между тѣмъ вся прелесть истинно научнаго труда заключается въ постоянномъ углубленіи логическаго анализа. Неужели-же при анализѣ эмоцій невозможно подняться надъ уровнемъ конкретныхъ описаній? Я думаю, что есть выходъ изъ сферы такихъ конкретныхъ описаній, стоитъ только сдѣлать усилія, чтобы найти его.

Причина разнообразія эмоцій. Затрудненія, возникающія въ психологіи при анализѣ эмоцій, проистекаютъ, мнѣ кажется, оттого, что ихъ слишкомъ привыкли разсматривать, какъ абсолютно обособленныя другъ отъ друга явленія. Пока мы будемъ разсматривать каждую изъ нихъ, какъ какую-то вѣчную, неприкосновенную психическую сущность, на подобіе видовъ, считавшихся когда-то въ біологіи

Digitized by Google

неизмѣнными сущностями, до тѣхъ поръ мы можемъ только почтительно составлять каталоги различныхъ особенностей эмоцій, ихъ степеней и дѣйствій, вызываемыхъ ими. Но, если мы станемъ ихъ разсматривать, какъ продукты болѣе общихъ причинъ (какъ, напримѣръ, въ біологіи различіе видовъ разсматривается, какъ продуктъ измѣнчивости подъ вліяніемъ окружающихъ условій и передачи пріобрѣтенныхъ измѣненій по наслѣдству), то установленіе различій и классификація пріобрѣтутъ значеніе простыхъ вспомогательныхъ средствъ. Если у насъ уже есть гусыня, несущая золотыя яйца, то описывать въ отдѣльности каждое снесенное яйцо — дѣло второстепенной важности. На немногихъ послѣдующихъ страницахъ я, ограничиваясь на первыхъ порахъ такъ называемыми грубыми формами эмоцій, укажу на одну причину эмоцій, причину весьма общаго свойства.

Чувствованіе въ грубыхъ формахъ эмоціи есть результатъ ея тѣлесныхъ проявленій. Обыкновенно принято думать, что въ грубыхъ формахъ эмоціи психическое впечатлѣніе, воспринятое отъ даннаго объекта, вызываетъ въ насъ психическое состояніе, называемое эмоціей, а послѣдняя влечетъ за собой извѣстное тѣлесное проявленіе. Согласно моей теоріи, наоборотъ, *тѣлесное возбужденіе слѣдуетъ непосредственно за воспріятіемъ вызвавшаго его факта и сознаваніе нами этого возбужденія въ то время, какъ оно совершается, и есть эмоція.* Обыкновенно принято выражаться слѣдующимъ образомъ: мы потеряли состояніе, огорчены и плачемъ, мы повстрѣчались съ медвѣдемъ, испуганы и обращаемся въ бѣгство, мы оскорблены врагомъ, приведены въ ярость и наносимъ ему ударъ. Согласно защищаемой мною гипотезѣ, порядокъ этихъ событій долженъ быть нѣсколько инымъ; именно, первое психическое состояніе не смѣняется немедленно вторымъ: между ними должны находиться тѣлесныя проявленія, и потому наиболѣе раціонально выражаться слѣдующимъ образомъ: мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что бьемъ другого, боимся, потому что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ, потому что опечалены, приведены въ ярость, испуганы. Еслибы тѣлесныя проявленія не слѣдовали немедленно за воспріятіемъ, то послѣднее было-бы по формѣ своей чисто познавательнымъ актомъ, блѣднымъ, лишеннымъ колорита и эмоціональной «теплоты». Мы въ такомъ случаѣ могли-бы видѣть медвѣдя и рѣшить, что всего лучше обратиться въ бѣгство, могли бы понести оскорбленіе и найти справедливымъ парировать ударъ, но мы не *ощущали-бы* при этомъ страха или негодованія.

Высказанная въ столь грубой формѣ гипотеза можетъ немедленно дать поводъ къ сомнѣніямъ. А между тѣмъ, для того, чтобы умалить ея, повидимому, парадоксальный характеръ и, быть можетъ, даже убѣдиться въ ея истинности, нѣтъ надобности прибѣгать къ многочисленнымъ и отдаленнымъ соображеніямъ.

Digitized by Google

Прежде всего, обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что *каждое воспріятіе путемъ извѣстнаго рода физическаго воздѣйствія оказываетъ на нашъ организмъ широко распространяющееся дѣйствіе, предшествующее возникновенію въ насъ эмоціи или эмоціональнаго образа.* Слушая стихотвореніе, драму, героическую повѣсть, мы нерѣдко съ удивленіемъ замѣчаемъ, что по нашему тѣлу пробѣгаетъ неожиданно, какъ волна, дрожь, или что сердце наше стало сильнѣе биться, а изъ глазъ внезапно полились слезы. То-же самое въ еще болѣе осязательной формѣ наблюдается при слушаніи музыки. Если мы, гуляя въ лѣсу, вдругъ замѣчаемъ что-то темное, двигающееся, наше сердце перестаетъ биться, и мы задерживаемъ дыханье мгновенно, не успѣвъ еще образовать въ головѣ своей никакой опредѣленной идеи объ опасности. Если нашъ добрый знакомый подходитъ близко къ краю пропасти, мы начинаемъ испытывать хорошо знакомое чувство безпокойства и отступаемъ назадъ, хотя хорошо знаемъ, что онъ внѣ опасности, и не имѣемъ никакого отчетливаго представленія о его паденіи. Авторъ живо помнитъ свое удивленіе, когда онъ 7—8-лѣтнимъ мальчикомъ упалъ однажды въ обморокъ при видѣ крови, которая послѣ кровопусканія, произведеннаго надъ лошадью, находилась въ ведрѣ; въ этомъ ведрѣ была палка, онъ началъ размѣшивать этою палкой жидкость, которая капала съ палки въ ведро, не испытывая при этомъ ничего, кромѣ дѣтскаго любопытства. Вдругъ свѣтъ померкъ въ его глазахъ, въ ушахъ поднялся шумъ, и онъ потерялъ сознаніе. Онъ раньше никогда не слышалъ о томъ, что видъ крови можетъ вызывать въ людяхъ тошноту и обморокъ, и питалъ къ ней такъ мало отвращенія и такъ мало усматривалъ въ ней опаснаго, что даже въ столь нѣжномъ возрастѣ не могъ не удивляться тому, какъ простое присутствіе ведра красной жидкости можетъ вызвать такое потрясающее дѣйствіе въ организмѣ.

Лучшее доказательство тому, что непосредственною причиною эмоцій является физическое воздѣйствіе внѣшнихъ раздраженій на нервы, представляютъ тѣ *патологическіе случаи, когда для эмоціи нѣтъ соотвѣтствующаго объекта.* Однимъ изъ главныхъ преимуществъ моей точки зрѣнія на эмоціи является то обстоятельство, что при помощи ея мы можемъ подвести и патологическіе, и нормальные случаи эмоцій подъ одну общую схему. Во всякомъ домѣ сумасшедшихъ мы встрѣчаемъ образчики ничѣмъ не мотивированнаго гнѣва, страха, меланхоліи или мечтательности, а также образчики ровно ничѣмъ не мотивированной апатіи, которая упорно продолжается, не смотря на рѣшительное отсутствіе какихъ бы то ни было побудительныхъ внѣшнихъ причинъ. Въ первомъ случаѣ мы должны предположить, что нервный механизмъ сдѣлался столь воспріимчивымъ по отношенію къ извѣстнымъ эмоціямъ, что почти всякій стимулъ, даже самый неподходящій, является

Digitized by Google

достаточной причиной для того, чтобы вызвать въ немъ возбужденіе въ этомъ направленіи и тѣмъ породить своеобразный комплексъ чувствованій, составляющій данную эмоцію. Такъ, напримѣръ, если извѣстное лицо испытываетъ одновременно неспособность глубоко дышать, біеніе сердца, своеобразную перемѣну въ функціяхъ пневмогастрическаго нерва, называемую «сердечною тоской», стремленіе принять неподвижное распростертое положеніе и сверхъ того еще другіе неизслѣдованные процессы во внутренностяхъ, то общая комбинація этихъ явленій порождаетъ въ немъ чувство страха, и онъ становится жертвою хорошо знакомаго нѣкоторымъ смертельнаго испуга. Мой знакомый, которому случалось испытывать припадки этой ужаснѣйшей болѣзни, разсказывалъ мнѣ, что у него центромъ душевныхъ страданій были сердечная область и дыхательный аппаратъ; что главное усиліе его побороть припадокъ заключалось въ контролированіи дыханія и замедленіи сердцебіенія; и что страхъ его исчезалъ, какъ только ему удавалось начать глубоко вздыхать и выпрямиться.

Здѣсь эмоція есть простое ощущеніе тѣлеснаго состоянія и причиною своею имѣетъ чисто физіологическій процессъ.

Далѣе, обратимъ вниманіе на то, что *всякая тѣлесная перемѣна, какова бы она ни была, отчетливо или смутно ощущается нами въ моментъ своего появленія.* Если читателю не случалось до сихъ поръ обращать вниманіе на это обстоятельство, то онъ можетъ съ интересомъ и съ удивленіемъ замѣтить, какъ много ощущеній въ различныхъ частяхъ тѣла являются характеристическими признаками, сопровождающими тѣ или другія эмоціональныя состоянія его духа. Нѣтъ основаній ожидать, что читатель ради столь курьезнаго психологическаго анализа будетъ задерживать въ себѣ самонаблюденіемъ порывы увлекательной страсти, но онъ можетъ наблюдать эмоціи, происходящія въ немъ при болѣе спокойныхъ состояніяхъ духа, и выводы, которые будутъ справедливы относительно слабыхъ степеней эмоціи, могутъ быть распространены на тѣ-же эмоціи при большей интенсивности. Во всемъ объемѣ, занимаемомъ нашимъ тѣломъ, мы при эмоціи испытываемъ очень живо разнородныя ощущенія, отъ каждой части его въ сознаніе проникаютъ различныя чувственныя впечатлѣнія, слабыя, сильныя, непріятныя, неопредѣленныя, впечатлѣнія, изъ которыхъ слагается чувство личности, постоянно сознаваемое каждымъ человѣкомъ. Удивительно, какіе незначительные поводы вызываютъ нерѣдко въ нашемъ сознаніи эти комплексы чувствованій. Будучи хотя бы въ самой слабой степени огорчены чѣмъ-нибудь, мы можемъ замѣтить, что наше душевное состояніе физіологически всегда выражается главнымъ образомъ сокращеніемъ глазъ и мускуловъ бровей. При неожиданномъ затрудненіи мы начинаемъ испытывать какую-то неловкость въ горлѣ, которая заставляетъ

Digitized by Google

насъ сдѣлать глотокъ, прочистить горло или кашлянуть слегка; аналогичныя явленія наблюдаются во множествѣ другихъ случаевъ. Благодаря разнообразію комбинацій, въ которыхъ встрѣчаются эти органическія измѣненія, сопровождающія эмоціи, можно сказать, исходя изъ отвлеченныхъ соображеній, что всякій оттѣнокъ эмоціи въ его цѣломъ имѣетъ для себя особое физіологическое проявленіе, которое представляетъ такое же unicum, какъ самый оттѣнокъ эмоціи. Огромное число отдѣльныхъ частей тѣла, подвергающихся модификаціи при данной эмоціи, дѣлаетъ столь затруднительнымъ для человѣка въ спокойномъ состояніи воспроизведеніе внѣшнихъ проявленій любой эмоціи. Мы можемъ воспроизвести игру мускуловъ произвольнаго движенія, соотвѣтствующую данной эмоціи, но не можемъ произвольно вызвать надлежащее возбужденіе въ кожѣ, въ железахъ, сердцѣ и внутренностяхъ. Подобно тому, какъ въ искусственномъ чиханіи недостаетъ чего-то, сравнительно съ настоящимъ, такъ точно не производитъ полной иллюзіи искусственное воспроизведеніе печали или энтузіазма при отсутствіи надлежащихъ поводовъ для возникновенія соотвѣтствующихъ настроеній.

Теперь я хочу приступить къ изложенію самаго важнаго пункта моей теоріи, который заключается въ слѣдующемъ: *Если мы представимъ себѣ какую-нибудь сильную эмоцію и попытаемся мысленно вычитать изъ этого состоянія нашего сознанія одно за другимъ всѣ ощущенія связанныхъ съ нимъ тѣлесныхъ симптомовъ, то въ концѣ-концовъ отъ данной эмоціи ничего не останется*, никакого «психическаго матеріала», изъ котораго могла бы образоваться данная эмоція, въ результатѣ же получится холодное, безразличное состояніе чисто интеллектуальнаго воспріятія. Большинство лицъ, которыхъ я просилъ провѣрить мое положеніе путемъ самонаблюденія, вполнѣ соглашались со мной, но нѣкоторые упорно продолжали утверждать, что ихъ самонаблюденіе не оправдываетъ моей гипотезы. Многіе не могутъ толкомъ понять самаго вопроса. Напримѣръ, просишь ихъ устранить изъ сознанія всякое чувство смѣха и всякую наклонность къ смѣху при видѣ смѣшного предмета и затѣмъ сказать, въ чемъ будетъ тогда заключаться смѣшная сторона даннаго предмета, не останется ли тогда въ сознаніи простое воспріятіе предмета, принадлежащаго къ классу «смѣшныхъ» на это они упорно отвѣчаютъ, что это физически невозможно, и что они всегда *вынуждены* смѣяться, видя смѣшной предметъ. Между тѣмъ задача, которую я предлагалъ имъ, заключалась не въ томъ, чтобы, глядя на смѣшной предметъ, на самомъ дѣлѣ уничтожить въ себѣ всякое стремленіе къ смѣху. Это—задача чисто спекулятивнаго характера, и заключается она въ мысленномъ устраненіи нѣкоторыхъ чувственныхъ элементовъ изъ эмоціональнаго состоянія, взятаго въ

Digitized by Google

его цѣломъ и опредѣленіи того, каковы бы были въ такомъ случаѣ остаточные элементы. Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что всякій, кто ясно понялъ поставленный мною вопросъ, согласится съ высказаннымъ мною выше положеніемъ. Я совершенно не могу представить себѣ, что за эмоція страха останется въ нашемъ сознаніи, если устранить изъ него чувства, связанныя съ усиленнымъ сердцебіеніемъ, съ короткимъ дыханіемъ, дрожаніемъ губъ, съ разслабленіемъ членовъ, съ «гусиной» кожей и съ бурчаніемъ въ животѣ. Можетъ ли кто-нибудь представить себѣ состояніе гнѣва и вообразить при этомъ тотчасъ же не волненіе въ груди, приливъ крови къ лицу, расширеніе поздрей, стискиваніе зубовъ и стремленіе къ энергичнымъ поступкамъ, а, наоборотъ, мускулы въ непапряженномъ состояніи, ровное дыханіе и спокойное лицо. Авторъ, по крайней мѣрѣ, безусловно не можетъ этого сдѣлать. Въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, гнѣвъ долженъ совершенно отсутствовать, какъ чувство, связанное съ извѣстными наружными проявленіями, и можно предположить, что въ остаткѣ получится только спокойное, безстрастное сужденіе, всецѣло принадлежащее интеллектуальной сферѣ, именно, мысль о томъ, что извѣстное лицо или лица заслуживаютъ наказанія за свои грѣхи. То-же разсужденіе примѣнимо и къ эмоціи печали: что такое была бы печаль безъ слезъ, рыданій, задержки сердцебіенія, тоски подъ ложечкой? Лишенное чувственнаго тона признаніе того факта, что извѣстныя обстоятельства весьма печальны—и больше ничего. То-же самое обнаруживается на анализѣ всякой другой страсти. Человѣческая эмоція, лишенная всякой тѣлесной подкладки, есть одинъ пустой звукъ. Я не утверждаю, что такая эмоція есть нѣчто, противорѣчащее природѣ вещей, или что чистые духи осуждены на безстрастное интеллектуальное бытіе; я хочу только сказать, что *для насъ* эмоція, отрѣшенная отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій, есть нѣчто непредставимое. Чѣмъ болѣе я анализирую мои психическія состоянія, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что «грубыя» страсти и увлеченія, испытываемыя мною, въ сущности создаются и вызываются тѣми тѣлесными перемѣнами, которыя мы обыкновенно называемъ ихъ проявленіями или результатами; и тѣмъ болѣе мнѣ начинаетъ казаться вѣроятнымъ, что, сдѣлайся мой организмъ анэстетичнымъ (нечувствительнымъ), жизнь аффектовъ, какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ, станетъ для меня совершенно чуждой, и мнѣ придется влачить существованіе чисто познавательнаго или интеллектуальнаго характера. Хотя такое существованіе и казалось идеаломъ для древнихъ мудрецовъ, но для насъ, отстоящихъ всего на нѣсколько поколѣній отъ философской эпохи, выдвинувшей на первый планъ чувственность, оно должно казаться слишкомъ апатичнымъ, безжизненнымъ, чтобы къ нему стоило такъ упорно стремиться.

Digitized by Google

Моя точка зрѣнія не можетъ быть названа матеріалистической. Въ ней не больше и не меньше матеріализма, чѣмъ во всякомъ взглядѣ, согласно которому наши эмоціи обусловлены нервными процессами. Ни одинъ изъ читателей моей книги не возмутится противъ этого положенія, пока оно остается высказаннымъ въ общей формѣ, и если въ этомъ положеніи кто-нибудь всетаки усмотритъ матеріализмъ, то только имѣя въ виду тѣ или другія частныя виды эмоціи. Эмоціи суть *чувственные* процессы, которые обусловлены внутренними нервными токами, возникающими подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій. Такіе процессы, правда, всегда разсматривались платонизирующими психологами, какъ явленія, связанныя съ чѣмъ-то чрезвычайно низменнымъ. Но каковы бы ни были *физіологическія* условія образованія нашихъ эмоцій, сами по себѣ, какъ психическое явленіе, онѣ все равно должны остаться тѣмъ, чѣмъ онѣ суть. Если онѣ представляютъ собою глубокіе, чистые, цѣнные по значенію психическіе факты, то, съ точки зрѣнія любой физіологической теоріи ихъ происхожденія, онѣ останутся все тѣми же глубокими, чистыми, цѣнными для насъ по значенію, какими онѣ являются и съ точки зрѣнія нашей теоріи; онѣ заключаютъ въ самихъ себѣ внутреннюю мѣру своего значенія, и доказывать при помощи предлагаемой теоріи эмоцій, что чувственные процессы не должны непремѣнно отличаться низменнымъ, матеріальнымъ характеромъ, такъ же логически несообразно, какъ опровергать предлагаемую теорію, ссылаясь на то, что она ведетъ къ низменному матеріалистическому истолкованію явленій эмоціи.

Предлагаемая точка зрѣнія объясняетъ удивительное разнообразіе эмоцій. Если предлагаемая мною теорія вѣрна, то въ такомъ случаѣ каждая эмоція есть результатъ соединенія въ одинъ комплексъ психическихъ элементовъ, изъ которыхъ каждый обусловленъ опредѣленнымъ физіологическимъ процессомъ. Составные элементы, изъ которыхъ слагается всякая перемѣна въ организмѣ, есть результатъ рефлекса, вызваннаго внѣшнимъ раздражителемъ. Отсюда немедленно возникаетъ рядъ вполнѣ опредѣленныхъ вопросовъ, которые рѣзко отличаются отъ всякихъ вопросовъ, предлагаемыхъ представителями другихъ теорій эмоцій. Съ ихъ точки зрѣнія, единственно возможными задачами при анализѣ эмоцій были классифицированіе: «Къ какому роду или виду принадлежитъ данная эмоція»? или описаніе: «Какими внѣшними проявленіями характеризуется данная эмоція?» Теперь же дѣло идетъ о выясненіи *причинъ* эмоцій: «Какія именно модификаціи вызываетъ въ насъ тотъ или другой объектъ?» и: «Почему онъ вызываетъ въ насъ именно тѣ, а не другія модификаціи?» Отъ поверхностнаго анализа эмоцій мы переходимъ, такимъ образомъ, къ болѣе глубокому изслѣдованію, къ изслѣдованію высшаго порядка. Классификація и описа-

Digitized by Google

ніе суть низшія стадіи въ развитіи науки. Какъ только выступаетъ на сцену вопросъ о причинной связи въ данной научной сферѣ изслѣдованія, классификація и описаніе отступаютъ на второй планъ и сохраняютъ свое значеніе лишь настолько, насколько облегчаютъ намъ изслѣдованіе причинной связи. Разъ мы выяснили, что причиною эмоцій являются безчисленные рефлекторные акты, возникающіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ объектовъ и немедленно сознаваемые нами, то намъ тотчасъ же становится понятнымъ, *почему можетъ существовать безчисленное множество эмоцій, и почему у отдѣльныхъ индивидовъ онѣ могутъ неопредѣленно варіировать и по ихъ составу, и по мотивамъ, вызывающимъ ихъ.* Дѣло въ томъ, что въ рефлекторномъ актѣ нѣтъ ничего навѣки неизмѣннаго, абсолютнаго. Возможны весьма различныя дѣйствія рефлекса, и эти дѣйствія, какъ извѣстно, варіируютъ обыкновенно до безконечности.

Короче говоря, *любая классификація эмоцій можетъ считаться «истинной» или «естественной»*, коль скоро она удовлетворяетъ своему назначенію, и вопросы вродѣ: «Каково истинное или «типичное» выраженіе гнѣва или страха?» не имѣютъ никакого объективнаго значенія. Вмѣсто рѣшенія подобныхъ вопросовъ мы должны заняться выясненіемъ того, какъ могла произойти та или другая «экспрессія» страха или гнѣва—и это составляетъ съ одной стороны задачу физіологической механики, съ другой—задачу исторіи развитія человѣческой психики, задачу, которая, какъ и всѣ реальныя научныя задачи, по существу разрѣшима, хотя и трудно, быть можетъ, найти ея рѣшеніе. Немного ниже я приведу попытки, которыя дѣлались для ея рѣшенія.

Дополнительное доказательство въ пользу моей теоріи. Если моя теорія справедлива, то она должна подтвердиться слѣдующимъ косвеннымъ доказательствомъ: согласно ей, вызывая въ себѣ произвольно при спокойномъ состояніи духа такъ называемыя внѣшнія проявленія той или другой эмоціи, мы должны испытывать и самую эмоцію. Предположеніе это, насколько его можно было провѣрить опытомъ, скорѣе подтверждается, чѣмъ опровергается послѣднимъ. Всякій знаетъ, до какой степени бѣгство усиливаетъ въ насъ паническое чувство страха, и какъ можно усилить въ себѣ чувства гнѣва или печали, давъ волю ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Возобновляя рыданія, мы усиливаемъ въ себѣ чувство горя, и каждый новый припадокъ плача еще болѣе усиливаетъ горесть, пока не наступаетъ, наконецъ, успокоеніе, обусловленное утомленіемъ и видимымъ ослабленіемъ физическаго возбужденія. Всякій знаетъ, какъ въ гнѣвѣ мы доводимъ себя до высшей точки возбужденія, воспроизводя нѣсколько разъ подрядъ внѣшнія проявленія гнѣва. Подавите въ себѣ внѣшнее проявленіе страсти, и она замретъ въ васъ. Прежде чѣмъ отдаться вспышкѣ

Digitized by Google

гнѣва, попробуйте сосчитать до десяти—и поводъ къ гнѣву покажется вамъ до смѣшного ничтожнымъ. Чтобы придать себѣ храбрости, мы свистимъ и тѣмъ дѣйствительно придаемъ себѣ увѣренность. Съ другой стороны, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая и отвѣчая упавшимъ голосомъ на распросы окружающихъ, и вы тѣмъ еще усилите ваше меланхолическое настроеніе. Въ моральномъ воспитаніи всѣ опытные люди признали чрезвычайно важнымъ слѣдующее правило: если мы хотимъ подавить въ себѣ нежелательное эмоціональное влеченіе, мы должны терпѣливо и сначала хладнокровно воспроизводить на себѣ внѣшнія движенія, соотвѣтствующія противоположнымъ желательнымъ для насъ душевнымъ настроеніямъ. Результатомъ нашихъ упорныхъ усилій въ этомъ направленіи будетъ то, что злобное, подавленное состояніе духа исчезнетъ и замѣнится радостнымъ и кроткимъ настроеніемъ. Расправьте морщины на челѣ, проясните свой взоръ, выпрямите корпусъ, заговорите въ мажорномъ тонѣ, весело привѣтствуя знакомыхъ и, если въ васъ не каменное сердце, то вы невольно поддадитесь мало по малу благодушному настроенію.

Противъ сказаннаго можно привести тотъ фактъ, что, по словамъ многихъ актеровъ, превосходно воспроизводящихъ голосомъ, мимикой лица и тѣлодвиженіями внѣшнія проявленія эмоцій, они при этомъ не испытываютъ ровно никакихъ эмоцій. Другіе, впрочемъ, согласно свидѣтельству д-ра Арчера (Archer), который собралъ по этому вопросу среди актеровъ любопытныя статистическія свѣдѣнія, утверждаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось хорошо сыграть роль, они переживали всѣ эмоціи, соотвѣтствующія послѣдней. Можно указать весьма простое объясненіе для этого разногласія между артистами. Въ экспрессіи каждой эмоціи *внутреннее органическое* возбужденіе можетъ быть у нѣкоторыхъ лицъ совершенно подавлено, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени и самая эмоція, другія же лица не обладаютъ этой способностью. Актеры, испытывающіе во время игры эмоціи, неспособны, не испытывающіе эмоцій — способны совершенно диссоціировать эмоціи и ихъ экспрессію.

Отвѣтъ на возможное возраженіе. Мнѣ могутъ возразить на мою теорію, что иногда, задерживая проявленіе эмоціи, мы ее усиливаемъ. Мучительно то состояніе духа, которое испытываешь, когда обстоятельства заставляютъ удерживаться отъ смѣха; гнѣвъ, подавленный страхомъ, превращается въ сильнѣйшую ненависть. Наоборотъ, свободное проявленіе эмоцій даетъ облегченіе.

Возраженіе это—скорѣе кажущееся, чѣмъ реально обоснованное. *Во время* экспрессіи эмоція всегда чувствуется. *Послѣ* экспрессіи, когда въ нервныхъ центрахъ совершился нормальный разрядъ, мы болѣе не испытываемъ эмоціи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда

Digitized by Google

экспрессія въ мимикѣ лица подавлена нами, внутреннее возбужденіе въ груди и въ животѣ можетъ проявляться съ тѣмъ большею силой, какъ, напримѣръ, при подавленномъ смѣхѣ; или эмоція вслѣдствіе комбинаціи вызывающаго ее объекта съ задерживающимъ ее вліяніемъ можетъ переродиться въ *совершенно другую эмоцію*, которая, быть можетъ, сопровождается инымъ и болѣе сильнымъ органическимъ возбужденіемъ. Еслибы я имѣлъ желаніе убить моего врага, но не осмѣливался бы сдѣлать это, то моя эмоція была бы совершенно иною, сравнительно съ тою, которая овладѣла бы мною въ томъ случаѣ, когда бы я осуществилъ мое желаніе. Въ общемъ это возраженіе несостоятельно.

Болѣе тонкія эмоціи. Въ эстетическихъ эмоціяхъ тѣлесное возбужденіе и интенсивность ощущенія могутъ быть слабы. Эстетикъ можетъ спокойно, безъ всякаго тѣлеснаго возбужденія, чисто интеллектуальнымъ путемъ, оцѣнить художественное произведеніе. Съ другой стороны, произведенія искусства могутъ вызывать чрезвычайно сильныя эмоціи, и въ этихъ случаяхъ опытъ вполнѣ гармонируетъ съ выставленными нами теоретическими положеніями. Согласно нашей теоріи, основными источниками эмоцій являются *центростремительные токи.* Въ эстетическихъ воспріятіяхъ (напримѣръ, музыкальныхъ) главную роль играютъ центростремительные токи, независимо отъ того, возникаютъ ли на-ряду съ ними внутреннія органическія возбужденія, или нѣтъ. Самое эстетическое произведеніе представляетъ объектъ ощущенія, и, поскольку эстетическое воспріятіе есть объектъ непосредственнаго, «грубаго», живо испытываемаго ощущенія, постольку и связанное съ нимъ эстетическое наслажденіе «грубо» и ярко. Я не отрицаю того факта, что могутъ быть тонкія наслажденія, иначе говоря, могутъ быть эмоціи, обусловленныя исключительно возбужденіемъ центровъ совершенно независимо отъ центростремительныхъ токовъ. Къ такимъ чувствованіямъ можно отнести чувство нравственнаго удовлетворенія, благодарности, любопытства, облегченія послѣ разрѣшенія задачи. Но слабость и блѣдность этихъ чувствованій, когда они не связаны съ тѣлесными возбужденіями, представляетъ весьма рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями. У всѣхъ лицъ, одаренныхъ чувствительностью и впечатлительностью, тонкія эмоціи всегда бываютъ связаны съ тѣлеснымъ возбужденіемъ: моральная справедливость, отражается въ звукахъ голоса или въ выраженіи глазъ и т. п. То, что мы называютъ *восхищеніемъ*, всегда бываетъ связано съ тѣлеснымъ возбужденіемъ, хотя бы мотивы, вызвавшіе его, были чисто интеллектуальнаго характера. Если ловкое доказательство или блестящая острота не вызываютъ въ насъ настоящаго смѣха, если мы не испытываемъ тѣлеснаго возбужденія при видѣ справедливаго или великодушнаго поступка, то наше душевное состояніе едвали можетъ быть названо эмоціей. De facto

Digitized by Google

здѣсь происходитъ просто интеллектуальное воспріятіе явленій, которыя относятся нами къ группѣ ловкихъ, остроумныхъ или справедливыхъ, великодушныхъ и т. п. Подобныя состоянія сознанія, заключающія въ себѣ простое сужденіе, слѣдуетъ отнести скорѣе къ познавательнымъ, чѣмъ къ эмоціональнымъ психическимъ процессамъ..

Описаніе страха. На основаніи соображеній, высказанныхъ мною на стр. 306-й, я не стану приводить здѣсь никакого инвентаря эмоцій, никакой классификаціи ихъ и никакого описанія ихъ симптомовъ. Почти все это читатель можетъ вывести самъ изъ самонаблюденія и наблюденія окружающихъ. Впрочемъ, какъ образчикъ лучшаго описанія симптомовъ эмоціи, я приведу здѣсь дарвиновское описаніе симптомовъ страха:

«Страху нерѣдко предшествуетъ изумленіе и такъ тѣсно бываетъ съ нимъ связано, что оба они немедленно оказываютъ дѣйствіе на чувства зрѣнія и слуха. Въ обоихъ случаяхъ глаза и ротъ широко раскрываются, брови приподнимаются. Испуганный человѣкъ въ первую минуту останавливается, какъ вкопанный, задерживая дыханіе и оставаясь неподвижнымъ, или пригибается къ землѣ, какъ-бы стараясь инстинктивно остаться незамѣченнымъ. Сердце бьется быстро, съ силою ударяясь въ ребра, хотя крайне сомнительно, чтобы оно при этомъ работало болѣе усиленно, чѣмъ обыкновенно, посылая большій противъ обыкновеннаго притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ кожа при этомъ мгновенно блѣднѣетъ, какъ передъ наступленіемъ обморока. Мы можемъ убѣдиться въ томъ, что чувство сильнаго страха оказываетъ значительное вліяніе на кожу, обративъ вниманіе на удивительное мгновенно наступающее при этомъ выдѣленіе пота. Это потоотдѣленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что поверхность кожи при этомъ холодна, (откуда возникло и выраженіе: *холодный потъ*), между тѣмъ какъ при нормальномъ выдѣленіи пота изъ потовыхъ желѣзъ поверхность кожи бываетъ горяча. Волосы на кожѣ становятся при этомъ дыбомъ, и поверхностные мускулы начинаютъ дрожать. Въ связи съ нарушеніемъ нормальнаго порядка въ дѣятельности сердца, дыханіе становится учащеннымъ. Слюнныя желѣзы перестаютъ правильно дѣйствовать, ротъ высыхаетъ и часто то открывается, то снова закрывается. Я замѣтилъ также, что при легкомъ испугѣ является сильное желаніе зѣвать. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ симптомовъ страха является дрожаніе всѣхъ мускуловъ тѣла, нерѣдко оно прежде всего замѣчается на губахъ. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе сухости рта, голосъ становится сиплымъ, глухимъ, а иногда и совершенно пропадаетъ. «*Obstupui steteruntque comae et vox faucibus haesit*»... Когда страхъ возрастаетъ до агоніи ужаса, мы получаемъ новую картину эмоціональныхъ реакцій. Сердце бьется совершенно безпорядочно, останавливается и наступаетъ обморокъ; лицо покрыто

Digitized by Google

мертвенной блѣдностью; дыханіе затруднено, крылья ноздрей широко раздвинуты, губы конвульсивно двигаются, какъ у человѣка, который задыхается, впалыя щеки дрожатъ, въ горлѣ происходятъ глотаніе и вдыханіе, выпученные, почти не покрытые вѣками глаза устремлены на объектъ страха или безостановочно вращаются изъ стороны въ сторону. «*Hinc illuc volvens oculos totumque pererrat*». Говорятъ, что зрачки при этомъ бываютъ непомѣрно расширены. Всѣ мускулы коченѣютъ или приходятъ въ конвульсивныя движенія, кулаки попеременно то сжимаются, то разжимаются, нерѣдко эти движенія бываютъ судорожными. Руки бываютъ или простерты впередъ, или могутъ безпорядочно охватывать голову. Г-нъ Гогенауеръ видѣлъ этотъ послѣдній жестъ у испуганнаго австралійца. Въ другихъ случаяхъ появляется внезапное неудержимое стремленіе обратиться въ бѣгство, это стремленіе бываетъ столь сильно, что самые храбрые солдаты могутъ быть охвачены внезапной паникой *).

Происхожденіе эмоціональныхъ реакцій. Какимъ путемъ различные объекты, вызывающіе эмоцію, порождаютъ въ насъ такіе-то опредѣленные виды тѣлеснаго возбужденія? Этотъ вопросъ былъ подъ нятъ только весьма недавно, но были уже сдѣланы съ тѣхъ поринтересныя попытки дать на него отвѣтъ.

Нѣкоторые изъ видовъ экспрессіи можно разсматривать, какъ *повтореніе въ слабой формѣ движеній, которыя прежде (когда еще они выражались въ болѣе рѣзкой формѣ) были полезны для индивида.* Другіе виды экспрессіи подобнымъ же образомъ можно считать *воспроизведеніемъ* въ слабой формѣ движеній, которыя при другихъ условіяхъ являлись *необходимыми физіологическими дополненіями полезныхъ движеній.* Примѣромъ подобныхъ эмоціональныхъ реакцій можетъ служить прерывистость дыханія при гнѣвѣ или страхѣ, которая представляетъ, такъ сказать, органическій отголосокъ, неполное воспроизведеніе того состоянія, когда человѣку приходилось, дѣйствительно, тяжело дышать въ борьбѣ съ врагомъ или въ стремительномъ бѣгствѣ. Таковы, по крайней мѣрѣ, догадки Спенсера по этому вопросу, догадки, нашедшія подтвержденіе со стороны другихъ ученыхъ. Онъ былъ также извѣстно, первымъ ученымъ, насколько мнѣ высказавшимъ предположеніе, что другія движенія при страхѣ и гнѣвѣ можно разсматривать въ качествѣ рудиментарныхъ остатковъ движеній, которыя первоначально были полезными.

«Испытывать въ слабой степени, говоритъ онъ, психическія состоянія, сопровождающія полученіе ранъ или обращеніе въ бѣгство, значитъ чувствовать то, что̀ мы называемъ страхомъ. Испы-

*) Origin of the Emotions (N. J. ed.) p. 292. Русскій переводъ: «О выраженіи ощущеній у животныхъ и человѣка», подъ редакціей Ковалевскаго.

Digitized by Google

тывать въ слабой степени психическія состоянія, связанныя со схватываніемъ добычи, убиваніемъ и съѣденіемъ ея, все равно, что желать схватить добычу, убить и съѣсть. Естественный языкъ нашихъ склонностей служитъ доказательствомъ тому, что наклонности къ извѣстнымъ дѣйствіямъ суть не что̀ иное, какъ зарождающіяся психическія возбужденія, связанныя съ данными дѣйствіями. Сильный страхъ выражается крикомъ, стремленіемъ къ бѣгству, сердечнымъ трепетомъ, дрожью—словомъ, симптомами, сопровождающими дѣйствительныя страданія, испытываемыя отъ объекта, который внушаетъ намъ страхъ. Страсти, связанныя съ разрушеніемъ, уничтоженіемъ чего-нибудь, выражаются въ общемъ напряженіи мускульной системы, въ скрежетѣ зубами, выпусканіи когтей, расширеніи глазъ и фырканіи—все это слабыя проявленія тѣхъ дѣйствій, которыми сопровождается убіеніе добычи. Къ этимъ объективнымъ даннымъ всякій можетъ прибавить изъ личнаго опыта немало фактовъ, значеніе которыхъ такъ же понятно. Каждый можетъ на самомъ себѣ убѣдиться, что психическое состояніе, называемое страхомъ, заключается въ представленіи нѣкоторыхъ непріятныхъ явленій, ожидающихъ насъ впереди; и что психическое состояніе, называемое гнѣвомъ, заключается въ представленіи дѣйствій, связанныхъ съ причиненіемъ кому-нибудь страданія».

Принципъ *переживанія въ слабой формѣ реакцій, полезныхъ для насъ при болѣе рѣзкомъ столкновеніи съ объектомъ данной эмоціи*, нашелъ себѣ немало приложеній въ опытѣ. Такая мелкая черта, какъ оскаливанье зубовъ, обнаженіе верхнихъ зубовъ скашиваньемъ рта на сторону, разсматриваются Дарвиномъ, какъ нѣчто унаслѣдованное нами отъ нашихъ предковъ, которые имѣли большіе глазные зубы (клыки) и при нападеніи на врага оскаливали ихъ (какъ это дѣлаютъ теперь собаки). Подобнымъ же образомъ, согласно Дарвину, подниманіе бровей при направленіи вниманія на что-нибудь внѣшнее, раскрываніе рта при изумленіи обусловлены полезностью этихъ движеній въ крайнихъ случаяхъ. Подниманіе бровей связано съ открываніемъ глазъ, чтобы лучше видѣть, раскрываніе рта—съ напряженнѣйшимъ слушаніемъ и съ быстрымъ вдыханіемъ воздуха, обыкновенно предшествующимъ мускульнымъ напряженіямъ. По Спенсеру расширеніе ноздрей при гнѣвѣ есть остатокъ тѣхъ дѣйствій, къ которымъ прибѣгали наши предки, вдыхая носомъ воздухъ во время борьбы, когда «ротъ ихъ былъ заполненъ частью тѣла противника, которую они захватили зубами».(!) Дрожь во время страха, по мнѣнію Мантегацца, имѣетъ своимъ назначеніемъ разогрѣваніе крови (!). Вундтъ полагаетъ, что краснѣніе лица и шеи есть процессъ, имѣющій цѣлью компенсировать давленіе на мозгъ крови, приливающей къ головѣ вслѣдствіе внезапнаго возбужденія сердца. Вундтъ и Дарвинъ утверж-

Digitized by Google

дають, что то-же назначеніе имѣетъ изліяніе слезъ: вызывая приливъ крови къ лицу, онѣ отвлекаютъ ее отъ мозга. Сокращеніе мускуловъ около глазъ, которое въ дѣтствѣ имѣетъ назначеніемъ предохраніе глазъ отъ чрезмѣрнаго прилива крови во время припадковъ крика у ребенка, сохраняется у взрослыхъ въ видѣ нахмуриванья бровей, которое всегда немедленно происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы сталкиваемся въ мышленіи или дѣятельности съ чѣмъ-нибудь непріятнымъ или труднымъ. «Такъ какъ привычка хмуриться передъ каждымъ припадкомъ крика или плача поддерживалась у дѣтей въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній, говоритъ Дарвинъ, то она прочно ассоціировалась съ чувствомъ наступленія чего-то бѣдственнаго или непріятнаго. Затѣмъ при аналогичныхъ условіяхъ она возникала и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя никогда не доходила до припадка плача. Крикъ и плачъ мы начинаемъ произвольно подавлять въ ранній періодъ жизни, отъ наклонности же хмуриться едва-ли можно когда-либо отучиться». Другой принципъ, которому Дарвинъ, можетъ быть, не отдаетъ полной справедливости, можетъ быть названъ *принципомъ аналогичнаго реагированья на аналогичные чувственные стимулы.* Есть цѣлый рядъ прилагательныхъ, которыя мы метафорически примѣняемъ ко впечатлѣніямъ, принадлежащимъ различнымъ чувственнымъ сферамъ—опытныя впечатлѣнія всевозможныхъ классовъ могутъ быть *сладки, богаты* или *прочны*, ощущенія всѣхъ классовъ могутъ быть *остры*. Согласно съ этимъ, Вундтъ и Пидеритъ разсматриваютъ многія изъ наиболѣе выразительныхъ реакцій на моральные мотивы, какъ символически употребляемыя выраженія вкусовыхъ впечатлѣній. Наше отношеніе къ опытнымъ впечатлѣніямъ, имѣющимъ аналогію съ ощущеніями сладкаго, горькаго, кисляго, выражается въ движеніяхъ сходныхъ, съ тѣми, которыми мы передаемъ соотвѣтствующія вкусовыя впечатлѣнія. «Всѣ душевныя состоянія, которыя языкъ метафорически обозначаетъ горькими, терпкими, сладкими, характеризуются мимическими движеніями рта, представляющими аналогію съ выраженіемъ соотвѣтствующихъ вкусовыхъ впечатлѣній. Та-же аналогичная мимика наблюдается въ выраженіяхъ отвращенія и довольства. Выраженіе отвращенія есть начальное движеніе для изверженія рвоты; выраженіе довольство аналогично съ улыбкой человѣка, сосущаго что-нибудь сладкое или пробующаго что-нибудь губами. Обычный между нами жестъ отрицанія—вращеніе головы изъ стороны въ сторону около ея оси—есть остатокъ того движенія, которое обыкновенно производится дѣтьми, для того чтобы воспрепятствовать чему-нибудь непріятному проникнуть имъ въ ротъ, и которое можно постоянно наблюдать въ дѣтской. Оно возникаетъ у насъ въ томъ случаѣ, когда стимуломъ является уже простая идея о чемъ-нибудь неблагопріятномъ. Подобнымъ же образомъ утвердительное киваніе головы представ-

Digitized by Google

ляетъ аналогію съ нагибаніемъ головы для принятія пищи. У женщинъ аналогія между движеніями, связанными вполнѣ опредѣленно первоначально съ обоняніемъ, и выраженіемъ моральнаго и соціальнаго презрѣнія и антипатіи настолько очевидна, что не требуетъ поясненій. При удивленіи и испугѣ мы мигаемъ, хотя бы для глазъ нашихъ не представлялось никакой опасности; отворачиваніе глазъ на мгновенье можетъ служить вполнѣ надежнымъ симптомомъ того, что ваше предложеніе пришлось не по вкусу данному лицу, и васъ ожидаетъ отказъ. Этихъ примѣровъ будетъ достаточно для того, чтобы показать, что такія движенія экспрессивны по аналогіи.

Но если нѣкоторые изъ нашихъ эмоціональныхъ реакцій могутъ быть объяснены при помощи двухъ указанныхъ нами принциповъ (а читатель навѣрное уже имѣлъ случай убѣдиться, какъ проблематично и искусственно при этомъ объясненіе весьма многихъ случаевъ), то все-таки остается много эмоціональныхъ реакцій, которыя вовсе не могутъ быть объяснены и должны разсматриваться нами въ настоящее время, какъ чисто идіопатическія реакціи на внѣшнія раздраженія. Сюда относятся: своеобразныя явленія, происходящія во внутренностяхъ и внутреннихъ железахъ, сухость рта, поносъ и рвота при сильномъ страхѣ, обильное выдѣленіе мочи при возбужденіи крови и сокращеніе мочевого пузыря при испугѣ, зѣваніе при ожиданіи, ощущеніе «куска въ горлѣ» при сильной печали, щекотаніе въ горлѣ и усиленное глотаніе въ затруднительномъ положеніи, «сердечная тоска» при боязни, холодное и горячее мѣстное и общее выпотѣніе кожи, краснота кожи, а также нѣкоторые другіе симптомы, которые, хотя и существуютъ, вѣроятно, но еще не достаточно отчетливо выдѣлены изъ среды другихъ и не получили еще особаго названія. По мнѣнію Спенсера и Мантегацца, дрожь, наблюдаемая не только при страхѣ, но и при многихъ другихъ возбужденіяхъ, есть явленіе чисто патологическое. Таковы и другіе сильные симптомы ужаса—они вредны для существа, испытывающаго ихъ. Въ такомъ сложномъ организмѣ, какимъ является нервная система, должно существовать много *случайныхъ* реакцій, эти реакціи не могли бы развиться совершенно самостоятельно въ силу одной лишь полезности, которую онѣ могли представлять для организма. Морская болѣзнь, щекотливость, застѣнчивость, любовь къ музыкѣ, наклонность къ различнымъ опьяняющимъ напиткамъ, должны были возникнуть случайнымъ путемъ. Было бы нелѣпо утверждать, что ни одна изъ эмоціональныхъ реакцій не могла бы возникнуть такимъ мнимо-случайнымъ путемъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Инстинктъ.

Что такое инстинктъ. *Обыкновенно инстинктъ опредѣляется, какъ способность дѣйствовать цѣлесообразно, но безъ сознательнаго предвидѣнія цѣли и безъ предварительной выучки производить данное цѣлесообразное дѣйствіе.* Инстинкты находятся въ функціональной связи съ нашей организаціей. Можно сказать, что каждый органъ связанъ съ извѣстнымъ прирожденнымъ приспособленіемъ, необходимымъ для его примѣненія къ дѣлу.

Всѣ дѣйствія, называемыя нами инстинктивными, можно подвести подъ общій типъ рефлекса; всѣ они вызываются воздѣйствіемъ чувственнаго стимула на тѣло животнаго на разстояніи или черезъ непосредственное прикосновеніе. Кошка бѣжитъ за мышью, обращается въ бѣгство или принимаетъ оборонительное положеніе при видѣ собаки, остерегается падать со стѣнъ или съ деревьевъ, избѣгаетъ огня и воды etc., не потому, чтобы она имѣла какія-либо понятія о жизни и смерти, о личности и самосохраненіи. По всей вѣроятности, въ ея умѣ не настолько выработались эти понятія, чтобы быть извѣстными руководящими принципами. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ она руководствуется лишь непосредственными впечатлѣніями, и руководствуется совершенно непроизвольно: она ужъ такъ организована, что чуть завидитъ нѣчто бѣгущее, называемое мышью, такъ сейчасъ же *должна* броситься за этимъ существомъ; чуть встрѣтится со страшнымъ лающимъ животнымъ, называемымъ собакой, такъ сейчасъ же *должна* обратиться въ бѣгство, если собака находится въ нѣкоторомъ отдаленіи, или ощетиниться и выпустить когти, если собака находится въ нѣсколькихъ шагахъ; она *должна* остерегаться попасть лапой въ воду или мордой въ огонь. Ея нервная система представляетъ предъорганизованный комплексъ реакцій—эти реакціи такъ же механически предопредѣлены, какъ чиханіе, и находятся совершенно въ такомъ же отношеніи къ вызывающимъ ихъ раздраженіямъ, какъ и это послѣднее. Хотя физіологъ и имѣетъ право разсматривать эти реакціи, какъ частный случай простыхъ рефлексовъ, однако онъ не долженъ забывать, что въ животномъ онѣ вызываются опредѣленнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, воспріятіемъ или образомъ.

Digitized by Google

На первый взглядъ такая точка зрѣнія должна показаться странной, такъ какъ она предполагаетъ заранѣе заложеннымъ въ организацію животнаго множество приспособленій къ тѣмъ объектамъ, среди которыхъ ему предстоитъ жить. Можетъ ли идти такъ далеко и быть столь сложнымъ взаимное приспособленіе организаціи животнаго и окружающей обстановки? Неужели каждое существо рождается приспособленнымъ къ опредѣленнымъ объектамъ подобно тому, какъ ключи бываютъ приноровлены къ замкамъ? Все это, безъ сомнѣнія, необходимо допустить. Каждый уголокъ вселенной, даже наша кожа и внутренности заполнены живыми существами, органы которыхъ приспособлены къ окружающимъ условіямъ, къ поглощенію и перевариванію находящейся тамъ пищи и къ самозащитѣ въ случаѣ опасности, какая тамъ можетъ встрѣтиться, и миніатюрность приспособленія въ отношеніи *строенія* животнаго оказывается безпредѣльной. Такъ же безпредѣльна миніатюрность приспособленія во взаимныхъ отношеніяхъ живыхъ существъ.

Старинныя сочиненія объ инстинктѣ представляютъ безсодержательный наборъ словъ, потому что ихъ авторы никогда не доходили до этой простой и опредѣленной точки зрѣнія на данный предметъ, высказывая въ туманныхъ выраженіяхъ свое изумленіе предъ способностями животныхъ къ ясновидѣнію и пророческимъ предчувствіямъ, далеко превосходящимъ умственныя силы человѣка, и прославляли благодѣяніе Бога, сообщившаго имъ такой даръ. Но первое благодѣяніе Бога по отношенію къ животнымъ заключается въ томъ, что онъ ихъ одарилъ нервною системой, и если мы обратимъ наше вниманіе на это обстоятельство, то тотчасъ же окажется, что инстинктъ—явленіе удивительное ровно настолько, насколько удивительны всѣ вообще явленія жизни.

Всякій инстинктъ есть импульсъ. Спорить о томъ, слѣдуетъ ли называть инстинктами такіе импульсы, какъ краснота, чиханіе, кашель, улыбка, ритмичность въ музыкѣ и т. п., значило бы спорить о словахъ. И тамъ, и тутъ—психологическій процессъ совершенно тожественный. Г-нъ *Шнейдеръ*, въ своей въ высшей степени живо и интересно написанной книгѣ: «Der Thierische Wille» подраздѣляетъ импульсы (*Triebe*) на чувственные, предметные и идейные. Наклонность ежиться отъ холода есть чувственный импульсъ; стремленіе повернуться при видѣ бѣгущихъ и бѣжать за ними—предметный импульсъ, то есть, импульсъ, связанный съ воспріятіемъ внѣшнихъ объектовъ; стремленіе искать крова во время вѣтра и дождя—идейный импульсъ. Отдѣльное сложное инстинктивное дѣйствіе можетъ заключать въ себѣ послѣдовательное пробужденіе всѣхъ импульсовъ. Такъ, напримѣръ, голодный левъ принимается *искать* добычу, вслѣдствіе возникновенія въ немъ образа добычи въ связи съ желаніемъ овладѣть ею; онъ начинаетъ *выслѣживать* ее, когда

Digitized by Google

до его носа, уха или глаза доходитъ чувственное впечатлѣніе, указывающее на то, что она находится на нѣкоторомъ разстояніи; онъ *набрасывается* на нее, или если она въ испугѣ обращается въ бѣгство, или если разстояніе отъ нея очень невелико; онъ принимается разрывать и пожирать ее, когда зубы и когти его приходятъ въ соприкосновеніе съ нею. Выискиваніе, выслѣживаніе, нападеніе и пожираніе соотвѣтствуютъ четыремъ различнаго рода комплексамъ мускульныхъ сокращеній, и каждый изъ этихъ комплексовъ мускульныхъ сокращеній вызывается особыми, только ему одному соотвѣтствующими стимулами.

Почему же различныя животныя производятъ дѣйствія, которыя кажутся намъ столь странными и возникаютъ, повидимому, подъ вліяніемъ столь несоотвѣтствующихъ стимуловъ? Почему, напримѣръ, курица обрекаетъ себя на скуку, принимаясь высиживать, повидимому, до крайности непривлекательное для нея гнѣздо съ яицами? Неужели потому, что она обладаетъ пророческимъ предвидѣніемъ результатовъ высиживанія? Мы можемъ дать на это отвѣтъ лишь ad hominem—сообразуясь съ нашей собственной психикой. Почему мы предпочитаемъ обыкновенно ложиться на мягкія постели, а не на голый полъ? Почему, находясь въ комнатѣ, мы изъ сотни разъ 99 разъ норовимъ быть лицомъ къ серединѣ комнаты, а не къ стѣнѣ? Почему мы предпочитаемъ порцію баранины съ бутылкой шампанскаго куску твердаго сухаря съ грязною водой? Почему извѣстная барышня такъ увлекаетъ собой молодого человѣка, что для него все, относящееся къ ней, становится дороже всего на свѣтѣ? На это можно только сказать, что таковы человѣческія влеченія, и что каждое существо имѣетъ свои влеченія и безъ всякихъ разсужденій руководствуется ими въ своихъ поступкахъ. Можно анализировать эти влеченія съ научной точки зрѣнія и найти, что почти всѣ они полезны для даннаго существа. Но мы слѣдуемъ имъ, не имѣя въ виду ихъ полезности, но чувствуя, что это — единственный отъ природы присущій намъ образъ дѣйствія. Изъ билліона людей не найдется и одного, который, садясь за обѣдъ, принимался бы размышлять о пользѣ купаній. Люди ѣдятъ, потому что пища пріятна на вкусъ и вызываетъ въ нихъ желаніе продолжать ѣсть. Если вы кого-нибудь спросите, почему онъ ѣстъ то, что имѣетъ такой именно вкусъ, а не иной, то онъ не отнесется къ вамъ, какъ къ мудрецу, заслуживающему уваженія, а осмѣетъ васъ, какъ глупца. Связь между опредѣленными вкусовыми ощущеніями и вызываемыми ими дѣйствіями представляетъ нѣчто само собой понятное, selbstverständlich, какъ-бы апріорный синтезъ, не нуждающійся ни въ какомъ дальнѣйшемъ объясненіи. Надо, чтобы у человѣка, по выраженію Беркли, зашелъ умъ за разумъ отъ излишней учености, для того чтобы онъ усмотрѣлъ

Digitized by Google

въ естественнѣйшихъ процессахъ нѣчто странное и сталъ задаваться вопросомъ, *почему* люди производятъ такія, а не иныя инстинктивныя дѣйствія. Одинъ метафизикъ способенъ задаваться вопросами вродѣ слѣдующихъ: «Почему мы улыбаемся, а не хмуримся, когда веселы? Почему мы не можемъ съ толпой говорить такъ спокойно, какъ со своимъ пріятелемъ? Почему именно та, а не другая барышня сводитъ насъ съ ума»? Простой смертный можетъ одно только отвѣчать метафизику: «*Само собой понятно*, отчего мы улыбаемся, отчего наше сердце начинаетъ биться, когда мы обращаемся къ толпѣ, отчего каждый изъ насъ увлекается тою, а не другою барышней и видитъ въ ней чудную душу въ прелестной тѣлесной оболочкѣ, существо, которое самою природою очевиднѣйшимъ образомъ предназначено быть предметомъ вѣчной любви!»

Для животнаго, производящаго извѣстныя дѣйствія въ присутствіи извѣстнаго объекта, инстинкты, по всей вѣроятности, являются также чѣмъ-то непосредственно даннымъ. Для нихъ значеніе инстинкта такъ же самоочевидно, какъ и для насъ. Для льва предметомъ любви служитъ львица, для медвѣдя—медвѣдица. Для насѣдки, должна представляться чудовищной мысль, что есть существа, для которыхъ гнѣздо куриныхъ яицъ не представляетъ такого драгоцѣннаго удобнаго для сидѣнія предмета, какимъ оно представляется ей.

Итакъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что какъ ни странны для насъ иногда кажутся инстинкты животныхъ, наши инстинкты должны казаться имъ не менѣе странными. А отсюда мы можемъ заключить, что для животнаго, руководствующагося инстинктомъ, каждое детальное дѣйствіе въ данномъ инстинктѣ понятно само собой и кажется иногда единственнымъ правильнымъ и разумнымъ способомъ дѣйствія. Данный инстинктъ мотивируется исключительно самимъ собою. Что можетъ удержать муху отъ чувственнаго возбужденія, связаннаго съ выдѣленіемъ яицъ, когда она, наконецъ, нашла подходящій листокъ, падаль или кусокъ навоза, на которомъ ей кажется всего удобнѣе положить яица? Развѣ процессъ кладки яицъ не представляется для нея самъ по себѣ въ эту минуту необходимымъ? Развѣ она думаетъ при этомъ о будущемъ своемъ потомствѣ и его пропитаніи?

Инстинкты не всегда бываютъ слѣпы и неизмѣнны. Весьма часто высказывается мысль, будто человѣкъ отличается отъ низшихъ животныхъ почти полнымъ отсутствіемъ инстинктовъ, мѣсто которыхъ въ немъ занимаетъ «разумъ». Два теоретика, неуяснившіе себѣ толкомъ основныхъ понятій объ инстинктѣ, могли бы поднять по этому поводу совершенно безплодный споръ, мы же, разумѣется, не будемъ спорить о словахъ тамъ, гдѣ факты сами по себѣ достаточно ясны.

Digitized by Google

Человѣкъ обладаетъ гораздо большимъ числомъ *импульсовъ*, чѣмъ какое-либо другое низшее животное, и каждый изъ этихъ импульсовъ взятый самъ по себѣ такъ же «слѣпъ», какъ любой низшій инстинктъ, но благодаря развитію способностей памяти, рефлексіи и наведенія, человѣкъ оказывается въ состояніи сознавать каждый изъ нихъ въ отдѣльности, послѣ того какъ онъ однажды испыталъ ихъ, узналъ ихъ результаты и можетъ *предвидѣть* послѣдніе. При этомъ условіи можно сказать, что импульсъ совершается нами отчасти, по крайней мѣрѣ, *въ виду* его результатовъ. *Ясно, что всякое инстинктивное дѣйствіе, разъ будучи повторено животнымъ, обладающимъ памятью, должно перестать быть «слѣпымъ»*, и должно ровно постольку сопровождаться предвидѣніемъ цѣли, къ которой оно ведетъ, поскольку животное ранѣе могло узнать эту цѣль. Насѣкомое, кладущее яица въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно никогда не наблюдаетъ вылупленія изъ нихъ потомства, должно всегда «слѣпо» класть яица, но курица, выведшая однажды цыплятъ, едвали будетъ высиживать второе гнѣздо яицъ, совершенно «слѣпо», не предвидя появленія на свѣтъ цыплятъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, аналогичномъ съ даннымъ, у животнаго должна быть извѣстная степень предвидѣнія результатовъ, и поскольку это предвидѣніе касается желательнаго или нежелательнаго результата, постольку оно можетъ способствовать импульсу или задерживать его. Мысль о цыплятахъ, быть можетъ, побуждаетъ курицу терпѣливѣе высиживать яица; съ другой стороны, воспоминаніе о благополучномъ бѣгствѣ изъ мышеловки, возникши въ умѣ крысы, должно удерживать ее отъ импульса взять приманку, лежащую въ чемъ-нибудь похожемъ на мышеловку. Если мальчикъ видитъ толстую жабу, въ немъ (особливо въ присутствіи компаніи пріятелей) легко можетъ возникнуть неудержимый импульсъ раздавить ее камнемъ, причемъ можно предположить, что онъ совершенно слѣпо повинуется этому импульсу. Но видъ умирающей жабы со сложенными лапками можетъ вызвать въ немъ мысль о жестокости его поступка или напомнить ему о томъ, какъ ему раньше говорили, что страданія животныхъ сходны съ его собственными; въ силу этого, когда при видѣ другой жабы онъ снова почувствуетъ соблазнъ раздавить ее, въ его головѣ возникнетъ мысль, которая не только удержитъ его самого отъ жестокости, но даже можетъ вызвать въ немъ добрыя чувства и сдѣлать его защитникомъ жабы передъ его не столь умудренными опытомъ пріятелями.

Итакъ, ясно, что *какъ-бы животное ни было богато одарено отъ природы инстинктами, конечные результаты его дѣйствій могутъ значительно измѣняться, если инстинкты комбинируются съ личнымъ опытомъ*, если къ импульсамъ примѣшивается въ значительной степени вліяніе памяти, ассоціаціи идей, наведенія, ожиданія. Объектъ *O*, вызывающій въ животномъ инстинктивную

Digitized by Google

реакцію *A*, самъ по себѣ долженъ имѣть результатомъ именно эту реакцію, но для животнаго *O* стало съ теченіемъ времени *знакомъ*, указывающимъ на близость *P*, которое вызываетъ въ животномъ импульсъ *B*, равный *A* по силѣ, но совершенно несходный съ нимъ. Такимъ образомъ, при встрѣчѣ животнаго съ *O*, въ немъ происходитъ борьба за преобладаніе между непосредственнымъ импульсомъ *A* и болѣе отдаленнымъ *B*. При этомъ единообразіе и роковой характеръ инстинкта могутъ быть для наблюдателя столь мало очевидны, что можетъ показаться, будто объектъ *O* вовсе не вызываетъ въ данномъ животномъ какой-либо инстинктивной реакціи. А между тѣмъ думать такъ было бы величайшей ошибкой! Инстинктъ, связанный съ объектомъ *O*, въ данномъ случаѣ налицо, только онъ въ силу осложняющаго вліянія ассоціаціоннаго механизма пришелъ въ столкновеніе съ инстинктомъ, который связанъ съ объектомъ *P*.

Теперь мы можемъ убѣдиться, къ какимъ плодотворнымъ выводамъ ведетъ наша простая физіологическая точка зрѣнія на природу инстинкта. Если инстинктъ есть простой двигательный импульсъ, возникающій подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія и обусловленный нѣкоторой предсуществующей въ нервныхъ центрахъ животнаго рефлекторной дугой, то онъ, конечно, долженъ подчиняться тѣмъ общимъ законамъ, какимъ слѣдуютъ эти дуги. Одною изъ особенностей ихъ возбужденія является то, что оно подвергается вліянію другихъ процессовъ, происходящихъ въ то-же время въ организмѣ. Безразлично, прирождены ли эти дуги организму образовались ли онѣ самопроизвольно впослѣдствіи или выработались въ силу привычки—во всѣхъ этихъ случаяхъ онѣ вступаютъ во взаимодѣйствіе съ другими дугами, то одерживая перевѣсъ надъ ихъ вліяніемъ, то уступая послѣднему и пропуская черезъ себя посторонніе токи. Съ мистической точки зрѣнія на инстинктъ его слѣдовало бы считать чѣмъ-то неизмѣннымъ. Съ физіологической точки зрѣнія слѣдуетъ ожидать, что въ инстинктахъ должны обнаруживаться случайныя уклоненія у всякаго животнаго, въ которомъ число отдѣльныхъ инстинктовъ велико, и многіе изъ нихъ могутъ возникать подъ вліяніемъ того же внѣшняго стимула. Въ инстинктахъ каждаго высшаго животнаго такія уклоненія въ дѣятельности инстинктовъ наблюдаются во множествѣ. Мы имѣемъ передъ собою элементарную форму инстинктивной жизни въ замаскированномъ видѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ умѣ животнаго значительно развита способность къ различенію; гдѣ разрядъ возбужденія происходитъ въ рефлекторной дугѣ подъ одновременнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ раздѣльныхъ чувственныхъ стимуловъ; гдѣ животное не поддается импульсу непосредственно, ограничившись опредѣленіемъ *рода* стимула, и не разбирая, къ какому *виду* относится онъ и при какихъ *обстоятельствахъ* появился; гдѣ, наконецъ, различные индивиды и различныя обстоятельства, могутъ

Digitized by Google

вліять на животныхъ различнымъ образомъ. Вся исторія взаимныхъ отношеній между людьми и низшими дикими животными заключается въ томъ, что мы умѣемъ судить о вещахъ не по одной ихъ внѣшности, животныя же, отдаваясь непосредственному впечатлѣнію, идутъ на приманки и дѣлаются нашими жертвами. Природа сообщила имъ менѣе совершенную, сравнительно съ нами, организацію, заставляя ихъ дѣлать *всегда* то, что лишь *въ большинствѣ случаевъ* цѣлесообразно. Въ природѣ гораздо болѣе червей, свободно ползающихъ, чѣмъ червей, надѣтыхъ на крючки удочекъ; поэтому природа внушила рыбамъ: «Хватайте *всякаго* червяка, какой только попадется на глаза, рискуя попасться на крючекъ». Но чѣмъ выше животный типъ, чѣмъ цѣннѣе его жизнь, тѣмъ менѣе природа заставляетъ его рисковать. Гдѣ тотъ же предметъ начинаетъ казаться то пищей, то опасной приманкой; гдѣ общительный характеръ животнаго заставляетъ его различать въ отдѣльныхъ индивидахъ друзей или соперниковъ, смотря по обстоятельствамъ; гдѣ каждый впервые видимый объектъ разсматривается сразу, какъ нѣчто вредное или полезное, тамъ *Природа влагаетъ въ животное стремленіе реагировать на многіе классы объектовъ прямо противоположнымъ образомъ* и предоставляетъ рѣшающее вліяніе въ пользу того или другого импульса мелкимъ частнымъ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ. Такъ, напримѣръ, и въ человѣкѣ, и въ другихъ млекопитающихъ, и въ высшихъ породахъ птицъ, жадность и подозрительность, застѣнчивость и похоть, скромность и тщеславіе, общительность и угрюмость равнымъ образомъ быстро приходятъ во взаимное столкновеніе и равнымъ образомъ находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи. Все это— природные импульсы, первоначально совершенно «слѣпые», порождающіе двигательныя реакціи строго опредѣленнаго типа. Слѣдовательно, *каждый изъ нихъ есть инстинктъ*, т. е. подходитъ подъ обычное опредѣленіе инстинкта, но всѣ *они противоположны другъ другу*, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ приложенія тотъ или другой частный «опытъ» дѣлаетъ между ними выборъ. *Проявляя ихъ, животное перестаетъ дѣйствовать «инстинктивно»* и является, повидимому, существомъ, ведущимъ интеллектуальную жизнь, колеблющимся между различными альтернативами и дѣлающимъ между ними выборъ, *не потому, чтобы оно не имѣло вовсе инстинктовъ, но скорѣе потому, что оно обладаетъ такимъ множествомъ инстинктовъ, что они, приходя во взаимное столкновеніе, модифицируютъ конечный результатъ.*

Итакъ, мы смѣло можемъ сказать слѣдующее: сколь ни кажутся иногда неопредѣленными реакціи человѣка на окружающія условія, сравнительно съ реакціями низшихъ животныхъ, неопредѣленность эта, по всей вѣроятности, происходитъ не оттого, что послѣднія располагаютъ такими импульсами къ дѣятельности, которыхъ нѣтъ у че-

Digitized by Google

ловѣка. *Наоборотъ, человѣкъ располагаетъ всѣми импульсами къ дѣйствію, какія имѣются у животныхъ, и сверхъ того еще множествомъ другихъ.* Другими словами, съ физіологической точки зрѣнія между инстинктивными и разумными дѣйствіями нѣтъ никакого антагонизма. *Самъ по себѣ* разумъ не можетъ задерживать импульсы; единственная вещь, могущая нейтрализовать данный импульсъ, есть импульсъ въ противоположномъ направленіи. Впрочемъ, разумъ можетъ сдѣлать *выводъ, который, подѣйствовавъ на воображеніе, можетъ измѣнить направленіе импульса*, и, такимъ образомъ, хотя наиболѣе разумное животное есть въ то-же время наиболѣе одаренное инстинктивными импульсами, однако оно никогда не кажется автоматомъ, дѣйствующимъ роковымъ образомъ, какимъ должно казаться животное, руководимое *только* инстинктомъ.

Два фактора, нарушающихъ единообразіе инстинктовъ. Въ жизни взрослаго животнаго инстинкты могутъ быть замаскированы двумя другими факторами:

1) *задерживающимъ вліяніемъ привычекъ.*
2) *своимъ преходящимъ характеромъ.*

I) Законъ задерживающаго вліянія привычекъ заключается въ слѣдующемъ: *когда объектъ, принадлежащій извѣстному классу, вызываетъ въ животномъ извѣстнаго рода реакцію, то нерѣдко случается, что животное начинаетъ оказывать предпочтеніе первому экземпляру изъ даннаго класса, на который оно реагировало, и впослѣдствіи перестаетъ реагировать на другіе экземпляры даннаго класса.*

Между животными, даже низшими видами животныхъ, широко распространено стремленіе оказывать предпочтеніе опредѣленному углу для житья, опредѣленной самкѣ, опредѣленному пастбищу, опредѣленному виду пищи, вообще, опредѣленнымъ объектамъ среди множества другихъ имъ подобныхъ. Блюдечко имѣетъ обыкновеніе прикрѣпляться постоянно къ одной и той же части скалы, а морской ракъ постоянно возвращается въ тотъ же облюбованный имъ уголокъ на днѣ моря. Зайцы испражняются всегда въ одномъ и томъ же углу, птица норовитъ свить гнѣздо каждый годъ на томъ же сукѣ дерева. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ животное, предпочитая извѣстный объектъ, относится индифферентно ко всѣмъ другимъ подобнымъ объектамъ, что физіологически можно объяснить только задерживающимъ вліяніемъ прежнихъ импульсовъ, вошедшихъ въ привычку, на новые аналогичные импульсы. Обладая своимъ домомъ, своей женою, мы становимся удивительно индифферентны къ домамъ и женамъ другихъ, какъ бы они ни были привлекательны. Немногіе изъ насъ

Digitized by Google

настолько отважны, чтобы относиться къ любой пищѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: для большинства изъ насъ непривычное мэню обѣда представляетъ нѣчто противное. Мы склонны думать, что незнакомыя намъ лица, особенно пріѣхавшія изъ дальнихъ городовъ, не представляютъ никакого интереса для знакомства. Тотъ первоначальный импульсъ, который побудилъ насъ къ пріобрѣтенію дома, заключенію брака, установленію дружескихъ отношеній, опредѣленнаго образа питанія, въ самомъ началѣ своихъ воздѣйствій на насъ заставилъ насъ истратить весь запасъ энергіи, такъ что новыя, аналогичныя впечатлѣнія не вызываютъ въ насъ никакой реакціи. Наблюдая эту невоспріимчивость человѣка ко множеству впечатлѣній, иной психологъ способенъ прійти къ заключенію, что въ людяхъ не существуетъ никакой инстинктивной наклонности къ извѣстнымъ объектамъ. На самомъ дѣлѣ наклонности эти существовали, но въ *смѣшанномъ* видѣ, или существовали даже въ видѣ простого, чистаго инстинкта, пока не образовалась привычка. Овладѣвъ какимъ-нибудь инстинктивнымъ стремленіемъ, привычка съуживаетъ его сферу, заставляя насъ реагировать только на привычный объектъ, хотя и другіе объекты могли бы такъ же легко стать для насъ привычными, если бы они попались намъ на глаза первыми.

Другой примѣръ задерживающаго вліянія привычки на инстинктъ мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда тотъ же классъ объектовъ вызываетъ прямо противоположные инстинктивные импульсы. При этомъ импульсъ, которому мы первоначально слѣдуемъ, будучи направленъ на одинъ изъ объектовъ даннаго класса, можетъ сдѣлать навсегда невозможнымъ возникновеніе въ насъ противоположнаго импульса по отношенію къ любому изъ объектовъ даннаго класса. Опредѣленное отношеніе наше къ извѣстному экземпляру даннаго класса можетъ сдѣлать, дѣйствительно, невозможнымъ для насъ противоположное отношеніе къ цѣлому классу. Животное, напримѣръ, можетъ вызывать въ ребенкѣ два прямо противоположныхъ импульса — или стремленіе приласкать его, или стремленіе бѣжать отъ него въ страхѣ. Но если, напримѣръ, собака, при первой попыткѣ ребенка погладить ее, оскалитъ зубы или укуситъ его и тѣмъ сильно испугаетъ его, то можетъ случиться, что цѣлые годы пройдутъ, прежде чѣмъ ребенокъ снова почувствуетъ импульсъ приласкать собаку. Съ другой стороны, величайшіе враги по своей природѣ, если ихъ воспитывать съ ранняго дѣтства вмѣстѣ и держать въ строгой дисциплинѣ, въ результатѣ образуютъ тѣ «счастливыя семейства» друзей-животныхъ, которыхъ показываютъ въ нашихъ звѣринцахъ. Новорожденныя животныя, не имѣютъ инстинкта страха и явно выказываютъ свою безпомощность, легко даваясь въ руки. Съ возрастомъ, правда, они дичаютъ и, если ихъ оставить на волѣ, вскорѣ уже не подпускаютъ

Digitized by Google

къ себѣ человѣка на близкое разстояніе. Фермеры, обитатели дикой мѣстности въ Адирондакѣ, говорили мнѣ, что для нихъ составляетъ очень большую непріятность, когда корова, заблудившись въ лѣсу, телится, и ее съ новорожденнымъ находятъ тамъ черезъ недѣлю и больше. Такія телята совершенно дики, бѣгаютъ такъ же быстро, какъ лани, и нужно употребить надъ ними насиліе, чтобы овладѣть ими. Телята же, при которыхъ люди находились въ первые дни ихъ жизни, когда инстинктъ привязанности проявляется съ особенной силой, рѣдко обнаруживаютъ дикость, и не боятся постороннихъ, какъ выросшіе въ дикомъ состояніи.

То-же явленіе въ очень характерной формѣ наблюдается на курахъ. Описаніе относящихся сюда фактовъ мы находимъ въ удивительной статьѣ объ инстинктѣ д-ра Спальдинга *). Тотъ же объектъ, напримѣръ, человѣкъ, можетъ вызывать въ цыплятахъ противоположные инстинкты привязанности и страха. Если цыпленокъ родился въ отсутствіе курицы, то онъ «имѣетъ обыкновеніе слѣдовать за любымъ движущимся предметомъ, руководствуясь однимъ чувствомъ зрѣнія: онъ безразлично слѣдуетъ за уткою, курицей и человѣкомъ. Недогадливые зрители, видя, какъ однодневные цыплята бѣгали за мною и отзывались на мой свистокъ, въ то время какъ старшіе цыплята слѣдовали за мною лишь издали, полагали, что я обладаю надъ этими существами какою-то таинственной властью, между тѣмъ какъ я просто пріучилъ ихъ раньше всего къ себѣ; слѣдуя за мною, они руководились прирожденнымъ, предшествующимъ опыту инстинктомъ, направляясь къ предмету сообразно съ издаваемымъ имъ звукомъ».

Но, если цыпленокъ видитъ человѣка впервые въ тотъ моментъ, когда испытываетъ сильный страхъ, то получаются впослѣдствіи прямо противоположныя явленія. Спальдингъ держалъ въ продолженіе четырехъ дней новорожденныхъ цыплятъ съ завязанными глазами и слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ послѣдующее поведеніе:

«Каждый изъ нихъ, когда я развязалъ имъ глаза, обнаруживалъ ко мнѣ величайшій страхъ и бросался въ сторону отъ меня, всякій разъ какъ я пытался къ нему подойти. Столъ, на которомъ я снялъ съ ихъ глазъ повязки, находился возлѣ окна, и всѣ они, какъ только я снялъ повязки, принялись одинъ за другимъ биться въ стекла, какъ дикія птицы. Одинъ изъ нихъ запрятался между книгъ, забился въ уголъ и долгое время дрожалъ тамъ всѣмъ тѣломъ. Можно догадываться о причинѣ страннаго, совершенно исключительнаго одичанія птицъ, но пока я ограничусь простымъ указаніемъ на это своеобразное явленіе. Каково бы ни было значеніе той рѣзкой перемѣны, которая произошла въ ихъ психиче-

*) Spalding, Macmillans Magazine, Febr., 1873, p. 287 and 289.

Digitized by Google

скомъ складѣ (развяжи я имъ глаза днемъ раньше—они бѣжали-бы не отъ меня, а ко мнѣ); во всякомъ случаѣ эта перемѣна не могла быть результатомъ тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ организаціи цыплятъ». Описанное Спальдингомъ явленіе вполнѣ аналогично съ приведеннымъ мною выше наблюденіемъ фермеровъ въ Адирондакѣ надъ одичалыми телятами. Два противоположныхъ инстинкта, относящихся къ тому же объекту, созрѣваютъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Если первый изъ нихъ порождаетъ привычку, привычка эта будетъ вліять задерживающимъ образомъ на развитіе второго инстинкта по отношенію къ данному объекту. Всѣ животныя въ самую раннюю пору младенчества—ручныя. Привычки, образующіяся у нихъ въ эту пору, ограничиваютъ проявленіе дикихъ инстинктовъ, которые впослѣдствіи достигаютъ полнаго развитія.

II) Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается законъ измѣнчивости инстинктовъ. Этотъ законъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *Многіе инстинкты созрѣваютъ въ извѣстномъ возрастѣ и затѣмъ мало по малу исчезаютъ.* Результатомъ этого закона является то, что, сталкиваясь въ періодъ наибольшей способности къ развитію даннаго инстинкта съ соотвѣтствующими этому инстинкту объектами, мы пріобрѣтаемъ привычку реагировать на эти объекты опредѣленнымъ образомъ, привычку, которая сохраняется въ насъ и тогда, когда первоначальный инстинктъ уже исчезъ; если же намъ не случается прійти въ столкновеніе съ соотвѣтствующими данному инстинкту объектами, то въ насъ не образуется никакой привычки; и впослѣдствіи, сталкиваясь въ жизни съ этими объектами, и животныя, и люди не реагируютъ на нихъ такъ, какъ они инстинктивно реагировали бы въ болѣе раннюю пору жизни.

Безъ сомнѣнія, дѣятельность этого закона имѣетъ ограниченную сферу. Нѣкоторые инстинкты гораздо менѣе преходящи, сравнительно съ другими (инстинкты, связанные съ питаніемъ и самосохраненіемъ, почти совершенно неизмѣнны); другіе, періодически то пропадаютъ, то возвращаются съ новою силою, напримѣръ, инстинкты случки и выведенія дѣтенышей. Впрочемъ, законъ измѣнчивости инстинктовъ, хотя и не имѣетъ абсолютнаго значенія, широко распространенъ въ животномъ мірѣ; на частныхъ примѣрахъ всего лучше можно выяснить его значеніе. Въ приведенныхъ нами выше фактахъ отношеніе куръ и телятъ къ человѣку было обусловлено образованіемъ или необразованіемъ въ нихъ привычки въ теченіе первыхъ дней жизни, и потому понятно, отчего инстинктъ слѣдованія за кѣмъ-нибудь и привязанности черезъ нѣсколько дней исчезалъ и замѣнялся инстинктомъ бѣгства прочь отъ опасности. Преходящій характеръ инстинкта привязанности у цыплятъ можно наблюдать по ихъ отношенію къ насѣдкѣ. Спальдингъ

Digitized by Google

держалъ нѣсколькихъ цыплятъ, пока они не подросли, въ сторонѣ отъ матери, и вотъ что онъ объ нихъ разсказываетъ: «Цыпленокъ, не слышавшій въ теченіе первыхъ восьми дней жизни призывнаго крика матери, начинаетъ относиться къ нему совершенно индифферентно, какъ къ постороннему звуку. Я жалѣю, что мои замѣтки по этому вопросу не отличаются желательной и возможной полнотою. Впрочемъ, про одного изъ цыплятъ я навѣрное знаю, что, будучи продержанъ первые десять дней жизни въ сторонѣ отъ матери, онъ началъ дичиться ея. Насѣдка гонялась за нимъ, всячески стараясь приманить его; но онъ упорно уклонялся отъ нея, вбѣгая въ домъ или бросаясь къ первому встрѣчному человѣку. Цыпленокъ упорно продолжалъ это дѣлать, даже когда его не однократно стегали за это прутикомъ и вообще жестоко обращались съ нимъ. Его посадили на ночь подъ насѣдку, но утромъ онъ опять покинулъ ее».

Инстинктъ сосанія является у всѣхъ млекопитающихъ зрѣлымъ уже въ моментъ рожденія и ведетъ къ привычкѣ брать грудь, привычкѣ, которая у людей можетъ быть продолжена ежедневнымъ упражненіемъ гораздо долѣе обычнаго срока 12—18 мѣсяцевъ. Но самъ по себѣ инстинктъ этотъ преходящъ, въ томъ смыслѣ, что не легко заставить взять грудь ребенка, котораго въ самые первые дни жизни почему-нибудь кормили съ ложки, не давая ему вовсе груди. То-же наблюдалось и на телятахъ. Если корова околѣла, или не имѣетъ молока, или не даетъ теленку сосать первыхъ дня два, и приходится кормить его изъ рукъ, то трудно заставить его сосать молоко, когда къ нему приставятъ новую кормилицу. Та легкость, съ какою можно путемъ искусственнаго кормленія отучить животное брать грудь, показываетъ, что инстинктъ сосанія, какъ таковой, долженъ впослѣдствіи совершенно исчезать.

Тотъ простой фактъ, что инстинкты отличаются преходящимъ характеромъ, и что проявленія позднѣйшихъ инстинктовъ могутъ модифицироваться вліяніемъ привычекъ, сложившихся отъ дѣйствія болѣе раннихъ инстинктовъ, представляетъ гораздо болѣе философское объясненіе природы инстинкта, чѣмъ предположеніе объ «искаженіи» инстинктовъ или «о выходѣ ихъ изъ границъ обычной нормы».

Я имѣлъ случай наблюдать шотландскаго такса, который родился въ декабрѣ на земляномъ полу конюшни и черезъ шесть недѣль былъ перенесенъ въ домъ, гдѣ полъ былъ покрытъ коврами; тамъ, будучи четырехъ мѣсяцевъ отъ роду, онъ нерѣдко необыкновенно старательно пытался закапывать на коврѣ разные предметы (напр., перчатки), съ которыми игралъ и возился до полнаго изнеможенія силъ. Онъ начиналъ царапать коверъ передними лапами, бросалъ изо рта предметъ въ якобы вырытую на коврѣ

Digitized by Google

яму, засыпалъ его кругомъ воображаемой землею и уходилъ прочь, преспокойно оставивъ предметъ лежать на коврѣ. Разумѣется, всѣ старанія такса были тщетны... Въ этомъ возрастѣ мнѣ случилось наблюдать за нимъ подобные штуки разъ пять—шесть, впослѣдствіи же онѣ никогда не повторялись. Въ данномъ случаѣ первоначальный инстинктъ исчезъ, такъ какъ отсутствовали условія, которыя могли бы превратить его въ постоянную привычку. Но предположимъ, что въ распоряженіи такса имѣется кусокъ говядины, вмѣсто перчатки; что онъ находится не на коврѣ, а на рыхлой землѣ; что для него не обезпечено постоянное пропитаніе, и тогда, по всей вѣроятности, у собаки сдѣлалось бы обыкновеніемъ на всю жизнь зарывать излишекъ пищи въ землю. Кто можетъ поручиться, что чисто инстинктивная сторона въ стремленіи зарывать въ землю пищу у дикой собаки не отличается столь же преходящимъ характеромъ, какъ и у описаннаго нами такса?

Оставляя въ сторонѣ низшихъ животныхъ и обращаясь къ разсмотрѣнію однихъ человѣческихъ инстинктовъ, мы видимъ, что законъ измѣнчивости инстинктовъ подтверждается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на измѣнчивости интересовъ и страстей въ теченіе жизни человѣка.

У ребенка вся жизнь заполнена играми, сказками и ознакомленіемъ съ внѣшними свойствами вещей; у юноши — на первомъ планѣ систематическій рядъ тѣлесныхъ упражненій, чтеніе романовъ изъ дѣйствительной жизни, товарищество, пѣніе, любовь и дружба, природа, путешествія и приключенія, наука и философія; у взрослаго человѣка—политика, самолюбивые планы, стремленіе къ наживѣ, отвѣтственность передъ другими и эгоистическія поползновенія въ житейской борьбѣ за существованіе. Если ребенокъ ростетъ одинокимъ въ ту пору, когда потребность къ играмъ и спорту бываетъ очень велика, не учится играть въ мячъ, грести, править парусами, кататься на конькахъ, ловить рыбу, стрѣлять, то весьма возможно, что и во всю остальную свою жизнь онъ не почувствуетъ желанія приняться за эти развлеченія; можетъ быть, ему впослѣдствіи представится немало удобныхъ случаевъ выучиться всему этому; но $\frac{99}{100}$ вѣроятности, что онъ останется ко всему этому равнодушенъ и отступится передъ необходимостью сдѣлать первые шаги по новому пути, а между тѣмъ въ болѣе раннемъ возрастѣ одна перспектива этой необходимости привела бы его въ дикій восторгъ. Половое влеченіе ослабѣваетъ отъ чрезмѣрнаго воздержанія; но хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что въ каждомъ индивидѣ его своеобразныя проявленія обусловлены почти всецѣло тѣмъ образомъ жизни, какой ведется имъ въ ранній періодъ полового созрѣванія. Вліяніе дурной среды въ этотъ періодъ жизни

Digitized by Google

дѣлаетъ человѣка на всю жизнь никуда негоднымъ существомъ; цѣломудріе въ юности благопріятно отражается на половыхъ отношеніяхъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Главнымъ правиломъ педагогіи должно быть: куй желѣзо, пока горячо: нужно сообщать ребенку знанія и развивать въ немъ способности къ различнымъ искусствамъ, предупредивъ заранѣе тотъ моментъ, когда интересъ къ изучаемому начнетъ въ немъ ослабѣвать, отзывчивость на различныя проявленія жизни и интересъ къ различнымъ предметамъ будутъ имѣть важное значеніе для ребенка въ теченіе всей послѣдующей его жизни. Въ жизни ребенка можно встрѣтить моменты, благопріятные для развитія въ немъ тѣхъ или другихъ наклонностей—умѣнья рисовать, собирать зоологическія и ботаническія коллекціи и т. п.; затѣмъ наступаетъ пора, когда для ребенка является своевременнымъ знакомство съ гармоніей механическихъ отношеній, съ удивительными законами физики и химіи; позднѣе въ юношѣ возникаетъ интересъ къ психологическому самонаблюденію, къ таинственнымъ проблемамъ метафизики и религіи; и, наконецъ, человѣкъ знакомится съ міровою мудростью въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, становясь дѣятельнымъ участникомъ въ житейской борьбѣ. Въ каждой сферѣ перечисленныхъ нами родовъ дѣятельности мы быстро достигаемъ пресыщенія, чисто познавательный интересъ къ изучаемому предмету ослабѣваетъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда изучаемый предметъ не связанъ съ какимъ-нибудь исключительнымъ личнымъ интересомъ, въ нашихъ духовныхъ силахъ устанавливается равновѣсіе, и мы продолжаемъ жить, не расширяя сферы нашихъ интересовъ и пользуясь запасомъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ болѣе раннюю пору, когда потребность къ пріобрѣтенію знаній и привычекъ отличается особенной живостью и инстинктивностью. На практикѣ у большинства людей запасъ идей, пріобрѣтенный до двадцати пяти лѣтъ, составляетъ весь ихъ умственный багажъ на остальное время жизни, если не считать той сферы дѣятельности, которую они избрали своей спеціальностью. Они *не могутъ* пріобрѣтать новые запасы идей. Если намъ случится въ зрѣломъ возрастѣ приняться за изученіе какой-нибудь совершенно незнакомой области знанія, то мы всегда испытываемъ при этомъ какое-то странное чувство неувѣренности въ себѣ и не рѣшаемся составлять опредѣленныхъ мнѣній относительно мало знакомаго намъ предмета. Наоборотъ, то, чему мы выучились въ годы живой воспріимчивости и инстинктивной любознательности, всегда остается для насъ привычнымъ явленіемъ. По отношенію къ привычнымъ объектамъ мысли въ насъ постоянно сохраняется чувство близкаго знакомства, благодаря которому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ не вполнѣ удается овладѣть изучаемымъ предметомъ, въ насъ сохраняется сознаніе нашей власти надъ нимъ, и потому въ хорошо знакомой намъ области мы никогда не чувствуемъ себя сбитыми съ толку.

Digitized by Google

Исключенія являются здѣсь только подтверждающими общее правило.

Такимъ образомъ, важнѣйшая задача для всякаго воспитателя должна заключаться въ умѣньи подмѣтить при образованіи инстинктовъ ребенка тотъ моментъ, когда данный инстинктъ наиболѣе подготовленъ предшествующимъ развитіемъ. Что же касается воспитанниковъ, то высказываемыя выше соображенія, можетъ быть, поколеблютъ въ нихъ вѣру въ неограниченность ихъ умственныхъ способностей и вызовутъ большую сосредоточенность характера; прочитавъ эти строки, учащаяся молодежь пойметъ, быть можетъ, что каковы бы ни были тѣ свѣдѣнія по физикѣ, политической экономіи или философіи, какія она пріобрѣтаетъ въ данную минуту, они останутся для нея единственными свѣдѣніями по этимъ наукамъ на всю остальную жизнь.

Перечисленіе человѣческихъ инстинктовъ. Вотъ что говоритъ проф. Прейеръ въ своемъ небольшомъ талантливомъ трудѣ: «Душа ребенка»: «Человѣкъ одаренъ немногочисленными инстинктивными актами, да и они, за исключеніемъ инстинктовъ, связанныхъ съ половымъ влеченіемъ, съ трудомъ подмѣчаются по миновании ранняго дѣтства». «Въ виду этого, прибавляетъ онъ, намъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на инстинктивныя движенія новорожденныхъ, грудныхъ младенцевъ и малолѣтнихъ дѣтей». То обстоятельство, что инстинктивные акты всего легче *распознаются* въ раннемъ дѣтствѣ, является вполнѣ естественнымъ результатомъ установленныхъ нами принциповъ измѣнчивости инстинктовъ и задерживающаго вліянія пріобрѣтенныхъ привычекъ; но едвали можно сказать, что «инстинкты немногочисленны у человѣка». Прейеръ подраздѣляетъ движенія дѣтей на *импульсивныя*, *рефлекторныя* и *инстинктивныя*. Къ импульсивнымъ онъ относитъ *случайныя*, безцѣльныя движенія конечностей, туловища и органовъ рѣчи, предшествующія образованію воспріятія. Къ числу первоначальныхъ рефлекторныхъ движеній принадлежатъ: *крикъ при соприкосновеніи съ воздухомъ*, *чиханіе*, *сопѣніе*, *кашель*, *вздыханіе*, *движенія при рвотѣ*, *иканіе*, *вздрагиваніе*, *движенія членами при прикосновеніи къ нимъ и сосаніе*. Къ этимъ движеніямъ можно еще прибавить наклонность *впиваться на рукахъ* (объ этомъ см. Nineteenth Century, Nov. 1891). Позже возникаютъ другіе рефлексы: *кусаніе*, *хватаніе предметовъ руками и поднесеніе ихъ ко рту*, *умѣнье сидѣть*, *стоять*, *ползать и ходить*. Не лишено вѣроятія, что мозговые центры, предназначенные для выполненія трехъ послѣднихъ движеній, созрѣваютъ самопроизвольно, такъ же, какъ это уже было доказано относительно центровъ для летанія у птицъ; и что дѣти, только *повидимому обучаются* держаться на ногахъ и ходить, путемъ ряда неудачныхъ и удачныхъ попытокъ, такъ какъ большинство дѣтей начинаетъ производить эти движенія, въ то

Digitized by Google

время, когда соотвѣтствующіе центры еще не успѣли окончательно созрѣть. Дѣти чрезвычайно различаются въ способахъ, съ помощью которыхъ они научаются ходить. Наряду съ первыми стремленіями къ *подражанію* у дѣтей зарождается наклонность *придавать осмысленность звукамъ голоса.* Далѣе немедленно возникаетъ *соревнованіе* и наряду съ нимъ *драчливость. Страхъ* къ опредѣленнымъ объектамъ дѣти начинаютъ испытывать очень рано, *чувство симпатіи*—гораздо позже, хотя инстинктъ симпатіи (быть можетъ, эмоція симпатіи? см. стр. 305-ю) и играетъ такую важную роль въ жизни человѣка. *Застѣнчивость, общительность, наклонность къ забавамъ, любознательность, наклонность къ пріобрѣтенію* развиваются очень рано. *Охотническій инстинктъ, скромность, любовь, инстинктивная привязанность къ родителямъ* etc. являются позднѣе. Къ 15—16 годамъ всѣ человѣческіе инстинкты уже достигаютъ полнаго развитія. Слѣдуетъ замѣтить, что *ни одно млекопитающее, даже обезьяна, не имѣютъ такою большого количества инстинктовъ, какъ человѣкъ.* При вполнѣ законченномъ развитіи каждый изъ этихъ инстинктовъ породилъ бы привычку по отношенію къ извѣстной группѣ объектовъ и задержалъ бы образованіе привычки по отношенію къ какой-нибудь другой группѣ объектовъ.

При нормальномъ развитіи ребенка такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ, но въ цивилизованномъ обществѣ при односторонемъ развитіи нерѣдко случается, что во время, благопріятное для развитія того или другого инстинкта, ребенокъ не находитъ подъ рукой соотвѣтствующихъ объектовъ, и въ его психическомъ складѣ возникаютъ, такимъ образомъ, пробѣлы, заполнить которые послѣдующій опытъ никогда не будетъ въ состояніи. Сравните безукоризненно воспитаннаго джентльмэна съ бѣднымъ живущимъ въ городѣ ремесленникомъ или торговцемъ; первый въ юности, по мѣрѣ развитія своихъ физическихъ и духовныхъ инстинктовъ, находилъ всегда подъ рукой соотвѣтствующіе имъ объекты, и въ результатѣ онъ вступаетъ на арену житейской борьбы вооруженнымъ съ ногъ до головы. Въ томъ, для чего окружающая обстановка не могла дать ему соотвѣтствующихъ объектовъ, для него явился поддержкой спортъ, который и далъ ему возможность пополнить пробѣлы воспитанія. Онъ познакомился со всѣми сторонами человѣческой жизни, будучи зараз морякомъ, охотникомъ, атлетомъ, борцомъ, школьникомъ, ораторомъ, свѣтскимъ человѣкомъ, дѣльцомъ etc. Юность бѣднаго мальчика, живущаго въ городѣ, не протекаетъ такъ счастливо, и въ зрѣломъ возрастѣ въ немъ не пробуждаются даже желанія испытать все это. Онъ уже долженъ считать себя счастливымъ, если пробѣлы въ развитіи инстинктовъ составляютъ единственную аномалію въ его жизни, такъ какъ результатомъ неестественнаго воспитанія является нерѣдко извращеніе природныхъ инстинктовъ.

Digitized by Google

Описаніе страха. Чтобы познакомиться нѣсколько ближе хотя бы съ однимъ какимъ-нибудь инстинктомъ, я разсмотрю нѣсколько подробнѣе инстинктъ страха. Страхъ представляетъ реакцію, вызываемую тѣми же объектами, которые возбуждаютъ ярость. Антагонизмъ этихъ двухъ душевныхъ состояній представляетъ въ динамикѣ инстинктовъ явленіе, заслуживающее особаго вниманія. Мы одновременно и боимся того существа, которое хочетъ насъ убить, и желаемъ сами убить его, и вопросъ о томъ, которое изъ этихъ двухъ стремленій должно возобладать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается въ зависимости отъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, которыми обыкновенно руководствуются только существа, одаренныя высшими умственными способностями. Разумѣется, это обстоятельство вноситъ въ реакцію неопредѣленность; но эта неопредѣленность дѣйствія наблюдается въ высшихъ животныхъ, такъ же какъ и въ человѣкѣ, и потому вовсе не доказываетъ, будто мы дѣйствуемъ менѣе инстинктивно, чѣмъ они. Тѣлесныя проявленія страха чрезвычайно энергичны: наряду съ радостью и гнѣвомъ это—одна изъ трехъ сильнѣйшихъ эмоцій, какія только способенъ испытывать человѣкъ. Прогрессъ, наблюдаемый въ постепенномъ развитіи животнаго царства вплоть до человѣка, характеризуется главнымъ образомъ уменьшеніемъ числа случаевъ, въ которыхъ представляются истинные поводы для страха. Въ частности, въ жизни цивилизованныхъ народовъ стало, наконецъ, возможнымъ для большого числа людей отъ колыбели до могилы ни разу не испытывать чувства очень сильнаго страха. Многіе изъ насъ въ началѣ душевной болѣзни впервые узнаютъ, что значитъ испытывать страхъ. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ слѣпой оптимизмъ, который такъ распространенъ въ сферѣ философскихъ и религіозныхъ ученій. Ужасы земного существованія могутъ стать для насъ «надписью на непонятномъ языкѣ»; мы готовы даже усомниться, можетъ ли существо, *подобное* намъ, быть въ пасти тигра: такіе ужасы рисуются передъ нашими глазами въ видѣ картины, которая могла бы украсить коверъ на полу той комнаты, гдѣ мы такъ уютно расположились, и отсюда благодушно смотримъ на окружающій міръ.

Какъ бы тамъ ни было, но страхъ во всякомъ случаѣ есть неподдѣльный инстинктъ; у человѣка онъ—одинъ изъ самыхъ раннихъ. *Шумы*, повидимому, являются главными стимулами страха. Для ребенка, воспитаннаго внутри дома, большинство шумовъ внѣ дома не имѣютъ никакого опредѣленнаго значенія. Они просто вызываютъ въ немъ испугъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ опытный психологъ Пере (Perez).

«Дѣти отъ трехъ до десяти мѣсяцевъ пугаются гораздо рѣже подъ вліяніемъ зрительныхъ, чѣмъ подъ вліяніемъ слуховыхъ впечатлѣній. У котятъ (не моложе двухъ недѣль) наблюдается обратное явле-

Digitized by Google

ніе. Ребенокъ трехъ съ половиною мѣсяцевъ среди пожарной сутолоки, при видѣ яркаго пламени, отъ котораго разрушались стѣны, не обнаружилъ никакихъ признаковъ удивленія или страха, улыбаясь той женщинѣ, которая держала его на рукахъ, пока его родители выносили имущество. Но звуки рожка при приближеніи пожарныхъ и шумъ отъ колесъ ихъ машинъ испугали его, и онъ заплакалъ... Я никогда не видалъ, чтобы ребенокъ этого возраста пугался при видѣ даже очень яркой молніи, но мнѣ не разъ случалось замѣчать, что даже самыя маленькія дѣти боятся звуковъ грома. Такимъ образомъ, у дѣтей, мало знакомыхъ съ окружающимъ міромъ, страхъ развивается скорѣе при посредствѣ слуховыхъ, чѣмъ при посредствѣ зрительныхъ впечатлѣній» *).

У взрослыхъ лицъ шумъ усиливаетъ чувство страха весьма замѣтнымъ образомъ. Вой бури— вотъ что вызываетъ главнымъ образомъ то чувство тревоги, которое мы испытываемъ во время бури въ открытомъ морѣ или на морскомъ берегу. Лежа въ постели во время сильнаго вѣтра, который своимъ шумомъ мѣшалъ мнѣ спать, я замѣчалъ, что каждый сильный порывъ вѣтра внѣ дома на мгновенье останавливалъ біеніе моего сердца. Собака, бросаясь съ лаемъ на насъ, кажется особенно страшной благодаря шуму, производимому ею.

Въ насъ вызываютъ тревогу *странные на видъ люди* и *странныя животныя*, какъ большія, такъ и маленькія, но особенно пугаютъ насъ люди или животныя, приближающіеся къ намъ съ угрожающимъ видомъ. Чувство страха, вызываемое ими, вполнѣ инстинктивно и предшествуетъ всякому опыту. Нѣкоторыя дѣти, увидѣвъ въ первый разъ собаку или кошку, начинаютъ ревѣть благимъ матомъ, послѣ чего иногда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не удается уговорить ихъ, чтобы они погладили этихъ животныхъ; нѣкоторые гады и насѣкомыя, въ особенности змѣи и пауки, вызываютъ страхъ, преодолѣваемый съ особеннымъ трудомъ. Невозможно въ точности опредѣлить, въ какой мѣрѣ страхъ именно къ этимъ животнымъ инстинктивенъ, и въ какой мѣрѣ онъ развился въ насъ подъ вліяніемъ слышанныхъ объ нихъ разсказовъ. Я убѣдился на собственномъ ребенкѣ въ томъ, что страхъ къ гадамъ развивается въ насъ постепенно. Я далъ въ руки моему сыну живую лягушку, когда ему было 6—8 мѣсяцевъ, а въ другой разъ, когда ему было полтора года. Въ первый разъ онъ быстро схватилъ ее руками, несмотря на ея оборонительныя движенія, и въ концѣ-концовъ забралъ ея голову себѣ въ ротъ. Затѣмъ онъ выпустилъ ее изъ рукъ, предоставивъ ей полную свободу разгуливать по его груди и лицу

*) Psychologie de l'Enfant, p. 72.

Digitized by Google

и не обнаруживая при этомъ никакого испуга. Но во второй разъ, хотя въ промежуточный періодъ ему не случилось слышать никакихъ страшныхъ разсказовъ о лягушкѣ, его почти невозможно было убѣдить потрогать ее. Другой мальчикъ, когда ему былъ годъ, охотно взялъ въ руки очень большого паука, а теперь онъ боится пауковъ, но въ промежуточный періодъ нянька успѣла напугать его страшными разсказами объ этихъ насѣкомыхъ. Моя маленькая дочь со дня рожденія постоянно видѣла въ домѣ моисика, общаго любимца нашей семьи, до тѣхъ поръ, пока ей не исполнилось (если не ошибаюсь) восемь мѣсяцевъ. Тогда инстинктъ страха къ собакѣ внезапно развился, и притомъ съ такою силою, что дѣвочка, несмотря на то, что постоянно видѣла собаку, не могла къ ней привыкнуть. Она вскрикивала, всякій разъ какъ собака вбѣгала въ комнату, и много мѣсяцевъ спустя еще не рѣшалась ее погладить. Нечего и говорить, что эта внезапная перемѣна въ отношеніяхъ ребенка къ собакѣ не была вызвана проявленіями злости со стороны послѣдней, такъ какъ собака по прежнему оставалась чрезвычайно ласковой. Двое другихъ моихъ дѣтей боялись въ дѣтствѣ *мяха*. Подобное же наблюденіе приводитъ Рише.

Прейеръ разсказываетъ о маленькомъ ребенкѣ, который начиналъ кричать отъ страха, всякій разъ какъ его приносили на берегъ *моря*. Одиночество въ дѣтствѣ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ страха. Само собою понятно телеологическое значеніе, какъ этого факта, такъ и того, что дѣти, проснувшись и не найдя около себя никого, проявляютъ свой страхъ непрерывнымъ крикомъ.

Черные предметы и въ особенности *темныя мѣста*, ямы, пещеры, etc. вызываютъ особенно сильное чувство страха. Какъ этотъ видъ страха, такъ и боязнь одиночества, боязнь быть «потеряннымъ», объсняются въ настоящее время, согласно модной гипотезѣ, вліяніемъ опыта, унаслѣдованнаго отъ предковъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Шнейдеръ: «Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что люди, въ особенности въ дѣтствѣ, боятся входить въ темную пещеру или въ тѣнистый лѣсъ. Чувство страха при этомъ несомнѣнно возникаетъ, отчасти вслѣдствіе того, что мы, согласно читанному и слышанному нами отъ другихъ, думаемъ, что въ такихъ мѣстахъ могутъ скрываться опасные звѣри. Но, съ другой стороны, необходимо предположить, что этотъ страхъ, вызываемый извѣстнымъ воспріятіемъ, до нѣкоторой степени прямо унаслѣдованъ нами. Дѣти, которыхъ никто никогда не запугивалъ страшными сказками, тѣмъ не менѣе, очутившись въ темномъ мѣстѣ, пугаются и начинаютъ кричать, въ особенности если при этомъ въ темнотѣ начинаютъ раздаваться звуки. Даже взрослый человѣкъ, находясь одинъ въ лѣсу ночью, можетъ легко подмѣтить въ себѣ непріятное чув-

Digitized by Google

ство робости, которое неизбѣжно будетъ овладѣвать имъ, хотя бы онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что кругомъ нѣтъ никакой опасности.

Этотъ страхъ темноты многія лица испытываютъ даже у себя дома, хотя въ темной пещерѣ или въ лѣсу онъ гораздо сильнѣе. Подобный инстиктивный страхъ станетъ намъ вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что нашимъ дикимъ предкамъ въ теченіе безчисленнаго множества поколѣній приходилось встрѣчать въ пещерахъ опасныхъ звѣрей, въ особенности медвѣдей; что медвѣди нападали на людей преимущественно въ лѣсу ночью, и что, такимъ образомъ, между воспріятіями темноты, пещеръ и лѣсовъ и чувствомъ страха образовалась неразрывная ассоціація, которая сдѣлалась наслѣдственной» *).

Высокія мѣста вызываютъ своеобразное болѣзненное чувство страха; впрочемъ, здѣсь весьма многое зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ лицъ. Совершенно слѣпой инстинктивный характеръ движеній, сопровождающихъ это чувство страха, обнаруживается тѣмъ, что они, по большей части, бываютъ совершенно безцѣльны, но разсудокъ не въ состояніи подавить ихъ. Очень возможно, что эти движенія представляютъ случайную особенность въ организаціи нервной системы и, подобно морской болѣзни или любви къ музыкѣ, не имѣютъ никакого телеологическаго значенія. Этотъ родъ страха проявляется у различныхъ лицъ столь различнымъ образомъ, и его вредныя послѣдствія представляютъ такой очевидный перевѣсъ передъ его полезностью, что трудно понять, какъ могъ возникнуть такой инстинктъ путемъ естественнаго подбора. Въ анатомическомъ отношеніи человѣкъ—одно изъ животныхъ, наиболѣе приспособленныхъ къ лазанію по высокимъ мѣстамъ. Поэтому лучшимъ психическимъ дополненіемъ къ такой организаціи должна была бы быть способность сохранять присутствіе духа на высокихъ мѣстахъ, а не страхъ къ нимъ. Вообще, далѣе извѣстныхъ предѣловъ телеологическое значеніе страха является крайне сомнительнымъ. Нѣкоторая доля робости, несомнѣнно, приспособляетъ насъ къ условіямъ того міра, въ которомъ мы живемъ, но *пароксизмъ страха*, овладѣвая человѣкомъ, безспорно не доставляетъ ему ничего, кромѣ вреда.

Боязнь *сверхъестественнаго* представляетъ одинъ изъ видовъ страха. Трудно подыскать для этого чувства соотвѣтствующій реальный объектъ, если только не допускать вѣры въ привидѣнія. Но, не взирая на дѣятельность «обществъ для психическихъ изслѣдованій», наука еще не увѣровала въ реальность выходцевъ съ того свѣта; въ виду этого обстоятельства мы можемъ только сказать, что извѣстныя *идеи* о сверхъестественныхъ силахъ, ассоціируясь съ извѣстной реальной обстановкой, производятъ это своеобразное

*) Der Menschliche Wille, 224.

Digitized by Google

чувство страха. Можетъ быть, оно представляетъ собою сочетаніе нѣсколькихъ простѣйшихъ видовъ страха. Для полученія сильнѣйшаго мистическаго страха нужна комбинація многихъ обычныхъ элементовъ ужаснаго, таковы: одиночество, темнота, странные звуки, въ особенности непріятнаго характера, неясныя очертанія какихъ-то фигуръ (или ясно очерченные страшные образы) и связанное съ головокруженіемъ тревожное состояніе ожиданія. Этотъ послѣдній элементъ интеллектуальнаго характера особенно важенъ. При видѣ того, какъ привычное для насъ явленіе вдругъ начинаетъ совершаться совершенно непредвидѣннымъ нами образомъ, мы чувствуемъ, что кровь какъ-бы застыла на мгновенье въ нашихъ жилахъ. У всякаго изъ насъ сердце перестало бы биться отъ страха, еслибы стулъ въ нашей комнатѣ вдругъ началъ самъ по себѣ двигаться по полу. На низшихъ животныхъ, какъ и на насъ, таинственныя, необычайныя явленія производятъ сильное впечатлѣніе. Мой другъ проф. Бруксъ (W. K. Brooks) разсказывалъ мнѣ, что съ его большимъ породистымъ псомъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ эпилептическаго припадка, когда этотъ песъ увидѣлъ кость, двигающуюся по полу, не замѣчая при этомъ нитки, при помощи которой ее двигали.

Подобные же факты приводятъ Дарвинъ и Ромэнсъ. Съ идеей сверхъестественнаго связана мысль, что обычный порядокъ вещей совершенно нарушенъ. Со сверхъестественными образами вѣдьмъ и домовыхъ связываютъ другіе элементы страха: пещеры, болото, гадовъ, насѣкомыхъ, трупы etc. Мертвецъ самъ по себѣ вызываетъ инстинктивное чувство страха, которое, безъ сомнѣнія, обусловлено таинственностью смерти, и которое при болѣе близкомъ знакомствѣ съ трупомъ, быстро разсѣевается. Но въ виду того, что страхъ, связанный съ образами мертвецовъ, пещеръ и гадовъ, постоянно играетъ своеобразную роль во многихъ случаяхъ помѣшательства и при кошмарѣ, можно не безъ основанія предположить, не составляла ли эта ужасная обстановка, рисующаяся передъ ненормально возбужденнымъ воображеніемъ, когда-нибудь въ ранній періодъ существованія человѣка, обычныхъ условій его жизни. Ученый, принадлежащій къ обыкновенному типу эволюціониста, слѣпо увѣровавшаго въ гипотезу развитія, безъ труда объяснитъ такое явленіе: ему стоитъ только предположить, что мы при извѣстномъ болѣзненномъ возбужденіи мозга способны впадать въ душевное состояніе пещернаго человѣка, которое въ насъ при нормальныхъ условіяхъ подавлено впечатлѣніями, унаслѣдованными отъ позднѣйшихъ поколѣній.

Извѣстны еще нѣкоторыя патологическія проявленія страха и нѣкоторыя особенности въ обнаруженіи обыкновеннаго страха, которыя могли бы, пожалуй, быть объяснены съ помощью унаслѣдованныхъ воспоминаній объ условіяхъ жизни нашихъ предковъ—

Digitized by Google

людей, даже животныхъ предковъ. При обыкновенномъ испугѣ мы или обращаемся въ бѣгство, или какъ-бы на половину парализованные замираемъ на мѣстѣ. Это послѣднее явленіе напоминаетъ такъ называемый инстинктъ притворной смерти, проявляемый многими животными. Д-ръ Линдсей (Lindsay) въ своей книгѣ: «Умъ животныхъ» замѣчаетъ, что этотъ инстинктъ требуетъ большого самообладанія со стороны тѣхъ животныхъ, которыя проявляютъ его. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой притворной смерти, и потому въ самообладаніи не представляется никакой надобности. Это—просто временный параличъ отъ страха, параличъ, который въ силу своей полезности сдѣлался наслѣдственнымъ. Хищное животное вовсе не думаетъ, что неподвижно лежащая птица, насѣкомое или ракообразное мертвы: оно просто не замѣчаетъ ихъ, такъ какъ его чувства, подобно нашимъ, гораздо скорѣе воспринимаютъ движущійся, чѣмъ неподвижный предметъ. Тотъ же самый инстинктъ побуждаетъ спрятавшагося мальчика во время игры въ прятки затаить дыханье, когда ищущій его близко подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ скрывается. Тотъ же инстинктъ проявляетъ нерѣдко и хищное животное, когда тихонько придвигается къ своей жертвѣ, отъ времени до времени пріостанавливаясь и оставаясь неподвижнымъ. Противоположный инстинктъ побуждаетъ насъ подпрыгивать и махать руками, когда мы хотимъ привлечь чье-нибудь вниманіе; руководясь этимъ противоположнымъ инстинктомъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе морякъ при видѣ дальняго паруса начинаетъ неистово махать одеждой съ того плота, который носитъ его по волнамъ. Не представляетъ ли нѣкоторой связи съ описаннымъ нами инстинктомъ и то неподвижное пребываніе въ скорченной позѣ, которое наблюдается у помѣшанныхъ и меланхоликовъ и сопровождается общимъ безпокойствомъ и страхомъ рѣшительно передъ всѣмъ на свѣтѣ. Они не могутъ *объяснить*, отчего они боятся пошевелиться, но въ неподвижномъ состояніи они какъ-то чувствуютъ себя удобнѣе и безопаснѣе. Развѣ это явленіе не представляетъ большого сходства съ состояніемъ «притворной смерти» животныхъ?

А вотъ другое странное болѣзненное явленіе, окрещенное недавно довольно нелѣпымъ именемъ *агорафобіи*. Человѣкъ, страдающій агорафобіей, начинаетъ дрожать отъ страха, всякій разъ когда ему необходимо перейти одному черезъ какое-нибудь открытое мѣсто или черезъ широкую улицу. Когда у него еще хватаетъ присутствія духа, то подъ прикрытіемъ экипажа, медленно переѣзжающаго черезъ улицу, или какого-нибудь прохожаго, ему удается перебраться на другую сторону. Но обыкновенно онъ не рѣшается дѣлать это и обходитъ площадь кругомъ, держась какъ можно ближе домовъ. Для цивилизованнаго человѣка эта эмоція совершенно безполезна, но обратимъ вниманіе на постоянно наблюдаемую аго-

Digitized by Google

рафобію нашихъ домашнихъ кошекъ; также вспомнимъ, что многія дикія животныя, въ особенности грызуны, стремятся всегда находиться подъ какимъ-нибудь прикрытіемъ и рѣшаются на стремительное бѣгство по открытому мѣсту только въ самомъ крайнемъ случаѣ (да и при этомъ они норовятъ укрыться хоть на нѣсколько мгновеній за первый попавшійся по дорогѣ камень или кустикъ); принявъ въ соображеніе эти факты, мы готовы будемъ невольно задаться вопросомъ, не представляетъ ли агорафобія снова ожившаго подъ вліяніемъ болѣзни инстинкта, который былъ постояннымъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ и въ общемъ былъ для нихъ полезенъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Воля.

Волевые акты. Желаніе, хотѣніе, воля суть состоянія сознанія, хорошо знакомыя всякому, но не поддающіяся какому-либо опредѣленію. Мы желаемъ испытывать, имѣть, дѣлать всевозможныя вещи, которыхъ въ данную минуту мы не испытываемъ, не имѣемъ, не дѣлаемъ. Если съ желаніемъ чего-нибудь у насъ связано сознаніе того, что объектъ нашихъ желаній недостижимъ, то мы просто *желаемъ;* если же мы увѣрены, что цѣль нашихъ желаній достижима, то мы *хотимъ*, чтобы она осуществилась, и она осуществляется или немедленно, или послѣ того, какъ мы совершимъ нѣкоторыя предварительныя дѣйствія.

Единственныя цѣли нашихъ хотѣній, которыя мы осуществляемъ тотчасъ же, *непосредственно*, это—движенія нашего тѣла. Какія бы *ощущенія* мы ни желали испытать, къ какимъ бы *обладаніямъ* мы ни стремились, мы можемъ достигнуть ихъ не иначе, какъ совершивъ для нашей цѣли нѣсколько предварительныхъ движеній. Этотъ фактъ слишкомъ очевиденъ и потому не нуждается въ примѣрахъ; въ виду этого мы можемъ принять за исходный пунктъ нашего изслѣдованія воли то положеніе, что единственными *непосредственными* внѣшними проявленіями нашей воли являются тѣлесныя движенія. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть тотъ механизмъ, съ помощью котораго совершаются эти волевыя движенія.

Волевые акты суть производныя функціи нашего организма. Движенія, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, принадлежали къ типу автоматическихъ или рефлекторныхъ актовъ, и притомъ актовъ, значеніе которыхъ не предвидится выполняющимъ ихъ лицомъ (по крайней мѣрѣ, лицомъ, выполняющимъ ихъ въ первый разъ въ жизни). Движенія, къ изученію которыхъ мы теперь приступаемъ, будучи

Digitized by Google

преднамѣренны и составляя завѣдомо объектъ желаній, конечно, совершаются съ полнымъ сознаніемъ того, каковы они должны быть. Отсюда слѣдуетъ, что *волевыя движенія представляютъ производную, а не первичную функцію организма.* Это—первое положеніе, которое слѣдуетъ имѣть въ виду для пониманія психологіи воли. И рефлексъ, и инстинктивное движеніе, и эмоціональное движеніе суть первичныя функціи. Нервные центры такъ устроены, что опредѣленные стимулы вызываютъ въ извѣстныхъ частяхъ ихъ разрядъ, и существо, впервые испытывающее въ себѣ подобный разрядъ, переживаетъ совершенно новое явленіе опыта. Какъ-то разъ я стоялъ на платформѣ вокзала съ моимъ маленькимъ сыномъ въ ту минуту, когда къ станціи съ грохотомъ подъѣхалъ курьерскій поѣздъ. Мальчикъ мой, стоявшій недалеко отъ края платформы, при шумномъ появленіи поѣзда испугался, задрожалъ, сталъ прерывисто дышать, поблѣднѣлъ, заплакалъ, наконецъ, бросился со всѣхъ ногъ ко мнѣ и спряталъ свое лицо. Я не сомнѣваюсь, что ребенокъ былъ почти столь же удивленъ своимъ собственнымъ поведеніемъ, какъ и движеніемъ поѣзда, и во всякомъ случаѣ былъ болѣе удивленъ своимъ поведеніемъ, чѣмъ я, стоявшій тутъ же возлѣ него. Разумѣется, послѣ того, какъ намъ случится испытать на себѣ нѣсколько разъ подобную реакцію, мы сами научаемся ожидать ея результатовъ и начинаемъ предвидѣть свое поведеніе въ такихъ случаяхъ, даже если дѣйствія остаются при этомъ столь же непроизвольными, непреодолимыми, какъ и прежде. Но если въ волевомъ актѣ въ собственномъ смыслѣ слова, мы должны предвидѣть дѣйствіе, то отсюда слѣдуетъ, что только существо, одаренное даромъ предвидѣнія, можетъ совершить сразу волевой актъ, никогда не сдѣлавъ рефлекторныхъ или инстинктивныхъ движеній. Но мы не обладаемъ пророческимъ даромъ предвидѣть, какія движенія мы можемъ произвести, точно такъ же, какъ мы не можемъ предугадать ощущенія, которыя намъ предстоитъ испытать. Мы должны ждать, чтобы намъ были даны извѣстныя ощущенія; точно также мы должны совершить рядъ непроизвольныхъ движеній, чтобы выяснить себѣ, въ чемъ должны заключаться движенія нашего тѣла. Возможности познаются нами при посредствѣ дѣйствительнаго опыта. Послѣ того, какъ мы произвели извѣстное движеніе случайнымъ, рефлекторнымъ или инстинктивнымъ путемъ, и оно оставило по себѣ слѣдъ въ нашей памяти, мы можемъ пожелать вновь произвести это движеніе и тогда произведемъ его преднамѣренно. Но невозможно понять, какимъ образомъ могли бы мы желать произвести извѣстное движеніе, никогда передъ тѣмъ не дѣлавъ его.

Первымъ условіемъ для возникновенія волевыхъ, произвольныхъ движеній является, такимъ образомъ, предварительное накопленіе идей о различныхъ возможныхъ движеніяхъ, идей, которыя

Digitized by Google

остаются въ нашей памяти, послѣ того какъ мы неоднократно произведемъ соотвѣтствующія имъ движенія непроизвольнымъ образомъ.

Два различныхъ рода идей о движеніяхъ. Идеи о движеніяхъ бываютъ двоякаго рода: *непосредственныя и опосредствованныя.* Иначе говоря, въ насъ можетъ возникать или идея о движеніи въ самыхъ двигающихся частяхъ нашего тѣла, сознаваемая нами въ моментъ движенія, или идея о движеніи нашего тѣла, поскольку это движеніе видимо, слышимо нами, или поскольку оно оказываетъ извѣстное дѣйствіе (ударъ, давленіе, царапанье) на какую-нибудь другую часть нашего тѣла. Непосредственныя ощущенія движенія въ двигающихся частяхъ называются *кинэстетическими*, воспоминанія о нихъ—кинэстетическими идеями. При помощи кинэстетическихъ идей мы сознаемъ *пассивныя движенія*, которыя сообщаютъ члены нашего тѣла другъ другу. Если вы лежите съ закрытыми глазами, а кто-нибудь другой тихонько измѣняетъ по собственному произволу положеніе вашей руки или ноги, то вы при этомъ сознаете, какое положеніе придано вашей конечности, и можете затѣмъ другою рукою или ногою воспроизвести сдѣланное движеніе. Подобнымъ же образомъ, человѣкъ, проснувшійся внезапно ночью, лежа въ темнотѣ, сознаетъ, въ какомъ положеніи находится его тѣло. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ нормальныхъ случаяхъ. Но, когда ощущенія пассивныхъ движеній и всѣ другія ощущенія въ членахъ нашего тѣла утрачены, то въ результатѣ получается такое патологическое явленіе, какъ удивительный мальчикъ, описанный проф. А. Штрюмпелемъ (Strümpell), мальчикъ, у котораго сохранились только зрительныя ощущенія въ правомъ глазу и слуховыя въ лѣвомъ ухѣ *):

«Конечностями паціента можно было двигать самымъ энергичнымъ образомъ, не привлекая его вниманія. Только при исключительно сильномъ ненормальномъ растяженіи сочлененій, въ особенности колѣнъ, у паціента возникало неясное тупое чувство напряженія, но и оно рѣдко локализировалось точнымъ образомъ. Нерѣдко, завязавъ глаза паціента, мы носили его по комнатѣ, клали на столъ, придавали его рукамъ и ногамъ самыя фантастическія и, повидимому, крайне неудобныя позы, но паціентъ ничего этого даже не подозрѣвалъ. Трудно описать выраженіе изумленія на его лицѣ, которое получалось, когда, снявъ съ его глазъ платокъ, мы обнаруживали передъ нимъ ту позу, въ которую было приведено его тѣло. Только когда голова его во время опыта свѣшивалась внизъ, онъ тотчасъ же начиналъ жаловаться на головокруженіе, но не могъ объяснить его причину. Впослѣдствіи по звукамъ, связаннымъ съ нѣкоторыми нашими манипуляціями,

*) Deutsches Archiv f. Klin. Medicin. XXII, 321.

Digitized by Google

онъ иногда начиналъ догадываться, что мы надъ нимъ продѣлываемъ что-то особенное... Чувство утомленія мускуловъ было совершенно неизвѣстно ему. Когда мы, завязавъ ему глаза, попросили его поднять вверхъ руку и держать ее въ такомъ положеніи, онъ безъ труда выполнилъ это. Но черезъ минуту или черезъ двѣ его руки начали дрожать и незамѣтно для него самого опустились, при чемъ онъ продолжалъ утверждать, что держитъ ее все въ томъ же положеніи. Находятся ли пальцы его въ пассивно-неподвижномъ состояніи или нѣтъ—этого онъ не могъ замѣтить. Онъ постоянно воображалъ, что сжимаетъ и разжимаетъ руку, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она была совершенно неподвижна».

Нѣтъ основаній предполагать существованіе какого-либо третьяго рода моторныхъ идей. Итакъ, чтобы совершить произвольное движеніе, намъ нужно вызвать въ сознаніи или непосредственную (кинэстетическую), или опосредствованную идею, соотвѣтствующую предстоящему движенію. Нѣкоторые психологи предполагали, что сверхъ того въ данномъ случаѣ необходима *идея о степени иннерваціи*, необходимой для сокращенія мускуловъ. По ихъ мнѣнію, нервный токъ, идущій при разрядѣ изъ двигательнаго центра въ двигательный нервъ, порождаетъ ощущеніе sui generis, отличающееся отъ всѣхъ другихъ ощущеній. Послѣднія связаны съ движеніями центростремительныхъ токовъ, между тѣмъ какъ съ центробѣжными токами связано чувство иннерваціи, и ни одно движеніе не предваряется нами мысленно безъ того, чтобы это чувство не предшествовало ему. Иннервацiонное чувство указываетъ будто бы на степень силы, съ какою должно быть произведено данное движеніе, и на то усиліе, при помощи котораго оно всего удобнѣе выполнимо. Но многіе психологи отвергаютъ существованіе иннервацiоннаго чувства, и, конечно, они правы, такъ какъ нельзя привести прочныхъ доводовъ въ пользу его существованія.

Различныя степени «усилія», дѣйствительно испытываемыя нами, когда мы производимъ то-же движеніе, но по отношенію къ предметамъ, представляющимъ различную силу сопротивленія, всѣ обусловлены центростремительными токами, идущими отъ нашей груди, челюстей, брюшной полости и другихъ частей тѣла, въ которыхъ происходятъ симпатическія сокращенія мускуловъ, когда прилагаемое нами усиліе велико. При этомъ нѣтъ никакой надобности сознавать степень иннерваціи центробѣжнаго тока. Путемъ самонаблюденія мы убѣждаемся только въ томъ, что въ данномъ случаѣ степень потребнаго напряженія всецѣло опредѣляется нами при помощи центростремительныхъ токовъ, идущихъ отъ самыхъ мускуловъ, отъ ихъ прикрѣпленій, отъ сосѣднихъ суставовъ и отъ общаго напряженія глотки, лица, груди и всего тѣла. Когда мы представляемъ себѣ извѣстную степень напряженія, то этотъ сложный аггрегатъ ощущеній, связанныхъ съ центро-

Digitized by Google

стремительными токами, составляя объектъ нашего сознанія, точнымъ и отчетливымъ образомъ указываетъ намъ, съ какою именно силой мы должны произвести данное движеніе, и какъ велика сила сопротивленія, которую намъ нужно преодолѣть.

Пусть читатель попробуетъ направить свою волю на опредѣленное движеніе и постарается подмѣтить, въ чемъ *состояло* направленіе его воли. Входило ли въ него что-либо, кромѣ представленія тѣхъ ощущеній, которыя онъ испытаетъ, когда произведетъ данное движеніе. Если мы мысленно выдѣлимъ эти ощущенія изъ сферы нашего сознанія,то останется ли въ нашемъ распоряженіи какой-нибудь чувственный знакъ, пріемъ или руководящее средство, при помощи которыхъ воля могла бы съ надлежащей степенью интенсивности иннервировать надлежащіе мускулы, не направляя тока безпорядочно въ какіе попало мускулы. Выдѣлите эти ощущенія, предваряющія конечный результатъ движенія, и вмѣсто того, чтобы получить рядъ идей о тѣхъ направленіяхъ, по которымъ ваша воля можетъ направить токъ, вы получите въ сознаніи абсолютную пустоту, оно окажется не заполненнымъ никакимъ содержаніемъ. Если я хочу написать *Петръ*, а не *Павелъ*, то движеніямъ моего пера предшествуютъ мысли о нѣкоторыхъ ощущеніяхъ въ пальцахъ, о звукахъ нѣкоторыхъ буквъ азбуки, о нѣкоторыхъ значкахъ на бумагѣ—и больше ничего. Если я хочу произнести *Павелъ*, а не *Петръ*, то произнесенію предшествуютъ мысли о слышимыхъ мною звукахъ моего голоса и о нѣкоторыхъ мускульныхъ ощущеніяхъ въ языкѣ, губахъ и глоткѣ. Всѣ эти ощущенія связаны съ центростремительными токами; между мыслію объ этихъ ощущеніяхъ, которая сообщаетъ волевому акту возможную опредѣленность и законченность, и самымъ актомъ нѣтъ мѣста для какого-нибудь третьяго рода психическихъ явленій.

Въ составъ волевого акта входитъ нѣкоторый элементъ согласія на то, чтобы актъ совершился—рѣшеніе: «да будетъ!» И для меня, и для читателя, безъ сомнѣнія, именно этотъ элементъ и характеризуетъ произвольность акта. Ниже мы разсмотримъ въ подробности, въ чемъ заключается это рѣшеніе: «да будетъ!» Въ данную минуту мы можемъ оставить его въ сторонѣ, такъ какъ оно входитъ въ составъ рѣшительно всѣхъ волевыхъ актовъ и потому не даетъ указаній на различія, которыя можно установить между ними. Никто не станетъ утверждать, что при движеніи, напримѣръ, правой рукой или лѣвой оно качественно различно. *Итакъ, путемъ самонаблюденія мы нашли, что предшествующее волевому акту психическое состояніе заключается только въ предваряющихъ движеніе идеяхъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя оно повлечетъ за собой,+(въ нѣкоторыхъ случаяхъ) повелѣніе воли, согласно которому движеніе и связанныя съ нимъ ощущенія должны осуществиться*; предполагать же существованіе осо-

Digitized by Google

бых ощущеній, связанныхъ съ центробѣжными нервными токами, нѣтъ никакихъ основаній.

Такимъ образомъ, все содержаніе нашего сознанія, весь составляющій его матеріалъ—ощущенія движенія, равно какъ и всѣ другія ощущенія—имѣютъ, повидимому, периферическое происхожденіе и проникаютъ въ сферу нашего сознанія прежде всего черезъ периферическіе нервы.

Конечный поводъ къ движенію. Назовемъ конечнымъ поводомъ къ движенію ту идею въ нашемъ сознаніи, которая непосредственно предшествуетъ двигательному разряду. Спрашивается, служатъ ли поводами къ движенію только «непосредственныя» моторныя идеи, или ими могутъ быть также и «опосредствованныя» моторныя идеи?

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что конечнымъ поводомъ къ движенію могутъ быть равнымъ образомъ и непосредственныя, и опосредствованныя моторныя идеи.

Хотя въ началѣ нашего знакомства съ извѣстнымъ движеніемъ, когда мы еще учимся производить его, непосредственныя моторныя идеи и выступаютъ на первый планъ въ нашемъ сознаніи, но впослѣдствіи это бываетъ не такъ.

Вообще говоря, можно считать за правило, что съ теченіемъ времени онѣ все болѣе и болѣе отступаютъ въ сознаніи на задній планъ, и чѣмъ болѣе мы научаемся производить извѣстное движеніе, тѣмъ чаще конечнымъ поводомъ къ движенію являются «опосредствованныя» моторныя идеи. Въ сферѣ нашего сознанія господствующую роль играютъ наиболѣе интересующія насъ идеи, отъ всего остальнаго мы норовимъ отдѣлаться какъ можно скорѣе. Но, вообще говоря, «непосредственныя» моторныя идеи не представляютъ для насъ никакого существеннаго интереса. Насъ интересуютъ главнымъ образомъ тѣ цѣли, на которыя направлено наше движеніе. Эти цѣли, по большей части, суть опосредствованныя ощущенія, связанныя съ тѣми впечатлѣніями, которыя данное движеніе вызываетъ въ глазу, въ ухѣ, иногда на кожѣ, въ носу, въ нёбѣ. Если мы теперь предположимъ, что представленіе одной изъ такихъ цѣлей прочно ассоціировалось съ соотвѣтствующимъ ей нервнымъ разрядомъ, то окажется, что мысль о *непосредственныхъ* дѣйствіяхъ иннервації явится элементомъ, такъ же задерживающимъ выполненіе волевого акта, какъ и то чувство иннервації, о которомъ мы говорили выше. Наше сознаніе не нуждается въ этой мысли, для него достаточно представленія конечной цѣли движенія.

Такимъ образомъ, идея цѣли стремится все болѣе и болѣе завладѣть сферою сознанія. Во всякомъ случаѣ, если кинэстетическія идеи и возникаютъ при этомъ, то онѣ настолько поглощены живыми кинэстетическими ощущеніями, которыя ихъ немедленно настигаютъ, что мы не сознаемъ ихъ самостоятельнаго существованія. Когда я пишу, я не сознаю предварительно вида буквъ и мускульнаго напряженія

Digitized by Google

въ пальцахъ, какъ чего-то обособленнаго отъ ощущеній движенія моего пера. Прежде чѣмъ написать слово, я слышу, какъ оно какъ-бы звучитъ въ моихъ ушахъ, но при этомъ не возникаетъ никакого соотвѣтствующаго воспроизведеннаго зрительнаго или моторнаго образа. Происходитъ это вслѣдствіе быстроты, съ которою движенія слѣдуютъ за ихъ психическими мотивами. Признавъ извѣстную цѣль подлежащей достиженію, мы тотчасъ же иннервируемъ центръ, связанный съ первымъ движеніемъ, необходимымъ для ея осуществленія, и затѣмъ вся остальная цѣпь движеній совершается какъ-бы рефлекторно (см. стр. 102-ю).

Читатель, конечно, согласится, что эти соображенія вполнѣ справедливы относительно быстрыхъ и рѣшительныхъ волевыхъ актовъ. Въ нихъ только въ самомъ началѣ дѣйствія мы прибѣгаемъ къ особому рѣшенію воли. Человѣкъ говоритъ самъ себѣ: «Надо переодѣться», и тотчасъ же непроизвольно снимаетъ сюртукъ, пальцы его привычнымъ образомъ начинаютъ разстегивать пуговицы жилета и т. д; или, напримѣръ, мы говоримъ себѣ: «Надо спуститься внизъ,» и тотчасъ же мы встаемъ, идемъ, беремся за ручку двери и т. д., руководствуясь исключительно идеей цѣли, связанной съ рядомъ послѣдовательно возникающихъ ощущеній, и ведущихъ прямо къ ней. Повидимому, нужно предположить, что мы, стремясь къ извѣстной цѣли, вносимъ неточность и неопредѣленность въ наши движенія, когда сосредоточиваемъ вниманіе на связанныхъ съ ними ощущеніяхъ. Мы тѣмъ лучше можемъ, напримѣръ, ходить по бревну, чѣмъ меньше обращаемъ вниманіе на положеніе нашихъ ногъ. Мы мѣтче кидаемъ, ловимъ, стрѣляемъ и рубимъ, когда въ нашемъ сознаніи преобладаютъ зрительныя (опосредствованныя), а не осязательныя и моторныя (непосредственныя) ощущенія. Направьте на цѣль ваши глаза, и рука сама доставитъ къ цѣли кидаемый вами предметъ, сосредоточьте вниманіе на движеніяхъ руки—и вы не попадете въ цѣль. Д-ръ Саутгардъ (Southgard) нашелъ, что онъ могъ болѣе точнымъ образомъ опредѣлять на ощупь кончикомъ карандаша положеніе небольшого предмета при посредствѣ зрительныхъ, чѣмъ при посредствѣ осязательныхъ мотивовъ къ движенію. Въ первомъ случаѣ онъ взглядывалъ на небольшой предметъ и передъ тѣмъ, какъ дотронуться до него карандашемъ, закрывалъ глаза. Въ послѣднемъ, онъ *клалъ* предметъ на столъ съ закрытыми глазами и затѣмъ, отведя отъ него руку, старался снова прикоснуться къ нему. Средняя ошибка (если считать только опыты съ наиболѣе благопріятными результатами) равнялась 17, 13 mm. во второмъ случаѣ и только 12, 37 mm. въ первомъ (при зрѣніи). Выводы эти получены путемъ простого самонаблюденія. При помощи какого физіологическаго механизма совершаются описанныя дѣйствія—неизвѣстно.

Въ девятнадцатой главѣ мы видѣли, какъ велико разнообразіе

Digitized by Google

въ способахъ воспроизведенія у различныхъ индивидовъ. У лицъ, принадлежащихъ къ «тактильному» (согласно выраженію французскихъ психологовъ) типу воспроизведенія, кинэстетическія идеи, вѣроятно, играютъ болѣе выдающуюся роль, сравнительно съ тою, какая указана мной. Мы вообще не должны ожидать слишкомъ большого однообразія въ этомъ отношеніи у различныхъ индивидовъ и спорить о томъ, который изъ нихъ является типичнымъ представителемъ даннаго психическаго явленія.

Надѣюсь, я выяснилъ теперь, въ чемъ заключается та «моторная идея», которая должна предшествовать движенію и обусловливать его произвольный характеръ. Она не есть мысль объ иннерваціи, необходимой для того, чтобы произвести данное движеніе. Она есть мысленное предвареніе чувственныхъ впечатлѣній (непосредственныхъ или опосредствованныхъ, иногда опосредствованныхъ длиннымъ рядомъ дѣйствій), которыя явятся результатомъ даннаго движенія. Это мысленное предвареніе движеній опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ, *каковы* они будутъ. До сихъ поръ я разсуждалъ, какъ будто оно опредѣляло также, *что* данное движеніе будетъ сдѣлано. Безъ сомнѣнія, многіе читатели не согласятся съ этимъ, ибо во многихъ волевыхъ актахъ, повидимому, необходимо еще къ мысленному предваренію движенія присоединить особое рѣшеніе воли, согласіе ея на то, чтобы движеніе было сдѣлано; это рѣшеніе воли я до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ; анализъ его составитъ второй важный пунктъ нашего изслѣдованія.

Идео-моторный актъ. Намъ предстоитъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: *Можетъ ли до наступленія движенія идея о чувственныхъ его результатахъ сама по себѣ служить достаточнымъ къ нему поводомъ или движенію долженъ еще предшествовать нѣкоторый добавочный психическій элементъ въ видѣ рѣшенія, согласія, приказанія воли или другого аналогичнаго состоянія сознанія?*

Я даю на это слѣдующій отвѣтъ. Иногда такой идеи бываетъ достаточно, иногда же необходимо вмѣшательство добавочнаго психическаго элемента въ видѣ особаго рѣшенія или повелѣнія воли, предваряющаго движеніе. Въ большинствѣ случаевъ, въ простѣйшихъ волевыхъ актахъ, это рѣшеніе воли отсутствуетъ. Другіе случаи болѣе сложнаго характера будутъ обстоятельно разсмотрѣны нами въ своемъ мѣстѣ. Теперь же обратимся къ типичному образчику волевого дѣйствія, такъ называемому *идео-моторному акту*, въ которомъ мысль о движеніи вызываетъ послѣднее *непосредственно* безъ особаго рѣшенія воли. Всякій разъ, какъ мы при мысли о движеніи *немедленно, не колеблясь*, производимъ его, мы совершаемъ идео-моторный актъ. Въ этомъ случаѣ между мыслію о движеніи и ея осуществленіемъ мы не сознаемъ ничего промежуточнаго. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ въ этотъ промежутокъ времени происходятъ различные физіологическіе процессы въ нервахъ и му-

Digitized by Google

скулахъ, но мы не сознаемъ ихъ абсолютно. Только что мы успѣли подумать о дѣйствіи, какъ оно уже совершено нами—вотъ все, что даетъ намъ здѣсь самонаблюденіе. Д-ръ Карпентеръ, впервые употребившій (насколько мнѣ извѣстно) выраженіе «идео-моторный актъ», относилъ его, если я не ошибаюсь, къ числу рѣдкихъ психическихъ явленій. На самомъ же дѣлѣ это—просто нормальный психическій процессъ, не замаскированный никакими посторонними явленіями. Во время разговора я замѣчаю булавку на полу или пыль у себя на рукавѣ. Не прерывая разговора, я поднимаю булавку или стираю пыль. Во мнѣ не возникаетъ никакихъ рѣшеній по поводу этихъ дѣйствій, они совершаются просто подъ впечатлѣніемъ извѣстнаго воспріятія и проносящейся въ сознаніи моторной идеи. Подобнымъ же образомъ я поступаю, когда, сидя за столомъ я замѣчаю, что отъ времени до времени протягиваю руку къ стоящей передо мной тарелкѣ, беру орѣхъ или кисточку винограда и ѣмъ. Съ обѣдомъ я уже покончилъ, и въ пылу послѣобѣденной бесѣды, собственно говоря, не сознаю того, что дѣлаю, но видъ орѣховъ или ягодъ и мимолетная мысль о возможности взять ихъ, повидимому, роковымъ образомъ вызываютъ во мнѣ извѣстныя дѣйствія. Въ этомъ случаѣ, конечно, дѣйствіямъ не предшествуетъ никакого особаго рѣшенія воли такъ же, какъ и во всѣхъ привычныхъ дѣйствіяхъ, которыми полонъ каждый часъ нашей жизни, и которыя вызываются въ насъ притекающими извнѣ впечатлѣніями съ такой быстротой, что нерѣдко намъ трудно бываетъ рѣшить—отнести ли то или другое подобное дѣйствіе къ числу рефлекторныхъ или произвольныхъ актовъ. Вотъ что Лотце говоритъ по этому поводу:

Мы видимъ, «когда пишемъ или играемъ на роялѣ, что множество весьма сложныхъ движеній быстро смѣняютъ одно другое; каждый изъ мотивовъ, вызывающихъ въ насъ эти движенія, сознается нами не долѣе секунды; этотъ промежутокъ времени во всякомъ случаѣ слишкомъ малъ для того, чтобы вызвать въ насъ какіе-либо волевые акты, кромѣ общаго стремленія производить послѣдовательно одно за другимъ движенія, соотвѣтствующія тѣмъ психическимъ поводамъ для нихъ, которые такъ быстро смѣняютъ другъ друга въ нашемъ сознаніи. Такимъ путемъ мы производимъ всѣ наши ежедневныя дѣйствія. Когда мы стоимъ, ходимъ, разговариваемъ, намъ не требуется никакого особаго рѣшенія воли для каждаго отдѣльнаго дѣйствія: мы совершаемъ ихъ, руководствуясь однимъ только теченіемъ нашихъ мыслей». *).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы, повидимому, дѣйствуемъ безостановочно, не колеблясь, *при отсутствіи въ нашемъ сознаніи противодѣйствующаго представленія*. Въ нашемъ сознаніи или

*) Medicinische Psychologie, 293.

Digitized by Google

нѣтъ ничего, кромѣ конечнаго повода къ движенію, или есть что-нибудь, не препятствующее нашимъ дѣйствіямъ. Мы знаемъ, что значитъ встать съ постели въ морозное утро въ нетопленой комнатѣ: сама натура наша протестуетъ противъ такого мучительнаго испытанія. Многіе, вѣроятно, лежатъ каждое утро цѣлый часъ въ постели, прежде чѣмъ заставить себя подняться. Мы думаемъ лежа, какъ мы поздно встанемъ, какъ отъ этого пострадаютъ обязанности, которыя мы должны выполнить въ теченіе дня; мы говоримъ себѣ: «Это—чортъ знаетъ, что такое! *Долженъ* же я, наконецъ, встать!» etc; но теплая постель слишкомъ привлекаетъ насъ къ себѣ, температура комнаты кажется страшно холодной, и въ тотъ моментъ, когда мы совсѣмъ уже готовы подняться, рѣшимость наша пропадаетъ, и мы снова и снова оттягиваемъ наступленіе непріятнаго мгновенья. *Какъ же* мы встаемъ при такихъ условіяхъ? Если мнѣ будетъ позволено судить о другихъ по моему личному опыту, то я скажу, что, по большей части, мы поднимаемся въ такихъ случаяхъ безъ всякой внутренней борьбы, не прибѣгая ни къ какимъ рѣшеніямъ воли. Мы вдругъ находимъ, что мы поднялись съ постели; забывъ о теплѣ и холодѣ, мы въ полудремотѣ вызываемъ въ своемъ воображеніи различныя представленія, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ наступающему дню, вдругъ среди нихъ мелькнула мысль: «Баста! довольно лежать!» никакого противодѣйствующаго соображенія при этомъ не возникло — и тотчасъ же мы совершаемъ соотвѣтствующія нашей мысли движенія. Живо сознавая противоположность ощущеній тепла и холода, мы тѣмъ самымъ вызывали въ себѣ нерѣшительность, которая парализовала наши дѣйствія, и стремленіе подняться съ постели оставалось въ насъ простымъ *желаніемъ*, не переходя въ *хотѣніе*. Какъ только задерживающая дѣйствіе идея была устранена, первоначальная идея (о необходимости вставать) тотчасъ же вызвала соотвѣтствующія движенія. Этотъ случай, мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ въ миніатюрѣ всѣ основные элементы психологіи хотѣнія. Вѣдь, все ученіе о волѣ, развиваемое мною въ настоящемъ сочиненіи, въ сущности, обосновано мною на обсужденіи фактовъ, почерпнутыхъ изъ личнаго самонаблюденія: эти факты убѣдили меня въ истинности моихъ выводовъ, и потому иллюстрировать вышепроведенныя положенія какими-либо другими примѣрами я считаю излишнимъ. Очевидность моихъ выводовъ подрывается, повидимому, только тѣмъ обстоятельствомъ, что многія моторныя идеи *не сопровождаются* соотвѣтствующими дѣйствіями. Но, какъ мы увидимъ ниже, во всѣхъ безъ исключенія подобныхъ случаяхъ одновременно съ данной моторной идеей въ нашемъ сознаніи имѣется какая-нибудь другая идея, которая парализуетъ активность первой. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда извѣстное дѣйствіе вслѣдствіе задержки не совершается *вполнѣ*,

Digitized by Google

оно всетаки совершается *отчасти*. Вотъ что говоритъ Лотце по этому поводу:

«Слѣдя за играющими на билліардѣ или глядя на фехтующихся, мы производимъ руками слабыя аналогичныя движенія; люди, мало воспитанныя, разсказывая о чемъ-нибудь, непрерывно жестикулируютъ; читая съ интересомъ живое описаніе какого-нибудь сраженія, мы чувствуемъ легкую дрожь во всей мускульной системѣ, какъ будто мы присутствовали при описываемыхъ событіяхъ. Чѣмъ живѣе мы начинаемъ представлять себѣ движенія, тѣмъ замѣтнѣе начинаетъ обнаруживаться вліяніе моторныхъ идей на нашу мускульную систему; оно ослабѣваетъ, по мѣрѣ того какъ сложный комплексъ постороннихъ представленій, заполняя сферу нашего сознанія, вытѣсняетъ изъ него тѣ моторные образы, которые начинали переходить во внѣшніе акты». «Чтеніе мыслей», такъ вошедшее въ моду въ послѣднее время, есть въ сущности отгадываніе мыслей по мускульнымъ сокращеніямъ: подъ вліяніемъ моторныхъ идей мы производимъ иногда даже противъ нашей воли соотвѣтствующія мускульныя сокращенія».

Итакъ, мы можемъ считать вполнѣ достовѣрнымъ слѣдующее положеніе: *Всякое представленіе движенія вызываетъ въ извѣстной степени соотвѣтствующее движеніе, которое всего рѣзче проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда его не задерживаетъ никакое другое представленіе, находящееся одновременно съ первымъ въ сферѣ нашего сознанія.*

Особое рѣшеніе воли, ея согласіе на то, чтобы движеніе было произведено, является въ томъ случаѣ, когда необходимо устранить задерживающее вліяніе этого послѣдняго представленія. Но читатель можетъ теперь убѣдиться, что во всѣхъ болѣе простыхъ случаяхъ въ этомъ рѣшеніи не представляется никакой надобности. Впрочемъ, я сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній по этому поводу, если читатель продолжаетъ раздѣлять общераспространенный предразсудокъ, будто волевой актъ безъ «проявленія силы воли» есть contradictio in adjecto. Прежде всего, чтобы понять, что такое волевой актъ, и при какихъ условіяхъ онъ возможенъ безъ особаго рѣшенія воли, надо обратить вниманіе на тотъ фактъ, что *процессъ сознаванія по самой природѣ своей импульсивенъ*. Движеніе не есть нѣкоторый особый динамическій элементъ, который долженъ быть *прибавленъ* къ возникшему въ нашемъ сознаніи ощущенію или мысли. Каждое воспринимаемое нами чувственное впечатлѣніе связано съ нѣкоторымъ возбужденіемъ нервной дѣятельности, за которымъ неминуемо должно послѣдовать извѣстное движеніе. Наши ощущенія и мысли представляютъ собою, если такъ можно выразиться, пункты пересѣченія нервныхъ токовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ является движеніе, и которые, едва успѣвъ возникнуть въ одномъ нервѣ, уже перебѣгаютъ въ другой.

Digitized by Google

Ходячее мнѣніе, будто сознаніе не есть по существу своему предваренie дѣйствія, но будто послѣднее должно быть результатомъ нашей «силы воли», представляетъ собою естественную характеристику того частнаго случая, когда мы думаемъ объ извѣстномъ актѣ неопредѣленно долгій промежутокъ времени, не приводя его въ исполненіе. Но этотъ частный случай волевого акта не представляетъ общей нормы; здѣсь мы имѣемъ задержаніе волевого акта противодѣйствующимъ теченіемъ мыслей.

Когда задержка устранена, мы чувствуемъ какое-то внутреннее облегченіе—это и есть тотъ добавочный импульсъ, то рѣшеніе воли, благодаря которому и совершается волевой актъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ заключается это устраненіе задержки. Въ нашемъ мышленіи высшаго порядка подобные процессы совершаются постоянно. Гдѣ нѣтъ этого процесса, тамъ обыкновенно мысль и двигательный разрядъ непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, безъ всякаго промежуточнаго психическаго акта. *Движеніе есть естественный результатъ чувственнаго процесса, независимо отъ качественнаго содержанія этого процесса и при рефлексѣ, и при внѣшнемъ проявленіи эмоціи, и при волевой дѣятельности.*

Такимъ образомъ, идео-моторный актъ не исключительное явленіе, значеніе котораго приходилось бы умалять, и для котораго надо подыскивать особое объясненіе. Онъ подходитъ подъ общій типъ сознательныхъ дѣйствій; и мы должны принимать его за исходный пунктъ для объясненія тѣхъ дѣйствій, которымъ предшествуетъ особое рѣшеніе воли.

Замѣчу мимоходомъ, что, вообще говоря, задержаніе движенія, такъ же, какъ и выполненіе, не требуетъ особаго усилія или повелѣнія воли. Но въ частности и для задержанія, и для выполненія дѣйствія можетъ оказаться необходимымъ особое волевое усиліе. Въ простѣйшихъ обыденныхъ случаяхъ наличность въ сознаніи извѣстной идеи можетъ вызвать движеніе, наличность другой идеи—задержать его. Выпрямите палецъ и въ то-же время старайтесь думать, будто вы сгибаете его. Черезъ минуту вамъ почудится, будто онъ чуть-чуть согнулся, хотя въ немъ и не обнаружилось замѣтнымъ образомъ никакого движенія, такъ какъ мысль о томъ, что *онъ на самомъ дѣлѣ неподвиженъ*, также входила при этомъ въ составъ вашего сознанія. Выкиньте ее изъ головы, подумайте просто только о движеніи пальца—и мгновенно безъ всякаго усилія оно уже сдѣлано вами.

Такимъ образомъ, поведеніе человѣка во время бодрствованія является результатомъ двухъ противоположныхъ нервныхъ силъ. Одни невообразимо тонкіе нервные токи, пробѣгая по мозговымъ клѣткамъ и волокнамъ, возбуждаютъ его двигательные центры, другіе столь же невообразимо тонкіе токи вмѣшиваются въ дѣятельность первыхъ, то задерживаютъ, то усиливаютъ ихъ, измѣ-

Digitized by Google

няя ихъ скорость и направленіе. Въ концѣ-концовъ всѣ эти токи рано или поздно должны быть выпущены черезъ *извѣстные* двигательные центры, и весь вопросъ въ томъ, черезъ какіе именно: въ одномъ случаѣ они проходятъ черезъ одни, въ другомъ— черезъ другіе двигательные центры, въ третьемъ они такъ долго уравновѣшиваютъ другъ друга, что постороннему наблюдателю кажется, будто они вовсе не проходятъ черезъ двигательные центры. Такой наблюдатель долженъ однако не забывать, что съ физіологической точки зрѣнія жестъ, сдвиганіе бровей, вздохъ— такія же движенія, какъ и перемѣщеніе тѣла. Перемѣна въ выраженіи лица короля можетъ производить иногда на подданнаго такое же потрясающее дѣйствіе, какъ смертельный ударъ; и наружныя наши движенія, являющіяся результатомъ нервныхъ токовъ, которые сопровождаютъ удивительный невѣсомый потокъ нашихъ идей, не должны непремѣнно быть рѣзки и порывисты, не должны бросаться въ глаза своимъ грубымъ характеромъ.

Обдуманныя дѣйствія. Теперь мы можемъ приступить къ выясненію того, что происходитъ въ насъ, *когда мы дѣйствуемъ обдуманно*, или когда передъ нашимъ сознаніемъ находятся нѣсколько объектовъ въ видѣ противодѣйствующихъ одна другой или равно благопріятныхъ альтернативъ. Одинъ изъ этихъ объектовъ мысли можетъ быть моторною идеей. Самъ по себѣ онъ вызвалъ бы движеніе, но нѣкоторые объекты мысли въ данную минуту задерживаютъ его, а другіе, наоборотъ, содѣйствуютъ его выполненію. Въ результатѣ получается своеобразное внутреннее чувство безпокойства, извѣстное подъ именемъ *нерѣшительности*.

Къ счастію, оно слишкомъ хорошо знакомо всякому, описать же его было бы совершенно невозможно.

Пока оно продолжается, и вниманіе наше колеблется между нѣсколькими объектами мысли, мы, какъ говорится, *обдумываемъ*; когда же, наконецъ, первоначальное стремленіе къ движенію одерживаетъ верхъ или окончательно подавлено противодѣйствующими элементами мысли, то мы, какъ говорится, *рѣшаемся*, предпринимаемъ то или другое волевое рѣшеніе. Объекты мысли, задерживающіе окончательное дѣйствіе или благопріятствующіе ему, называются основаніями или мотивами для даннаго рѣшенія.

Процессъ обдумыванія представляетъ безконечныя степени осложненія. Въ каждое его мгновенье наше сознаніе является чрезвычайно сложнымъ комплексомъ взаимодѣйствующихъ между собою мотивовъ. Вся совокупность этого сложнаго объекта сознается нами нѣсколько смутно, на первый планъ выступаютъ передъ нами то однѣ, то другія его части въ зависимости отъ перемѣнъ въ направленіи нашего вниманія и отъ «ассоціаціоннаго потока» нашихъ идей. Но какъ-бы рѣзко ни выступали передъ нами господствующіе мотивы и какъ-бы ни было близко наступленіе мотор-

Digitized by Google

наго разряда подъ ихъ вліяніемъ, смутно сознаваемые объекты мысли, находящіеся на заднемъ планѣ и образующіе то, что мы назвали выше «психическими обертонами» (см. стр. 124-ю) задерживаютъ дѣйствіе все время, пока длится наша нерѣшительность. Она можетъ тянуться цѣлыя недѣли, даже мѣсяцы, по временамъ овладѣвая нашимъ умомъ. Мотивы къ дѣйствію, еще вчера казавшіеся столь яркими, столь убѣдительными, сегодня уже представляются блѣдными, лишенными живости. Но ни сегодня, ни завтра дѣйствіе не совершается нами. Что-то подсказываетъ намъ, что все это не имѣетъ рѣшающаго значенія; что мотивы, казавшіеся слабыми, усилятся, а мнимо-сильные потеряютъ всякое значеніе; что мы еще не достигли окончательно равновѣсія между мотивами, что мы въ настоящее время должны ихъ взвѣшивать, не отдавая предпочтенія которому-либо изъ нихъ, и, по возможности, терпѣливо ждать, пока не созрѣетъ въ нашемъ умѣ окончательное рѣшеніе. Это колебаніе между двумя возможными въ будущемъ альтернативами напоминаетъ колебаніе матеріальнаго тѣла въ предѣлахъ его упругости. Въ этомъ случаѣ въ тѣлѣ есть внутреннее напряженіе, но нѣтъ наружнаго разрыва. Подобное состояніе можетъ продолжаться неопредѣленно долго и въ физическомъ тѣлѣ, и въ нашемъ сознаніи. Если дѣйствіе упругости прекратилось, если «плотина прорвана», и нервные токи быстро пронизываютъ мозговую кору, колебанія прекращаются, и наступаетъ неизмѣнное рѣшеніе.

Рѣшимость можетъ проявляться различнымъ образомъ. Я попытаюсь здѣсь дать сжатую характеристику наиболѣе типичныхъ видовъ рѣшимости, предупреждая читателя, что я буду описывать душевныя явленія, почерпнутыя только изъ личнаго самонаблюденія; и что вопросъ о томъ, какая причинность, духовная или матеріальная, управляетъ этими явленіями, будетъ разсмотрѣнъ мною ниже.

Пять главныхъ типовъ рѣшимости. Можно указать пять главныхъ типовъ рѣшимости: *первый можетъ быть названъ типомъ разумной рѣшимости.* Мы проявляемъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда противодѣйствующіе мотивы начинаютъ понемногу ступевываться, оставляя мѣсто одной какой-нибудь альтернативѣ, которую мы принимаемъ безъ всякаго усилія и принужденія. До наступленія того момента, когда раціональная оцѣнка произведена, мы спокойно сознаемъ, что необходимость дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи еще не стала очевидной, и это удерживаетъ насъ отъ дѣйствія. Но въ одинъ прекрасный день мы вдругъ начинаемъ сознавать, что мотивы для дѣйствія основательны; что никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій по этому вопросу нечего ожидать, и что *теперь* именно пора дѣйствовать. Въ этихъ случаяхъ переходъ отъ сомнѣнія къ увѣренности переживается нами совершенно пассивнымъ образомъ; намъ кажется, что «разумныя основанія» для дѣйствія вытекаютъ какъ-то сами собой изъ сути дѣла, совершен-

Digitized by Google

но независимо отъ нашей воли. Впрочемъ, мы при этомъ не испытываемъ никакого чувства принужденія, сознавая все время себя совершенно *свободными*. Разумное основаніе, находимое нами для извѣстнаго дѣйствія, большею частью, заключается въ томъ, что мы подыскиваемъ для настоящаго случая подходящій классъ случаевъ, при которыхъ мы привыкли уже дѣйствовать не колеблясь по извѣстному шаблону. Можно сказать вообще, что обсужденіе мотивовъ, по большей части, заключается въ перебираніи всѣхъ возможныхъ альтернативъ, съ цѣлью отыскать такую, подъ которую можно было бы подвести нашъ образъ дѣйствія въ данномъ случаѣ. Наши сомнѣнія относительно образа дѣйствія разсѣеваются въ ту минуту, когда намъ удается отыскать такую альтернативу, которая связана съ привычными для насъ способами дѣйствовать. Люди съ большимъ запасомъ опыта, которымъ приходится ежедневно предпринимать множество рѣшеній, постоянно имѣютъ въ головѣ множество рубрикъ, изъ которыхъ каждая связана съ извѣстными волевыми актами, и каждый новый поводъ къ опредѣленному рѣшенію они стараются, по возможности, подвести подъ хорошо знакомую схему. Если данный случай не подходитъ ни подъ одинъ изъ прежнихъ, если къ нему не приложимы старые рутинные пріемы, то мы теряемся и недоумѣваемъ, не зная, какъ взяться за дѣло. Какъ только намъ удалось квалифицировать данный случай, рѣшимость снова возвращается къ намъ. *Такимъ образомъ, въ дѣятельности, какъ и въ мышленіи, важно подыскать соотвѣтствующій данному случаю концептъ.* Конкретныя дилеммы, съ которыми намъ въ жизни приходится сталкиваться, не имѣютъ на себѣ готовыхъ ярлыковъ съ соотвѣтствующими названіями, и мы можемъ называть ихъ весьма различно. Умный человѣкъ—тотъ, кто умѣетъ подыскать для каждаго отдѣльнаго случая наиболѣе соотвѣтствующее названіе. Мы называемъ «разсудительнымъ» такого человѣка, который, разъ твердо намѣтивъ себѣ достойныя цѣли въ жизни, не предпринимаетъ ни одного дѣйствія безъ того, чтобы предварительно не опредѣлить, благопріятствуетъ ли оно достиженію этихъ цѣлей или нѣтъ.

Въ слѣдующихъ двухъ типахъ рѣшимости конечное рѣшеніе воли возникаетъ до появленія увѣренности въ томъ, что оно разумно. Нерѣдко случается, что ни для одной изъ данныхъ альтернативъ намъ не удается подыскать разумнаго основанія, сообщающаго ей преимущество передъ другими. Всѣ альтернативы кажутся хороши, и мы совершенно лишены возможности разсудить, которая изъ нихъ наиболѣе благопріятна. Колебаніе и нерѣшительность утомляютъ насъ, и можетъ, наконецъ, наступить такой моментъ, когда мы рѣшимъ, что лучше ужъ предпринять неудачное рѣшеніе, чѣмъ не предпринимать никакого. При такихъ условіяхъ нерѣдко бываетъ такъ, что какое-нибудь случайное обстоятельство, появив-

Digitized by Google

шись передъ нами въ моментъ нерѣшительности, нарушаетъ равновѣсіе, сообщивъ одной изъ альтернативъ перевѣсъ надъ другими, и мы начинаемъ склоняться въ ея сторону, хотя, подвернись намъ на глаза въ эту минуту другое случайное обстоятельство—и конечный результатъ былъ бы совершенно иной.

Второй типъ рѣшимости представляютъ тѣ случаи, въ которыхъ мы какъ-бы преднамѣренно отдаемся на произволъ судьбы, поддаваясь вліянію *внѣшнихъ* случайныхъ обстоятельствъ и думая, что, какое бы рѣшеніе мы ни предприняли, конечный результатъ во всякомъ случаѣ будетъ довольно благопріятный. *Въ третьемъ типѣ* рѣшеніе наше также является результатомъ случайности, но случайности, дѣйствующей не извнѣ, *а въ насъ самихъ*. Нерѣдко при отсутствіи побудительныхъ причинъ дѣйствовать въ томъ или другомъ направленіи, мы, чтобы избѣжать непріятнаго чувства смущенія и нерѣшительности, начинаемъ дѣйствовать автоматически, какъ будто въ нашихъ нервахъ разряды совершались самопроизвольно, побуждая насъ дѣйствовать въ направленіи одной изъ представлявшихся намъ альтернативъ. Послѣ томительнаго бездѣйствія стремленіе къ движенію привлекаетъ насъ; мы говоримъ мысленно: «Впередъ! а тамъ будь, что будетъ!» и живо принимаемся дѣйствовать. Это—безпечное, веселое проявленіе энергіи, до того непредумышленное, что мы въ такихъ случаяхъ являемъ скорѣе пассивными зрителями, забавляющимися созерцаніемъ случайно дѣйствующихъ на насъ внѣшнихъ силъ, чѣмъ лицами, дѣйствующими по собственному произволу. Такое мятежное, порывистое проявленіе энергіи у лицъ вялыхъ и хладнокровныхъ рѣдко наблюдается. Наоборотъ, у лицъ съ сильнымъ эмоціональныхъ темпераментомъ и въ то-же время нерѣшительнаго характера оно, быть можетъ, представляетъ весьма частое явленіе. У міровыхъ геніевъ (вродѣ Наполеона, Лютера и т. п.), въ которыхъ упорная страсть сочетается съ кипучимъ стремленіемъ къ дѣятельности, въ тѣхъ случаяхъ, когда колебанія и предварительныя соображенія задерживаютъ свободное проявленіе страсти, окончательная рѣшимость дѣйствовать, вѣроятно, прорывается именно такимъ стихійнымъ образомъ; такъ струя воды совершенно неожиданно прорываетъ плотину. Что у подобныхъ личностей часто наблюдается именно такой образъ дѣйствія, это служитъ уже достаточнымъ указаніемъ на ихъ фаталистическій образъ мыслей. А такой образъ мыслей сообщаетъ особенную силу начинающемуся въ моторныхъ центрахъ нервному разряду.

Есть еще *четвертый типъ рѣшимости*, который такъ же неожиданно полагаетъ конецъ всякимъ колебаніямъ, какъ и третій. Къ нему относятся тѣ случаи, когда подъ вліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ или какой-то необъяснимой внутренней перемѣны въ образѣ мыслей мы внезапно *изъ легкомысленнаго и беззаботнаго состоянія духа переходимъ въ серьезное, сосре-*

Digitized by Google

доточенное. Въ такихъ случаяхъ значеніе всей скалы цѣнностей нашихъ мотивовъ и стремленій подвергается перемѣнѣ, аналогичной съ тою перемѣною, которая происходитъ въ нашемъ кругозорѣ, когда мы измѣняемъ наше положеніе по отношенію къ плоскости горизонта.

Объекты страха и печали дѣйствуютъ особенно отрезвляющимъ образомъ. Проникая въ сферу нашего сознанія, они парализуютъ вліяніе легкомысленной фантазіи и сообщаютъ особенную силу серьезнымъ мотивамъ. Въ результатѣ мы покидаемъ разные пошлые планы на будущее, которыми тѣшили до сихъ поръ наше воображеніе, и немедленно проникаемся болѣе серьезными и важными стремленіями, которые до той поры не привлекали насъ къ себѣ. Къ этому типу рѣшимости слѣдуетъ отнести всѣ случаи такъ называемаго «нравственнаго перерожденія» и «пробужденія совѣсти» и т. п., благодаря которымъ происходитъ духовное обновленіе многихъ изъ насъ. Въ личности вдругъ происходитъ «измѣненіе уровня», и сразу появляется рѣшимость дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи.

Въ *пятомъ* и *послѣднемъ* типѣ рѣшимости для насъ можетъ казаться наиболѣе раціональнымъ извѣстный образъ дѣйствія, но мы можемъ и не имѣть въ пользу него разумныхъ основаній. Въ обоихъ случаяхъ, рѣшаясь дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, мы чувствуемъ, что окончательное совершеніе дѣйствія обусловлено произвольнымъ актомъ нашей воли; въ первомъ случаѣ мы импульсомъ нашей воли сообщаемъ силу извѣстному разумному мотиву, который самъ по себѣ былъ бы не въ состояніи произвести нервный разрядъ; въ послѣднемъ случаѣ мы усиліемъ воли, замѣняющимъ здѣсь санкцію разума, придаемъ извѣстному мотиву преобладающее значеніе. Ощущаемое при этомъ глухое напряженіе воли, составляетъ характеристическую черту этого типа рѣшимости, отличающую его отъ остальныхъ четырехъ типовъ. Мы еще не будемъ здѣсь оцѣнивать значенія этого напряженія воли съ метафизической точки зрѣнія и не будемъ обсуждать вопроса, слѣдуетъ ли обособлять эти напряженія воли отъ тѣхъ мотивовъ, которыми мы руководствуемся въ нашихъ дѣйствіяхъ. Съ субъективной и феноменальной точки зрѣнія здѣсь имѣется на-лицо *чувство усилія*, котораго не было въ предшествующихъ типахъ рѣшимости. Это усиліе представляетъ всегда непріятный актъ, связанный съ какимъ-то сознаніемъ нравственнаго одиночества; такъ бываетъ и въ томъ случаѣ, когда во имя чистаго священнаго долга мы сурово отрекаемся отъ всякихъ земныхъ благъ, и въ томъ случаѣ, когда мы твердо рѣшаемся считать одну изъ представляющихся альтернативъ невозможной для насъ на будущее время, а другую—подлежащей осуществленію, хотя бы каждая изъ нихъ была равно привлекательна, и хотя бы никакое внѣшнее обстоятельство не побуждало

Digitized by Google

насъ отдать которой-нибудь изъ нихъ предпочтеніе. При болѣе внимательномъ анализѣ этого типа рѣшимости оказывается, что онъ отличается отъ предъидущихъ типовъ слѣдующею чертою: въ остальныхъ видахъ рѣшимости въ моментъ выбора одной альтернативы мы упускаемъ или почти упускаемъ изъ виду другую, здѣсь же мы все время не теряемъ изъ виду ни одной изъ представляющихся альтернативъ; отвергая одну изъ альтернативъ, мы тѣмъ самымъ дѣлаемъ для себя яснымъ, что̀ именно въ эту минуту мы теряемъ. При этомъ мы, такъ сказать, преднамѣренно вонзаемъ иглу въ свое тѣло, и чувство *внутренняго усилія*, сопровождающее этотъ актъ, представляетъ въ этомъ типѣ рѣшимости такой своеобразный элементъ, который рѣзко отдѣляетъ его отъ всѣхъ остальныхъ типовъ и дѣлаетъ его психическимъ явленіемъ sui generis. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ наша рѣшимость не сопровождается чувствомъ усилія. Я думаю, мы бываемъ склонны считать чувство усилія болѣе частымъ психическимъ явленіемъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе того, что *во время обдумыванія* рѣшенія мы нерѣдко сознаемъ, какъ велико должно бы было быть усиліе для насъ *теперь*, если бы мы захотѣли реализовать извѣстное рѣшеніе. Позднѣе, когда дѣйствіе совершено нами безъ всякаго усилія, мы вспоминаемъ о приведенномъ выше соображеніи и ошибочно заключаемъ, что усиліе было дѣйствительно сдѣлано нами.

Существованіе такого психическаго явленія, какъ чувство усилія, ни въ какомъ случаѣ нельзя отвергать или подвергать сомнѣнію. Но относительно его значенія господствуетъ большое разногласіе во взглядахъ. Съ уясненіемъ его значенія связано рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, какъ самое существованіе духовной причинности, какъ проблема свободы воли и всеобщаго детерминизма. Въ виду этого, намъ необходимо обслѣдовать съ особенной тщательностью тѣ условія, при которыхъ мы испытываемъ чувство волевого усилія.

Чувство усилія. Когда я немного выше утверждалъ, что *сознаніе* (или связанные съ нимъ нервные процессы) *по самой природѣ своей импульсивно*, мнѣ слѣдовало бы добавить *при достаточной степени интенсивности*. Состоянія сознанія весьма различаются по способности вызывать движеніе. Интенсивность нѣкоторыхъ ощущеній на практикѣ бываетъ безсильною вызвать замѣтныя движенія, интенсивность другихъ ощущеній влечетъ за собою видимыя движенія. Говоря «на практикѣ», я хочу сказать «при обыкновенныхъ условіяхъ». Такими условіями могутъ быть привычныя остановки въ дѣятельности, каково, напримѣръ, пріятное чувство *dolce far niente*, вызывающее въ каждомъ изъ насъ извѣстную степень лѣни, которую можно преодолѣть только при помощи энергичнаго усилія воли; таково чувство прирожденной инертности, чувство внутренняго сопротивленія, оказываемаго самыми нервными цент-

Digitized by Google

рами, сопротивленія, которое дѣлаетъ разрядъ невозможнымъ, пока дѣйствующая сила не достигла извѣстной степени напряженія и не перешла за ея границу. Условія эти бываютъ различны у различныхъ лицъ и у того же лица въ различное время. Инертность нервныхъ центровъ можетъ то увеличиваться, то уменьшаться, и соотвѣтственно этому привычныя задержанія дѣйствія то возрастать, то ослабѣвать. Наряду съ этимъ должна измѣняться интенсивность извѣстныхъ процессовъ мысли и стимуловъ, и извѣстные ассоціаціонные пути становиться то болѣе, то менѣе проходимыми. Отсюда становится понятнымъ, отчего такъ измѣнчива способность вызывать импульсъ къ дѣйствію у однихъ мотивовъ, сравнительно съ другими. Когда слабѣе дѣйствующіе при нормальныхъ условіяхъ мотивы становятся сильнѣе дѣйствующими, а сильнѣе дѣйствующіе при нормальныхъ условіяхъ мотивы начинаютъ слабѣе дѣйствовать, то дѣйствія, совершаемыя обыкновенно безъ усилія, воздержаніе отъ дѣйствія, обыкновенно не сопряженное съ трудомъ, становятся или невозможными, или совершаются только при затратѣ усилія (если вообще совершаются въ такомъ случаѣ). Это выяснится намъ при болѣе подробномъ анализѣ чувства усилія.

Здоровая воля. *Есть извѣстная нормальная степень импульсивной силы въ различныхъ психическихъ мотивахъ, которая характеризуетъ здоровое состояніе человѣческой воли*, а отклоненія отъ этой степени возможны только въ исключительныхъ случаяхъ у ненормальныхъ индивидовъ. Душевныя состоянія, связанныя обыкновенно съ наибольшей степенью импульсивной силы, суть: во первыхъ, объекты страстей, влеченій и эмоцій—короче сказать, объекты инстинктивной реакціи, во-вторыхъ, пріятныя или непріятныя чувства и идеи, въ третьихъ, идеи, которымъ мы въ силу какого-нибудь основанія привыкли повиноваться, такъ что въ насъ укоренилась привычка руководствоваться ими въ дѣйствіяхъ, наконецъ, въ четвертыхъ, это—впечатлѣнія, непосредственно воспринимаемыя отъ даннаго объекта или близкія по пространству и времени. Сравнительно съ этими разнородными побужденіями къ дѣятельности, всѣ отдаленныя соображенія, крайне отвлеченные концепты, непривычные доводы и мотивы, не соотвѣтствующіе состоянію развитія нашихъ инстинктовъ въ данную минуту, лишены импульсивной силы или обладаютъ ею въ крайне слабой степени. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они одерживаютъ верхъ, то непремѣнно сопровождаются *усиліемъ*, и, такимъ образомъ, нормальное состояніе воли въ отличіе отъ патологическаго характеризуется тѣмъ, *что примѣненіе усилія ограничивается сферою неинстинктивныхъ мотивовъ, всякій разъ когда послѣдніе нужно сдѣлать руководящими нашимъ поведеніемъ.*

Здоровье воли обусловлено извѣстной степенью осложненія въ тѣхъ психическихъ процессахъ, которые предшествуютъ волевому

Digitized by Google

рѣшенію или дѣйствію. Каждый стимулъ, каждая идея, порождая извѣстный импульсъ, должна наряду съ этимъ вызвать другія идеи и *связанные съ ними* характеристическіе импульсы, и затѣмъ уже только должно наступить самое дѣйствіе ни слишкомъ поздно, ни слишкомъ преждевременно, являясь конечнымъ результатомъ цѣлаго ряда взаимодѣйствующихъ силъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе наступило быстро, при нормальномъ порядкѣ вещей необходимъ еще предварительный обзоръ поля дѣйствія и окончательный выборъ пути до наступленія реакціи. Когда воля здорова, эта *окончательная оцѣнка мотивовъ бываетъ вѣрной* (т. е. мотивы находятся въ нормальномъ, привычномъ отношеніи другъ къ другу), *и дѣйствіе совершается въ надлежащемъ направленіи.*

Такимъ образомъ, болѣзни воли возникаютъ весьма различнымъ путемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе наступаетъ слишкомъ быстро вслѣдъ за вызывающимъ его мотивомъ, не давая времени развиться задерживающимъ ассоціаціямъ,—мы имѣемъ *стремительную волю.* Въ тѣхъ случаяхъ, когда ассоціаціи появляются, но нормальное отношеніе между импульсивными и задерживающими факторами нарушено—мы имѣемъ *извращеніе воли.* Извращеніе воли можетъ быть въ свою очередь обусловлено весьма различными причинами: избыткомъ или недостаткомъ интенсивности въ томъ или другомъ психическомъ процессѣ, избыткомъ или недостаткомъ инертности различныхъ нервныхъ центровъ, наконецъ, избыткомъ или недостаткомъ задерживающей силы. *Сравнивая между собою внѣшнія проявленія извращенія воли, мы можемъ раздѣлить его на два вида*; въ одномъ изъ нихъ нормальные акты воли невозможны, въ другомъ неудержимо совершаются ненормальные акты. Короче сказать, мы можемъ назвать первый видъ извращенія воли *пониженной активностью воли, второй—повышенной активностью воли.*

Впрочемъ, зная, что конечный результатъ зависитъ отъ *отношенія*, существующаго въ данную минуту между задерживающими и вызывающими его силами, мы поймемъ, что невозможно по однимъ внѣшнимъ проявленіямъ опредѣлить, какова *элементарная* причина извращенія воли у даннаго лица, обусловлено ли извращеніе воли недостаточностью или чрезмѣрностью какого-нибудь изъ факторовъ, въ совокупности порождающихъ данное дѣйствіе. Повышенная активность воли можетъ быть результатомъ, какъ потери способности дѣйствовать импульсивнымъ путемъ въ извѣстномъ направленіи, такъ и результатомъ пріобрѣтенія способностей дѣйствовать импульсивнымъ путемъ въ новыхъ направленіяхъ; равнымъ образомъ, можно утратить способность къ извѣстнымъ импульсамъ вслѣдствіе ослабленія первоначальныхъ стремленій или вслѣдствіе образованія новыхъ стремленій и новыхъ путей нервнаго разряда. Д-ръ Клоустонъ (Clouston) говоритъ: «Или ѣздокъ можетъ быть такъ слабъ, что не будетъ въ состояніи править хо-

Digitized by Google

рошо объѣзженной лошадью, или лошадь такъ тогоузда, что никакой ѣздокъ съ нею не справится».

Повышенная активность воли. 1) **Отъ недостаточнаго задержанія движеній.** Повышенная активность воли наблюдается у лицъ вполнѣ нормальныхъ, у которыхъ импульсы къ движенію вызываютъ нервный разрядъ такъ быстро, что задерживающіе движеніе токи не успѣваютъ возникнуть. Сюда относятся люди съ крайне подвижнымъ и горячимъ темпераментомъ, вѣчно оживленные и разговорчивые, люди, которыми изобилуютъ славянская и кельтская расы, и съ которыми представляютъ столь рѣзкій контрастъ хладнокровные, тяжелые на подъемъ англичане. Эти люди кажутся намъ похожими на вѣчно прыгающихъ обезьянъ, а мы имъ представляемся неповоротливыми земноводными. Если взять двухъ индивидовъ, одного—съ повышенной, другого—съ пониженной активностью воли, то никакъ нельзя рѣшить, который изъ нихъ располагаетъ большимъ количествомъ жизненной энергіи. Подвижный итальянецъ, одаренный живою воспріимчивостью и впечатлительнымъ умомъ, способенъ произвести своими талантами необычайный эффектъ на окружающихъ, «показать товаръ лицомъ», между тѣмъ какъ сдержанный янки, не уступая, быть можетъ, въ талантахъ итальянцу, будетъ скрывать ихъ въ глубинѣ души, и вы едва съумѣете ихъ обнаружить. Такой итальянецъ будетъ душою общества: онъ поетъ, произноситъ рѣчи, руководитъ общественными увеселеніями, охотно готовъ подшутить надъ кѣмъ-нибудь, приволокнуться, принять участіе въ дуэли, а въ случаѣ несчастія, въ случаѣ разрушенія надеждъ и плановъ такъ ведетъ себя, что постороннему наблюдатель кажется, будто энергіи у этого человѣка неизмѣримо больше, сравнительно съ какимъ-нибудь благоразумнымъ и сдержаннымъ юношей. Но послѣдній можетъ обладать совершенно такими-же способностями и быть готовымъ каждую минуту проявить ихъ, если-бы задерживающіе центры не препятствовали этому. Отсутствіе предварительныхъ соображеній, колебаній, проявленіе въ каждую данную минуту удивительно упрощеннаго душевнаго склада сообщаютъ этому типу людей съ повышенной активностью воли необыкновенную энергію и непринужденность въ дѣйствіи; ихъ страсти, мотивы и стремленія не должны достигать особенно большой интенсивности, чтобы вызвать моторный разрядъ. Съ постепеннымъ ходомъ умственнаго развитія человѣчества сложность душевнаго склада возрастаетъ все болѣе и болѣе, и наряду съ нею возрастаетъ и число мотивовъ, задерживающихъ тотъ или другой импульсъ.

Какъ много мы—англичане—теряемъ въ непринужденности нашей рѣчи только потому, что привыкли всегда говорить правду. Преобладаніе задержанія дѣйствій имѣетъ свою хорошую и дурную стороны; если человѣкъ выполняетъ дѣйствія въ общемъ и

Digitized by Google

хорошо, и быстро; если онъ при этомъ мужественно принимаетъ въ соображеніе всѣ слѣдствія своихъ поступковъ и обладаетъ достаточнымъ умомъ, чтобы съ успѣхомъ достигнуть цѣли, то ему остается только благодарить судьбу за подвижный характеръ, побуждающій его дѣйствовать, недолго думая. Въ исторіи можно встрѣтить немало полководцевъ и революціонеровъ, принадлежавшихъ къ этому подвижному и немногосложному импульсивному типу людей. Трудныя и сложныя проблемы преимущественно бываютъ по плечу лишь лицамъ рефлективнаго, сдержаннаго типа. Лица же импульсивнаго типа способны иногда осуществлять болѣе широкіе замыслы и избѣгать многихъ ошибокъ, совершаемыхъ обыкновенно лицами рефлективнаго типа. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствуютъ безошибочно, или когда они умѣютъ постоянно поправлять свои ошибки, они являются одними изъ самыхъ цѣнныхъ и необходимыхъ дѣятелей на пользу человѣчества.

У дѣтей при истощеніи и въ нѣкоторыхъ другихъ патологическихъ случаяхъ дѣятельность задерживающихъ центровъ можетъ оказаться слишкомъ слабой, чтобы предупреждать наступленіе импульсивнаго разряда. При такихъ условіяхъ лицо съ пониженной активностью воли можетъ на время оказаться принадлежащимъ къ провотиволожному типу волевой активности. У другихъ лицъ (сюда принадлежатъ страдающіе истеріей, эпилептики, преступники, относящіеся къ классу душевно-больныхъ, которыхъ французскіе психологи называютъ: *Dégénérés*) наблюдается въ нервномъ механизмѣ недостатокъ, заключающійся въ томъ, что моторныя идеи въ нихъ вызываютъ активность воли прежде, чѣмъ задерживающіе центры успѣютъ проявить свою дѣятельность. У лицъ съ нормальною волей отъ рожденія дурныя привычки могутъ создать для этого благопріятныя условія въ особенности въ сферѣ импульсовъ извѣстнаго характера. Переспросите половину знакомыхъ вамъ пьяницъ, что побуждаетъ ихъ такъ часто отдаваться соблазну, и большинство изъ нихъ скажетъ вамъ, что они сами этого не знаютъ. Для нихъ запой—родъ припадка.

Нервные центры пьяницы пріобрѣли способность разслабляться извѣстнымъ образомъ, всякій разъ какъ ему попадается на глаза бутылка водки. Не вкусъ водки привлекаетъ его, она можетъ даже казаться ему сама по себѣ отвратительной; непріятная перспектива похмѣлья на другой день представляется ему въ моментъ выпивки очень живо. Но, видя водку, пьяница уже чувствуетъ, что онъ противъ своей воли принимается пить ее; больше этого никто изъ пьяницъ не можетъ сказать. Подобнымъ же образомъ, человѣкъ можетъ всю жизнь предаваться половымъ излишествамъ, причемъ стимуломъ для этого, повидимому, нерѣдко бываетъ не сила чувственныхъ побужденій, а скорѣе просто мысль о возможности удовлетворять имъ. Такое лицо можетъ быть даже совершеннымъ импотен-

Digitized by Google

томъ въ физическимъ отношеніи. У лицъ съ подобнымъ складомъ характера нервные пути, проводящіе естественные (или противоестественные) импульсы, такъ разслаблены, что самая слабая степень нервнаго возбужденія вызываетъ уже окончательную реакцію. Явленіе это называется въ патологіи: «ослабленная раздражимость». Періодъ скрытаго внутренняго возбужденія при раздраженіи нервныхъ центровъ въ данномъ случаѣ такъ коротокъ, что интенсивность напряженія въ нихъ не успѣваетъ возрасти до надлежащей степени, вслѣдствіе чего, не смотря на значительное наружное проявленіе активности, чувственное возбужденіе при этомъ можетъ быть очень мало. Подобное нарушеніе внутренняго равновѣсія между нервными центрами особенно часто развивается у лицъ съ истерическимъ темпераментомъ. Эти лица могутъ, повидимому, проявлять самое искреннее и глубокое отвращеніе къ поведенію извѣстнаго рода, но минуту спустя подъ вліяніемъ соблазна всецѣло отдаются овладавшей ими страсти.

2) Отъ чрезмѣрной силы импульса. Но, съ другой стороны, безпорядочный импульсивный образъ дѣйствія можно наблюдать и въ тѣхъ случаяхъ, когда нервныя ткани сохранили нормальную степень внутренняго напряженія, а задерживающіе центры дѣйствуютъ правильно или даже съ чрезмѣрной силой. Въ такихъ случаяхъ *сила импульсивной идеи ненормально велика*, благодаря чему, то, что при другихъ обстоятельствахъ промелькнуло бы въ качествѣ простой возможности дѣйствія, вызываетъ страстное неудержимое стремленіе къ дѣйствію. Въ сочиненіяхъ по психіатріи можно найти многочисленные примѣры подобныхъ неотвязчивыхъ идей, въ страстной борьбѣ съ которыми больной нерѣдко изнемогаетъ до самой смерти своей.

Нормальные люди не могутъ составить себѣ понятія о той неудержимой силѣ, съ какою дипсоманъ или опіоманъ стремятся удовлетворить своей страсти. «Поставьте въ одномъ углу комнаты меня, въ другомъ—бутылку рому, а въ промежуткѣ между нами стрѣляйте непрерывно изъ пушекъ—и все-таки я перебѣгу черезъ комнату, чтобы достать бутылку». «Если бы съ одной стороны около меня стояла бутылка водки, а съ другой были бы открыты врата ада, и если бы я зналъ, что, выпивъ одинъ стаканъ, я немедленно попаду въ адъ, то и тогда я не отказался бы выпить»,—вотъ что говорятъ очень многіе дипсоманы. Д-ръ Муссей (въ Цинциннати) сообщаетъ слѣдующій случай:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одинъ изъ домовъ призрѣнія въ Цинциннати былъ помѣщенъ горькій пьяница. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ всячески пытался раздобыть рому, но безуспѣшно. Наконецъ, онъ придумалъ для этого способъ, который оказался удачнымъ. При богадѣльнѣ находился дровяной дворъ; прійдя на этотъ дворъ, пьяница взялъ въ одну руку топоръ, а

Digitized by Google

другую положилъ на деревянную колоду и единымъ взмахомъ топора отрубилъ себѣ кисть руки. Приподнявъ кверху обрубокъ руки, изъ котораго лилась потокомъ кровь, онъ вбѣжалъ въ домъ съ крикомъ: «Рому! скорѣе рому! Я отрубилъ себѣ руку!» Поднялась суматоха, тотчасъ принесли чашку рому; пьяница погрузилъ въ нее окровавленный обрубокъ руки, а затѣмъ быстро поднялъ чашку ко рту, выпилъ залпомъ ея содержимое и радостно закричалъ: «Ну, теперь я доволенъ!» Д-ръ разсказываетъ о другомъ пьяницѣ, который, когда его лечили отъ запоя, въ теченіе мѣсяца тихонько попивалъ алкоголь изъ шести банокъ со спиртными препаратами. Когда докторъ спросилъ его, что побудило его къ такому омерзительному поступку, онъ отвѣчалъ: «Сэръ, я также не властенъ обуздать мою болѣзненную страсть къ вину, какъ не властенъ остановить біенія моего сердца».

Нерѣдко неотвязчивая идея можетъ быть весьма невиннаго свойства, но тѣмъ не менѣе, овладѣвъ извѣстнымъ человѣкомъ, она можетъ буквально извести его. Напримѣръ, человѣкъ чувствуетъ, что руки у него грязны, что ихъ надо вымыть. Онъ *знаетъ*, что онѣ чисты, но, чтобы отвязаться отъ несносной мысли, онъ моетъ ихъ. Однако черезъ минуту та-же мысль снова возвращается, и несчастный больной, не страдающій нимало *умопомѣшательствомъ*, по невольѣ долженъ проводить цѣлые дни у умывальника. Другому человѣку кажется, что онъ надѣлъ платье «не такъ, какъ слѣдуетъ»; чтобы отдѣлаться отъ этой мысли, онъ раздѣвается и снова одѣвается, и въ концѣ-концовъ тратитъ на свой туалетъ два—три часа. У большинства нормальныхъ людей имѣются болѣзненныя предрасположенія, аналогичныя приведеннымъ случаямъ. Кто изъ насъ иногда, легши вечеромъ въ постель, не начиналъ думать: «Заперъ я наружную дверь или нѣтъ? Загасилъ ли я лампу въ прихожей?» И большинство изъ насъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно встаетъ, не столько для того, чтобы провѣрить, сдѣлано ли все, что нужно, сколько для того, чтобы избавиться отъ закравшагося въ душу сомнѣнія и спокойно заснуть.

Пониженная активность воли. Описанные нами случаи, въ которыхъ импульсъ къ дѣйствію слишкомъ силенъ или задержаніе дѣйствія недостаточно велико, представляютъ рѣзкій контрастъ съ тѣми случаями, когда импульсъ къ дѣйствію слишкомъ слабъ или задержаніе его слишкомъ велико. На стр. 169-й мы описали то душевное состояніе, при которомъ мы на нѣсколько минутъ теряемъ способность сосредоточиться на чемъ-нибудь, и наше вниманіе разсѣевается.

Въ такихъ случаяхъ мы сидимъ, безцѣльно уставивъ глаза въ пространство, и ничего не дѣлаемъ. Ничто не задѣваетъ насъ за живое, внѣшнія впечатлѣнія не привлекаютъ нашего вниманія. Они воспринимаются нами, но не настолько живо, чтобы вызы-

Digitized by Google

вать въ насъ какой-либо интересъ. Это индифферентное отношеніе къ *нѣкоторой части* объектовъ, входящихъ въ данную минуту въ сферу нашего сознанія, представляетъ нормальное явленіе у всѣхъ насъ. Сильное утомленіе или истощеніе можетъ вызвать у насъ такое же отношеніе почти ко всему содержанію нашего сознанія; апатія, сходная съ этимъ послѣднимъ состояніемъ духа, называется психіатрами *абулія* и считается душевною болѣзнью. Для нормальнаго состоянія воли, какъ я замѣтилъ выше, необходимо, чтобы мы отчетливо сознавали сферу каждаго нашего дѣйствія и, руководствуясь ею, выполняли послѣднее. Но при душевной болѣзни сфера нашего дѣйствія можетъ оказаться совершенно оставленной безъ вниманія, въ такихъ случаяхъ, несмотря на неповрежденность умственныхъ способностей, дѣйствіе или вовсе не выполняется, или выполняется ненадлежащимъ образомъ. «*Video meliora proboque, deteriora sequor*»—вотъ классическая характеристика такого душевнаго состоянія.

Въ нашей нравственной жизни трагическое обусловлено главнымъ образомъ тѣмъ, что нормальная связь между сознаваніемъ истиннаго плана дѣйствія и его осуществленіемъ порвалась, и тѣмъ, что извѣстныя идеи никакъ не могутъ возбудить въ насъ живого стремленія къ ихъ реализаціи. Люди не такъ различаются между собою по складу чувствъ и мыслей, какъ по образу дѣйствія. Ихъ идеалы, мотивы ихъ дѣйствій далеко не такъ различаются между собой, какъ это можно было бы подумать при видѣ того, какъ различна бываетъ ихъ судьба. Никто не чувствуетъ такъ живо разницы между благородными и низкими путями въ жизни, какъ разные горькіе неудачники, мечтатели, составители неосуществимыхъ проектовъ, спившіеся съ круга таланты etc., жизнь которыхъ вся представляетъ одно сплошное противорѣчіе между знаніемъ и дѣйствіемъ, и которые при всѣхъ своихъ познаніяхъ оказываются безсильными исправить свой жалкій характеръ. Иные изъ нихъ обладаютъ чрезвычайно большими познаніями; въ тонкости нравственнаго чувства они далеко превосходятъ добропорядочнаго, довольнаго судьбой буржуа, который такъ возмущается ихъ недостойнымъ поведеніемъ. И тѣмъ не менѣе это—существа, вѣчно недовольныя, вѣчно жалующіяся на свою горькую участь; они постоянно высказываютъ свои догадки, соображенія, протестуютъ противъ чего-нибудь, вѣчно колеблятся, никогда не предпринимаютъ окончательныхъ рѣшеній, обо всемъ разсуждаютъ въ минорномъ тонѣ, ограничиваясь выраженіемъ своихъ желаній и требованій; стряхнуть съ себя апатію и бодро приняться за работу такіе люди совершенно неспособны. Можно предположить, что въ такихъ характерахъ, какъ Руссо и Рестифъ, низменные импульсы къ дѣятельности были преобладающими въ жизни. Эти импульсы для подобныхъ людей какъ будто исключаютъ всякую возможность

Digitized by Google

болѣе благороднаго склада жизни. Наряду съ низменными импульсами у нихъ имѣются въ изобилiи болѣе благородные мотивы къ дѣятельности, но эти мотивы являются совершенно безсильными и не оказываютъ никакого вліянія на ихъ поведеніе, какъ не оказываютъ никакого вліянія на быстро мчащійся поѣздъ крики стоящаго у полотна дороги пѣшехода, который проситъ подсадить его. До конца жизни такіе мотивы являются безполезнымъ балластомъ; и то чувство душевной пустоты, которое начинаешь все чаще и чаще испытывать, видя постоянно, какъ люди съ благороднѣйшими чертами характера совершаютъ наихудшіе поступки, это чувство— одно изъ самыхъ тягостныхъ чувствъ, какое можетъ испытывать человѣкъ въ нашемъ печальномъ мірѣ.

Усиліе сознается нами, какъ нѣкоторый первичный факторъ. Теперь намъ легко видѣть, когда въ составъ волевого акта входитъ чувство усилія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивы, болѣе рѣдкіе, болѣе идеальнаго характера, должны одержать перевѣсъ надъ мотивами болѣе привычнаго, импульсивнаго характера, когда нужно подавить порывистыя стремленія, или преодолѣть значительныя препятствія къ дѣйствію. «Une âme bien née», счастливое дитя, которому судьба покровительствуетъ отъ самаго рожденія, щедро одаривъ его всякими благами, рѣдко прибѣгаетъ въ жизни къ усиліямъ воли. Но герои постоянно ими пользуются, а съ другой стороны также и нервные люди часто нуждаются въ усиліяхъ воли. При всѣхъ этихъ условіяхъ мы представляемъ себѣ произвольное усиліе воли въ видѣ активнаго напряженія, сообщающаго свою силу тѣмъ мотивамъ, которые въ концѣ-концовъ одерживаютъ верхъ. Когда на наше тѣло дѣйствуютъ внѣшнія силы, мы говоримъ, что въ результатѣ получается движеніе по линіи наибольшаго давленія или наименьшаго сопротивленія. Но любопытно, что, съ обыденной точки зрѣнія, усиліе при волевомъ актѣ ведетъ къ иному результату. Разумѣется, если мы условимся съ самаго начала называть линіей наименьшаго сопротивленія ту, по которой совершается конечное движеніе, то общій физическій законъ придется распространить и на область волевыхъ актовъ. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ напряженіе воли бываетъ велико, и гдѣ одерживаютъ верхъ болѣе рѣдкіе идеальные мотивы, намъ кажется, будто дѣйствіе совершается по линіи наибольшаго сопротивленія, и будто намъ представлялась возможность въ моментъ совершенія дѣйствія направить его по линіи наименьшаго сопротивленія, но мы предпочли болѣе трудный путь. Тотъ, кто удерживается отъ криковъ подъ ножемъ оператора, или кто выноситъ общественный позоръ во имя долга, думаетъ, что въ моментъ совершенія дѣйствія онъ выполняетъ его по линіи наибольшаго сопротивленія. Онъ говоритъ, что побѣдилъ, преодолѣлъ извѣстные соблазны и побужденія.

Лѣнтяи же, подлецы и трусы не выражаются такимъ образомъ

Digitized by Google

о своемъ поведеніи, лѣнтяи не говорятъ, что противодѣйствовали своему трудолюбію, пьяницы—что боролись съ трезвостью, трусы—что подавили въ себѣ храбрость. Всѣ вообще мотивы къ дѣйствію можно раздѣлить на два класса, изъ которыхъ первый образуютъ природныя склонности, а второй—идеальныя стремленія; человѣкъ, отдавшійся чувственнымъ наслажденіямъ, никогда не говоритъ, что онъ побѣдилъ въ себѣ идеальныя стремленія, но строго нравственные люди всегда толкуютъ о побѣдѣ надъ природными склонностями. Человѣкъ, привыкшій наслаждаться чувственнымъ образомъ, иногда говоритъ, что въ немъ мало нравственной энергіи, что онъ утратилъ вѣру въ идеалъ, что онъ глухъ къ голосу совѣсти и т. п.; смыслъ всѣхъ этихъ выраженій, повидимому, тотъ, что идеальные мотивы могутъ быть *сами по себѣ* подавлены безъ всякихъ особенныхъ усилій, склонности же можно подавить только дѣйствіями, совершаемыми по линіи наибольшаго давленія. Въ сравненіи со склонностями идеальные мотивы кажутся столь слабыми, что, повидимому, только искусственнымъ путемъ можно сообщить имъ преобладающее значеніе. Усиліе увеличиваетъ интенсивность идеальныхъ мотивовъ, заставляя насъ думать, будто, въ то время какъ сила склонности остается по существу всегда одной и той же величины, сила идеальныхъ мотивовъ можетъ быть различныхъ степеней. Но чѣмъ же бываетъ обусловлена эта степень усилія, когда съ ея помощью идеальные мотивы начинаютъ одерживать верхъ надъ грубыми чувственными побужденіями? Самою величиною сопротивленія. Если слабо чувственное побужденіе, то и усиліе для подавленія его должно быть слабо. Чѣмъ больше препятствіе, *тѣмъ большимъ оно дѣлаетъ* усиліе, необходимое для того, чтобы одолѣть его. Поэтому наиболѣе сжатымъ и соотвѣтствующимъ кажущемуся порядку вещей опредѣленіемъ идеальнаго или моральнаго дѣйствія можетъ быть слѣдующее: *Оно есть дѣйствіе по линіи наибольшаго сопротивленія.*

Символически это можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: пусть P = склонность, I = идеальный импульсъ, E = усиліе:

$$I \text{ само по себѣ} < P$$
$$I + E > P$$

Иначе говоря, какъ только E присоединилось къ I, P тотчасъ же начинаетъ представлять наименьшее сопротивленіе, и, такимъ образомъ, движеніе совершается, не смотря на присутствіе P.

Но E, повидимому, не составляетъ части I, неотдѣлимой отъ послѣдняго. Присутствіе E, повидимому, случайно, и величина его не можетъ быть опредѣлена заранѣе. Мы можемъ его то увеличивать, то уменьшать, и *въ тѣхъ случаяхъ, когда* намъ удается сообщить ему достаточную силу, мы можемъ превратить наибольшее сопротивленіе волевому акту въ наименьшее. Таково, по крайней

Digitized by Google

мѣрѣ, впечатлѣніе, непосредственно почерпаемое нами изъ фактовъ самонаблюденія. Мы не будемъ разбирать здѣсь, вѣрно или ложно такое впечатлѣніе, а продолжимъ далѣе детальное описаніе волевыхъ актовъ.

Страданіе и наслажденіе, какъ источники дѣятельности. Предметы и мысли о предметахъ служатъ стимулами для нашихъ дѣйствій, но наслажденія и страданія, сопровождающія наши дѣйствія, видоизмѣняютъ характеръ послѣднихъ, регулируя ихъ; позднѣе мысли о наслажденіяхъ и страданіяхъ въ свою очередь пріобрѣтаютъ силу двигательныхъ импульсовъ и задерживающихъ дѣйствія мотивовъ. Для этого не нужно, чтобы съ мыслями о наслажденіи было непремѣнно связано чувство наслажденія: обыкновенно мы замѣчаемъ обратное. «*Nessun maggior dolore...*»—говоритъ Данте. Равнымъ образомъ, съ мыслями о страданіи можетъ быть связано чувство удовольствія. Воспоминанія о минувшемъ горѣ, по словамъ Гомера, доставляютъ удовольствія. Но, такъ какъ наслажденія весьма усиливаютъ, а страданія задерживаютъ вызывающія ихъ дѣйствія, то мысли о страданіяхъ и наслажденіяхъ принадлежатъ къ мыслямъ, связаннымъ съ наибольшею импульсивною и задерживающею силой. Въ виду этого намъ необходимо разсмотрѣть ихъ нѣсколько подробнѣе, чтобы точно выяснить отношеніе этихъ мыслей къ другимъ.

Если извѣстное движеніе пріятно, то мы повторяемъ его до тѣхъ поръ, пока продолжается связанное съ нимъ пріятное ощущеніе. Какъ только движеніе вызвало въ насъ боль, мускульныя сокращенія мгновенно прекращаются. Задержаніе движенія въ этомъ случаѣ производится нами съ такой силой, что человѣку почти совершенно невозможно преднамѣренно не торопясь изуродовать или изрѣзать себя: рука наша невольно отказывается причинять намъ боль. Есть немало пріятныхъ ощущеній, которыя, какъ только мы начали испытывать ихъ, съ неудержимой силой побуждаютъ насъ поддерживать въ себѣ ту дѣятельность, которая вызываетъ ихъ. Вліяніе наслажденій и страданій на наши движенія такъ сильно и глубоко, что нѣкоторые философы поспѣшили сдѣлать скороспѣлое заключеніе, будто пріятныя и непріятныя ощущенія суть единственные стимулы къ дѣятельности, и будто эти ощущенія кажутся иногда отсутствующими во время дѣйствія только потому, что представленія, съ которыми они тогда связаны, не играютъ первенствующей роли въ сферѣ нашего сознанія и вслѣдствіе этого остаются незамѣченными нами.

Такая точка зрѣнія глубоко ошибочна. Какъ ни важно вліяніе наслажденій и страданій на нашу дѣятельность, они все-таки далеко не единственные стимулы къ движенію, напримѣръ, въ проявленіяхъ инстинктовъ и эмоцій они не играютъ ровно никакой роли. Кто улыбается ради удовольствія улыбаться или хмурится ради удовольствія хмуриться? Развѣ мы краснѣемъ, чтобы избѣжать

Digitized by Google

непріятныхъ ощущеній, которыя намъ придется испытать, если мы не покраснѣемъ? Развѣ мы проявляемъ нашъ гнѣвъ, печаль или страхъ движеніями ради какого-нибудь удовольствія? Во всѣхъ этихъ случаяхъ опредѣленныя движенія совершаются роковымъ образомъ силою внутренняго импульса, возникающаго въ нашей нервной системѣ подъ вліяніемъ внѣшняго стимула. Объекты нашего гнѣва, нашей любви, нашего страха, поводы къ слезамъ или улыбкамъ, какъ въ видѣ непосредственныхъ впечатлѣній, такъ и въ видѣ воспроизведенныхъ образовъ, обладаютъ этою своеобразною импульсивною силой. Почему извѣстное психическое состояніе обладаетъ этимъ *импульсивнымъ качествомъ*, это остается для насъ недоступнымъ. Различныя психическія состоянія обладаютъ этимъ качествомъ въ различной степени и проявляютъ его весьма различными путями. Оно бываетъ связано и съ чувствами наслажденія и страданія, и съ воспріятіями, и съ воспроизведенными представленіями, но ни одно изъ этихъ душевныхъ явленій не обладаетъ имъ по преимуществу. Всѣ состоянія сознанія (или связанные съ ними нервные процессы) по самому существу своему являются источниками извѣстныхъ движеній. Объяснить все разнообразіе этихъ движеній у различныхъ живыхъ существъ и при различныхъ внѣшнихъ стимулахъ—это составляетъ проблему исторіи развитія. Но, каковъ бы ни былъ историческій генезисъ наблюдаемыхъ у насъ импульсовъ, мы должны описывать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они проявляются у человѣка въ настоящее время; и психологи, которые считаютъ себя обязанными усматривать въ наслажденіи и страданіи единственные сознательные или полусознательные мотивы для импульсовъ къ движенію и для задержанія движеній, эти психологи являются сторонниками узкой и ложной телеологіи, которая представляетъ научный предразсудокъ. Если мысль о наслажденіи можетъ быть стимуломъ къ движенію, то, конечно, такимъ стимуломъ могутъ быть также и другія мысли. Каковы эти послѣднія мысли — это можно опредѣлить только при помощи опыта. Въ главахъ: «*Объ инстинктѣ*» и: «*Объ эмоціи*» мы видѣли, что имя имъ—легіонъ; въ виду этого намъ придется или отвергнуть чуть не половину извѣстныхъ намъ фактовъ, или отказаться отъ мнимо-научныхъ упрощеній.

Если въ этихъ *первичныхъ* актахъ человѣка ощущенія наслажденій и страданій не играютъ никакой роли, то въ производныхъ дѣйствіяхъ, въ искусственно пріобрѣтенныхъ актахъ, сдѣлавшихся привычными, они имѣютъ также мало значенія. Наши ежедневныя дѣйствія—одѣванье, раздѣванье, различные акты при началѣ работы, во время ея и по окончаніи ея, за рѣдкими исключеніями, не связаны ни съ какими чувствами наслажденія или страданія. Это—идео-моторные акты. Какъ я дышу не ради удовольствія дышать, а просто *сознаю*, что я дышу, такъ и пишу я не ради удовольствія писанія, а просто потому, что, разъ припявшись пи-

Digitized by Google

сать и чувствуя, что голова хорошо работаетъ, и дѣло подвигается впередъ, я *вижу*, что продолжаю еще писать. Кто станетъ утверждать, что, разсѣянно играя ручкою ножа за столомъ, онъ этимъ доставляетъ себѣ извѣстное удовольствіе или избѣгаетъ такимъ образомъ непріятныхъ ощущеній? Всѣ подобныя дѣйствія мы совершаемъ потому, что не можемъ въ данную минуту удержаться отъ нихъ; наша нервная система такъ именно сложилась, что эти дѣйствія такимъ путемъ проявляются у насъ, и для многихъ безцѣльныхъ или прямо «нервическихъ» движеній мы не можемъ привести ровно никакихъ основаній.

Или представьте себѣ застѣнчиваго и мало общительнаго человѣка, который самымъ неожиданнымъ образомъ получаетъ отъ васъ приглашеніе на семейный вечеръ? Бывать на такихъ вечерахъ для него—сущая пытка, но въ вашемъ присутствіи онъ не рѣшается отказаться на-отрѣзъ и обѣщаетъ пріѣхать, проклиная себя въ душѣ въ то-же время. Подобныя вещи случаются постоянно съ каждымъ изъ насъ, и только люди съ необыкновеннымъ самообладаніемъ рѣдко испытываютъ такія состоянія. «*Voluntas invita*», проявляемая нами въ подобныхъ случаяхъ, не только показываетъ, что наши дѣйствія вовсе не должны быть связаны съ представленіемъ будущаго наслажденія, но что здѣсь можетъ даже не быть никакого представленія будущаго блага. Съ понятіемъ «блага» связано гораздо больше мотивовъ въ дѣятельности, чѣмъ съ понятіемъ «наслажденія». Но наши дѣйствія бываютъ столь же часто не связаны съ идеей блага, какъ и съ идеей наслажденія. Всѣ болѣзненные импульсы, всѣ патологическія idées fixes могутъ служить примѣрами этому. Иногда именно дурныя послѣдствія сообщаютъ извѣстному запретному акту всю его заманчивость. Снимите запретъ съ поступка, имѣющаго дурныя послѣдствія, и онъ утратитъ всю привлекательность. Въ бытность мою студентомъ одинъ мой товарищъ выбросился изъ верхняго окна одного изъ зданій нашего колледжа и расшибся почти до смерти. Другой студентъ, мой хорошій знакомый, ежедневно долженъ былъ проходить изъ своей комнаты мимо этого окна и всегда испытывалъ при этомъ сильнѣйшій соблазнъ послѣдовать примѣру своего злополучнаго коллеги. Будучи католикомъ, онъ счелъ нужнымъ сообщить духовнику о мучившемъ его соблазнѣ. Выслушавъ его, духовникъ сказалъ: «Вы говорите, что должны такъ поступить. Что-же, если должны, то ступайте сейчасъ же и осуществите ваше намѣреніе». Выслушавъ такой совѣтъ, мой коллега тотчасъ же образумился. Духовникъ зналъ, какъ подѣйствовать на болѣзненно-настроеннаго юношу. Но и въ нормальномъ состояніи мы нерѣдко находимъ соблазнительнымъ дѣлать что-нибудь, завѣдомо влекущее за собою непріятныя послѣдствія. Всякій у кого есть какая-нибудь рана, царапина или просто больной зубъ, будетъ по временамъ

Digitized by Google

трогать, давить больное мѣсто, именно такъ, чтобы вызвать боль. Если мы чувствуемъ около себя противный запахъ, мы непремѣнно еще разъ понюхаемъ воздухъ, дабы окончательно убѣдиться, что вонь, дѣйствительно, отвратительна. Не дальше, какъ сегодня, я повторялъ про себя безчисленное множество разъ какой-то дурацкій куплетъ, привлекательность котораго заключалась именно въ его чудовищной безсмысленности. Я всячески пытался отъ него отдѣлаться, но никакъ не могъ выкинуть его изъ головы.

Наши дѣйствія опредѣляются объектомъ, на который направлено наше вниманіе. *Интересъ* объекта — вотъ главное условіе, отъ котораго зависитъ его способность вызывать или задерживать наши дѣйствія. Въ составъ понятія «интересное» входитъ не только пріятное и непріятное, но и болѣзненно-привлекательное, и неотвязчиво преслѣдующее, и даже просто привычное, поскольку различныя стороны послѣдняго составляютъ поперемѣнно объектъ нашего вниманія: «то, что интересуетъ насъ», и «то, на что направлено наше вниманіе», въ сущности синонимы. Импульсивность идеи, повидимому, заключается не въ извѣстнаго рода связи ея съ путями моторнаго разряда (ибо *всѣ* идеи находятся въ томъ или другомъ отношеніи къ нѣкоторымъ путямъ моторнаго разряда), но скорѣе въ нѣкоторомъ явленіи, предваряющемъ дѣйствіе, именно, въ *стремительности, съ которою она способна привлечь наше вниманіе и сдѣлаться господствующей въ сферѣ нашего сознанія.* Какъ только она сдѣлалась господствующей, какъ только другія идеи оказались не въ состояніи занять ея мѣсто, связанныя съ нею по природѣ движенія немедленно выполняются, иначе говоря, двигательный импульсъ необходимо слѣдуетъ за нею. Какъ мы видѣли, и въ инстинктѣ, и въ эмоціи, и въ обыкновенномъ идеомоторномъ актѣ, и при гипнотическомъ внушеніи, и при болѣзненныхъ импульсахъ, и при *voluntas invita*, импульсъ къ движенію сообщаетъ просто та идея, которая въ данную минуту овладѣла нашимъ вниманіемъ. То-же самое наблюдается и въ томъ случаѣ, когда стимулами къ дѣйствію являются наслажденіе и страданіе; вызывая свойственныя имъ «волевыя дѣйствія», они въ то-же время вытѣсняютъ изъ сферы сознанія другіе объекты мысли. То-же бываетъ и при возникновеніи въ нашемъ сознаніи окончательнаго рѣшенія во всѣхъ пяти описанныхъ нами случаяхъ рѣшимости. Короче сказать, нельзя указать такого случая, гдѣ господствующій въ нашемъ сознаніи элементъ мысли не являлся бы въ то-же время главнымъ условіемъ, отъ котораго зависитъ проявленіе импульсивной силы. Еще очевиднѣе, что онъ является главнымъ условіемъ и для проявленія задерживающей силы. Простое представленіе мотивовъ, не благопріятствующихъ данному импульсу, уже задерживаетъ послѣдній; они налагаютъ на извѣстные поступки свое *veto* и тѣмъ дѣлаютъ невозможными дѣйствія, весьма

Digitized by Google

привлекательныя при другихъ условіяхъ. Какую бодрость и энергію почувствовали бы мы, еслибы могли выкинуть изъ головы на нѣкоторое время наши колебанія, сомнѣнія и опасенія!

Воля есть отношеніе между умомъ и «идеями». Заканчивая послѣ длиннаго ряда предварительныхъ соображеній анализъ *внутренней* природы волевого процесса въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, мы подходимъ все ближе и ближе къ разсмотрѣнію почти исключительно тѣхъ условій, при которыхъ извѣстныя идеи достигаютъ преобладанія въ нашемъ сознаніи. Этимъ простымъ констатированіемъ наличности въ сознаніи моторной идеи психологія воли, собственно говоря, должна ограничиться. Сопровождающія моторную идею движенія представляютъ собою чисто физіологическое явленіе, обусловленное согласно физіологическимъ законамъ нервными процессами, соотвѣтствующими данной идеѣ. Съ появленіемъ идеи воленіе заканчивается, и для самаго психическаго акта воленія несущественно, совершилось или нѣтъ желанное движеніе. Я хочу писать—и пишу. Я желаю чихнуть—и не могу. Я желаю, чтобы столъ, находящійся на другомъ концѣ комнаты, самопроизвольно придвинулся ко мнѣ—онъ остается неподвижнымъ. Мое желаніе такъ же мало можетъ побудить меня чихнуть, какъ и побудить этотъ столъ придвинуться ко мнѣ. Но здѣсь въ обоихъ случаяхъ происходитъ воленіе такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда я захотѣлъ писать. Словомъ, воленіе есть чисто психическое явленіе, которое всегда на-лицо тамъ, гдѣ есть извѣстное устойчивое состояніе сознанія въ видѣ моторной идеи. Вмѣшательство въ волевой процессъ движеній есть уже добавочное явленіе, обусловленное активностью нервныхъ центровъ, функціи которыхъ лежатъ внѣ сознательной сферы. Если нервные центры дѣйствуютъ правильно, то движеніе точно выполняется. Въ противномъ случаѣ получаются явленія, вродѣ пляски св. Витта, двигательной атаксіи, двигательной афазіи, или менѣе значительныя ненормальности въ движеніяхъ. Если двигательные центры совсѣмъ не дѣйствуютъ, то не получается никакого движенія, и мы говоримъ, что человѣкъ разбитъ параличемъ. Онъ можетъ дѣлать неимовѣрныя усилія, сокращая здоровые мускулы тѣла, и тѣмъ не менѣе парализованный членъ будетъ по прежнему оставаться неподвижнымъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ воленіе, какъ психическій процессъ, остается вполнѣ неприкосновеннымъ.

Волевое усиліе есть усиліе вниманія. Итакъ, *мы подошли къ центральному пункту ученія о волѣ, заключающемуся въ выясненіи вопроса, въ силу какого процесса мысль объ извѣстномъ дѣйствіи становится устойчивой въ нашемъ сознаніи.* Въ главахъ объ ощущеніяхъ, ассоціаціи и вниманіи мы достаточно подробно разсмотрѣли, при какихъ условіяхъ проникаютъ въ сознаніе и дѣлаются въ немъ устойчивыми мысли, не связанныя съ усиліемъ.

Digitized by Google

Чтобы не повторяться, мы ограничимся здѣсь слѣдующимъ замѣчаніемъ: каково бы ни было значеніе закона ассоціацій и связанныхъ съ ними интересовъ, во всякомъ случаѣ этотъ законъ остается главнымъ руководящимъ принципомъ нашихъ объясненій. Что-же касается тѣхъ случаевъ, когда наличность мысли сопровождается психическимъ явленіемъ усилія, то здѣсь требуется гораздо болѣе разъясненій. Въ главѣ: «*О вниманіи*» мы высказали намѣреніе разсмотрѣть ниже случай произвольнаго вниманія, сопряженнаго съ усиліемъ. Теперь для насъ должно быть яснымъ, что для произвольнаго волевого акта не требуется ничего иного, кромѣ вниманія, сопряженнаго съ усиліемъ. *Короче сказать, въ случаяхъ наиболѣе «произвольнаго» воленія главнѣйшій подвигъ воли заключается въ направленіи сознанія на непривлекательный объектъ и въ сосредоточеніи на немъ всего вниманія.* Въ этомъ-то и заключается рѣшимость воли; произойдутъ-ли при этомъ ожидаемыя движенія или нѣтъ—это уже зависитъ отъ простой физіологической случайности.

Такимъ образомъ, усиліе вниманія составляетъ существенную черту волевого акта *). Читатель могъ убѣдиться въ справедливости этого положенія изъ личнаго опыта, ибо ему навѣрное случалось когда-нибудь быть охваченнымъ порывомъ бурной страсти. Почему для человѣка, который пытается отдѣлаться отъ охватившей его безумной страсти, трудно поступать такъ, какъ будто страсть его была благоразумна? Разумѣется, не вслѣдствіе какихъ-нибудь физическихъ причинъ. Физически одинаково легко избѣжать драки или завязать ее, прикарманить чужія деньги, или растратить свои на чужія прихоти, пойти или не пойти на любовное свиданіе. Трудность здѣсь заключается въ психическомъ напряженіи, въ умѣньѣ найти соотвѣтствующую случаю благоразумную идею и на ней сосредоточить все свое вниманіе. При сильномъ эмоціональномъ возбужденіи мы бываемъ склонны вызывать въ себѣ только тѣ

*) Необходимо строго различать *волевое* усиліе въ собственномъ смыслѣ слова отъ *мускульнаго* усилія, съ которымъ его обыкновенно смѣшиваютъ. Послѣднее представляетъ собою совокупность всѣхъ периферическихъ ощущеній, вызываемыхъ «примѣненіемъ» мускуловъ. Ощущенія эти въ тѣхъ случаяхъ, когда они массивны, а мускулы нѣсколько утомлены, скорѣе непріятны, чѣмъ пріятны, въ особенности если сопровождаются одышкой, приливомъ крови къ головѣ, грубымъ треніемъ по кожѣ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ или плечъ и напряженіемъ связокъ. И только въ этой *непріятности напряженія* волевое усиліе, будучи направлено на осуществленіе извѣстнаго мало привлекательнаго акта, сходно съ мускульнымъ. Что волевое усиліе нерѣдко бываетъ связано съ мускульнымъ—это составляетъ простую случайность. Иногда бываетъ такъ, что требуется большое усиліе воли при незначительномъ примѣненіи мускульной силы, напримѣръ, когда намъ нужно утромъ встать съ постели или мыться въ холодной водѣ. Съ другой стороны, солдатъ, стоя неподвижно подъ градомъ пуль, долженъ испытывать непріятное чувство отъ бездѣятельности мускуловъ. Волевой актъ, который ему приходится въ такомъ случаѣ выполнять тотъ-же, какой необходимъ для мускульнаго усилія, сопряженнаго съ болью. Въ обоихъ случаяхъ тяжела *непосредственная реализація идеи.*

Digitized by Google

представленія, которыя благопріятствуютъ нашей страсти. Если при этомъ намъ приходятъ въ голову иныя представленія, то мы тотчасъ-же отвергаемъ ихъ и вытѣсняемъ изъ сферы сознанія. Если насъ охватило радостное настроеніе, то мы бываемъ крайне нерасположены думать о непредвидѣнныхъ случайностяхъ, которыя могутъ насъ постигнуть на нашемъ будущемъ жизненномъ пути; если мы чувствуемъ дурное расположеніе духа, мысли о торжествѣ, пріятныхъ путешествіяхъ, счастливыхъ любовныхъ приключеніяхъ и другихъ радостяхъ жизни не идутъ намъ на умъ; если мы хотимъ отомстить кому-нибудь, то не чувствуемъ ни малѣйшаго желанія сравнивать врага съ собою и находить у обоихъ сходныя черты. Ничто на свѣтѣ не способно такъ раздражить и разбѣсить насъ, какъ хладнокровные совѣты, даваемые намъ въ моментъ сильнѣйшаго порыва страсти. Не будучи въ состояніи ничего возразить на нихъ, мы начинаемъ сердиться, ибо съ нашей страстью бываетъ связанъ какой-то инстинктъ самосохраненія; она какъ будто чуетъ, что холодныя соображенія, разъ забравшись въ нашу голову, постепенно ослабятъ пылъ нашихъ восторговъ и разрушатъ до основанія тѣ воздушные замки, которыми заполнено наше воображеніе. Таково неизбѣжное вліяніе благоразумныхъ соображеній на неблагоразумныя въ тѣхъ случаяхъ, *когда мы даемъ себѣ трудъ спокойно выслушать* приводимые намъ резоны; въ виду этого страсть стремится окончательно заглушить ихъ слабый голосъ. «Ахъ, лучше не думать объ этомъ!» «Не говорите вы мнѣ объ этомъ!» Вотъ обычныя восклицанія ослѣпленныхъ страстью людей, которымъ кто-нибудь приводитъ разумные доводы, идущіе въ разрѣзъ съ ихъ стремленіями. Есть что-то холодное, мертвящее, глубоко враждебное нашимъ жизненнымъ стремленіямъ въ голосѣ разума, говорящаго намъ: «Стой! Удержись! Отступись! Оставайся на мѣстѣ!» Въ виду этого немудрено, что большинство людей въ минуту увлеченія боятся увѣщанія разума, какъ призрака смерти.

Впрочемъ, человѣкомъ съ сильной волей можетъ быть названъ только тотъ, кто неуклонно выслушиваетъ слабый голосъ разума, не старается выкинуть изъ головы страшныя мысли о будущемъ, наоборотъ, сосредоточиваетъ на неблагопріятныхъ соображеніяхъ все свое вниманіе, соглашается съ ними и пытается вникнуть въ нихъ какъ можно глубже, не взирая на то, что множество иныхъ идей возмущаются противъ этихъ соображеній и стремятся вытѣснить ихъ изъ сферы сознанія. Соображенія эти, удерживаясь энергичными усиліями вниманія въ нашемъ сознаніи, влекутъ за собою сходные съ ними мысли и элементы ассоціацій и въ концѣ-концовъ вызываютъ въ человѣкѣ полную перемѣну настроенія. А съ перемѣной взгляда на дѣло и образъ дѣйствія человѣка мѣняется, направляется на новый объектъ мысли, который становится господ-

Digitized by Google

ствующимъ въ сферѣ его сознанія и неизбѣжно влечетъ за собою извѣстныя дѣйствія. Вся трудность заключается въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстный объектъ мысли господствующимъ въ сферѣ сознанія. Въ этомъ случаѣ мы должны, не смотря на то, что произвольное теченіе мысли направлено на посторонніе предметы, упорно сосредоточивать вниманіе на одномъ этомъ объектѣ, пока онъ не начнетъ *разростаться* такъ, чтобы безъ труда овладѣть сферою сознанія и стать въ ней господствующимъ. Такимъ образомъ, напряженіе вниманія представляетъ основной волевой актъ. И въ большинствѣ случаевъ активность воли въ сущности заканчивается въ тотъ моментъ, когда она оказала достаточную поддержку объекту мысли, которая обыкновенно сама по себѣ неохотно удерживается нами въ сферѣ сознанія. Только вслѣдъ за этимъ устанавливается таинственная связь между мыслію и двигательными центрами, а затѣмъ уже (невозможно даже догадываться, какимъ именно путемъ) наступаютъ, какъ необходимый конечный результатъ, послушныя нашей волѣ движенія тѣлесныхъ органовъ.

Изъ всего сказаннаго легко видѣть, что непосредственное примѣненіе волевого усилія есть фактъ чисто психическаго порядка; вся внутренняя борьба, переживаемая нами при этомъ, есть чисто психическое явленіе; вся трудность, которую намъ приходится преодолѣвать при волевомъ актѣ, заключается въ стремленіи сдѣлать извѣстный психическій элементъ господствующимъ въ сферѣ сознанія; короче сказать, все дѣло заключается въ *идеѣ*, на которую направлена наша воля, и которую мы удерживаемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она ускользнетъ отъ насъ. *Весь подвигъ волевого усилія заключается въ томъ, чтобы вынудить у насъ согласіе на господство извѣстной идеи въ сферѣ нашего сознанія.* Единственное назначеніе усилія заключается въ достиженіи этого согласія. Достигнуть-же его можно только однимъ путемъ: надо задержать въ сферѣ сознанія то соображеніе, которое должно вызвать въ насъ согласіе, и не давать этому соображенію ускользнуть, пока оно не заполнитъ всю сферу сознанія; въ этомъ заполненіи сознанія извѣстнымъ соображеніемъ и связанными съ нимъ элементами ассоціацій и *заключается* согласіе съ даннымъ соображеніемъ и съ вытекающими изъ него фактами. Если данное представленіе или соображеніе такъ или иначе связано съ извѣстными движеніями нашего тѣла, то, допуская послѣ извѣстныхъ усилій его присутствіе въ сферѣ сознанія, мы тѣмъ самымъ и совершаемъ то, что называется произвольнымъ движеніемъ. Въ этомъ случаѣ природа «слѣдуетъ по пятамъ» за нашимъ внутреннимъ лев ымъ процессомъ, немедленно воплощая наши помыслы въ движенія нашего тѣла. Какъ жаль, что она не оказалась еще великодушнѣй, не подчинила непосредственно нашей волѣ и перемѣнъ въ остальномъ внѣшнемъ мірѣ!

Digitized by Google

На стр. 356-й, описывая разумный типъ рѣшимости, мы замѣтили, что къ нему относятся обыкновенно тѣ случаи, въ которыхъ мы подыскиваемъ для предстоящаго дѣйствія аналогичный поступокъ въ нашемъ прошломъ. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы должны бы были на основаніи прежнихъ опытовъ задержать дѣйствіе, вся изворотливость нашего ума обыкновенно тратится нами на то, чтобы подыскать въ прежнихъ опытахъ благопріятный случай, якобы аналогичный съ даннымъ, въ которомъ дѣйствіе не задерживалось, и такимъ путемъ, потворствуя нашимъ страстямъ, мы санкціонируемъ предосудительное дѣйствіе. Какъ много оправданій находитъ пьяница для выпивки въ минуты соблазна! То передъ нимъ въ бутылкѣ новый необыкновенный родъ вина, который необходимо попробовать, какъ нѣкоторое явленіе, знаменующее шагъ впередъ по пути *умственнаго* прогресса; тѣмъ болѣе, что оно уже розлито по рюмкамъ — не за окно-же, въ самомъ дѣлѣ, выливать его! Да, наконецъ, и кругомъ всѣ пьютъ— не пить въ ихъ присутствіи прямо невѣжливо! Или оказывается, что вино *хорошо* отъ безсонницы; что оно сообщитъ бодрости, какъ разъ настолько, чтобы окончить къ сроку работу; что на дворѣ очень холодно, а потому необходимо выпить; что нынче праздникъ—Рождество Христово; что вино подбодряетъ, и потому выпивши можно съ гораздо большей рѣшимостью дать зарокъ больше не пить; что одну, единственную рюмочку въ послѣдній разъ можно выпить; что одна не считается и т. д., ad libitum. Одно только представленіе оставляется безъ вниманія—«*пьяница*». Поклонникъ Бахуса старается какъ можно скорѣе выкинуть изъ головы это представленіе, если оно случайно придетъ ему на умъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда оно поражаетъ его воображеніе, когда пріятные доводы въ пользу выпивки ступевываются передъ страшною перспективою стать пьяницей, тогда не рѣдко въ человѣкѣ наклонность къ вину быстро пропадаетъ. Усиліе, съ помощью котораго ему удается постоянно удерживать передъ собою страшное *представленіе* «пьяница» — именно это усиліе и избавляетъ его отъ нравственнаго паденія.

Итакъ, роль усилія вездѣ та-же: оно задерживаетъ и дѣлаетъ господствующей въ нашемъ умѣ то представленіе, которое, будучи предоставлено самому себѣ, непремѣнно ускользнуло бы изъ сферы сознанія. Это усиліе бываетъ слабымъ и вялымъ, когда произвольное теченіе мыслей клонится къ подъему, или велико и стремительно, когда произвольное теченіе мыслей клонится къ упадку. Въ первомъ случаѣ усиліе должно задерживать повышенную активность воли, во второмъ—возбуждать пониженную активность воли. У истомленнаго моряка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе и плывущаго на обломкахъ судна, активность воли понижена. Ссадины на рукахъ его болятъ, весь организмъ его истощенъ до послѣдней

Digitized by Google

степени, онъ съ наслажденіемъ легъ бы и заснулъ, а между тѣмъ надо править парусами, чтобы плыть впередъ. Страшный видъ моря, готоваго каждую минуту поглотить его, удерживаетъ его отъ соблазна соснуть. «Лучше ужъ пострадать еще немного, говоритъ онъ себѣ, чѣмъ гибнуть въ морѣ!» И это послѣднее соображеніе одерживаетъ верхъ надъ соблазнительнымъ желаніемъ отдохнуть. Иногда бываетъ наоборотъ, мысль о снѣ не идетъ на умъ, и только при помощи большихъ усилій удается вызвать наклонность ко сну. Если человѣкъ, страдающій безсонницей, начнетъ безучастно созерцать безпорядочную смѣну идей въ своемъ сознаніи, стараясь *ровно ни о чемъ не думать* (что возможно), или начнетъ про себя медленно и монотонно произносить одну букву за другой изъ какого-нибудь текста Св. Писанія, то почти всегда это оказываетъ надлежащее физіологическое дѣйствіе, и сонъ наступаетъ. Только трудно сосредоточивать вниманіе на смѣнѣ впечатлѣній, не представляющихъ ровно никакого интереса. *Мышленіе, сосредоточеніе вниманія на опредѣленныхъ представленіяхъ*—вотъ единственный связанный съ моральнымъ усиліемъ актъ, общій и для здоровыхъ лицъ, и для сумасшедшихъ, и для людей съ повышенной, и для людей съ пониженной активностью воли. Большинство маніаковъ сознаютъ нелѣпость своихъ мыслей, но не могутъ отъ нихъ отдѣлаться вслѣдствіе ихъ неотразимости. Разумный образъ мыслей по сравненіи съ дикими фантазіями представляется имъ такимъ безцвѣтнымъ, прозаически-трезвымъ взглядомъ на вещи, что у нихъ не хватаетъ духу сказать себѣ: «Пусть этотъ взглядъ на вещи сдѣлается моимъ постояннымъ міросозерцаніемъ». «Но при достаточномъ усиліи воли, говоритъ д-ръ Виганъ (Wigan), такимъ людямъ удается на время *взвинтить себя* и внушить себѣ, что нелѣпыя фантазіи, связанныя съ разстройствомъ мозга, не должны больше приходить на умъ. Я могъ-бы указать немало примѣровъ аналогичныхъ со случаемъ, приводимымъ Пинелемъ, гдѣ душевно больной, выдержавъ по выздоровленіи продолжительное провѣрочное испытаніе и обнаруживъ при этомъ полное возстановленіе нормальныхъ умственныхъ способностей, вдругъ при выпискѣ изъ госпиталя написалъ на одной бумагѣ вмѣсто своего имени: «Іисусъ Христосъ» и затѣмъ рядомъ нелѣпыхъ поступковъ обнаружилъ снова полное душевное разстройство. Въ этомъ случаѣ, уже описанномъ мною въ другомъ мѣстѣ въ началѣ настоящаго сочиненія, паціентъ, согласно его выраженію, «держалъ себя въ рукахъ» во все время испытанія, стараясь благополучно выдержать его; а какъ только оно кончилось, онъ снова «выпустилъ себя изъ рукъ» и, даже *сознавая* разстройство своихъ умственныхъ способностей, былъ не въ силахъ болѣе съ нимъ бороться. Я замѣчалъ, что такимъ душевно-больнымъ нужно немало времени, чтобы «взвинтить себя» и довести до нормы контроль надъ своими поступками; и что они

Digitized by Google

достигаютъ этого путемъ мучительнаго умственнаго напряженія... Въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ выбило изъ новой колеи какое-нибудь случайное обстоятельство, или когда срокъ испытанія показался имъ слишкомъ продолжительнымъ, они «выпускаютъ себя изъ рукъ», послѣ чего только путемъ новой продолжительной душевной борьбы имъ удается опять «взвинтить себя».

Подводя итоги сказанному, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: *Въ волевомъ процессѣ опорнымъ пунктомъ, на который воля непосредственно направлена, всегда бываетъ извѣстная идея.* Существуетъ постоянно извѣстная группа идей, которыхъ мы смертельно боимся, и потому не даемъ имъ переходить выше порога сознанія. *Единственное сопротивленіе, какое можетъ испытывать наша воля, это—сопротивленіе, оказываемое подобными идеями, когда мы хотимъ насильно вовлечь ихъ въ сферу нашего сознанія.* Стремленіе удерживать въ сферѣ сознанія подобныя идеи и только оно одно и составляетъ внутреннюю сторону всякаго волевого акта.

Вопросъ о «свободѣ воли». На стр. 368-й мы замѣтили, что при волевомъ усиліи намъ кажется, будто въ каждую минуту мы могли бы сдѣлать усиліе бóльшимъ или меньшимъ, сравнительно со сдѣланнымъ нами въ дѣйствительности.

Другими словами, намъ кажется, будто усиліе не находится въ постоянной зависимости отъ величины сопротивленія, которое оказываетъ извѣстный объектъ нашей воли; будто по отношенію къ окружающимъ обстоятельствамъ (къ нашимъ мотивамъ, къ складу нашего характера etc.) оно представляетъ то, что на математическомъ языкѣ называется «независимою перемѣнною». Если степень нашего усилія представляетъ на самомъ дѣлѣ независимую перемѣнную въ отношеніи къ окружающимъ условіямъ, то *наша воля*, какъ говорится, *свободна*. Если-же, наоборотъ, степень усилія есть вполнѣ опредѣленная функція, если мотивы, которые должны вліять опредѣленнымъ, вполнѣ точнымъ образомъ на наше усиліе, оказывающее имъ равное противодѣйствіе, если эти мотивы были предопредѣлены отъ вѣчности, то воля наша несвободна, и всѣ наши дѣйствія обусловлены предшествующими дѣйствіями. *Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли чрезвычайно простъ. Все дѣло здѣсь сводится къ опредѣленію степени усилія вниманія, которымъ мы можемъ располагать въ данную минуту.* Находятся ли продолжительность и интенсивность усилія въ постоянной зависимости отъ окружающихъ условій или нѣтъ? Немного выше я замѣтилъ, что намъ *кажется*, будто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы можемъ по произволу проявить большую или меньшую степень усилія. Если человѣкъ въ теченіе цѣлыхъ дней и даже недѣль предоставлялъ полную свободу теченію своихъ мыслей, и вдругъ завершаетъ его какимъ-нибудь особенно подлымъ, грязнымъ или жестокимъ поступ-

Digitized by Google

комъ, то послѣ, въ минуту раскаянія трудно убѣдить его, что онъ не могъ не совершить этого поступка, обусловленнаго роковымъ образомъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ мысли; трудно заставить его повѣрить, что поступокъ былъ подготовленъ вліяніемъ окружающаго внѣшняго міра и предопредѣленъ отъ вѣчности. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ акты его воли, *не связанные съ чувствомъ усилія*, представляютъ необходимый результатъ тѣхъ интересныхъ для него идей и ассоціацій между ними, интенсивность и послѣдовательность которыхъ были въ свою очередь обусловлены строеніемъ физическаго тѣла—его мозга; мысль объ общей связи міровыхъ явленій и потребность въ единствѣ міровоззрѣнія также по необходимости заставляютъ его предполагать, что и столь незначительное явленіе, какъ степень усилія, не можетъ не быть подчиненнымъ всеобщему господству закона причинности. И при отсутствіи усилія въ волевомъ актѣ мы представляемъ себѣ возможность иной альтернативы, иного образа дѣйствія. Здѣсь эта возможность есть на самомъ дѣлѣ самообманъ; почему же не быть ей самообманомъ и при всякомъ вообще волевомъ актѣ?

На самомъ дѣлѣ *вопросъ о свободѣ воли на почвѣ чисто психологической неразрѣшимъ*. Послѣ того, какъ вниманіе съ извѣстной степенью усилія направлено на данную идею, мы, очевидно, не въ состояніи рѣшить, *можно ли было бы* сдѣлать степень усилія большей или меньшей, или нѣтъ. Чтобы рѣшить это, мы должны были бы выяснить, какіе мотивы предшествовали волевому рѣшенію, опредѣлить съ математической точностью степень интенсивности каждаго изъ нихъ и показать на основаніи законовъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ въ настоящее время ни малѣйшаго понятія, что степень сдѣланнаго въ данномъ случаѣ усилія воли *не могла быть* ни большей, ни меньшей, что данная степень усилія была единственно возможной. Разумѣется, такое математически точное измѣреніе интенсивности психическихъ или физіологическихъ силъ навсегда останется недоступнымъ человѣческому уму. Ни одинъ психологъ или физіологъ не станетъ въ серьезъ даже высказывать догадокъ о томъ, какимъ путемъ можно было бы добиться такой точности измѣренія на практикѣ. Не имѣя другихъ основаній для составленія окончательнаго сужденія объ этомъ вопросѣ, мы могли бы оставить его нерѣшеннымъ. Но психологъ не можетъ поступить такимъ образомъ, онъ можетъ привести важныя соображенія въ пользу детерминизма. Онъ принимаетъ участіе въ построеніи *науки*, наука же есть система опредѣленныхъ отношеній. Гдѣ мы сталкиваемся съ «независимой перемѣнной», тамъ для науки нѣтъ мѣста. Такимъ образомъ, научная психологія должна постольку игнорировать произвольность нашихъ дѣйствій, поскольку они представляютъ «независимую перемѣнную», и разсматривать въ нихъ лишь

Digitized by Google

ту сторону, которая строго предопредѣлена предшествующими явленіями. Другими словами, она должна имѣть дѣло исключительно съ *общими законами* волевыхъ дѣйствій, съ нашими идеями, поскольку онѣ служатъ импульсами для нашихъ дѣйствій или задерживаютъ послѣднія, съ тою ролью, которую играетъ по отношенію къ нимъ наше вниманіе, съ тѣми условіями, при которыхъ можетъ возникнуть усиліе, но она не должна пытаться опредѣлять точную степень нашихъ волевыхъ усилій, ибо послѣднія въ томъ случаѣ, если воля свободна, не поддаются точному вычисленію. Такимъ образомъ, психологія оставляетъ безъ вниманія проявленія свободы воли, не отрицая безусловно ихъ возможности. На практикѣ, конечно, это сводится къ отрицанію свободы воли, и большинство современныхъ психологовъ, дѣйствительно, не колеблясь отвергаютъ существованіе свободы воли.

Что касается насъ, то мы предоставимъ метафизикамъ рѣшать вопросъ о томъ, свободна воля или нѣтъ. Безъ сомнѣнія, психологія никогда не дойдетъ до такого совершенства, чтобы быть въ состояніи примѣнять математически-точныя измѣренія къ индивидуальнымъ волевымъ актамъ. Она никогда не будетъ имѣть возможности сказать заранѣе, до совершенія дѣйствія (какъ въ томъ случаѣ, когда усиліе, вызвавшее его, было вполнѣ предопредѣлено предшествующими явленіями, такъ и въ случаѣ, когда оно было отчасти произвольно), какимъ путемъ былъ совершенъ данный поступокъ. Свободна ли воля или нѣтъ, но психологія всегда останется психологіей, а наука—наукой.

Итакъ, вопросъ о свободѣ воли можетъ быть въ психологіи оставленъ безъ вниманія. Какъ мы замѣтили на стр. 377-й, свобода воли, если только она существуетъ, всецѣло сводится къ болѣе или менѣе продолжительному, болѣе или менѣе интенсивному совершенію извѣстнаго представленія или извѣстной части представленія. Этотъ перевѣсъ въ продолжительности или интенсивности одного изъ мотивовъ, представляющихся *равно возможными* для осуществленія, и придаетъ этому мотиву рѣшающее значеніе, реализируя связанный съ нимъ актъ воли. Такое усиленіе или ускореніе извѣстнаго мотива можетъ имѣть огромное значеніе для моралиста или историка, но для психолога, разсматривающаго явленія съ точки зрѣнія строго детерминистической, эти проявленія свободы воли могутъ быть отнесены къ числу безконечно-малыхъ факторовъ, которые современная наука можетъ совершенно оставить безъ вниманія.

Важное этическое значеніе волевого усилія. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ опредѣленіи степени нашего волевого усилія, какъ вопросъ, который въ сферѣ психологіи никогда не представится надобности рѣшать въ ту или другую сторону, я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, какое важное значеніе имѣетъ чувство

Digitized by Google

усилія въ нашихъ глазахъ при оцѣнкѣ человѣческой личности. Разумѣется, мы можемъ оцѣнивать ее съ различныхъ точекъ зрѣнія. Физическая сила, умъ, здоровье и счастливая судьба дороги для насъ: они сообщаютъ намъ достаточный запасъ силъ для житейской борьбы. Но сознаваніе той степени усилія, которую мы способны проявлять, составляетъ внутреннюю сущность нашей личности, оно одно помимо всего остального способно доставлять намъ въ жизни полное удовлетвореніе. Другія достоинства наши такъ или иначе представляютъ результатъ воздѣйствій внѣшняго міра на нашу личность, развиваются всецѣло подъ вліяніемъ окружающихъ условій, чувство же усилія, повидимому, относится къ совершенно иному міру, оно какъ будто составляетъ нашу внутреннюю сущность, *насъ самихъ*, все же остальное *принадлежитъ намъ*. Если цѣль житейской борьбы заключается въ томъ, чтобы мы постигли въ ней внутреннюю сущность нашей духовной природы, то мы должны видѣть эту сущность именно въ чувствѣ усилія, какое мы способны проявлять. Кто неспособенъ къ проявленію усилій воли—тотъ не заслуживаетъ имени человѣка; кто способенъ проявлять громадныя усилія воли—того мы называемъ героемъ.

Необъятный окружающій міръ предлагаетъ намъ на разрѣшеніе всевозможные вопросы, подвергаетъ насъ всевозможнымъ испытаніямъ. На иные вопросы намъ удается найти отвѣты, изъ нѣкоторыхъ испытаній мы безъ труда выходимъ побѣдителями. Но на важнѣйшій вопросъ жизни у насъ нѣтъ отвѣта: въ минуту нравственной борьбы мы безмолвно напрягаемъ нашу волю въ извѣстномъ направленіи, какъ-бы желая сказать: «А все-таки я поставлю на своемъ». Когда мы встрѣчаемся съ чѣмъ-нибудь трагическимъ въ жизни, когда она раскрываетъ передъ нами свои мрачныя бездны, то слабѣйшіе изъ насъ теряютъ голову, спѣшатъ отвлечь вниманіе отъ страшнаго зрѣлища, если же это не удается, то впадаютъ въ полное отчаяніе. Они не въ состояніи сдѣлать надъ собой усиліе и сохранить достаточно присутствія духа, чтобы смѣло взглянуть въ лицо ужасной дѣйствительности. Иначе поступаетъ въ такомъ случаѣ героическая натура. На нее созерцаніе ужаснаго производитъ не менѣе потрясающее впечатлѣніе, но она въ случаѣ необходимости сохраняетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы примириться съ ужаснымъ, найдя себѣ опору въ другихъ сторонахъ жизни. Для такой героической личности міръ является достойной ареной дѣятельности, а ея роль въ житейской борьбѣ измѣряется непосредственно степенью усилія, при помощи котораго она сообщаетъ себѣ бодрость и мужество. Подобная личность въ состояніи вынести бремя жизни, сохраняя вѣру въ нее при такихъ обстоятельствахъ, когда слабѣйшіе гибнутъ. Она умѣетъ найти въ жизни нравственное удовлетвореніе, не закрывая

Digitized by Google

глазъ передъ опасностью, но силою одной своей воли заставляя себя идти ей на встрѣчу. Подобные люди всегда являются въ жизни господами положенія, съ ними приходится считаться, такъ какъ они играютъ видную роль въ исторіи человѣчества. Ни въ области умозрѣнія, ни въ практической жизни намъ нечего безпокоиться о тѣхъ, которые ничего не боятся, которымъ незнакомо чувство страха. Въ настоящее время въ практической жизни чувство страха намъ приходится рѣже испытывать, чѣмъ прежде, въ религіозной сферѣ, наоборотъ, страшныя мысли чаще приходятъ въ голову, чѣмъ въ былое время. Но, подобно тому, какъ наша храбрость нерѣдко бываетъ отголоскомъ чужой храбрости, наша вѣра можетъ быть отголоскомъ вѣры другого человѣка. Героическій поступокъ служитъ намъ примѣромъ для подражанія. Религіозный проповѣдникъ гораздо болѣе насъ извѣдалъ горечь жизни, но бодрый видъ его и восторженная рѣчь невольно вызываютъ въ насъ аналогичныя чувства, мы покоряемся его волѣ и слѣдуемъ за нимъ.

Итакъ и въ нравственномъ, и въ религіозномъ чувствѣ (въ послѣднемъ постольку, поскольку оно зависитъ отъ нашей воли) волевое усиліе играетъ первостепенную роль. «*Хочешь ли ты, чтобы это было такъ или иначе?*»—вотъ вопросъ, который мы ежечасно предлагаемъ себѣ и въ теоріи, и на практикѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, и по поводу самыхъ ничтожныхъ житейскихъ мелочей. Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ мы не словами, а поступками, *совершая* или *не совершая* извѣстныя дѣйствія. Вотъ почему усиліе воли составляетъ сокровенную сущность нашей духовной природы, мѣрило, при помощи котораго мы оцѣниваемъ достоинство человѣка; вотъ почему проявленіе этого усилія есть та единственная присущая нашему духу особенность, которая не зависитъ отъ окружающаго міра.

ЭПИЛОГЪ.

Психологія и философія.

Значеніе слова: «метафизика». Въ послѣдней главѣ я замѣтилъ, что вопросъ о свободѣ воли долженъ быть отнесенъ въ область «метафизики». Рѣшать его окончательно на чисто психологической почвѣ было бы преждевременно. Пусть психологъ открыто станетъ въ этомъ вопросѣ на сторону детерминизма *ради спеціально-научныхъ психологическихъ цѣлей*, и никто не въ правѣ будетъ упрекнуть его. Если впослѣдствіи окажется, что детерминизмъ имѣетъ

Digitized by Google

лишь относительное значеніе; что ему можетъ быть противопоставлено иное воззрѣніе на человѣческую волю, то возможно будетъ найти такую точку зрѣнія, которая примиритъ противорѣчащіе взгляды. Съ этической точки зрѣнія, детерминизмъ долженъ быть ограниченъ, и авторъ не колеблясь становится на эту послѣднюю точку зрѣнія, признавая волю «свободной». Детерминистическая точка зрѣнія въ психологіи имѣетъ для него лишь условное, методологическое значеніе. Здѣсь не мѣсто приводить доводы въ пользу свободы воли, и я отмѣчаю только это столкновеніе двухъ точекъ зрѣнія на тотъ же вопросъ въ двухъ различныхъ наукахъ, обособленныхъ одна отъ другой ради практическихъ цѣлей научнаго изслѣдованія, для того, чтобы показать, что принципы, принимаемые на вѣру отдѣльными науками, требуютъ взаимной повѣрки. Та область знанія, гдѣ производится эта повѣрка, и называется метафизикой. Метафизика—это необычайно упорное стремленіе къ ясности и послѣдовательности въ мышленіи. Отдѣльныя науки руководствуются принципами, крайне неясными и полными противорѣчій, но это несовершенство принциповъ можетъ быть оставлено ими безъ вниманія для ихъ спеціальныхъ цѣлей. Этимъ объясняется то презрительное отношеніе къ метафизикѣ, которое такъ часто можно наблюдать. Для человѣка, преслѣдующаго извѣстную ограниченную цѣль, слишкомъ утонченное обсужденіе принциповъ, не имѣющее значенія для его цѣли, представляется «метафизикой». Вопросъ о томъ, что̀ такое *время*, какова его сущность, не имѣетъ для геолога никакого значенія и выходитъ изъ предѣловъ его изслѣдованій. Механику нѣтъ надобности знать, какъ возможны дѣйствіе и противодѣйствіе. Психологу нѣтъ времени задаваться вопросомъ, какимъ образомъ онъ и умъ, объектъ его изслѣдованія, познаютъ тотъ же внѣшній міръ. Но, безъ сомнѣнія, проблемы, не имѣющія никакого значенія съ одной точки зрѣнія, могутъ быть очень важны съ другой точки зрѣнія. Для того же, кто задается цѣлью уяснить наивозможно глубже значеніе міра, какъ цѣлаго, проблемы метафизики должны стать важнѣйшимъ объектомъ изслѣдованія. Психологія предоставляетъ на усмотрѣніе метафизики цѣлый рядъ такихъ проблемъ, и я намѣренъ теперь указать вкратцѣ важнѣйшія изъ нихъ. Первою изъ нихъ является выясненіе

Отношенія сознанія къ мозгу. Въ психологіи, поскольку мы будемъ разработывать ее, какъ естественную науку (а такой точки зрѣнія мы придерживались во всемъ предшествующемъ изложеніи), «состоянія сознанія» принимаются за непосредственныя данныя опыта; причемъ регулятивная гипотеза, которою мы руководствовались все время, заключалась въ предположеніи, что въ каждую данную минуту каждому общему состоянію нашего мозга «соотвѣтствуетъ» только одно опредѣленное состояніе сознанія. Та-

Digitized by Google

кая гипотеза остается вполнѣ ясной до тѣхъ поръ, пока мы, вдаваясь въ область метафизики, не зададимся вопросомъ, что̀ означаетъ слово: «соотвѣтствуетъ». Если мы хотимъ этимъ словомъ выразить не простое параллельное измѣненіе состояній мозга и состояній сознанія, а нѣчто большее, то понятіе, связанное съ этимъ словомъ, окажется крайне неяснымъ. Нѣкоторые думаютъ, что это понятіе можно сдѣлать болѣе яснымъ, предположивъ, что *состоянія мозга* и *состоянія сознанія* суть *внѣшняя* и *внутренняя* «стороны» одной и той-же «реальности». Другіе видятъ въ состояніяхъ сознанія реакцію нѣкоторой единой сущности, «души», на множество воздѣйствій на нее со стороны мозга. Третьи полагаютъ, что тайну взаимодѣйствія души и тѣла можно разгадать, если предположить, что каждая мозговая клѣточка одарена особымъ сознаніемъ, и что эмпирически данное состояніе нашего сознанія есть результатъ сліянія множества отдѣльныхъ сознаній въ одно, такъ же какъ, съ другой стороны, нашъ мозгъ представляетъ собою совокупность множества нервныхъ клѣтокъ.

Первую изъ этихъ точекъ зрѣнія мы можемъ назвать *монистической*, вторую *спиритуалистической*, третью *атомистической*. Каждая изъ нихъ связана съ весьма значительными трудностями; наиболѣе состоятельной въ *логическомъ* отношеніи я считаю спиритуалистическую теорію. Но она не даетъ никакого объясненія такимъ психическимъ явленіямъ, какъ раздвоеніе личности, періодическая смѣна одной личности другою etc. (см. стр. 163-ю). Эти факты можно съ бо́льшимъ удобствомъ объяснить при помощи атомистической теоріи, такъ какъ гипотеза сліянія множества подчиненныхъ сознаній въ одно общее и распаденія общаго сознанія на множество мелкихъ, подчиненныхъ, представляется болѣе мыслимой, чѣмъ гипотеза активности единаго духа, то распадающагося на множество одновременно дѣйствующихъ независимо другъ отъ друга сознаній, то снова возвращающагося къ нераздѣльному единству. Локализація психическихъ функцій въ различныхъ частяхъ мозга также представляетъ фактъ, благопріятствующій атомистической точкѣ зрѣнія. Предположимъ, что передо мною находится колокольчикъ; если я вижу его при посредствѣ затылочныхъ долей мозга, а слышу его звонъ при посредствѣ височныхъ долей, то весьма естественно можно будетъ сказать, что затылочныя доли мозга *видятъ* колокольчикъ, височныя *слышатъ* его звонъ, а затѣмъ зрительное и слуховое впечатлѣнія «сливаются» въ одно цѣльное воспріятіе. Такимъ образомъ, фактъ совмѣстнаго дѣйствія различныхъ частей мозга при воспріятіи даннаго объекта различными органами чувствъ объясняется, повидимому, настолько просто, что сторонникъ психическаго атомизма признаетъ не идущими къ дѣлу, «метафизическими» всѣ возраженія, приводившіяся нами (см. стр. 19, 42 и др.) противъ мысли о возможности «слія-

Digitized by Google

нія» отдѣльныхъ «частей» сознанія. Онъ пользуется гипотезой атомизма, находя ее простымъ и удобнымъ пріемомъ для подведенія различныхъ психическихъ явленій подъ одну общую формулу.

Вопросъ о «соотвѣтствіи» между состояніями мозга и души не только представляетъ трудности для окончательнаго рѣшенія, но и въ самой постановкѣ его уже есть нѣкоторая неясность:

«L'ombre en ce lieu s'amasse, et la nuit est là toute.»

Прежде чѣмъ задаваться вопросомъ, въ чемъ заключается перемѣна психическихъ и соотвѣтствующихъ имъ физіологическихъ процессовъ, надо найти *носителей* этихъ перемѣнъ. Надо опредѣлить, какого рода психическое явленіе и какого рода физіологическій процессъ, такъ сказать, непосредственно противостоятъ другъ другу; мы должны отыскать такое элементарное психическое состояніе, которому бы прямо соотвѣтствовало извѣстное состояніе мозга, и, наоборотъ, опредѣлить, какому элементарному физіологическому процессу соотвѣтствуетъ элементарное душевное явленіе. Опредѣливъ такимъ путемъ элементарный психическій и физіологическій факты, мы могли бы установить непосредственно между ними извѣстное отношеніе въ видѣ элементарнаго психофизическаго закона.

Метэмпирическая гипотеза существованія психическихъ атомовъ была обойдена нами, *такъ какъ мы все время принимали душевное состояніе человѣка во всей его цѣльности и сложности за элементарный психическій фактъ, а весь мозгъ—за элементарный физическій фактъ.* Но «весь мозгъ» вовсе не есть физическій фактъ! Это—просто названіе, которое мы придаемъ воздѣйствію на наши чувства билліоновъ молекулъ, сгруппированныхъ извѣстнымъ образомъ. Съ механической точки зрѣнія, отдѣльныя молекулы или самое большое образованныя изъ нихъ клѣточки представляютъ единственный реальный субстратъ того объекта, который въ просторѣчіи называется «мозгомъ». Эту фикцію мы не можемъ противополагать душевнымъ состояніямъ, какъ нѣчто объективно-реальное. Объективно-реальны только физическія молекулы; онѣ-то и представляютъ элементарное физическое явленіе. Отсюда ясно, что элементарный психофизическій законъ мы могли бы получить, лишь ставъ на точку зрѣнія психическаго атомизма, ибо, принявъ молекулу за элементъ «мозга», мы, по необходимости, должны противопоставить ей, какъ простѣйшее душевное состояніе, не сознаніе во всей его цѣльности, а только элементъ сознанія. Такимъ образомъ, оказывается, что реальное въ сферѣ психической соотвѣтствуетъ нереальному въ сферѣ физической и наоборотъ, и вопросъ объ отношеніи душевныхъ явленій къ тѣлеснымъ становится еще болѣе запутаннымъ.

Отношеніе состояній сознанія къ «объектамъ». Эта запутанность вопроса о взаимодѣйствіи души и тѣла нисколько не выяснится для

Digitized by Google

насъ, если мы примемъ въ соображеніе тотъ фактъ, что состоянія сознанія могутъ *познавать* (стр. 2—11). Съ точки зрѣнія здраваго смысла (а натуралисты, по большей части, придерживаются этой точки зрѣнія), познаваніе сводится всегда къ отношенію между двумя обособленными одна отъ другой сущностями: познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ. Внѣшній міръ есть нѣчто хронологически предшествующее состояніямъ сознанія; послѣднія постепенно знакомятся съ внѣшнимъ міромъ, причемъ ихъ познаваніе становится все болѣе и болѣе сложнымъ. Но такое дуалистическое противоположеніе духа и матеріи не выдерживаетъ идеалистической критики. Предположимъ, что мы испытываемъ то состояніе сознанія, которое называется чистымъ ощущеніемъ (поскольку таковыя состоянія существуютъ), напримѣръ, ощущеніе *голубого цвѣта* при взглядѣ на безоблачное небо въ ясный день. Составляетъ ли этотъ голубой цвѣтъ наше ощущеніе или принадлежатъ «объекту» нашего ощущенія? Скажемъ ли мы, что голубой цвѣтъ въ данномъ случаѣ есть нѣкоторое свойство нашего ощущенія или есть ощущеніе нѣкотораго объективнаго свойства? Въ просторѣчіи мы выражаемся то такъ, то иначе; чтобы избѣгнуть опредѣленности выраженія, въ послѣднее время нерѣдко говорятъ «содержаніе» представленія вмѣсто «объектъ» представленія, ибо слово «содержаніе» заключаетъ въ себѣ не то нѣчто, безъ остатка разлагающееся на чисто субъективные элементы—ощущенія, не то нѣчто, привходящее въ составъ ощущенія извнѣ, со стороны, причемъ послѣднее является какъ-бы пріемникомъ, вмѣстилищемъ для внѣшняго объекта. Но «ощущенія», помимо заключеннаго въ нихъ чувственнаго содержанія, не означаютъ ровно ничего опредѣленнаго, и выраженія: «вмѣстилище», «пріемникъ» внѣшняго объекта въ примѣненіи къ нимъ не имѣютъ никакого смысла. Непосредственно испытываемое нами *ощущеніе голубого цвѣта* всего лучше обозначать неопредѣленнымъ терминомъ *явленіе, феноменъ*. Вѣдь, это ощущеніе не сознается нами *непосредственно*, какъ отношеніе между двумя реальностями, психической и физической. Только сознавая, что мы думаемъ непрерывно о *томъ же* голубомъ цвѣтѣ, мы устанавливаемъ извѣстныя отношенія между нимъ и другими объектами, причемъ онъ какъ-бы раздвояется въ нашихъ глазахъ, являясь въ связи съ одними элементами ассоціацій нѣкоторымъ физическимъ свойствомъ, въ связи съ другими—нѣкоторымъ душевнымъ состояніемъ.

Въ противоположность непосредственнымъ ощущеніямъ наши концепты, повидимому, подчинены иному закону. Каждый концептъ является непосредственно въ качествѣ представителя чего-то выходящаго изъ его сферы. Хотя онъ и бываетъ связанъ съ извѣстнымъ непосредственно даннымъ «содержаніемъ», но это содержаніе сопровождается «психическими обертонами», которые

Digitized by Google

дают намъ знать, что оно «служитъ представителемъ» чего-то выходящаго изъ его предѣловъ. Такъ, напримѣръ, «голубой цвѣтъ», о которомъ мы только-что говорили, представляетъ собою въ сущности *два слова*, но эти два слова имѣютъ извѣстное *значеніе*. *Содержаніемъ* мысли въ данномъ случаѣ были слова, а *объектомъ*— качество голубого цвѣта. Короче сказать, въ данномъ случаѣ испытываемое нами душевное состояніе не обособлено отъ всего остального, какъ простѣйшія ощущенія, но служитъ указаніемъ на нѣчто, находящееся внѣ его предѣловъ и означаемое имъ.

Но какъ только мы допустимъ, что всякій объектъ и всякое душевное состояніе, подобно простѣйшимъ ощущеніямъ, представляютъ собою только двѣ различныхъ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же фактъ, то невольно возникаетъ вопросъ, по какому праву мы считали невозможной дѣлимость душевныхъ состояній на части. Вѣдь, съ физической точки зрѣнія, голубое небо представляетъ собою совокупность находящихся рядомъ другъ съ другомъ протяженныхъ частицъ, почему же не считать его и съ психологической точки зрѣнія такою же совокупностью элементовъ?

Изъ всего сказаннаго мы можемъ только заключить, что отношенія между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ безконечно сложны, и что общепринятый, усвоенный натуралистами взглядъ на эти отношенія не выдерживаетъ критики. Эти отношенія могутъ быть окончательно выяснены только путемъ тонкаго метафизическаго анализа; только съ помощью философскихъ умозрѣній идеалистическаго характера и изслѣдованій въ области такъ называемой «теоріи знанія» (*Erkenntnisstheorie*) для насъ станетъ вполнѣ яснымъ принимаемое натуралистами на вѣру утвержденіе, будто наши мысли «познаютъ» внѣшніе объекты.

Не менѣе трудную метафизическую проблему представляетъ выясненіе измѣнчиваго характера нашего сознанія. Сначала мы принимали «состоянія» сознанія за тѣ психическія единицы, съ которыми имѣетъ дѣло психологія, затѣмъ мы добавили, что эти состоянія непрерывно измѣняются. Но каждое состояніе сознанія, чтобы *дѣйствительно* быть таковымъ, должно обладать извѣстной продолжительностью (вѣдь, боль, продолжающаяся менѣе 0,01 секунды, въ сущности не можетъ быть названа болью), вслѣдствіе чего возникаетъ вопросъ, какою продолжительностью должно обладать состояніе сознанія, чтобы его можно было считать *однимъ*, *отдѣльнымъ* состояніемъ. Такъ, напримѣръ, если въ воспріятіи времени непосредственно «познаваемое» настоящее («приблизительное» настоящее, какъ мы условились называть его) равно двѣнадцати секундамъ, то какъ велико должно быть непосредственное настоящее для «познающаго» субъекта? То есть, каковъ долженъ быть для нашего сознанія minimum длительности, при которомъ эти двѣнадцать секундъ могутъ считаться только-что истекшими, mi-

Digitized by Google

nimum, который могъ бы въ силу этого быть названъ отдѣльнымъ «состояніемъ» сознанія? Сознаваніе, какъ процессъ, протекающій во времени, даетъ поводъ ко всѣмъ тѣмъ парадоксамъ, къ какимъ вообще приводитъ понятіе непрерывной перемѣны. Въ такомъ процессѣ нѣтъ отдѣльныхъ состояній, такъ же, какъ нѣтъ граней въ кругѣ, и нѣтъ въ траэкторіи летящей стрѣлы такихъ мѣстъ, гдѣ бы послѣдняя «покоилась». Перпендикуляръ, который мы опустили на линію времени (см. стр. 266-ю), желая этимъ обозначить проэкцію явленій минувшаго опыта въ нашей памяти, представляетъ просто фикцію воображенія. Тѣмъ не менѣе этотъ перпендикуляръ непремѣнно долженъ быть математической линіей, не имѣющей толщины, такъ какъ *дѣйствительное* настоящее представляетъ простую пограничную линію между настоящимъ и прошедшимъ, которая не должна обладать толщиной. Въ такомъ случаѣ можемъ ли мы говорить о «состояніяхъ» тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ—измѣняющимся процессомъ? Но, съ другой стороны, можемъ ли мы обойтись безъ «состояній» сознанія, описывая тѣ явленія, въ которыхъ заключается все наше познаніе?

Существованіе состояній сознанія, какъ таковыхъ, не есть вполнѣ доказанный фактъ. Но «худшее ожидаетъ насъ впереди». Ни съ точки зрѣнія здраваго смысла, ни съ точки зрѣнія психологіи (поскольку такая наука существуетъ), никто еще не сомнѣвался въ томъ, что состоянія сознанія, изучаемыя этой наукой, суть непосредственныя данныя опыта. Высказывались сомнѣнія въ существованіи «объектовъ» нашихъ ощущеній, но никто не сомнѣвался въ существованіи самыхъ мыслей и чувствъ. Были мыслители, отрицавшіе существованіе внѣшняго міра, но въ существованіи внутренняго міра никто не сомнѣвался. Всякій утверждаетъ, что самонаблюденіе непосредственно раскрываетъ передъ нами смѣну душевныхъ состояній, сознаваемыхъ нами въ качествѣ внутренняго душевнаго процесса, противополагаемаго тѣмъ внѣшнимъ объектамъ, которые мы съ помощью его познаемъ. Что же касается меня, то я долженъ сознаться, что не вполнѣ увѣренъ въ существованіи этого внутренняго процесса. Всякій разъ, какъ я дѣлаю попытку подмѣтить въ себѣ какой-нибудь душевный процессъ, я наталкиваюсь непремѣнно на чисто физическій фактъ, на какое-нибудь впечатлѣніе, идущее отъ головы, бровей, горла или носа. Мнѣ кажется при этомъ, что душевная активность является скорѣе *постулируемымъ*, чѣмъ непосредственно-даннымъ чувственнымъ фактомъ; что наличность познающаго субъекта, воспринимающаго всю совокупность познаваемаго, постулируется мною, а не дана прямо въ опытѣ; и что лучше ее было бы обозначать словомъ «познаваемость». Но допускать «познаваемость» явленій опыта въ качествѣ гипотезы и принимать состоянія сознанія за аподиктически достовѣрный фактъ, непосредственно данный намъ внутреннимъ чувствомъ—далеко не одно и

Digitized by Google

то-же. Въ силу этого соображенія мы должны оставить открытымъ вопросъ о томъ, *кто истинный субъектъ познанія*, а отвѣтъ на него, данный нами въ концѣ XII-й главы, считать условнымъ рѣшеніемъ вопроса съ точки зрѣнія здраваго смысла, рѣшеніемъ, которое требуетъ критической провѣрки.

Заключеніе. Итакъ, толкуя все время о «психологіи, какъ естественной наукѣ», мы не должны думать, что у насъ рѣчь идетъ о наукѣ, установленной на прочномъ, незыблемомъ основаніи. Наоборотъ, называя психологію естественной наукой, мы хотимъ сказать, что она въ настоящее время представляетъ простую совокупность отрывочныхъ эмпирическихъ данныхъ; что въ ея предѣлы отовсюду неудержимо вторгается философскій критицизмъ; и что коренныя основы этой психологіи, ея первичныя данныя, должны быть обслѣдованы съ болѣе широкой точки зрѣнія и представлены въ совершенно новомъ свѣтѣ. Короче сказать, названіе естественной науки указываетъ на то, что психологія обладаетъ всѣми несовершенствами чисто эмпирической науки и не должно вызывать въ психологахъ наивной увѣренности въ цвѣтущемъ состояніи изучаемой ими научной области. Довольно странно слушать, когда начинаютъ толковать о «новѣйшей психологіи» и пишутъ «исторіи психологіи», забывая, что даже основные элементы и факторы въ сферѣ психическихъ явленій не установлены съ надлежащей точностью. Что представляетъ собою психологія въ данную минуту?—Кучу сырого фактическаго матеріала, порядочную разноголосицу во мнѣніяхъ, рядъ слабыхъ попытокъ классификацій и эмпирическихъ обобщеній чисто описательнаго характера, глубоко укоренившійся предразсудокъ, будто мы *обладаемъ* состояніями сознанія, а мозгъ нашъ обусловливаетъ ихъ существованіе, но ни одного закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ это слово въ области физическихъ явленій, ни одного положенія, изъ котораго могли бы быть выведены слѣдствія дедуктивнымъ путемъ. Намъ неизвѣстны даже тѣ факторы, между которыми могли бы быть установлены отношенія въ видѣ элементарныхъ психическихъ законовъ (см. стр. 388-ю). Короче, психологія еще не наука, это—нѣчто, обѣщающее въ будущемъ стать наукой. Ея матеріалъ находится въ нашемъ распоряженіи. Мы знаемъ, что въ соотношеніяхъ между извѣстными мозговыми процессами и извѣстною «познаваемостью» существуетъ какая-то закономѣрность. Мы можемъ составить себѣ слабое представленіе о томъ, чѣмъ бы могла стать въ концѣ-концовъ психологія, и сознаемъ, что по сравненіи съ такимъ состояніемъ этой науки современное положеніе ея является до крайности несовершеннымъ. Можно сказать, что въ настоящее время психологія находится приблизительно въ томъ фазисѣ развитія, въ какомъ была физика и ученіе о законахъ движенія до Галилея, или химія и мысль о постоянствѣ массъ при превращеніяхъ веществъ до Лавуазье. Когда

Digitized by Google

въ области психологіи явится свой Галилей или Лавуазье, то это, навѣрное, будетъ величайшій геній; можно надѣяться, что настанетъ время, когда такой геній явится и въ психологіи, если только на основаніи прошлаго въ исторіи науки можно дѣлать догадки о ея будущемъ. Такой геній по необходимости будетъ «метафизикомъ». А для того, чтобы ускорить его появленіе, мы должны сознавать, какой мракъ облекаетъ сферу психическихъ явленій, и никогда не забывать, что принятыя нами на вѣру положенія, на которыя опирается все естественно-историческое изслѣдованіе психическихъ явленій, имѣютъ временное, условное значеніе и требуютъ критической провѣрки.

Digitized by Google

Index nominum.

Аврелій, Маркъ 144, 148.
Агассисъ 96.
Авамъ 163.
Аллэнъ, Грэнтъ 77.
Амидонъ 95.
Аристотель 255.
Арчеръ 314.

Байярдъ 208.
Банзенъ 108.
Бетховенъ 245.
Веркли 124, 241, 281—3.
Винэ 244, 255, 268—9.
Бирдъ, Гольденъ 27, 61.
Бликсъ 48, 51.
Бриджмэнъ, Лаура 199.
Бродгэнъ 36.
Брока 80, 82—3.
Бруксъ 341.
Брэсъ, Юлія 199.
Брюкке 93.
Бэнъ 106, 107, 246, 299, 303.
Бэнъ-Ломондъ 212.

Вандербильдъ 144.
Веберъ 14, 21, 36, 44.
Веллингтонъ 104.
Вернике 82—3.
Весли 174.
Виганъ 239, 79.
Виргилій 248,
Вольтеръ 13.
Вундтъ 9, 14 20, 88 — 91, 171, 183, 222—3, 318—9.

Гагенауэръ 317.
Галилей 391—2.
Гальтонъ 91, 124, 210, 242, 244.
Гамильтонъ 212.
Ганкель 89.
Гарфильдъ 140.
Гёксли 104, 124.
Гельмгольцъ 21—2, 32, 33, 41—44, 86, 115, 176, 181—3, 257.
Гербартъ 117, 173, 185, 262.
Герингъ 22, 32, 35, 275.
Гертли 201—2.
Герценъ 89.
Гёте 107.
Гиппъ 87.
Гиршъ 89.
Гито 140.
Гоббесъ 20.
Гогенцоллерны 144.
Годжсонъ 209, 221, 224.
Гольцъ 71, 74.
Голлъ 174.
Гольбрукъ 236.
Гольдшейдеръ 9, 48, 51, 56.
Гомеръ 195, 248, 285.
Горацій 248.
Горвицъ 145.
Горслей 79, 85.
Грантъ 268.
Гэрней 267, 270.

Данте 195, 370.
Дарвинъ 234, 265 296, 316, 318, 319, 341.
Декартъ 306.
Делажъ 58—9.
Диккенсъ 206.
Джэксонъ 78, 84.
Джефферсонъ 111.
Дональдсонъ 48.
Дюма 211.
Дюмонъ 98.

Жане, Пьеръ 163, 240.

Іовъ 148.

Кандинскій 267.
Кантъ 158.
Карлэйль 143.
Карлъ Великій 233.
Карпентеръ 174, 351.
Каттель 90, 91, 170.
Кёнигъ 36.
Кингслей 296.
Клоустонъ 362.
Крисхаберъ 161.

Лавуазье 391—2.
Ланге 88.
Ладдъ 1.
Лацарусъ 239, 259.
Лаугэ 61.

Digitized by Google

Легувэ 245.
Лейбницъ 233.
Леонія 164.
Линдсей 342.
Локкъ 117, 191, 201, 241.
Ломбардъ 95.
Лотце 132, 351.
Луазеттъ 238.
Льюисъ 9, 182, 263.
Людвигъ 94.
Лютеръ 233, 358.

Мантегацца 318, 320.
Марикъ 85.
Мартино 198.
Мартинъ 30, 49, 52.
Маттейчи 86.
Маудсли 100.
Махъ 57.
Мейеръ 240, 249.
Мейнертъ 78, 84.
Меркель 44, 50.
Милль, Джэмсъ 151, 229.
Милль, Джонъ 109, 117, 219, 298.
Морганъ, Ллойдъ 300.
Морелль 61.
Моссо 94.
Моцартъ 241.
Мункъ 80.
Муссей 365.
Мюнстербергъ 19, 249.

Нонэнъ 83.
Наполеонъ 189, 210.
Ньютонъ 295.

Озу 36, 59.
Остенъ 206.

Панетъ 85.
Паскаль 174.
Пере 337.
Пидеритъ 319.
Пинель 379.
Платонъ 188.
Поланъ 170—1.
Прейеръ 335, 339.
Пуркинье 57.

Рестифъ 367.
Рибо 160, 239.
Ридъ 251.
Робертсонъ 255.
Розенталь 9.
Ромэнсъ 92, 258, 300.
Росси 84.
Руссо 109, 367.
Рэскинъ 279.
Рэльманъ 284.

Саутгардъ 349.
Скоттъ 249.
Скоттъ, Вальтеръ 233.
Скрибъ 245.
Смитъ, Адамъ 189.
Сократъ 190.
Спальдингъ 330.
Спенсеръ 234, 317, 318, 320.
Старръ 79, 82—4.

Тенниссонъ 208.
Томсонъ 93.
Тэккерей 140.
Тэнъ 161.

Унтстонъ 282.
Уорнеръ 289.
Урбанчичъ 21.

Фелида 163.
Фере 249.
Феррье 95.
Фехнеръ 17—19, 150, 179.
Фирордтъ 54.
Фолькманнъ 226
Фостеръ 61.
Франклинъ 87.
Францъ 247.

Цигенъ 20.

Чермакъ 53—4.

Шарко 82—3, 247.
Шекспиръ 210.
Шиффъ 95.
Шмидтъ 249.
Шнейдеръ 55, 322, 339, 103—4.
Шопенгауэръ 131.
Штейнталь 263,
Штриккеръ 245—6.
Штрюмпелль 345.
Шэферъ 79, 80, 85.

Экснеръ 86, 89.
Эліотъ 206.
Эпиктетъ 143.

Юмъ 124, 191.

Digitized by Google

Index rerum

Абстрактныя идеи 189.
Автоматизмъ, теорія автоматизма 75.
Агорафобія 342.
Аккоммодація 24; акк. въ ухѣ 37.
Алексія 81.
Анализъ психическихъ явленій 111.
Апперцепція 262.
Ассоціація, гл. XVI, 199.
Атомистическая теорія сознанія 386.
Афазія 81.

Бараній мозгъ, разсѣченіе б. мозга 61.
Бинокулярное зрѣніе 25.
Боль, гл. V, 45.
Борьба между отдѣльными сторонами личности 141.
Бугры зрительные 60.

Вкусъ 52.
Вниманіе, гл. XIII, 168.
Внѣшній міръ 3.
Воля, гл. XXVI, 343.
Воображеніе, гл. XIX, 240.
Воспризнаніе 238.
Воспріимчивость памяти 235.
Воспріятіе, гл. XX, 250.
Воспроизведеніе полное 205; неполное 207.
Воспріятіе пространства, гл. XXI, 270.
Вращеніе 57.
Время, чувство времени, гл. XVII, 221.
Выборъ 128.
Высота звука 40.
Вѣроятное воспріятіе 253.

Галлюцинаціи 266.
Гармонія 44.
Геній и вниманіе 177.
Гипновъ, его вліяніе на память 240.
Главъ, анатомія глаза 22.
Гнѣвъ 305.
Голодъ 52.
Голубь, его низшіе центры 71.

Давленіе, чувство давленія, 45.
Движеніе, ощущенія движенія, гл. VI, 53.
Детерминизмъ и психологія, 381.
Диссонансъ 44.
Диффузія движеній 303.
Длительность 222.
Драчливость 336.
Духовная субстанція 150.
Духовная личность 137.
Душа, какъ психологическій принципъ 157.
Душевная слѣпота 81.

Единство въ измѣнчивости сознанія 150.
Естественныя науки и психологія 1.

Желтое пятно 24.
Желудочки мозговые 60.
Живость зрительнаго воображенія 241.
Животныя, ихъ мышленіе 300.

Забвеніе 239.
Запахъ 52.
Запоминаніе 229.
Задерживающее вліяніе привычекъ на инстинкты 328.
Законъ Вебера 14; з. Фехнера 17; з. относительности 20.
Застѣнчивость 336.
Затылочныя доли 80.
Звукъ 40.
Знаніе, теорія знанія 389.
Зона моторная 79.
Зрительные слѣды 33.

Идеализмъ 1, 388.
«Идеаціонное» возбужденіе центра 181.
Идеомоторный актъ 350.
Измѣненіе личности 159.
Измѣнчивыя состоянія сознанія 119.
Измѣреніе ощущеній 14; изм. температуры мозга 95.
Измѣреніе третье 281.
Изолятъ 300.
Иллюзіи 254.
Иннервація, чувство иннервація 346.

Digitized by Google

Инстинктъ, гл. XXV, 321.
Интенсивность ощущеній 13.
Интересъ 267.
Инфлуэнтъ 300.

Качество звука 40.
Кашель 335.
Кинэстетическія ощущенія 345.
Кожныя ощущенія 45.
Коммиссуры 65.
Конечный поводъ къ движенію 348.
Конвергенція 25.
Контрастъ 21.
Концепты 187.
Кора мозговая 79.

Лабиринтъ 38.
Личное тожество 154.
Личность, гл. XII, 132.
Личный интересъ въ мышленіи 291.
Локализація ощущеній 46.
Любовь 305.
Любопытство 336.
Лягушка, ея нервные центры 67.

Матеріализмъ 6.
Медіумизмъ 165.
Метафизика 384.
Мозгъ, его строеніе, гл. VII, 59; его функціи, гл. VIII, 66.
Мозжечекъ 59.
Монистическая теорія сознанія 386.
Морская болѣзнь 320.
Мускульное чувство 45.
Мысль и фосфоръ 95.
Мышленіе, гл. XXII, 285.

Наклонность къ пріобрѣтенію 150.
Наслажденіе и страданіе 370.
Настоящее, приблизительное н. 222.
Невнимательность 185.
Недавность, какъ одно изъ условій воспроизведенія 210.
Недостаточное задержаніе движеній 363
Непроизвольное теченіе мыслей 203.
Нервный разрядъ 86.
Нервные центры 67.

Обдуманныя дѣйствія 355
Обертоны 41.
Обонятельныя доли 62.
Образы звуковые, 244; образы мускульнаго чувства, 245; осязательные образы 246.
Общительность 336.
Общіе концепты 188.
Объединеніе различныхъ видовъ ощущеній въ одну «вещь» 274.
Объективность предметовъ ощущенія 12.
Объемность ощущеній 272.
Объемъ сознанія 170.
Ограниченность сознанія 168.
Окружающая обстановка, ея измѣненіе способствуетъ различенію 197.
Осязаніе, гл. V, 45.
Отношенія между мыслями 126.
Ощущеніе, гл. II, 7.

Память, гл. XVIII, 227.
Паутинная оболочка 62.
Педагогическія замѣчанія о вниманіи 185.
Первичная сила—усиліе 368.
Перемѣщеніе 58.
Пластичность мозга 98.
Плетизмографъ 94.
Подражаніе 336.
Полукружные каналы 38.
Полушарія, общія понятія о полушаріяхъ 72.
Послѣдовательность ощущеній 226.
Подраздѣленія пространства 273.
Потокъ сознанія, гл. XI, 111.
Повышенная и пониженная активность воли 363, 366.
Преходящій характеръ инстинктовъ 329.
Привычка, гл. X, 97.
Припоминаніе 229.
Приспособленіе органа чувствъ при вниманіи 179.
Притокъ крови къ мозгу 94.
Проблематическіе объекты мысли 188.
Проблемы, ихъ разрѣшеніе 215—6.
Произвольные акты 355; произвольное вниманіе 174.
Проницательность 295.
Протяженность 271.
Проэкція ощущеній 12.
Психическіе обертоны 122.
Психологія, опредѣленіе психологіи 1.
Псевдогаллюцинаціи 267.
Психофизическій законъ 16.

Раздвоеніе личности 159.
Различеніе, гл. XV, 191.
Различія, виды различій 192.
Разрядъ, первный 86.
Разсѣченіе бараньяго мозга 61.
Размѣръ 30.
Разстояніе, воспріятіе разстоянія 29.
Разсѣяніе вниманія 169.
Реакціи простыя 87; сложныя р. 89.
Реальная величина 280.
Реальное пространство 273.
Рединтеграція 206.
Ретина 23.
Рецептъ 300.
Рефлексъ, рефлекторные акты 67.

Digitized by Google

Рѣчь 82.
Рѣшимость, пять видовъ ея 356.

Самонаблюденіе 111.
Самооцѣнка 138.
Самосохраненіе 139.
Свобода воли и вниманіе 186, 380.
Сильвіевъ водопроводъ 59.
Скромность 336.
Сліяніе психическихъ состояній 152.
Слѣпое пятно 23.
Слѣпота душевная 81.
Сложеніе стимуловъ 93; сложеніе ощущеній 32.
Слуховой центръ въ мозгу 82; слуховой типъ воображенія 244.
Согласіе въ воленіи 353.
Сознаніе, потокъ сознанія, гл. XI, 111.
Сознаніе и движеніе, гл. XXIII, 302.
Соревнованіе 336.
Соціальная личность 135.
Специфическія энергіи 9.
Спиритуалистическая теорія сознанія 386.
Страхъ, описаніе страха 316.
Стыдъ 305.
Сфигмографъ 94.
Сходство, ассоціація по сходству 212.

Тактильный центръ 84.
Телеологическій характеръ развитія душевной жизни 4.
Термическія ощущенія, гл. V, 45.
Типы рѣшимости 356.
Тожество личности 156.
Трансцендентальное «я» 167.
Тѣлесность образовъ 28.
Тѣлесныя проявленія эмоцій 307.
Тэмбръ 41.
Тяжесть, ощущенія тяжести 50.

Умопомѣшательство 160.
Умъ, его роль при воспріятіи пространственныхъ отношеній 283.
Упражненіе, его значеніе въ развитіи различенія 198.
Усиліе 360.
Устойчивыя состоянія сознанія 119.
Ухо 37.

Физическая личность 134.
Философія и психологія 384.
Фосфоръ и мысль 95.
Функціи мозга, гл. VIII, 66.

Холодъ, ощущеніе холода 48.
Хроноскопическіе часы 87.

Цвѣтовыя ощущенія 31.

Чиханіе 335.
Чрезмѣрная сила импульса 365.
Чувствительность въ сочлененіяхъ 56.
Чувство усилія 360.
Чиханіе 335.

Шумы, какъ стимулы страха, 337.

Щекотливость 320.

Эмбріологическій очеркъ развитія мозга 59.
Эмпирическое «я» 133.
Эмоція, гл. XXIV, 304.
Эмоціональный тонъ 211.
Этическое значеніе усилія 382.

«Я» эмпирическое, «я» трансцендентальное 133.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе автора .
Предисловіе переводчика.
Статья переводчика: «*Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джемса*» .

ГЛАВА I.

Введеніе.

Опредѣленіе психологіи 1
Психологія должна излагаться, какъ естественная наука. 1
Психологическія явленія не могутъ изучаться надлежащимъ образомъ независимо отъ физическихъ условій познаваемаго міра 3
Развитіе душевной жизни есть явленіе по преимуществу телеологическаго характера 4
Всѣ душевныя явленія сопровождаются извѣстнаго рода тѣлесными процессами 4
Непосредственнымъ условіемъ, опредѣляющимъ состояніе сознанія, служатъ извѣстные процессы въ мозговыхъ полушаріяхъ 4
Это соображеніе служитъ руководящей гипотезой всей физіологической психологіи послѣднихъ лѣтъ 5
Подраздѣленіе психологіи 6

ГЛАВА II.

Объ ощущеніи вообще.

Центростремительные токи суть единственные нормальные агенты, дѣйствующіе на мозгъ 7
Каждый приносящій нервъ идетъ отъ опредѣленной части периферіи и возбуждается ко внутренней дѣятельности особою внѣшнею силой 8
«Специфическія энергіи» различныхъ частей мозга 9
Отличіе ощущенія отъ воспріятія 10
Въ ощущеніяхъ есть способность къ познаванію 11
Познаваніе чего-нибудь и познаніе о чемъ-нибудь 11
Отличіе ощущеній отъ воспроизведенныхъ представленій 12
Объективность предметовъ ощущенія 12
Интенсивность ощущеній 13

Digitized by Google

Законъ Вебера 14
Законъ Фехнера 17
Ощущенія не суть нѣчто сложное 19
Такъ называемый «законъ относительности» 20
Эффекты контраста 21

ГЛАВА III.

Зрѣніе.

Описаніе строенія глаза 22
Слѣпое пятно 23
Желтое пятно 24
Аккоммодація 24
Аккоммодація сопровождается конвергенціей 25
Полученіе одного изображенія при бинокулярномъ зрѣніи 25
Двойныя изображенія 27
Тѣлесность образовъ 28
Воспріятіе разстоянія 29
Воспріятіе размѣра 30
Ощущенія цвѣта 31
Смѣшеніе цвѣтовъ 31
Продолжительность свѣтовыхъ ощущеній 33
Отрицательные зрительные слѣды 33
Интенсивность свѣта въ свѣтящихся предметахъ 35

ГЛАВА IV.

Слухъ.

Ухо 36
Аккоммодація въ ухѣ 37
Внутреннее ухо 38
Костный лабиринтъ 38
Перепончатый лабиринтъ 38
Концевые органы 39
Различныя качества звука 40
Высота 40
Тэмбръ 41
Разложеніе сложныхъ формъ звуковыхъ волнъ 41
Такъ называемое смѣшеніе слуховыхъ ощущеній 42
Гармонія и диссонансъ 44
Чувствительность уха къ различенію 44

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Осязаніе, термическое чувство, мускульное чувство и боль.

Окончанія нервовъ въ кожѣ 45
Осязаніе или чувство давленія 45
Способность кожи къ локализаціи ощущеній 46
Термическое чувство. Его концевые органы 48
Термическое чувство зависитъ отъ состоянія кожи 48
Мускульное чувство 49
Ощущеніе тяжести 50
Боль 50
Вкуса, запаха, ощущеній голода, жажды, тошноты и другихъ органическихъ ощущеній мы не будемъ разбирать въ настоящемъ сочиненіи 52

ГЛАВА VI.

Ощущенія движенія.

Ощущенія двигающихся по поверхности тѣла предметовъ 53
Ощущенія движенія въ пространствѣ 57

ГЛАВА VII.

Строеніе мозга.

Эмбріологическій очеркъ 59
Разсѣченіе бараньяго мозга 61

ГЛАВА VIII.

Функціи мозга.

Общее понятіе о нервныхъ функціяхъ 66
Нервные центры лягушки 67
Низшіе центры голубя 71
Общее понятіе о полушаріяхъ 72
Теорія автоматизма 75
Локализація функцій въ полушаріяхъ 78

Digitized by Google

Психическіе и физіологическіе элементы 78
Область двигательныхъ центровъ. 79
Зрительный центръ. 80
Душевная слѣпота. 81
Центръ слуха. 82
Обонятельный, вкусовой и осязательный центры 84
Заключеніе. 84

ГЛАВА IX.

Нѣкоторыя общія условія нервной дѣятельности.

Нервный разрядъ 86
Время реакціи.. 86
Простыя реакціи 87
Сложныя реакціи 89
Сложеніе стимуловъ. 93
Притокъ крови къ мозгу 94
Измѣреніе температуры мозга 95
Фосфоръ и мысль. 95

ГЛАВА X.

Привычка.

Важное ея значеніе въ психологіи 97
Въ основаніи привычки лежитъ физическій законъ 97
Привычки обусловлены образованіемъ путей черезъ нервные центры. . . . 99
Практическое значеніе привычки 100
Привычка обусловлена рядомъ ощущеній, конечное назначеніе коихъ не предвидится нами 103
Важность пріпципа пріученія въ этикѣ и въ педагогикѣ 104

ГЛАВА XI.

Потокъ сознанія.

Порядокъ нашего изслѣдованія долженъ быть аналитическимъ 111
Основной фактъ психологіи. 112
Четыре свойства сознанія 113
Всякое «душевное состояніе или мысль» есть часть личнаго сознанія . . . 113
Въ сознаніи происходятъ непрерывныя перемѣны. 114
Въ каждомъ личномъ сознаніи процессъ мышленія представляетъ сплошной рядъ ощущеній 117

Digitized by Google

Устойчивыя и измѣнчивыя состоянія сознанія 119
Объектъ сознанія всегда связанъ съ психическими обертонами. 122
Физіологическія условія психическихъ обертоновъ 124
Содержаніе мысли 125
Между мыслями всегда существуетъ какое-нибудь раціональное отношеніе. 126
Сознаніе всегда бываетъ болѣе заинтересовано въ одной сторонѣ объекта мысли, чѣмъ въ другой, производя во все время процесса мышленія извѣстный выборъ между его элементами, отвергая одни изъ нихъ и симпатизируя другимъ 128

ГЛАВА XII.

Личность.

«Личность» и «Я» 132
А) Познаваемый элементъ въ сознаніи 133
Эмпирическое «я» или «личность». 133
Физическая личность 134
Соціальная личность. 135
Духовная личность 137
Самооцѣнка 138
Заботы о физической личности 139
Заботы о соціальной личности. 140
Заботы о духовной личности 141
Соперничество и столкновенія между отдѣльными сторонами личности . . . 141
Іерархія личностей 144
Телеологическое значеніе заботъ о своей личности. 148
Итогъ 149
В) Познающій элементъ въ сознаніи. 150
Единство въ измѣнчивости сознанія. 150
Раздѣльныя состоянія сознанія не могутъ смѣшиваться 152
Душа, какъ комбинирующая среда 154
Чувство личнаго тожества. 154
Тожество въ личности, какъ познаваемомъ элементѣ 155
Тожество въ личности, какъ познающемъ элементѣ 156
Какъ наше «Я» присваиваетъ себѣ содержаніе личности 157
Измѣненія и раздвоенія личности. 159
Итогъ главы и психологическое заключеніе 167

ГЛАВА XIII.

Вниманіе.

Ограниченность сознанія 168
Ея физіологическая подкладка. 168

Digitized by Google

Разсѣяніе вниманія 169
Объемъ сознанія 170
Различные виды вниманія 171
Произвольное вниманіе всегда бываетъ апперцептивнымъ 172
Произвольное вниманіе 174
Геній и вниманіе 177
Физіологическія условія вниманія 178
Приспособленіе органа чувствъ 179
«Идеаціонное» возбужденіе центра 181
Педагогическія замѣчанія 185
Вниманіе и свобода воли 186

ГЛАВА XIV.

Образованіе концептовъ.

Различныя состоянія сознанія могутъ означать одно и то-же 187
Концепты абстрактныхъ или общихъ и проблематическихъ объектовъ мысли. 188
То, что мы познаемъ, какъ тожественное, всегда познается нами въ новомъ состояніи сознанія 190

ГЛАВА XV.

Различеніе.

Различеніе и ассоціація 191
Что такое различеніе? 192
Условія, благопріятствующія акту различенія 192
Непосредственно ощущаемыя различія 192
Различія, о которыхъ мы заключаемъ 195
«Выдѣленіе» элементовъ изъ сложныхъ комплексовъ 195
Элементы, которыхъ нельзя изолировать другъ отъ друга, могутъ различаться нами, если при этомъ измѣняется окружающая обстановка . . . 197
Способность различенія развивается при упражненіи 198

ГЛАВА XVI.

Ассоціація.

Порядокъ нашихъ идей 199
Опредѣляется ли чередованіе нашихъ идей какими-нибудь законами? . . . 200
Эти законы суть законы мозговыхъ процессовъ 201
Не идеи ассоціируются между собою, а объекты 202

Digitized by Google

Основной принципъ. 202
Непроизвольное теченіе мыслей 203
Полное воспроизведеніе 205
Неполное воспроизведеніе 207
Какой элементъ ассоціаціи долженъ выступать на первый планъ при неполномъ воспроизведеніи? 209
Ассоціація по сходству 212
Общій взглядъ на непроизвольное теченіе мыслей 214
Произвольное теченіе мыслей 214
Проблемы 215
Разрѣшеніе проблемъ 216
Сходство не есть элементарный законъ. 219
Заключеніе 220

ГЛАВА XVII.

Чувство времени.

Настоящее ощущеніе имѣетъ извѣстную продолжительность 221
Мы не обладаемъ чувствомъ пустого времени 222
Оцѣнка болѣе длинныхъ промежутковъ времени. 223
Ощущеніе прошедшаго времени есть настоящее 226

ГЛАВА XVIII.

Память.

Анализъ явленія памяти 227
Запоминаніе и припоминаніе. 229
Припоминаніе объясняется при помощи ассоціаціи 229
Ассоціація объясняетъ также и запоминаніе. 231
Физіологическая схема 231
Условія хорошей памяти 232
Почему зубреніе представляетъ такой дурной способъ ученья? 235
Прирожденная воспріимчивость памяти человѣка неизмѣнна 235
Усовершенствованіе памяти 237
Воспризнаніе 238
Забвеніе. 239
Патологическія условія. 240

ГЛАВА XIX.

Воображеніе.

Что такое воображеніе. 240
Живость зрительнаго воображенія у различныхъ людей различна. 240
Звуковые образы 244

Digitized by Google

Образы мускульнаго чувства 245
Осязательные образы 246
Патологическія особенности 247
Нервные процессы, обусловливающіе воображеніе 248

ГЛАВА XX.

Воспріятіе.

Сравненіе воспріятія съ ощущеніемъ 250
Воспріятіе не есть сложное состояніе сознанія 251
Воспріятіе бываетъ или вполнѣ опредѣленнымъ, или только вѣроятнымъ . . 253
Иллюзія 254
Иллюзія перваго типа 255
Своеобразныя иллюзіи движенія 256
Иллюзія втораго типа 258
Апперцепція 262
Геній и рутина привычнаго мышленія 263
Физіологическій процессъ, обусловливающій воспріятіе 266
Галлюцинаціи 266
Галлюцинація и иллюзія 268

ГЛАВА XXI.

Воспріятіе пространства.

Протяженность, какъ свойство, общее всѣмъ ощущеніямъ 271
Построеніе реальнаго пространства 273
1) Подраздѣленіе и различеніе 273
2) Объединеніе различныхъ видовъ ощущеній въ одну «вещь» 274
3) Сознаваніе окружающаго міра 275
4) Порядокъ въ пространственномъ расположеніи предметовъ 276
5) Взаимная соизмѣримость объектовъ 277
Огромное большинство ощущеній служитъ лишь указаніемъ на наличность другихъ ощущеній, которыя считаются связанными съ болѣе реальными пространственными отношеніями 280
Третье измѣреніе или разстояніе 281
Роль ума при воспріятіи пространственныхъ отношеній 283
Заключеніе 284

ГЛАВА XXII.

Мышленіе.

Точное опредѣленіе «мышленія» 287
Что такое точка зрѣнія на данный предметъ 288

Digitized by Google

Мышленіе всегда связано съ личнымъ интересомъ 291
Въ мышленіи есть двѣ весьма важныхъ стороны 293
Проницательность 295
Помощь, которую намъ оказываютъ при мышленіи ассоціаціи по сходству . . 297
Умственныя способности животныхъ 300

ГЛАВА XXIII.

Сознаніе и движеніе.

Всякое состояніе сознанія связано съ двигательными процессами 302

ГЛАВА XXIV.

Эмоція.

Сравненіе эмоцій съ инстинктами 304
Разнообразіе эмоцій безконечно велико 305
Причина разнообразія эмоцій 306
Чувствованіе въ грубыхъ формахъ эмоціи есть результатъ ея тѣлеснаго проявленія 307
Моя точка зрѣнія не можетъ быть названа матеріалистической 312
Предлагаемая точка зрѣнія объясняетъ удивительное разнообразіе эмоцій . . . 312
Дополнительное доказательство въ пользу моей теоріи 313
Отвѣтъ на возможное возраженіе 314
Болѣе тонкія эмоціи 315
Описаніе страха 316
Происхожденіе эмоціональныхъ реакцій 317

ГЛАВА XXV.

Инстинктъ.

Что такое инстинктъ 321
Всякій инстинктъ есть импульсъ 322
Инстинкты не всегда бываютъ слѣпы и неизмѣнны 324
Два фактора, нарушающихъ единообразіе инстинктовъ 328
Законъ задерживающаго вліянія привычекъ 328
Законъ измѣнчивости инстинктовъ 331
Перечисленіе человѣческихъ инстинктовъ 335
Описаніе страха 337

Digitized by Google

ГЛАВА XXVI.

Воля.

Волевые акты 343
Волевые акты суть производныя функціи нашего организма 343
Два различныхъ рода идей о движеніяхъ 345
Нѣтъ основанія предполагать существованіе какого-либо третьяго рода моторныхъ идей 346
Конечный поводъ къ движенію 348
Идео-моторный актъ 350
Обдуманныя дѣйствія 355
Пять главныхъ типовъ рѣшимости 356
Чувство усилія 360
Здоровая воля 361
Повышенная активность воли: 1) Отъ недостаточнаго задержанія движенія. 363
2) Отъ чрезмѣрной силы импульса 365
Пониженная активность воли 366
Усиліе сознается нами, какъ нѣкоторый первичный факторъ 368
Страданіе и наслажденіе, какъ источники дѣятельности 370
Наши дѣйствія опредѣляются объектомъ, на который направлено наше вниманіе 373
Воля есть отношеніе между умомъ и «идеями» 374
Волевое усиліе есть усиліе вниманія 374
Вопросъ о свободѣ воли 381
Важное этическое значеніе волевого усилія 382

ЭПИЛОГЪ.

Психологія и философія.

Значеніе слова «метафизика» 384
Отношеніе сознанія къ мозгу 385
Отношеніе состояній сознанія къ объектамъ 387
Выясненіе измѣнчиваго характера нашего сознанія 389
Существованіе состояній сознанія, какъ таковыхъ, не есть вполнѣ доказанный фактъ 390
Заключеніе 391

Index nominum 393
Index rerum 395

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница:	*Строчка:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
			Въ предисловіи автора:	
—	4	снизу	«Объ удовольствіи и страболи»	«О наслажденіи и страданіи»
			Въ статьѣ переводчика:	
7	13	снизу	1886	1883
13	16	сверху	1893	1890
8	10	снизу	непосредственно	не непосредственно.
29	21	сверху	нашо	наши
—	22	»	несивпаденіе	несовпаденіе
38	14	»	perilymhpa	perilympha
43	18	снизу	tetanns	tetanus
69	5	сверху	для неопытнаго	на неопытнаго
72	2	снизу	тока	тона
87	1	»	онъ	оно
93	10	»	яцнъ	яицъ
94	17	сверху	сморщеніемъ рукъ	сморщеніемъ рукъ у испытуемаго субъекта.
107	1	снизу	опія	опіума
109	15	»	отвлеченной абстракціи	абстракціи
114	10	сверху	«личнаго сознанія»	«личное сознаніе»
127	19	»	этомъ	иномъ
129	7	»	но другія, міръ	но другія, создали міръ
138	14	»	Ассоціонисты	Ассоціаціонисты
140	15	снизу	хроннку	хронику
150	20	»	представляетъ изъ себя	такое
152	23	сверху	качестевнно	качественно
157	13	»	трошедшее	прошедшее
—	15	»	пакомъ	такомъ
164	6	»	я	ея
167	9	снизу	трансцедентальное	трансцендентальное

Digitized by Google

Страница:	*Строчка:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
169	11	снизу	de rière	derrière
171	12	»	быстр-	быстро
—	11	»	раз,	раз-
186	—	»	роле	поле
—	22	»	противоположеныхъ	противоположныхъ
219	15	сверху	въ въ потемкахъ	въ потемкахъ
228	10	снизу	итуитивное	интуитивное
229	13	сверху	именн	именно
230	11	»	выносить	въ жизни испытать
231	9	»	есть	служитъ
233	7	снизу	M—	M—N
235	10	»	помяти	памяти
239	21	сверху	представляетъ изъ себя	представляетъ
242	7	»	эру	эпоху
251	20	»	обычаемъ	привычкой
254	19	снизу	болѣе и болѣе невозможнымъ	менѣе и менѣе вѣроятнымъ
254	6	сверху	словъ	слоговъ
268	19	»	опія	опіума
269	19	»	см. стр.	см. стр. 248-ю.
274	23	»	индукторъ	кондукторъ
290	24	снизу	тѣмъ, чѣмъ она есть	тѣмъ, что она есть
296	1	сверху	выживанія	переживанія
297	2	снизу	стр.	стр. 198-й
301	14	сверху	превратили мы	превратили ли мы
308	16	снизу	въ организмѣ	на организмъ
312	15	сверху	тѣмъ, чѣмъ онѣ суть,	тѣмъ, что онѣ суть
317	9	снизу	извѣстно первымъ ученымъ насколько мнѣ	насколько мнѣ извѣстно первымъ ученымъ
318	3	»	краснѣніе	краснота
324	21	»	странны	странными
332	12	сверху	дѣлатъ	дѣлать
334	14	»	является	становится
337	9	»	возобладать	одержать верхъ
357	14	снизу	на	ни
365	16	сверху	овладавшей	овладѣвшей

Digitized by Google

РИСУНКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

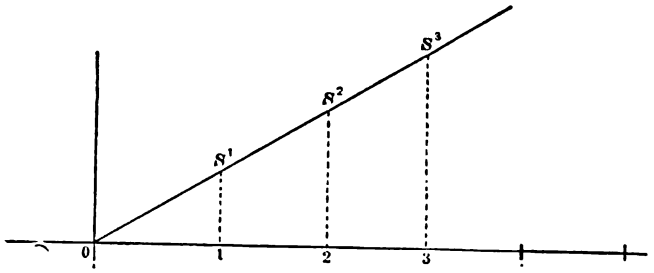


Рис. 1-й. (См. стр. 14-ю).

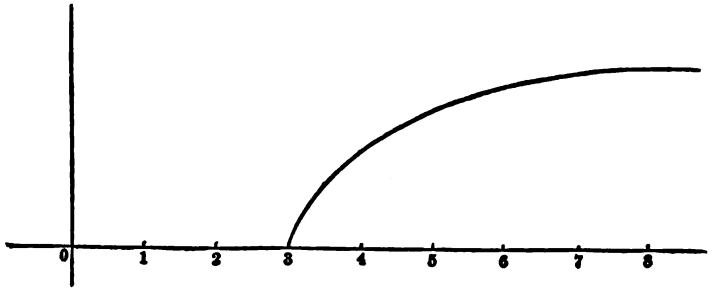


Рис. 2-й. (См. стр. 14-ю).

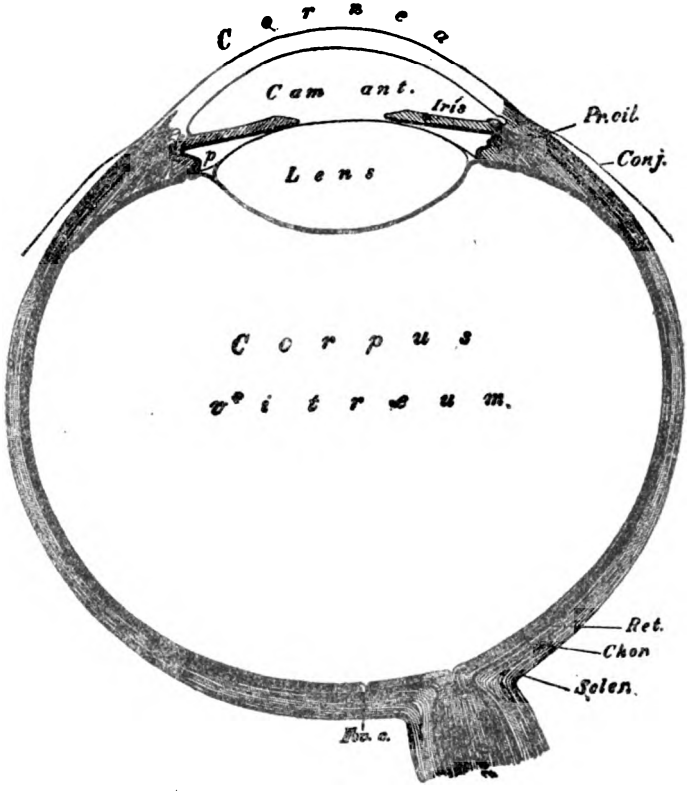


Рис. 3-й. (См. стр. 23-ю).

Digitized by Google

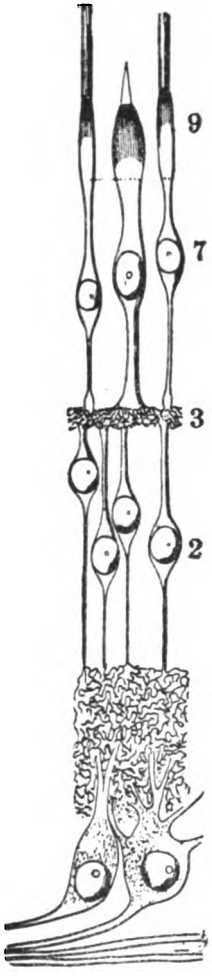


Рис. 4-й. (См. стр. 23-ю).

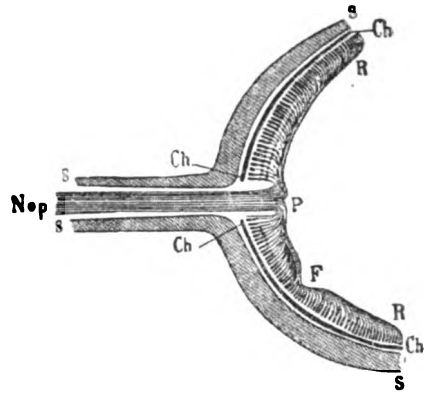


Рис. 5-й. Разрѣзъ ретинальныхъ волоконъ по Кюссу (Küss); Nop = зрительный нервъ; S = твердая об.; Ch. = сосудистая об.; R = ретина; P = слѣпое пятно; F = желтое пятно. (См. стр. 23-ю).

Рис. 6-й. (См. стр. 24-ю).

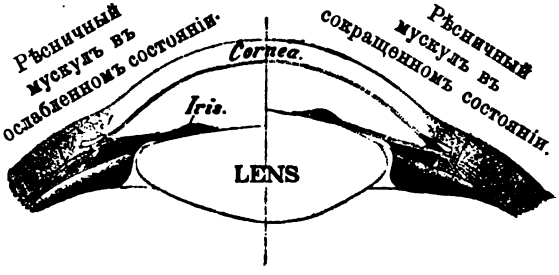


Рис. 7-й. (См. стр. 23-ю).

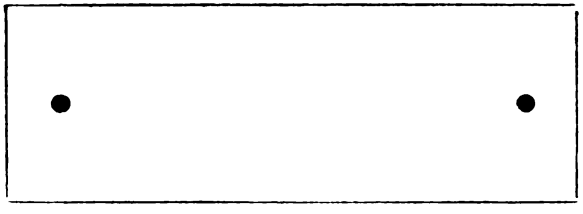


Рис. 8-й. (См. стр. 27-ю).

Digitized by Google

Рис. 9-й. (См. стр. 26-ю).

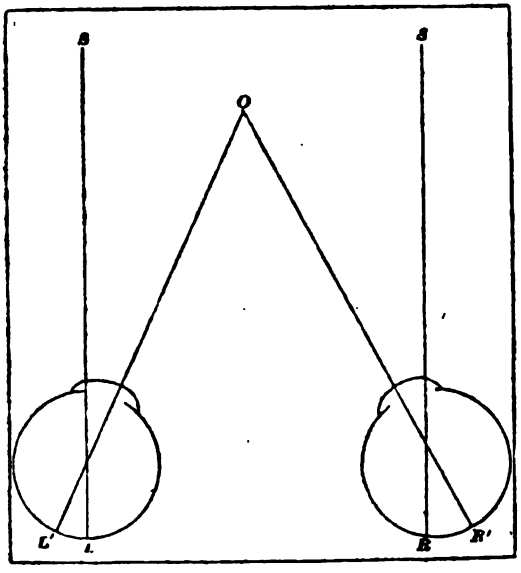


Рис. 10-й. (См. стр. 27-ю).

Рис. 11-й. (См. стр. 28-ю).

Рис. 12-й. (См. стр. 29-ю).

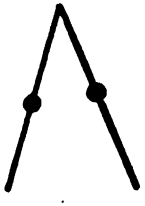


Рис. 13-й. (См. стр. 29-ю).

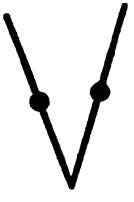


Рис. 14-й. (См. стр. 29-ю).

Digitized by Google

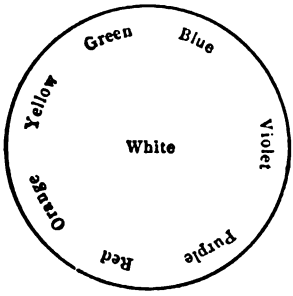
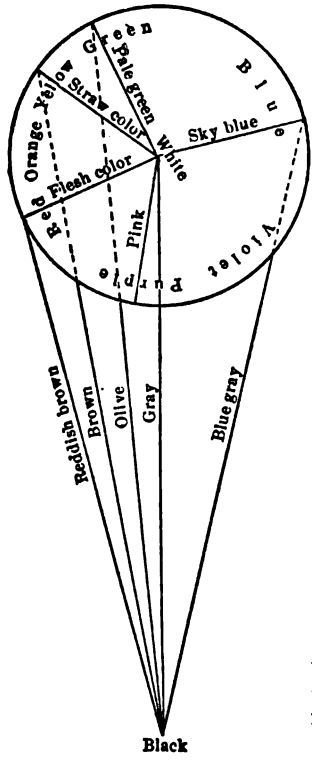


Рис. 15-й. (См. стр. 31-ю).
green—зеленый
blue—голубой
violet—фіолетовый
purple—пурпуровый
red—красный
orange—оранжевый
yellow—желтый
white—бѣлый



green—зеленый
blue—голубой
yellow—желтый
orange—оранжевый
red—красный
purple—пурпуровый
violet—фіолетовый
white—бѣлый
brown—коричневый
olive—оливковый
gray—сѣрый
blue gray—сизый
pink—малиновый
flesh color—розовый
straw color—желтоватый
pale green—зеленоватый
sky blue—небесно-голубой
black—черный
reddesh brown—красновато-коричневый.

Рис. 16-й. (См. стр. 31-ю).

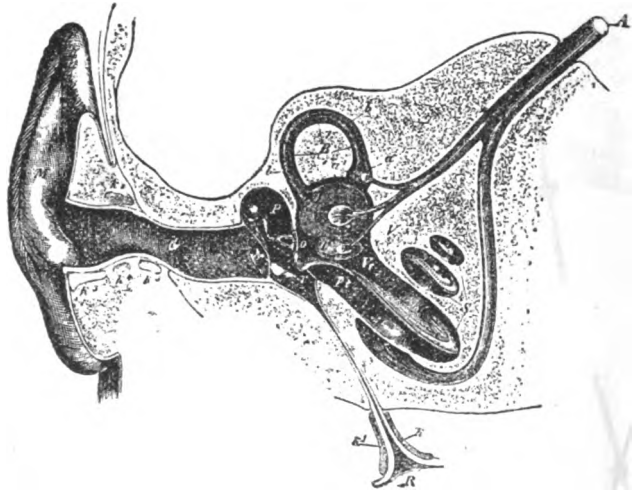


Рис. 17-й. Полудіаграмматическій разрѣзъ праваго уха (по Чермаку). M = concha; g = внѣшній слуховой meatus; T = membrana tympani; P = cavum tympani; O = овальное отверстіе; r = круглое отверстіе; R = сообщеніе Евстахіевой трубы съ гортанью; V = vestibulum; B = полукружный каналъ; S = cochlea; Vt = scala vestibuli; Pt = scala tympani; A = слуховой нервъ. (См. стр. 36-ю).

Digitized by Google

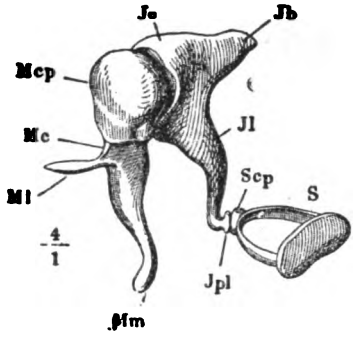


Рис. 18-й. Mcp, Mc, Ml и Mmr=различныя части молоточка Ic, Jb, Jl. Jpl=различныя части наковальни. S = стремя. (См. стр. 37-ю).

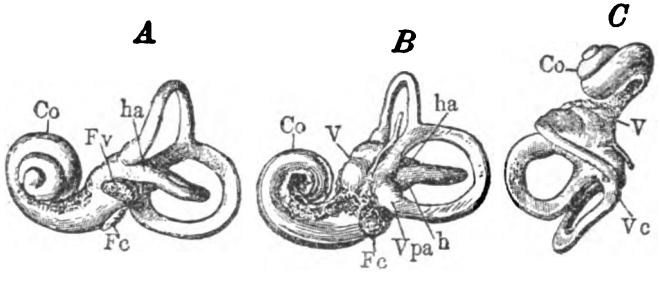


Рис. 19-й. Внѣшній видъ костнаго лабиринта. A = лѣвый лабиринтъ, видимый съ наружной стороны. B = правый лабиринтъ, видимый съ внутренней стороны. C = лѣвый лабиринтъ, видимый сверху; Co = cochlea. V = vestibulum. Fc = круглое отверстіе. Fv = овальное отверстіе. h = горизонтальный полукружный каналъ. ha = его ампулла. vaa = ампулла передняго вертикальнаго полукружнаго канала. vpa = ампулла задняго вертикальнаго полукружнаго канала. vc = смежныя части двухъ вертикальныхъ каналовъ. (См. стр. 38-ю).

Digitized by Google

Рис. 20-й. Сѣченіе черезъ cochlea по линіи ея оси. (См. стр. 38-ю).

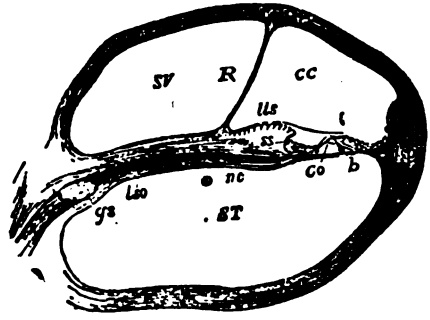


Рис. 21-й. Сѣченіе одной изъ частей cochlea въ увеличенномъ размѣрѣ. SV = scala vestibuli. R = Рейсснерова перепонка. CC = scala media. lls = limbus laminae spiralis. t = membrana tectoria. ST = scala tympani. lso = lamina spiralis. Co = Кортіевы столбы. b = основная перепонка. (См. стр. 38-ю).

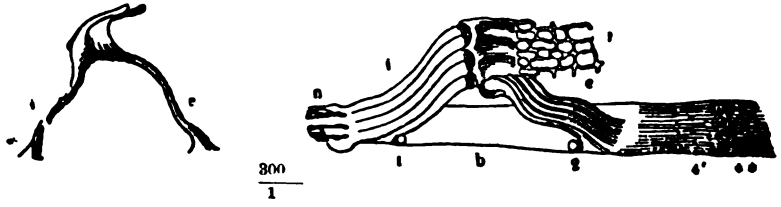


Рис. 22-й. Кортіевы столбы. A = пара столбовъ, отдѣленная отъ остальныхъ; B = часть основной перепонки съ нѣсколькими столбами на ней, образующими крытый проходъ; i = внутренніе, e = внѣшніе столбы; b = основная перепонка; r = membrana reticularis. (См. стр. 39-ю).

Digitized by Google

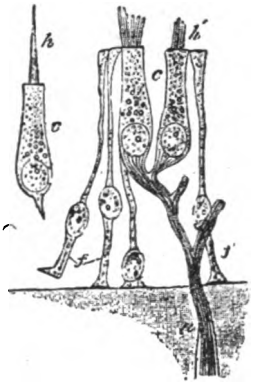


Рис. 23-й. Чувствительный эпителій изъ ампуллы или полукружнаго канала и sacculus. Въ n нервное волокно пронизываетъ стѣнку и развѣтвляясь входитъ въ двѣ рѣсничныхъ клѣтки v. Въ h мы видимъ «столбообразную» клѣтку съ длиннымъ волоскомъ, отъ основанія которой оторвано нервное волокно. Тонкія клѣтки въ f кажутся не связанными съ нервными волокнами. (См. стр. 40-ю).

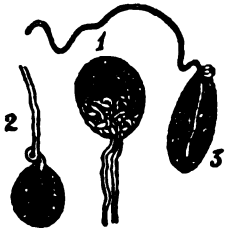


Рис. 24-й. Концевыя колбочки отъ конъюнктивы человѣческаго глаза въ увеличенномъ видѣ. (См. стр. 45-ю).

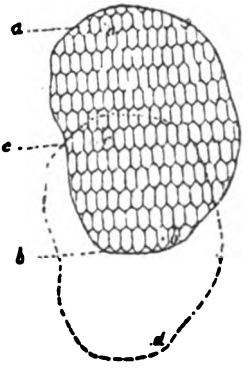


Рис. 25-й. (См. стр. 47-ю).

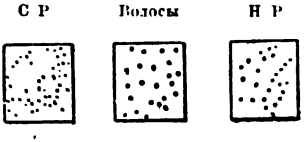


Рис. 26-й. Въ четыреугольникѣ **CP** обозначено расположеніе точекъ холода, въ четыреугольникѣ **HP** обозначено расположеніе точекъ тепла; въ среднемъ четыреугольникѣ обозначено расположеніе волосъ на части одного пальца Гольдшейдера. (См. стр. 48-ю).

Digitized by Google

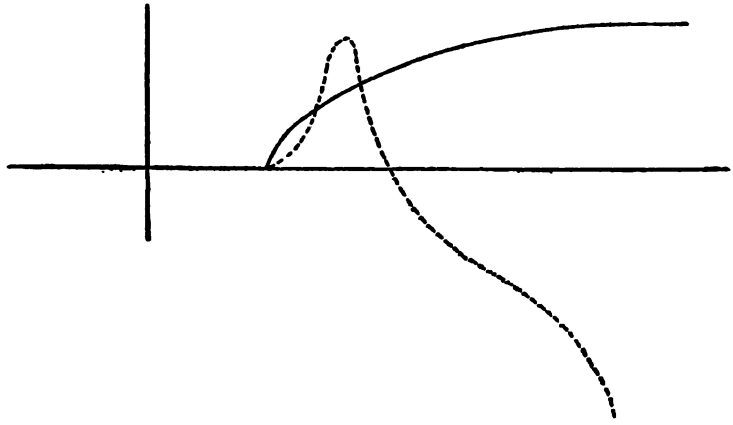
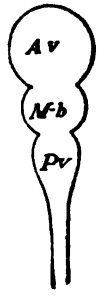
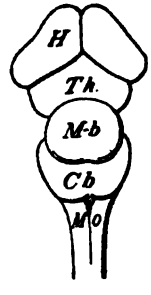


Рис. 27-й. (См. стр. 51-ю).





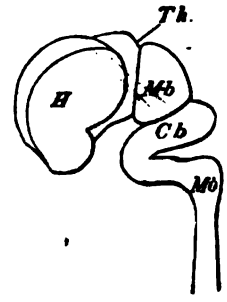


Рис. 28-й. (См. стр. 59-ю). Рис. 29-й. (См. стр. 59-ю). Рис. 30-й. (См. стр. 59-ю).
По Huguenin.

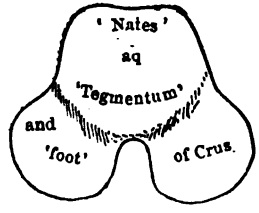


Рис. 31-й. Nates суть передніе corpora quadrigemina; aq представляетъ сѣченіе Сильвіева водопровода; tegmentum и двѣ «ножки» образуютъ вмѣстѣ crura. Они отмѣчены буквами CC, а + (крестъ) на рис. 32-мъ означаетъ Сильвіевъ водопроводъ. (См. стр. 59-ю).

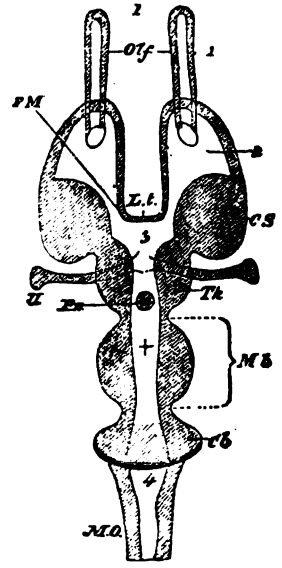


Рис. 32. (По Гёкели). (См. стр. 60-ю).

Digitized by Google

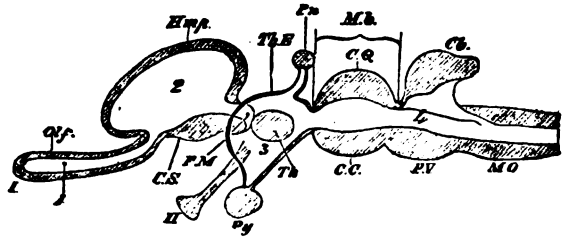


Рис. 33. (По Гёксли). (См. стр. 60-ю).

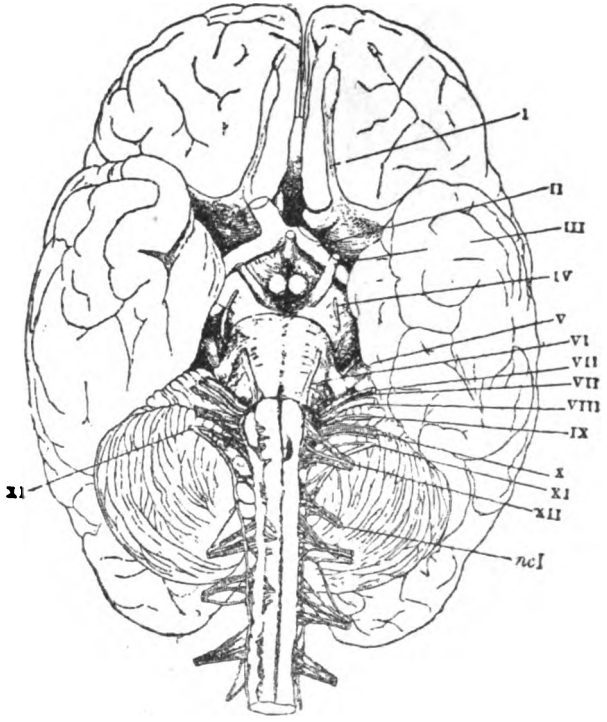


Рис. 34. Человѣческій мозгъ снизу съ обозначеніемъ нервовъ (Генле): I обонятельный, II зрительный, III окуломоторный, IV trochlearis, V trigeminus, VI abducens oculi, VII facialis, VIII слуховой, IX glosso-pharyngeus, X pneumogastricus, XI accessorius Willisii, XII hypoglossus, nc I cervicalis primus etc. (См. стр. 62-ю).

Digitized by Google

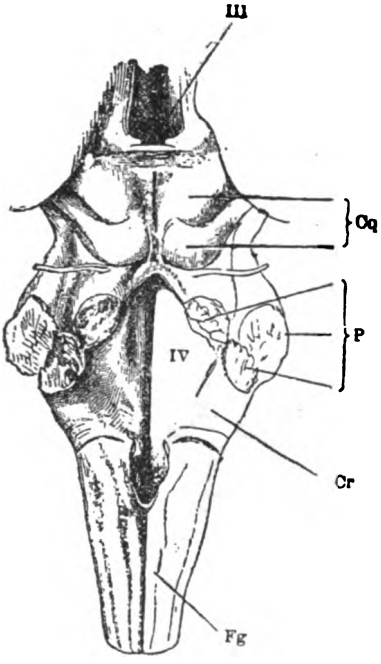


Рис. 35. Четвертый желудочекъ etc. (по Генле). III = третій желудочекъ. IV = четвертый желудочекъ. P.=передняя, средняя и задняя pedunculi cerebelli въ разрѣзѣ. Cr.=corpus restiforme. F. g.=funiculus gracilis, Cq=corpora quadrigemina. (См. стр. 61-ю).

Digitized by Google

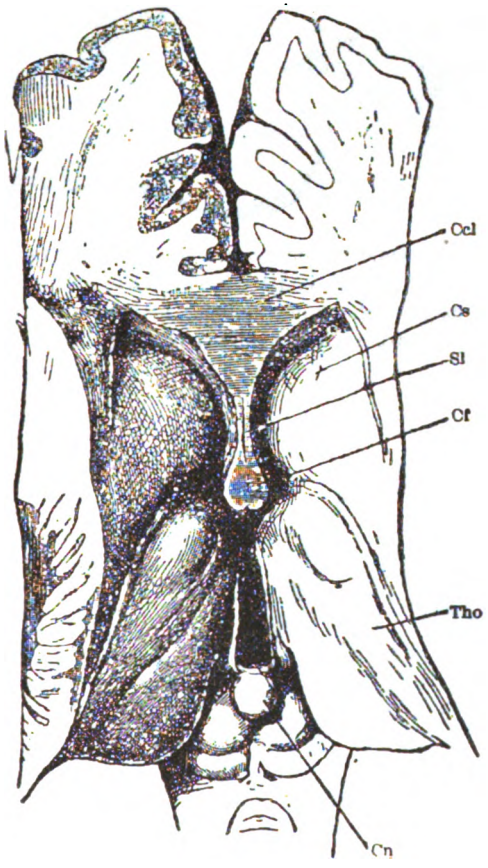


Рис. 36-й. (См. стр. 61-ю). Горизонтальное сѣченіе человѣческаго мозга какъ разъ надъ зрительными буграми: Ccl = corpus callosum; Cs = corpus striatum; ls = septum lucidum; Cf = столбы свода; Tho = зрительные бугры; Cn = glandula pinealis (По Гейле).

Digitized by Google

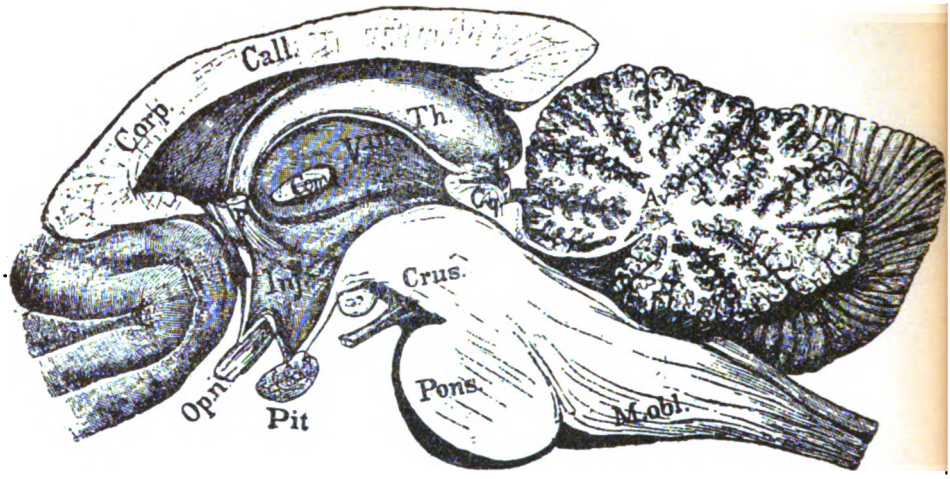


Рис. 37. Медіальное сѣченіе человѣческаго мозга книзу отъ полушарій: Th = thalamus. Cq. = corpora quadrigemina. V. III. = третій желудочекъ. Com. = средняя коммиссура. F. = столбы свода. Inf. = infundibulum. Op. n. = зрительный нервъ. S. A. Питуитарное тѣло A. v. = arbor vitae. (По Оберштейну). (См. стр. 61-ю).

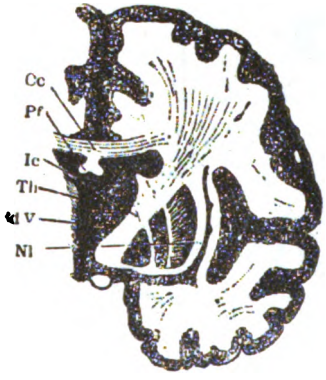


Рис. 38-й. (См. стр. 61-ю).

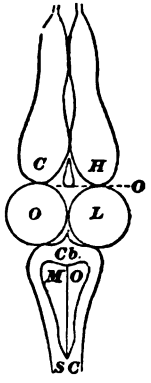


Рис. 39. C. H. = мозговыя полушарія; O. Th. = зрительные бугры; O. L. = зрительныя доли; Cb. = мозжечекъ; M. O. = medulla oblongata S.; C. = спинной мозгъ. (См. стр. 67-ю).

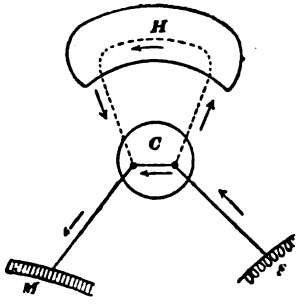


Рис. 40-й. (См. стр. 72-ю).

Digitized by Google

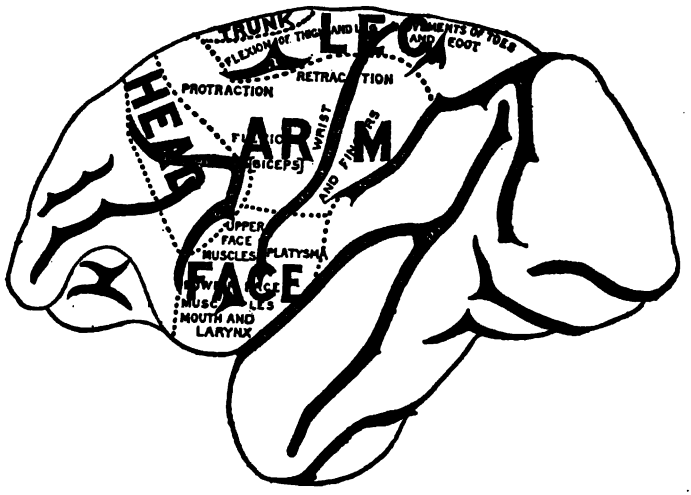


Рис. 41. Head=голова; arm=рука; leg=нога; face=лице; trunk=туловище; movements of foot and toes=движенія ступни и пальцевъ на ногахъ; flexion of thigh and leg=сгибъ колѣнобедренный и тазобедренный; protraction = разгибаніе; retraction = сгибаніе; wrist and fingers=кисть и пальцы на ногахъ; upper face muscles =верхніе личные мускулы; mouth and larynx=ротъ и гортань; fissure of Sylvius= Сильвіева бороздка; parallel f. = параллельная б; ext. parieto-occipit.=внѣшняя затылочно-теменная б.; precentr. = прецентральная б.; f. of Rolando = Роландова б. (См. стр. 79-ю).

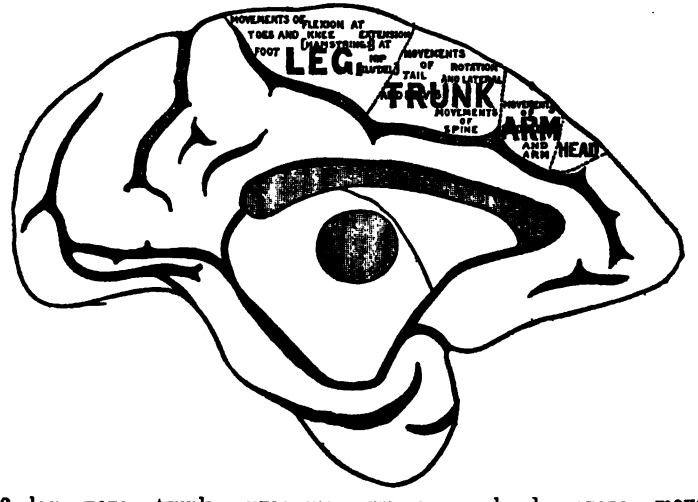


Рис. 42. leg=нога, trunk=туловище, arm=рука, head=голова, movements of toes and foot=движенія ступни и пальцевъ на ногѣ, flexion at knee=колѣнный сгибъ, rotation and lateral movements of spine=вращательныя и боковыя движенія спины, movements of tail and pelvis=движенія хвоста и таза, movements of shoulder and arm=движенія плеча и руки, extension at hip=разгибаніе въ тазобедренномъ сочлененіи, calloso-marginalis=мозолисто-краевая б., parieto-occipitalis= затылочно-теменная б. (См. стр. 79-ю).

Digitized by Google

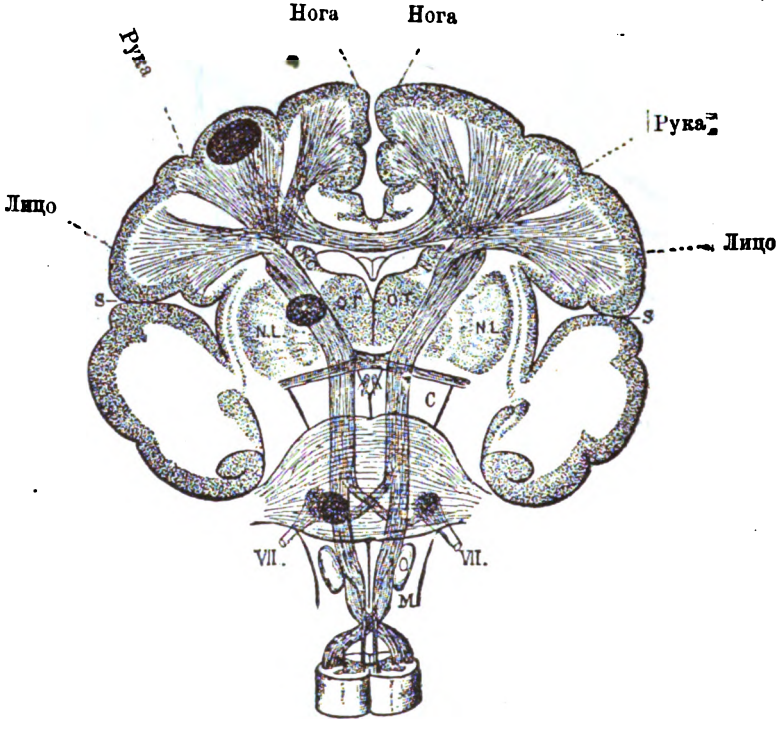


Рис. 43. (См. стр. 79-ю).

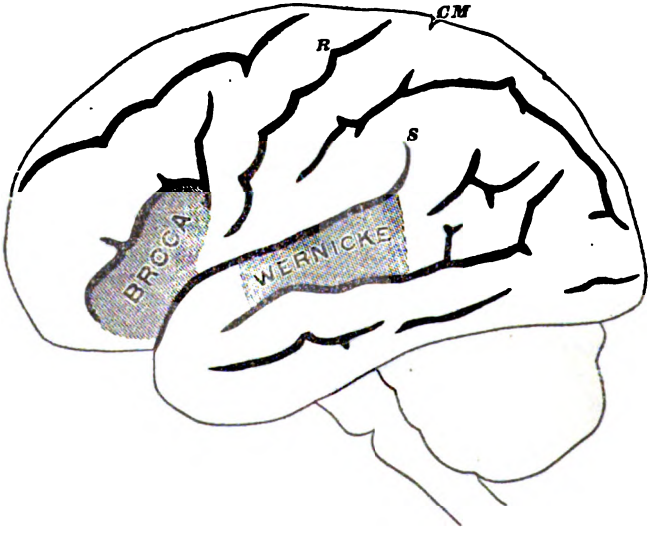


Рис. 44. Схематическій профиль лѣваго полушарія, затѣнены тѣ части, разрушеніе коихъ влечетъ за собою двигательную («Broca») и чувственную («Wernicke») афазію. (См. стр. 82-ю).

Digitized by Google

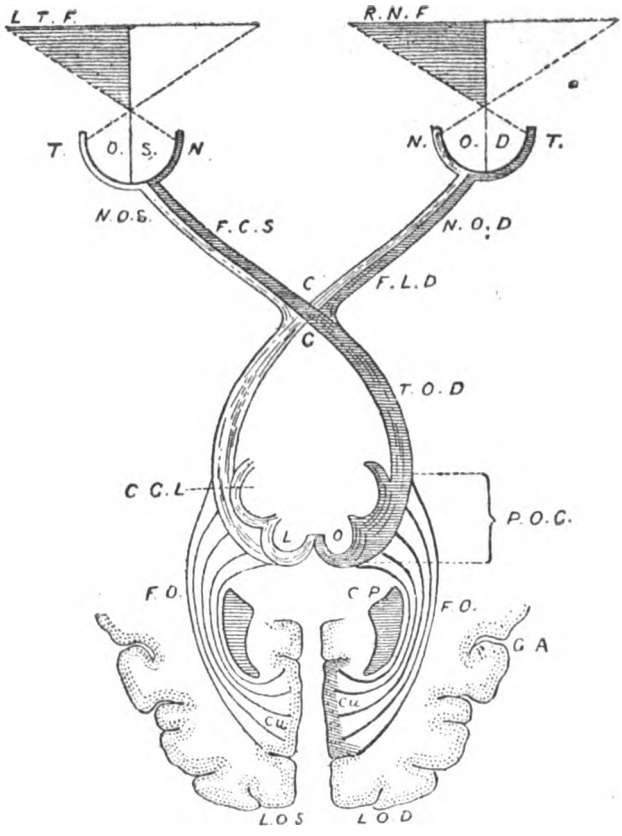


Рис. 45-й. Схема зрительнаго механизма по Сегэну; предполагается, что повреждена извилина cuneus въ правой затылочной долѣ, и всѣ ведущія къ ней части затѣнены, чтобы показать, что онѣ лишены способности отправлять свойственныя имъ функціи. F. O.= находящіяся внутри полушарій зрительныя волокна; P. O. C.= область низшихъ зрительныхъ центровъ (corpora geniculata и quadrigemina); T. O. D.= правый зрительный путь; C=chiasma. F. L. D.=зрительныя волокна, ведущія къ латеральной или височной половинкѣ T правой ретины; F. C. S.=волокна, идущія къ медіальной половинкѣ лѣвой ретины; O. D. = правое, O. S.=лѣвое глазное яблоко. Такимъ образомъ, правая половинка каждаго глазнаго яблока слѣпа, другими словами, правое медіальное (ближайшее къ носу) поле зрѣнія R. N. F. и лѣвое латеральное поле зрѣнія L. T. F. становятся невидимыми для лица, имѣющаго поврежденіе въ Ck. (См. стр. 80-ю).

Digitized by Google

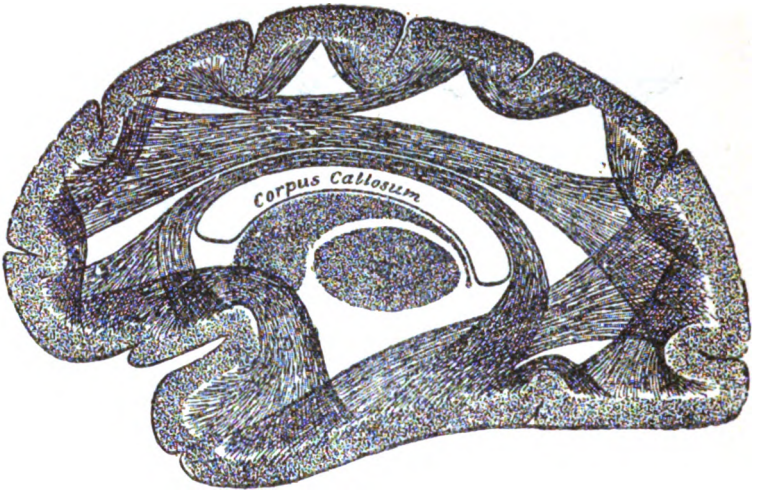


Рис. 46. Волокна, связующія между собою кортикальные центры. (Схема по Старру). (См. стр. 83-ю).

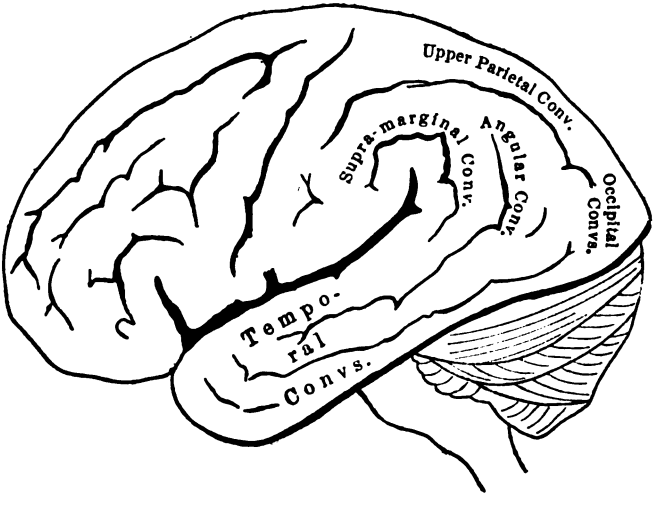


Рис. 47-й. (См. стр. 84-ю).

Digitized by Google

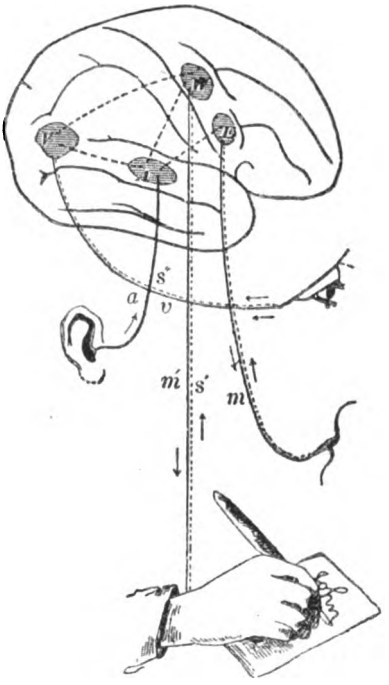


Рис. 48. A=слуховой центръ. V=зрительный центръ. U=центръ для письма. E = центръ для рѣчи. (См. стр. 84-ю).

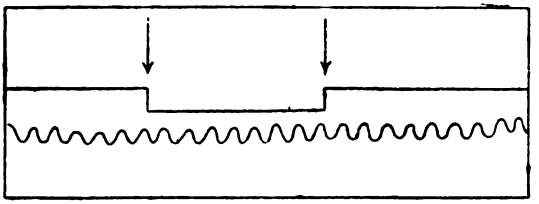


Рис. 49-й. (См. стр. 87-ю).

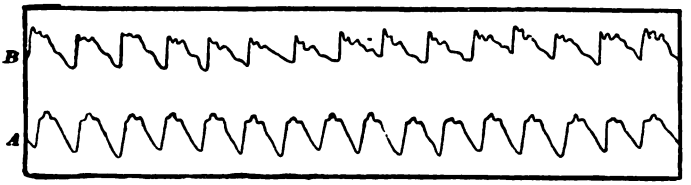


Рис. 50-й. Сфигмографическое обозначеніе пульсацій крови. A=при отсутствіи умственной дѣятельности. B = во время умственной дѣятельности (Моссо). (См. стр. 94-ю).

Digitized by Google

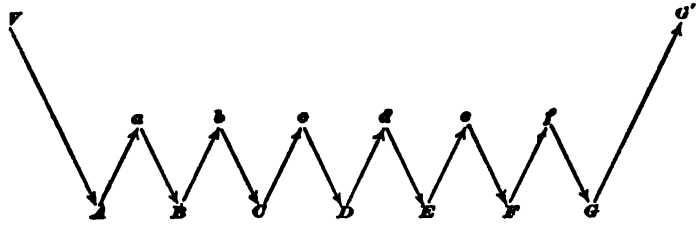


Рис. 51-й. (См. стр. 102-ю).

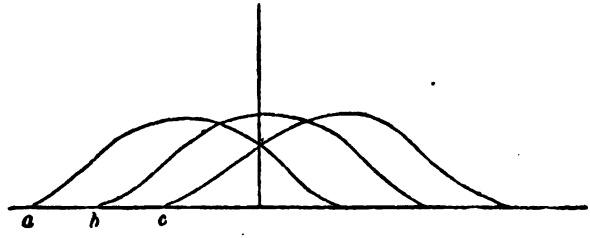


Рис. 52-й. (См. стр. 125-ю).

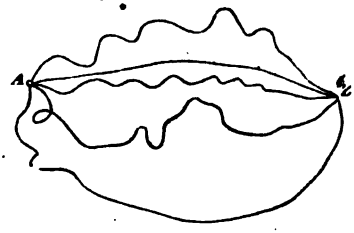


Рис. 53-й. (См. стр. 127-ю).

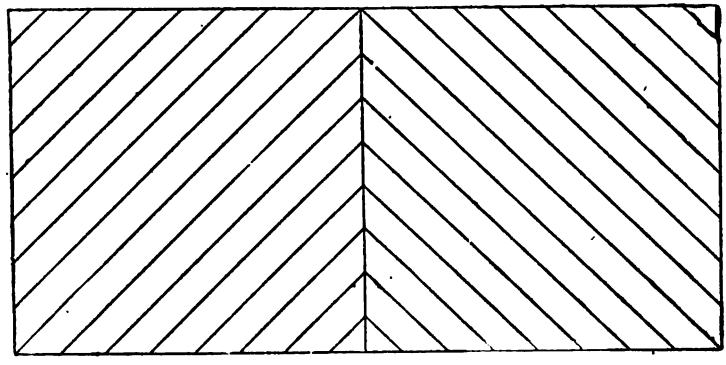


Рис. 54-й. (См. стр. 177-ю).

Digitized by Google

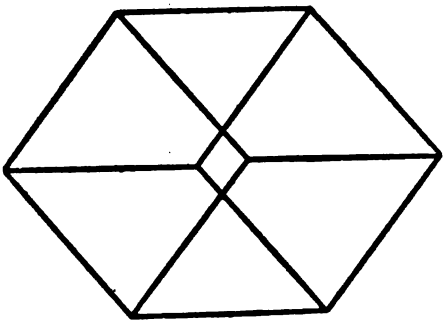


Рис. 55-й. (См. стр. 184-ю).

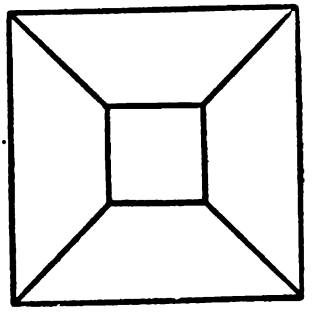


Рис. 56-й. (См. стр. 184-ю).

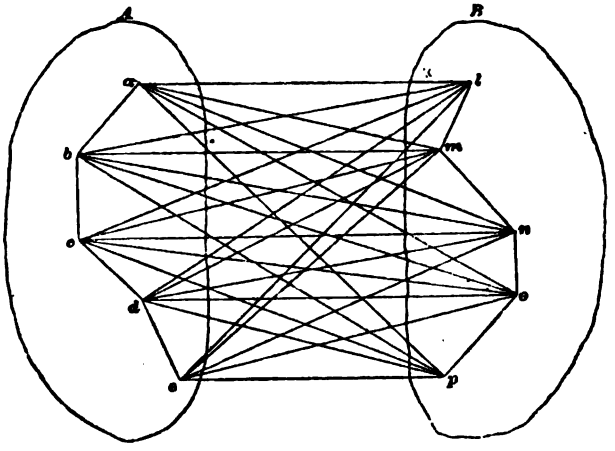


Рис. 57-й. (См. стр. 205-ю).

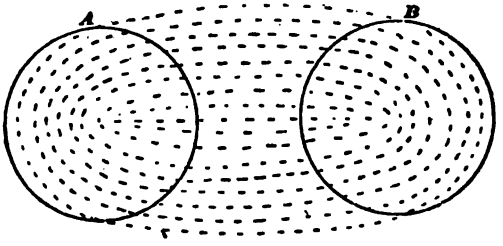


Рис. 58-й. (См. стр. 213-ю).

Digitized by Google

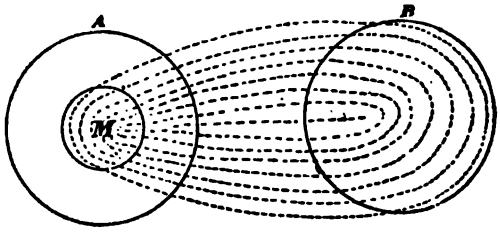


Рис. 59-й. (См. стр. 213-ю).

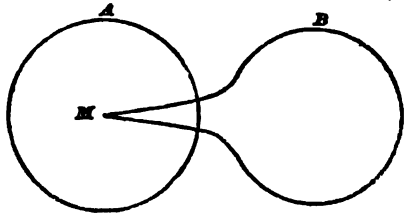


Рис. 60-й. (См. стр. 213-ю).

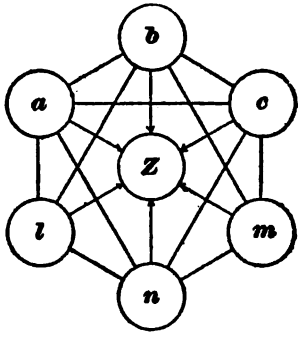


Рис. 61-й. (См. стр. 217-ю).

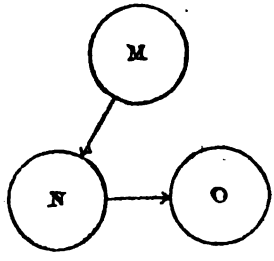


Рис. 62-й. (См. стр. 231-ю).

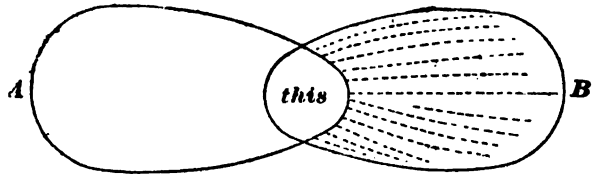


Рис. 63-й. This=«это». (См. стр. 254-ю).

Digitized by Google

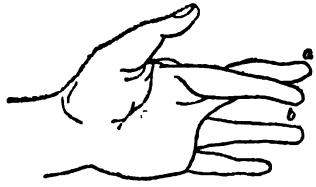


Рис. 64-й. (См. стр. 255-ю).

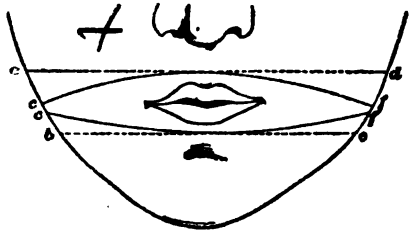


Рис. 65-й. (По Веберу) Пунктирныя линіи означаютъ дѣйствительный путь, сплошныя—кажущійся. (См. стр. 272-ю).

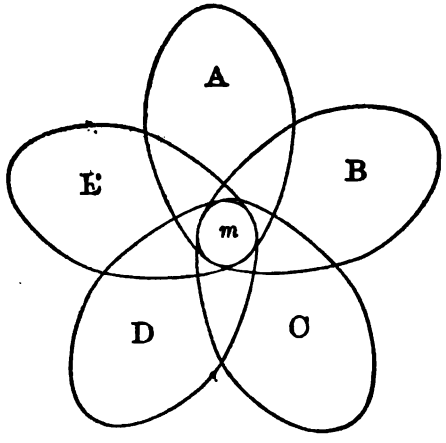


Рис. 66-й. (См. стр. 299-ю).

Digitized by Google

Digitized by Google

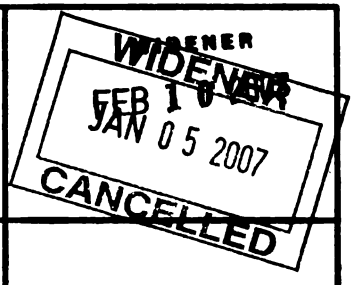
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

WIDENER LIBRARY
Harvard College, Cambridge, MA 02138: (617) 495-2413

If the item is recalled, the borrower will be notified of the need for an earlier return. (Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.)



Thank you for helping us to preserve our collection!

Digitized by Google